This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

77- A
206-23/6 - 7
52

У стѣнъ недвижнаго Китая

Тяньцзинъ
Пекинъ
Мукденъ

У стѣнъ недвижнаго Китая

Дневникъ корреспондента „Новаго Края“ на театрѣ военныхъ дѣ
въ Китаѣ въ 1900 году

Дмитрія Янчевецкаго

100 портретовъ, 250 рисунковъ-фотографій, 8 фототипій, 2 хромолитографіи и
7 рисунковъ художника І. Смукровича

Изданіе П. А. Артемьева

С.-Петербургъ — Портъ-Артуръ

Книга напечатана въ *Типографіи Товарищества Художественной Печати*
(С.-Петербургъ, Англійскій просп., 28).

Фототипіи и хромолитографіи исполнены тамъ-же.

Цинкографическія клише исполнены въ графическихъ заведеніяхъ
Альфонса Брукмана въ *Мюнхенѣ*
Вильяма Гейнемана въ *Лондонѣ*
С. М. Прокудина-Горскаго въ *С.-Петербургѣ*.

Рисунокъ обложки исполненъ китайцемъ-художникомъ *Луань*
въ *Портъ-Артурѣ*.

Войска Бѣлаго Царя въ столицѣ Богдыхана 15 Августа 1900 г.

Подъемъ Русскаго Андреевскаго флага
въ Шанхайгуанѣ въ 1900 г.

Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми
до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ
до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?

Пушкинъ 1831 г.

Наши казаки у Великой Китайской стѣны.

Отъ издателя

Императоръ Петръ Великій, основавъ С.-Петербургъ у береговъ Балтійскаго моря, прорубилъ для Россіи окно въ Европу и далъ ей выходъ на просторъ Атлантическаго океана, но проникновенный взоръ Великаго Преобразователя уже тогда устремлялся на Востокъ.

Въ царствованіе Государя Императора Николая II Россія открыла себѣ широкія двери и на Востокъ къ Тихому океану—занятіемъ Портъ-Артура, на берегахъ Желтаго моря, въ 1898 году.

Постройка Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и Маньчжурской желѣзной дороги сковала Портъ-Артуръ съ Петербургомъ непрерывной цѣпью рельсъ и, соединивъ берега двухъ океановъ, положила начало новой исторіи для Восточной Россіи и Сѣвернаго Китая.

Не успѣли русскіе устроить свою новую колонію на Квантунѣ, какъ неожиданно грянуло возстаніе боксеровъ, потрясшее весь Сѣверъ Китая и Маньчжурію, и русскія войска впервые появились „у стѣнъ недвижнаго Китая"—въ Таку, Тяньцзинѣ, Пекинѣ и Мукденѣ.

Въ книгѣ „У стѣнъ недвижнаго Китая" авторъ даетъ, въ большинствѣ случаевъ какъ очевидецъ, описаніе военныхъ дѣйствій русскихъ и союзныхъ войскъ, спасавшихъ европейцевъ изъ очага возстанія боксеровъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ изданіи нашли себѣ мѣсто живыя картины: штурма фортовъ Таку, экспедиціи адмирала Сеймура, эпопеи Тяньцзинской осады, соединеннаго похода международныхъ войскъ на Пекинъ, завершившагося занятіемъ столицы Богдыхана, при штурмѣ которой авторъ былъ проводникомъ рускаго передового отряда.

Для усмиренія Маньчжуріи и спасенія Маньчжурской желѣзной дороги Россія была вынуждена занять своими войсками Маньчжурію и ея столицу—Мукденъ.

Въ книгѣ дано описаніе похода на Мукденъ и изложены первые труды русскихъ по возстановленію въ Маньчжуріи порядка, законности и спокойствія.

Спѣшно написанныя при боевой обстановкѣ отрывочныя кореспонденціи, помѣщенныя въ 1900 году на страницахъ „Новаго Края", приведены нынѣ авторомъ въ стройную систему: путемъ введенія вновь написанныхъ главъ установлена связь событій, самыя же событія получили должное освѣщеніе. Такимъ образомъ передъ читающей публикой впервые появляется законченный историческій очеркъ событій боксерскаго возстанія въ Китаѣ съ момента ихъ возникновенія и со всѣми ихъ послѣдствіями для Россіи до настоящаго времени.

Мы почти не знаемъ, что дѣлается за многовѣковыми стѣнами издавна уединившагося и нынѣ растревоженнаго Европою Китая. А между тѣмъ изъ всѣхъ государствъ, граничащихъ съ Россіею, Китай является нашимъ главнымъ и древнѣйшимъ сосѣдомъ: мы имѣемъ общую пограничную линію на протяженіи 9000 верстъ отъ Ташкента до Владивостока. Добрыя отношенія между Россіей и Китаемъ, 200 лѣтъ не омрачавшіяся ни одною войною, съ каждымъ днемъ становятся болѣе тѣсными, разнообразными и сложными. Будемъ надѣяться, что эти связи останутся неизмѣнно дружественными для блага обоихъ великихъ сосѣднихъ народовъ.

П. А. Артемьевъ

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первая часть—Тяньцзинъ

1. Балъ въ Портъ-Артурѣ . . . . . 1—8
14 мая 1900 г.—Балъ на берегахъ Тихаго океана.—Дипломатъ и китаецъ.—Тревожныя вѣсти.—Первый десантъ.—Экстренная командировка кореспондента.

2. Таку . . . . . 9—22
22 мая.—На „Гайдамакѣ".—Международная эскадра.—На „Сисоѣ Великомъ".—У адм. Веселаго.—Лейт. Бураковъ.—Утро эскадры.—На буксирѣ.

3. Пэйхо . . . . . 23—28
23 мая.—Китайская Нева.—Тонку.—На „Корейцѣ".—Лейт. Деденевъ.—Вверхъ по Пэйхо.—Съ десантомъ.

4. Тяньцзинъ . . . . . 29—37
24 мая.—Капит. Нечволодовъ.—Встрѣча.—Въ гостинницѣ.—Европейскія концессіи.—Полк. Вогакъ.—Боксеры.—Опасное положеніе.

5. Русскіе и иностранцы въ Тяньцзинѣ . . . . . 38—46
Русскія дамы.—Е. А. Воронова.—Китайскій языкъ у дамъ.—Пор. Блонскій.—Русская колонія.—Джентльмены.—Офиссы.—Спортъ.—Консулъ Шуйскій.

6. У китайскаго генерала Гу . . . . . 47—50
Вѣсти изъ Пекина.—Мандаринъ о мандаринахъ.

7. Въ Русско-китайскомъ училищѣ . . . . . 51—55
В. Ф. Гроссе. — Преподав. Любомудровъ. — Китайскіе ученики.—Боксерское объявленіе.

8. Въ „Лучезарномъ теремѣ" . . . . . 56—60
Леонидъ Ивановичъ Ліу.—Въ китайскомъ ресторанѣ.—Китайскія войска.—Исторія боксеровъ.—Ихэтуань.

9. Въ Пекинѣ . . . . . 61—67
Письмо французскаго епископа Фавье.— Донесеніе англійскаго посланника Макдональда. — Убійство англійскихъ миссіонеровъ. — Указъ Богдыхана. — Экстренныя мѣры китайскаго правительства. — Въ защиту родины.

10. Вооружонная колонія . . . . . 68—76
Вооружонный Тяньцзинъ. — Волонтеры.—Французское консульство.—Франко-русскій штабъ.—Консулъ и военный.—Засѣданіе консуловъ и командировъ.—Полковникъ Вогакъ и консулъ Дюшэйляръ.—Оборона концессій.—Чудесные ихэтуанцы.—Возлюбленные сыны престола.

11. Выступленіе экспедиціи адмирала Сэймура . . 77—80
Международный отрядъ.—Русскіе.—Слишкомъ много англичанъ.—Адмиралъ Сэймуръ.—Капитанъ 2 р. Чагинъ.—Предсказаніе русскаго офицера.

12. Отрядъ полковника Анисимова. . . . . 81—90
Высочайшее повелѣніе.— 12-ый В. С. С. полкъ.— Рѣчь адмирала Алексѣева.—Въ походъ.—Въ Тяньцзинѣ на вокзалѣ.—Китайскіе солдаты.—Друзья-враги.—Прибытіе русскаго полка.—Полковникъ Анисимовъ.

13. Передъ грозой . . . . . 91—96
Русскій лагерь.—Грозовая туча.—Тяньцзинъ пустѣетъ.—Царство Робинзоновъ.—Обѣдъ у М. Д. Батуева.—Тревога.

14. Въ кумирнѣ „Духа огня“ . . . . . 97—104
Хо Шэнь Мяо.—Ночное собраніе боксеровъ въ кумирнѣ.—Рѣчь предводителя Чжаня.—Отмщеніе настало.—Огненный Духъ спустился. — Ша янгуйцзы. — Сожженіе католическаго собора. — Великій Лаоцзы.

15. Первое нападеніе боксеровъ . . . . . 105—114
2 іюня. — Нападеніе боксеровъ на вокзалъ. — Первая граната. — Гибель храбраго Шифу.—У начальника китайскаго телеграфа.—Полукитаецъ.—Плѣнные боксеры.—Казаки Верхнеудинцы.

16. Военный совѣтъ . . . . . 115—119
Совѣщаніе командировъ.—Развѣдка подполк. Самойлова.—По постамъ.—Все спокойно.—Среди пожарищъ.

17. Осажденный городъ . . . . . 120—131
4 іюня.—Международный саперный отрядъ.—Неудачное бѣгство дамъ.—Радостная вѣсть изъ Таку.—На выручку саперъ.—Первая перестрѣлка.—Первый убитый.—Война началась.—Коректный англичанинъ.—Кореспондентъ раненъ.—Война или шутка?—Отступленіе.—Во французскомъ госпиталѣ.

18. Тяжолый день . . . . . 132—138
5 іюня. — 4 офицера ранены. — На выручку кап. Гембицкаго.—Неудача.—Вокзалъ въ опасности.—Подполк. Ширинскій.—Возвращеніе полк. Анисимова.—Инженеръ-механикъ Щанкинъ.—114 раненыхъ и убитыхъ.

19. Первыя жертвы 139- 142
6 іюня.—Потери англичанъ.—Осажденный гарнизонъ.—Мало патроновъ. — Подпор. Зіолковскій убитъ.—Поѣздка 3 казаковъ и англичанина Вотса.

20. Подъ гранатами . . . . . 143—148
7 іюня. — Сестра Люси Пюи-Мутрэйль. — Канонада города. — Рекогносцировка казаковъ.—Сотникъ Григорьевъ.—Схватка съ боксерами.—Поручикъ Архиповъ убитъ.

21. Среди шпіоновъ. . . . . 149—154
8 іюня. — Китайцы-шпіоны. — Догадливый стрѣлокъ. — Капит. Васильевъ смертельно раненъ. — Погребеніе. — Шт.-кап. Францкевичъ убитъ.—На китайскій счотъ.

22. Послѣднія усилія . . . . . 155—166
Во французскомъ госпиталѣ.—Среди офицеровъ.—Нервный докторъ.—Неуязвимый адъютантъ.—Сестра Люси.—Безъ крова.—Докторъ Зароастровъ.—Сестра Габріела.—Среди пожаровъ и гранатъ.

23. Освобождены . . . . . 167—169
9 іюня. — Китайцы замолчали.—10 іюня. — Прибытіе отряда ген. Стесселя.—Освобождены.

24. Штурмъ фортовъ Таку. . . . . 170—185
3 іюня. — Въ Таку. — Ультиматумъ адмираловъ. — Совѣтъ командировъ лодокъ.—Первый снарядъ.—Боевая тревога.—Горячій бой.—„Ильтисъ“ разбитъ.—Пожаръ на „Лионѣ“.—Взрывъ на „Гилякѣ“.—

Лейт. Титовъ.—На „Корейцѣ".—Лейт. Бураковъ убитъ.—Лейт. Деденевъ смертельно раненъ.—Международный десантъ.—Рота Станкевича.—Самоубійство китайскаго коменданта Ло.

25. Царскій привѣтъ 186

Телеграмма и отзывъ Государя Императора.

26. Отрядъ генерала Стесселя . . . . . 187—191

Новыя войска изъ Портъ-Артура.—Отрядъ подполк. Савицкаго.—Отступленіе.—Отрядъ ген. Стесселя.—Освобожденіе кап. Гембицкаго.—Соединеніе съ отрядомъ полк. Анисимова.—Союзныя силы въ Тяньцзинѣ.—Освобожденіе отряда адм. Сэймура.

27. Экспедиція адмирала Сэймура . . . . . 192—204

Опять раны и муки.—Русскій морской десантъ.—Станція Ланфанъ.—Столкновеніе съ китайскими войсками.—5 іюня.—Первый бой.—Отступленіе всего отряда.—По рѣкѣ Пэйхо.—Нѣтъ продовольствія.—Подъ Тяньцзиномъ.—Арсеналъ Сику.—238 раненыхъ.—Письмо адмирала Сэймура.

28. Восточный арсеналъ . . . . . 205—208

14 іюня.—Тяньцзинскій Восточный арсеналъ.—Русскіе и союзники.—Кап. Полторацкій.—Рота безъ сапогъ.—Русскій трофей.

29. Докладъ губернаторовъ Южнаго Китая . . 209—211

Южный Китай.—Докладъ вице-королей.—Боксеры заслуживаютъ только казни.—Государство на краю гибели.

30. Франко-русскій госпиталь . . . . . 212—216

Франко-русскій союзъ.—Французы.—Доктора.—Сестры монахини и братья монахи.—Миссіонеры.—Монахъ Фаустъ и русскій раненый солдатъ.

31. Русскій докторъ . . . . . 217—221

Докторъ Куковѣровъ.—Шальныя пули.—Раненые японцы.—Аннамиты.—Французы.—Забытый американецъ.

32. Среди друзей . . . . . 222—227

Наши друзья французы.—Во время отдыха.—Раненый накрестъ.—Хирургическіе инструменты притупились.—Храбрая сестра Люси и итальянецъ парикмахеръ.—Ночью въ госпиталѣ.—Солдатъ безъ ноги и сестра Люси.

33. Мѣткія гранаты . . . . . 228—230

Гранаты въ госпиталѣ.—Смѣлый мичманъ Глазенапъ.—Спасшаяся сестра Іоанна.

34. Перерывъ . . . . . 231—235

Перестрѣлка.—Въ окрестностяхъ Тяньцзина.—Первый транспортъ раненыхъ.—Вылазки и развѣдки.—Славное дѣло мичмана Глазенапа, матросовъ и хлѣбопековъ.—Наши потери.

35. Пріѣздъ адмирала Алексѣева . . . . . 236—242

Передача желѣзной дороги русскимъ.—Пріѣздъ адмирала Алексѣева въ Тяньцзинъ.—Дружественныя отношенія съ японцами.—Нѣтъ общаго плана дѣйствій.—Торговые интересы.—Устраненіе консуловъ.—Труды русскихъ.—Общее руководство переходитъ къ адм. Алексѣеву.—Удачные переговоры.

36. Разгромъ . . . . . 243—248

Разгромъ Тяньцзина.—Печальное зрѣлище.—Китаецъ, спасающій свою мать.—Русскій дипломатъ И. Я. Коростовецъ.

37. Въ Русскомъ лагерѣ. . . . . 249—250

Русскій лагерь.—Полковое собраніе въ шалашѣ.—Встрѣча товарищей.

38. Въ Восточномъ арсеналѣ . . . . . 251—257
Брошенный арсеналъ.—Милліонное сооруженіе.—Артилерійское состязаніе.—„Дядя Томъ“ изъ Трансвааля.—Китайскія силы.—Наканунѣ боя.—Секретъ.—Неожиданный огонь.

39. Въ Китайскомъ лагерѣ . . . . . 258—267
Китайскій лагерь ночью.—Китайцы доктора.—Генералъ Нѣ Ши Ченъ.—Цивилизованные варвары.—Жадные иностранцы.—Бунтъ въ лагерѣ.—Схватка солдатъ съ боксерами.—Генералъ Нѣ и предводитель боксеровъ Чжань.—Убійство Чжаня.

40. Международное сраженіе 30 Іюня. . . . . 268—271
30 іюня.—Трудная задача русскихъ.—Диспозиція боя.

41. Ночная переправа . . . . . 272—277
Перевозка переправы.—Ночной походъ.—Переправа черезъ Лутайскій каналъ.—Допросъ захваченныхъ китайцевъ.—Затрудненіе.—Общее наступленіе.

42. Въ демонстративной колоннѣ . . . . . 278—281
Колонна полк. Антюкова.—Подъ убійственнымъ огнемъ.—Штабсъ-кап. Комендантовъ смертельно раненъ. — Всѣ позиціи китайцевъ взяты.

43. Въ правой колоннѣ . . . . . 282—287
Колонна Анисимова и авангардъ Ширинскаго.—Взрывъ порохового погреба.—Отчаянная атака.—Побѣда.

44. Среди розъ и гранатъ . . . . . 288—291
Шрапнели и гранаты.—На огородѣ китайца.—Страхъ.—Стрѣлокъ и огурцы.—Послѣдній огонь.

45. Атака союзниковъ. . . . . 292—295
Наступленіе союзниковъ.—Жестокій огонь китайцевъ.—Японскій ген. Фукушима.—882 раненыхъ и убитыхъ.—Русскіе и союзники.

46. Паденіе Тяньцзина . . . . . 296—300
1 іюля. — Развѣдка шт.-кап. Полторацкаго и кап. Болховитинова.—Осада снята. — Завоеванный городъ. — Побѣжденные.—Бѣлые флаги.—Чорный фортъ.

47. Завоеванные и завоеватели. . . . . 301—305
Тяньцзинъ оживаетъ.—Грабежи и насилія.—Завоеватели.

48. Временное управленіе въ Тяньцзинѣ. . . . . 306—309
Адмир. Алексѣевъ.—Два засѣданія иностранныхъ командировъ.—Положеніе объ управленіи Тяньцзиномъ.—Полковникъ Вогакъ—первый русскій губернаторъ.

49. Русская желѣзная дорога. . . . . 310—315
Труды 1-го Уссурійскаго жел. дор. баталіона. — Полковн. Келлеръ. — Возстановленіе пути. — Правильное движеніе. — Перевозка союзниковъ.

50. Русскій госпиталь въ Тонку. . . . . 316—322
Тонку.—Полевой запасной № 3 госпиталь.—Наблюденія доктора Куковѣрова.—Русскія женщины.—Сестра Образцова.

51. Русскій уголокъ. . . . . 323—325
Русскій уголокъ въ Тонку.—Адмиралъ Веселаго и адм. Гильтебрандтъ.

52. Кореспонденты въ Тяньцзинѣ . . . . . 326—330
Англійскіе кореспонденты Скоттъ Крэнстонъ и Сэведжъ Лэндоръ. — Редакторъ „Новаго Края“ подполк. П. А. Артемьевъ. — Англичане.

53. Затишье. . . . . . 332—333
Затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ.—Развѣдки русскихъ и японцевъ.—Казакъ Раменскій въ китайскомъ лагерѣ.—Русскія дамы изъ Портъ-Артура.

Вторая часть—Пекинъ

54. Китайская смута. . . . . . 337—347
События въ Пекинѣ.—Указъ Богдыхана.—Объявленіе войны всѣмъ державамъ.—Награды за боевыя отличія.—Новые свѣточи христіанства.—Расколъ въ китайскомъ правительствѣ.—Казненные министры.—Югъ Китая спокоенъ.—Законное китайское правительство на сторонѣ боксеровъ.

55. Гонцы изъ Пекина. . . . . . 348—351
Вѣсти отъ осажденныхъ въ Пекинѣ.—Гонцы-китайцы.

56. Пріѣздъ генерала Линевича. . . . . . 352—355
Генералъ Линевичъ.—Совѣщаніе союзныхъ командировъ въ Тяньцзинѣ.

57. Въ походъ на Пекинъ. . . . . . 356—360
22 іюля.—Выступленіе въ походъ на Пекинъ.—Гроза.—Неудачи кореспондента.—На поляхъ Тяньцзина.—Разныя племена и вѣры.—Свобода Китая.

58. Бэйцанъ. . . . . . 361—367
23 іюля.—Наводненіе.—Отступленіе международнаго отряда.—Русско-французскія батареи.—Стремительность и отвага японцевъ.—Войска союзныхъ націй.

59. Въ захваченномъ лагерѣ. . . . . . 368—373
У 5-го моста.—Полк. Модль.—Храбрые бенгалы и неожиданныя гранаты.—Кап. Горскій.—Русскіе повсюду.—Въ захваченномъ Бэйцанѣ.—Лагерь англичанъ, американцевъ и французовъ.—Лагерь японцевъ.—Лагерь русскихъ.

60. Янцунь. . . . . . 374—381
24 іюля.—Преслѣдованіе китайцевъ по пятамъ.—Брошенный солдатъ.—Развѣдка казаковъ.—Передовой отрядъ полковн. Модля.—Стрѣльба союзниковъ по союзникамъ.—Бездѣйствующіе сипаи.—Пор. Пироговъ убитъ.—Подполк. Высоцкій тяжело раненъ.—Раненый китайскій солдатъ.—Погребеніе павшихъ.—Въ гостяхъ у китайца.

61. Въ „Тополевой деревнѣ". . . . . . 382—385
Лэй Яо Пинъ.—Тополевая деревня.—Войска отдыхаютъ.

62. Наньцайцунь. . . . . . 386—388
26 іюля.—Снова въ походъ.—Японцы, русскіе, англо-индійцы и американцы.

63. Хэсиву. . . . . . 390—393
27 іюля.—Китайцы бѣгутъ въ безпорядкѣ.—Русско-японскій кавалерійскій отрядъ.—Опять бенгалы.

64. Матоу. . . . . . 394—398
28 іюля.—Дальше въ походъ.—Палящій зной.—Невыносливость японцевъ.—Растянутый отрядъ.—Цѣльность и стройность русскаго отряда.

65. Чжанцзявань. . . . . . **399—401**
29 іюля.—Перестрѣлка.—Затрудненія кореспондента.—Плѣнный китаецъ.

66. Тунчжоу. . . . . . **402—405**
30 іюля.—Японцы ворвались въ Тунчжоу.—Японскіе обозы и батареи.—Рекогносцировка ген. Василевскаго.—Дорога на Пекинъ свободна.

67. Послѣдняя развѣдка. . . . . . **406—411**
31 іюля.—Развѣдка русскихъ и японцевъ.—Нѣтъ картъ.—Разговоръ съ японскимъ офицеромъ.—Развѣдка кап. Карликова и кореспондента.—Передъ столицей Китая.—Передъ воротами.—Муки кореспондента.

68. Отрядъ генерала Василевскаго. . . . . . **412—422**
Рекогносцировочный отрядъ ген. Василевскаго.—Кап. Горскій.—У Пекина.—Неудача охотниковъ.—Китайская застава.—Подпор. Феоктистовъ раненъ.—Весь отрядъ впередъ.—Кап. Горскій у воротъ Пекина.—Китайскіе часовые переколоты.—Шт.-кап. Петровъ и поруч. Ивановъ пробиваютъ ворота.—Ворота взяты.—Неудача артилеристовъ.—Богдыханъ бѣжалъ.—Фельдфебель Якименко.—Роковая башня.

69. Штурмъ Пекина. . . . . . **423—435**
1 августа.—Ген. Линевичъ наступаетъ со всѣми силами.—Полк. Антюковъ убитъ.—Ген. Василевскій раненъ.—На стѣнѣ Пекина.—Русскіе и японцы штурмуютъ Пекинъ.—Американцы.—Англичане пробираются въ посольства.—Неустрашимые солдаты Дунъ Фу Сяна.—Посольства освобождены.—Ген. Линевичъ въ русской миссіи.—Всѣ осажденные цѣлы.—Русскіе и японцы.

70. Въ освобожденной столицѣ. . . . . . **436—445**
Исторія Пекина.—Чжу Жу Чэнь Сы.—2 августа.—Американцы бомбардируютъ дворцы.—Франко-русскій отрядъ.—Освобожденіе Бэйтана.—Наканунѣ.—По кровавымъ слѣдамъ.—Лазейка англичанъ.

71. Въ Русской миссіи. . . . . . **446—452**
Освобожденные.—Жертвы осады.—Предусмотрительные японцы.—Первые освободители посольствъ.—Встрѣча освободителей съ освобожденными.—Изгнаніе кореспондента.

72. Гора „Десяти тысячъ вѣковъ“. . . . . . **453—462**
6 августа.—Отрядъ подполк. Илинскаго.—Ваньшоушань.—Гора „Десяти тысячъ вѣковъ“ и „Всесвѣтлое озеро“.—Андреевскій флагъ на башнѣ.—Сказочные дворцы богдыханши.

73. Царское спасибо. **463**
Телеграмма Государя Императора.

74. Во дворцахъ Богдыхана. . . . . . **464—470**
15 августа.—Торжественное шествіе союзныхъ войскъ черезъ императорскіе дворцы.—Войска восьми націй.—Союзники привѣтствуютъ русскія войска.—Европейцы впервые во дворцахъ Богдыхана.—Святилище Китая.—Великія державы въ Азіи.

75. Въ заповѣдныхъ рощахъ. . . . . . **472—478**
Пріѣздъ въ Пекинъ адм. Алексѣева.—25 августа.—Смотръ русскимъ войскамъ.—Русскій кварталъ въ Пекинѣ.—Разгромъ столицы.

76. Бэйтанъ. . . . . . **479—485**
7 сентября.—Возвращеніе изъ Пекина.—Храбрый комендантъ Ли.—Ночной походъ ген. Церпицкаго по фугасамъ.—Подполк. Тохатэловъ.—Штурмъ Бэйтана.—Орудійный бой.—Бѣгство китайцевъ.—Невинныя жертвы.

77. Лутай . . . . . 486—487
8 сентября.—Въ погоню за китайцами.—Пустыня.—Занятіе Лутая.

78. Ли Хунъ Чжанъ . . . . . 488—494
Сынъ бѣднаго селянина.—Молодой академикъ.—Усмиреніе тайпиновъ.—Полководецъ.—Нанкинскій вице-король.—Администраторъ.—Финансистъ.—Война съ Японіей.—Ли Хунъ Чжанъ въ Москвѣ.—Кантонскій вице-король.—Дипломатъ.—Другъ Россіи.

79. У канцлера Китайской имперіи . . . . . 495—499
9 сентября.—У Ли Хунъ Чжана.—Великій старецъ.—Бесѣда.—Надежды Ли Хунъ Чжана.—Германцы.

80. Сорокъ лѣтъ назадъ . . . . . 500—504
1860 годъ.—Война Англіи и Франціи съ Китаемъ.—Посредничество гр. Н. П. Игнатьева.—Успѣхи его политики.—Задачи русской политики въ Китаѣ.

Третья часть-Мукденъ

81. Въ Южной Маньчжуріи . . . . . 507—510
22 іюля.—Портъ Инкоу.—Тревожное положеніе.—Иностранцы просятъ русскаго консула о занятіи Инкоу Россіей.

82. Занятіе Инкоу Россіей . . . . . 511—514
Прокламація объ истребленіи иностранцевъ.—Цѣна русской головы.—Хлопоты японцевъ.—Инкоу занятъ Россіей.—Пріѣздъ адм. Алексѣева.

83. Русское градоначальство въ Инкоу . . . . 515—524
Русскій флагъ надъ англо-китайской таможней.—Тревоги англичанъ.—Удачные переговоры.—Учрежденіе русскаго градоначальства въ договорномъ портѣ.—Русская таможня.—Русскіе дѣятели въ Инкоу.—Изслѣдованіе и охрана рѣки Ляохэ.—Лейт. Козляниновъ.—Милліонный портъ.—Ключъ въ Маньчжурію.

84. Тонку - Шанхайгуань . . . . . 525—531
Комендантъ Таку адм. Веселаго.—Въ тылу международной арміи. Въ устьѣ Пэйхо.—Отрядъ генер. Церпицкаго.—Сдача Шанхайгуаня русскому генералу.—Совѣтъ адмираловъ и дѣйствія англичанъ.—Занятіе Шанхайгуаня.—Русская желѣзнодорожная линія Портъ-Артуръ—Янцунь.—Пекинъ—Петербургъ.

85. Походъ на Мукденъ . . . . . 532—536
Возстаніе въ Маньчжуріи.—Разрушеніе дороги и отступленіе инженеровъ.—Благовѣщенскъ.—Айгунь.—Усмиреніе Сѣв. Маньчжуріи.—Походъ на Мукденъ.—Два приказа ген. Суботича.

86. Отрядъ генерала Суботича . . . . . 537—540
Южно-Маньчжурскій отрядъ.—Пріѣздъ генер. Суботича въ Хайченъ.—Выступленіе въ походъ.—Ген. Флейшеръ занимаетъ Ньючжуанъ.

87. Аньшаньчжань . . . . . 541—544
13 сентября.—Сѣдельныя горы Аньшань.—Обходное движеніе генер. Флейшера.—Китайцы отдаютъ свои позиціи.—Шт.-кап. Страховъ смертельно раненъ.

88. Бой при Шахэ . . . . . 545—554
14 сентября.—Отрядъ полк. Мищенки.—Подъ перекрестнымъ огнемъ.—Завтракъ подъ гранатами.—Стойкость китайцевъ.—Храбрый

черноморцевъ [illegible] — Орудійная батарея — Отрядъ Кр. Креста С. П. Б. [illegible] — Неустрашимость сестры милосердія. — Наши [illegible]

89. Ляоянъ . . . . 555—558

[illegible] сентября [illegible] Англійскій [illegible] Бествотеръ. — [illegible] китайцевъ [illegible] Байтацу. — Деревни разграблены [illegible] солдатами. — Письмо изъ Мукдена.

90. Мукденъ . . . . 559—560

[illegible] — Казаки въ Мук[illegible] [illegible] Артамонова — [illegible] въ Мукденъ — 21 сентября — [illegible]

91. По Маньчжурской желѣзной дорогѣ . . . . 562—568

[illegible] — Воинственный городъ — [illegible] Маньчжурской дороги. — [illegible] Дальній — Ланьчжоу [illegible] — 24 верстъ. — [illegible]

92. Охлянники . . . . 569—573

[illegible] Полкъ Мищенко [illegible] Страховъ [illegible] за хунхузами.

93. Въ тылу . . . . 574—587

[illegible] обезглавленныхъ. — [illegible] мира. — Раненые китайцы [illegible] сентября — [illegible] осадной [illegible] Маньчжуріи — [illegible] Цухры. техники [illegible] отдѣленіе изъ Ляояна отряда [illegible] инженеръ Верховскаго [illegible] возвращен[illegible]

94. Послѣдній переходъ . . . . 588—593

[illegible] спокойствіе — Поѣздка [illegible] отдѣленія Маньчжурской [illegible]

95. Въ Священной столицѣ . . . . 594—602

[illegible] лейт. Субботичъ — [illegible] страны — Благовѣщ[illegible] Кресты и китайцы.

96. Поход[illegible] . . . . 603—6[illegible]

[illegible] между [illegible] Штакельбергъ — [illegible] Экспедиція [illegible] — Походъ генераловъ [illegible] Россіи [illegible]

97. Перемиріе . . . . 6[illegible]—618

[illegible] адмиралъ Алексѣевъ [illegible] Субботичъ — Китайск[illegible] временная военная [illegible]

Отъ автора

Широкое содѣйствіе, оказанное моему труду Главнымъ ачальникомъ Квантунской области Генералъ-Адъютантомъ Е. И. лексѣевымъ, дало возможность этой книгѣ появиться на свѣтъ ъ томъ видѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она была заду-ана авторомъ, желавшимъ дать описаніе блестящей дѣятель-ости русскихъ на Дальнемъ Востокѣ въ пору испытаній.

Два образованнѣйшихъ ки-айца — компрадоръ Русско - Ки-айскаго банка въ Портъ-Артурѣ Фонъ Вай Хинъ и г. Ливачанъ, полнѣ сочувствуя изданію книги, аписанной въ духѣ вѣковой рус-ко - китайской дружбы, оказали едрую матеріальную поддержку ъ самомъ началѣ изданія.

Иванъ Михайловичъ Фонъ Вай Хинъ.

Слѣдующія лица любезно пре-оставили въ распоряженіе авто-а свои колекціи фотографій, сня-ыхъ во время военныхъ дѣйствій ъ Китаѣ: докторъ И. В. Пад-евскій, сестра милосердія Люси Юи - Мутрэйль, подполковникъ 1-го В. С. С. полка Муравьевъ, отографъ В. С. Мацкевичъ, ка-итанъ Мошинскій, поручикъ Лю-овъ, лейтенантъ Родіоновъ, лей-енантъ Бурхановскій, консулъ . Н. Островерховъ, вице-консулъ І. Г. Тидеманъ, инженеръ В. К. Якобсонъ, Н. К. Эльтековъ и др.,—которымъ авторъ выражаетъ лубокую благодарность.

Изъ всѣхъ книгъ, посвященныхъ иностранными авторами ки-айской войнѣ 1900 года, выдающимся явилось сочиненіе англій-каго кореспондента Генри Сэвэджъ - Лэндора „China and the Allies", роскошно изданное въ Лондонѣ и дающее наиболѣе точную безпристрастную хронику событій. Для русскихъ читателей эта нига интересна тѣмъ, что ея авторъ подробно и весьма сочув-венно описываетъ труды и значеніе русскихъ въ этой войнѣ.

Съ любезнаго согласія г. Ліндора наиболѣе интересныя илюстраціи его изданія помѣщены также въ моей книгѣ.

Въ русской литературѣ появились обстоятельныя сочиненія капитана А. В. Полторацкаго, капитана К. К. Кушакова, ротмистра Ю. Л. Ельца, доктора В. Н. Корсакова и—замѣчательный трудъ молодого профессора Владивостокскаго Института Восточныхъ языковъ А. В. Руданова „Общество Ихэтуань", представляющій не только въ Россіи, но и заграницей первое научное изслѣдованіе вопроса о боксерахъ въ Китаѣ. Указанныя сочиненія послужили мнѣ матеріалами при обработкѣ моего дневника.

Книга „У стѣнъ недвижнаго Китая" не лишена многихъ пробѣловъ и недочетовъ, за которые автора извинитъ китайское изреченіе:

„Въ книгѣ не скажешь всѣхъ словъ—
„Словами не скажешь всѣхъ мыслей.

Дмитрій Янчевецкій

С.-Петербургъ, 1902 г.

Владиміръ Александровичъ Ливачанъ.

Дѣятелямъ
вѣковой
Русско-Китайской
дружбы
Русскимъ и Китайцамъ

посвящается

эта книга

Первая часть

Тяньцзинь

Китайскій фортъ въ Тяньцзинѣ.

Цзуэнь цзуэнь бу сай
Аіу вэй цзянъ хо.
Инь инь бу мей
Янь янь най хо.

Если искру не потушить—
Она разгорится въ пожаръ.
Если ручей не остановить—
Онъ разольется въ море.

Конфуцій

Главный Начальникъ и Командующій войсками
Квантунской области и морскими силами Тихаго океана
Генералъ-Адъютантъ
Вице-Адмиралъ
Е. И. Алексѣевъ

EX ORIENTE LUX

Балъ въ Портъ-Артурѣ

14 Мая 1900 года

, воскресеніе 14 мая 1900 г. Вице-Адмиралъ Евгеній Ивановичъ Алексѣевъ, за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ вступ въ управленіе Квантунскою областью и командованіе вой эскадрою, давалъ первый балъ портартурскому обществу. былъ чудный балъ на берегахъ Тихаго Океана... Моло красота, чины и заслуги Портъ-Артура, Дальняго и ана веселились въ живой панорамѣ туалетовъ всѣхъ цвѣ дуги, смѣющихся лицъ, пронизывающихъ взглядовъ и пре съ плечъ, въ волнахъ неумолкаемыхъ ласкающихъ звуковъ и въ лучахъ электрическихъ лилій...

Наши моряки.

Единственное украшеніе и утѣшеніе Квантуна—наши дамы явились въ нарядномъ убранствѣ, въ которомъ вкусъ спорилъ съ оригинальностью. Были показаны самыя послѣднія моды Парижа, для чего были опустошены всѣ магазины Артура. На элегантныхъ костюмахъ дамъ было, кажется, больше цвѣтовъ, чѣмъ растительности на всемъ

Портъ-Артуръ и Золотая гора.

Кромѣ того, главнымъ начальникомъ края были приглашены на балъ всѣ каютъ-компаніи и офицеры всѣхъ частей, съ ихъ супругами, представители гражданскихъ, городскихъ и комерческихъ учрежденій и др.

Залъ, гостиная и буфетъ блистали электричествомъ и оживленнымъ обществомъ. Были гости изъ другихъ городовъ. Между прочимъ, былъ талантливый гость изъ Кореи А. И. Павловъ, занимающій тамъ весьма отвѣтственный дипломатическій постъ и получившій первый закалъ еще на палубѣ русскаго военнаго корабля для несенія трудной службы въ горнилѣ Дальняго Востока.

Представительницей сосѣдняго съ Артуромъ города Чифу явилась прекрасная американка съ черными глазами, въ голубомъ платьѣ, пріятный цвѣтъ котораго былъ чище и нѣжнѣе волнъ Печилійскаго залива, доставившихъ эту гостью на балъ.

Мужчины всѣхъ формъ и родовъ оружія, включая нѣсколько меланхолическихъ фраковъ, говорили дамамъ остроумнѣйшія слова въ которыхъ было не меньше соли, чѣмъ въ Бицзывоскихъ соляныхъ варницахъ, и тончайшіе и деликатнѣйшіе комплименты, не уступая въ любезности самымъ ученымъ китайскимъ мандаринамъ, которые также не были забыты внимательнымъ хозяиномъ бала и присутствовали на балу во главѣ съ вновь пожалованнымъ китайскимъ генераломъ Тифонтаемъ, въ дорогихъ шелкахъ самыхъ удивительныхъ цвѣтовъ и узоровъ.

Былъ старшій механикъ Хо, старшина китайскихъ купцовъ Фанъ, компрадоръ Русско-Китайскаго банка Фонъ и др.

Хозяинъ праздника принималъ гостей съ искреннимъ радушіемъ русскаго боярина и никого не забывалъ своимъ вниманіемъ.

Молодежь танцовала съ увлеченіемъ.

Не танцующіе либо размѣстились въ гостиной и буфетѣ, гдѣ прохлаждающіе напитки, вино и шампанское лились тропическимъ ливнемъ, либо укрылись въ палаткѣ, растянутой въ саду за единственными вѣчно зелеными полями Квантуна—карточными.

Изъ зала, по искусственной галлереѣ изъ флаговъ, гости выходили въ фантастическій садъ, сверкавшій тысячами фонарей и электрическихъ лампочекъ, которыя причудливыми линіями извивались по аллеямъ, между цвѣтовъ, на деревьяхъ, отражались въ пруду и освѣщали уединенныя бесѣдки для уединенныхъ бесѣдъ. Чудно былъ иллюминованъ „гротъ нѣжныхъ вздоховъ и невольныхъ признаній“.

Тихая ночь, садъ, усыпанный звѣздами электрическихъ огней, гуляющія нарядныя пары, звуки музыки, разнообразное общество, общее оживленіе и веселье—все сливалось въ феерическую картину, которая происходила не въ окрестностяхъ Петербурга или Москвы, но въ 10,000 верстъ отъ нихъ, на концѣ пустыннаго и полудикаго Ляодунскаго полуострова, у волнъ Тихаго Океана.

На этомъ балу были получены тревожныя телеграммы изъ Пекина и Тяньцзина.

— Скажите, пожалуста, — обратился я къ одному молодому иностранному дипломату, бывшему проѣздомъ изъ Пекина,—что такое тамъ у васъ въ Китаѣ происходитъ? Около Пекина боксеры напали на китайцевъ-христіанъ и сожгли ихъ вмѣстѣ съ храмомъ. Въ Вэйхайвэѣ китайцы напали на англійскихъ офицеровъ и двухъ ранили. Что это значитъ?

— Это совершенно ничего не значитъ,—отвѣтилъ дипломатъ,— въ Китаѣ подобные безпорядки происходятъ каждый годъ въ какой-нибудь изъ провинцій, и если имъ придавать значеніе, то въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы оккупировать Китай и держать въ немъ международную армію въ нѣсколько милліоновъ штыковъ во всѣхъ городахъ. Нашъ дипломатическій корпусъ въ Пекинѣ никогда не обращаетъ никакого вниманія на всѣ эти возмущенія. Эти безпорядки въ порядкѣ вещей. Теперь въ Пекинѣ дипломаты гораздо болѣе интересуются любительскими спектаклями и весенними скачками. А посланники собираются выѣзжать на дачу въ Пэйтахо.

— Ну, а если событія усложнятся?—полюбопытствовалъ я.

— Тогда адмиралы сдѣлаютъ морскую демонстрацію въ Таку и вышлютъ интернаціональный десантъ, который сдѣлаетъ веселую военную прогулку въ Пекинъ. Мы устроимъ имъ торжественную встрѣчу съ музыкой и шампанскимъ. Офицеровъ пригласимъ въ число членовъ нашего клуба и будемъ съ ними все лѣто играть въ теннисъ. Осенью десантъ вернется на суда и инцидентъ окончится также, какъ онъ оканчивался раньше.

— Ну, а ваше мнѣніе о нынѣшнихъ китайскихъ безпорядкахъ? — спросилъ я знатнаго китайца-комерсанта въ длинномъ одѣяніи изъ тончайшаго шелка бирюзоваго цвѣта.

— Какіе китайскіе безпорядки?—переспросилъ онъ.

— Тѣ, что теперь происходятъ въ Печилійской провинціи.

— Это другая провинція, которая насъ не касается,—отвѣтилъ коротко китаецъ.

Этотъ волшебный балъ закончился красивымъ котильономъ, программа котораго дѣлаетъ честь его устроителямъ и дирижерамъ, выказавшимъ изобрѣтательность и удивительную неутомимость во время танцевъ.

Въ продолженіе котильона отъ имени хозяина праздника дамамъ были поднесены на память, кромѣ разныхъ котильонныхъ значковъ, лентъ съ надписями, вѣеровъ съ вышитыми русскими военными флагами, изящные золотые сувениры, въ видѣ морскихъ атрибутовъ, кортиковъ, палашей, якорей и т. д.

Послѣдняя фигура котильона была самая эффектная — битва конфетти, въ которой и дамы и кавалеры принимали самое горячее участіе и усердно обсыпали другъ друга импровизированнымъ снѣгомъ, и могли спасаться только съ помощью изящныхъ зонтиковъ, любезно поднесенныхъ дамамъ. Еще ни разу на Квантунѣ не выпадало такъ много снѣга, какъ на этомъ балу. А большой снѣгъ, по китайской примѣтѣ, хорошее предзнаменованіе. Увы! ему не суждено было сбыться.

При звукахъ прощальнаго вальса, среди снѣга и цвѣтовъ, общее оживленіе достигло высшаго напряженія, пары стали кружиться если не съ быстротой тайфуна, то со скоростью маньчжурскихъ поѣздовъ, причемъ, конечно, не обошлось безъ столкновеній, кончавшихся, впрочемъ, какъ всегда, благополучно.

Къ сожалѣнію, „гдѣ есть начало — тамъ непремѣнно есть и конецъ“ — какъ говоритъ китайская поговорка.

Въ 4 часа утра, когда уже свѣтало, гости стали расходиться и разъѣзжаться, прощаясь съ гостепріимнымъ хозяиномъ, и поэтическій балъ на берегахъ Тихаго Океана кончился.

Ничто не предвѣщало грозы, которая разразилась черезъ три недѣли. Неужели эти статные моряки и стрѣлки, сверкавшіе на балу молодостью и здоровьемъ, не предчувствовали, что черезъ три недѣли имъ придется день и ночь биться около Тяньцзинскаго вокзала и изнемогать отъ жары, голода, жажды и безсилія.

Неужели сердце не подсказало одной изъ этихъ изящныхъ граціи въ нѣжнорозовомъ газѣ, которая беззаботно порхала въ вальсѣ и сіяла своими чарующими улыбающимися глазами, что только черезъ три недѣли она одѣнетъ черное платье горя и слезъ и будетъ убиваться по своемъ безвременно убитомъ юномъ героѣ.

Яшмовая гора и военная гавань.

18 Мая

Изъ Пекина получено извѣстіе, что боксеры разрушаютъ полотно желѣзной дороги на Ханькоу, жгутъ станціи и осадили французскихъ и бельгійскихъ инженеровъ.

Посланники потребовали десантъ для охраны миссій.

16 мая наши суда „Сисой Великій“, „Дмитрій Донской“, „Кореецъ“, „Гремя-

, „Гайдамакъ“ и „Всадникъ“ ушли изъ Портъ-Артура въ подъ флагомъ контръ-адмирала Веселаго. Съ судовъ отпра-ь десантъ изъ 72 матросовъ, подъ командою офицеровъ Ра- и Дена, которые прибыли въ Пекинъ 18 мая.

Въ Тяньцзинъ посланы 25 казаковъ съ сотникомъ Семеновымъ.

„Гайдамакъ“, „Всадникъ“ и миноноски будутъ поддерживать овое сообщеніе между Портъ-Артуромъ и Таку.

Въ Артурѣ ходятъ разные слухи. Военные предсказываютъ, они скоро будутъ брать Пекинъ, и говорятъ, что если имъ ажутъ, то они завоюютъ Маньчжурію и весь Китай.

21 Мая

Сегодня въ Пушкинской русско-китайской школѣ торжественно окончили учебный годъ. Эта школа, въ которой я училъ кому языку около сотни китайцевъ, отъ мала до велика, была мъ изъ лучшихъ памятниковъ дѣятельности ея основателя—

бывшаго начальника Квантунскаго полуострова генерала Суботича. Адмираломъ Алексѣевымъ она была преобразована и расширена.

На молебенъ въ школу пріѣхалъ адмиралъ Алексѣевъ, только что получившій снова нѣсколько тревожныхъ телеграммъ изъ Тяньцзина. По окончаніи молебна, прощаясь съ китайскими учениками, онъ обратился ко мнѣ:

— Не хотите ли поѣхать въ Тяньцзинъ и Пекинъ и узнать, что тамъ такое происходитъ?

— Слушаюсъ. Когда прикажете выѣхать?

— Вы поѣдете сегодня вечеромъ на военномъ суднѣ, какъ кореспондентъ „Новаго Края".

— Слушаюсъ, я готовъ.

Когда адмиралъ сѣлъ въ экипажъ, китайцы выбѣжали на улицу и старательно кричали ура вслѣдъ русскому цзянцзюню.

Я собралъ своихъ учениковъ и сказалъ имъ нѣсколько прощальныхъ словъ покитайски:

— Прощайте, ученики. Будьте здоровы, отдыхайте и черезъ два мѣсяца возвращайтесь снова въ школу! Вы, можетъ быть, слышали, что теперь вокругъ Пекина ихэтуань—боксеры производятъ большіе безпорядки. Помните, что если что-нибудь съ вами случится, то самую надежную защиту и покой вы найдете только въ Портъ-Артурѣ у русскихъ. Прощайте, дѣти! Осенью мы съ вами увидимся опять.

— До свиданія! до свиданія!—закричали дѣти порусски.

Увы! этихъ милыхъ довѣрчивыхъ дѣтей мнѣ болѣе не суждено было видѣть.

Я простился съ редакторомъ портартурской газеты „Новый Край" подполковникомъ Артемьевымъ, у котораго состоялъ помощникомъ, и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Вечеромъ я навѣстилъ моихъ друзей-китайцевъ, которые дали мнѣ рекомендательныя письма въ Тяньцзинъ и Пекинъ.

Дипломатическій чиновникъ, состоящій при адмиралѣ Алексѣевѣ, И. Я. Коростовецъ любезно далъ мнѣ рекомендательныя письма въ русскую миссію въ Пекинѣ.

Отходъ „Гайдамака" въ Таку былъ назначенъ на другой день въ 6 часовъ утра.

Международная эскадра въ Таку.

Таку

22 Мая

Хронометры, артиллеристы и моряки, какъ извѣстно, отличаются одинаковой точностью и акуратностью. Поэтому, когда я съ легкимъ походнымъ багажомъ былъ въ 6 часовъ утра доставленъ проворнымъ перевозчикомъ—джинрикшей на набережную бассейна военныхъ судовъ, минный крейсеръ „Гайдамакъ“ уже снялся съ якоря и выходилъ изъ гавани.

Я прыгнулъ въ шампунку—яликъ, и китаецъ-шампунщикъ, быстро и ловко ворочая однимъ веслом, укрѣпленнымъ веревкой на кормѣ шампунки, повезъ на встрѣчу выходящему крейсеру.

Китайцы шампунщики.

Матросы спустили трапъ и уже на ходу судна приняли меня на бортъ. Я представился командиру капитану 2 ранга Соболеву и познакомился съ офицерами.

Жаркое сверкающее утро. Синія воды

еще не проснулись и чуть бороздились набѣгающими стру
соннаго вѣтра. Но гавань уже очнулась. На пароходахъ
разными флагами уже стучали и визжали лебедки. Кричали
росы. Китайцы-мореходы на расписныхъ крутобокихъ джон
шаландахъ, съ поднятыми кверху кормами и носами, съ кра
трепещущими флажками на мачтахъ, дружно поднимали
промасленый парусъ и съ каждымъ подъемомъ хоромъ вск
вали. Съ западной стороны бассейна, гдѣ находится пр
морского пароходства и вокзалъ строящейся Маньчжурско
лѣзной дороги, доносился лязгъ стукающихся вагоновъ и с
первыхъ вѣстниковъ цивилизаціи въ Маньчжуріи—паровозо

Прямо противъ узкаго прохода въ море надъ городом
дымалась Яшмовая гора, красивая и стройная, какъ грудь
щины. По странному недоразумѣнію французы, а затѣмъ р
вопреки изящному китайскому названію Бай-Юй-Шань „
яшмовая гора", стали ее называть Перепелочной, хотя на
давно нѣтъ никакихъ перепелокъ, какъ нѣтъ впрочемъ и

Два бѣлыхъ остроконечныхъ камня на горѣ, поставл
одинъ выше другого, указываютъ судамъ створъ, по которо
должны входить въ гавань въ узкомъ проходѣ, между
вымъ хвостомъ и Золотой горой.

Этимъ проходомъ мы выходимъ въ море. Направо и
торчатъ острыя красныя слоистыя скалы, выпертыя со дна
вулканическими потрясеніями. Направо и налѣво батареи.
чаливыхъ, но грозно глазѣющихъ орудій, подъ деревянными
тиками, стоятъ часовые съ обнаженными шашками и пос
ваютъ на проходящее судно.

Трехплечая или треххолмная Желто-золотая гора, кит
„Хуанъ-Цзинь-Шань", высоко уходя къ небу, разставила
городомъ свои надежныя каменныя объятія. Въ теченіе м
вѣковъ разные народы хозяйничали на этой горѣ: китайцы,
чжени, монголы, маньчжуры и японцы. Теперь ею коман
русскіе и ея утесы и скрытыя въ нихъ батареи являются
защитой для разбросаннаго внизу юнаго русскаго города.

Будемъ надѣяться, что, когда пробьетъ роковой часъ, З
гора въ Портъ-Артурѣ узнаетъ участь не менѣе славную, но
счастливую, чѣмъ Малаховъ курганъ въ Севастополѣ.

Мы вышли изъ прохода на рейдъ, гдѣ стояли два ко
стройный двухтрубный „Адмиралъ Корниловъ" и величест
великолѣпная „Россія", красивая эмблема славы и силы

тами чрезвычайной важности. Если нужно кого-нибудь или что-нибудь перевезти, посылаютъ насъ. Если боксеры уничтожатъ телеграфъ въ Тонку, что весьма вѣроятно, то наши крейсера будутъ главною связью между эскадрой, десантомъ и Артуромъ. Отъ своевременной передачи нами экстренной депеши можетъ зависѣть участь цѣлаго отряда. Когда мы въ ходу, мы не можемъ имѣть никакого спокойствія: вы видите, какъ насъ качаетъ.

Точно въ подтвержденіе словъ лейтенанта, „Гайдамакъ" сталъ усиленно раскачиваться на Печилійскихъ волнахъ. Супъ началъ плескаться въ тарелкахъ.

„Адмиралъ Корниловъ".

— Когда-же мы стоимъ на этомъ суденышкѣ въ Таку,—продолжалъ старшій офицеръ,—такъ это истинное мученіе. Вода въ Такускомъ рейдѣ ничѣмъ не защищена отъ вѣтровъ и вѣчно болтается. Нельзя принять ни одного положенія, допускаемаго вашимъ тѣломъ, чтобы это было для васъ удобно. Нельзя ни сидѣть, ни лежать, ни спать, ни стоять. Васъ подбрасываетъ во всѣ стороны. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ все время ходить балансируя по палубѣ, какъ акробатъ по канату. А между тѣмъ, какъ ни стараться, на нашей трудной, черной, неэффектной и неблагодарной службѣ нельзя заработать Георгія. Это не крѣпости брать, хотя каждый изъ насъ сумѣетъ это сдѣлать нисколько не хуже, чѣмъ всякій другой офицеръ. И такъ мы будемъ болтаться и терзаться цѣлое лѣто, пока не окончится вся эта китайская комедія.

— Но какъ-бы эта комедія не превратилась въ трагедію?— замѣтилъ я.

— Тѣмъ лучше. И тѣмъ больше шансовъ для насъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь непріятельскимъ судномъ и пустить его на воздухъ, если, конечно, мы не взлетимъ раньше сами.

„Гайдамакъ" быстро шелъ на западъ, дѣлая по 15 миль въ часъ.

Къ вечеру вѣтеръ усилился. Бурыя волны со свистомъ и завываніемъ бросались на судно, то нагоняли, то опережали его,

то кидали изъ стороны въ сторону и снопомъ брызгъ обливали его бока.

Я легъ въ каютѣ, но отъ качки сталъ неистово вертѣться и болтаться на койкѣ, будто изъ меня сбивали сливки. Я взобрался снова на палубу и, дѣлая безъ всякаго желанія веселые прыжки и поклоны, каждую минуту убѣждался въ справедливости словъ лейтенанта.

— Неужели въ этомъ заливѣ всегда такъ качаетъ?—спросилъ я одного изъ офицеровъ.

— Нѣтъ, сегодня еще сравнительно тихая погода,—отвѣтилъ онъ.

— Благодарю покорно!

Въ 6 часовъ вечера на аломъ горизонтѣ заката стали вырисовываться суда международной эскадры и въ 7 часовъ, среди иностранцевъ, ясно показались очертанія родныхъ судовъ—„Сисоя Великаго“ и „Дмитрія Донского“.

„Гайдамакъ“ повернулъ къ адмиральскому кораблю „Сисой Великій“.

Морская демонстрація! какая рѣдкая и странная, но красивая картина.

На протяженіи 10 миль собралось 22 судна девяти державъ. Ближайшія суда отчетливо чернѣли своими реями, флагами, орудіями, рубками, матросами. Далекія суда ускользали изъ вида. Наступила ночь, заблистали иллюминаторы и зажженные фонари точно звѣздочки повисли въ воздухѣ. Доносился неясный шумъ командъ, музыки. Паровые катера и барказы точно чайки носились между морскими исполинами, которые, едва покачиваясь, лежали черными огромными китами на мутной безпокойной водѣ.

„Дмитрій Донской“.

Вотъ англійскіе гиганты: броненосецъ „Centurion“ подъ флагомъ вице-адмирала Сеймура, крейсера „Orlando“ и „Endymion“.

Тамъ друзья-французы. Крейсеръ „Descartes“, мощныхъ очертаній, съ странными низкими и широкими трубами, точно съ двумя головами, и крейсеръ „D'En-

trecasteaux", офицеры котораго вѣроятно вспоминали бурный альіансъ и жаркія объятія своихъ русскихъ товарищей въ Портъ-Артурѣ, во время ихъ визита въ нашъ портъ, за три недѣли. На крейсерѣ „D'Entrecasteaux" флагъ контръ-адмирала Куржоль.

Германскій крейсеръ „Kaiserin - Augusta". Австрійскій—„Zenta". Итальянскіе „Elba" и „Calabria". Японскій „Kassagi" и американскіе „Monocacy" и „Newark". Въ сторонѣ стоялъ китайскій крейсеръ „Хай-Тѣнъ", подъ флагомъ контръ-адмирала. Какъ-то странно было видѣть китайца среди союзниковъ, ополчившихся на китайцевъ.

По рѣшенію адмираловъ, на китайскомъ крейсерѣ были сняты нѣкоторыя части машины и замки у орудій.

На трехъ судахъ были видны флаги, красивые по простотѣ и идеѣ: синій андреевскій крестъ на бѣломъ полѣ. Это были—„Сисой Великій", „Дмитрій Донской" и „Всадникъ", который жестоко бился на зыби. На горизонтѣ стоялъ „Гремящій", а въ рѣкѣ Пэйхо „Кореецъ".

Въ рѣкѣ изъ иностранцевъ стоялъ—англичанинъ „Algerine", нѣмецъ „Utis" и японецъ „Atago". Кромѣ броненосцевъ и крейсеровъ на рейдѣ находились—два англійскихъ истребителя миноносцевъ, одна англійская военная яхта и французская лодка „Surprise".

Ни береговъ, ни фортовъ Таку не было видно. Это грандіозное собраніе судовъ международной эскадры качалось въ открытомъ морѣ. Это былъ веселый вооруженный лагерь, съ 10,000 штыковъ, плававшій на водѣ и имѣвшій своею цѣлью смѣло угрожать 400 милліонамъ китайцевъ.

Къ сожалѣнію, къ китайцамъ никакъ нельзя было подобраться поближе. Вслѣдствіе мелководія залива, большія суда должны держаться верстахъ въ 20 отъ устья Пэйхо, именуемаго Таку и защищеннаго фортами. Кромѣ того, чтобы войти въ рѣку, необходимо перебраться черезъ баръ — песчаную илистую отмель, которая доступна для низко сидящихъ судовъ только въ приливъ.

Другихъ мѣстъ для высадки десанта, кромѣ устья рѣкъ Пэйхо и сосѣдней Бэйтанхэ, охраняемой первоклассной крѣпостью Бэйтанъ,—въ этомъ районѣ не имѣется.

Совершенно стемнѣло, когда мы подошли къ адмиральскому кораблю „Сисой Великій". Спустили шлюпку, въ которую забрался и я. Матросы дружно выгребали и черезъ нѣсколько скачковъ по волнамъ мы были уже у трапа „Сисоя Великаго", но пристать

къ нему не было никакой возможности. Шлюпка ежеминутно взлетала кверху и падала. Мигъ... и одинъ изъ насъ уже былъ въ водѣ, но такъ какъ каждый морякъ чувствуетъ себя въ водѣ

Контръ-адмиралъ М. Г. Веселаго.

также удобно, какъ и въ воздухѣ, то онъ даже не поморщился и подхваченный матросами взобрался на трапъ.

Наступилъ мой чередъ... Желѣзныя руки матросовъ крѣпко ухватили меня за ноги, руки, плечи и голову и вмѣстѣ съ моими

своихъ канцеляріяхъ и бумажныхъ дѣлахъ, что на міръ смотритъ только съ точки зрѣнія своихъ портфелей и въ разговорахъ можно всегда услышать слово карьера, но слова Россія или отечество—очень рѣдко. Кажется, у насъ верхомъ карьеры считаютъ

„Сисой Великій".

полученіе большого оклада или выгодной командировки, не заботясь о томъ, полезна или безполезна эта командировка для государства, и не думая о томъ, что гражданинъ можетъ оказать такія услуги государству, за которыя оно не будетъ въ состояніи отплатить никакимъ вознагражденіемъ, такова, напримѣръ, смерть Сусанина. Есть подвиги дороже жизни. Какой подвигъ—принести себя въ жертву народу или его части, если ей грозитъ опасность, и своей единичной смертью дать жить многимъ.

„У меня есть предчувствіе, что если теперь грянетъ война, я брошусь въ огонь и паду однимъ изъ первыхъ. Но я не боюсь смерти. Жизнь дала мнѣ такъ много свѣтлыхъ, счастливыхъ дней, что я не могу требовать лучшаго, а ждать худшаго я тоже не хочу. Отчего же въ самомъ дѣлѣ не рѣшиться на дѣйствительно великое дѣло—рискнуть своею жизнью во имя идеи и гражданскаго долга. Поэтому,—прибавилъ онъ, наливъ вина и заблиставъ глазами—выпьемъ за торжество смѣлыхъ и благородныхъ идей!

— Я пью за торжество вашей идеи и за вашу славу! вы какъ истинный артистъ на сценѣ чувствуете страхъ и тревогу передъ своимъ тріумфомъ.

Свѣтало. Мы крѣпко пожали другъ другу руки и больше я Буракова не видѣлъ.

Черезъ 12 дней онъ былъ убитъ на „Корейцѣ“ при штурмѣ фортовъ Таку.

23 Мая

Проведя ночь на гостепріимномъ „Сисоѣ“ и отправивъ первую кореспонденцію въ Портъ-Артуръ, въ 5 часовъ утра я долженъ былъ ѣхать дальше. Меня встрѣтилъ на палубѣ мичманъ З. который былъ очень удивленъ, что я отправляюсь въ путь безъ оружія.

Какъ? вы ѣдете на войну безъ револьвера? чѣмъ же вы будете защищаться въ случаѣ опасности? Какой же вы кореспондентъ? Стенли и Ливингстонъ, отправляясь въ походъ, были всегда вооружены съ ногъ до головы.

Но я совершенно не собираюсь съ кѣмъ-нибудь драться. Я ѣду писать кореспонденціи, а не сражаться.

На васъ могутъ напасть боксеры. Что вы тогда будете дѣлать съ вашими перьями?

Я еще объ этомъ не думалъ, но во всякомъ случаѣ никогда не буду стрѣлять въ боксеровъ, такъ какъ весьма уважаю этихъ патріотовъ своей родины. Полагаю, что если суждено быть убитымъ, то мнѣ даже 12 дюймовая пушка не поможетъ.

Нѣтъ, это никуда не годится. Вы можете скомпрометировать ваше званіе кореспондента. Вы должны имѣть оружіе. Я вамъ подарю

Мичманъ З. ушелъ въ свою каюту и вернулся съ револьверомъ.

Вотъ вамъ на память отъ меня хорошій Смитъ и Вессонъ и пачка патронъ. Пусть они васъ сохранятъ въ опасную минуту.

Я поблагодарилъ и на всякій случай положилъ мое оружіе на самое дно чемодана.

Такъ какъ въ то же утро въ Пекинъ былъ командированъ курьеромъ лейтенантъ Бурхановскій, то меня вмѣстѣ съ важными пакетами отъ адмирала Алексѣева сдали ему для доставки по назначенію

Минный крейсеръ „Всадникъ“, братъ „Гайдамака“ по виду и типу, повезъ насъ на „Гремящій“.

Утро блистало. Суда международной эскадры просыпались одно [illegible]ъ. Раздаются команды, рожки, свистки. На адмиральскихъ

корабляхъ взвиваются пестрые сигнальные флаги и переговариваютъ съ флагами подчиненныхъ судовъ.

Кругомъ эскадры стоятъ купцы—комерческіе пароходы, снабжающіе эскадру углемъ и продовольствіемъ. Между броненосцами снуютъ буксиры, которые тащатъ за собой баржи и джонки съ углемъ, мясомъ, зеленью, живностью, виномъ, консервами и всѣмъ, что заказываетъ эскадра.

Судя по тому, какъ много баржъ съ провіантомъ собралось вокругъ „Центуріона“ и „Эндиміона,“ можно предполагать, что англичане страдаютъ самымъ большимъ апетитомъ не только политическимъ, но и гастрономическимъ.

Полуодѣтые загорѣлые китайцы-кули, подъ командою иностранныхъ капитановъ, суетятся на баржахъ и живо переносятъ привезенный грузъ на корабль или длинной вереницей карабкаются по узкому трапу и въ грязныхъ корзинкахъ тащатъ каменный уголь, задыхаясь въ клубахъ угольной пыли и возвращаясь съ военнаго судна чорными неграми.

Мы подошли къ „Гремящему“. Бурхановскій передалъ командиру капитану 2 ранга Миклашевскому адресованные ему пакеты. „Гремящій“ стоялъ возлѣ плавучаго маяка, указывающаго входъ въ рѣку Пэйхо; около нашей канонерки стояла англійская „Вайтингъ“. Мы сѣли на барказъ и направились къ „Корейцу“.

Безпокойныя волны рейда мѣшали намъ быстро двигаться. Бурхановскій рѣшилъ достать одинъ изъ тѣхъ буксировъ, которые возвращались отъ эскадры въ Тонку. Однако на наши сигналы платкомъ и крики никто не обращалъ вниманія: всѣ заняты своимъ дѣломъ и никому нѣтъ дѣла до другихъ.

Наконецъ, одинъ буксиръ съ капитаномъ-англичаниномъ повернулъ въ нашу сторону. Бурхановскій крикнулъ капитану:

— Do you go to Tongku?

— Yes.

— Will you take me on board and go to the Russian man-of-war in the river?

— All right!

— How much do you want?

— 35 dollars.

— All right!

— Вы идете въ Тонку?

— Да.

Устье Пэйхо.

Пэйхо

Передъ нами устье знаменитой китайской Невы, ведущей къ Небесной столицѣ. Это Бѣлая рѣка—Байхэ, переименованная европейцами, не церемонящимися съ китайскими названіями, — въ Пэйхо.

Это—великая рѣка Чжилійской провинціи, впадающая въ Чжилійскій заливъ, также посвоему названный европейцами Печилійскимъ, несмотря на то, что китайцы зовутъ и заливъ и прибрежную область просто Чжили.

Хотя китайцы дали своей столичной рѣкѣ, льющейся на протяженіи 750 ли (ли—полверсты), имя Бѣлой, но она уже давно несетъ такія бурыя струи охры, что ее было бы справедливѣе именовать Шоколадной или Кофейной.

Направо и налѣво тянутся низкія длинныя линіи фортовъ. Только черныя точки орудій, старательно покрытыхъ чехлами, флагштоки и деревянные грибы для часовыхъ напоминаютъ, что здѣсь скрываются батареи. Но ни часовыхъ, ни прислуги при орудіяхъ не видно. На фортахъ мертво.

Ширина рѣки не болѣе 50 саженъ. Разстояніе между фортами около 100 саженъ.

Входимъ въ рѣку. Встрѣчаются англійскіе, американскіе и японскіе грузовики, угольщики, китайскія шаланды, шампунки, военные катера.

У праваго берега стоятъ четыре новенькихъ китайскихъ дистройера—истребителя миноносцевъ.

— Видите вы этихъ истребителей китайскихъ казенныхъ денегъ?—спросилъ капитанъ—они шесть мѣсяцевъ ремонтировались въ докѣ, только что вышли изъ дока и, вѣроятно, скоро опять вернутся въ докъ. Это гораздо выгоднѣе для мандариновъ. А что касается фортовъ, то я никогда не видѣлъ, чтобы китайцы снимали чехлы со своихъ пушекъ. Они говорятъ, что боятся производить ученіе со своими орудіями, чтобы нечаянно не попасть въ какую-нибудь проходящую китайскую джонку.

Пристань въ Тонку.

Какіе нелюдимые, низкіе и опустившіеся берега, поднявшіеся изъ моря, по словамъ геологовъ! Линія горизонта воды и суши сливается.

Издали видны китайскіе глинобитные желтосѣрые домики, большіе таможенные пакгаузы, склады, мастерскія, китайское адмиралтейство и пристань, заваленная ящиками и тюками. Зеленый тростникъ и тощія ивы нѣсколько ласкаютъ глазъ, утомленный лучами солнца, блескомъ неба, блескомъ воды и песчаной равнины, которая теряется за горизонтомъ.

Эта пустыня нѣсколько оживляется видомъ китайскихъ мосталъ и кучъ морской соли.

Это преддверье Тяньцзина и вѣковой милліонной столицы.

Устье Пэйхо носитъ общее названіе Дагу по китайски или Таку по европейски. Восточный городокъ, расположенный на лѣвомъ берегу

рѣки, съ пристанью и станціей Китайской Императорской желѣзной дороги, ведущей черезъ Тяньцзинъ на Пекинъ, называется Дунгу или Тонку. Западный городокъ съ заводами и мастерскими называется Сигу или Сику.

Отъ Тонку другая линія желѣзной дороги идетъ вдоль Чжилійскаго залива на Шанхайгуань до Инкоу.

Пэйхо дѣлаетъ на всемъ своемъ протяженіи постоянныя извилины и его перспектива пропадаетъ среди камыша, гаоляна и китайскихъ построекъ.

Выростающія надъ ивами и хижинами мачты джонокъ или труба военной лодки указываютъ направленіе этой узкой змѣистой рѣки.

Мы проходимъ мимо германской канонерской лодки „Ильтисъ“ и пристаемъ къ „Корейцу“, который стоитъ далеко въ рѣкѣ, подъ начальствомъ капитана II ранга Сильмана. Еще выше стоитъ японская лодка „Atago“.

Въ 11 часовъ утра въ каютъ-компаніи подали завтракъ.

— Какія у васъ новости?—спросилъ я моего сосѣда.

— Все спокойно и одно и то же, — отвѣтилъ ревизоръ „Корейца“ лейтенантъ Деденевъ. — Сидимъ на кораблѣ и печомся на солнцѣ. Изнываемъ отъ скуки и жары и считаемъ сколько поѣздовъ съ китайскими солдатами китайцы отправляютъ по своей желѣзной дорогѣ въ Тяньцзинъ. Съ „Корейца“ хорошо виденъ вокзалъ и замѣтно всякое движеніе на дорогѣ. До сихъ поръ я насчиталъ 15 поѣздовъ, биткомъ набитыхъ косатыми солдатами. Откуда китайцы набрали ихъ такое множество? Путешествіе ихъ въ Тяньцзинъ весьма подозрительно. И все это возстаніе боксеровъ что-то на возстаніе не похоже. Къ чему китайцамъ понадобилось столько войскъ? Если войска должны драться съ боксерами, то это только подольетъ масла въ огонь. Если же они будутъ не противъ боксеровъ, то будутъ противъ насъ. Пока что наши офицеры ѣздятъ въ Тяньцзинъ по желѣзной дорогѣ или на паровыхъ катерахъ и привозятъ оттуда неважныя вѣсти. Сегодня былъ проѣздомъ командированный къ адмиралу Веселаго секретарь французскаго консульства, который разсказалъ, что наши казаки уже имѣли дѣло съ боксерами и одинъ русскій офицеръ раненъ. Вчера германцы отправили одно орудіе въ Тяньцзинъ. Сегодня американцы двинули туда еще отрядъ. Вечеромъ французы посылаютъ 100 человѣкъ. Пока что мы точно измѣрили дистанцію до китайскихъ фортовъ и повернули наши орудія противъ ихъ батарей, такъ что

если понадобится, то наши гранаты будутъ ложиться точка въ точку. „Кореецъ“ и „Ильтисъ“ стоятъ въ тылу всѣхъ китайскихъ фортовъ, которые, вѣроятно, тоже уже измѣрили дистанцію, если китайцы имѣютъ хоть какое-нибудь представленіе о своихъ орудіяхъ. Въ случаѣ военныхъ дѣйствій, нашимъ канонеркамъ придется драться въ первую голову и китайскіе форты могутъ причинить намъ много

„Бобръ“ въ Тонку.

непріятностей, но зато и имъ не поздоровится отъ нашихъ орудій. Форты будутъ во всякомъ случаѣ взяты, какими бы крупповскими пушками они ни были вооружены. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія...

Увы! форты были дѣйствительно взяты, но бѣдному Деденеву, погибшему вмѣстѣ съ Бураковымъ, не суждено было увидать побѣду!...

Въ часъ дня съ рейда пришелъ буксиръ, который привелъ баржу съ 35 матросами и 1 офицеромъ—мичманомъ Глазенапомъ. Они были командированы съ „Дмитрія Донского“ для усиленія нашего десанта въ Тяньцзинѣ, вслѣдствіе обостряющагося положенія дѣлъ и неожиданнаго столкновенія казаковъ съ боксерами. По той же причинѣ французы посылаютъ свой второй десантъ.

Въ пять часовъ вечера я простился съ радушіемъ русскихъ моряковъ и покинулъ уголокъ родной земли, представляемый *палубой русскаго* военнаго корабля съ русскими мужиками-матросами и дворянами-офицерами.

Бурхановскій, Глазенапъ и я пересѣли на англійскій буксирный пароходикъ „Джемъ“, который забралъ баржу съ нашимъ десантомъ въ 35 человѣкъ и пользуясь приливомъ сталъ подниматься вверхъ по Пэйхо.

Въ зависимости отъ морского прилива и отлива, два раза въ сутки, въ теченіе шести часовъ вода въ Пэйхо прибываетъ и слѣдующіе шесть часовъ убываетъ. Пользуясь высокой водой мелкосидящіе пароходы доходятъ до Тяньцзина, отстоящаго отъ Тонку по желѣзной дорогѣ въ 40 верстахъ, а по рѣкѣ—въ 50. Мель, узкая ширина рѣки и постоянные повороты теченія очень затрудняютъ сообщеніе по Пэйхо. Капитанъ буксира обѣщалъ доставить насъ въ Тяньцзинъ къ 12 часамъ ночи.

Чѣмъ выше мы подымаемся по рѣкѣ, тѣмъ живѣе картины. Берега Пэйхо—это сплошная китайская деревня и пашня. Желтыя глинобитныя мазанки, съ глиняными или соломенными кровлями, окруженныя плетнемъ изъ гаоляна или камыша, толпились надъ обрывомъ берега. Ивовыя и тополевыя рощицы скрывали кумирню, о которой можно было догадаться по двумъ высокимъ мачтамъ, стоящимъ передъ входомъ. За мазанками тянулись безпредѣльныя поля зеленаго молодого гаоляна—китайскаго проса, которое кормитъ, грѣетъ, покрываетъ и для китайскаго мужика является его первымъ другомъ и помощникомъ въ домашнемъ хозяйствѣ.

Въ деревняхъ было замѣтно странное движеніе. Народъ кучами собирался на берегу, о чемъ то шумѣлъ, расходился и снова собирался въ другой деревнѣ.

При прохожденіи нашего буксира и баржи, наполненной вооруженными матросами, китайцы высыпали на самый берегъ и внимательно слѣдили за нами.

О чемъ они думали? что говорили? Но боксеры уже ходили по всѣмъ деревнямъ, мутили народъ, вербовали товарищей и зажигали пожаръ милліоннаго мятежа.

Тихая теплая ночь. Мы идемъ очень медленно. Полчища джонокъ, везущихъ рисъ въ Пекинъ, загораживаютъ намъ путь. Рѣка мелка. Теченіе капризно. Нужно все время измѣрять глубину. Смуглый морщинистый китаецъ, изъ южныхъ провинцій, съ косой, обмотанной вокругъ головы и спрятанной для удобства подъ круглую соломенную шляпу, бросаетъ лотъ и безъ фонаря, на ощупь, благодаря своей многолѣтней сноровкѣ, выкрикиваетъ нараспѣвъ число футовъ, на испорченномъ англійскомъ языкѣ:

— Фооти! Найти! Твэти! Твэти ту! Фоо!...

— Фоо! Фай! Сээ!... Твэти!

Луна взобралась высоко на небо, ярко освѣтила баржу, бѣлыя рубашки матросовъ и заблистала на ихъ штыкахъ. Моряки, развалясь, богатырски спали на днѣ лодки и не заботились о грядущемъ днѣ.

Пэйхо и его берега спали. Это были его послѣднія безмятежныя ночи, наканунѣ всѣхъ ужасовъ возмущенія и войны.

Пэйхо.

Рѣзкій, монотонный и сонный голосъ китайца, считающаго глубину, не тревожитъ молчанія тихой теплой ночи и усыпляетъ меня. Я не могу бороться съ дремотой, забираюсь въ каютку и засыпаю и еще долго сквозь сонъ слышу:

— Фоо! Фай! Сээ... Твэти!

Генералъ Вогакъ и его домъ въ Тяньцзинѣ.

Тяньцзинъ

24 Мая

Утро—4 часа. Мы стоимъ. Винтъ парохода не работаетъ. Я окончательно просыпаюсь, выбѣгаю на палубу и попадаю въ объятья моего стараго друга храбрѣйшаго и остроумнѣйшаго штабсъ-капитана Нечволодова, начавшаго военную службу въ Ревелѣ, махнувшаго, чтобы попытать счастья, въ Уссурійскій край, занимавшаго Портъ-Артуръ и попавшаго въ Тяньцзинъ въ распоряженіе военнаго агента Вогака.

— Скажи, пожалуста, гдѣ я нахожусь?—спрашиваю моего друга.

— Въ Тяньцзинѣ! Полковникъ Вогакъ и я ждали десантъ съ „Дмитрія Донского“ всю ночь и пріѣхали васъ встрѣтить.

— Могу я ѣхать дальше въ Пекинъ?

— И не думай! желѣзная дорога уже разрушена боксерами.

Я представился полковнику Вогаку, который принялъ десантъ и приказалъ его проводить въ приготовленный домъ, а офицеровъ пригласилъ къ себѣ.

Послѣ естественныхъ объятій и восклицаній Нечволодовъ съ самымъ сіяющимъ видомъ разсказываетъ:

— Вообрази, я уже былъ въ настоящемъ сраженіи! На этихъ дняхъ по просьбѣ бельгійскаго консула Кетельса, полковникъ Вогакъ отправилъ меня, съ поручикомъ Блонскимъ и 25 казаками, разыскивать безъ вѣсти пропавшихъ бельгійскихъ и итальянскихъ инженеровъ. Мы три дня блуждали и наконецъ наткнулись на кучу боксеровъ. Мы пошли въ атаку на нихъ. Искрошили половину. Вдругъ лошадь подъ Блонскимъ падаетъ, убитая наповалъ. Блонскій падаетъ наземь. На него налетаютъ боксеры и пронзаютъ его насквозь своими копьями и мечами.

Капитанъ Нечволодовъ.

— Насквозь? училъ

— Насквозь. Онъ пол 14 ранъ по всему тѣлу. Казаки бросились его выручать, спасли и разсѣяли боксеровъ. Одинъ казакъ тяжело раненъ, а у другого былъ отрубленъ носъ, но онъ нашелъ его въ кустахъ, приставилъ и носъ теперь заживаетъ. Мы вернулись съ ранеными въ Тяньцзинъ. Блонскій и казаки лежатъ во французскомъ госпиталѣ. Мы наканунѣ невѣроятныхъ событій!

По указанію Нечволодова, я отправился въ лучшую гостиницу Astor-House. Китаецъ джинрикша повезъ въ своей телѣжкѣ мои вещи.

Недалеко отъ набережной, на углу главной улицы Викторія-родъ воздвигнуто великолѣпное трехъэтажное зданіе гостиницы, съ балконами, верандами, башней, обсаженное высокими тѣнистыми деревьями и цвѣтами и обвѣшанное цыновками и маркизами для защиты отъ солнца. Три парадныхъ лѣстницы. Я подымаюсь по одной изъ нихъ. Сонный бой, слуга-китаецъ, провожаетъ меня въ свободный номеръ, болѣе дешевый, въ третьемъ этажѣ — 8 долларовъ—8 рублей въ сутки, со столомъ. Номеръ высокій просторный, устланный ковромъ, съ лѣпнымъ потолкомъ, мраморнымъ умывальникомъ, газовымъ освѣщеніемъ и широчайшей тропической

постелью, на которой могъ-бы свободно расположиться на ночлегъ патріархъ Іаковъ съ 12 сыновьями.

Тропическая постель имѣетъ тонкій матрацъ на сѣткѣ и газовый балдахинъ-москитеръ, который наглухо окутываетъ постель и только одинъ спасаетъ отъ москитовъ, комаровъ и мухъ. Кто не желаетъ имѣть балдахинъ, тотъ раздѣвается до Адама, заворачивается въ газъ и въ такомъ видѣ спитъ, будучи недоступенъ для назойливыхъ насѣкомыхъ и менѣе доступенъ для тропической жары.

Возлѣ номера отдѣльная веранда съ плетеными лонгшэзами. Рядомъ мраморная ванная. Электрическіе звонки и всѣ удобства.

8 часовъ утра. Молодой бой, самаго коректнаго вида, съ пріятнымъ лицомъ, тщательно заплетенной косой, въ длинномъ голубомъ халатѣ, неслышно входитъ на высокихъ мягкихъ подошвахъ и говоритъ, что въ гостиницѣ первый завтракъ breakfast въ 8 часовъ утра, второй tiffin въ 1 часъ дня, обѣдъ dinner въ 8 часовъ вечера. Баръ-буфетъ для напитковъ открытъ весь день. Бутылка пива 1 долларъ—1 рубль. Бутылка шампанскаго 5 долларовъ.

Бой уходитъ и возвращается съ завтракомъ: яичница съ ветчиною, овсянка, порція бифштекса и чашка чорнаго чаю.

Мой первый визитъ былъ къ нашему военному агенту въ Сѣверномъ Китаѣ полковнику, нынѣ генералу Константину Иполитовичу Вогаку, избравшему мѣстомъ своего постояннаго пребыванія Тяньцзинъ. Военный агентъ Южнаго Китая полковникъ К. Н. Дессино живетъ въ Шанхаѣ.

Французскій муниципалитетъ.

К. И. Вогакъ, уже 10 лѣтъ наблюдающій за военной политикой и военными успѣхами Китая, игравшій крупную роль въ китайскихъ событіяхъ 1900 года, родился въ 1859 году, воспитывался во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ и записанъ на мраморную доску Николаевскаго Кавалерійскаго училища. Военную службу началъ въ 1878 году корнетомъ Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Ея Величества полка. Блестяще окончивъ въ 1884 г. Николаевскую

академію Генеральнаго Штаба, служилъ въ разныхъ округахъ, на разныхъ должностяхъ. Въ 1892 Вогакъ назначается военнымъ агентомъ въ Китай, а затѣмъ и въ Японію. Въ 1894 г., когда вспыхнула война между Китаемъ и Японіей, былъ командированъ русскимъ правительствомъ въ японскую дѣйствующую армію, съ которой совершилъ походъ въ Корею и Китай и присутствовалъ

Англійскій муниципалитетъ „Гордонъ-Голлъ".

при главныхъ сраженіяхъ. Когда былъ заключенъ миръ, вернулся въ Россію и въ 1896 состоялъ при чрезвычайномъ китайскомъ посольствѣ Ли Хунъ Чжана на торжествахъ Священнаго Коронованія. Въ томъ же году снова вернулся въ Китай и въ концѣ 1897 г. уѣхалъ на Квантунъ и въ Японію для подготовительныхъ работъ по занятію Портъ-Артура. Въ мартѣ 1898 года присутствовалъ при высадкѣ въ Портъ-Артурѣ и исполнялъ должность начальника штаба войскъ Квантунскаго полуострова, а затѣмъ былъ комиссаромъ по разграниченію Квантуна. Весною 1899 г. вернулся въ Тяньцзинъ къ исполненію обязанностей военнаго агента.

Я беру рикшу. На востокѣ европейцы сокращенно называютъ джинрикшей, перевозящихъ людей въ телѣжкахъ, рикшами. Японцы первые завели у себя этотъ простой и самый дешевый промыселъ человѣческаго извоза и дали ему названіе. Теперь джинрикши распространяются во всѣхъ портовыхъ городахъ Китая и вытѣсняютъ китайскія телѣги и носилки. Если въ городѣ имѣются хорошія ровныя шоссе, то телѣжку съ пассажиромъ тащитъ одинъ

ша. Въ Портъ-Артурѣ, гдѣ улицы подымаются въ гору, одинъ ша впрягается спереди, другой подталкиваетъ сзади.

— Но-го Во-да-жень! — Къ русскому великому барину Во! ворю я рикшѣ. Имя Вогака хорошо извѣстно въ Тяньцзинѣ и итайцы зовутъ его сокращенно Во, такъ какъ, согласно правиламъ итайской рѣчи, фамилія должна состоять изъ одного или двухъ оговъ. Отъ иностранной фамиліи китайцы оставляютъ обыкновенно ервый слогъ.

Послѣ маленькаго скромнаго Портъ-Артура, съ его наскоро и ое-какъ передѣланными для русскихъ китайскими сѣрыми домиками, ъ его узкими и грязными переулками и тусклыми керосиновыми онарями, пріятно было видѣть благоустроенный европейскій городъ.

Рикша везетъ о красивой ули- ѣ Викторія-родъ, рямой и широкой, щательно шосси- ованной, подоб- о всѣмъ евро- ейскимъ улицамъ яньцзина, обса- енной тополями освѣщенной га- мъ.

Домъ китайскаго сановника Чжанъ И Мао.

Европейскія кон- ессіи или сетль- енты, т. е. земель- ые участки, уступленные китайскимъ правительствомъ иностран- амъ для ихъ поселеній, расположены на правомъ берегу Пэйхо. ъ китайскому городу непосредственно примыкаетъ французская онцессія. Ниже по теченію слѣдуютъ: англійская и германская, ерерываемая китайскимъ участкомъ. Концессіи пользуются полнымъ утреннимъ самоуправленіемъ и имѣютъ свои городскіе муниципа- итеты, члены которыхъ выбираются иностранцами изъ наиболѣе ергичныхъ комерсантовъ. Нужно отдать полную справедливость ородскимъ дѣятелямъ концессій, что несмотря на принадлежность ъ различнымъ національностямъ, всегда ревниво соперничающимъ руг съ другомъ на Востокѣ, въ дѣло устройства концессій они е мѣшаютъ національныхъ счетовъ и своимъ девизомъ ставятъ лагоустройство колоніи. Поражаешься, какъ много сумѣли сдѣлать

лая умыть руки, то строгостью то ловкостью направилъ все
еніе въ сосѣднюю Чжилійскую провинцію и воспретилъ боксе-
пребываніе въ Шаньдунѣ. Въ средѣ китайскаго правительства
горые министры и князья приняли боксеровъ подъ свое покрови-
тво и поддерживаютъ ихъ деньгами и оружіемъ. Не зная, какой
отъ примутъ событія и находясь подъ давленіемъ со стороны
инниковъ, китайская императрица, чтобы доставить имъ удоволь-
, издаетъ двусмысленные приказы, въ которыхъ повелѣваетъ
юначальникамъ прекращать безпорядки и строго наказывать
зныхъ, но въ этихъ же приказахъ она дала мятежникамъ очень
е названіе „неосторожныхъ храбрецовъ“, что, конечно, еще болѣе
игаетъ мятежную толпу, прекрасно понимающую маневры ки-
каго правительства.

— Однако,—продолжалъ Вогакъ,— не всѣ китайцы раздѣляютъ
ительственную точку зрѣнія игры и двуличія. Честный и храбрый
алъ Нѣ Ши Чэнъ, начальникъ кавалеріи въ Чжили, весьма
ствующій русскимъ и имѣющій при себѣ военнымъ совѣтникомъ
ъ-Гвардіи Гусарскаго полка полковника Воронова, рѣшилъ не
стить приближенія боксеровъ къ Тяньцзину. Имъ руководило
шенно правильное соображеніе, что первое столкновеніе бок-
въ съ иностранцами можетъ вызвать международный инци-
ъ и окончиться такими печальными послѣдствіями, которыя
но и предвидѣть. Кромѣ того онъ основывался на прямомъ
лѣ императорскаго приказа. Поэтому онъ сжегъ нѣсколько ки-
кихъ деревень между Тяньцзиномъ и Пекиномъ, за то что
населеніе присоединилось къ мятежникамъ. Однако правитель-
выразило ему свое крайнее неудовольствіе за слишкомъ су-
я и строгія мѣры въ отношеніи „увлекающихся патріотовъ“,
не помѣшало правительству уволить генерала Чэнь Хунъ Бао,
ндующаго военными силами въ Баодинфу, за то что онъ до-
илъ возмущеніе въ своемъ округѣ. Такимъ образомъ правитель-
явно играетъ двойную игру. Оно наказываетъ какъ тѣхъ, кто
ерживаетъ боксеровъ открыто, такъ и тѣхъ, кто ихъ преслѣ-
ъ слишкомъ энергично, какъ генералъ Нѣ. Между тѣмъ оно
не принимаетъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ огражденію
страшцевъ и препятствуетъ имъ взять это дѣло въ свои руки.
ставитъ имъ такія серьезныя помѣхи, какъ, напримѣръ, за-
тіе желѣзнодорожнаго пути. Англійскій консулъ въ Тяньцзинѣ
стойчиво требовалъ у правленія Императорской Китайской желѣз-
и дать поѣздъ, но пекинское правительство рѣшительно

[illegible] десантовъ, на томъ
[illegible] и побѣда не могутъ
[illegible]

[illegible] въ Тяньцзинѣ и
[illegible] какъ 18 мая я
[illegible] международный десантъ
[illegible] и итальянцевъ
[illegible] путь былъ испорченъ
[illegible] который дошелъ до
[illegible] ему новые десанты.
[illegible] и задержаны
[illegible] уничтожено
[illegible] мъ. причемъ
[illegible] ныхъ депешъ.
[illegible] — невозможно
[illegible] боксеровъ
[illegible] провинцію.
[illegible] и даже
[illegible] нѣсколькихъ
[illegible] путь ворваться
[illegible] наши
[illegible] по разнымъ
[illegible] передъ
[illegible] явится
[illegible] возможность
[illegible] подмогу. Я
[illegible] тайный
[illegible] вступали въ
[illegible] ихъ сборища
[illegible] принимать
[illegible] имъ полную
[illegible] принять самый
[illegible] чтобы возстаніе
[illegible] мъ Чжилійской
[illegible] или сожжены въ
Пекинѣ. Изъ Бао[illegible] строившіе же-
[illegible] изнаны. Нѣсколько мужчинъ и женщинъ, въ
[illegible] главный инженеръ Оссанъ съ сестрою, безъ вѣсти
[illegible] типъ европейской жен-
[illegible] это сестра Оссана. [illegible] населеніе теперь

такъ наэлектризовано слухами о чудесахъ боксеровъ и такъ возбуждено ими противъ иностранцевъ, что легко можетъ повториться тяньцзинская рѣзня 1870 года, если немедленно не будутъ присланы большія военныя силы, которыя сразу потушатъ костеръ разгорающагося возстанія. Если боксеры упустили уже время для нападенія на Тяньцзинъ, когда въ немъ еще не было десанта европейскихъ войскъ, то какъ-бы европейцы тоже не потеряли времени и не дождались того дня, когда китайцы, увлеченные боксерами, провозгласятъ священный походъ противъ заморскихъ чертей. Тогда державы будутъ вынуждены начать правильныя военныя дѣйствія, а къ чему все это можетъ привести—трудно предвидѣть, тѣмъ болѣе, что возмущенія на религіозной и фанатической почвѣ всегда сопровождаются крайнимъ упорствомъ, жестокостью и необыкновеннымъ кровопролитіемъ. Не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія въ окончательной побѣдѣ соединеннаго европейскаго оружія, но если придется имѣть дѣло съ сотнями тысячъ китайскихъ фанатиковъ и пролетаріевъ, которымъ нѣтъ числа и которымъ терять нечего, то какъ бы не пришлось заплатить слишкомъ дорогой цѣной за такую побѣду. Война съ ордой дикихъ изувѣровъ опасна, какъ гидра, у которой на мѣсто одной отрубленной головы сейчасъ-же выростаютъ двѣ новыхъ. Иностранцы неоднократно спрашивали меня, когда-же наконецъ будутъ присланы изъ Портъ-Артура настоящія сухопутныя силы для защиты европейцевъ, такъ какъ въ нынѣшнихъ событіяхъ только пѣхотныя войска могутъ оказать дѣйствительную помощь.

— О серьезности и опасности положенія, — закончилъ полковникъ Вогакъ,—я уже нѣсколько разъ телеграфировалъ адмиралу Алексѣеву. Къ сожалѣнію, въ Пекинѣ нѣкоторые посланники совершенно не раздѣляютъ моего взгляда и не желая видѣть никакой серьезности въ совершающихся событіяхъ и удовлетворяясь успокоительными завѣреніями и любезными обѣщаніями Цзунлиямыня, готовятся не къ бѣгству изъ Пекина, пока еще не поздно, а къ переѣзду на дачу. Въ Тяньцзинѣ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ меня поддерживаетъ французскій консулъ графъ Дюшэйляръ, мой большой другъ, съ которымъ мы работаемъ въ полномъ согласіи и единеніи. Онъ совершенно раздѣляетъ мою точку зрѣнія.

[illegible]

Русскіе и иностранцы въ Тяньцзинѣ

Мой [illegible] Н. А. Шу[illegible] Японскимъ [illegible] стариннаго [illegible].

Конечно, [illegible]. Повидимому, [illegible] дорого на Дальнемъ Востокѣ, [illegible] на Востокѣ не любятъ вывѣшивать [illegible] экономіи, сберегая [illegible] напрасно трепались отъ вѣтра и дождя. [illegible] націй любятъ щеголять [illegible] консульствами.

Къ сожалѣнію, [illegible] его супругой Вѣрой [illegible] прекраснаго голоса, которая нѣсколько [illegible] карьерѣ на оперной сценѣ, но потомъ [illegible] музыкальной

славы на тихую семейную жизнь на Востокѣ. Однако, нагрянувшія событія доставили ей столько треволненій и тягостей, которыя вообще рѣдко выпадаютъ въ жизни. Въ нарядно убранной гостиной я встрѣтилъ г-жу Поппе, супругу секретаря нашего консульства, и г-жу Воронову, супругу полковника Воронова.

Когда въ гостиную вошла престарѣлая ама—няня китаянка, со сморщеннымъ добрымъ лицомъ, на маленькихъ остроконечныхъ ножкахъ, всѣ дамы заговорили съ нею покитайски. Какъ онѣ чудесно говорили на языкѣ Конфуція и Ли Хунъ Чжана! Моему восторгу китаиста, который нѣсколько лѣтъ изучалъ этотъ заколдованный языкъ на Восточномъ факультетѣ Петербургскаго университета и ничего не изучилъ,—не было предѣловъ. Въ разговорѣ дамъ китайскій языкъ звучалъ также свободно, легко и красиво, какъ и французскій. Благодаря легкости языка и постоянному общенію съ китайской прислугой, особенно нянями, наши дамы въ Китаѣ при желаніи и нѣкоторомъ трудѣ, быстро усваиваютъ этотъ языкъ. Госпожа Воронова, дочь извѣстнаго русскаго дѣятеля на Дальнемъ Востокѣ и китаиста Старцева, съ дѣтства говорящая покитайски, владѣетъ китайскимъ языкомъ въ совершенствѣ. Если бы она пожелала произнести въ Петербургѣ рѣчь на китайскомъ языкѣ, она затмила бы весь Восточный факультетъ безукоризненной чистотой и красотой произношенія, знаніемъ духа языка и богатствомъ выраженій. Полковникъ Вороновъ неоднократно пользовался ея услугами въ качествѣ переводчицы при сношеніяхъ съ генераломъ Нѣ Ши Ченомъ, который говорилъ, что рѣдко встрѣчалъ иностранцевъ, которые бы такъ блестяще владѣли китайскимъ языкомъ, какъ эта русская лингвистка. Было бы очень жаль, если бы русская наука нисколько не воспользовалась ея знаніями въ этой сферѣ, въ которой теперь еще такъ мало знатоковъ и работниковъ.

Я продолжалъ изумляться и восхищаться, когда ама принесла крошку—дочку консула, которая, на вопросъ матери, не хочетъ ли она спать, отвѣтила на чистѣйшемъ мандаринскомъ нарѣчіи:

— Бу яо!—не хочу!—и увидавъ во мнѣ чужеземца, она потянулась подъ покровительство няни.

Въ Китаѣ я нерѣдко встрѣчалъ дѣтей европейцевъ, которыя воспитывались китайскими амами—нянями и въ дѣтствѣ говорили только покитайски. Подрастая, дѣти очень неохотно переходили на языкъ родителей и всегда предпочитали китайскій языкъ, идеальный по своей разговорной легкости, простотѣ и краткости.

Дамы были въ отчаяніи. Безпорядки вокругъ Тяньцзина, или какъ русскіе ихъ называли les troubles или попросту „трубли" были предметомъ самаго взволнованнаго разговора.

Ама только-что принесла ужасныя новости. Тяньцзинъ кишитъ боксерами, которые устраиваютъ шумныя сборища и раскленваютъ по улицамъ объявленія, призывающія всѣхъ китайцевъ возстать противъ поганыхъ иностранцевъ. Во всѣхъ деревняхъ куютъ мечи, копья и алебарды.

На нѣкоторыхъ европейскихъ домахъ появились помѣтки, сдѣланныя кровью. Это знакъ, что помѣченный домъ обреченъ на сожженіе, а его обитатели на гибель. Много китайскихъ семей, принявшихъ христіанство, поголовно вырѣзаны: китайская прислуга въ ужасѣ бросаетъ своихъ господъ-европейцевъ, такъ какъ боксеры грозятъ казнью всякому китайцу, кто будетъ служить иностранцу и имѣть съ нимъ какія бы то ни было дѣла. Въ одной деревнѣ появилась святая дѣвочка, которая одарена сверхъестественными силами и дѣлаетъ чудеса.

Боксеры перевозятъ ее изъ деревни въ деревню и поклоняются ей какъ кумиру. Она предсказала изгнаніе всѣхъ „янгуйцзы"—заморскихъ чертей и торжество „ихэтуань"—боксеровъ, которые уже назначили ночь и часъ для общаго нападенія на иностранныя концессіи въ Тяньцзинѣ.

Камня на камнѣ не будетъ оставлено на мѣстѣ концессій, которыя должны быть разрушены, земля вспахана и на костяхъ европейцевъ будетъ посѣянъ гаолянъ. Первою должна быть уничтожена французская концессія, на которой живутъ ненавистные боксерамъ католическіе миссіонеры и находятся—католическій монастырь, французскій госпиталь, школы и французское и русское консульства.

Въ тотъ же день я навѣстилъ поручика 11 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Блонскаго, который лежалъ весь перевязанный во французскомъ госпиталѣ. Онъ разсказалъ, какъ его лошадь поскользнулась; онъ упалъ и на него, лежавшаго, набросились со всѣхъ сторонъ боксеры. Онъ отбивался отъ нихъ шашкой и выстрѣлами револьвера до тѣхъ поръ, пока не подскочили на выручку казаки, сотникъ Семеновъ и Нечволодовъ. Благодаря чистому воздуху и сухому климату Тяньцзина его 14 ранъ быстро заживаютъ. Раненые съ нимъ два казака также поправляются. Даже удивительный отрубленный носъ у вахмистра взошелъ, прирось и заживаетъ.

25 Мая

Русская колонія въ Тяньцзинѣ насчитываетъ въ настоящее время всего шесть семействъ. Семейные: консулъ Шуйскій, полковникъ Вороновъ, комерсантъ Батуевъ, секретарь консульства Поппе, начальникъ почтовой конторы Левицкій, комерсантъ Платуновъ. Семейство полковника Вогака не живетъ въ Тяньцзинѣ. Холостая молодежь: штабсъ-капитанъ Нечволодовъ, поручикъ Блонскій, довѣренный отдѣленія Русско-Китайскаго банка Садовниковъ, преподаватель Русско-Китайской школы Любомудровъ и служащіе у г. Батуева и Старцева, находившагося въ имѣніи на своемъ островѣ Путятина. Кромѣ того въ распоряженіи полковника Воронова находились два бравыхъ гусара, красные мундиры и побѣдоносный видъ которыхъ производили ошеломляющее впечатлѣніе на китайцевъ и даже на европейцевъ Тяньцзина.

Временно находился инженеръ Карповъ, занятый отправленіемъ рабочихъ-китайцевъ на постройку Маньчжурской желѣзной дороги. Имъ уже отправлено 80 тысячъ человѣкъ.

Всего въ русской колоніи живетъ 7 женщинъ и около 25 мущинъ.

18 мая въ Тяньцзинѣ поселены 25 казаковъ съ сотникомъ Семеновымъ. Ночью они охраняютъ русское консульство, русскую почтовую контору и дома Батуева.

Извѣстный въ Китаѣ комерсантъ Батуевъ, представитель чайной фирмы „Молчановъ и Печатновъ“, занятъ пріемомъ чаевъ, приходящихъ на пароходахъ въ Тяньцзинъ изъ Ханькоу, и отправленіемъ ихъ на верблюдахъ сухимъ путемъ, черезъ Кяхту, въ Россію. Кромѣ того въ компаніи съ иностранцами онъ ведетъ большое дѣло по продажѣ тибетскихъ и китайскихъ мѣховъ. Онъ живетъ съ семьей въ своемъ пышномъ домѣ, съ роскошной обстановкой, садомъ, флигелями и пр.

Самая многочисленная колонія—англійская, потомъ по численности слѣдуютъ: германская, бельгійская, французская и др. Итальянецъ одинъ. Онъ по профессіи парикмахеръ; держитъ свой салонъ на берегу рѣки Пэйхо и имѣетъ полное право гордиться, что итальянскій десантъ прибылъ для его охраны. Всего въ Тяньцзинѣ около 200 дамъ и дѣвицъ и 2000 мущинъ-европейцевъ. Китайское населеніе города доходитъ до милліона.

Живутъ иностранцы скучно и однообразно, трудолюбиво работаютъ днемъ, отдыхаютъ вечеромъ и строго придерживаются правильнаго образа жизни, установленнаго англичанами.

Англичане, американцы, нѣмцы, бельгійцы, французы, а за ними и русскіе—обыкновенно встаютъ въ 7 часовъ утра и, освѣжившись хорошимъ душемъ послѣ хорошаго кутежа наканунѣ, выпивъ стаканъ крѣпкаго цейлонскаго чаю и закусивъ овсянкой, яичницей и бифштексомъ, уже съ 8 часовъ утра начинаютъ наполнять свои офисы—конторы.

Работаютъ методично, молча, спокойно, усидчиво и дѣлаютъ свои дѣла—business быстро и акуратно.

Въ 12 часовъ европейцы закрываютъ офисы и ѣдутъ на рикшахъ или велосипедахъ въ Тяньцзинскій клубъ, гдѣ видятся другъ съ другомъ, читаютъ телеграммы и газеты, обмѣниваются новостями. По умному почину англичанъ, подобные международные клубы учреждены во всѣхъ главныхъ портовыхъ городахъ Китая, Кореи и Японіи и являются центральнымъ мѣстомъ, сближающимъ и объединяющимъ разноязычное общество колоніи. Туземцы—китайцы, корейцы и японцы, а также half-cast, полукастовые, т. е. люди смѣшанной расы, въ клубъ не допускаются. Его благородными членами могутъ быть только бѣлые. Дѣлами клуба завѣдуетъ выборная комиссія изъ представителей разныхъ національностей. Въ клубѣ имѣется буфетъ, бильіардъ, кегельбанъ, библіотека и читальня съ множествомъ газетъ. Прислуга въ клубѣ китайская. Всѣ члены избираются и пользуются правомъ рекомендаціи гостей, причемъ обращается страшное вниманіе на общественный рангъ даннаго лица. И только военные всѣхъ націй считаются постоянными гостями подобныхъ клубовъ.

Въ 4 часа обыкновенно бизнессы въ офисахъ заканчиваются и на велосипедахъ или верхомъ европейцы ѣдутъ за городъ на рекреаціонный плацъ играть въ теннисъ, гдѣ они встрѣчаются съ дамами.

Отъ 4 до 6 ч. въ русской колоніи пьютъ чай и въ это время можно застать хозяйку дома. Гостепріимствомъ и открытыми пріемами отличаются только русскіе. Иностранцы принимаютъ у себя очень рѣдко, только на званые обѣды. Знакомство поддерживается исключительно визитами и игрою въ теннисъ. У семейныхъ иностранцевъ совершенно не принято бывать запросто. Я объясняю это малочисленностью дамъ и дѣвицъ, оберегаемыхъ тяньцзинскими джентльменами съ удивительной ревностью, что, по слухамъ, не мѣшаетъ грандіозному распространенію въ обществѣ флирта.

Этотъ преувеличенно-строгій этикетъ, замкнутость, общественныя клѣтки и невозможность поддерживать простыя неофиціальныя

сношенія, при малочисленности дамскаго общества, дѣлаютъ жизнь въ Тяньцзинѣ очень скучной, однообразной и натянутой. Единственными общественными развлеченіями являются: спортъ, скачки, изрѣдка любительскіе спектакли, концерты и кутежи.

Въ 8 часовъ европейцы обѣдаютъ и вечеромъ уже никакими дѣлами не занимаются. Послѣ обѣда молодежь и холостежь идетъ въ клубъ или гостиницы играть на билліардѣ, въ карты или совѣщаться съ Бахусомъ и Гамбринусомъ, причемъ эти совѣщанія носятъ хотя и интимный, но обыкновенно весьма бурный характеръ.

Спортъ процвѣтаетъ въ Тяньцзинѣ въ разныхъ формахъ, изъ которыхъ три важнѣйшія: спортъ тенниса, спортъ костюмовъ и спортъ виски.

Лаунъ-теннисомъ увлекаются всѣ: дѣти, молодежь, взрослые, старики и старушки. Съ ракетами въ рукахъ они бѣгаютъ съ утра и играютъ до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ. Играютъ серьезно, степенно, съ важностью и достоинствомъ выкрикивая поанглійски: play! your game! Умѣніе играть въ теннисъ считается признакомъ хорошаго тона и неиграющій въ эту новѣйшую метательную игру показался бы въ глазахъ здѣшняго общества оригиналомъ и человѣкомъ неблагонадежнымъ, потому что ежедневно играть въ теннисъ также обязательно, какъ и ежедневно обѣдать. Играть въ теннисъ также небходимо, какъ и соблюдать требованія приличій и моды.

Поэтому второй спортъ—это спортъ костюмовъ. Не столько дамы, которыя по большей части одѣваются просто, сообразно сезону, сколько джентльмены Дальняго Востока много теряютъ времени для своего туалета. Они строжайше наблюдаютъ не только сезонъ, но и время дня и назначеніе костюма, и создали цѣлую систему одѣванія.

Англійскіе офицеры.

Тяньцзинскіе сэры аккуратно переодѣваются по нѣсколько разъ въ день и внимательно слѣдятъ за всѣми подробностями и тонкостями туалета. Лѣтомъ тропическій шлемъ долженъ непремѣнно быть одного цвѣта и стиля съ тончайшимъ тропическимъ костюмомъ и легчай-

[illegible] [illegible]. Было бы [illegible] [illegible] вкуса и этикета, [illegible], [illegible]. [illegible] не [illegible] въ [illegible] тону и фасону съ [illegible] и [illegible]. Никогда ни одинъ тяньцзинскій мн-[illegible] или [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] и репутаціей, не [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible], въ другомъ [illegible]. [illegible] въ [illegible], и никогда онъ не сдѣлаетъ такой [illegible] [illegible], чтобы перепутать костюмы и [illegible] на [illegible] съ [illegible] [illegible] во фракѣ, а на обѣдъ съ дамами въ [illegible]—а [illegible] [illegible].

— Какъ вы [illegible]!—сказалъ мнѣ однажды съ негодованіемъ одинъ тяньцзинскій комерсантъ.—Вы совершенно не обращаете вниманія на погоду: развѣ можно одѣвать такой свѣтлый галстукъ, при такомъ пасмурномъ небѣ?

Третій спортъ состоитъ въ неимовѣрномъ уничтоженіи виски. По примѣру англичанъ и американцевъ, виски пьется съ какой-нибудь содовой, преимущественно японской водой: Tansan, Hirano, Apollinaris или Aquarius. Нѣтъ часа дня или ночи, когда благородный членъ международнаго клуба не потребовалъ бы „whisky and soda“. Какъ полезно и пріятно освѣжиться стаканомъ виски-сода утромъ, со сна, послѣ мрачно и мятежно проведенной ночи! Во время занятій бизнесами въ офисахъ виски-сода проясняетъ и бодритъ мысль и содѣйствуетъ пониманію самыхъ запутанныхъ комерческихъ счетовъ и операцій. Въ клубѣ джентльмены обмѣниваются новостями между стаканами сода-виски. Виски-сода облегчаетъ и освѣжаетъ тѣло, изнемогающее отъ тропической жары. Окончивъ партію тенниса, спортсменъ обязанъ выпить бокалъ этого моднаго нектара, иначе онъ не спортсменъ. Если вы сдѣлаете визитъ вашимъ знакомымъ, васъ прежде всего спросятъ не о погодѣ, а предложатъ вамъ: не хотите ли сода-виски? Когда поздно вечеромъ въ хорошей компаніи выпиты уже всѣ сорта вина и ликеровъ, опорожнены всѣ бутылки, больше уже нечего пить и мысли плаваютъ въ туманѣ, — самое лучшее выпить виски-сода. Это сейчасъ же протрезвитъ голову и разсѣетъ самый непроницаемый туманъ.

Что можетъ быть лучше виски-сода?— спросили однажды одного члена тяньцзинскаго клуба.

Ничто, кромѣ виски безъ соды! — отвѣтилъ онъ не задумываясь. И тотъ, кто не пьетъ сода - виски, не можетъ быть джентльменомъ.

Нѣкоторые русскіе на Востокѣ усердно слѣдуютъ этикету и режиму, установленному англичанами, и до того англоманствуютъ,

что истинное джентльменство и свою цивилизаторскую миссію на Востокѣ видятъ только въ томъ, чтобы говорить поанглійски, читать лондонскій „Таймсъ“, играть въ теннисъ, носить англійскіе шлемы, черные чулки и бѣлые башмаки, выпивать ежедневно бутылку виски и презирать китайцевъ.

Консулъ Шуйскій чувствовалъ себя на другой день гораздо лучше и могъ принять меня въ своемъ кабинетѣ, окруженный русскими и китайскими книгами и рукописями.

Я былъ весьма заинтересованъ бесѣдой съ извѣстнымъ синологомъ, много лѣтъ прожившимъ въ Китаѣ и считающимся рѣдкимъ знатокомъ языка и исторіи китайцевъ.

Почтенный консулъ выглядѣлъ очень болѣзненнымъ и сидѣлъ въ своемъ креслѣ съ печальнымъ видомъ жертвы, обреченной на интервью съ неотвязчивымъ корреспондентомъ.

— Позвольте мнѣ узнать просвѣщенное мнѣніе синолога о совершающихся нынѣ событіяхъ,—спросилъ я.

— О нынѣшнихъ событіяхъ очень трудно сказать что-нибудь положительное. Подобные безпорядки бываютъ въ Китаѣ ежегодно. А секта боксеровъ, хотя и подъ другими названіями, существуетъ въ Китаѣ давно.

— Не представляютъ ли нынѣшніе безпорядки исключительнаго явленія, весьма остраго и опаснаго для иностранцевъ и для общаго спокойствія страны?

— Это покажетъ будущее.

— Какія могутъ быть послѣдствія этого возстанія боксеровъ?

— Этого никто не можетъ знать.

— Я желаю проѣхать въ китайскіе кварталы Тяньцзина и посмотрѣть на настроеніе народа. Вы ничего не будете имѣть противъ?

— Я этого никоимъ образомъ не могу допустить. Это очень опасно. Толпа разъярена противъ иностранцевъ. Васъ оскорбятъ или убьютъ, что можетъ вызвать цѣлый политическій инцидентъ и непріятную дипломатическую переписку.

— Благодарю васъ за предупрежденіе и постараюсь не вызывать дипломатической переписки. Я хотѣлъ бы узнать, какую дѣйствительную роль играетъ пекинское правительство въ совершающихся событіяхъ?

— Это знаютъ только китайскіе министры.

— Правда ли, что вдовствующая императрица покровительствуетъ боксерамъ?

— Мнѣ это офиціально не извѣстно.

— Правда ли, что Японіи принадлежитъ двусмысленная роль къ отношенію Китая и она тайно поддерживаетъ боксеровъ, съ тѣмъ чтобы разжечь возстаніе въ огромный пожаръ, который она потомъ будетъ сама же заливать и за пролитую ею воду возьметъ хорошій кусокъ Китайской суши?

Я никакъ не могу знать, чего желаетъ Японія.

Примкнутъ ли китайскія войска къ боксерамъ или нѣтъ?

Это тоже покажетъ будущее. Все, что я вамъ могъ сказать по этому вопросу, я уже сказалъ.

Поблагодаривъ за эти интересныя и рѣдкія свѣдѣнія, я отправился къ генералу Гу, бывшему китайскому инспектору портартурскаго порта. Послѣ занятія Квантуна русскими, эта единственная китайская официальная должность наблюдательнаго характера была сохранена ими въ Портъ-Артурѣ. Когда Гу долженъ былъ покинуть Артуръ вслѣдствіе своей серьезной болѣзни—паралича тѣла, эта должность вовсе уже никѣмъ не занималась и послѣ военныхъ событій была совсѣмъ упразднена

Городскія ворота въ Тяньцзинѣ.

китайскаго генерала Гу

ѣстѣ съ преподавателемъ Русско-Китайскаго училища въ Тяньцзинѣ китайцемъ Ліу, извѣстнымъ болѣе какъ Леонидъ ичъ, мы на рикшахъ пріѣхали къ сановнику третьяго класса вшему около англійской концессіи въ китайскомъ домѣ.

вошли въ комнату съ маленькими стеклянными окнами, нную китайскими картинами и изреченіями. Полъ-комнаты анято постелью подъ балдахиномъ, разрисованнымъ цвѣтами. живаемый прислугою вошелъ Гу. Онъ былъ очень боленъ, и усиленно курилъ трубку. Мы усѣлись вокругъ круглаго на круглыхъ стульяхъ съ рѣзными спинками. Мы заго- покитайски. Гу сейчасъ же спросилъ:

Какъ здоровье и какъ дѣла А-цзянцзюнь — адмирала ева?

сообщилъ и спросилъ:

Какъ здоровье великаго господина Гу?

Очень плохо, очень плохо. Тѣло разбито. Животъ не хо- Голова болитъ. Силъ нѣтъ. Едва хожу. Въ Ліушунькоу о?

— Въ Портъ-Артурѣ совершенно спокойно.

— Пока у васъ будетъ добрый и мудрый цзянцзюнь Алексѣевъ, у васъ всегда будетъ спокойно. Онъ соблюдаетъ справедливость и одинаково относится и къ русскимъ и къ китайцамъ. Это самое главное. Въ его области будетъ всегда спокойно. Мы китайцы выше всего цѣнимъ справедливость и человѣколюбіе, и всегда уважаемъ справедливыхъ и человѣколюбивыхъ людей и начальниковъ, къ какому бы народу они ни принадлежали. Вашъ цзянцзюнь Алексѣевъ мудръ какъ Ли Хунъ Чжанъ. Но только у васъ много такихъ хорошихъ чиновниковъ, а у насъ очень мало. Оттуда и происходятъ всѣ наши несчастія.

— Позвольте васъ спросить: почему возстаніе боксеровъ приняло такіе громадные размѣры? Неужели его поддерживаетъ китайское правительство?

Потухшіе глаза стараго курильщика неожиданно загорѣлись блескомъ негодованія:

— Я думаю, что тамъ въ Пекинѣ они всѣ сошли съ ума. Они хотятъ погубить Китай. Дуань-ванъ-ѣ—князь Туанъ и его

Носилки китайскаго генерала.

приспѣшники управляютъ теперь государственными дѣлами, но они въ нихъ ничего не понимаютъ и они доведутъ насъ до войны съ иностранцами. Какъ и сорокъ лѣтъ назадъ Пекинъ будетъ

осажденъ, наши войска разбѣгутся, дворцы будутъ разрушены, а бѣдный народъ и купцы заплатятъ неимовѣрную контрибуцію, за трусость войскъ и глупыя головы чиновниковъ. Если бы у насъ всѣ министры и губернаторы были такъ умны, какъ Ли-Хунъ Чжанъ, Юань Ши Кай или ваши Алексѣевъ и Суботичъ, который тоже былъ хорошій цзянцзюнь и всегда былъ справедливъ къ китайцамъ, то у насъ никогда бы не было ихэтуань — боксеровъ. Вѣдь у Юань Ши Кая на Шаньдунѣ ихъ нѣтъ: онъ ихъ всѣхъ разогналъ и въ его провинціи все будетъ спокойно, потому что онъ понимаетъ дѣла. Пейте чай, прошу! цинъ, цинъ!

Прислуга уставила столъ печеніями, сладостями, засахаренными фруктами и ежеминутно наливала гостямъ свѣтлозеленый душистый чай въ крохотныя чашечки. Почтенный Гу продолжалъ:

— Хотя я самъ мандаринъ, но долженъ сказать, что китайцы хорошіе купцы, но плохіе чиновники. А объ иностранныхъ дѣлахъ они не имѣютъ никакого представленія. Если бы наши чиновники были умны, то они скорѣе уничтожили бы всѣхъ этихъ разбойниковъ, но не позволили бы имъ трогать иностранцевъ, потому что за одного тронутаго иностранца потомъ платятся сто невинныхъ китайцевъ, если не больше. Боксеры-ихэтуань—это наше истинное несчастіе. Говоря, что они избранники и посланники неба, они толпами врываются въ деревни и города, требуютъ, чтобы ихъ кормили, берутъ лошадей, одежду и только грабятъ народъ. Они хотятъ уничтожить китайцевъ христіанъ и выжигаютъ цѣлыя деревни. Они кровожадны какъ волки и барсы, но и какъ дикіе звѣри дальше своихъ лѣсовъ и горъ они ничего не знаютъ. Они воображаютъ, что ихъ боксерскія заклинанія и ладонки сильнѣе заморскихъ пушекъ и ружей, которыхъ они не боятся. Эти безумцы убѣждены, что они безсмертны и хотятъ драться съ иностранцами. Посмотримъ, что они скажутъ, когда столкнутся съ иностранными солдатами, которыхъ они никогда не видали, или съ иностранными пушками, выстрѣла которыхъ они тоже никогда не слыхали. Нашъ глупый невѣжественный народъ, часто никогда не видѣвшій ни одного иностранца, вмѣсто того чтобы прогнать всѣхъ этихъ разбойниковъ, вѣритъ всѣмъ ихъ розсказнямъ и слѣпо идетъ за ними.

— А наши министры,—заговорилъ Гу съ отчаяніемъ,—и князь Дуань воспользовались невѣжествомъ народа и этими смутами, чтобы захватить въ свои руки власть, и объявили себя друзьями ихэтуань—союза боксеровъ. Дѣлами теперь управляетъ

Китайское училище.

Въ Русско-китайскомъ училищѣ

Училище основано въ 1896 г. трудами и заботливостью бывшаго секретаря русскаго консульства въ Тяньцзинѣ, нынѣ консула въ Инкоу Викт. Федор. Гроссе, воспитанника Восточнаго факультета Петербургскаго университета, прекраснаго китаиста, бывшаго первымъ учителемъ созданной имъ русской школы—первой въ Китаѣ. При содѣйствіи князя Э. Э. Ухтомскаго, командированнаго въ то время въ Пекинъ по Высочайшему повелѣнію, китайское правительство отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ учрежденію русско-китайской школы и дало для этой цѣли средства и дома. Во главѣ училища назначенъ китаецъ-директоръ тяньцзинской таможни, которому принадлежитъ общее руководство. Кромѣ того назначены: китаецъ - инспекторъ и учителя китайскаго языка и русскіе учителя. Всѣ расходы по содержанію штата китайское правительство взяло на себя: 700 ланъ или около 1000 руб. въ мѣсяцъ.

Гроссе такъ серьезно и умѣло повелъ дѣло преподаванія, что школа стала скоро пользоваться популярностью среди китайцевъ и комплектъ учениковъ—30 человѣкъ былъ въ ней всегда полонъ.

Мы навѣстили новаго преподавателя училища г. Любомудрова, который любезно сталъ показывать учебное заведеніе.

По примѣру другихъ китайскихъ зданій, училище занимаетъ нѣсколько квадратныхъ мощеныхъ дворовъ, обнесенныхъ комнатами, въ которыхъ живутъ ученики и учителя, классами, столовой, кухней и галлереей. Русскій учитель г. Любомудровъ живетъ анахоретомъ въ двухъ комнатахъ, заваленныхъ книгами и убранныхъ китайскими іероглифами и картинами. Входъ завѣшенъ цыновкой. Русскій учитель, кромѣ квартиры съ освѣщеніемъ и всѣми услугами, получаетъ 200 ланъ—300 рублей въ мѣсяцъ. Навѣстивъ инспектора училища, стараго ученаго китайца съ большими очками, мы осмотрѣли классы, которые помѣщались въ просторныхъ свѣтлыхъ комна-

Китайскій базаръ.

тахъ. Доски, черные китайскіе столики и табуреты для учениковъ были разставлены въ порядкѣ. На стѣнахъ висѣли географическія карты и картины изъ русской исторіи. Во всѣхъ помѣщеніяхъ поддерживалась строгая чистота, порядокъ и исправность. Въ школѣ преподавали: китайскій языкъ, русскій языкъ, ариѳметику, географію и русскую исторію.

— Какъ ученики проходятъ русскую исторію?—полюбопытствовалъ я.

— Китайцы вообще любятъ изучать исторію—отвѣтилъ Ліу.— А *наши* ученики прямо увлекаются русской исторіей, потому что *она иногда* напоминаетъ имъ ихъ родную исторію. У насъ былъ

одинъ ученикъ Ліу Ши Чжэнъ, хорошо говорившій по-русски, который до того почиталъ великаго князя Ярослава за его мудрость и справедливость, что просилъ окрестить его самого Ярославомъ Ивановичемъ, и такъ его зовутъ теперь русскіе. А предъ Петромъ Великимъ наши ученики благоговѣютъ и мечтаютъ о томъ времени, когда въ Китаѣ народится такой-же великій императоръ.

Мы прошли въ маленькія комнатки, въ которыхъ жили ученики, отъ 14 до 26 лѣтъ по 2 человѣка въ каждой. Каменныя лежанки, крытыя цыновками, столики съ русскими и китайскими книжками, скамейки и изреченія на стѣнахъ были скромнымъ убранствомъ комнатъ. Ученики въ тоненькихъ шелковыхъ халатахъ, напоминающихъ наши подрясники, почтительно стояли у своихъ столиковъ. Я попросилъ одного изъ нихъ показать тетради. Съ особенной вѣжливостью онъ развернулъ предо мной тетрадь, въ которой я увидалъ четко и старательно написанныя русскія фразы.

По всѣму было видно, что труды Гроссе не пропали даромъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ отчетливо порусски, старательно выговаривая всѣ слоги, что его зовутъ Ліу Ши Минъ; что у него есть братъ Ярославъ Ивановичъ, который тоже учился въ этомъ училищѣ, а теперь находится въ Портъ - Артурѣ; что ему 18 лѣтъ, а его отцу 54; его отецъ бывшій китайскій офицеръ; большинство родителей учениковъ—богатые купцы или чиновники; онъ мечтаетъ по окончаніи училища уѣхать въ Россію.

— Всѣ наши ученики мечтаютъ о поѣздкѣ въ Россію,—замѣтилъ учитель Ліу.

— Довольны вы вашими учениками? — спросилъ я Любомудрова.

— Очень. Ими нельзя не быть довольнымъ. Это серьезный, трудолюбивый и воспитанный народъ. Они учатся весь день, учатся спокойно, старательно. Ихъ поведеніе безукоризненно. Никакія шалости и озорническія продѣлки, которыми такъ любятъ хвастать европейскіе мальчики, имъ не извѣстны. Къ учителямъ они относятся, въ силу традиціи, съ тѣмъ уваженіемъ и безусловнымъ довѣріемъ, которыхъ я никогда не встрѣчалъ въ Россіи. А между тѣмъ всѣ они еще въ отроческомъ возрастѣ. По случаю боксерскихъ безпорядковъ, мы распустили большую часть учениковъ. Здѣсь остались только тѣ, кто еще не успѣлъ уѣхать, или кому ѣхать очень далеко.

— А какъ они относятся къ боксерамъ?

... напали на училище. ... тла. Говорили, что ... которые не успѣли ... Леонидъ Ивановичъ и китайскіе учителя ... покинули училище.

... мы проѣзжали мимо городскихъ воротъ, въ глаза бро... наклеенное объявленіе на китайскомъ языкѣ. Соста... стихахъ объявленіе гласило:

...мператоръ наконецъ становится могущественнымъ. ...атуанцевъ царскаго рода. Въ три мѣсяца всѣ ...ъ убиты или изгнаны изъ Китая.

БОКСЕРСКОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ

„Въ сорокъ лѣтъ имперія стала полна чужеземцевъ. Они раздѣлили нашу землю. Съ тѣхъ поръ какъ газета „Говэньбао“ принадлежитъ японцамъ, она говоритъ объ ихэтуанцахъ одинъ вздоръ. Мы предупреждаемъ ея владѣльцевъ, чтобы они болѣе не говорили вздора. Если они будутъ продолжать, то ихъ домъ будетъ разрушенъ. Братья не должны бояться. На сѣверѣ десять разъ десять тысячъ.

„Когда иностранцы будутъ прогнаны вонъ, тогда мы вернемся на холмы.

На объявленіи было приписано: „Пусть прохожіе слѣдятъ за тѣмъ, чтобы иностранцы не сорвали объявленія“. Возлѣ стояли китайскіе полицейскіе и съ почтеніемъ взирали на прокламацію боксеровъ.

Ліу смотрѣлъ и только посмѣивался.

В. Ф. Гроссе.

Въ „Лучезарномъ Теремѣ“

„Лучезарный Теремъ“, къ которому насъ подвезли рикши, находился въ темномъ переулкѣ, въ самомъ началѣ китайскаго квартала. Онъ имѣлъ темный, грязный и неряшливый видъ и былъ расположенъ въ двухъ этажахъ китайскаго дома: внизу

Китайскіе магазины.

бакалейная и виноторговля для европейцевъ попроще, матросовъ и солдатъ, наверху ресторанъ съ смѣшанной европейско-китайской кухней.

Мы поднялись наверхъ и заняли отдѣльный кабинетъ. По стѣнамъ висѣли китайскія картины, рисованныя по стеклу и изображавшія не только идиллическіе домики съ прекрасными китаянками, но и китайскіе военные крейсера, подъ которыми лиловая вода клубилась барашками. Комнату украшали полинявшія зеркала и китайскіе искусственные цвѣты, яркіе и пестрые. Подали китайскія сласти, европейскій обѣдъ и французское шампанское шанхайскаго происхожденія.

Леонидъ Ивановичъ Ліу, умный, дѣльный и предпріимчивый китаецъ, еще въ Пекинѣ хорошо изучившій китайскій и русскій языки, былъ переводчикомъ при ямынѣ Чжилійскаго вицекороля и преподавателемъ русскаго училища. За свои заслуги, не смотря на молодые годы, онъ былъ награжденъ синимъ шарикомъ четвертой степени. Онъ любилъ Россію и русскихъ и искалъ друзей среди русскихъ. Надъ боксерами онъ смѣялся. Избалованный служебными успѣхами, онъ нѣсколько иронически смотрѣлъ на окружающее:

— Отъ нашихъ сумашедшихъ боксеровъ никакого толку не будетъ. Они только причинятъ намъ множество непріятностей. Это дикій невѣжественный народъ, который вѣритъ, что достаточно проглотить черносливъ, чтобы устрашить вражеское войско, и поѣсть чернаго гороху, чтобы взять непріятельскую крѣпость. Но нѣкоторые наши министры не лучше боксеровъ, такъ какъ подобно имъ они ничего не понимаютъ въ иностранныхъ дѣлахъ. Я совершенно не могу себѣ объяснить, на что они разсчитываютъ. Вѣдь не на наши войска, отъ которыхъ также мало пользы, какъ и отъ самихъ мандариновъ, и которыя не умѣютъ стрѣлять и только потому носятъ ружья, что не умѣютъ заняться другимъ болѣе полезнымъ и почтеннымъ дѣломъ.

— Неужели у васъ нѣтъ хорошихъ регулярныхъ войскъ?

— Хорошо дисциплинированныя войска есть у генераловъ— Нѣ, Сунъ и Ма, но только ихъ очень мало. Больше войскъ на бумагѣ. Очень хорошія обученныя войска въ Маньчжуріи и у Юань Ши Кая, но онъ ихъ сюда не пришлетъ, такъ какъ ему нужно охранять Шаньдунъ отъ германцевъ, съ которыми труднѣе справиться, чѣмъ съ боксерами. Поэтому боксеровъ онъ сплавилъ сюда, а себѣ развязалъ руки. Нѣмцы можетъ быть и хотятъ что-нибудь еще оторвать на Шаньдунѣ, какъ они оторвали Цзяочжоу, да только не могутъ найти повода, чтобы придраться, такъ какъ Юань Ши Кай очень уменъ и остороженъ. Это нашъ второй Ли Хунъ Чжанъ.

— Они ихъ очень боятся, такъ какъ боксеры объявили смерть всякому, кто имѣлъ дѣло съ иностранцами. Мое положеніе здѣсь внѣ концессій тоже очень опасное и поэтому я на ночь переѣзжаю въ гостиницу Astor - House.

— Ты любишь ихэтуань?—спросилъ я одного мальчика.

Онъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не люблю боксеровъ. Они нехорошіе люди. Они убиваютъ людей и жгутъ дома. Я ихъ очень боюсь и тоже уѣду изъ Тяньцзина.

Когда мы окончили осмотръ училища, Ліу обратился къ Любомудрову и ко мнѣ со словами:

— Господа, поѣдемте теперь въ китайскій ресторанъ „Лучезарный Теремъ", пообѣдаемъ и выпьемъ добраго вина, пока на насъ еще не нападаютъ боксеры. Потомъ, вѣроятно, намъ всѣмъ будетъ некогда.

Я простился съ почтеннымъ инспекторомъ-китайцемъ и крѣпко пожалъ руки этимъ славнымъ воспитаннымъ и серьезнымъ мальчикамъ, которые рисковали жизнью, изучая языкъ дружественнаго имъ народа, можетъ быть единственнаго государства, которое можетъ стать дѣйствительнымъ и вѣковымъ другомъ китайцевъ.

Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ эти узкоглазые и косатые юноши, съ заложенными въ нихъ сѣменами благоговѣнія и привязанности къ Россіи, изучивъ ея языкъ, исторію и бытъ, будутъ дѣятельно служить великому дѣлу дружбы и тѣсныхъ мирныхъ сношеній между двумя сосѣдами—великанами Азіи. Но теперь они дрожали за свою участь, такъ какъ изучали языкъ чужого государства. Все же иностранное осуждено и заклеймено ихэтуанцами, ослѣпленными патріотами, ведущими свою родину къ погибели. Какая горькая иронія исторіи!

Ровно черезъ недѣлю боксеры ночью напали на училище, разорили и сожгли всѣ учебныя зданія до тла. Говорили, что подъ развалинами погибло нѣсколько учениковъ, которые не успѣли спастись. Любомудровъ, Леонидъ Ивановичъ и китайскіе учителя заблаговременно покинули училище.

Когда мы проѣзжали мимо городскихъ воротъ, въ глаза бросилось свѣже наклеенное объявленіе на китайскомъ языкѣ. Составленное въ стихахъ объявленіе гласило:

„Нашъ императоръ наконецъ становится могущественнымъ. Предводитель ихэтуанцевъ царскаго рода. Въ три мѣсяца всѣ *иностранцы будутъ* убиты или изгнаны изъ Китая.

„Въ сорокъ лѣтъ имперія стала полна чужеземцевъ. Они раздѣлили нашу землю. Съ тѣхъ поръ какъ газета „Говэньбао“ принадлежитъ японцамъ, она говоритъ объ ихэтуанцахъ одинъ вздоръ. Мы предупреждаемъ ея владѣльцевъ, чтобы они болѣе не говорили вздора. Если они будутъ продолжать, то ихъ домъ будетъ разрушенъ. Братья не должны бояться. На сѣверѣ десять разъ десять тысячъ.

„Когда иностранцы будутъ прогнаны вонъ, тогда мы вернемся на холмы.

На объявленіи было приписано: „Пусть прохожіе слѣдятъ за тѣмъ, чтобы иностранцы не сорвали объявленія“. Возлѣ стояли китайскіе полицейскіе и съ почтеніемъ взирали на прокламацію боксеровъ.

Ліу смотрѣлъ и только посмѣивался.

В. Ф. Гроссе.

Мы навѣстили новаго преподавателя училища г. Любомудрова, который любезно сталъ показывать учебное заведеніе.

По примѣру другихъ китайскихъ зданій, училище занимаетъ нѣсколько квадратныхъ мощеныхъ дворовъ, обнесенныхъ комнатами, въ которыхъ живутъ ученики и учителя, классами, столовой, кухней и галлереей. Русскій учитель г. Любомудровъ живетъ анахоретомъ въ двухъ комнатахъ, заваленныхъ книгами и убранныхъ китайскими іероглифами и картинами. Входъ завѣшенъ цыновкой. Русскій учитель, кромѣ квартиры съ освѣщеніемъ и всѣми услугами, получаетъ 200 ланъ—300 рублей въ мѣсяцъ. Навѣстивъ инспектора училища, стараго ученаго китайца съ большими очками, мы осмотрѣли классы, которые помѣщались въ просторныхъ свѣтлыхъ комна-

Китайскій базаръ.

тахъ. Доски, черные китайскіе столики и табуреты для учениковъ были разставлены въ порядкѣ. На стѣнахъ висѣли географическія карты и картины изъ русской исторіи. Во всѣхъ помѣщеніяхъ поддерживалась строгая чистота, порядокъ и исправность. Въ школѣ преподавали: китайскій языкъ, русскій языкъ, ариѳметику, географію и русскую исторію.

— Какъ ученики проходятъ русскую исторію?—полюбопытствовалъ я.

— Китайцы вообще любятъ изучать исторію—отвѣтилъ Ліу.— А наши ученики прямо увлекаются русской исторіей, потому что она иногда напоминаетъ имъ ихъ родную исторію. У насъ былъ

одинъ ученикъ Ліу Ши Чжэнъ, хорошо говорившій по-русски, который до того почиталъ великаго князя Ярослава за его мудрость и справедливость, что просилъ окрестить его самого Ярославомъ Ивановичемъ, и такъ его зовутъ теперь русскіе. А предъ Петромъ Великимъ наши ученики благоговѣютъ и мечтаютъ о томъ времени, когда въ Китаѣ народится такой-же великій императоръ.

Мы прошли въ маленькія комнатки, въ которыхъ жили ученики, отъ 14 до 26 лѣтъ по 2 человѣка въ каждой. Каменныя лежанки, крытыя цыновками, столики съ русскими и китайскими книжками, скамейки и изреченія на стѣнахъ были скромнымъ убранствомъ комнатъ. Ученики въ тоненькихъ шелковыхъ халатахъ, напоминающихъ наши подрясники, почтительно стояли у своихъ столиковъ. Я попросилъ одного изъ нихъ показать тетради. Съ особенной вѣжливостью онъ развернулъ предо мной тетрадь, въ которой я увидалъ четко и старательно написанныя русскія фразы.

По всѣму было видно, что труды Гроссе не пропали даромъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ отчетливо порусски, старательно выговаривая всѣ слоги, что его зовутъ Ліу Ши Минъ; что у него есть братъ Ярославъ Ивановичъ, который тоже учился въ этомъ училищѣ, а теперь находится въ Портъ - Артурѣ; что ему 18 лѣтъ, а его отцу 54; его отецъ бывшій китайскій офицеръ; большинство родителей учениковъ—богатые купцы или чиновники; онъ мечтаетъ по окончаніи училища уѣхать въ Россію.

— Всѣ наши ученики мечтаютъ о поѣздкѣ въ Россію,—замѣтилъ учитель Ліу.

— Довольны вы вашими учениками? — спросилъ я Любомудрова.

— Очень. Ими нельзя не быть довольнымъ. Это серьезный, трудолюбивый и воспитанный народъ. Они учатся весь день, учатся спокойно, старательно. Ихъ поведеніе безукоризненно. Никакія шалости и озорническія продѣлки, которыми такъ любятъ хвастать европейскіе мальчики, имъ не извѣстны. Къ учителямъ они относятся, въ силу традиціи, съ тѣмъ уваженіемъ и безусловнымъ довѣріемъ, которыхъ я никогда не встрѣчалъ въ Россіи. А между тѣмъ всѣ они еще въ отроческомъ возрастѣ. По случаю боксерскихъ безпорядковъ, мы распустили большую часть учениковъ. Здѣсь остались только тѣ, кто еще не успѣлъ уѣхать, или кому ѣхать *очень* далеко.

— *А* какъ они относятся къ боксерамъ?

— Они ихъ очень боятся, такъ какъ боксеры объявили смерть всякому, кто имѣлъ дѣло съ иностранцами. Мое положеніе здѣсь внѣ концессій тоже очень опасное и поэтому я на ночь переѣзжаю въ гостиницу Astor - House.

— Ты любишь ихэтуань?—спросилъ я одного мальчика.

Онъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не люблю боксеровъ. Они нехорошіе люди. Они убиваютъ людей и жгутъ дома. Я ихъ очень боюсь и тоже уѣду изъ Тяньцзина.

Когда мы окончили осмотръ училища, Ліу обратился къ Любомудрову и ко мнѣ со словами:

— Господа, поѣдемте теперь въ китайскій ресторанъ „Лучезарный Теремъ", пообѣдаемъ и выпьемъ добраго вина, пока на насъ еще не нападаютъ боксеры. Потомъ, вѣроятно, намъ всѣмъ будетъ некогда.

Я простился съ почтеннымъ инспекторомъ-китайцемъ и крѣпко пожалъ руки этимъ славнымъ воспитаннымъ и серьезнымъ мальчикамъ, которые рисковали жизнью, изучая языкъ дружественнаго имъ народа, можетъ быть единственнаго государства, которое можетъ стать дѣйствительнымъ и вѣковымъ другомъ китайцевъ.

Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ эти узкоглазые и косатые юноши, съ заложенными въ нихъ сѣменами благоговѣнія и привязанности къ Россіи, изучивъ ея языкъ, исторію и бытъ, будутъ дѣятельно служить великому дѣлу дружбы и тѣсныхъ мирныхъ сношеній между двумя сосѣдами—великанами Азіи. Но теперь они дрожали за свою участь, такъ какъ изучали языкъ чужого государства. Все же иностранное осуждено и заклеймено ихэтуанцами, ослѣпленными патріотами, ведущими свою родину къ погибели. Какая горькая иронія исторіи!

Ровно черезъ недѣлю боксеры ночью напали на училище, разорили и сожгли всѣ учебныя зданія до тла. Говорили, что подъ развалинами погибло нѣсколько учениковъ, которые не успѣли спастись. Любомудровъ, Леонидъ Ивановичъ и китайскіе учителя заблаговременно покинули училище.

Когда мы проѣзжали мимо городскихъ воротъ, въ глаза бросилось свѣжее наклеенное объявленіе на китайскомъ языкѣ. Составленное въ стихахъ объявленіе гласило:

„Нашъ императоръ наконецъ становится могущественъ
Предводитель ихэтуанцевъ царскаго рода. Въ три мѣс
иностранцы будутъ убиты или изгнаны изъ Китая.

БОКСЕРСКОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ

„Въ сорокъ лѣтъ имперія стала полна чужеземцевъ. Они раздѣлили нашу землю. Съ тѣхъ поръ какъ газета „Говэньбао“ принадлежитъ японцамъ, она говоритъ объ ихэтуанцахъ одинъ вздоръ. Мы предупреждаемъ ея владѣльцевъ, чтобы они болѣе не говорили вздора. Если они будутъ продолжать, то ихъ домъ будетъ разрушенъ. Братья не должны бояться. На сѣверѣ десять разъ десять тысячъ.

„Когда иностранцы будутъ прогнаны вонъ, тогда мы вернемся на холмы.

На объявленіи было приписано: „Пусть прохожіе слѣдятъ за тѣмъ, чтобы иностранцы не сорвали объявленія“. Возлѣ стояли китайскіе полицейскіе и съ почтеніемъ взирали на прокламацію боксеровъ.

Ліу смотрѣлъ и только посмѣивался.

В. Ф. Гроссе.

Въ „Лучезарномъ Теремѣ“

„Лучезарный Теремъ“, къ которому насъ подвезли рикши, находился въ темномъ переулкѣ, въ самомъ началѣ китайскаго квартала. Онъ имѣлъ темный, грязный и неряшливый видъ и былъ расположенъ въ двухъ этажахъ китайскаго дома: внизу

Китайскіе магазины.

бакалейная и виноторговля для европейцевъ попроще, матросовъ и солдатъ, наверху ресторанъ съ смѣшанной европейско-китайской кухней.

Мы поднялись наверхъ и заняли отдѣльный кабинетъ. По стѣнамъ висѣли китайскія картины, рисованныя по стеклу и изображавшія не только идиллическіе домики съ прекрасными китаянками, но и китайскіе военные крейсера, подъ которыми лиловая вода клубилась барашками. Комнату украшали полинявшія зеркала и китайскіе искусственные цвѣты, яркіе и пестрые. Подали китайскія сласти, европейскій обѣдъ и французское шампанское шанхайскаго происхожденія.

Леонидъ Ивановичъ Ліу, умный, дѣльный и предпріимчивый китаецъ, еще въ Пекинѣ хорошо изучившій китайскій и русскій языки, былъ переводчикомъ при ямынѣ Чжилійскаго вицекороля и преподавателемъ русскаго училища. За свои заслуги, не смотря на молодые годы, онъ былъ награжденъ синимъ шарикомъ четвертой степени. Онъ любилъ Россію и русскихъ и искалъ друзей среди русскихъ. Надъ боксерами онъ смѣялся. Избалованный служебными успѣхами, онъ нѣсколько иронически смотрѣлъ на окружающее:

— Отъ нашихъ сумашедшихъ боксеровъ никакого толку не будетъ. Они только причинятъ намъ множество непріятностей. Это дикій невѣжественный народъ, который вѣритъ, что достаточно проглотить черносливъ, чтобы устрашить вражеское войско, и поѣсть чернаго гороху, чтобы взять непріятельскую крѣпость. Но нѣкоторые наши министры не лучше боксеровъ, такъ какъ подобно имъ они ничего не понимаютъ въ иностранныхъ дѣлахъ. Я совершенно не могу себѣ объяснить, на что они разсчитываютъ. Вѣдь не на наши войска, отъ которыхъ также мало пользы, какъ и отъ самихъ мандариновъ, и которыя не умѣютъ стрѣлять и только потому носятъ ружья, что не умѣютъ заняться другимъ болѣе полезнымъ и почтеннымъ дѣломъ.

— Неужели у васъ нѣтъ хорошихъ регулярныхъ войскъ?

— Хорошо дисциплинированныя войска есть у генераловъ— Нѣ, Сунъ и Ма, но только ихъ очень мало. Больше войскъ на бумагѣ. Очень хорошія обученныя войска въ Маньчжуріи и у Юань Ши Кая, но онъ ихъ сюда не пришлетъ, такъ какъ ему нужно охранять Шаньдунъ отъ германцевъ, съ которыми труднѣе справиться, чѣмъ съ боксерами. Поэтому боксеровъ онъ сплавилъ сюда, а себѣ развязалъ руки. Нѣмцы можетъ быть и хотятъ что-нибудь еще оторвать на Шаньдунѣ, какъ они оторвали Цзяочжоу, да только не могутъ найти повода, чтобы придраться, такъ какъ Юань Ши Кай очень уменъ и остороженъ. Это нашъ второй Ли Хунъ Чжанъ.

— Инструктора принесли вамъ какую-нибудь пользу?

— Я думаю—никакой. Они устраивали парады съ нашими войсками, получали большое жалованіе, больше имъ ничего не было нужно. Наши солдаты очень довольны, что научились маршировать по иностранному. Если имъ прикажутъ драться съ боксерами, они будутъ драться. Если прикажутъ стрѣлять въ иностранцевъ, они будутъ стрѣлять въ иностранцевъ. Имъ это совершенно все равно. Но если гдѣ будетъ возможно пограбить, тамъ они всегда будутъ заодно съ боксерами.

— Какъ теперь народъ относится къ боксерамъ?—продолжалъ Ліу.—Глупый невѣжественный народъ, который знаетъ объ иностранцахъ только понаслышкѣ или по миссіонерамъ, переодѣтымъ въ китайское платье, вѣритъ, что боксеры—посланники неба и избавители отъ иностранныхъ дьяволовъ. Поэтому они наобумъ идутъ за боксерами, такъ какъ ничего не понимаютъ. Горожане и купцы, которые постоянно имѣютъ дѣла съ иностранцами, вовсе не на сторонѣ боксеровъ. Они знаютъ, какія бѣдствія будутъ причинены боксерами, но они ничего не могутъ подѣлать. Многіе изъ нихъ уже теперь уѣзжаютъ изъ Тяньцзина въ болѣе отдаленныя и спокойныя мѣста.

Бой разлилъ въ бокалы легкое шампанское вино, которое китайцы пьютъ не менѣе охотно, чѣмъ европейцы, и такъ же хорошо различаютъ его марки.

— Разскажите, Леонидъ Ивановичъ, все, что вы знаете о боксерахъ. А, главное, пейте больше. Хорошее вино связываетъ друзей и развязываетъ языкъ.

— А по моему, оно до того завязываетъ языкъ, что потомъ друзья даже не въ состояніи объясниться другъ съ другомъ и говорятъ такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ китайскомъ словарѣ,—сказалъ Леонидъ Ивановичъ и снявъ съ себя верхнюю шелковую кофту, такъ какъ становилось очень жарко, съ удовольствіемъ хлебнулъ прохладной сладкой влаги и началъ:

— Боксеры давно существуютъ въ Китаѣ, около ста лѣтъ, образуя разныя тайныя и явныя общества, подъ разными названіями. Самымъ древнимъ было общество „Бѣлаго лотоса“ —„Бай лянь цзяо,“ которое произвело возмущеніе противъ правительства при императорѣ Цзя-Цинъ (1796—1821), грабило и разоряло Южный Китай. Безпорядки, смуты и разбои были тогда такіе же, какъ и теперь. Императоръ послалъ свои войска и разсѣялъ общество „Бѣлаго лотоса“. Члены его разбѣжались

по всему Китаю и повсюду проповѣдывали свое тайное ученіе противъ воцарившейся новой Маньчжурской династіи Циновъ, для возстановленія бывшей Китайской династіи Миновъ. Поэтому ихъ девизомъ было: „Фу минъ фань цинъ“ — „Возстановить Миновъ, ниспровергнуть Циновъ“. Но кромѣ политики, они стали заниматься еще мистикой и разными волшебствами, чудесами и гаданіями, въ которыя очень вѣритъ простой глупый народъ. Заодно съ боксерами стали дѣйствовать буддійскіе и даоскіе монахи и монахини и объявили эти тайныя общества подъ охраною Будды и другихъ святыхъ. Такъ какъ взрослый не станетъ заниматься всѣми этими глупостями, то вожаки и монахи стали набирать мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ обучали своимъ тайнамъ и готовили изъ нихъ боксеровъ-кулачниковъ. Для того чтобы эти дѣти и юноши сдѣлались здоровыми и сильными людьми и могли, когда нужно, сражаться, то мальчиковъ и даже дѣвочекъ обучаютъ гимнастикѣ, умѣнію владѣть мечомъ и пріучаютъ ихъ къ выносливости и голоду. Когда иностранцы, особенно миссіонеры, стали слишкомъ обижать китайцевъ, надоѣдать и причинять намъ разныя непріятности, отбирать наши земли и за каждый пустякъ грозить намъ войною, тогда тайныя общества направили свою дѣятельность не противъ маньчжурскаго правительства, а противъ всѣхъ иностранцевъ, и вмѣсто прежняго девиза „Возстановить Миновъ и ниспровергнуть Циновъ“, провозгласили другой: „Бао цинъ мей янъ“ — „Охранять Циновъ и уничтожать заморскихъ“. Боксерамъ еще болѣе стали помогать буддійскіе жрецы, такъ какъ распространеніе христіанства въ Китаѣ стало угрожать ихъ вѣрѣ и имъ самимъ. Появилось общество „Краснаго фонаря“ — „Хунъ Дэнъ Чжао“, въ которомъ монахини развивали дѣвочекъ посредствомъ чудесной гимнастики даосовъ и учили ихъ созерцанію, самоуглубленію и самоусыпленію. Во снѣ и въ безчувствіи дѣвочки говорили пророчества, которыхъ никто не понималъ. Возникли общества „Большого ножа“ — „Да дао“, „Глинянаго горшка“ — „Ша го“, „Охраны государства“ — „Бао го“, и „Уничтоженія дьяволовъ“ — „Ша гуй“. Наконецъ появилось самое могущественное общество „Большого кулака“ — „Да цюань“, которое потомъ стало называться „Кулакомъ правды и согласія“ — „И хэ цюань“.

— Въ нынѣшнемъ году оно получило названіе „И хэ туань“ — „Дружина правды и согласія“. Главная дружина боксеровъ находилась въ Шаньдунѣ и называлась „Шаньдунъ цзунъ туань“. У насъ еще раньше бывали въ деревняхъ добровольныя дружины

поселянъ „Туаньлянь“, которыя занимались военными упражненіями, охраняли свои дома—фанзы отъ разбойниковъ и если было нужно, то поступали въ войска и шли на войну. Теперь всѣ эти дружины поступаютъ въ ряды „Ихэтуань“ и объявляютъ походъ противъ всѣхъ иностранцевъ, къ сожалѣнію,—и противъ русскихъ. Но вѣдь нашъ глупый народъ не разбираетъ. Онъ знаетъ только, что это „Вайго жень“—„иностранецъ“, котораго надо убивать. „Мей янъ“ — „Гибель заморскимъ“! Отъ этого ужаснаго клича гибнутъ не только иностранцы, но и китайскіе купцы,—всѣ, кто только торговалъ съ иностранцами или продавалъ иностранные товары или имѣлъ какія-нибудь дѣла съ заморскими. Гибнутъ тысячи китайцевъ-христіанъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей. Ужасныя времена. Всѣ дѣла, ремесла и торговля прекратились. Мы сами не знаемъ, что намъ дѣлать, какъ спасаться отъ этихъ бѣдствій и чѣмъ все это кончится. Я болѣе не рѣшаюсь оставаться въ Тяньцзинѣ, такъ какъ боюсь, что боксеры не простятъ мнѣ русскаго языка, и завтра уѣзжаю въ болѣе безопасное мѣсто. Хотя боксеры и называютъ себя „Дружиной правды и согласія“, но это совершенная ложь: они сами совершаютъ страшныя несправедливости, убивая всѣхъ и каждаго безъ разбора, и только вносятъ еще большій разладъ и смуты въ нашъ народъ. Поэтому я пью за то, чтобы правда и согласіе всегда процвѣтали между Китаемъ и Россіей и чтобы эти два старыхъ великихъ друга всегда помогали одинъ другому въ эти бѣдственныя несчастія. Цинъ! Цинъ! Прошу!

— Цинъ! Цинъ!

Мы выпили.

Въ Пекинѣ.

Въ Пекинѣ

Въ началѣ мая, 6/19 числа, французскій епископъ Фавье, глава католической духовной миссіи въ Пекинѣ, написалъ слѣдующее историческое письмо французскому посланнику въ Пекинѣ Пишону:

Апостольскій викаріатъ въ Пекинѣ и Сѣверномъ Чжили.

Пекинъ, 19 мая 1900

„Г. Министръ.

„Со дня на день положеніе становится болѣе тяжелымъ и угрожающимъ. Въ округѣ Баодинфу было убито болѣе 70 христіанъ, изъ которыхъ три новообращенныхъ разрѣзаны въ куски.

„Много деревень разграблено и сожжено. Еще большее число другихъ деревень совершенно покинуто жителями. Болѣе 2000 бѣжавшихъ христіанъ осталось безъ хлѣба, одежды и крова. Въ одномъ Пекинѣ около 400 бѣглецовъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей, размѣстилось у насъ и у монахинь. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю у насъ ихъ, вѣроятно, соберется нѣсколько тысячъ. Мы будемъ принуждены очистить школы, колегіи и госпиталя, чтобы дать мѣсто несчастнымъ.

„Въ восточной сторонѣ огромные грабежи и пожары. Каждый часъ мы получаемъ самыя потрясающія извѣстія. Пекинъ осажденъ со всѣхъ сторонъ. Боксеры каждый день приближаются къ столицѣ и они задержаны только тѣми разрушеніями, которыя они по пути дѣлаютъ христіанамъ. Вѣрьте мнѣ, прошу васъ, г. министръ, я хорошо освѣдомленъ и не говорю легкомысленно. Религіозное преслѣдованіе—это только завѣса. Главная цѣль—уничтоженіе иностранцевъ, цѣль, которая ясно указана и написана на знаменахъ

[illegible] Ихъ союзники ждутъ ихъ въ Пекинѣ. Сперва начнутъ [illegible] на церкви, а кончатъ нападеніями на посольства. Для [illegible] въ Кайтанѣ, даже назначенъ день. Весь [illegible] и возбужденіе народа [illegible] женщины, вмѣстѣ [illegible] къ монахинямъ. [illegible] что если [illegible] будетъ [illegible]

миссіонера Робинсона, друга перваго мученика боксерскаго возстанія Брукса, и захватили его товарища Нормана. Бѣжавшій китаецъ-христіанинъ разсказывалъ, что эти оба миссіонера знали объ опасности, которая имъ угрожала, и имѣли время спастись, но они предпочли погибнуть среди китайцевъ, обращенныхъ ими ко Христу, нежели бросить свою паству въ минуту испытанія. Въ схваткѣ съ боксерами пять христіанъ было убито, а Норманъ раненъ. Нѣкій Ли, который уже былъ однажды наказанъ за преслѣдованіе христіанъ и ненависть къ иностранцамъ, чтобы отомстить за смерть своего любимаго сына, убитаго при нападеніи боксеровъ на христіанъ, попросилъ отдать ему Нормана и убилъ его собственными руками. Такъ оба англичанина—миссіонера погибли сподвижниками.

Узнавъ о происшедшемъ и полагая, что Норманъ еще живъ, британскій посланникъ потребовалъ у Цзунлиямыня немедленнаго освобожденія англійскаго миссіонера, но ямынь отнесся къ его требованію съ полнымъ безучастіемъ и равнодушіемъ. Тогда посланникъ Макдональдъ имѣлъ свиданіе съ принцемъ Циномъ, который выразилъ свое крайнее сожалѣніе о происшедшемъ и о томъ, что китайское правительство совершенно не подготовлено къ борьбѣ съ боксерскимъ движеніемъ, пріобрѣтающимъ все большую популярность среди народа, благодаря своему противо-иностранному характеру. Принцъ Цинъ признался, что онъ не можетъ быть увѣренъ въ безопасности иностранцевъ не только въ Пекинѣ, но гдѣ бы то ни было въ Китаѣ, и былъ согласенъ, что неподготовленность правительства можетъ повести къ вмѣшательству державъ. Хотя Тяньцзинъ—Пекинская желѣзная дорога охраняется 6 тысячами императорскихъ войскъ, однако Цинъ сомнѣвается, чтобы солдаты стали стрѣлять въ боксеровъ, для охраны иностранцевъ, если даже имъ прикажутъ. Цинъ сожалѣетъ, что вовремя не успѣлъ убѣдить дворъ въ опасности, которая можетъ быть навлечена подобнымъ образомъ дѣйствій китайскаго правительства, но теперь онъ ничего не въ состояніи сдѣлать, такъ какъ вдовствующая императрица слушается дурныхъ совѣтовъ другихъ лицъ.

Черезъ два дня, 24 мая—6 іюня, въ Пекинѣ былъ изданъ слѣдующій богдыханскій указъ:

„Западная вѣра возникла и распространилась по всему Китаю много лѣтъ тому назадъ и тѣ, кто ее распространяли, только учили народъ добру. Новообращенные, находясь подъ кровомъ своей вѣры, никогда не причиняли безпокойствъ и какъ обращенные, такъ и народъ жили въ мирѣ другъ съ другомъ, идя каждый

своей дорогой, безъ всякой помѣхи. Въ послѣдніе годы, когда число церквей по всей странѣ стало возрастать безпрестанно, также какъ и число крещаемыхъ, между христіанами стали незамѣтно появляться люди съ дурной волей, такъ что миссіонерамъ было иногда трудно отличить среди обращенныхъ дурного отъ хорошаго. Пользуясь этимъ дурные люди, подъ видомъ христіанъ, только обижали простой народъ и изводили страну. Мы полагаемъ, что подобное положеніе дѣлъ не можетъ соотвѣтствовать желаніямъ самихъ миссіонеровъ.

„Что касается „И-хэ-цюань"—общества поборниковъ правды и согласія, то оно было въ первый разъ воспрещено въ царствованіе императора Цзя Цинъ. Однако, вслѣдствіе того, что позднѣе члены этого общества стали упражняться въ цѣляхъ самозащиты и охраны ихъ домовъ и деревень отъ разбоевъ, и такъ какъ они стали удерживаться отъ смутъ, то мы не наложили воспрещенія, какъ это было сдѣлано раньше, но только дѣлали неоднократныя распоряженія мѣстнымъ властямъ держать крѣпкую узду надъ движеніями общества.

„Мы указывали подлежащимъ властямъ, что въ настоящее время вопросъ долженъ быть не въ томъ, принадлежатъ ли данные люди къ обществу или нѣтъ, а въ томъ, какая цѣль у этихъ союзовъ, производить ли въ странѣ безпорядки или нѣтъ. Если-же всетаки подобныя общества будутъ творить смуты и нарушать миръ, то власти обязаны произвести строгое дознаніе надъ преступившими законъ и наказать ихъ по закону. Къ какому бы обществу они ни принадлежали, къ обществу христіанъ или ихэтуань, тронъ будетъ относиться къ нимъ безъ всякаго различія, такъ какъ всѣ они сыны одного и того же государства. Сверхъ того, когда возникали тяжбы между христіанами и простымъ народомъ, мы всегда давали такіе приказы властямъ, чтобы они рѣшали дѣла по полной справедливости, не выказывая пристрастія ни одной сторонѣ.

„Однако, повидимому, за послѣдніе годы наши приказы никогда не исполнялись. Чиновники различныхъ областей, округовъ, уѣздовъ и волостей обнаружили, что они пренебрегали своими обязанностями. Они никогда не дѣйствовали въ дружественномъ согласіи съ миссіонерами: при ихъ затрудненіяхъ сочувствовали народу и никогда не разрѣшали тяжбы въ духѣ безпристрастія. Послѣдствія сего не замедлили явиться. Тѣ и другіе начали ненавидѣть другъ друга, вражда становилась все глубже и глубже, и случаи взаимныхъ недоброжелательствъ учащались.

„Нынѣ члены общества И-хэ-цюань стали соединяться въ одныя дружины и объявили войну противъ христіанъ. Въ то время разные недовольные умы, соединясь съ беззаконными бойниками, примкнули къ движенію ради своекорыстныхъ цѣлей. всюду происходятъ мятежи, желѣзныя дороги разрушаются и ркви сожигаются.

„Но вѣдь желѣзныя дороги построены правительствомъ и совляютъ его собственность, въ то время какъ церкви построены сіонерами и ихъ послѣдователями, для ихъ собственнаго польанія.

„Неужели ихэтуанцы и прочіе полагаютъ, что они могутъ безазанно разрушать и сожигать по своему желанію? Творя такой ежъ, они только противятся самому правительству. Это уже, дѣйительно, неразумно.

„Поэтому мы приказали великому совѣтнику и помощнику пекинго градоначальника Чжао Сю Цяо отправиться вчера въ качествѣ шего императорскаго комиссара, возстановить миръ и призвать наъ и ихэтуанцевъ немедленно разойтись и вернуться каждому къ имъ занятіямъ и обыденнымъ дѣламъ.

„Вслучаѣ измѣнники и бунтовщики будутъ пытаться подстреь народъ къ возстанію, грабежу и разоренію страны, мы приываемъ, чтобы послѣдователи „Кулака правды и согласія“ выи властямъ главарей, для наказанія ихъ согласно законамъ аны. Если же нѣкоторые будутъ настолько неблагомыслящи, что путъ упорствовать въ неповиновеніи нашимъ повелѣніямъ, то съ ни будетъ поступлено какъ съ бунтовщиками и мы симъ преупреждаемъ ихъ, что когда прибудетъ великое войско, то ихъ ды, матери, жены и дѣти будутъ разлучены другъ отъ друга разсѣяны, ихъ жилища разрушены, а они сами убиты. Такимъ азомъ они сами навлекутъ на себя клеймо противозаконія и рѣны своей родинѣ. Но тогда будетъ поздно раскаиваться. ше сердце наполняется жалостью, когда мы думаемъ о томъ мездіи, которое поразитъ нашъ народъ.

„Поэтому мы симъ объявляемъ, что если послѣ этого предужденія найдутся такіе, которые откажутся повиноваться нашимъ елѣніямъ, то мы немедленно дадимъ приказъ главнокомандующему инъ Лу послать генераловъ Дунъ Фу Сяна, начальника Гансуго корпуса, Сунъ Цина и Ма Ю Куня, начальника Сычуаньаго корпуса, съ ихъ войсками, наказать бунтовщиковъ и разять ихъ.

«[illegible]. при отправленіи войскъ первой цѣлью должна быть охрана народа, повинующагося закону. Однако теперь мы узнаемъ, что войска, посланныя Чжилійскими мѣстными властями, не только не охраняли этой [illegible] и не обуздывали дурныхъ людей, но наоборотъ сами были виновниками въ разореніи страны. Повелѣваемъ нынѣ пребывающему Чжилійскому вице-королю Юй Лу тщательно все произвести разслѣдованіе по этому дѣлу, а также послать надежныхъ чиновниковъ для тайныхъ розысковъ. Если окажется, что эти военныя власти дѣйствительно виновны въ томъ, что потворствовали людямъ въ ихъ грабежахъ и разбояхъ, то таковые начальники сего должны быть немедленно казнены. Никакой снисходительности или милости не должно быть имъ оказано.

«Пусть этотъ указъ будетъ отпечатанъ на желтой бумагѣ и объявленъ по всей странѣ, какъ предупрежденіе народу и войскамъ.

«Пусть все знаютъ наши повелѣнія!»

Какъ должны были понять китайцы этотъ императорскій указъ, составленный настолько умно и дипломатично, что съ формальной стороны онъ могъ дать удовлетвореніе какъ боксерамъ, такъ и посланникамъ?

Въ указѣ прежде всего находится важное указаніе на то, что главною причиною народнаго возбужденія является христіанство. Все движеніе построено на томъ, что народъ недоволенъ западною вѣрою, миссіонерами и ихъ паствою.

Указъ говоритъ, что христіанство—законная и давнишняя религія въ Китаѣ, которая учитъ своихъ послѣдователей добру. И рядомъ сдѣланъ укоръ миссіонерамъ въ томъ, что они не умѣютъ дѣлать выбора между обращаемыми въ христіанство, среди которыхъ многіе только подрываютъ доброе имя западной вѣры.

Общество И-хэ-цюань, которое за свои противодинастическія стремленія при императорѣ Цзя Цинъ было воспрещено, нынѣ оффиціально признается этимъ указомъ подъ новымъ именемъ И-хэ-туань, не смотря на то, что весь смыслъ и девизъ этого общества—походъ противъ иностранцевъ.

При этомъ указъ объявляетъ, что тронъ будетъ относиться какъ къ христіанамъ, такъ и къ боксерамъ безъ всякаго различія, двусмысленно приравнивая однихъ къ другимъ.

Повидимому въ то время китайское правительство, по крайней мѣрѣ въ лицѣ сановниковъ, захватившихъ въ свои руки власть, уже рѣшилось, если это будетъ необходимо, на войну съ державами. Въ такомъ случаѣ боксеры являлись для него самымъ

цѣннымъ союзникомъ, который могъ бы дать сколько угодно кадровъ фанатически настроеннаго ополченія. Поэтому правительственный указъ разрѣшаетъ и даже поддерживаетъ дѣятельность боксеровъ, какъ народныхъ дружинъ для земской самообороны, но притомъ онъ требуетъ, чтобы боксеры не дрались съ самими китайцами, не грабили своихъ деревень и не разоряли своей собственной страны.

Удивительно, что въ это время, когда уже нѣсколько иностранныхъ миссіонеровъ и строителей желѣзной дороги, вмѣстѣ съ женщинами, погибло отъ рукъ боксеровъ, въ указѣ говорится только о томъ, чтобы боксеры не нападали на китайцевъ - христіанъ, не разоряли церквей китайскихъ христіанъ и не разрушали дорогъ китайскаго правительства.

Однако въ указѣ ни прямо, ни косвенно нигдѣ не выражено, чтобы боксеры не нападали на иностранцевъ. Тамъ, гдѣ предстоитъ война съ иностранцами, китайцы должны забыть свои внутренніе раздоры и распри и дружно сплотиться, чтобы общими силами ударить на общаго внѣшняго ненавистнаго врага. Отнынѣ народъ, боксеры и войска должны дѣйствовать въ полномъ согласіи и единеніи, а не драться другъ съ другомъ. Этого согласія и объединенія требуетъ и самое названіе „Ихэтуань“.

Отнынѣ китайское правительство беретъ само въ свои руки главное руководительство народнымъ движеніемъ и оно будетъ строго карать всякаго, кто станетъ дѣйствовать независимо отъ правительства и вносить какія либо смуты внутрь народа. Всякіе безпорядки, разбои и грабежи между китайцами воспрещаются. Но девизъ боксеровъ, написанный на ихъ знаменахъ: „Уничтоженіе иностранцевъ“, не былъ воспрещенъ указомъ пекинскаго высшаго правительства.

Въ концѣ указа помѣщено тяжкое обвиненіе противъ нѣкоторыхъ китайскихъ войскъ Чжилійской провинціи за учиненные ими грабежи. Это обвиненіе касается, безъ сомнѣнія, войскъ генерала Нѣ Ши Чэна, разбившаго боксеровъ и сжегшаго нѣсколько боксерскихъ деревень и за это навлекшаго на себя крайнее неудовольствіе высшихъ сферъ Пекина.

„Китайцы! Сплотитесь дружно, прекратите распри и готовьтесь къ войнѣ съ заморскими дьяволами!“—вотъ мысли, которыя могли читать китайцы между строкъ дипломатическаго богдыханскаго указа.

Вооружонная колонія

26 Мая

Мирный торговый и дѣловой Тяньцзинъ, въ которомъ если и велась борьба, то только между банками и различными офисами изъ-за комерческихъ выгодъ и процентовъ, сталъ настоящимъ вооруженнымъ лагеремъ.

Французскій консулъ графъ Дюшэйляръ.

Ночью, покончивъ всѣ дневныя дѣла и выпивъ послѣдній стаканъ новѣйшаго нектара „сода-виски“, утоляющаго жажду, придающаго бодрость, веселость и регулирующаго самое капризное пищевареніе, и вернувшись домой, тяньцзинскіе джентльмены не предаются благодѣтельному сну и покою, предоставляя то и другое дамамъ, но жертвуютъ и своимъ сномъ и комфортомъ во имя героизма — защиты города и охраны дамъ.

Послѣ знойнаго, душнаго и тревожнаго дня, прекрасная лунная ночь освѣжаетъ своею прохладою взволнованныхъ и утомленныхъ тяньцзинцевъ.

Одѣвшись въ костюмъ бура или звѣробоя или слѣдопыта изъ романовъ Майнъ-Рида и Финимора Купера, скрестивъ на груди двѣ перевязи съ патронами, перекинувъ винчестеръ черезъ плечо, заткнувъ за поясъ револьверы, надвинувъ на голову какую нибудь шляпу мрачнаго вида и прицѣпивъ сбоку флягу, въ которую для отваги налито виски или брэнди, тяньцзинскіе волонтеры начинаютъ обходить городъ. Кто идетъ пѣшкомъ, кто тихо скользитъ на велосипедѣ, а кто гарцуетъ верхомъ на китайской лошадкѣ, подстриженной и подскобленной на англійскій ладъ.

Проходя мимо Тяньцзинскаго международнаго клуба, волонтеры заглядываютъ въ баръ-буфетъ, подкрѣпляются стаканомъ виски-сода и снова идутъ на охоту за боксерами. Они отважно взбираются на городской валъ и вглядываются въ темный горизонтъ: не видать ли тревожныхъ огней. Обходятъ всѣ кварталы европейскихъ концессій, неустрашимо погружаются въ подозрительный мракъ закоулковъ, въ которыхъ ищутъ таящихся боксеровъ, и выволакиваютъ оттуда какого нибудь несчастнаго хромого зачумленнаго китайскаго нищаго, котораго они бросаютъ съ негодованіемъ.

Ночью китайцамъ разрѣшается ходить по европейскимъ улицамъ только съ зажжонными фонарями.

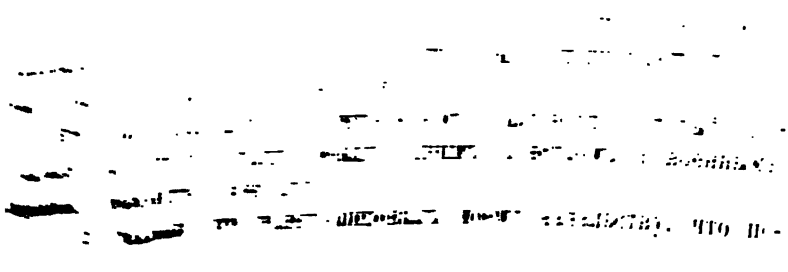
До разсвѣта ходятъ патрули десантовъ и проносятся всадники и велосипедисты.

Но въ китайскихъ кварталахъ также неспокойно: всю ночь китайцы стрѣляютъ въ воздухъ изъ ружей и хлопушекъ для устрашенія враговъ и ободренія самихъ себя.

Каждую ночь французское консульство превращается въ штабъ-квартиру франко-русскихъ соединенныхъ силъ.

Дружественное намъ консульство расположено на набережной рѣки Пэйхо, черезъ нѣсколько домовъ отъ русскаго консульства. Сзади оно примыкаетъ къ католическому монастырю и французскому главному госпиталю.

Во дворѣ консульства, передъ высокими желѣзными воротами на каменныхъ столбахъ, стоитъ русская пушка, у которой дежурятъ русскіе матросы. Въ саду стоятъ казаки съ осѣдланными лошадьми, готовые сейчасъ-же полетѣть, куда будетъ приказано. Консульство открыто всю ночь. Это консульство и русское военное агентство неутомимо работаютъ день и ночь.



ложеніе дѣлъ въ Тяньцзинѣ очень опасно для иностранцевъ и просилъ немедленно прислать подкрѣпленій.

— А я,—отвѣтилъ консулъ,—телеграфировалъ моему посланнику въ Пекинѣ, что въ Тяньцзинѣ наоборотъ все спокойно и иностранцы въ безопасности.

— Вѣдь вы сами знаете, что это неправда. Зачѣмъ-же вы такъ телеграфировали?

— Я не могу телеграфировать иначе. Это можетъ не понравиться моему посланнику, который желаетъ, чтобы все обстояло благополучно.

27 мая

Вечеромъ 27 мая, у французскаго консула, какъ у старшаго, состоялось соединенное засѣданіе консуловъ и командировъ международныхъ десантовъ, для обсужденія экстреннаго требованія посланниковъ въ Пекинѣ о присылкѣ въ столицу новаго десанта для ихъ охраны.

Предсѣдателемъ засѣданія, на которомъ собралось около 20 человѣкъ консуловъ и офицеровъ, былъ старшій въ чинѣ—полковникъ Вогакъ. Онъ-же разрѣшилъ мнѣ присутствовать на засѣданіи какъ военному корреспонденту.

Были сообщены новости о положеніи дѣлъ. Генералъ Нѣ Ши Чэнъ два дня дрался съ боксерами, которыхъ хотѣлъ не допустить къ Тяньцзину. Число убитыхъ въ его войскахъ простирается до 50. Число убитыхъ боксеровъ простирается, по словамъ китайцевъ, отъ 20 до 500. Точная цифра никому неизвѣстна, да она и не имѣетъ значенія, такъ какъ убитые боксеры, какъ всѣмъ извѣстно, воскресаютъ на третій день. Нѣ со своими войсками отступилъ на востокъ, къ военному городку Лутай. За нападеніе на ихэтуанцевъ, находящихся подъ особеннымъ покровительствомъ китайской императрицы, которая называетъ ихъ въ своихъ тайныхъ приказахъ „возлюбленными сынами престола“, генералъ Нѣ отрѣшенъ отъ должности, а два ина—эскадрона его кавалеріи, дравшіеся съ боксерами, отданы подъ судъ.

Вся мѣстность между Пекиномъ и Тяньцзиномъ кишитъ ихэтуанцами, которые теперь распоряжаются судьбами страны. Желѣзныя дороги на этомъ протяженіи находятся въ ихъ рукахъ. Они разрушаютъ полотно и сжигаютъ мосты, станціи и вагоны.

Командиры десантовъ: британскій, японскій, итальянскій, ав-

стрійскій и американскій, въ своихъ разнообразныхъ тропическихъ костюмахъ и каскахъ, напоминающихъ древнеримскіе шлемы только по виду, развалившись въ мягкихъ креслахъ консульской гостиной, побрякивая саблями и вооружившись планами, особенной серьезностью и важностью,—полагали, что необходимо немедленно выслать потребное число людей для возстановленія желѣзнодорожнаго пути и для освобожденія посольствъ сейчасъ же, какъ только путь будетъ въ исправности.

Полковникъ Вогакъ, который въ этомъ собраніи молодыхъ офицеровъ и консуловъ, не компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ, являлся единственнымъ опытнымъ и авторитетнымъ лицомъ, сказалъ въ отвѣтъ, что не можетъ видѣть пользы въ отправленіи слабой экспедиціи при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Менѣе 1500 человѣкъ не можетъ быть выслано для исправленія полотна, такъ какъ оно разрушено во многихъ мѣстахъ. Необходимо выждать прибытія изъ Портъ-Артура большихъ сухопутныхъ силъ, которыя только однѣ могутъ разсѣять скопища боксеровъ, возстановить спокойствіе и дать надежную охрану иностранцамъ. Тѣмъ не менѣе, если командиры и консула рѣшатъ отправить новые десанты теперь же, то и русскій отрядъ приметъ участіе въ этой экспедиціи, хотя, говорилъ полковникъ Вогакъ, онъ предсказываетъ ея полную неудачу, ввиду порчи пути и малочисленности десантовъ. Французскій консулъ совершенно согласился съ мнѣніемъ русскаго военнаго агента.

На засѣданіи была прочитана только что полученная телеграмма англійскаго посланника въ Пекинѣ Макдональда, который сообщалъ: „Положеніе крайне тяжелое—если не будутъ сдѣланы приготовленія къ немедленному выступленію на Пекинъ, то будетъ слишкомъ поздно“.

Эта телеграмма имѣла рѣшающее значеніе. Большинствомъ голосовъ было постановлено отправить на другой же день международный отрядъ по желѣзной дорогѣ въ Пекинъ. Было также рѣшено потребовать отъ Чжилійскаго вице-короля Юй Лу, имѣющаго свое постоянное мѣстопребываніе въ Тяньцзинѣ, чтобы онъ приказалъ приготовить поѣзда для десантовъ. Притомъ было установлено, что всѣ десанты будутъ приблизительно равной силы.

Россія и Франція, въ лицѣ полковника Вогака и консула Дюшэйляра, еще разъ подтвердили, что хотя русско-французскій отрядъ и присоединится къ экспедиціи, но они признаютъ всю ея безполезность при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Въ заключеніе Вогакъ предложилъ выработанный имъ планъ бороны европейскихъ концессій Тяньцзина, который былъ единогласно одобренъ и принятъ всѣми командирами десантовъ. Планъ бороны состоялъ въ слѣдующемъ:

Русскіе и французскіе посты разставлены по набережной рѣки Эйхо, вдоль французской концессіи. Нападеніе ожидается либо съ ротивоположной стороны рѣки, либо со стороны китайскаго города. Для предупрежденія перваго случая, на мосту, который сдѣанъ на китайскихъ баржахъ и на ночь разводится, поставлена усская пушка; она можетъ обстрѣливать противоположный берегъ набережную китайскаго города. Такъ какъ китайскій городъ епосредственно примыкаетъ къ французской концессіи, то это ограничное мѣсто особенно важно и опасно: здѣсь поставлены ва казачьихъ пикета, которые вслучаѣ тревоги должны давать нать во французское консульство. Всѣ отступаютъ также къ конульству. Нападающіе китайцы сейчасъ же попадаютъ либо подъ гонь русской пушки на мосту, либо англійской, поставленной въ онцѣ Таку-родъ и обстрѣливающей всю улицу, выходящую прямо а китайскіе кварталы.

Русскіе посты, обходя французскую концессію, подходятъ къ ранцузскимъ постамъ, которые смыкаются съ американскими, нглійскими, австрійскими, итальянскими и японскими, а послѣдніе оединяются снова съ русскими. Такимъ образомъ, международная олонія окружена цѣпью международныхъ постовъ, охраняемыхъ оряками разныхъ націй и русскими моряками и казаками.

Первымъ прибылъ въ Тяньцзинъ японскій десантъ, затѣмъ есанты съ американскаго и англійскихъ судовъ. Вице-король Юй у предостерегъ иностранныхъ командировъ отъ вступленія въ екинъ и воспретилъ управленію желѣзной дороги перевозить деанты въ Пекинъ.

Узнавъ объ этомъ посланники отправили энергичную ноту въ Цзунлиямынь, требующую немедленной доставки войскъ въ Пекинъ. Цзунлиямынь отвѣтилъ, что онъ дастъ окончательный отвѣтъ на го требованіе „завтра“.

Тогда посланники сдѣлали второе еще болѣе энергичное предтавленіе въ Цзунлиямынь, въ которомъ предупреждали китайское правительство, что если отправка войскъ въ Пекинъ будетъ адержана, то державы пошлютъ въ Пекинъ военныя силы въ еобходимомъ количествѣ, на случай возможнаго противодѣйствія о стороны китайскаго правительства. Послѣ этого первый десантный

отрядъ Россіи, Франціи, Англіи, Америки, Германіи, Италіи и Японіи былъ пропущенъ въ столицу, куда онъ вступилъ 18 мая.

Теперь Юй Лу предстояло пропустить въ Пекинъ второй десантный отрядъ.

Онъ отвѣтилъ консуламъ, что никоимъ образомъ не можетъ согласиться на проѣздъ иностранныхъ войскъ безъ разрѣшенія пекинскаго правительства и приэтомъ увѣдомилъ, что возлѣ Тяньцзина расположилось 5000 человѣкъ императорскихъ регулярныхъ войскъ для охраны города.

Русскіе морскіе десанты приходятъ въ Тяньцзинъ почти ежедневно и съ такой поспѣшностью, что иногда не успѣваютъ захватить съ собою амуничныхъ вещей и продовольствія. А между тѣмъ, ввиду обилія войскъ, въ Тяньцзинѣ уже теперь ощущается недостатокъ въ хлѣбѣ. Наши моряки и казаки прежде помѣщались въ зданіи, любезно предоставленномъ г-мъ Биндеромъ, представителемъ французскаго торговаго дома Оливье. Потомъ они перешли поближе къ русскому консульству, въ большой пустой домъ, приготовленный для склада. Это просторное, свѣтлое помѣщеніе вычистили, вымели, выложили цыновками. Офицеры и нижніе чины спятъ прямо на полу, по походному. Казачьи лошади стоятъ во дворѣ французскаго консульства.

Другіе десанты размѣстились по своимъ собственнымъ или дружественнымъ концессіямъ.

Относительно американскаго десанта въ Тяньцзинѣ разсказывали слѣдующій анекдотъ.

Прежде чѣмъ отправить американское военное судно „Мопосасу“ изъ Шанхая въ Тонку, вашингтонское правительство запросило по телеграфу командира, можетъ ли это судно ввиду своей старости благополучно дойти до мѣста назначенія.

Командиръ отвѣтилъ, что его судно можетъ идти только въ томъ случаѣ, если оно будетъ конвоировано другимъ судномъ. Сейчасъ же изъ Вашингтона былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Конвой не нуженъ. Отправьте одинъ „Мопосасу“. Если корабль можетъ идти съ конвоемъ, то онъ очень хорошо можетъ идти и безъ конвоя“.

Этотъ старый, двухколесный, деревянный пароходъ, вооруженный пушками—„Мопосасу“, скрѣпя сердце, отправился одинъ и благополучно добрался до Таку.

Чудесные ихэтуанцы грознымъ тайфуномъ проносятся по несчастной странѣ Чжили, и безъ того изнемогающей уже третій годъ отъ бездождья. Выйдя изъ Шаньдуна, они раздѣлились на двѣ волны. Одна двинулась на Пекинъ, другая хлынула на Тяньцзинъ, истребляя по пути все заморское. Сколько всѣхъ ихэтуанцевъ и друзей ихъ, никто не можетъ сосчитать. Ихэтуанцы говорятъ, что ихъ 100 тысячъ.

Посланники неба никому не даютъ пощады и жестоко караютъ всѣхъ, кто измѣнилъ родинѣ и вѣрѣ предковъ.

Поэтому прежде всего должны погибнуть тѣ, кто принялъ западную вѣру. Должны погибнуть тѣ, кто помогалъ иностранцамъ строить дьявольскую огненную желѣзную дорогу, кто проводилъ съ иностранцами проволоки для молніеносныхъ извѣстій и кто покупалъ что-либо заморское или торговалъ имъ.

Вокругъ Пекина ихэтуанцы уже наказали 19 городовъ и 243 деревни, въ которыхъ перебили или разорили около 900 семействъ, поклонявшихся Небесному Владыкѣ „Тѣнъ-Чжу“ (католики), и около 125 семействъ, покланявшихся Іисусу — „Ѣ-су“ (протестанты). Убытки послѣдователей первой вѣры доходятъ до 400,000 ланъ, убытки послѣдователей второй вѣры—до 20,000 ланъ.

Станціи желѣзной дороги въ Баодинфу, Фынтай, Тунчжоу, Бэйцанъ и Мацзяпу сожжены. 11 строителей дороги въ Баодинфу пропали безъ вѣсти. Богатыя мастерскія въ Фынтаѣ погибли—убытки составляютъ 200,000 ланъ.

Какъ истинные посланники неба, ихэтуанцы дѣлаютъ чудеса. Они не нуждаются въ пищѣ и могутъ не ѣсть три дня. Щепотки риса имъ достаточно, чтобы подкрѣпиться.

Они знаютъ чудесныя снадобья, которыя спасутъ ихъ отъ всякаго зла и вражескаго навожденія. Напримѣръ: семь сушеныхъ кислыхъ сливъ, вмѣстѣ съ растеніемъ тучжунъ, взятымъ на полъ-ланы, и сладкой сушеной травой, взятой тоже на полъ-ланы. Все вмѣстѣ смѣшать, опустить въ чанъ съ водою и пить.

Ихэтуанцы безсмертны, и вражеская пуля ихъ не можетъ погубить. Хотя въ недавней схваткѣ съ русскими казаками погибло нѣсколько ихэтуанцевъ, но они не умерли, а только уснули и воскреснутъ черезъ три дня. Если не черезъ три дня, то черезъ семь. А черезъ мѣсяцъ всѣ воскреснутъ навѣрное.

Если желѣзная дорога, желѣзные вагоны и желѣзные мосты разрушены одними руками ихэтуанцевъ; если ими порваны удиви-

тельныя желѣзныя проволоки, переносящія извѣстія; если зарево и дымъ пожарищъ, учиненныхъ ихэтуанцами, окутали небо отъ Пекина до Тяньцзина; если смѣлые ихэтуанцы осадили уже самихъ посланниковъ въ Пекинѣ и сама старая богдыханша назвала

Сотникъ Семеновъ.

ихъ „своими возлюбленными сынами", — то какже не вѣрить въ силу и чудеса этихъ небесныхъ посланниковъ, которые возродятъ Срединное государство, прогонятъ ненавистныхъ иностранцевъ и откроютъ для китайцевъ зарю новой жизни?

Такова была народная молва.

Англійскіе моряки.

Выступленіе экспедиціи адмирала Сеймура

28 мая

Когда событія боксерскаго возстанія еще только разгорались и когда такъ называемые знатоки Китая расходились во взглядахъ на смыслъ и дальнѣйшій оборотъ неожиданнаго китайскаго народнаго движенія и несмотря на то, что это движеніе имѣло своею первою и совершенно ясно выраженною цѣлью борьбу со всѣми иностранцами,—однако уже въ первые дни боксерской эпопеи между иностранными отрядами стали проскальзывать признаки взаимнаго недовѣрія и страннаго соревнованія, какъ будто въ дѣлѣ защиты иностранцевъ отъ общаго и фанатически настроеннаго противника, у отдѣльныхъ отрядовъ могутъ быть отдѣльныя цѣли и соображенія, помимо общихъ. Во всякомъ случаѣ уже тогда между союзниками было навѣрное меньше согласія, искренности и довѣрія другъ къ другу, чѣмъ между боксерами и китайскимъ правительствомъ. Починъ такимъ отношеніямъ положили иниціаторы многихъ международныхъ недоразумѣній—англичане.

Въ воскресенье 28 мая на Тяньцзинскомъ вокзалѣ уже съ утра было большое скопленіе и движеніе войскъ различныхъ союзныхъ націй. Изъ Таку пришло нѣсколько поѣздовъ, переполненныхъ бравыми солдатами въ синихъ, бѣлыхъ или коричневыхъ тропическихъ мундирахъ, съ бѣлыми шлемами. Поѣзда лихо подка-

тили къ станціи и сейчасъ же уѣхали дальше на Пекинъ: это была англійская морская пѣхота, прибывшая съ судовъ англійской эскадры.

— Но отчего же ихъ такъ много?

— Англичане навѣрное хотятъ что-то устроить, — говорилъ полковникъ Вогакъ,—вчера англійскій консулъ обѣщалъ мнѣ, что Англія пошлетъ въ Пекинъ столько же солдатъ, сколько и другіе союзники, а между тѣмъ этихъ англійскихъ шлемовъ видимо невидимо. Консулъ увѣрялъ меня, что будетъ отправлено не болѣе 200—300 англичанъ, и я такую же цыфру долженъ былъ просить съ русскихъ судовъ.

Снова подошелъ поѣздъ. Изъ переднихъ открытыхъ платформъ снова высовывались синіе, красные мундиры и бѣлые шлемы, изъ подъ которыхъ глядѣли торжествующія выбритыя лица англичанъ. Далѣе видны бѣлые шлемы и синія куртки французовъ, далѣе— большіе неуклюжіе коричневые шлемы и коричневыя куртки германцевъ; задорно загнутыя мягкія шляпы американцевъ; маленькія бѣлыя фуражки японцевъ.

Наконецъ показались вагоны, наполненные матросами въ бѣлыхъ рубахахъ, съ большими черными сапогами и улыбающимися простодушными лицами. Это былъ русскій морской десантъ, пришедшій подъ начальствомъ капитана 2 ранга Чагина.

Такъ какъ управленіе желѣзной дороги не хотѣло давать поѣздовъ, увѣряя, что путь разрушенъ мятежниками, то англичане и нѣмцы сами вошли въ депо, насильно взяли паровозы и посадили своихъ машинистовъ.

Въ этотъ день было отправлено три поѣзда, на которыхъ ушли: 915 англичанъ, 450 германцевъ, 313 русскихъ, 158 французовъ, 100 американцевъ, 52 японца, 40 итальянцевъ и 25 австрійцевъ. Во главѣ этого экспедиціоннаго отряда ѣхалъ начальникъ Британской Тихоокеанской эскадры вице-адмиралъ Сеймуръ. Полковникъ Вогакъ былъ крайне возмущенъ:

— Я уже нѣсколько разъ телеграфировалъ, чтобы былъ присланъ болѣе сильный русскій отрядъ, но насъ предупредили англичане. Они раньше насъ сознали опасность и сразу двинули отрядъ, который въ три раза сильнѣе нашего. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что адмиралъ Сеймуръ получилъ извѣстіе объ особенно тревожномъ положеніи Пекина и, желая создать себѣ славу спасителя посольствъ, тайно организовалъ эту освободительную экспедицію. Какъ видно адмиралъ со всею своею экспедиціей отпра-

вился налегкѣ и воображаетъ, что онъ сдѣлаетъ [illegible] военную прогулку и будетъ сегодня вечеромъ въ Пекинѣ, но онъ горько ошибается. Даже съ 2000 человѣкъ, которыми онъ располагаетъ, ему ничего не удастся сдѣлать и онъ [illegible] обратно съ пустыми руками. Хорошо, если [illegible] удастся вернуться благополучно.

Сегодня въ 2 часа дня [illegible] телеграфная проволока между Пекиномъ и Тяньцзиномъ, которой [illegible] китайское правительство, уничтожили боксерами. По слухамъ всѣ телеграфныя линіи, бывшія вокругъ Пекина, разрушены.

Такимъ образомъ русскія и другія миссіи въ Пекинѣ [illegible] отрѣзаны отъ непосредственныхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и участь иностранцевъ предоставлена благоразумію и доброй совѣсти китайскаго правительства.

Адмиралъ Сеймуръ отправилъ съ экспедиціей [illegible] Десанты ушли безъ всякаго обоза, захвативъ провіанту только на двое, трое сутокъ. На каждаго человѣка было [illegible] отъ 200 до 250 патроновъ.

25 мая

Сегодня былъ отправленъ четвертый дополнительный отрядъ, вооруженный нѣсколькими орудіями Гочкиса. Съ этимъ поѣздомъ ушелъ отрядъ русскихъ матросовъ, который не успѣлъ уйти наканунѣ. Съ отрядомъ отправился лейтенантъ Бурхановскій, посланный ранѣе курьеромъ въ Пекинъ и не имѣвшій возможности прибыть, такъ какъ путь былъ разрушенъ.

Начальникомъ всего русскаго морского десанта, принимающаго участіе въ экспедиціи Сеймура, былъ капитанъ 2 ранга Чагинъ. Кромѣ лейтенанта Бурхановскаго въ нашемъ [illegible] находились слѣдующіе офицеры: лейтенантъ Заболкинъ и мичманы: Зельгеймъ, Кехли, Пелль, Кнорринъ и докторъ Островскій.

Сегодня получено извѣстіе, что адмиралъ Сеймуръ не только еще не обѣдаетъ въ Пекинѣ у посланниковъ, какъ онъ предполагалъ, но со своей экспедиціей онъ не сдѣлалъ еще и половины пути и дошелъ съ большими трудностями только до станціи [illegible]. Желѣзнодорожный путь всюду разрушенъ. Станціи сожжены. Чѣмъ ближе къ Пекину, тѣмъ дорога болѣе испорчена. Спереди и сзади экспедиціи боксеры на глазахъ союзниковъ портятъ путь и [illegible]

гаются, когда противъ нихъ высылаютъ солдатъ. Международный отрядъ все время исправляетъ полотно, но работы подвигаются крайне медленно за недостаткомъ матерьяловъ.

Попутныя деревни сожжены боксерами, жители разбѣжались и съѣстныхъ припасовъ достать негдѣ. Всѣ союзники страдаютъ отъ недостатка пищи, воды и жестокаго зноя.

По поводу этихъ неутѣшительныхъ извѣстій одинъ русскій офицеръ въ Тяньцзинѣ сказалъ:

— Цзунлиямынь далъ свое согласіе на вводъ въ Пекинъ 2000 человѣкъ иностранныхъ войскъ для охраны миссій. Можетъ быть китайцы и впустятъ экспедицію адмирала въ Пекинъ, но еще вопросъ, допустятъ ли они ее дойти до Пекина. Адмиралъ Сеймуръ хотѣлъ освободить Пекинъ безъ русскихъ, но, вѣроятно, скоро русскіе будутъ освобождать адмирала и его скороспѣлую экспедицію.

Предсказаніе русскаго офицера исполнилось черезъ двѣ недѣли.

Генералъ Анисимовъ.

Отрядъ полковника Анисимова

30 Мая

28-го мая, въ 5 часовъ дня, въ Портъ-Артурѣ адмиралъ лексѣевъ получилъ Высочайшее повелѣніе о посылкѣ въ Пекинъ есантнаго отряда сухопутныхъ войскъ съ артиллеріей. Было по-лѣно держать наготовѣ отрядъ въ количествѣ 4.000 человѣкъ.

Въ ту же ночь были изготовлены всѣ приспособленія для пріи лошадей и орудій, а на другой день рано утромъ артиллерія, азаки, саперы и весь 12-ый Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ ыли посажены на суда: броненосцы „Наваринъ“ и „Петропавловскъ“, рейсеръ „Дмитрій Донской“, канонерки „Отважный“, „Гремящій“, „Манджуръ“ и „Бобръ“.

Передъ выступленіемъ въ походъ командиръ полка полковникъ Анисимовъ сказалъ нѣсколько словъ своимъ солдатамъ и офицерамъ, поздравилъ съ походомъ, объяснилъ, зачѣмъ полкъ идетъ въ Китай, и напомнилъ, что тотъ Тигровый полкъ, который жилъ на Тигровомъ полуостровѣ Квантуна, оправдаетъ свое названіе, если понадобится воевать. Въ заключеніе онъ сказалъ: „А теперь перекреститесь, братцы, и маршъ!“

Адмиралъ Алексѣевъ прибылъ на броненосецъ „Петропавловскъ“, на которомъ находился 1-ый батальонъ 12-го полка, и послѣ молебна сказалъ напутственную рѣчь солдатамъ:

„Вы—говорилъ адмиралъ—отправляетесь въ Китай не съ военной цѣлью, а съ цѣлью мирной. Вы служили на Квантунѣ при тяжелой обстановкѣ, гдѣ требовалось много труда и выносливости и уже доказали свою способность къ мирной службѣ. Теперь же вы отправляетесь на новую иную дѣятельность, и я увѣренъ, что тамъ вы покажете себя такими же молодцами, какими вы были здѣсь. Будьте тверды, выносливы, строго соблюдайте дисциплину, не обижайте мирныхъ жителей. Помните, что русскій солдатъ прежде всего христіанинъ, а потому долженъ быть добрымъ къ тѣмъ, кто не дѣлаетъ ему вреда. Ваши предки не разъ доказали это“.

„Я придаю особенное значеніе тому, что вамъ выпала честь [illegible] на кораблѣ „Петропавловскъ“ и вижу въ этомъ хорошее знаменованіе. При Петропавловскѣ нашъ русскій флотъ [illegible] съ сухопутными войсками геройски отстаивалъ нападеніе [illegible] и англо-французской эскадры. При Петропавловскѣ русскіе матросы рука объ руку съ русскимъ солдатомъ геройски отстаивали [illegible] отечество“.

Экспедиціонный отрядъ, подъ общимъ начальствомъ полковника [illegible] и при офицерахъ генеральнаго штаба подполковникахъ [illegible] и Самойловѣ, состоялъ изъ 12-го полка, 4-хъ орудій 4-й батареи Вост.-Сиб. стрѣлк. артил. дивизіона, Квантунской [illegible] роты и 6-ой сотни 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка.

Въ 12 час. дня всѣ суда эскадры, принявшія экспедиціонный отрядъ, снялись съ порт-артурскаго рейда и ушли въ Таку. Начальникомъ эскадры былъ контръ-адмиралъ Веселаго.

30 мая, рано утромъ эскадра была въ Таку.

Въ 1 часъ дня отрядъ былъ посаженъ на гребныя суда и, благополучно миновавъ китайскіе форты, вошелъ въ рѣку Пэйхо и высадился на станціи Тонку, гдѣ былъ встрѣченъ полковникомъ [illegible]ковникомъ Вороновымъ и секретаремъ нашего кон-

сульства въ Тяньцзинѣ Поппе. Русскіе и иностранцы со страхомъ и нетерпѣніемъ ожидали прибытія русскаго отряда, такъ какъ всѣ боялись за его благополучный проходъ мимо фортовъ.

Анисимовъ и Вогакъ рѣшили немедленно двинуть полкъ по желѣзной дорогѣ въ Тяньцзинъ, не дожидаясь обоза, артиллеріи и лошадей. Однако англичане-агенты, завѣдывавшіе движеніемъ китайской дороги, наотрѣзъ отказались дать поѣздъ, ссылаясь на то, что они не имѣли разрѣшенія отъ своего китайскаго начальства, а также—на то, что нѣтъ свободныхъ вагоновъ и платформъ. Цѣлый рядъ платформъ оказался занятъ багажомъ интернаціональнаго цирка, который возвращался изъ Тяньцзина, гдѣ онъ думалъ давать представленія. Боксеры заставили его обратиться въ поспѣшное бѣгство. Англичане извинялись, что изъ-за цирка они никакъ не могутъ дать ни вагоновъ, ни платформъ для русскихъ освободительныхъ войскъ.

Полковникамъ Вогаку и Самойлову пришлось долгое время урезонивать неуступчивыхъ англичанъ, пока они, наконецъ, не убѣдились и не дали нѣсколько вагоновъ и грязныхъ платформъ, служившихъ для перевозки угля.

Въ 11 час. ночи поѣздъ тронулся въ Тяньцзинъ.

Съ тревогою ожидали Тяньцзинцы прибытія русскаго отряда.

Въ Тяньцзинѣ въ это время находились слѣдующіе международные десанты: русскихъ—25 казаковъ и 44 матроса подъ командою лейтенанта барона Каульбарса, при мичманахъ—Глазенапѣ, Браше и Дэнѣ. Около сотни англичанъ; 50 нѣмцевъ; 35 итальянцевъ; 30 французовъ; 30 японцевъ и нѣсколько американцевъ.

У русскихъ было 4 маленькихъ морскихъ пушки Барановскаго. У англичанъ 2 полевыхъ орудія и 2 морскихъ скорострѣльныхъ пушки, которыя были поставлены на желѣзнодорожныя платформы. У французовъ и нѣмцевъ были пулеметы и десантныя орудія. Орудія были разставлены по окраинамъ концессій и противъ китайскаго города.

30 мая вечеромъ русскіе и иностранцы, въ томъ числѣ нѣсколько дамъ и дѣвицъ изъ европейской колоніи, собрались на Тяньцзинскомъ вокзалѣ для встрѣчи русскаго отряда. Пріѣхалъ французскій консулъ графъ Дюшэйляръ съ цѣлью привѣтствовать прибытіе русскихъ отъ имени дружественной французской колоніи.

Всѣ долго ждали и съ нетерпѣніемъ посматривали на темный горизонтъ, въ сторону Тонку.

ихъ тупыя загорѣлыя и грязныя лица со скулами и косыми безсмысленными глазами ничего не выражали, кромѣ страшнаго любопытства. Всѣхъ занимала одна мысль: поглазѣть на иностранцевъ, которыхъ будутъ рѣзать боксеры и которые, того не подозрѣвая, всѣ до единаго будутъ перебиты.

Въ полѣ передъ вокзаломъ чернѣло нѣсколько синихъ палатоку, это были китайскіе военные пикеты, охранявшіе желѣзную дорогъ.

Я вышелъ въ поле, которое дремало, залитое свѣтомъ луны: поднявшейся изъ-за горизонта.

Изъ ближайшей палатки показалось нѣсколько китайскихъ солдатъ съ ружьями, которые подошли ко мнѣ.

Я обратился къ одному изъ нихъ:

— Ни хао?

— Хао.

— Ни хао?

— Хэнъ хао!

— Ни гуй синъ?

— Во синъ Ли.

— Ни гуй синъ?

— Во синъ Янъ.

— Ни до да суй шо?

— Эръ ши ву.

— Ни ю цзи суй?

— Во эръ ши ци.

— А! Ни би во да. Айя! Ни шо дэ чжунъ го хуа хэнъ хао!

— Ты здоровъ?—спросилъ я китайскаго солдата.

— Здоровъ.

— Ты здоровъ?—спросилъ меня солдатъ въ свою очередь.

— Очень здоровъ. Твое дорогое имя?—поспѣшилъ я спросить солдата, слѣдуя правилу китайской вѣжливости.

— Мое имя Ли-Слива.

— Твое дорогое имя?—спросилъ китаецъ.

— Мое имя Янъ-Тополь.

— Очень хорошо!—похвалилъ китаецъ мое имя.

— Ты считаешь себѣ сколько лѣтъ?

— Двадцать пять,—сказалъ китаецъ и спросилъ:

— Ты сколько лѣтъ имѣешь?

— Я двадцать семь.

— А! Ты старше меня. Айя! Ты очень хорошо говоришь покитайски.

Подобнымъ же образомъ я отрекомендовался и прочимъ солдатамъ, окружившимъ насъ.

Мы разговорились. Солдаты были одѣты въ синія бумажныя кофты, поверхъ которыхъ они имѣли синія безрукавки съ красной каймой и золочеными пуговками. На ногахъ были одѣты синія шаровары и суконные сапоги на высокихъ бѣлыхъ подошвахъ изъ бумаги. Голова была обмотана чернымъ платкомъ, скрывавшимъ косу, свернутую для удобства, чтобы она не болталась. На черномъ кожаномъ поясѣ была золоченая бляха, изображавшая двухъ драконовъ. Поверхъ пояса одѣта перевязь съ крупными патронами Маузера.

Ихъ смуглыя лица, кромѣ добродушія, любопытства, праздности и принадлежности къ китайскому племени, ничего болѣе не говорили.

Солдаты сейчасъ же спросили меня:

— Ты конечно англичанинъ?

— Нѣтъ, я русскій.

— Это очень хорошо, что ты русскій. Россія — большое и сильное государство. Русскіе—хорошіе люди, а англичанъ мы не любимъ. Англичане — гордые люди и колотятъ нашъ бѣдный народъ палками. Откуда ты пріѣхалъ?

— Я пріѣхалъ изъ Ліушунькоу-Портъ-Артура. Вы знаете, что Ліушунькоу теперь занимаютъ русскіе?

— Нѣтъ, не слыхали.

— Русскіе уже два года живутъ въ Ліушунькоу.

— Нѣтъ, не слыхали. Слыхали только, что русскіе зачѣмъ-то пришли въ Ліушунькоу. Говорятъ, что Хуанъ-шанъ, нашъ императоръ, просилъ русскихъ прійти въ Ліушунькоу, чтобы прогнать японцевъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь стоите?—спросилъ я.

— Мы охраняемъ желѣзную дорогу отъ ихэтуань. Ихэтуань—нехорошіе люди. Они жгутъ деревни, грабятъ народъ и хотятъ разрушить дорогу. Мы уже били ихъ подъ Янцунемъ. Генералъ Нѣ Ши Чэнъ, нашъ начальникъ, послалъ насъ разогнать ихъ. Но Ситайхоу, наша старая императрица, приказала не трогать ихэтуань. Генералъ Нѣ разсердился и ушелъ въ Лутай. Но мы всетаки успѣли подраться съ ихэтуань. Мы ихъ убили 1000 человѣкъ, но они тоже убили много нашихъ солдатъ. Мы имъ за это крѣпко отомстимъ и не одинъ ихэтуанецъ не уйдетъ отъ насъ цѣлымъ,—говорили солдаты, злобно указывая на деревню передъ вокзаломъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ я, — мы съ вами друзья. Русскія и иностранныя войска пришли въ Тяньцзинъ, чтобы тоже охранять мирный народъ и спокойствіе.

— Конечно, мы друзья,—заговорили китайцы

— Пинъ ю, пинъ ю, хао пинъ ю! Друзья! Друзья!

Послышались свистки паровоза, подходившаго къ станціи.

Я распрощался съ моими собесѣдниками и сообщилъ имъ, что на поѣздѣ пришли русскіе солдаты, на что тѣ хоромъ отвѣтили:

— Динъ хао! Динъ хао!

— Весьма хорошо! весьма хорошо!

Было около двухъ часовъ ночи. Европейцы, собравшіеся на вокзалѣ встрѣтить русскій полкъ, ждали, ждали и разошлись. Осталось только нѣсколько человѣкъ русскихъ, комерсантъ Батуевъ, французскій консулъ графъ Дюшэйляръ и полковникъ Вогакъ, вернувшійся изъ Таку. Присутствовало также нѣсколько французовъ и одна молодая дама изъ числа тѣхъ бѣглецовъ, которые спаслись изъ Баодинфу. Для встрѣчи товарищей были выстроены русскіе матросы, бывшіе въ Тяньцзинѣ.

Сердце русское радовалось видя вагоны и открытыя платформы, усыпанныя русскими стрѣлками съ загорѣлыми здоровыми и веселыми лицами, въ бѣлыхъ фуражкахъ и бѣлыхъ рубахахъ, ярко освѣщенныхъ полнымъ мѣсяцемъ. Отрадно было видѣть простыхъ русскихъ солдатиковъ, храбрости и выносливости которыхъ нынѣ ввѣрялась жизнь просвѣщенныхъ европейцевъ въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ. Пріятно было видѣть рослыхъ русскихъ лошадей, которыя, испытавъ всѣ трудности морского путешествія и перегрузки съ судна на судно, теперь спокойно стояли на платформахъ и весело обмахивались хвостами.

Безъ шума и толкотни солдаты со всей амуниціей одинъ за другимъ повылѣзали изъ вагоновъ и длиннымъ развернутымъ фронтомъ выстроились на платформѣ вокзала. На правомъ флангѣ стоялъ хоръ музыки.

Командиръ полка Анисимовъ своимъ тихимъ спокойнымъ голосомъ скомандовалъ встрѣчу знамени.

Зазвенѣло оружіе, и мѣсяцъ заигралъ на солдатскихъ ружьяхъ, взятыхъ на-караулъ, — и на опустившихся шашкахъ офицеровъ.

Дрогнули звуки русскаго встрѣчнаго марша, перекликнулись между длинными каменными стѣнами вокзала, разбудили Пэйхо и отраженные сонной гладью рѣки, понеслись бодрящей вѣстью по европейскимъ концессіямъ.

Русскіе и иностранцы сняли шляпы,—и новое полковое знамя съ золотымъ наконечникомъ, символъ вѣры, долга и мужества, было пронесено передъ всѣмъ фронтомъ.

Это была послѣдняя торжественная и красивая картина, которую тяньцзинцы видѣли на желѣзнодорожномъ вокзалѣ. Черезъ два дня вокзалъ былъ уже свидѣтелемъ жестокихъ картинъ кровопролитія и истребленія и сдѣлался ареною храбрости, стойкости и безвременной гибели многихъ русскихъ и союзныхъ солдатъ и офицеровъ.

Полкъ перестроился и съ музыкой, черезъ мостъ на Пэйхо, двинулся въ европейскій городъ.

Для бивака было отведено пустопорожнее мѣсто, принадлежавшее Старцеву и находившееся почти въ серединѣ французской концессіи, между улицами Rue Baron de Dillon и Rue du Chemin de fer, гдѣ полкъ сталъ сейчасъ же располагаться лагеремъ.

Солдаты разбили палатки и измученные отъ усталости и голода повалились наземь. Офицеры разошлись по русскимъ домамъ.

Командиръ 12-го Вост.-Сиб. Стрѣлк. полка, полковникъ Анисимовъ, которому пришлось первому вмѣстѣ со своимъ полкомъ отстаивать европейскія концессіи въ Тяньцзинѣ, осажденныя китайскими войсками, и боксерами, уже испыталъ всѣ труды и тягости боевой жизни въ тяжелую годину Турецкой кампаніи. 23 октября 1877 года въ дѣлѣ при Деве-Бойну, съ 15 солдатами своей роты, онъ первый взошелъ на высоту, занятую турецкой артиллеріей и отбилъ два непріятельскихъ орудія. За свой подвигъ онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ. Когда въ Одессѣ былъ сформированъ 12-ый Вост.-Сиб. Стрѣлк. полкъ, К. А. Анисимовъ былъ назначенъ первымъ командиромъ этого полка и сумѣлъ заложить въ солдатахъ и офицерахъ молодого полка тѣ благородныя боевыя традиціи, которыя онъ вынесъ изъ Турецкой кампаніи и своей собственной доблестной службы. Не успѣлъ 12-ый полкъ прибыть на Квантунъ, какъ полку нужно было сразу нести трудную аванпостную службу на Цзиньчжоускихъ позиціяхъ для охраны квантунской границы. Не только солдатамъ и офицерамъ, но и офицерскимъ семьямъ пришлось поселиться въ жалкихъ [illegible]скихъ деревенскихъ домикахъ, жить по походному и страдать [illegible] отъ зноя, а зимою отъ вѣтра и холода.

[illegible] задолго до боксерскаго возстанія 12-ый полкъ былъ пере- Портъ-Артуръ и размѣщенъ въ наскоро построенныхъ [illegible]зармахъ на Тигровомъ полуостровѣ. Не успѣлъ

полкъ устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ былъ переброшенъ въ Тяньцзинъ для охраны иностранцевъ.

25 марта 1900 года, на полковомъ праздникѣ по случаю Высочайшаго пожалованія молодому 12-му полку знамени, К. А. Анисимовъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ:

„Не дрогнула, господа, у меня рука, когда я принималъ Высочайше пожалованное знамя. Этотъ знакъ высокаго Монаршаго благоволенія полкомъ еще не заслуженъ, но я надѣюсь, что мы его заслужимъ. Болѣе, я увѣренъ, что мы оправдаемъ высокую милость нашего Державнаго Вождя. Увѣренность свою я основываю на высокихъ качествахъ русскаго солдата. Качества эти: мужество, храбрость, выносливость, а главное безпредѣльная преданность своему Государю и любовь къ родинѣ.

„Тихо, безропотно угасали и отдавали свою жизнь Русскіе солдаты за свою дорогую родину.

„Я не боюсь за честь 12-го полка, она въ надежныхъ рукахъ, въ рукахъ русскаго солдата, а солдаты 12-го полка тѣ же. Они собраны со всѣхъ концовъ нашей необъятной матушки Россіи и проникнуты тою же любовью къ своей родинѣ и тою же безпредѣльною преданностью къ своему Монарху. Да къ тому же это и не новобранцы. Они принесли съ собою цѣлыя сокровища въ видѣ боевыхъ традицій тѣхъ славныхъ полковъ, изъ которыхъ сформированъ 12-й полкъ. Въ составъ его 1-го батальона вошли роты 9, 10, 11 и 12-го Стрѣлковыхъ полковъ 3-й Стрѣлковой бригады, которые успѣли уже покрыть себя боевой славой въ минувшую кампанію и получили Георгіевскія знамена за Шейново. 11 полкъ за Шейново имѣетъ отличіе на головномъ уборѣ, а Георгіевское знамя получилъ еще въ Крымскую кампанію. Были стрѣлки и при усмиреніи польскаго возстанія въ 1863 году и подъ Севастополемъ въ 1854 году. А въ минувшую кампанію: Балканы, Ловча, Шейново, Шипка, Зеленыя горы, Плевна,—всюду стрѣлки оставили свой славный слѣдъ.

„2-й батальонъ составленъ изъ полковъ 15-й пѣхотной дивизіи Модлинскаго, Люблинскаго, Прагскаго и Замосцкаго. Они сформированы еще въ 31 году, и съ перваго же года своего существованія приняли участіе въ бояхъ во время польскаго возстанія: видѣла ихъ Варшава въ 31 году, знаютъ Венгры съ 49 года. Знакомы имъ и заоблачныя вершины неприступнаго Кавказа: проходили они черезъ Андійскія Ворота, передъ которыми Ѳермопилы

грековъ показались-бы легкой забавой. Аулъ-Дарго, это непреступное орлиное гнѣздо Кавказа, скрывающееся за облаками, которое самъ Шамиль считалъ неприступнымъ для обыкновеннаго человѣка, но это гнѣздо было сброшено съ вершины въ пропасть въ числѣ другихъ и полками 15-й дивизіи. Они же подъ Севастополемъ были славными его защитниками. Малаховъ курганъ былъ ими защищаемъ, и французы у нихъ его не взяли. Нѣтъ, они вошли на бастіонъ, когда защитниковъ тамъ уже не было: лежали только трупы ихъ.

„Все сказанное даетъ мнѣ увѣренность повторить словами поэта, что если будетъ нужно, то и мы сумѣемъ умереть, какъ наши предки умирали."

Эта рѣчь была сказана полковникомъ Анисимовымъ въ Портъ-Артурѣ за 2 мѣсяца до разыгравшихся событій, и всѣ солдаты и офицеры 12-го полка скоро оправдали пророчество своего командира.

Знаменоносецъ 12-го В.-С. С. полка
Яковлевъ.

Передъ грозой

31 Мая

Сегодня вечеромъ въ Тяньцзинъ пришла наша артиллерія: 4 полевыхъ орудія 2-ой батареи Вост.-Сиб. стрѣлк. дивизіона, подъ командою поручика Кобызскаго, при младшемъ офицерѣ подпоручикѣ Михайловскомъ и при бравомъ фельдфебелѣ, украшенномъ шевронами — Волоснухинѣ. На всѣ четыре орудія было взято 1200 снарядовъ. Орудія были легкаго типа, образца 1877 года, калибра 3—4 дюйма. Полубатарея стала на берегу Пэйхо недалеко отъ 12-го полка. Лошадей держали на коновязи.

Благодаря заботамъ полковника Вогака и неизмѣнному содѣйствію французскаго консула и секретаря французскаго муниципалитета Сабуро, китайскіе поставщики стали доставлять въ русскій лагерь хлѣбъ, яйца, зелень, быковъ и дрова. Воду получали изъ водопровода, построеннаго англичанами на берегу Пэйхо и снабжавшаго по трубамъ всѣ концессіи хорошо профильтрованной питьевой водой изъ Пэйхо. Китайцы доставляли воду изъ водопровода въ бочкахъ для нуждъ русскаго лагеря. Грязножелтая вода Пэйхо некрасива на видъ, но не имѣетъ ни запаха, ни привкуса и ее можно пить прямо изъ рѣки съ рискомъ заболѣть чѣмъ угодно.

Въ лагерѣ правильными рядами выстроились солдатскія походныя палатки. Съ одной стороны двора были поставлены на коновязи кони, съ другой стороны расположились двуколки и дымящія походныя кухни. Въ глубинѣ двора хлѣбопеки приспособили какой-то китайскій домикъ для своей пекарни.

Въ иностранныхъ и китайскихъ магазинахъ стали показываться русскіе солдатики. Въ первый разъ видя иностранный городъ и не говоря ни на одномъ языкѣ, кромѣ своего родного, наши

находчивые солдаты тѣмъ не менѣе чувствовали себя въ Тяньцзинѣ какъ дома. Съ записками или безъ записокъ отъ офицеровъ они не стѣсняясь ходили всюду, куда ихъ посылали, отыскивали магазины, которые имъ были необходимы, Богъ вѣсть какъ объяснялись съ иностранцами и умѣли всегда растолковать и объяснить, что имъ нужно. Повидимому, солдаты предпочитали имѣть дѣло съ китайскими купцами, такъ какъ знали нѣсколько китайскихъ словъ изъ Портъ-Артура. Они подолгу засиживались въ китайскихъ лавкахъ, о чемъ-то бесѣдовали, изъ-за чего-то торговались на русско-китайскомъ нарѣчіи, о чемъ-то смѣялись вмѣстѣ съ китайскими торговцами и расходились очень довольные китайскимъ обхожденіемъ.

Видя цѣлый полкъ русскихъ солдатъ, беззаботно гуляющихъ по городу, весело распѣвающихъ свои удалыя пѣсни, отъ которыхъ гремѣли стѣны зданій европейскихъ концессій, европейцы сами повеселѣли, пріободрились и нашли для себя новое развлеченіе ходить въ русскій лагерь и смотрѣть, какъ русскіе поютъ, ѣдятъ свою кашу и пьютъ свой чай.

Былъ ли дѣйствительно Чжилійскій вице-король Юй Лу убѣжденъ въ безвредности возстанія боксеровъ и въ полной безопасности европейцевъ, для чего ему нужно было совершенно не понимать положенія дѣлъ, или же онъ былъ только игрушкою въ рукахъ пекинскихъ узурпаторовъ и исполнялъ только то, что было ему приказано изъ Цзюнь Цзи Чу—Верховнаго Совѣта въ Пекинѣ;—однако онъ продолжалъ увѣрять иностранцевъ въ томъ, что подъ его охраною имъ нечего бояться.

Съ другой стороны, изъ Пекина попрежнему не было никакихъ извѣстій, и посланники продолжали оставаться въ осадѣ, отрѣзанные отъ всего міра.

Что касается адмирала Сеймура, то по полученнымъ извѣстіямъ онъ очень медленно подвигался впередъ къ Пекину, дѣлая 2—4 версты въ день.

Вогакъ полагалъ, что по указаннымъ причинамъ 12-ый полкъ долженъ немедленно и налегкѣ двинуться въ Пекинъ, не по разрушенной желѣзной дорогѣ, а по обыкновенной грунтовой, имѣющей 120 верстъ до столицы. Обозъ было предположено везти на китайскихъ подводахъ. Сперва Анисимовъ согласился съ мнѣніемъ полковника Вогака, но достать подводы нигдѣ не было возможности: китайцы ни за какія деньги не соглашались давать своихъ [illegible]дей или телѣги изъ боязни мести боксеровъ. Это неожиданное [illegible]ительство задерживало выступленіе въ походъ 12-го полка.

Съ своей стороны полковникъ Анисимовъ признавалъ весьма рискованнымъ уходить въ глубь страны, не имѣя за собой надежной базы, и полагалъ, что было бы болѣе осторожно и цѣлесообразно подождать съ выступленіемъ до тѣхъ поръ, пока въ Тяньцзинѣ не будетъ собрано больше войскъ.

Осторожность полковника Анисимова и невозможность достать перевозочныя средства были причиною того, что полкъ остался въ Тяньцзинѣ и былъ его славнымъ защитникомъ.

Весьма возможно, что если бы 12-ый полкъ ушелъ вслѣдъ за Сеймуромъ съ цѣлью скорѣе пожать лавры освободителей Пекина, онъ испыталъ бы ту же печальную участь, что и отрядъ англійскаго адмирала.

Также возможно, что безъ своихъ доблестныхъ защитниковъ европейскія концессіи въ Тяньцзинѣ снова пережили бы рѣзню 1870 года.

1 Іюня

Грозовая туча уже нависла надъ Тяньцзиномъ.

Увы! это была не благодатная дождевая туча, которую китайцы уже два года ждали съ отчаяньемъ для своихъ полей.

Это была надвигавшаяся гроза народной злобы, мести и ослѣпленія.

Тяньцзинъ пустѣетъ. Напуганныя слухами о неистовствахъ боксеровъ и объ ихъ скоромъ нападеніи на городъ, встревоженные боевымъ видомъ Тяньцзина, движеніемъ войскъ и бѣгствомъ китайцевъ изъ европейскихъ концессій, европейскія семьи однѣ за другими покидаютъ городъ и спѣшатъ уѣхать по желѣзной дорогѣ, пока она еще не разрушена, въ Тонку, а оттуда на пароходѣ въ Шанхай, а изъ Шанхая за границу.

Интернаціональный циркъ, который по странной случайности помѣщался на одномъ участкѣ съ русскимъ лагеремъ, обклеилъ весь городъ длиннѣйшими афишами, но вмѣсто ожидаемыхъ сборовъ съ публики принужденъ былъ начать сборы въ дорогу и также весь разъѣхался.

Китайская прислуга, служившая у иностранцевъ, китайскіе повара, портные, прачки и конюхи, работавшіе на европейцевъ, разбѣгаются. Въ городѣ невозможно заказать себѣ ни одного костюма, такъ какъ все шилось китайцами. Нельзя исправить часовъ

даже у европейскихъ часовщиковъ, такъ какъ мастерами были китай-цы. И мыть бѣлье представляетъ величайшія трудности, такъ какъ мыли китайцы. По городу большей частью приходится ходить пѣшкомъ, такъ какъ ѣздить не на чемъ. Тяньцзинскимъ джентльменамъ и ледямъ приходится не только самимъ готовить обѣды, подавать на столъ, но и самимъ чистить свои платья и обувь, самимъ воду [illegible], такъ какъ вся прислуга были китайцы и послать некого.

[illegible] въ Тяньцзинѣ кончилось и наступило царство Р[illegible]ъ.

Красивыя улицы Тяньцзина пустынны и запущены. Тысячи [illegible] перекрестныхъ и какъ [illegible] ѣхать. Безлюдно [illegible]. На улицахъ можно встрѣтить только военныхъ разныхъ [illegible] не боящихся остаться въ Тяньцзинѣ [illegible] и вокзалахъ.

[illegible] Изъ русскихъ дамъ [illegible] за защиту своихъ [illegible]

[illegible] офицеры проводятъ въ [illegible] въ гостепріимнѣйшей семьѣ [illegible] Литтерштейна, управля-[illegible] довѣреннаго Русско-[illegible]

[illegible] Тяньцзинъ былъ встревоженъ [illegible] Ближайшій русскій бивакъ [illegible] былъ готовъ идти по первому [illegible] поѣхалъ на вокзалъ и узналъ, [illegible] красные фонари, дви-[illegible] должны принадлежать только [illegible] охранявшихъ вокзалъ. [illegible] Послѣ чего фонари

[illegible] снова ложиться спать.

2 Іюня

[illegible] лошади и повозки были [illegible] вокзалъ. Оставалось только [illegible]

Вокзалъ былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Пэйхо, шагахъ въ 200 отъ рѣки, къ которой вела хорошо мощеная дорога, выходившая на мостъ.

Мостъ былъ сдѣланъ изъ барокъ и разводился нѣсколько разъ въ день для пропуска китайскихъ джонокъ. Подпоручику 12-го полка Виноградову, начальнику саперной команды, было приказано исправить мостъ и улучшить его настилку, для того чтобы по мосту могли легко передвигаться обозы и орудія.

Морскія пушки Барановскаго охраняли мостъ и набережную. Отъ моста до нашего бивака было также около 200 шаговъ.

Въ городѣ было получено извѣстіе, что боксеры назначили 19-ый день пятой луны, соотвѣтствующій 2-му іюня русскаго стиля, для общаго нападенія на европейскія концессіи.

Анисимовъ и Вогакъ сочли поэтому необходимымъ усилить караулы, тѣмъ болѣе что и наканунѣ боксеры обнаружили странное движеніе къ вокзалу. Было приказано поставить на вокзалѣ вмѣсто взвода—полуроту. Заставы на Rue de Paris усилены. Кромѣ двухъ русскихъ поставлены заставы французская и японская.

Нападеніе боксеровъ ожидалось со стороны китайскаго города, вплотную подходившаго къ французской концессіи. Это мѣсто, сжатое рѣкою Пэйхо, улицами Taku Road и Rue de Paris и пересѣченное узкими китайскими переулками, считалось особенно опаснымъ, такъ какъ здѣсь могло совершенно незамѣтно укрыться какое угодно количество боксеровъ. Тутъ требовалась самая бдительная охрана. Казачій пикетъ изъ трехъ человѣкъ, часовые и заставы были расположены такимъ образомъ, что могли по возможности наблюдать за всѣми улицами и переулками, выходившими изъ китайскаго города на концессію.

Вечеромъ въ Тяньцзинъ вернулся обратно поѣздъ, вышедшій утромъ съ рельсами, шпалами, скрѣпленіями, боевыми припасами, 1 орудіемъ и провизіей въ распоряженіе адмирала Сеймура. Однако поѣздъ не могъ добраться даже до Янцуня и принужденъ былъ прійти назадъ, такъ какъ далѣе путь былъ совершенно испорченъ.

О судьбѣ адмирала Сеймура и его отряда, отрѣзаннаго отъ Тяньцзина, ничего не было извѣстно.

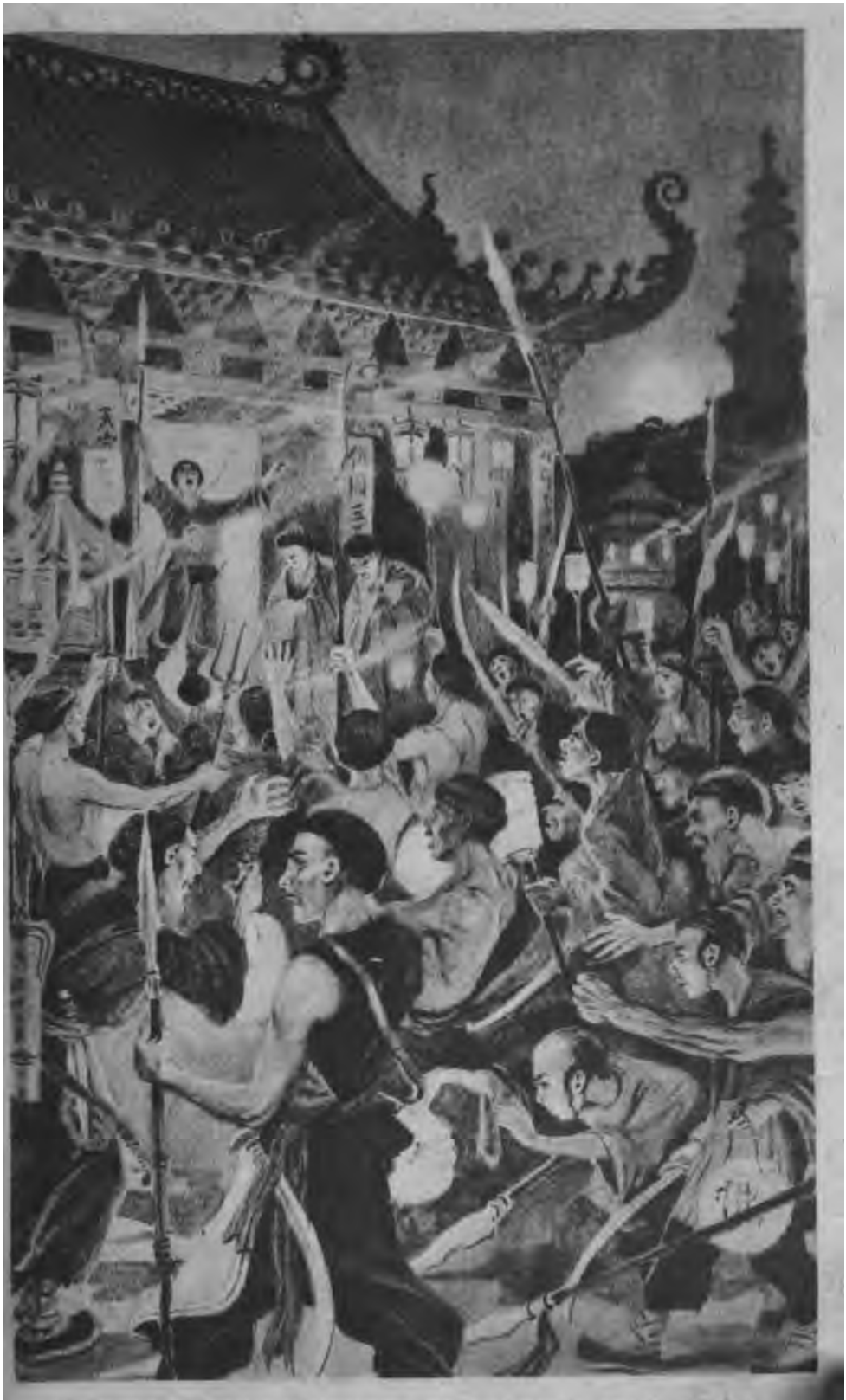
Возвращеніе назадъ поѣзда, посланнаго на помощь Сеймуру и вернувшагося ни съ чѣмъ, было дурнымъ предзнаменованіемъ.

Вечеромъ всѣ свободные офицеры 12-го полка обѣдали въ нарядной столовой у Батуевыхъ. Когда заискрилось шампанское, тосты за радушныхъ хозяевъ смѣнились тостами за вновь прибывшихъ

защитниковъ Тяньцзина и ихъ дамъ, оставленныхъ въ Портъ-Артурѣ въ тревогѣ и страхѣ передъ невѣдомымъ будущимъ. Полковой оркестръ, расположившійся въ садовой бесѣдкѣ, сыгралъ маршъ и затѣмъ полились томные тягучіе звуки вальса. Звуки нѣжно колебали воздухъ тихаго теплаго вечера и манили грезами мира и далекихъ радостей. Гости слушали и забыли или хотѣли забыть, что боксерскій кривой свѣже отточенный мечъ былъ ужъ занесенъ надъ европейцами Тяньцзина.

Веселая бесѣда и взаимные тосты продолжались недолго. Гости еще не встали изъ-за стола, когда была получена записка отъ командира полка, требующая, чтобы всѣ офицеры немедленно прибыли на бивакъ. Обѣдъ разстроился и офицеры, поблагодаривъ хозяевъ и не зная въ чемъ дѣло, поспѣшили въ лагерь.

Поручикъ Блонскій.



Ночное собраніе боксеровъ въ кумирнѣ „Духа Огня"

Къ стр. 77

Духъ войны Гуаньлаоѣ.

Въ кумирнѣ „Духа огня“

Дворъ кумирни „Хо Шэнь Мяо“, посвященной „Духу огня“ и расположенной въ глубинѣ китайскаго города Тяньцзина, былъ переполненъ ихэтуанцами.

У всѣхъ въ рукахъ были зажжонные красные бумажные фонари на палкахъ. Головы были обмотаны красными платками, подъ которыми были свернуты косы. На голой груди висѣлъ красный платокъ съ написаннымъ таинственнымъ іероглифомъ. Красный поясъ, свернутый узломъ съ заткнутымъ большимъ кривымъ ножомъ, туго сжималъ худощавое, смуглое тѣло. На ногахъ были широкія синія шаровары, перехваченныя у ступни красными перевязками.

Большіе стеклянные расписные фонари, повѣшенные въ алтарѣ кумирни и снаружи на крыльцѣ, были всѣ зажжены.

Курительныя палочки, воткнутыя въ песокъ курильницы, горѣли предъ главнымъ кумиромъ Старца Лаоцзы, сидѣвшаго на

рѣзномъ тронѣ въ золоченномъ одѣяніи, съ длинной сѣдой бородой и строго нахмуренными мохнатыми бровями.

Въ тускло жолтомъ сумракѣ алтаря мерцала золотая парча ризы Ляоцзы и сверкали золоченныя надписи, развѣшанныя подъ потолкомъ, на стѣнахъ и на столбахъ. Тихо и сумрачно было въ кумирнѣ, но на дворѣ толпа гудѣла и волновалась, становилась на колѣни и дѣлала земные поклоны.

Древній монахъ съ высохшимъ и неподвижнымъ, точно восковаго лицомъ, изрытымъ морщинами, стоялъ посреди толпы передъ жертвенникомъ, на которомъ изъ зажженной курильницы вились струйки дыма. Рѣзкимъ монотоннымъ голосомъ онъ читалъ молитву. Ему вторили стоявшіе по сторонамъ монахи съ безжизненными лицами, въ широкихъ одеждахъ, нараспѣвъ тянувшіе заунывную молитву и колотившіе въ мѣдный колоколъ и деревянный барабанъ.

Толпа горячо молилась.

За оградой монастыря раздался звонъ конскихъ копытъ. Всадники соскочили съ коней и быстро вошли во дворъ. Толпа раздалась на двѣ стороны и послышались крики:

— Дайте дорогу! Дайте дорогу! Чжань пріѣхалъ!

Чжань [illegible] главныхъ предводителей боксеровъ, быстро [illegible] на ступеняхъ кумирни. Онъ былъ одѣтъ [illegible] на головѣ, красная шелковая кофта, [illegible] и надѣтые поверхъ шароваръ [illegible] иероглифами Цзи — Счастье. [illegible] знакъ, подъ которымъ скры[illegible] въ ней 3 корешками инбиря. [illegible] краснаго перца. Въ рукахъ [illegible] кистью подъ остріемъ. За [illegible] ножнахъ, а за плечами [illegible]

[illegible] наукѣ и колдовствахъ [illegible] въ постѣ и молит[illegible] „свѣтлымъ“ Цинъ. Он[illegible] болѣзнямъ, несча[illegible] заморское огнестрѣльно[illegible] какъ вѣритъ только [illegible] копья.

Онъ вѣритъ [illegible] всемогущество [illegible] Гуань-лао-ъ, кото-

рые всегда спасали Срединный народъ отъ злыхъ подземныхъ духовъ, а теперь спасутъ отъ земныхъ бѣлыхъ дьяволовъ.

Сдѣлавъ три поклона Старцу Лаоцзы, Чжань повернулся къ народу и сталъ говорить. Хотя онъ еще не успѣлъ отдышаться отъ быстрой ѣзды, но его зычный отрывистый голосъ, среди возстановившейся тишины, былъ слышенъ каждому ихэтуанцу въ кумирнѣ.

Чжань говорилъ:

— Туань! Какъ на облакахъ орлы, прилетѣли мы къ вамъ изъ Пекина и привезли хорошія вѣсти. Войско заморскихъ дьяволовъ, вышедшее изъ Тяньцзина, чтобы посягнуть на нашу священную столицу, застряло на полдорогѣ въ Ланфанѣ и не можетъ двинуться ни впередъ ни назадъ. Храбрые ихэтуанцы разрушили всю дорогу спереди и сзади иностранцевъ и сдавили ихъ крѣпкимъ поясомъ своей тигровой неустрашимости, изъ котораго ни одинъ иностранецъ не выйдетъ живымъ, и сотни ихъ уже валяются перебитые нами. Наказаніе черепахъ, живущихъ за восточнымъ океаномъ, также началось. Въ Пекинѣ мы казнили японскаго переводчика изъ японскаго посольства. Когда онъ вопреки воспрещенію хотѣлъ проѣхать черезъ городскія ворота, барсовые солдаты Дунъ Фу Сяна схватили его, обрубили ему носъ, уши, губы, пальцы, искололи тѣло, изъ спины вырѣзали себѣ кушаки, а изъ груди вырѣзали сердце. Вотъ это самое мое заговоренное копье было водружено въ землю и передъ нимъ положено теплое, дрожащее японское сердце. Передъ живымъ сердцемъ врага, ихэтуанцы и солдаты кланялись въ землю и неистово молились, чтобы Гуань-лао-ѣ даровалъ намъ неслабѣющую силу и храбрость въ бою и охранялъ насъ отъ вражескихъ козней. Мы разсѣкли на части сердце врага, съѣли его и если въ моей груди есть кусокъ вражескаго сердца, то мнѣ не страшенъ никакой врагъ.

— Внимательно слушайте то, что я вамъ скажу. Моими устами говоритъ Небо, дарующее счастье и богатство и охраняющее Ихэцюань и Ихэтуань. Янгуйцзы—заморскіе дьяволы возмутили миръ и благоденствіе Срединнаго народа. Они побуждаютъ народъ слѣдовать ихъ ученью, отвернуться отъ Неба, не почитать нашихъ боговъ и забыть нашихъ предковъ. Мущины нарушаютъ человѣческія обязанности, женщины совершаютъ прелюбодѣянія. Янгуйцзы порождены не человѣческимъ родомъ. Если вы не вѣрите, взгляните на нихъ пристально: ихъ глаза свѣтлые, какъ у всѣхъ дьяволовъ. Небо, возмущенное ихъ преступленіями, не даруетъ намъ дождя и уже третій годъ жжотъ и сушитъ землю. Дьявольскіе храмы сдавили

небеса и тѣснятъ духовъ. Боги въ гнѣвѣ, духи въ негодованіи. Нынѣ боги и духи сходятъ съ горъ, чтобы спасти нашу вѣру. Вѣрьте, что ваше боевое ученіе не напрасно. Пойте ваши молитвы и твердите волшебныя слова! Сожигайте желтыя молитвенныя бумажки, сожигайте курильныя палочки! Вызывайте изъ пещеръ боговъ и духовъ и тогда боги выйдутъ изъ пещеръ, а духи спустятся съ холмовъ и помогутъ всѣмъ изучающимъ тайны Кулака Правды и Согласія. Кто хорошо изучилъ всѣ боевыя упражненія Кулака, тому не трудно истребить янгуйцзы.

Сегодня настала первая великая ночь крови и смерти— [illegible] ночь 5-ой луны, указанная великимъ Гуань-лао-ѣ. Въ эту [illegible] должны поразить янгуйцзы первымъ рѣшительнымъ и могучимъ ударомъ нашего чудеснаго Кулака. Полвѣка янгуйцзы впива[illegible] въ нашу землю своими желѣзными дорогами, какъ ножами, [illegible] нашу кровь. Полвѣка они расхищали наши [illegible] въ Цзюжжоу, Лушунькоу и Вэйхайвэѣ [illegible] Нынѣ ихъ желѣзныя дороги уже разрушены. [illegible] вырваны. Насталъ часъ вели[illegible] [illegible] измѣнившихъ вѣрѣ [illegible] измѣнниками, которые [illegible] перебить иностран[illegible] до соединенія съ [illegible] Ихъ каждый день [illegible] съ большого [illegible] быть сожжонъ [illegible] измѣнники. [illegible] мы должны [illegible] вокзаломъ. [illegible] вокзалъ. [illegible] могу зорваться [illegible] французско[illegible] [illegible] и тѣхъ ки[illegible]

[illegible]

намъ. Но если бы Цинская династія не стала помогать намъ и не была на нашей сторонѣ, то знайте, что тогда мы ниспровергнемъ династію, но спасемъ китайскій народъ отъ янгуйцзы. Довольно мы терпѣли отъ янгуйцзы! Отмщеніе настало. Если вы, ихэтуанцы, будете тверды, упорны и непоколебимы какъ скалы Небесныхъ горъ, и храбры какъ тигры и драконы, то передъ вами не устоитъ никакой врагъ и вражеская пуля пролетитъ мимо или задѣнетъ васъ безъ вреда. Если вы будете увѣрены въ вашемъ сердцѣ, какъ вы увѣрены въ Небѣ и землѣ; если вы будете чисты сердцемъ какъ чистъ горный источникъ и если вы будете вѣрить до дна вашего сердца, то вы святы, неуязвимы и безсмертны. Знайте это! Ни одному измѣннику и ни одному янгуйцзы не давайте пощады. Пусть Небо накалится отъ пожаровъ, пусть земля побагровѣетъ отъ крови! И пусть всѣ янгуйцзы задохнутся отъ дыма ихъ собственныхъ пылающихъ дьявольскихъ храмовъ! Помните, что чѣмъ больше вы прольете вражеской крови, тѣмъ больше Небо прольетъ своего благодатнаго дождя. Казните измѣнниковъ самыми ужасными наказаніями и ни одного сердца янгуйцзы не оставляйте не вырѣзаннымъ! У всѣхъ ли васъ на груди спасительные талисманы?—воскликнулъ Чжань, окидывая толпу пылающимъ взглядомъ.

Толпа онѣмѣла и не сразу очнулась отъ громовой рѣчи Чжаня, устами котораго говорило само Небо. Толпа вздрогнула и послышался единодушный крикъ:

— У всѣхъ! У всѣхъ!

— У всѣхъ ли зажжены красные фонари?—снова спросилъ Чжань.

— У всѣхъ! У всѣхъ!—шумѣла толпа и подымала кверху фонари.

— У всѣхъ ли хорошо отточены ножи, сабли и копья?—кричалъ Чжань, размахивая своимъ длиннымъ копьемъ.

— У всѣхъ! У всѣхъ!—ревѣла толпа еще громче и потрясала надъ головами оружіемъ.

Въ сумракѣ забряцали мечи и сабли, ударяясь другъ о друга, и заколыхались красные фонари, освѣщая распаленныя лица и красныя и желтыя повязки боксеровъ.

— Монахи, совершите послѣднюю молитву и призовите духовъ! — крикнулъ Чжань.

Мгновенно застучали барабаны и колотушки, зазвенѣли мѣдныя тарелки, загудѣлъ колоколъ. Монахи, а за ними и вся толпа стали пѣть хоромъ:

— Тѣнъ да тѣнъ мынь кай!
Ди да ди мынь кай!
Жо сюэ тѣнъ шэнь хуй!
Во цинъ ши-фу лай!
Ихэцюань!
Хунъ дэнъ чжао!
И саоръ гуанъ!
— Небо! раствори небесныя врата!
Земля! раствори земныя врата!
Чтобы постигнуть сонмъ небесныхъ духовъ,
Я молю учителя сойти!
Кулакъ правды и согласія
И свѣтъ краснаго фонаря
Однимъ помеломъ сметутъ!
Свѣтъ краснаго фонаря,
Будь нашимъ проводникомъ и охранителемъ!
Звѣзда Чжи-нюй,
Обручившаяся со звѣздою Ню-су,
Помоги намъ!
Лао-ѣ! Гуань-лао-ѣ!
Спаси насъ и охрани
Отъ огня заморской пушки!
Ихэцюань!
Хунъ дэнъ чжао
Однимъ помеломъ сметутъ.

Изъ боковыхъ келій кумирни были выведены мальчики и дѣвочки съ красными повязками на головахъ и въ длинныхъ красныхъ одеждахъ. Это были Хунь и Цинъ, избранные Небомъ для постиженія таинствъ Ихэ — Правды и Согласія.

Дѣти упали ницъ передъ жертвенникомъ посреди двора и призываніе духовъ началось. Еще громче застучали колотушки и барабаны, еще звонче забилъ колоколъ. Еще неистовѣе толпа стала молиться и голосить:

— Ихэцюань!
— Хунъ дэнъ чжао
— И саоръ гуанъ!

Дѣтскія головки безжалостно бились о каменныя плиты двора. Мальчики и дѣвочки съ налившимися кровью глазами и съ пѣнящимся ртомъ то срывались съ плитъ, на которыхъ лежали и безумно скакали и вертѣлись вокругъ жертвенника, безмысленно глядя кругомъ, то снова

съ размаха падали на землю и простирались безъ движеній, испуская сквозь стиснутые зубы пѣну и издавая глухое хрипѣнье и ворчанье.

— Хо Шэнь лай ле!

— Лай ле! Лай ле! Лай ле!

— Огненный духъ спустился!

— Спустился! Спустился! Спустился!—закричала толпа, схватила дѣтей, лежавшихъ безъ чувствъ на плитахъ, и понесла ихъ на рукахъ, держа высоко надъ головой замершія дѣтскія тѣльца съ болтавшимися головками и распустившимися волосами.

Китайскій Католическій соборъ.

Поднявъ фонари, размахивая мечами и копьями, толпа повалила черезъ ворота на улицу. Впереди несли дѣтей, которыя все еще были въ обморокѣ. Ихэтуанцы голосили и орали:

— Ихэцюань! Хунъ дэнъ чжао!

— И саоръ гуанъ!

— Великій Чжань! Веди насъ впередъ бить измѣнниковъ, бить иностранцевъ! Идемъ на берегъ Пэйхо! Сожжомъ [illegible] всѣ дьявольскіе храмы!

— Ша янгуйцзы! Ша янгуйцзы!

— Смерть заморскимъ дьяволамъ!

ТЯНЬЦЗИНЪ

Улица, ведущая къ католическому собору, засвѣтилась огнями красныхъ фонарей. Затрещали и задымили подожжоные дома китайцевъ-христіанъ, давно отмѣченные кровавыми пятнами. Ихэтуанцы ломали двери и вытаскивали изъ домовъ несчастныхъ христіанъ. Они пытали свои жертвы, поджигали ихъ факелами, и когда мущины, женщины и дѣти, корчась отъ ужаса и боли, отрекались отъ Христа, ихэтуанцы рубили имъ руки, ноги и разрѣзали ихъ на части.

Скоро запылалъ величественный католическій соборъ на берегу Пэйхо...

Разноцвѣтные красивые стеклянные фонари въ кумирнѣ „Духа огня“ продолжали горѣть. Курильницы продолжали искриться и испускать нити дыма, но въ самой кумирнѣ было тихо и сумрачно. Никого не было во дворѣ, кромѣ молчаливыхъ монаховъ, которые оправляли горѣвшія свѣчи и палочки въ курильницахъ.

Въ алтарѣ передъ кумиромъ Лаоцзы главный и древній монахъ съ сѣдой головой и застывшимъ сморщеннымъ лицомъ склонилъ колѣни и горячо молился. Въ его потухшихъ глазахъ, точно въ тлѣющемъ пеплѣ, едва загорались искры давно угасшаго чувства. Монахъ взывалъ:

— Да Лаоцзы! Великій Старецъ! Десять тысячъ лѣтъ изъ нѣдръ вѣчности ты взираешь на нашу землю, по которой ты самъ ходилъ и которую ты вѣчно хранилъ. Всемудрый Старецъ! Сохрани нашъ народъ въ годину смуты и тревогъ. Всеблагой Старецъ! Спаси Ихэтуань и помоги имъ на всѣхъ ихъ путяхъ. Да Лаоцзы! Храни насъ въ мирѣ и благоденствіи!

Великій Старецъ Лаоцзы сидѣлъ на тронѣ въ парчевой порфирѣ, съ сѣдой бородой и нахмуренными бровями, и думая свою вѣковѣчную думу, незнающую земныхъ ничтожныхъ тревогъ и волненій, безмолвствовалъ.

Первое нападеніе боксеровъ

2 Іюня

2 іюня въ 6 час. вечера эсаулъ Ловцовъ былъ отправленъ со своими казаками въ поле выслѣдить скопище боксеровъ, которые по слухамъ въ огромномъ количествѣ собрались въ окрестностяхъ Тяньцзина. Не успѣли казаки отъѣхать $1\frac{1}{2}$ версты отъ города, какъ увидѣли въ полѣ толпы боксеровъ, вооруженныхъ мечами и копьями въ красныхъ шапкахъ. Не имѣя приказанія стрѣлять, Ловцовъ приказалъ казакамъ повернуть обратно и медленно уходить, чтобы боксеры не подумали, что ихъ боятся. Боксеры не только не испугались сотни казаковъ, но приблизились на сто шаговъ и на такомъ разстояніи провожали сотню, размахивая мечами и дѣлая угрожающія боксерскія движенія. Входя въ деревню, боксеры почему-то снимали свои красныя шапки и кушаки и становились мирными ман[illegible] полковнику Анисимову.

Войсковой старшина Ловцовъ.

[illegible]щовъ донесъ

Въ то время, когда [illegible]ли на обѣдѣ у Батуевыхъ,

1-ой роты, который со своей полуротой охранялъ вокзалъ, около 9 час. вечера замѣтилъ, что большой католическій соборъ, высоко поднимавшійся надъ китайскимъ городомъ, задымилъ. Сквозь черные валы дыма скоро начали прорѣзываться яркіе извивы огня. Когда Францкевичъ донесъ объ этомъ, Анисимовъ приказалъ немедленно всѣмъ офицерамъ полка быть на своихъ мѣстахъ.

Я полетѣлъ или вѣрнѣе пошелъ, такъ какъ летѣть было не на чемъ, — на вокзалъ. По приказанію Анисимова здѣсь уже стоялъ подпоручикъ Михайловскій съ двумя орудіями, поставленными рядомъ на плитахъ желѣзнодорожной платформы влѣво отъ вокзала, съ дулами, повернутыми въ поле. Вторая полурота 1-ой роты съ поручикомъ Архиповымъ также пришла на вокзалъ. Дежурная 8-ая рота капитана Шпехта ждала на бивакѣ приказанія двинуться.

Точно вулканъ пылалъ соборъ. Хотя до него было версты двѣ, но отчетливо были видны взлетавшія волны огня и тучи дыма, дождь искръ и проваливавшіяся стропила. Точно огненный драконъ, вереница безчисленныхъ красныхъ огней высыпала изъ китайскаго города и то останавливаясь, то извиваясь и собираясь въ круги, то разсыпаясь, пропадая и снова зажигаясь, тянулась къ вокзалу. Все поле точно фосфорилось, но это были не синіе пугливые болотные огни, а красные угрожающіе фонари ихэтуанцевъ. Свой путь крови и казни они освѣщали фонарями и пожарами. Вокругъ собора загорѣлись ближайшія зданія, въ которыхъ жили христіане-китайцы. Ихэтуанцы тщательно искали настоятеля собора и его причтъ: они спаслись въ послѣднюю минуту и бѣжали на французскую концессію.

Огонь, подхваченный вѣтромъ, перебрасывался на дома правыхъ и неправыхъ китайцевъ и скоро китайскій городъ зардѣлъ отъ пожаровъ. Крещоные китайцы въ ужасѣ выскакивали изъ горящихъ фанзъ и попадали на копья и кривые мечи. Ихэтуанцы рѣзали всѣхъ и только иногда даровали жизнь дѣтямъ, которымъ обрѣзали руки.

Китайская народная молва передавала, что съ замученными [illegible] стіанами совершались чудеса. Иные китайцы отрекались [illegible] Небеснаго Владыки, Которому молились, другіе [illegible] вопля умирали подъ ножами ихэтуанцевъ и, то [illegible] какъ ихъ истязали, только твердили:

— Іесу! Малія!

— Іисусъ! Марія!

Залитыя кровью дѣти съ обрѣзанными ручонками, съ испуганными глазками, бѣгали кругомъ своей сгорѣвшей фанзы-хижины, тщетно искали папу и маму, но не плакали.

— Дьявольскія дѣти! Даже не кричатъ!—говорили злобно мучители-ихэтуанцы.

Красные огни разсыпались по всему полю, наступали на вокзалъ и повидимиму, хотѣли окружить насъ съ разныхъ сторонъ.

— Отчего вы не стрѣляете?—спросилъ я штабсъ-капитана Францкевича, который стоялъ около своей роты.

— Мнѣ не приказано стрѣлять по мирнымъ жителямъ,—отвѣчалъ онъ.

— Какіе же это мирные жители, которые жгутъ городъ? Вѣдь это боксеры. Красные фонари ихъ отличительные признаки ночью. Они очевидно хотятъ сдѣлать нападеніе на вокзалъ. Если вы сейчасъ ихъ не спугнете гранатою, то вы можете упустить время. Боксеры бросятся на вокзалъ или обойдутъ насъ и бросятся на насъ сзади. Вѣдь мы отрѣзаны отъ рѣки непроходимыми переулками.

— Я все это прекрасно знаю и вижу.

Францкевичъ, повидимому, колебался и не рѣшался безъ приказанія открыть огонь по мирнымъ деревнямъ, разбросаннымъ передъ вокзаломъ.

Послали новое донесеніе Анисимову, котораго ждали каждую минуту.

Возлѣ вокзала черезъ полотно желѣзной дороги былъ переброшенъ легкій высокій мостъ, для того чтобы неосторожные китайцы переходили съ платформы на платформу по мосту, а не по рельсамъ. Я поднялся на этотъ мостъ, съ котораго далеко было видно поле и горѣвшій китайскій городъ. Здѣсь наконецъ встрѣтилъ я тяньцзинскихъ волонтеровъ, въ форменныхъ тропическихъ курткахъ цвѣта каки, съ буквами T V на погонахъ. Въ первый и въ послѣдній разъ я видѣлъ храбрыхъ волонтеровъ такъ близко отъ непріятеля.

Задрожалъ воздухъ. Р[illegible] рѣзнулъ слухъ и мгновеннымъ эхомъ отда[illegible] первая граната первая угроза рус[illegible]

Двигавшіе [illegible] али, что будетъ дальше.

Вторая [illegible]

Почуя [illegible]

Темное поле, мерцавшее красными огнями, озарилось пожарами. Красные фонари окружили сверкающимъ кольцомъ деревню. Горе деревнѣ! Вспыхнули соломенныя крыши, быстро загорѣлись рѣшетчатыя двери и окошки, оклеенныя промасленной бумагой. Вѣтеръ разогналъ огонь и вся деревня на нашихъ глазахъ горѣла, какъ стогъ сѣна. До насъ доносились раздирающіе крики избиваемыхъ, сливавшіеся въ одинъ неистовый гулъ съ дикимъ побѣднымъ ревомъ ихэтуанцевъ.

Подпоручикъ Михайловскій и его артиллеристы прицѣлились— и граната попала въ самый кругъ собравшихся фонарей. Дѣйствіе ея было ужасно. Съ криками и визгами посыпались и попадали фонари въ разныя стороны.

Еще одна граната въ то же мѣсто. Смятеніе охватило боксеровъ. Пронзенные осколками гранаты боксеры падали замертво—и ни молитвы, ни талисманы не спасали.

Движеніе красныхъ фонарей вправо, въ обходъ вокзала пріостановилось и затѣмъ быстро огни направились назадъ въ китайскій городъ. Такъ какъ боксерамъ не удалось захватить русскихъ со стороны поля, то они рѣшили напасть на насъ сзади.

Между вокзаломъ, желѣзной дорогой и рѣкою Пэйхо находились склады, мастерскія и запутанные переулки, въ которыхъ жили китайцы.

Не прошло получаса, какъ позади насъ загорѣлись крыши домовъ и послышались крики.

На другихъ крышахъ точно бѣсы карабкались черныя тѣни боксеровъ съ фонарями и факелами.

Чтобы не быть отрѣзаннымъ огнемъ и боксерами отъ рѣки, полковникъ Анисимовъ приказалъ повернуть орудія кругомъ и выстрѣлами шрапнели Михайловскій скоро счистилъ боксеровъ съ крышъ, а подпоручикъ Путцъ былъ посланъ со взводомъ стрѣлковъ выбить боксеровъ изъ ближайшихъ закоулковъ. Выстрѣлы стрѣлковъ смѣшались съ криками раненыхъ боксеровъ.

Чтобы увидать, что дѣлается позади вокзала, я побѣжалъ по улицѣ, ведущей къ рѣкѣ. Въ первомъ же темномъ переулкѣ, возлѣ самаго вокзала я увидѣлъ боксеровъ-поджигателей, которые разбрасывали кучи курильныхъ палочекъ и факелами изъ промасленной свернутой бумаги зажигали хрупкія строенія бѣдныхъ китайцевъ-христіанъ. Они были такъ заняты своимъ дѣломъ, что не замѣтили иностранца подлѣ нихъ.

Перепуганный я побѣжалъ къ мосту и далъ знать караулу стрѣлковъ, что боксеры возлѣ нихъ въ сосѣднемъ переулкѣ.

Стрѣлки, наскучившіе стоять карауломъ у моста и только издали слышать выстрѣлы и крики, обрадовались и вмѣстѣ съ офицеромъ пошли выбивать боксеровъ. Вся 8-ая рота капитана Шпехта была двинута въ переулки, чтобы очистить ихъ отъ боксеровъ. Мирные китайцы, дрожавшіе всю ночь и выскакивавшіе изъ своихъ загорѣвшихся домовъ, попадали подъ наши выстрѣлы. Отличить праваго отъ виноватаго не было никакой возможности, такъ какъ боксеры стали сбрасывать свои красныя повязки и кушаки.

Пламя бушевало позади вокзала. Уголья и искры сыпались на платформу и обжигали стрѣлковъ и артиллеристовъ. Орудіямъ и снарядамъ опасно было оставаться на платформѣ и Анисимовъ приказалъ артиллерійскому взводу немедленно вернуться на бивакъ. Лошади вскачь провезли орудія по пылавшей и дымившей улицѣ.

Но боксеры не отчаивались. Огни въ полѣ снова заволновались и снова вспыхнуло нѣсколько пожаровъ. Тогда Анисимовъ послалъ сотниковъ Григорьева и Семенова съ казаками, чтобы они узнали, что дѣлаютъ боксеры въ полѣ. Казаки вернулись черезъ полчаса и донесли, что боксеры жгутъ желѣзную дорогу по направленію къ Пекину.

1-ая рота, стоявшая на вокзалѣ по ту сторону полотна, открыла огонь залпами. Послѣ каждаго залпа мы слышали пронзительные вопли и на нашихъ глазахъ фонари падали, разбѣгались и потухали. Крича: „Ихэцюань! Хунъ дэнъ чжао!“ и размахивая мечами и копьями, боксеры все-таки шли на вокзалъ.

Одинъ изъ ихъ предводителей Шифу, высокій, угрюмый старикъ, повелъ толпу ихэтуанцевъ прямо на нашу роту. Впереди мальчики несли знамя, на которомъ было написано три іероглифа „И хэ туань“.

Луна освѣтила безумныхъ смѣльчаковъ, ихъ мечи и знамя.

— Гляди-ка! Гляди-ка! Какіе окаянные! Подъ самымъ носомъ забрались черти!—заговорили стрѣлки.

Залпъ. Знамя упало, поднялось. Снова упало. Взводъ стрѣлковъ былъ посланъ забрать знамя.

Въ 100 шагахъ отъ роты на травѣ стрѣлки нашли убитаго старика Шифу и двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ мертвъ, а другой еще дышалъ. Его приkололи. Остальные ихэтуанцы разбѣжались и скрылись, утащивъ раненыхъ и убитыхъ. Валялись мечи, красные платки и древко отъ знамени, которое было сорвано и унесено. Такъ отдалъ свою жизнь за родину старый Шифу.

Ихэтуанцы не выдержали и отступили. Въ полѣ рѣдѣли, расходились и потухали огни. На востокѣ рѣдѣло темное небо. По-

1-ой роты, который со своей полуротой охранялъ вокзалъ, около 9 час. вечера замѣтилъ, что большой католическій соборъ, высоко поднимавшійся надъ китайскимъ городомъ, задымилъ. Сквозь черные валы дыма скоро начали прорѣзываться яркіе извивы огня. Когда Францкевичъ донесъ объ этомъ, Анисимовъ приказалъ немедленно всѣмъ офицерамъ полка быть на своихъ мѣстахъ.

Я полетѣлъ или вѣрнѣе пошелъ, такъ какъ летѣть было не на чемъ, — на вокзалъ. По приказанію Анисимова здѣсь уже стоялъ подпоручикъ Михайловскій съ двумя орудіями, поставленными рядомъ на платахъ желѣзнодорожной платформы влѣво отъ вокзала, съ дулами, повернутыми въ поле. Вторая полурота 1-ой роты съ поручикомъ Архиповымъ также пришла на вокзалъ. Дежурная 8-ая рота капитана Шпехта ждала на бивакѣ приказанія двинуться.

Точно вулканъ пылалъ соборъ. Хотя до него было версты двѣ, но отчетливо были видны взлетавшія волны огня и тучи дыма, дождь искръ и проваливавшіяся стропила. Точно огненный драконъ, вереница безчисленныхъ красныхъ огней высыпала изъ китайскаго города и то останавливаясь, то извиваясь и собираясь въ круги, то разсыпаясь, пропадая и снова зажигаясь, тянулась къ вокзалу. Все поле точно фосфорилось, но это были не синіе пугливые болотные огни, а красные угрожающіе фонари ихэтуанцевъ. Свой путь крови и казни они освѣщали фонарями и пожарами. Вокругъ собора загорѣлись ближайшія зданія, въ которыхъ жили христіане-китайцы. Ихэтуанцы тщательно искали настоятеля собора и его причтъ: они спаслись въ послѣднюю минуту и бѣжали на французскую концессію.

Огонь, подхваченный вѣтромъ, перебрасывался на дома правыхъ и неправыхъ китайцевъ и скоро китайскій городъ зардѣлъ отъ пожаровъ. Крещоные китайцы въ ужасѣ выскакивали изъ горящихъ фанзъ и попадали на копья и кривые мечи. Ихэтуанцы рѣзали всѣхъ и только иногда даровали жизнь дѣтямъ, которымъ обрѣзали руки.

Китайская народная молва передавала, что съ замученными христіанами совершались чудеса. Иные китайцы отрицали [illegible] новаго Небеснаго Владыки, Которому молились [illegible] стона и вопля умирали подъ ножами ихэтуанцевъ [illegible] чувствуя, какъ ихъ истязали, только твердили:

— Іесу! Малія!

— Іисусъ! Марія!

Залитыя кровью дѣти съ обрѣзанными ручонками, съ испуганными глазками, бѣгали кругомъ своей сгорѣвшей фанзы-хижины, тщетно искали папу и маму, но не плакали.

— Дьявольскія дѣти! Даже не кричатъ!—говорили злобно мучители-ихэтуанцы.

Красные огни разсыпались по всему полю, наступали на вокзалъ и повидимиму, хотѣли окружить насъ съ разныхъ сторонъ.

— Отчего вы не стрѣляете?—спросилъ я штабсъ-капитана Францкевича, который стоялъ около своей роты.

— Мнѣ не приказано стрѣлять по мирнымъ жителямъ,—отвѣчалъ онъ.

— Какіе же это мирные жители, которые жгутъ городъ? Вѣдь это боксеры. Красные фонари ихъ отличительные признаки ночью. Они очевидно хотятъ сдѣлать нападеніе на вокзалъ. Если вы сейчасъ ихъ не спугнете гранатою, то вы можете упустить время. Боксеры бросятся на вокзалъ или обойдутъ насъ и бросятся на насъ сзади. Вѣдь мы отрѣзаны отъ рѣки непроходимыми переулками.

— Я все это прекрасно знаю и вижу.

Францкевичъ, повидимому, колебался и не рѣшался безъ приказанія открыть огонь по мирнымъ деревнямъ, разбросаннымъ передъ вокзаломъ.

Послали новое донесеніе Анисимову, котораго ждали каждую минуту.

Возлѣ вокзала черезъ полотно желѣзной дороги былъ переброшенъ легкій высокій мостъ, для того чтобы неосторожные китайцы переходили съ платформы на платформу по мосту, а не по рельсамъ. Я поднялся на этотъ мостъ, съ котораго далеко было видно поле и горѣвшій китайскій городъ. Здѣсь наконецъ встрѣтилъ я тяньцзинскихъ волонтеровъ, въ форменныхъ тропическихъ курткахъ цвѣта каки, съ буквами T V на погонахъ. Въ первый и въ послѣдній разъ я видѣлъ храбрыхъ волонтеровъ такъ близко отъ непріятеля.

Задрожалъ воздухъ. Рѣзкій звукъ рѣзнулъ слухъ и мгновеннымъ эхомъ отозвался въ полѣ. Это была первая граната—первая угроза русскихъ ихэтуанцамъ.

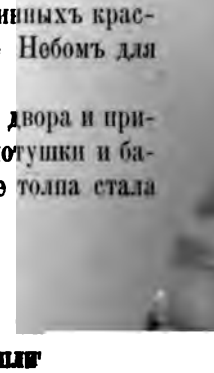
Двигавшіеся огни остановились и точно ждали, что будетъ дальше.

Вторая, третья граната прошумѣли въ воздухѣ.

Послѣ минутной нерѣшительности, боксеры еще яростнѣе принялись за свое дѣло.

— Тѣнъ да тѣнъ мынь кай!
Ди да ди мынь кай!
Жо сюэ тѣнъ шэнь хуй!
Во цинъ ши-фу лай!
Ихэцюань!
Хунъ дэнъ чжао!
И саоръ гуанъ!
— Небо! раствори небесныя врата!
Земля! раствори земныя врата!
Чтобы постигнуть сонмъ небесныхъ духовъ,
Я молю учителя сойти!
Кулакъ правды и согласія
И свѣтъ краснаго фонаря
Однимъ помеломъ сметутъ!
Свѣтъ краснаго фонаря,
Будь нашимъ проводникомъ и охранителемъ!
Звѣзда Чжи-нюй,
Обручившаяся со звѣздою Ню-су,
Помоги намъ!
Лао-ѣ! Гуань-лао-ѣ!
Спаси насъ и охрани
Отъ огня заморской пушки!
Ихэцюань!
Хунъ дэнъ чжао
Однимъ помеломъ сметутъ.

Изъ боковыхъ келій кумирни были выведены мальчики и дѣвочки съ красными повязками на головахъ и въ длинныхъ красныхъ одеждахъ. Это были Хунь и Цинъ, избранные Небомъ для постиженія таинствъ Ихэ — Правды и Согласія.



Дѣти упали ницъ передъ жертвенникомъ посреди двора и призываніе духовъ началось. Еще громче застучали колотушки и барабаны, еще звонче забилъ колоколъ. Еще неистовѣе толпа стала молиться и голосить:

— Ихэцюань!
— Хунъ дэнъ чжао
— И саоръ гуанъ!

Дѣтскія головки безжалостно бились о каменныя плиты. Мальчики и дѣвочки съ налившимися кровью глазами и съ пѣной у рта то срывались съ плитъ, на которыхъ лежали и безумно и вертѣлись вокругъ жертвенника, безмысленно глядя кругомъ

съ размаха падали на землю и простирались безъ движеній, испуская сквозь стиснутые зубы пѣну и издавая глухое хрипѣнье и ворчанье.

— Хо Шэнь лай ле!

— Лай ле! Лай ле! Лай ле!

— Огненный духъ спустился!

— Спустился! Спустился! Спустился!—закричала толпа, схватила дѣтей, лежавшихъ безъ чувствъ на плитахъ, и понесла ихъ на рукахъ, держа высоко надъ головой замершія дѣтскія тѣльца съ болтавшимися головками и распустившимися волосами.

...опьями, толпа пова-
...дѣтей, которыя все
...и орали:

...ить измѣнниковъ, бить
...жжомъ соборъ и всѣ

ТЯНЬЦЗИНЪ

Улица, ведущая къ католическому собору, засвѣтилась огнями красныхъ фонарей. Затрещали и задымили водоживные дома китайцевъ-христіанъ, давно отмѣченные кровавыми пятнами. Ихэтуанцы ломали двери и вытаскивали изъ домовъ несчастныхъ христіанъ. Они пытали свои жертвы, поджигали ихъ факелами, и когда мущины, женщины и дѣти, корчась отъ ужаса и боли, отрекались отъ Христа, ихэтуанцы рубили имъ руки, ноги и разрѣзали ихъ на части.

Скоро запылалъ величественный католическій соборъ на берегу Пэйхо...

Разноцвѣтные красивые стеклянные фонари въ кумирнѣ „Духа огня“ продолжали горѣть. Курильницы продолжали искриться и испускать нити дыма, но въ самой кумирнѣ было тихо и сумрачно. Никого не было во дворѣ, кромѣ молчаливыхъ монаховъ, которые оправляли горѣвшія свѣчи и палочки въ курильницахъ.

Въ алтарѣ передъ кумиромъ Лаоцзы главный и древній монахъ съ сѣдой головой и застывшимъ сморщеннымъ лицомъ склонилъ колѣни и горячо молился. Въ его потухшихъ глазахъ, точно въ тлѣющемъ пеплѣ, едва загорались искры давно угасшаго чувства. Монахъ взывалъ:

— Да Лаоцзы! Великій Старецъ! Десять тысячъ лѣтъ изъ нѣдръ вѣчности ты взираешь на нашу землю, по которой ты самъ ходилъ и которую ты вѣчно хранилъ. Всемудрый Старецъ! Сохрани нашъ народъ въ годину смуты и тревогъ. Всеблагой Старецъ! Спаси Ихэтуань и помоги имъ на всѣхъ ихъ путяхъ. Да Лаоцзы! Храни насъ въ мирѣ и благоденствіи!

Великій Старецъ Лаоцзы сидѣлъ на тронѣ въ парчевой порфирѣ, съ сѣдой бородой и нахмуренными бровями, и думая свою вѣковѣчную думу, незнающую земныхъ ничтожныхъ тревогъ и волненій, безмолвствовалъ.

Первое нападеніе боксеровъ

2 Іюня

2 іюня въ 6 час. вечера эсаулъ Ловцовъ былъ отправленъ со своими казаками въ поле выслѣдить скопище боксеровъ, которые по слухамъ въ огромномъ количествѣ собрались въ окрестностяхъ Тянь-цзина. Не успѣли казаки отъѣхать $1^1/_2$ версты отъ города, какъ увидѣли въ полѣ толпы боксеровъ, вооруженныхъ мечами и копьями въ красныхъ шапкахъ. Не имѣя приказанія стрѣлять, Ловцовъ приказалъ казакамъ повернуть обратно и медленно уходить, чтобы боксеры не подумали, что ихъ боятся. Боксеры не только не испугались сотни казаковъ, но приблизились на сто шаговъ и на такомъ разстояніи провожали сотню, размахивая мечами и дѣлая угрожающія боксерскія движенія. Входя въ деревню, боксеры почему-то снимали свои красныя шапки и кушаки и становились мирными манзами. Все это эсаулъ Ловцовъ донесъ полковнику Анисимову.

Войсковой старшина Ловцовъ.

Въ то время, когда офицеры 12-го полка благодушествовали на обѣдѣ у Батуевыхъ, штабсъ-капитанъ Францкевичъ, командиръ

1-ой роты, который со своей полуротой охранялъ вокзалъ, около 9 час. вечера замѣтилъ, что большой католическій соборъ, высоко поднимавшійся надъ китайскимъ городомъ, задымилъ. Сквозь черные валы дыма скоро начали прорѣзываться яркіе извивы огня. Когда Францкевичъ донесъ объ этомъ, Анисимовъ приказалъ немедленно всѣмъ офицерамъ полка быть на своихъ мѣстахъ.

Я полетѣлъ или вѣрнѣе пошелъ, такъ какъ летѣть было не на чемъ, на вокзалъ. По приказанію Анисимова здѣсь уже стоялъ подпоручикъ Михайловскій съ двумя орудіями, поставленными рядомъ на платахъ желѣзнодорожной платформы влѣво отъ вокзала, съ дулами, повернутыми въ поле. Вторая полурота 1-ой роты съ поручикомъ Архиповымъ также пришла на вокзалъ. Дежурная 8 ая рота капитана Шпехта ждала на бивакѣ приказанія двинуться.

Точно вулканъ пылалъ соборъ. Хотя до него было версты двѣ, но отчетливо были видны взлетавшія волны огня и тучи дыма, ложь искръ и проваливавшіяся стропила. Точно огненный драконъ, вереница безчисленныхъ красныхъ огней высыпала изъ китайскаго города и то останавливаясь, то извиваясь и собираясь въ круги, то разсыпаясь, пропадая и снова зажигаясь, тянулась къ вокзалу. Все поле точно фосфорилось, но это были не синіе пугливые болотные огни, а красные угрожающіе фонари ихэтуанцевъ. Свой путь крови и казни они освѣщали фонарями и пожарами. Вокругъ собора загорѣлись ближайшія зданія, въ которыхъ жили христіане-китайцы. Ихэтуанцы тщательно искали настоятеля собора и его причтъ: они спаслись въ послѣднюю минуту и бѣжали на французскую концессію.

Огонь, подхваченный вѣтромъ, перебрасывался на дома правыхъ и неправыхъ китайцевъ и скоро китайскій городъ зардѣлъ отъ пожаровъ. Крещеные китайцы въ ужасѣ выскакивали изъ горящихъ фанзъ и попадали на копья и кривые мечи. Ихэтуанцы рѣзали всѣхъ и только иногда даровали жизнь дѣтямъ, которымъ обрѣзали руки.

Китайская народная молва передавала, что съ замученными христіанами совершались чудеса. Иные китайцы отрекались отъ новаго Небеснаго Владыки, Которому молились, другіе безъ стона и вопля умирали подъ ножами ихэтуанцевъ и, точно не чувствуя, какъ ихъ истязали, только твердили:

— Іесу! Малія!

— Іисусъ! Марія!

Залитыя кровью дѣти съ обрѣзанными ручонками, съ испуганными глазками, бѣгали кругомъ своей сгорѣвшей фанзы-хижины, тщетно искали папу и маму, но не плакали.

— Дьявольскія дѣти! Даже не кричатъ!—говорили злобно мучители-ихэтуанцы.

Красные огни разсыпались по всему полю, наступали на вокзалъ и повидимиму, хотѣли окружить насъ съ разныхъ сторонъ.

— Отчего вы не стрѣляете?—спросилъ я штабсъ-капитана Францкевича, который стоялъ около своей роты.

— Мнѣ не приказано стрѣлять по мирнымъ жителямъ,—отвѣчалъ онъ.

— Какіе же это мирные жители, которые жгутъ городъ? Вѣдь это боксеры. Красные фонари ихъ отличительные признаки ночью. Они очевидно хотятъ сдѣлать нападеніе на вокзалъ. Если вы сейчасъ ихъ не спугнете гранатою, то вы можете упустить время. Боксеры бросятся на вокзалъ или обойдутъ насъ и бросятся на насъ сзади. Вѣдь мы отрѣзаны отъ рѣки непроходимыми переулками.

— Я все это прекрасно знаю и вижу.

Францкевичъ, повидимому, колебался и не рѣшался безъ приказанія открыть огонь по мирнымъ деревнямъ, разбросаннымъ передъ вокзаломъ.

Послали новое донесеніе Анисимову, котораго ждали каждую минуту.

Возлѣ вокзала черезъ полотно желѣзной дороги былъ переброшенъ легкій высокій мостъ, для того чтобы неосторожные китайцы переходили съ платформы на платформу по мосту, а не по рельсамъ. Я поднялся на этотъ мостъ, съ котораго далеко было видно поле и горѣвшій китайскій городъ. Здѣсь наконецъ встрѣтилъ я тяньцзинскихъ волонтеровъ, въ форменныхъ тропическихъ курткахъ цвѣта каки, съ буквами T V на погонахъ. Въ первый и въ послѣдній разъ я видѣлъ храбрыхъ волонтеровъ такъ близко отъ непріятеля.

Задрожалъ воздухъ. Рѣзкій звукъ рѣзнулъ слухъ и мгновеннымъ эхомъ отдался въ полѣ. Это была первая граната—первая угроза русскихъ ихэтуанцамъ.

Двигавшіеся огни остановились и точно ждали, что будетъ дальше.

Вторая и третья граната прошумѣли въ воздухѣ.

Почуя опасность, боксеры еще яростнѣе принялись за свое дѣло.

[illegible] черныя гѣни

[illegible] боксерами отъ рѣки.
[illegible] крутомъ и вы-
[illegible] свистилъ боксеровъ съ
[illegible] со взводомъ стрѣлковъ
[illegible] закоулковъ. Выстрѣлы стрѣл-
[illegible] раненыхъ боксеровъ.

[illegible] позади вокзала, я побѣжалъ по
[illegible] темномъ переулкѣ, возлѣ
[illegible] поджигателей, которые раз-
[illegible] изъ промаслен-
[illegible] бѣдныхъ китай-
[illegible] дѣломъ, что не

[illegible] караулу стрѣл-
[illegible]

Стрѣлки, наскучившіе стоять карауломъ у моста и только издали слышать выстрѣлы и крики, обрадовались и вмѣстѣ съ офицеромъ пошли выбивать боксеровъ. Вся 8-ая рота капитана Шпехта была двинута въ переулки, чтобы очистить ихъ отъ боксеровъ. Мирные китайцы, дрожавшіе всю ночь и выскакивавшіе изъ своихъ загорѣвшихся домовъ, попадали подъ наши выстрѣлы. Отличить праваго отъ виноватаго не было никакой возможности, такъ какъ боксеры стали сбрасывать свои красныя повязки и кушаки.

Пламя бушевало позади вокзала. Уголья и искры сыпались на платформу и обжигали стрѣлковъ и артиллеристовъ. Орудіямъ и снарядамъ опасно было оставаться на платформѣ и Анисимовъ приказалъ артиллерійскому взводу немедленно вернуться на бивакъ. Лошади вскачь провезли орудія по пылавшей и дымившей улицѣ.

Но боксеры не отчаивались. Огни въ полѣ снова заволновались и снова вспыхнуло нѣсколько пожаровъ. Тогда Анисимовъ послалъ сотниковъ Григорьева и Семенова съ казаками, чтобы они узнали, что дѣлаютъ боксеры въ полѣ. Казаки вернулись черезъ полчаса и донесли, что боксеры жгутъ желѣзную дорогу по направленію къ Пекину.

1-ая рота, стоявшая на вокзалѣ по ту сторону полотна, открыла огонь залпами. Послѣ каждаго залпа мы слышали пронзительные вопли и на нашихъ глазахъ фонари падали, разбѣгались и потухали. Крича: „Ихэцюань! Хунъ дэнъ чжао!“ и размахивая мечами и копьями, боксеры все-таки шли на вокзалъ.

Одинъ изъ ихъ предводителей Шифу, высокій, угрюмый старикъ, повелъ толпу ихэтуанцевъ прямо на нашу роту. Впереди мальчики несли знамя, на которомъ было написано три іероглифа „И хэ туань“.

Луна освѣтила безумныхъ смѣльчаковъ, ихъ мечи и знамя.

— Гляди-ка! Гляди-ка! Какіе окаянные! Подъ самымъ носомъ забрались черти!—заговорили стрѣлки.

Залпъ. Знамя упало, поднялось. Снова упало. Взводъ стрѣлковъ былъ посланъ забрать знамя.

Въ 100 шагахъ отъ роты на травѣ стрѣлки нашли убитаго старика Шифу и двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ мертвъ, а другой еще дышалъ. Его прикололи. Остальные ихэтуанцы разбѣжались и скрылись, утащивъ раненыхъ и убитыхъ. Валялись мечи, красные платки и древко отъ знамени, которое было сорвано и унесено. Такъ отдалъ свою жизнь за родину старый Шифу.

Ихэтуанцы не выдержали и отступили. Въ полѣ рѣдѣли, расходились и потухали огни. На востокѣ рѣдѣло темное небо. По-

жаровня догорала. На [illegible] горизонтѣ, точно обуглившаяся [illegible] [illegible] [illegible] обрывъ.

Въ 1 часъ ночи выстрѣлы прекратились. Наши стрѣлки перестали, но не надолго.

Въ время [illegible] офицеры Вознесенскій, Карповъ, Макаровъ и я пошли искать воды, чтобы напиться. Ночь была знойная и жажда мучила. На французской концессіи за воротами китайскаго дома, во дворѣ мы услышали шумъ и разговоръ. Мы постучались.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ за воротами испуганный голосъ сперва покитайски, потомъ поанглійски.

— Русскіе офицеры.

— Что вамъ нужно?

— Дайте воды напиться.

— Пожалуста, входите!

Ворота скрипя отворились. Мы вошли въ маленькій красивый дворъ, освѣщенный висячими фонарями и уставленный цвѣтами. Почтенный китаецъ, въ лѣтахъ, окруженный прислугой, вышелъ насъ встрѣтить со словами на чистомъ англійскомъ языкѣ:

— Я очень радъ васъ видѣть. Прошу васъ садиться.

Мы сѣли вокругъ столика на дворѣ и извинились за позднее посѣщеніе.

— Напротивъ, говорилъ онъ нѣсколько встревоженнымъ голосомъ, я очень радъ, что вы пришли. Я начальникъ здѣшняго китайскаго телеграфа. Что вы желаете пить: содовую воду или легкое китайское вино?

Мы попросили чистой воды. Когда ее подали, кто-то изъ нашихъ замѣтилъ вполголоса:

— А можно ли пить эту воду? не подсыпали ли китайцы чего нибудь? Теперь всего можно ожидать.

Понялъ ли китайскій чиновникъ нашъ разговоръ, но онъ сперва самъ выпилъ воды и вина и предложилъ намъ. Онъ снова заговорилъ:

— Несчастье случилось съ нами. Теперь мы не знаемъ, кому служить. Боксеры захватили въ свои руки власть, разоряютъ страну и караютъ всѣхъ, кто имѣлъ какое-либо дѣло съ иностранцами. Въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ наши правительственныя войска стали на сторону боксеровъ. Такъ какъ я служу вмѣстѣ съ иностранцами на телеграфѣ, то я очень боюсь за себя и за свою семью. Мы надѣемся только на вашихъ солдатъ, такъ какъ лишь они могутъ уничтожить боксеровъ, внести порядокъ и охранять

китайскихъ чиновниковъ, имѣющихъ сношенія съ иностранцами. Но зато на моемъ домѣ есть уже помѣтка, сдѣланная окровавленной рукой. Я завтра же отошлю мою семью въ Шанхай. Теперь у насъ такія же смуты въ странѣ, какія были при возстаніи Тайпиновъ. Я прошу почтенныхъ офицеровъ дать мнѣ нѣсколько русскихъ солдатъ для охраны телеграфной конторы и моего дома.

Офицеры успокоили китайскаго чиновника говоря, что ему нечего безпокоиться, такъ какъ телеграфная контора находится рядомъ съ бивакомъ.

Наше появленіе повидимому произвело переполохъ въ домѣ мандарина. Женщины и дѣти испуганно выглядывали изъ оконъ и дверей. Поблагодаривъ за радушіе, мы поспѣшили уйти.

На набережной, прямо противъ моста мы нашли европейско-китайскую гостиницу. Хозяинъ ея, молодой человѣкъ страннаго типа, стоялъ на крыльцѣ и просилъ насъ войти посидѣть. Съ винчестеромъ за плечами, онъ былъ одѣтъ въ англійскій тропическій костюмъ, носилъ пробковый шлемъ, китайскіе шаровары и высокіе китайскіе полотняные сапоги. У него было красивое энергичное лицо съ орлинымъ профилемъ, но темнокаріе глаза выдавали какой-то китайскій отпечатокъ. Онъ былъ очень любезенъ и услужливъ и одинаково хорошо говорилъ какъ поанглійски, такъ и покитайски.

Это былъ полурасовый Half-cast. Его отецъ былъ англичанинъ, владѣвшій этой гостиницей и передавшій ее сыну, а мать китаянка. Родители очень любили другъ друга, всегда жили вмѣстѣ и были счастливы.

Уже свѣтало, когда мы зашли въ гостиницу. Полукастовый хозяинъ былъ радъ нашему визиту и приказалъ прислугѣ подать американскаго пива.

Онъ былъ очень возмущенъ событіями и говорилъ:

— Хотя я самъ наполовину китаецъ и въ моихъ жилахъ столько же китайской крови, сколько и англійской, но я ругаю всѣхъ боксеровъ, потому что они глупы и только портятъ и безъ того плохія китайскія дѣла. Вчера я ходилъ въ китайскій городъ. Тамъ настоящій бунтъ, и никто ничего не понимаетъ, что теперь дѣлается. Вице-король Юй Лу и его мандарины заперлись въ своемъ ямынѣ, дрожатъ отъ страха и ничего не дѣлаютъ. Главные начальники въ городѣ теперь боксеры, которые въ союзѣ съ войсками рѣшили въ три дня уничтожить концессіи. Я очень радъ,

1-ой роты, который со своей полуротой охранялъ вокзалъ, около 9 час. вечера замѣтилъ, что большой католическій соборъ, высоко поднимавшійся надъ китайскимъ городомъ, задымилъ. Сквозь черные валы дыма скоро начали прорѣзываться яркіе извивы огня. Когда Францкевичъ донесъ объ этомъ, Анисимовъ приказалъ немедленно всѣмъ офицерамъ полка быть на своихъ мѣстахъ.

Я полетѣлъ или вѣрнѣе пошелъ, такъ какъ летѣть было не на чемъ, — на вокзалъ. По приказанію Анисимова здѣсь уже стоялъ подпоручикъ Михайловскій съ двумя орудіями, поставленными рядомъ на плитахъ желѣзнодорожной платформы влѣво отъ вокзала, съ дулами, повернутыми въ поле. Вторая полурота 1-ой роты съ поручикомъ Архиповымъ также пришла на вокзалъ. Дежурная 8-ая рота капитана Шпехта ждала на бивакѣ приказанія двинуться.

Точно вулканъ пылалъ соборъ. Хотя до него было версты двѣ, но отчетливо были видны взлетавшія волны огня и тучи дыма, дождь искръ и проваливавшіяся стропила. Точно огненный драконъ, вереница безчисленныхъ красныхъ огней высыпала изъ китайскаго города и то останавливаясь, то извиваясь и собираясь въ круги, то разсыпаясь, пропадая и снова зажигаясь, тянулась къ вокзалу. Все поле точно фосфорилось, но это были не синіе пугливые болотные огни, а красные угрожающіе фонари ихэтуанцевъ. Свой путь крови и казни они освѣщали фонарями и пожарами. Вокругъ собора загорѣлись ближайшія зданія, въ которыхъ жили христіане-китайцы. Ихэтуанцы тщательно искали настоятеля собора и его причтъ: они спаслись въ послѣднюю минуту и бѣжали на французскую концессію.

Огонь, подхваченный вѣтромъ, перебрасывался на дома правыхъ и неправыхъ китайцевъ и скоро китайскій городъ зардѣлъ отъ пожаровъ. Крещоные китайцы въ ужасѣ выскакивали изъ горящихъ фанзъ и попадали на копья и кривые мечи. Ихэтуанцы рѣзали всѣхъ и только иногда даровали жизнь дѣтямъ, которымъ обрѣзали руки.

Китайская народная молва передавала, что съ замученными христіанами совершались чудеса. Иные китайцы отрекались отъ новаго
ѣснаго Владыки, Которому молились, другіе безъ стона и
и подъ ножами ихэтуанцевъ и, точно не чувствуя,
ли, только твердили:
лія!
Марія!

Залитыя кровью дѣти съ обрѣзанными ручонками, съ испуганными глазками, бѣгали кругомъ своей сгорѣвшей фанзы-хижины, тщетно искали папу и маму, но не плакали.

— Дьявольскія дѣти! Даже не кричатъ!—говорили злобно мучители-ихэтуанцы.

Красные огни разсыпались по всему полю, наступали на вокзалъ и повидимиму, хотѣли окружить насъ съ разныхъ сторонъ.

— Отчего вы не стрѣляете?—спросилъ я штабсъ-капитана Францкевича, который стоялъ около своей роты.

— Мнѣ не приказано стрѣлять по мирнымъ жителямъ,—отвѣчалъ онъ.

— Какіе же это мирные жители, которые жгутъ городъ? Вѣдь это боксеры. Красные фонари ихъ отличительные признаки ночью. Они очевидно хотятъ сдѣлать нападеніе на вокзалъ. Если вы сейчасъ ихъ не спугнете гранатою, то вы можете упустить время. Боксеры бросятся на вокзалъ или обойдутъ насъ и бросятся на насъ сзади. Вѣдь мы отрѣзаны отъ рѣки непроходимыми переулками.

— Я все это прекрасно знаю и вижу.

Францкевичъ, повидимому, колебался и не рѣшался безъ приказанія открыть огонь по мирнымъ деревнямъ, разбросаннымъ передъ вокзаломъ.

Послали новое донесеніе Анисимову, котораго ждали каждую минуту.

Возлѣ вокзала черезъ полотно желѣзной дороги былъ переброшенъ легкій высокій мостъ, для того чтобы неосторожные китайцы переходили съ платформы на платформу по мосту, а не по рельсамъ. Я поднялся на этотъ мостъ, съ котораго далеко было видно поле и горѣвшій китайскій городъ. Здѣсь наконецъ встрѣтилъ я тяньцзинскихъ волонтеровъ, въ форменныхъ тропическихъ курткахъ цвѣта каки, съ буквами T V на погонахъ. Въ первый и въ послѣдній разъ я видѣлъ храбрыхъ волонтеровъ такъ близко отъ непріятеля.

Задрожалъ воздухъ. Рѣзкій звукъ рѣзнулъ слухъ и мгновеннымъ эхомъ отдался въ полѣ. Это была первая граната—первая угроза русскихъ ихэтуанцамъ.

Двигавшіеся огни остановились и точно ждали, что будетъ дальше.

Вторая и третья граната прошумѣли въ воздухѣ.

Почуя опасность, боксеры еще яростнѣе принялись за свое дѣло.

Темное поле, мерцавшее красными огнями, озарилось пожарами. Красные фонари окружили сверкающимъ кольцомъ деревню. Горе деревнѣ! Вспыхнули соломенныя крыши, быстро загорѣлись рѣшетчатыя двери и окошки, оклеенныя промасленной бумагой. Вѣтеръ разогналъ огонь и вся деревня на нашихъ глазахъ горѣла, какъ стогъ сѣна. До насъ доносились раздирающіе крики избиваемыхъ, сливавшіеся въ одинъ неистовый гулъ съ дикимъ побѣднымъ ревомъ ихэтуанцевъ.

Подпоручикъ Михайловскій и его артиллеристы прицѣлились—и граната попала въ самый кругъ собравшихся фонарей. Дѣйствіе ея было ужасно. Съ криками и визгами посыпались и попадали фонари въ разныя стороны.

Еще одна граната въ то же мѣсто. Смятеніе охватило боксеровъ. Пронизанные осколками гранаты боксеры падали замертво—и ни молитвы, ни талисманы не спасали.

Движеніе красныхъ фонарей вправо, въ обходъ вокзала пріостановилось и затѣмъ быстро огни направились назадъ въ китайскій городъ. Такъ какъ боксерамъ не удалось захватить русскихъ со стороны поля, то они рѣшили напасть на насъ сзади.

Между вокзаломъ, желѣзной дорогой и рѣкою Пэйхо находились склады, мастерскія и запутанные переулки, въ которыхъ жили китайцы.

Не прошло получаса, какъ позади насъ загорѣлись крыши домовъ и послышались крики.

На другихъ крышахъ точно бѣсы карабкались черныя тѣни боксеровъ съ фонарями и факелами.

Чтобы не быть отрѣзаннымъ огнемъ и боксерами отъ рѣки, полковникъ Анисимовъ приказалъ повернуть орудія кругомъ и выстрѣлами шрапнели Михайловскій скоро очистилъ боксеровъ съ крышъ, а подпоручикъ Шуцъ былъ посланъ со взводомъ стрѣлковъ выбить боксеровъ изъ ближайшихъ закоулковъ. Выстрѣлы стрѣлковъ смѣшались съ криками раненыхъ боксеровъ.

Чтобы увидать, что дѣлается позади вокзала, я побѣжалъ по улицѣ, ведущей къ рѣкѣ. Въ первомъ же темномъ переулкѣ, возлѣ самаго вокзала я увидѣлъ боксеровъ-поджигателей, которые разбрасывали кучи курительныхъ палочекъ и факелами изъ промасленной свернутой бумаги зажигали хрупкія строенія бѣдныхъ китайцевъ-христіанъ. Они были такъ заняты своимъ дѣломъ, что не замѣтили иностранца позади нихъ.

Перепуганный я побѣжалъ къ мосту и далъ знать караулу стрѣлковъ, что боксеры возлѣ нихъ въ сосѣднемъ переулкѣ.

Стрѣлки, наскучившіе стоять карауломъ у моста и только издали слышать выстрѣлы и крики, обрадовались и вмѣстѣ съ офицеромъ пошли выбивать боксеровъ. Вся 8-ая рота капитана Шпехта была двинута въ переулки, чтобы очистить ихъ отъ боксеровъ. Мирные китайцы, дрожавшіе всю ночь и выскакивавшіе изъ своихъ загорѣвшихся домовъ, попадали подъ наши выстрѣлы. Отличить праваго отъ виноватаго не было никакой возможности, такъ какъ боксеры стали сбрасывать свои красныя повязки и кушаки.

Пламя бушевало позади вокзала. Уголья и искры сыпались на платформу и обжигали стрѣлковъ и артиллеристовъ. Орудіямъ и снарядамъ опасно было оставаться на платформѣ и Анисимовъ приказалъ артиллерійскому взводу немедленно вернуться на бивакъ. Лошади вскачь провезли орудія по пылавшей и дымившей улицѣ.

Но боксеры не отчаивались. Огни въ полѣ снова заволновались и снова вспыхнуло нѣсколько пожаровъ. Тогда Анисимовъ послалъ сотниковъ Григорьева и Семенова съ казаками, чтобы они узнали, что дѣлаютъ боксеры въ полѣ. Казаки вернулись черезъ полчаса и донесли, что боксеры жгутъ желѣзную дорогу по направленію къ Пекину.

1-ая рота, стоявшая на вокзалѣ по ту сторону полотна, открыла огонь залпами. Послѣ каждаго залпа мы слышали пронзительные вопли и на нашихъ глазахъ фонари падали, разбѣгались и потухали. Крича: „Ихэцюань! Хунъ дэнъ чжао!“ и размахивая мечами и копьями, боксеры все-таки шли на вокзалъ.

Одинъ изъ ихъ предводителей Шифу, высокій, угрюмый старикъ, повелъ толпу ихэтуанцевъ прямо на нашу роту. Впереди мальчики несли знамя, на которомъ было написано три іероглифа „И хэ туань“.

Луна освѣтила безумныхъ смѣльчаковъ, ихъ мечи и знамя.

— Гляди-ка! Гляди-ка! Какіе окаянные! Подъ самымъ носомъ забрались черти!—заговорили стрѣлки.

Залпъ. Знамя упало, поднялось. Снова упало. Взводъ стрѣлковъ былъ посланъ забрать знамя.

Въ 100 шагахъ отъ роты на травѣ стрѣлки нашли убитаго старика Шифу и двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ мертвъ, а другой еще дышалъ. Его приkололи. Остальные ихэтуанцы разбѣжались и скрылись, утащивъ раненыхъ и убитыхъ. Валялись мечи, красные платки и древко отъ знамени, которое было сорвано и унесено. Такъ отдалъ свою жизнь за родину старый Шифу.

Ихэтуанцы не выдержали и отступили. Въ полѣ рѣдѣли, расходились и потухали огни. На востокѣ рѣдѣло темное небо. По-

капища догорали. На свѣтлѣющемъ горизонтѣ, точно обуглившаяся колонна, чернѣлъ обезглавленный [illegible].

Въ 1 часъ ночи выстрѣлы прекратились. Наши стрѣлки передохнули, но не надолго.

Во время затишья офицеры Воздвиженскій, Карповъ, Макаровъ и я пошли искать воды, чтобы напиться. Ночь была знойная и каждаго мучила [illegible]. На французской концессіи за воротами китайскаго дома, во дворѣ мы услышали шумъ и разговоръ. Мы постучались.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ за воротами испуганный голосъ сначала по-китайски, потомъ по-англійски.

— Русскіе офицеры.

— Что вамъ нужно?

— Дайте воды напиться.

— Пожалуйте, входите!

Ворота [illegible] отворились. Мы вошли въ маленькій красивый дворъ, вымощенный каменными плитами и уставленный цвѣтами. Пожилой китаецъ въ очкахъ, [illegible] вышелъ намъ навстрѣчу, [illegible] на англійскомъ языкѣ:

— Я очень радъ васъ видѣть. Прошу васъ садиться.

Мы [illegible] и извинились за позднее [illegible].

— Извините, [illegible] встревоженнымъ голосомъ, [illegible] радъ, что вы пришли. Я начальникъ здѣшняго китайскаго телеграфа. Что вы желаете пить: содовую воду или [illegible] китайское вино?

Мы попросили чистой воды. Когда ее подали, кто-то изъ нашихъ замѣтилъ вполголоса:

— А можно ли пить эту воду? не подсыпали ли китайцы что-нибудь? Теперь всего можно ожидать.

Понялъ ли китайскій чиновникъ нашъ разговоръ, но онъ сперва самъ выпилъ воды и вина и предложилъ намъ. Онъ снова заговорилъ.

— Несчастье случилось съ нами. Теперь мы не знаемъ, кому служить. Боксеры захватили въ свои руки власть, разоряютъ страну и караютъ всѣхъ, кто имѣлъ какое-либо дѣло съ иностранцами. Въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ наши правительственныя войска стали на сторону боксеровъ. Такъ какъ я служу вмѣстѣ съ иностранцами на телеграфѣ, то я очень боюсь за себя и за свою семью. Мы надѣемся только на вашихъ солдатъ, такъ какъ лишь они могутъ уничтожить боксеровъ, внести порядокъ и охранять

китайскихъ чиновниковъ, имѣющихъ сношенія съ иностранцами. Но зато на моемъ домѣ есть уже помѣтка, сдѣланная окровавленной рукой. Я завтра же отошлю мою семью въ Шанхай. Теперь у насъ такія же смуты въ странѣ, какія были при возстаніи Тайпиновъ. Я прошу почтенныхъ офицеровъ дать мнѣ нѣсколько русскихъ солдатъ для охраны телеграфной конторы и моего дома.

Офицеры успокоили китайскаго чиновника говоря, что ему нечего безпокоиться, такъ какъ телеграфная контора находится рядомъ съ бивакомъ.

Наше появленіе повидимому произвело переполохъ въ домѣ мандарина. Женщины и дѣти испуганно выглядывали изъ оконъ и дверей. Поблагодаривъ за радушіе, мы поспѣшили уйти.

На набережной, прямо противъ моста мы нашли европейско-китайскую гостиницу. Хозяинъ ея, молодой человѣкъ страннаго типа, стоялъ на крыльцѣ и просилъ насъ войти посидѣть. Съ винчестеромъ за плечами, онъ былъ одѣтъ въ англійскій тропическій костюмъ, носилъ пробковый шлемъ, китайскіе шаровары и высокіе китайскіе полотняные сапоги. У него было красивое энергичное лицо съ орлинымъ профилемъ, но темнокаріе глаза выдавали какой-то китайскій отпечатокъ. Онъ былъ очень любезенъ и услужливъ и одинаково хорошо говорилъ какъ поанглійски, такъ и покитайски.

Это былъ полурасовый Half-cast. Его отецъ былъ англичанинъ, владѣвшій этой гостиницей и передавшій ее сыну, а мать китаянка. Родители очень любили другъ друга, всегда жили вмѣстѣ и были счастливы.

Уже свѣтало, когда мы зашли въ гостиницу. Полукастовый хозяинъ былъ радъ нашему визиту и приказалъ прислугѣ подать американскаго пива.

Онъ былъ очень возмущенъ событіями и говорилъ:

— Хотя я самъ наполовину китаецъ и въ моихъ жилахъ столько же китайской крови, сколько и англійской, но я ругаю всѣхъ боксеровъ, потому что они глупы и только портятъ и безъ того плохія китайскія дѣла. Вчера я ходилъ въ китайскій городъ. Тамъ настоящій бунтъ, и никто ничего не понимаетъ, что теперь сдѣлается. Вице-король Юй Лу и его мандарины заперлись въ своемъ ямынѣ, дрожатъ отъ страха и ничего не дѣлаютъ. Главные начальники въ городѣ теперь боксеры, которые въ союзѣ съ войсками рѣшили въ три дня уничтожить концессіи. Я очень радъ,

что ихъ сегодняшняя первая атака не удалась. Вы видѣли у меня во дворѣ этихъ чертей, взятыхъ въ плѣнъ русскими солдатами? Эти несчастные и сумашедшіе бродяги хотятъ заниматься китайской политикой.

Мы прошли во дворъ. Я былъ радъ случаю увидѣть и интервьюировать настоящихъ живыхъ боксеровъ, которые произвели столько смутъ и наводили столько ужаса. Это были боксеры-поджигатели, захваченные стрѣлками около вокзала.

Боже мой! Какія это были жалкія несчастныя твари! Кожа, кости и злые волчьи глаза! Это были три полуголыхъ истощенныхъ голодомъ и опалённыхъ зноемъ тѣла, валявшихся на пескѣ. Ихъ руки были связаны сзади ихъ собственными косами. Ихъ грязныя [illegible] только злобу и страхъ.

[illegible] съ любопытствомъ [illegible] ихъ [illegible] въ спину, когда [illegible]

[illegible] на ихъ языкѣ, но боксеры [illegible] хотѣли понять [illegible]

[illegible] узнать.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Наши казаки дошли до самаго пожарища и послѣ двухъ, трехъ залповъ разогнали поджигателей. Нѣсколько боксеровъ легло на мѣстѣ.

Вернувшись назадъ, казаки донесли, что боксеры отступили, а горятъ дома китайцевъ-христіанъ.

Не успѣли казаки передохнуть, какъ нѣмецкіе посты, стоявшіе въ противоположной сторонѣ европейскихъ концессій, дали тревож-

Наши казаки.

ное извѣстіе, что боксеры обошли китайскій городъ и въ большомъ числѣ надвигаются на германскую концессію. Нѣмцы просили прислать казаковъ произвести атаку.

Ловцовъ, Григорьевъ, Семеновъ и ихъ шестая сотня снова полетѣли въ карьеръ и, выйдя въ поле, раздѣлились на три отряда, чтобы преслѣдовать боксеровъ. Увидѣвъ приближеніе русскихъ казаковъ, боксеры мгновенно разсѣялись по деревнямъ и такъ же быстро исчезли, какъ и появились. Казаки не стали входить въ деревню и вернулись обратно въ городъ. Ихъ возвращеніе было ихъ тріумфомъ. Встревоженныя дамы, услыша звонъ копытъ скачущихъ коней, выбѣжали изъ домовъ на улицу Викторіи и встрѣчали казаковъ рукоплесканіемъ и воздушными поцѣлуями.

Наши лихіе казаки, которые днемъ и ночью носятся съ приказаніями изъ концессіи въ концессію и вылетаютъ на опасныя развѣдки въ поле, вызываютъ восторгъ у тяньцзинскихъ дамъ и пользуются общими симпатіями всѣхъ европейцевъ. Если нужно что-нибудь узнать, развѣдать, приказать, донести или же развести боксеровъ, посылаютъ казаковъ. И они летятъ на своихъ лохматыхъ забайкальскихъ лошадкахъ и лихо-весело дѣлаютъ свое дѣло. Имъ не страшна, ни пика, ни алебарда китайскаго боксера.

Французскіе солдаты и ранцы.

Ѣдемъ дальше. Узкая извилистая улица, сдавленная тѣснящимися домиками китайцевъ, точно вымерла. Часть жителей уже успѣла бѣжать, а остальные, запершись за воротами и задвинувъ ставни, не шелохнулись. Даже собаки не лаяли, чуя недоброе. Только иногда въ щели виднѣлись огоньки курильныхъ палочекъ, поставленныхъ передъ божницею духа-покровителя.

Одна сторона улицы была ярко освѣщена лучами луны, но другая тѣмъ мрачнѣе таилась въ тѣни. Жутко было заглядывать въ эти темные ниши и углы.

— А что, можетъ выскочить боксеръ изъ такого темнаго мѣста?

— Очень просто, можетъ. Такъ и проколетъ своимъ длиннымъ копьемъ, а потомъ поминай какъ звали.

— А ты въ него изъ винтовки стрѣляй! Чего бояться!— ободрялъ другой казакъ. Улица повернула къ самой рѣкѣ, откуда снова отступала. Здѣсь стояла японская застава—человѣкъ 15 японцевъ съ однимъ офицеромъ. Передъ ними лежало на самомъ краю набережной свѣжее тѣло убитаго китайца.

Японскій офицеръ на ломаномъ англійскомъ языкѣ объяснилъ, что этотъ боксеръ стрѣлялъ въ нихъ съ джонки. Японцы кинулись къ джонкѣ, стоявшей у берега, нашли боксера, притащили на берегъ и застрѣлили.

Съ трудомъ произнося англійскія слова и облегчая ихъ жестами, японскій офицеръ объяснилъ, что онъ проситъ русскихъ смѣнить его заставу, такъ какъ его солдаты стояли цѣлый день, ничего не ѣли, а полковникъ Анисимовъ обѣщалъ смѣнить ихъ еще вечеромъ.

Я сказалъ объ этомъ казакамъ, съ которыми ѣхалъ.

— Понимаемъ. Такъ что мы доложимъ его высокоблагородію штабсъ-капитану Полторацкому. Ихъ застава тутъ недалеко въ медицинской коллегіи. Понимаемъ,—сказали казаки и поскакали.

Я снова поѣхалъ по извилистымъ переулкамъ, угнетавшимъ меня своимъ молчаніемъ и безлюдіемъ. Мнѣ становилось страшно. Въ переулкахъ ни души, ни русскихъ, ни японскихъ часовыхъ.

Луна ярко освѣщала мѣста недавнихъ пожарищъ: груды обожженнаго кирпича, тлѣющія головни и брошенный поломанный домашній скарбъ.

Безмолвно торчавшіе уродливые остовы сгорѣвшихъ домовъ начинали пугать меня, какъ привидѣнія, и мнѣ всюду мерещились боксеры. Что если въ самомъ дѣлѣ боксеръ выскочитъ съ пикой изъ-за угла или изъ ямы? Моя лошадь храпѣла и тоже боялась. Казаки ускакали, а мой револьверъ былъ далеко въ гостиницѣ, въ чемоданѣ.

Молча и зловѣще чернѣли пожарища и молчала луна. Со страху я сбился съ дороги и не зналъ, куда ѣхать.

Пока я обсуждалъ свое затруднительное положеніе и набирался храбрости,—къ моей радости на крышѣ одного большого дома засверкали штыки и забѣлѣли рубашки. Это была 7-ая рота Полторацкаго, которая стояла заставою въ китайской медицинской коллегіи и съ западной стороны охраняла концессію.

Пожарище.

Часовые меня окликнули.

— Свой! Свой! Какъ проѣхать отсюда на бивакъ? Скажите, пожалуста!

— А ты поѣзжай по этой улицѣ все прямо, а потомъ сверни налѣво, а потомъ возьми направо, опять налѣво и какъ разъ на бивакъ и выѣдешь.

— Благодарю! Понялъ.

— Не стоитъ!

Тишина ночи была встревожена грохотомъ орудій, доносившимся откуда-то очень далеко. Это была бомбардировка фортовъ Таку.

ревень, бросились на 3-ій мостъ и зажгли его въ тылу поѣзда. Саперы поспѣшили вернуться, прогнали выстрѣлами боксеровъ и потушили пожаръ.

Черезъ полчаса показались китайскія регулярныя войска, которыя начали стрѣлять по саперамъ спереди. Сзади поѣздъ обстрѣливали гранатами, которыя падали изъ Тяньцзина. Офицеры сапернаго отряда сообща рѣшили дальше не ходить, держаться у 3-го моста, ждать подкрѣпленій и незамѣтно отступить ночью.

Съ утра 4 іюня на Тяньцзинскомъ вокзалѣ толпились взволнованныя европейскія дамы, въ дорожныхъ костюмахъ и шляпкахъ, съ саквояжами, ридикюлями, корзинками, картонками, пеленками, зонтиками, грудными дѣтьми, дѣтскими колясочками и собачками. Въ кучу были свалены чемоданы, узлы и сундуки, любезно принесенные на вокзалъ, за отсутствіемъ прислуги, самими тяньцзинскими джентльменами. Часа три ждали поѣздъ, который долженъ былъ доставить дамъ и дѣтей въ Тонку.

На вокзалѣ тутъ же толпились семьи китайскихъ мандариновъ и купцовъ, служившихъ на китайскомъ телеграфѣ, почтѣ, въ банкахъ, магазинахъ и разныхъ конторахъ. Боясь боксеровъ, образованные китайцы отправляли свои семьи въ Чифу и Шанхай, гдѣ ихъ жены и дѣти могли быть въ безопасности.

Китайскія дамы въ черныхъ или синихъ шелковыхъ кофтахъ, затканныхъ цвѣтами, такихъ же шароварахъ, съ затѣйливыми умащенными прическами на серебряныхъ шпилькахъ и палочкахъ, съ испуганными набѣленными и нарумяненными лицами, съ дѣтьми, сидѣли на своихъ узлахъ и сундукахъ. Правильныя, пріятныя черты лица и стройныя формы, обнаруживаемыя складками широкаго платья, показывали принадлежность нѣкоторыхъ китаянокъ къ чистой, красивой южно-китайской расѣ. Поджавъ свои маленькія ножки, китайскія дамы съ любопытствомъ осматривали заморскихъ дамъ, которыхъ онѣ, живя взаперти, такъ рѣдко могли видѣть, и вполголоса обмѣнивались другъ съ другомъ наблюденіями.

Дѣти, бѣлыя и желтыя, кричали и плакали. Дамы волновались и нѣкоторыя тоже плакали. Свистки маневрирующихъ паровозовъ пугали младенцевъ, старавшихся перекричать паровозъ, но поѣздъ не уходилъ. Покидаемые мужья—офицеры и джентльмены старались шутить, успокаивали нервныхъ дамъ и увѣряли ихъ въ полной безопасности какъ уѣзжающихъ, такъ и остающихся, тѣмъ болѣе, что только что китайскій телеграфъ доставилъ радостное извѣстіе, что форты Таку взяты.

— Что же это? первая жертва?—подумалъ я. — Первая капля невинной крови? Что же это такое? Настоящая война? съ регулярными восками, съ ружьями, пушками, ранеными и убитыми? Жестокость и кровопролитіе, не знающее ни жалости, ни снисхожденія. Но чѣмъ виноватъ этотъ самый солдатикъ, котораго за тридевять земель пригнали изъ родной деревни, везли по жаркимъ южнымъ морямъ, держали въ суровомъ Портъ-Артурѣ и прислали сюда усмирять мятежниковъ, которыхъ онъ и въ глаза не видалъ и о которыхъ слышалъ развѣ только въ сказкахъ? Что онъ сдѣлалъ боксерамъ и что они сдѣлали ему? Чувствуютъ ли въ деревнѣ его батька и матка, что ихъ родимый уже сложилъ свою буйную головушку и лежитъ раскинувшись на горячемъ китайскомъ пескѣ, не приласканный и не оплаканный?.. И только докучливыя ядовитыя мухи даютъ ему свое послѣднее тлетворное лобзаніе...

— Неужели это серьезно война со всѣми ея ужасами и страданіями? И какъ этотъ недвижный, еще не остывшій стрѣлокъ на пескѣ—каждый изъ насъ можетъ быть также убитъ слѣпой и безпощадной китайской пулей! — думалъ я и у меня защемило сердце.

— Ураа!—закричали солдаты и ихъ радостный крикъ прервалъ мои безнадежныя мысли.

Криками ура солдаты встрѣтили 7-ую роту, которая благополучно пришла на поѣздѣ изъ Тяньцзина. Анисимовъ приказалъ 5-ой ротѣ присоединиться къ 7-ой и сѣсть на поѣздъ. 4-ая рота должна была идти заслонами вдоль пути, наравнѣ съ поѣздомъ.

Вооруженный поѣздъ тронулся. Я снова сѣлъ въ паровозъ, въ которомъ ѣхалъ Анисимовъ. Съ китайскаго форта въ Тяньцзинѣ замѣтили наши движенія и открыли по поѣзду огонь разрывными гранатами и шрапнелями, начиненными пулями. Огня изъ Тяньцзина мы никакъ не ожидали и не могли опредѣлить его положеніе.

Сопровождаемые стрѣлками 4-ой роты съ обѣихъ сторонъ полотна, мы подвигались впередъ. По сторонамъ тянулись поля, не вспаханныя окрестными поселянами изъ-за смутъ этого года. Гранаты то и дѣло вбивались въ землю и взрывали песокъ. Въ одной рощѣ въ верстѣ разстоянія сверкали огоньки, синѣли дымки и сейчасъ же доносились выстрѣлы. Тамъ засѣло 4 китайскихъ пушки. За рощей показалась китайская импань—казармы, обнесенныя рвомъ, высокимъ глинобитнымъ валомъ, съ зубцами и каменными зубчатыми воротами. Оттуда [illegible]ляли изъ ружей. Пули попадали

въ поѣздъ, со звономъ ударялись въ колеса и стѣнки вагоновъ и разбили стекло въ окнѣ паровоза около головы командира Анисимова.

Впереди надъ полотномъ желѣзной дороги вспыхнуло большое пламя, которое прозрачные слои воздуха издали еще болѣе увеличивали. Это боксеры жгли 3-ій мостъ. Когда поѣздъ подошелъ къ мосту, огонь былъ уже потушенъ нашими саперами.

По ту сторону 3-го моста стоялъ поѣздъ съ международнымъ сапернымъ отрядомъ. Всѣ саперы были къ счастью въ цѣлости и, прекративъ работы, укрывались частью въ вагонахъ, а частью на склонѣ насыпи. Тутъ расположились наши саперы и стрѣлки, фран-

Предмѣстіе Тяньцзина.

цузы, англичане и японцы. Анисимовъ приказалъ всему соединенному отряду немедленно отступать и послалъ меня сообщить о своемъ рѣшеніи англичанамъ, которые имѣли въ поѣздѣ одно скорострѣльное орудіе.

Англійскаго офицера я нашелъ въ одномъ изъ вагоновъ. Онъ повидимому преспокойно спалъ и изъ-за жары былъ едва одѣтъ. Я сообщилъ приказаніе полковника Анисимова.

— All right, I will go with you immediately. Please, wait a moment.

— Хорошо, я сейчасъ пойду съ вами. Подождите моментъ,— отвѣтилъ англичанинъ и началъ быстро одѣваться. Онъ одѣлъ коричневый тропическій костюмъ, однобортный, съ металическими пуговицами и полотняными погонами, которые были сдѣланы изъ

того же матерьяла, что и костюмъ, и отъ солдатскихъ погонъ отличались только металическими звѣздочками по чину. Онъ одѣлъ манжеты, воротничокъ, саблю, револьверъ, бинокль, флягу, тропическій шлемъ, перчатки и, приявъ самый серьезный видъ, объявилъ:

— Will you accompany me to Colonel Anissimof?

— Вы проводите меня къ полковнику Анисимову?

Корректный англичанинъ счелъ своимъ долгомъ одѣться по всей формѣ, для того чтобы явиться къ русскому командиру и доложить ему, что онъ подчиняется всѣмъ его приказаніямъ.

Проводивъ англичанина, я поспѣшилъ къ нашему поѣзду. Гранаты и шрапнели жестоко рвались надъ полотномъ желѣзной дороги. Я обомлѣлъ, когда увидѣлъ, какъ изъ-за насыпи два стрѣлка тащили третьяго, у котораго гранатой вырвало нижнюю челюсть и горло. Его ружье было разбито и отлетѣло въ сторону. Несчастный солдатикъ, у котораго вмѣсто рта зіяла кровавая рана, на которую было страшно взглянуть, еще хлопалъ глазами.

— Зачѣмъ же такъ жестоко! Такъ ужасно! Чѣмъ онъ виноватъ?—невольно подумалъ я и подбѣжалъ къ стрѣлкамъ, чтобъ помочь имъ взвалить несчастнаго товарища на открытую платформу, на которой стояло англійское орудіе.

Взрывъ надъ головою оглушилъ меня и сбросилъ съ насыпи.

— Вѣроятно англичане выстрѣлили изъ своей пушки,—подумалъ я и почувствовалъ жестокій ударъ въ сердце. Я посмотрѣлъ на мой костюмъ: онъ былъ порванъ и забрызганъ кровью.

— Убитъ!—сверкнуло у меня въ головѣ и мое сознаніе поколебалось.

— Ударъ въ грудь!

— Если послѣ такого удара не убитъ сразу, то я могу еще жить.

— Мнѣ теперь не до раненаго стрѣлка.—подумалъ я и побѣжалъ къ паровозу, взобрался по ступенькамъ наверхъ и сѣлъ возлѣ машины. Мнѣ хотѣлось остаться одному, чтобы разобраться въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, кружившихся вихремъ.

— Жизнь или смерть?.. Что это? Война или шутка?.. Сонъ? Бредъ? или ужасная жестокая нежданно нагрянувшая дѣйствительность?.. Нѣтъ, пусть лучше это сонъ... Ничего! это сейчасъ пройдетъ и китайцы перестанутъ стрѣлять.

Звонъ пули, ударившейся въ желѣзо паровоза, не пробудилъ меня. Мнѣ казалось, что я [illegible] на рубежѣ сна и сознанія,

Первая перестрѣлка съ китайскими войсками 4 Іюня 1900 г.

гдѣ яркая дѣйствительность граничитъ съ кошмаромъ. Между топкою и тэндэромъ съ углемъ, у ногъ моихъ положили солдатика съ окровавленной кистью, которая еще держалась на кускахъ кожи. Мнѣ говорили, что ему оторвало кисть руки той же шрапнелью, которая задѣла и меня.

Я осмотрѣлся и увидѣлъ, что мой лѣвый башмакъ въ крови, и что меня что-то рѣжетъ въ ногу. Бѣлый костюмъ оказался продраннымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и отовсюду сочилась кровь. Лицо было обрызгано кровью и я не зналъ—моя ли это или чужая.

Паровозъ тронулся. Французъ-машинистъ лопаткою бралъ уголь надъ головой лежавшаго солдатика и бросалъ въ печь паровоза. Каждый разъ, когда французъ бралъ уголь, уголь сыпался на голову солдатика и на его окровавленную руку. Солдатикъ молчалъ и даже не стоналъ. Его кисть, лежавшая на углѣ, была въ такомъ ужасномъ видѣ, что я былъ не въ силахъ заговорить съ нимъ.

Моя голова кружилась. Я боялся, что лишусь чувствъ.

— Cogito ergo sum,—почему-то вспомнилъ я,—думаю, значитъ живу.

Мудрое изреченіе Дэкарта успокоило меня.

Я превозмогъ себя и рѣшился разстегнуть костюмъ, чтобы посмотрѣть на грудь. Рубашка была въ крови. Осколокъ шрапнели пробилъ боковой карманъ и носовой платокъ въ карманѣ, скользнулъ по пряжкѣ отъ подтяжекъ, которая совершенно сплющилась, и съ пряжкой застрялъ между реберъ надъ сердцемъ. Рана была поверхностная—слава Богу—могу жить! Другой осколокъ я нашелъ въ плечѣ. Оба осколка я осторожно снялъ и спряталъ. Лѣвое плечо, лѣвая рука и обѣ ноги въ крови. Но я былъ такъ слабъ, что не могъ больше себя осматривать. Я былъ радъ, что часы съ портретомъ красивой брюнетки, лежавшіе въ томъ же боковомъ карманѣ, чудомъ уцѣлѣли. Было шесть часовъ вечера.

Мы медленно двигались назадъ. Французъ-машинистъ безпрестанно бралъ уголь, который все сыпался и сыпался на бѣднаго солдатика. Часа черезъ полтора подъ китайскими гранатами поѣздъ пришелъ въ Тяньцзинъ и остановился.

На паровозъ взобрался французскій механикъ Монье. Онъ ...ется ко мнѣ съ участіемъ и далъ выпить коньяку изъ походной ..., бывшіе со мною, куда-то ушли. Я остался одинъ ...о отъ станціи. Сползъ съ паровоза и побрелъ ...нога плохо слушалась и болѣла.

...брался на высокій перонъ вокзала. Наши офи-

церы, увидя меня въ такомъ несчастномъ видѣ, отнеслись ко мнѣ съ полнымъ вниманіемъ, дали стулъ и приказали четыремъ стрѣлкамъ отнести меня во французскій госпиталь. Всѣ были крайне удивлены, что въ первый день бомбардировки, раньше офицеровъ былъ раненъ штатскій кореспондентъ.

Надо мной пронесли тяжело раненаго англичанина - артиллериста съ полуоткрытыми помертвѣвшими глазами. Кажется онъ былъ раненъ той же шрапнелью, что и я.

Наконецъ стрѣлки подняли меня въ креслѣ на плечи и понесли въ госпиталь. Когда перешли черезъ мостъ, я встрѣтилъ здѣсь нашихъ моряковъ: Каульбарса, Глазенапа и нѣсколько тяньцзинскихъ дамъ. Одна изъ нихъ, красивая велосипедистка съ южными чертами лица подала мнѣ чашку холодной воды черезъ одного изъ офицеровъ.

Стрѣлки понесли дальше. По дорогѣ я встрѣтилъ русскаго почтмейстера, который, увидя меня раненымъ, почему-то очень встревожился, разсердился и постарался поскорѣе отъ меня отдѣлаться. Наконецъ китайскій полицейскій, съ шляпой грибомъ на головѣ и пикой въ рукѣ, провелъ меня во французскій госпиталь.

Вечеръ быстро угасалъ. Грохотъ орудій прекратился. Было совершенно темно, когда меня внесли черезъ цвѣтущій садикъ въ госпиталь, въ отдѣльную комнату и посадили въ кресло. Сестрицы-монахини, въ большихъ бѣлыхъ капорахъ и съ фонариками въ рукахъ, съ крестами на груди и съ небесными лицами, приняли во мнѣ общее участіе: послѣ Блонскаго я былъ первый раненый. Сестрицы очень сожалѣли и послали за старшимъ докторомъ.

Съ меня сняли мой бѣлый окровавленный костюмъ и обмыли лицо, которое было также въ крови отъ царапинъ. Дали коньяку. Скоро явился старшій врачъ monsieur Depasse, симпатичнѣйшій и прелестнѣйшій французъ съ бородкой Henri IV, немного похожій на генерала Буланже. Онъ весело поздоровался со мною и велѣлъ обмыть меня. Взглянувъ на рану на груди, онъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ:

O! ça ne fait rien! il n'y a pas grand' chose! Это пустяки! но рана могла быть очень опасной! Ваша жизнь была въ опасности, но теперь это пустяки.

Я разсказалъ ему про пряжку.

— O! certainement! Votre boucle vous a sauvé! Ваша пряжка васъ спасла.

Потомъ меня раздѣли. Сестрицы вышли. Всѣ поранения были, слава Богу, поверхностныя. На лѣвой ногѣ осколокъ попалъ въ ступню.

— О! это тоже не серьезно. Осколокъ можно легко вынуть. Итакъ, опасности никакой нѣтъ. У васъ двѣнадцать царапинъ и вы будете скоро здоровы.

Докторъ Дэпассъ.

Внимательный докторъ Depasse самъ обмылъ мнѣ карболовой водой царапины, присыпалъ іодоформомъ и обвязалъ бинтами. Меня уложили въ такую широкую постель съ балдахиномъ, что я въ ней прямо терялся, и угостили сытнымъ ужиномъ съ краснымъ виномъ.

Милыя монахини прикрутили лампу, пожелали мнѣ спокойной ночи и неслышно вышли со своими фонариками, предоставивъ мнѣ теряться въ моей постели и спать, сколько угодно.

Ночь была тихая. Китайцы не стрѣляли и я сладко заснулъ.

Въ этотъ день, 4 іюня, узнавъ о паденіи фортовъ Таку, князь Дуань, обыкновенно называемый принцомъ Туаномъ, принявъ въ свои руки верховную власть въ Пекинѣ, приказалъ боксерамъ и китайскимъ войскамъ, находящимся въ Тяньцзинѣ, начать войну съ иностранцами.

Въ 2 часа 50 минутъ дня китайская артиллерія начала бомбардировку иностранныхъ концессій и отряда полковника Анисимова, вышедшаго на выручку саперъ. Бомбардировка продолжалась до сумерекъ.

У насъ ранено 9 нижнихъ чиновъ, убито 5. У англичанъ ранено 4, убитъ 1.

Жребій брошенъ. Война началась.

Тяжолый день

5 Іюня

Утромъ добрая бѣлокурая монахиня съ прозрачными глазами сестра Габріэла очень мило поздоровалась со мной и спросила, не желаю ли я завтракать.

Меня угостили чашкой шоколада и бѣлымъ хлѣбомъ. Въ 12 часовъ подали очень хорошій обѣдъ изъ трехъ блюдъ, и въ 7 ужинъ изъ двухъ блюдъ. Краснаго вина съ водою давали цѣлый день и сколько угодно. Это было доброе, старое, монастырское вино.

Пріятно было лежать въ уютной постели и видѣть, какъ монахини заботливо относятся къ русскому раненому. Но всѣхъ мучилъ трескъ ожесточенной перепалки, доносившійся съ вокзала. Китайскія гранаты гудя проносились надъ госпиталемъ и гдѣ-то съ грохотомъ разбивались.

Китайцы направили на концессіи 4 крѣпостныхъ орудія и 10 полевыхъ и начали съ ранняго утра обстрѣливать вокзалъ, бивакъ и зданія иностранцевъ.

Двѣ тысячи китайцевъ съ артиллеріей рѣшили атаковать вокзалъ и отбить его у русскихъ. Вечеромъ въ госпиталь принесли на носилкахъ подпоручика Попова: онъ былъ безнадежно раненъ въ горло пулей на вылетъ. Принесли командира 4-ой роты штабсъ-капитана Котикова, раненаго въ животъ. Привезли на двуколкѣ раненаго капитана Мешабенскаго, поручика Сенкъ-Поповскаго, раненаго въ спину, подпоручика Макарова, раненаго въ руку, и больного поручика Орлова, потерявшаго разсудокъ.

Мы грустно встрѣтились въ госпиталѣ другъ съ другомъ. Въ послѣдній разъ мы видѣлись въ Портъ-Артурѣ на балу у адмирала Алексѣева.

Больше всѣхъ мучился и страдалъ, стоналъ и хрипѣлъ то безъ памяти, то приходя въ [illegible]чикъ Поповъ, недавно женившійся. Мы не ожида[illegible] въ живыхъ.

— Ну ужъ и денекъ! — говорилъ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ. — Бились, бились съ китайцами и уже въ отчаяніе приходить стали. Съ ранняго утра китайцы засѣли вдоль насыпи желѣзной дороги, за могилами и давай насъ засыпать пулями и гранатами. На вокзалѣ стояла 4-ая и 6-ая роты, 2 нашихъ полевыхъ пушки и 1 англійская пушка Гочкиса. Анисимовъ еще ночью ушелъ на поѣздѣ выручать 3-ю роту, которая стоитъ на

Полковникъ Ширинскій.

заставѣ въ Цзюньлянчэнѣ. Подполковникъ Ширинскій остался командовать за Анисимова. 4-ая рота засѣла въ окопахъ передъ вокзаломъ. Одна полурота 5-ой роты стала позади вокзала, а другая расположилась передъ вокзаломъ на нашемъ правомъ флангѣ. Сидимъ мы въ окопахъ, а китайскія пули трещатъ, какъ дождь по крышѣ. Намъ ажъ жарко стало. Вижу я—одинъ мой стрѣлокъ падаетъ, потомъ другой, третій. Вижу — моимъ стрѣлкамъ жутко становится, робѣютъ. Я все командую залпами. Дадимъ залпъ—

китайцы на минуточку притихнутъ. Видно смотрятъ, въ кого у нихъ попало. А потомъ опять начнутъ свою трескотню, да еще больше прежняго. А непріятно сидѣть въ окопахъ. Пуля еще ничего—какъ-нибудь отъ нея укроешься. Но вотъ какъ услышишь выстрѣлъ изъ орудія и увидишь высоко въ небѣ облачко разорвавшейся шрапнели — тошно, охъ какъ тошно станетъ на душѣ. А ну, думаешь все, какъ тебя осколокъ шрапнели хватитъ сверху по головѣ или въ спину, очень непріятно.

— Скоро 4-ой ротѣ совсѣмъ тяжело стало. Пришла на помощь 7-ая рота. Пришли япошки. Мало ихъ было—человѣкъ 30, но они жарили изъ своихъ винтовокъ усердно. Залегли. Молчатъ. А глазенки какъ у молодыхъ волчковъ горятъ. Все высматриваютъ, куда бы еще пальнуть. Ширинскій прислалъ на вокзалъ еще двѣ нашихъ полевыхъ пушки и просилъ англичанъ поддержать насъ. На вокзалъ явились англичане съ двумя орудіями, но одно ихъ орудіе скоро замолчало, такъ какъ нѣсколько ихъ артиллеристовъ были сейчасъ же ранены. Китайцы такъ пристрѣлялись, что, замѣтивъ малѣйшее движеніе на вокзалѣ, сейчасъ же осыпали вокзалъ своими снарядами. У одного нашего орудія китайцы подбили лафетъ, который пришлось замѣнить новымъ. А китайцы все наступали и наступали на вокзалъ и, наконецъ, окружили 4-ую роту, выставленную впередъ, съ трехъ сторонъ. Командиръ роты, штабсъ-капитанъ Котиковъ былъ раненъ въ пахъ. Унесли на носилкахъ. На его мѣсто послали поручика Орлова, но съ нимъ произошло такое умственное разстройство, когда онъ увидѣлъ въ какой адъ онъ попалъ, что пришлось и его унести. Тяжко было стрѣлкамъ сидѣть въ окопахъ и отстрѣливаться отъ китайцевъ, которые сотнями наступали изъ города, изъ-за желѣзной дороги и изъ деревень. Растерялись стрѣлки, перестали уже дѣлать залпы и начали стрѣлять въ безпорядкѣ. Ширинскій приказалъ казакамъ замѣнить нѣмцевъ, которые имѣли свою заставу гдѣ-то на окраинѣ концессій, а нѣмцевъ просилъ явиться на вокзалъ.

— Стрѣлки, засѣвшіе въ окопахъ передъ вокзаломъ, выбивались изъ послѣднихъ силъ, какъ былъ убитъ Поповъ, раненый въ горло. Солдаты совсѣмъ оробѣли. Уже третьяго командира уносятъ. А вѣдь наши стрѣлки народъ молодой—все новобранцы, которые и огня еще никакого не видали, а вѣдь какъ держались—точно львы. Видитъ Ширинскій, что дѣло плохо, и приказалъ 6-ой ротѣ поддержать 4-ую роту, чтобы 5-ая [illegible] тѣмъ временемъ отступить къ вокзалу. Но какъ тутъ отсту[illegible]ть только подымешь голову

изъ-за желѣзно-дорожной платформы — мы лежали вдоль полотна, прикрывшись платформой—китайцы увидятъ бѣлую рубашку и сейчасъ стрѣляютъ. Капитанъ Мешабенскій только поднялся съ земли и былъ тотчасъ раненъ. Скверно было. А китайцы набрались такой дерзости, что на нашихъ глазахъ прорвались въ ближайшую деревню, которая передъ вокзаломъ. Тутъ японцы донесли, что потеряли двухъ офицеровъ и половину нижнихъ чиновъ и больше держаться не могутъ. Что тутъ дѣлать? Но молодцы нѣмцы! Какъ разъ пришли во-время и выбили китайцевъ изъ деревни. Потомъ пришли французы и смѣнили японцевъ. 5-ой и 7-ой ротѣ тоже было плохо. Такой азартъ охватилъ китайцевъ, что они полѣзли на нашихъ въ атаку, а нѣкоторые смѣльчаки-китайцы такъ прямо бросились въ штыки. Но не выдерживаютъ они нашихъ залповъ—очень не любятъ! Какъ дашь хорошій залпъ—сейчасъ же пятятся. Китайцы стрѣляли все утро безъ передышки, не жалѣли снарядовъ, но въ 12 часовъ дня вдругъ затихли—должно полагать сѣли обѣдать. Бой боемъ, а вѣдь ѣсть тоже хочется, только у китайцевъ конечно была хорошая рисовая каша, ну а у насъ одни сухари, да вода въ бутылкахъ.

— Китайцы пообѣдали, отдохнули часика два и въ $2^1/_2$ часа снова открыли огонь. Снова атакуютъ вокзалъ, но, подкрѣпившись кашей и чаемъ, они сдѣлались еще ожесточеннѣе прежняго. Снова гранаты рѣшетятъ желѣзную крышу вокзала. Снова шрапнели рвутся надъ головой. Снова завизжали пули и застучали по стѣнамъ вокзала и по каменнымъ плитамъ платформы. Вокзалъ загорѣлся отъ гранатъ, но тушить огонь было некому да и незачѣмъ. Въ несчастной 4-ой ротѣ былъ раненъ сейчасъ-же подпоручикъ Макаровъ—рота потеряла четвертаго офицера. Роту измученныхъ стрѣлковъ увели на бивакъ, а на ея мѣсто поставили 6-ую роту. Японцевъ, оставшихся безъ офицеровъ, отправили въ подчиненіе къ Полторацкому, въ 7-ую роту. Дѣло становилось совсѣмъ плохо, такъ какъ китайцы упорно рѣшили взять вокзалъ, а подкрѣпленій у насъ уже больше не было,—ни своихъ, ни иностранныхъ. Весь наличный гарнизонъ Тяньцзина дрался на вокзалѣ и уже выбивался изъ силъ.

— 1-ая, 2-ая и 8-ая роты еще рано утромъ ушли въ Цзюньлянчэнъ выручать Гембицкаго съ 3-ей ротой. 4-ая, 5-ая, 6-ая и 7-ая отстаивали вокзалъ. Изъ нихъ 4-ая, потерявшая офицеровъ и много людей, была возвращена на бивакъ. Наши казаки, артиллеристы, японцы, англичане, нѣмцы и французы — всѣ дрались, защищая вокзалъ и имѣя одного общаго начальника подполковника Ширинскаго. Уже и храбрый Ширинскій былъ въ отчаяніи

видя, что китайцы не только не уменьшаютъ своего огня, но въ количествѣ не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ съ каждымъ часомъ подходятъ все ближе и ближе и уже густою цѣпью на протяженіи одной версты обложили вокзалъ и засѣли въ 200 шагахъ отъ насъ. Китайскія пули и гранаты свистали, шипѣли и стучали все чаще и чаще. Все чаще уносили на носилкахъ стрѣлковъ. И рѣже стали гремѣть наши залпы, такъ какъ уже стало не хватать патроновъ. Въ отчаяніи Ширинскій началъ думать о томъ, чтобы переправить черезъ мостъ на бивакъ всѣ орудія, увести всѣ роты, очистить вокзалъ, уничтожить мостъ черезъ Пэйхо и обороняться въ концессіяхъ. Больше ничего не оставалось дѣлать, такъ какъ помощи ждать было неоткуда.

— Ура! Ура! Ура!..—радостный оглушительный крикъ вырвался изъ окоповъ и пролетѣлъ по всѣмъ ротамъ.

— Анисимовъ пришолъ!.. Анисимовъ!.. Анисимовъ!..—кричали солдаты.

— Поѣздъ быстро подходилъ къ станціи. Какъ радостно забилось сердце у каждаго солдата и офицера, когда изъ вагоновъ стали прыгать солдаты въ бѣлыхъ рубашкахъ. Въ прозрачномъ воздухѣ далеко была видна спокойная фигура въ бѣломъ кителѣ съ широкой грудью и сѣрой бородкой. Это былъ Анисимовъ.

— Наши!.. Наши!.. Анисимовъ!.. Ура! Ура!..—кричали солдаты—и тѣ, которые дрались на вокзалѣ, и вновь прибывшіе.

— Все, что валялось на пескѣ въ грязныхъ рубахахъ, намокшихъ отъ пота и забрызганныхъ кровью товарищей, прикрываясь насыпью окопа, китайской могилкой или какой бы то ни было защитой, изнемогая отъ жары, духоты, голода и ужаса—все вскочило, воспрянуло и, горланя во все горло ура, устремилось на китайцевъ. Наступилъ рѣшительный моментъ—побѣдить или пропасть, и Анисимовъ воспользовался моментомъ по-Скобелевски. 2-ую роту Анисимовъ послалъ въ подкрѣпленіе нашему лѣвому флангу, а самъ съ 1-ой и 8-й бросился прямо черезъ поле, вмѣстѣ съ нашимъ правымъ флангомъ, на китайцевъ. Нашей морской и иностранной артиллеріи онъ приказалъ поддержать его, а полевой батареѣ приказалъ нарысяхъ слѣдовать за нимъ. Увидали китайцы, какъ изъ-за желѣзной дороги и изъ-за могилъ высыпали бѣлыя рубахи, которыя, кричатъ и бѣгутъ прямо на нихъ, не выдержали характера, сердешные, и давай удирать отъ насъ. Наши преслѣдовали китайцевъ до канала. А Полторацкій съ 7-ой ротой такъ увлекся, что со своими стрѣлками влетѣлъ въ китайскій городъ и—чего

добраго—увался бы и въ самый фортъ, если бы Анисимовъ не вернулъ его съ отеческимъ внушеніемъ—не увлекаться. Въ 6 часовъ вечера штурмъ китайцевъ былъ отбитъ, и Анисимовъ приказалъ всѣмъ ротамъ вернуться въ городъ на бивакъ. Двѣ роты были оставлены для охраны вокзала. Китайцы удирали въ такомъ смятеніи, что побросали въ полѣ сотни три винтовокъ Маузера и Манлихера и столько

Инженеръ-механикъ Щанкинъ.

же цинковыхъ ящиковъ съ патронами. Спасибо Анисимову—выручилъ насъ!

— А мы—говорилъ офицеръ, ходившій съ Анисимовымъ въ Цзюньлянчэнъ,—въ 2 часа ночи явились на вокзалъ. Собрались: 1-ая, 2-ая и 8-ая роты, команда саперъ, англичане съ одной пушкой Гочкиса и 4 нашихъ морскихъ пушки Барановскаго. Англичане, видно, очень не хотѣли, чтобы мы уходили изъ Тяньцзина и никакъ не могли приготовить паровоза. Наконецъ, мы сѣли, поѣхали, и англичане такъ повели поѣздъ, что паровозъ сейчасъ же сошелъ съ рельсъ. Анисимовъ очень разсердился. Англичане струхнули и на-

чали что-то чинить. Тогда инженеръ-механикъ Щанкѣвъ сѣлъ на паровозъ, сталъ самъ управлять машиною и хотя англичане выдумали машину, но онъ лучше ихъ повелъ поѣздъ подъ гранатами и пулями. Только въ 6 час. утра мы двинулись благополучно впередъ, вмѣсто 2-хъ часовъ почи. Лишь только поровнялись мы съ восточнымъ арсеналомъ, китайцы встрѣтили насъ огнемъ изъ арсенала и импаней. Мы стали стрѣлять изъ нашихъ поѣздныхъ пушекъ, а стрѣлки были посланы вдоль полотна. Вдали было видно, какъ китайцы подбѣгали къ желѣзной дорогѣ, вырывали шпалы и рельсы и поджигали мосты. Анисимовъ приказалъ немедленно исправлять путь. Но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ хуже былъ путь, и мы едва подвигались впередъ. Съ 8 часовъ утра мы слышали, что въ Тяньцзинѣ идетъ сильная канонада, и наши отвѣчаютъ знакомыми ружейными залпами. Видно было, какъ европейскія концессіи уже горѣли въ разныхъ мѣстахъ отъ китайскихъ гранатъ, а вѣтеръ былъ сильный. Анисимовъ собралъ ротныхъ командировъ: Францкевича, Сушкевича и Шпехта и объявилъ имъ, что, если нужно спасать 3-ью роту или жителей Тяньцзина, то онъ выбираетъ послѣднихъ. 3-ью роту мы оставили на Божью волю. Въ 2 часа мы двинулись обратно и въ 4 пришли въ Тяньцзинъ. У насъ раненъ поручикъ Сенкъ-Поповскій въ спину, убито трое нижнихъ чиновъ, ранено 10.

Наши потери въ этотъ день были: ранены капитанъ Мешабенскій, штабсъ-капитанъ Котиковъ, поручикъ Сенкъ-Поповскій, подпоручики Поповъ и Макаровъ. Всего убито 15 нижнихъ чиновъ, ранено 74.

У иностранцевъ 25 раненыхъ и убитыхъ.

Въ этотъ же день нѣмцы и англичане окружили Китайскую Военную Школу и взяли ее приступомъ. Воспитанники этой школы, юные китайцы—храбрые, но безумные патріоты порѣшили лучше погибнуть, но не сдаться. Нѣкоторые изъ нихъ были перестрѣлены и перебиты. Большинство бѣжало. Ихъ было около трехсотъ человѣкъ. Это былъ первый выпускъ китайскихъ молодыхъ образованныхъ офицеровъ—первый и послѣдній цвѣтъ и надежда китайскаго воинства.

Къ вечеру канонада стихла, но ночью китайцы снова открыли огонь по городу.

Тяньцзинскій вокзалъ.

Первыя жертвы

6 Іюня

Во вторникъ 6-го іюня русскіе вмѣстѣ съ англичанами ходили брать два китайскихъ орудія, поставленныя на городскомъ валу, при его пересѣченіи съ желѣзной дорогой, идущей въ Тонку. 200 англійскихъ матросовъ съ „Барфлера“, подъ командою капитана Битти, смѣло бросились впередъ на орудія, направленныя на европейскія концессіи, но не выдержали перекрестнаго огня и принуждены были отступить. Когда подоспѣли русскіе, китайцы сняли оба орудія съ вала и на время ушли. Потомъ на этомъ мѣстѣ китайцы поставили большое 6-дюймовое осадное орудіе, день и ночь поражавшее европейскій городъ и пугавшее осажденныхъ своими оглушительными выстрѣлами и протяжнымъ воемъ гранатъ.

Въ этомъ дѣлѣ пострадали англичане. Храбрый капитанъ Битти былъ дважды раненъ, но продолжалъ командовать своими людьми до послѣдней возможности. Лейтенанты Стерлингъ, Райти и Пуэль были ранены. Юный мичманъ Дональдсонъ умеръ отъ ранъ. Съ ними было ранено 13 матросовъ.

невъ, осажденныхъ въ Тяньцзинѣ. Ему удалось ночью благополучно проскочить между китайскими заставами, расположенными по берегамъ Пейхо. 6-го іюня вечеромъ полковникъ Анисимовъ вызвалъ казаковъ, желающихъ поѣхать въ опасный путь въ Тонку доставить донесеніе о бѣдственномъ положеніи отряда и европейцевъ, окруженныхъ китайскими войсками.

Три казака Дмитріевъ, Каргинъ и Баньщиковъ вызвались доставить донесеніе. Проводить ихъ взялся смѣлый молодой англичанинъ, лихой наѣздникъ Джимъ Вотсъ, нѣсколько лѣтъ жившій въ Тяньцзинѣ и часто ѣздившій верхомъ въ Тонку и обратно. Онъ прекрасно зналъ всѣ окрестности Тяньцзина и служилъ въ одной Тяньцзинской комерческой конторѣ.

Въ $8^1/_2$ час. вечера неустрашимые охотники, сопровождаемые пожеланіями и благословеніями осажденныхъ, тронулись въ путь на свѣжихъ лошадкахъ. Проѣхать было нужно около 40 верстъ. Каждому казаку было дано по одинаковому донесенію. Надѣялись, что хоть одинъ изъ нихъ доберется въ живыхъ до Тонку.

Они пустили лошадей полнымъ ходомъ, чтобы съ разсвѣтомъ прибыть въ Тонку. Ѣхали по проселочнымъ дорогамъ и встрѣчали только китайцевъ-поселянъ. Полъпути прошли благополучно, но ночью въ темнотѣ они наткнулись на китайскую заставу. Залегли въ оврагъ, подлѣ самой заставы и притихли. Китайцы услышали шумъ, но не могли найти ихъ. Джимъ Вотсъ знаками показалъ казакамъ, что дальше нельзя ѣхать и лучше возвращаться въ Тяньцзинъ. Казаки разсердились, схватили Вотса за руки и знаками дали ему понять, что они ни за что не поѣдутъ назадъ и его тоже не пустятъ, но требуютъ, чтобы онъ велъ ихъ дальше. Притомъ они пригрозили своими винтовками. Нечего дѣлать. Англичанину пришлось согласиться. Когда китайцы пошарили и уснули, всадники осторожно выбрались изъ оврага и помчались дальше. Китайцы встревожились, стали стрѣлять, но уже было поздно. Казаки съ Вотсомъ пролетѣли вскачь нѣсколько верстъ и были далеко. Въ 7 часовъ утра они прискакали въ Тонку и совершенно обезсиленные были сняты русскими матросами съ взмыленныхъ лошадей! Всѣ три донесенія были доставлены, а казаки впослѣдствіи награждены Георгіевскими крестами.

Сестра Люси Пюи-Мутрэйль.

Подъ гранатами

7 Іюня

Слышали вы объ этой американкѣ? — говорили между собою раненые офицеры 12-го полка, лежавшіе въ палатѣ французскаго госпиталя.

— Да, да! храбрая женщина!

— Удивительная женщина!

— А что такое?

— Кто такая?

— Американка Люси.

— Да она не американка, а француженка.

— Да что она сдѣлала?

— 5-го іюня, когда къ намъ на бивакъ стали сносить раненыхъ десятками, а наши врачи Зароастровъ и Орловскій перевязывали на вокзалѣ,—на бивакъ неожиданно явилась мадмуазель Люси, въ простой соломенной шляпкѣ, въ передникѣ и объявила, что она желаетъ перевязывать раненыхъ. Засучивъ рукава, она сейчасъ же принялась за работу и разослала солдатъ за водой. Не говоря ни слова порусски, съ помощью жестовъ и своего выразительнаго французскаго языка она растолковала солдатамъ все, что ей было нужно. Но вѣдь нашъ солдатъ понятливъ. Она откуда-то достала одѣялъ, ваты, бинтовъ, льду и вмѣстѣ съ фельд-

шерами начала перевязывать. Гранаты рвались надъ самымъ бивакомъ. Пули залетали въ палатки. Но храбрая Люси не обращала на это вниманія и перевязывала весь день. Многихъ раненыхъ перевязали въ бою, подъ огнемъ, впопыхахъ и кое-какъ. Она каждому подала помощь, каждаго утѣшила и приласкала. Человѣкъ 70 перевязала. На другой день опять явилась на бивакъ и опять перевязывала. Наши солдаты и фельдшера на нее не намолятся.

— Молодецъ женщина!

Каждый день съ утра китайцы начинаютъ бомбардировку концессій и громятъ ихъ гранатами и шрапнелями и засыпаютъ пулями. Несмѣтное количество новѣйшихъ огнестрѣльныхъ припасовъ доставлено въ Тяньцзинъ германскими и англійскими поставщиками въ самое послѣднее время и такое же количество гранатъ и патроновъ изготовлено самими китайцами въ ихъ первоклассномъ Восточномъ арсеналѣ. Поэтому китайцы не жалѣютъ снарядовъ и часъ за часомъ разрушаютъ концессіи и наши хрупкія наскоро сдѣланныя укрѣпленія у вокзала, окопы, редюиты и баррикады.

По улицамъ концессій нѣтъ возможности ходить безъ риска быть раненымъ или убитымъ.

Къ счастью акуратные китайцы дѣлаютъ точные перерывы въ бомбардировкѣ, во время которыхъ отдыхаютъ сами и даютъ передохнуть и намъ.

Они открываютъ канонаду города раннимъ утромъ. Около 8 час. утра они дѣлаютъ первый перерывъ, чтобы выпить чаю и поѣсть рисовой похлебки. Подкрѣпившись, они снова открываютъ огонь. Въ 12 час. дня всѣ китайскія батареи и цѣпи стрѣлковъ замолкаютъ, такъ какъ въ полдень каждый порядочный китаецъ долженъ пообѣдать, поѣсть жареной или вареной свинины, овощей, лапши съ лукомъ и рисовой каши. Покуривъ трубку послѣ обѣда, китайскій солдатъ ложится поспать часа на два. Часа въ 3 снова начинается стрѣльба, которая продолжается до сумерекъ. Вечеромъ китайцы ужинаютъ, ѣдятъ блины или пельмени съ лукомъ и саломъ, послѣ чего отдыхаютъ. Около полуночи снова открываютъ огонь на нѣсколько часовъ и хотятъ изнурить маленькій русскій отрядъ неожиданными вылазками и безпрестанной ежедневной и еженочной пальбой. Китайскіе артиллеристы, прекрасно зная расположеніе Тяньцзина [illegible] что умѣя пользоваться своими орудіями, не разбрасываютъ [illegible] по разнымъ мѣстамъ кон-

Лагерь 12-го Вост.-Сиб. Стр. полка въ Тяньцзинѣ во время осады.

цессій, но выбираютъ какую-нибудь точку, и въ этомъ направленіи выпускаютъ нѣсколько снарядовъ. Если они увидятъ дѣйствіе удачно пущеннаго снаряда: дымъ, пожаръ, разрушеніе зданій, то посылаютъ въ ту же точку еще два-три снаряда, а затѣмъ выбираютъ новое направленіе.

Счастье иностранцевъ было въ томъ, что китайцы не имѣли на своихъ фортахъ мортиръ и фугасныхъ бомбъ. Иначе отъ концессій не осталось бы слѣда.

У китайцевъ были обыкновенныя сегментныя гранаты, которыя разбивали каменныя стѣны и своими осколками разрушали все, что попадалось по пути, а также фугасныя гранаты, наполненныя обыкновеннымъ мелкимъ порохомъ, которыя разбрасывали постройки и производили пожары.

Всѣхъ раненыхъ русскихъ и французовъ приносятъ въ госпиталь, который названъ Франко-русскимъ госпиталемъ. Помощь подаютъ врачи 12-го полка Зароастровъ и Орловскій и французы докторъ Депасъ—Depasse, главный врачъ китайской медицинской школы въ Тяньцзинѣ, и профессоръ этой школы докторъ Уйонъ—Houillon, а также желѣзнодорожный врачъ бельгіецъ Сэрвель, бывшій въ числѣ бѣглецовъ, спасшихся изъ Баодинфу. Самый заботливый уходъ раненымъ оказывали сестры-монахини, а также монахи ордена Маристовъ и Лазаристовъ.

7-го іюня въ госпиталь принесли секретаря французскаго муниципалитета Сабуро. Онъ только вышелъ на крыльцо муниципальнаго зданія и былъ раненъ въ животъ осколкомъ разорвавшейся китайской гранаты. Сабуро промучился нѣсколько часовъ и скончался въ ту же ночь, въ присутствіи французскаго консула.

Въ этотъ день англичане, которые наблюдали съ башни англійскаго муниципалитета Gordon-Hall за окрестностями Тяньцзина, донесли полковнику Анисимову, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ сторонѣ Таку, они замѣтили перестрѣлку между неизвѣстными противниками.

Командиръ англійскаго отряда, такъ же какъ и прочіе командиры, по правиламъ международной военной дисциплины, ежедневно докладывали Анисимову о состояніи ихъ отрядовъ. При этомъ особенной исправностью въ докладахъ отличался англичанинъ.

Получивъ это сообщеніе и желая узнать, не подходитъ ли къ Тяньцзину на помощь какой-нибудь русскій или иностранный отрядъ, Анисимовъ приказалъ казакамъ сдѣлать развѣдку. Ловцовъ, Григорьевъ и Семеновъ сейчасъ-же выступили.

Къ вечеру казаки вернулись привезя 6 раненыхъ и 5 убитыхъ. Сотники Григорьевъ и Семеновъ были также ранены. Всѣ офицеры были очень огорчены, когда узнали, что общій любимецъ весельчакъ, острякъ и добрый товарищъ Григорьевъ былъ ранен ударомъ боксерскаго копья въ грудь, въ то время когда сотня пробивалась черезъ окружившее ихъ скопище боксеровъ. Рана была не глубокая, но всѣ боялись зараженія крови отъ стараго и грязнаго китайскаго копья.

Но Григорьевъ не унывалъ и весело разсказывалъ непріятный анекдотъ, который съ нимъ произошолъ.

— Наша сотня—говорилъ онъ—какъ всегда стояла бивакомъ во дворѣ французскаго консула. Сегодня въ первомъ часу дня начальникъ отряда призвалъ Ловцова и меня. Придя мы увидѣли, что весь отрядъ стоитъ въ ружьѣ и со знаменемъ. Подумали, должно быть опять предстоитъ какая нибудь грязная исторія въ грандіозныхъ размѣрахъ съ китайской рванью. У меня сердце сейчасъ-же ёкнуло и чувствовалъ я себя скверно. Анисимовъ сказалъ намъ:

Сотникъ Григорьевъ.

— „Поѣзжайте по правому берегу рѣки Пэйхо, возможно дальше и узнайте,—дѣйствительно ли тамъ идетъ бой. Говорятъ, это наши идутъ къ намъ на выручку. Во что-бы то ни стало узнайте. Мнѣ все равно, сколько вернется — хоть половина, хоть человѣка“.

— Мы сказали „слушаюсъ“, и спросили, по какому берегу намъ и пошли. Меня остановилъ полковникъ Вогакъ и сказалъ: „Смотрите не попадитесь! — тамъ весь раіонъ занятъ боксерами“.— „Не расемся“—отвѣтилъ я и поспѣшилъ догонять своего командира. Дѣло было дрянь табакъ, но признаюсь чувствовалъ въ себѣ то подъемъ духа. Подходя къ консульству, увидѣлъ выѣзжающую уже сотню въ 53 человѣка.

— „Опоздалъ! отсталъ! какъ бы тамъ у боксеровъ и не остаться“!—подумалъ я. „Это не къ добру! Какъ бы не случилось“!

— Я сѣлъ на коня и нагналъ сотню у городскихъ воротъ. Только мы выѣхали за городской валъ, какъ попали подъ перелетныя китайскія гранаты, которыя пролетѣвъ надъ всѣмъ городомъ, сыпались какъ изъ мѣшка по нашей дорогѣ. Мы стали задувать галопомъ. Прошли версты двѣ. Впереди увидали деревушку. Перешли на рысь. Показались красные колпаки, которые улепетывали въ свои фанзушки. Это были боксеры. Рѣшили плюнуть на нихъ и не обращать никакого вниманія, но если покажется ихъ побольше, и будутъ мѣшать намъ, то взять ихъ въ оборотъ. Первую деревню прошли благополучно. Сдѣлали еще около 3 верстъ. Поребрались черезъ мостъ. Дорога была обсажена деревьями. Видимъ, наши головные дозоры скачутъ къ намъ назадъ, а за ними бѣгутъ китайцы. Рѣшили обработать ихъ, чтобы не путались полосатые. Мы шли въ колоннѣ по три. Я какъ былъ передъ первымъ взводомъ, выхватилъ шашку, скомандовалъ въ карьеръ и кинулся на дьяволовъ. Но за ними, за поворотомъ дороги, была толпа, человѣкъ въ 60. Я съ командиромъ сотни бросился въ ихъ кашу. Вотъ тутъ-то я на кого то налетѣлъ, кто-то на меня и я почувствовалъ ударъ въ грудь. Кого то я хватилъ шашкой, кто-то закричалъ и я почувствовалъ второй ударъ въ бокъ. Кто то меня хватилъ. „Ахъ, подлецы, ранили“!—мелькнуло у меня въ головѣ. „Только бы не упасть“! Но на сѣдлѣ я сидѣлъ еще прочно. Лошадь вынесла меня изъ этой оравы на дорогу и я увидалъ, что предо мной улица,—вся запружена галдѣвшими китайцами съ ружьями, копьями и мечами, сѣкирами и даже луками. Ловцовъ скомандовалъ „назадъ“ и почти передъ носомъ краснорожихъ мы свернули съ дороги вправо. Гляжу боксеры тучей налетѣли на нашихъ казаковъ и рубили ихъ. Семеновъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью, у которой каналья-китаецъ копьемъ пробилъ пахъ. Семеновъ вскочилъ и отстрѣливался изъ револьвера. Мы отошли назадъ, спѣшились и открыли огонь залпами. Это на китайцевъ подѣйствовало утѣшительно, ибо они сильно поубавили свой куражъ. Собачьей рысью они стали разбѣгаться, вопили и потрясали въ воздухѣ оружіемъ. Это дало намъ возможность подобрать раненыхъ, которыхъ было 6 человѣкъ. Пять убитыхъ лежало на мѣстѣ. Но дьяволы-китайцы опять подбодрились, такъ какъ изъ сосѣднихъ деревень сбѣжались другіе боксеры и окружили насъ кольцомъ. Мы бросились въ шашки, [illegible]ртей было порѣже—пробились и выскочили изъ этой бойни. вопили „ша“! бѣжали за нами, прямо лѣзли на насъ—плектовавъ достаточное количество волосатыхъ смѣль-

чаковъ и не будучи въ состояніи двинуться дальше съ тяжело ранеными, мы около 6 часовъ вечера вернулись въ Тяньцзинъ. Я раненъ копьемъ въ грудь и бокъ. Семеновъ получилъ ударъ въ шею. Раненая лошадь Семенова всетаки довезла его до города и пала мертвой. 5 казаковъ убито, 6 ранено, 6 лошадей убито, 14 ранено. Вѣрно, какъ въ аптекѣ!

Весь этотъ день китайцы обстрѣливали концессіи и вокзалъ и особенно пытались уничтожить мостъ, соединявшій вокзалъ съ французской концессіей. Скрываясь за солеными бунтами, китайцы стрѣляли по часовымъ, охранявшимъ мостъ, и пускали по рѣкѣ горящія шаланды—барки съ цѣлью поджечь мостъ. Виноградовъ и его саперы съ трудомъ уничтожили подплывшія пылавшія барки и отстояли мостъ. Работа была очень трудная, такъ какъ гасить огонь приходилось подъ выстрѣлами китайцевъ. Чтобы сообщеніе по мосту было болѣе безопаснымъ, со стороны моста, подверженной выстрѣламъ, были навалены мѣшки съ пескомъ и тюки съ ватой, имѣвшіеся въ изобиліи въ тяньцзинскихъ складахъ и сослужившіе хорошую службу при оборонѣ города.

Наши стрѣлки цѣлый день вели перестрѣлку на вокзалѣ. Въ этотъ день былъ убитъ поручикъ Архиповъ, убито 2 стрѣлка и ранено 21.

Убитый боксеръ.

Среди шпіоновъ

8 Іюня

Китайцамъ было прекрасно извѣстно все расположеніе европейскихъ концессій и они стрѣляли по нимъ какъ по плану.

Благодаря давнишней ненависти китайцевъ къ католикамъ французамъ и ихъ миссіонерамъ, выстрѣлы были главнымъ образомъ направлены на французскую концессію, французское консульство, высокое зданіе французскаго муниципалитета, монастырскія и госпитальныя зданія.

Кромѣ того китайскіе шпіоны давали самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ расположились русскія войска. Русскій бивакъ, находившійся на французской концессіи, спеціально обстрѣливался одной изъ тяньцзинскихъ импаней—фортовъ.

Такъ какъ канонада города началась неожиданно, то не было возможности предварительно выселить изъ концессій всѣхъ китайцевъ. Среди послѣднихъ находилось очень много католиковъ, которымъ всегда покровительствовали католическіе миссіонеры. Эти патеры постоянно ходатайствовали за нихъ передъ военными, если военные арестовывали подозрительныхъ китайцевъ. Наши военные были очень недовольны вмѣшательствомъ патеровъ въ военныя дѣла и не давали пощады заподозрѣннымъ китайцамъ, но отличить шпіона отъ крещонаго было очень трудно.

Не будетъ никакимъ преувеличеніемъ, если сказать, что 12-й полкъ былъ окружонъ предателями и при такихъ ужасныхъ усло-
вi жонъ былъ выдерживать осаду. Сигналы подавались либо
ропейскихъ домовъ посредствомъ флаговъ, либо по
лько трудно было отличить друзей отъ враговъ въ

чаковъ и не будучи въ состояніи двинуться дальше съ тяжело ранеными, мы около 6 часовъ вечера вернулись въ Тяньцзинъ. Я раненъ копьемъ въ грудь и бокъ. Семеновъ получилъ ударъ въ шею. Раненая лошадь Семенова всетаки довезла его до города и пала мертвой. 5 казаковъ убито, 6 ранено, 6 лошадей убито, 14 ранено. Вѣрно, какъ въ аптекѣ!

Весь этотъ день китайцы обстрѣливали концессіи и вокзалъ и особенно пытались уничтожить мостъ, соединявшій вокзалъ съ французской концессіей. Скрываясь за солеными бунтами, китайцы стрѣляли по часовымъ, охранявшимъ мостъ, и пускали по рѣкѣ горящія шаланды—барки съ цѣлью поджечь мостъ. Виноградовъ и его саперы съ трудомъ уничтожили подплывшія пылавшія барки и отстояли мостъ. Работа была очень трудная, такъ какъ гасить огонь приходилось подъ выстрѣлами китайцевъ. Чтобы сообщеніе по мосту было болѣе безопаснымъ, со стороны моста, подверженной выстрѣламъ, были навалены мѣшки съ пескомъ и тюки съ ватой, имѣвшіеся въ изобиліи въ тяньцзинскихъ складахъ и сослужившіе хорошую службу при оборонѣ города.

Наши стрѣлки цѣлый день вели перестрѣлку на вокзалѣ. Въ этотъ день былъ убитъ поручикъ Архиповъ, убито 2 стрѣлка и ранено 21.

Убитый боксеръ.

Среди шпіоновъ

8 Іюня

Китайцамъ было прекрасно извѣстно все расположеніе европейскихъ концессій и они стрѣляли по нимъ какъ по плану.

Благодаря давнишней ненависти китайцевъ къ католикамъ французамъ и ихъ миссіонерамъ, выстрѣлы были главнымъ образомъ направлены на французскую концессію, французское консульство, высокое зданіе французскаго муниципалитета, монастырскія и госпитальныя зданія.

Кромѣ того китайскіе шпіоны давали самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ расположились русскія войска. Русскій бивакъ, находившійся на французской концессіи, спеціально обстрѣливался одной изъ тяньцзинскихъ импаней—фортовъ.

Такъ какъ канонада города началась неожиданно, то не было возможности предварительно выселить изъ концессій всѣхъ китайцевъ. Среди послѣднихъ находилось очень много католиковъ, которымъ всегда покровительствовали католическіе миссіонеры. Эти патеры постоянно ходатайствовали за нихъ передъ военными, если военные арестовывали подозрительныхъ китайцевъ. Наши военные были очень недовольны вмѣшательствомъ патеровъ въ военныя дѣла и не давали пощады заподозрѣннымъ китайцамъ, но отличить шпіона отъ крещонаго было очень трудно.

Не будетъ никакимъ преувеличеніемъ, если сказать, что 12-й полкъ былъ окружонъ предателями и при такихъ ужасныхъ условіяхъ долженъ былъ выдерживать осаду. Сигналы подавались либо съ крышъ европейскихъ домовъ посредствомъ флаговъ, либо по телефону. Насколько трудно было отличить друзей отъ враговъ въ

валось, что съ этими неунывающими стрѣлками, съ этой молитвой и съ этой вѣрой легче оплакать убитыхъ неповинныхъ товарищей и что та же молитва и та же вѣра дадутъ силы вынести наступившее тяжелое испытаніе до конца.

Еще одна потеря. Въ окопахъ убитъ штабсъ-капитанъ Францкевичъ, командиръ 1-ой роты.

Кладбище.

Пятый день лежу я во французскомъ госпиталѣ. Какъ и другіе раненые пользуюсь самымъ заботливымъ уходомъ со стороны докторовъ, сестеръ и монаховъ и быстро поправляюсь благодаря сухому воздуху Тяньцзина, но ничего утѣшительнаго въ совершающихся событіяхъ не вижу.

Пятый день русскіе и иностранцы день и ночь, въ окопахъ и за барикадами, отстрѣливаются отъ китайцевъ и съ каждымъ днемъ слабѣютъ силы, бодрость и выносливость нашихъ защитниковъ. Запасы патроновъ и снарядовъ какъ у насъ, такъ и у иностранцевъ, быстро уменьшаются. Къ счастью китайцы, во время своего послѣдняго бѣгства послѣ неудачнаго нападенія на вокзалъ, побросали на полѣ такъ много ружей Маузера и Манлихера и ящиковъ съ патронами, что 12-й полкъ нѣсколько пополнилъ свои огнестрѣльные запасы на китайскій счетъ. Стрѣлкамъ были розданы китайскія новенькія ружья и патроны.

Изъ русскаго гарнизона въ Тяньцзинѣ, состоявшаго изъ 1500 человѣкъ, уже выбыло около 200 раненыхъ и убитыхъ,

что составляетъ уже цѣлую роту. Уже 4 офицера были убиты. 8 офицеровъ были ранены и не могли находиться въ строю.

Приходилось драться съ противникомъ, который превосходилъ численностью не менѣе какъ въ 15 разъ русскій отрядъ, такъ какъ по слухамъ, которые передавались китайцами, вокругъ Тяньцзина собралось кромѣ 5—7000 войскъ генерала Нѣ и около 20000 боксеровъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Китайскія войска, а тѣмъ болѣе боксеры стрѣляли изъ ружей очень плохо, такъ какъ ихъ солдаты еще недостаточно хорошо были обучены нѣмцами—инструкторами. Китайцы совершенно не умѣли стрѣлять залпами и предпочитали стрѣлять вверхъ, вслѣдствіе чего ихъ пули большею частью давали перелетъ. Но изъ той массы пуль, которыя китайскіе стрѣлки выпускали безпорядочно, безъ счота и разбора, многія попадали и выбивали нашихъ стрѣлковъ изъ строя. Каждый часъ съ вокзала или съ нашихъ заставъ приносили въ госпиталь то одного, то другого раненаго или убитаго русскаго или француза.

Линія обороны, которую долженъ былъ охранять тяньцзинскій международный отрядъ въ 1800 человѣкъ, была растянута на шесть верстъ. Главная оборона концессій была сосредоточена на вокзалѣ, который необходимо охранять во что бы то ни стало. Ибо если китайскія войска перейдутъ поле, расположенное между вокзаломъ и китайскимъ городомъ и захватятъ вокзалъ въ свои руки, то они будутъ владѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ рѣки Пэйхо и, поставивъ батареи, легко могутъ уничтожить всѣ концессіи.

Главныя китайскія силы расположены къ сѣверу отъ сетльмента. Рекогносцировки казаковъ Ловцова, Григорьева и Семенова показали, что къ югу отъ сетльмента китайскихъ войскъ не имѣется. Поэтому все вниманіе полковника Анисимова было обращено на защиту вокзала и той части концессій, которая подходитъ къ китайскому городу. Днемъ наши стрѣлки еще могли бдительно охранять свои посты. Но изнуренные жарой, безсонными ночами и безпрестанной бомбардировкой китайцевъ, они выбивались изъ послѣднихъ силъ, день и ночь бодрствуя на своихъ заставахъ.

Помощи мы могли ждать только изъ Портъ-Артура. Но добрались ли благополучно до Тонку казаки съ донесеніями и французскій механикъ Монье и было ли извѣстно въ Портъ-Артурѣ о нашемъ положеніи?... Англичане, наблюдавшіе съ башни на Gordon-Hall, снова сообщили, что замѣтили стычку въ верстахъ пяти на юговостокъ отъ Тяньцзина. Это обозначало, что мы окру-

жены китайцами со всѣхъ сторонъ и если къ намъ на выручку идетъ какой-нибудь отрядъ изъ Тонку, то ему приходится пробираться съ боемъ.

Мы были осаждены китайцами въ Тяньцзинѣ. Посланники, о которыхъ мы не имѣли никакихъ извѣстій уже двѣ недѣли, были заперты въ Пекинѣ. Отрядъ адмирала Сеймура, пропавшій безъ вѣсти, былъ окруженъ китайскими войсками и если онъ еще не погибъ весь, то блуждалъ гдѣ-то между Тяньцзиномъ и Пекиномъ.

Въ переулкѣ.

Французскіе офицеры.

Послѣднія усилія

8 Іюня. Вечеръ

Весь день 8 іюня китайцы бомбардировали городъ, а къ вечеру канонада усилилась.

Въ палатѣ, въ которой я лежалъ, собралось нѣсколько офицеровъ раненыхъ и здоровыхъ, русскихъ и французовъ. Разговоръ шелъ на двухъ языкахъ.

На одномъ диванѣ лежалъ штабсъ-капитанъ Котиковъ. Хотя онъ страдалъ отъ раны, но его больше безпокоила не рана, а его 4-ая рота, оставшаяся безъ командира. Котиковъ нѣсколько разъ въ день подзывалъ къ себѣ фельдфебеля роты, который былъ раненъ въ ногу. Молодой бѣлокурый фельдфебель съ толковымъ, но очень блѣднымъ лицомъ, подползалъ съ обвязанной ногой къ своему командиру, старался выпрямиться и докладывалъ, что въ 4-ой ротѣ все благополучно, только около половины людей убитыхъ, раненыхъ и больныхъ. Крайне опечаленный и озабоченный Котиковъ отдавалъ ему приказанія, и фельдфебель уползалъ, чтобы черезъ своихъ унтеръ-офицеровъ исполнить приказанія ротнаго командира.

На другомъ диванѣ лежалъ подпоручикъ Пуцъ съ обмотанной ногой. Сидѣлъ подпоручикъ Макаровъ съ рукой на перевязи, были и другіе офицеры.

Состояніе каждаго было мучительное. Всѣ чувствовали, что попали въ западню, спасеніе изъ которой было возможно только чудомъ.

— Помилуйте! — возмущался нервный докторъ — что это за война! Китайцы совершенно не уважаютъ международныхъ законовъ. Они прекрасно знаютъ, гдѣ находится госпиталь съ ранеными. Какое право имѣютъ китайцы уже который день обстрѣливать госпиталь? Это грубое нарушеніе неприкосновенности Краснаго креста.

— Что это вы вздумали требовать отъ китайцевъ культурныхъ обычаевъ? Вы хотите, чтобы боксеры признавали Женевскую конвенцію? Многаго захотѣли,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Мы должны,—продолжалъ докторъ,—послать какое-нибудь требованіе китайцамъ, чтобы они не смѣли обстрѣливать нашъ госпиталь и уважали Красный Крестъ. Мы съ своей стороны обѣщаемся не обстрѣливать ихъ госпиталя и покажемъ китайцамъ примѣръ, какъ нужно уважать законы войны.

— Неужели вы думаете, докторъ, — возразилъ раненый офицеръ,—что китайцы что-нибудь поймутъ изъ вашей галантности? Цивилизованные европейцы столько лѣтъ не признавали никакихъ основныхъ и человѣческихъ правъ за китайцами, не уважали ни ихъ національныхъ чувствъ, ни религіозныхъ, ни политическихъ, грубо издѣвались надъ ихъ самыми священными обычаями и законами и отнимали и расхищали у нихъ все, что только могли,— и вы хотите, чтобы въ такое разнузданное и беззаконное время, которое называется войной, китайцы вѣрили, что мы будемъ признавать какіе то законы и права, которые мы постоянно нарушали во время мира.

— Все это ужасно! ужасно! — вздыхалъ докторъ — всѣ мы погибнемъ, какъ собаки, и китайцы всѣхъ насъ вырѣжутъ.

— Успокойтесь, докторъ! Не такъ страшны китайцы, какъ ихъ малюютъ.

— Докторъ! если уже вы приходите въ отчаяніе, вы интеллигентный и понимающій дѣло человѣкъ, то что же тогда дѣлать нижнимъ чинамъ?

— Каждый не можетъ быть такимъ храбрымъ и неустрашимымъ, какъ вы! Я нахожу, что наше положеніе здѣсь самое критическое и даже безнадежное,—отвѣтилъ докторъ.

— Не приходите въ ужасъ и не говорите такихъ отчаянныхъ

словъ, которыя могутъ быть услышаны нижними чинами и произвести между ними панику,—сказалъ самый храбрый офицеръ.

— Тутъ намъ уже не о паникѣ нужно думать, а о томъ, чтобы спасаться какъ можно скорѣе изъ этого проклятаго города, пока еще не поздно. Вы слышите? вы слышите?

Съ воемъ и шипѣніемъ надъ госпиталемъ пролетѣла новая граната и съ трескомъ разбилась гдѣ-то очень близко. Госпиталь задрожалъ. Всѣ мы вздрогнули.

— А вотъ слѣдующая граната попадетъ въ самый госпиталь и всѣ мы погибнемъ подъ развалинами,—не успокаивался докторъ.

— Да перестаньте, докторъ! Что вы все волнуетесь? То-ли еще бываетъ?

— Ну, я не знаю, что еще бываетъ хуже? — говорилъ докторъ, въ отчаяніи размахивая и вертя руками, точно онъ хотѣлъ отогнать отъ себя докучливыя гранаты.

— А вотъ, когда вы, докторъ, попадетесь въ плѣнъ къ китайцамъ и они начнутъ васъ живьемъ ампутировать и вы лично убѣдитесь въ пользѣ хирургіи, тогда вамъ будетъ гораздо хуже, чѣмъ теперь,—замѣтилъ молоденькій ядовитый офицеръ.

— Вы, благодѣтель и другъ человѣчества, напротивъ должны намъ показывать примѣръ мужества, твердости и выносливости, а вы только разстраиваете всѣхъ насъ вашими ужасами! —сказалъ сердито другой.

— Вотъ вы увидите, что всѣхъ насъ вырѣжутъ: что вы тогда скажете?—сказалъ съ отчаяніемъ докторъ.

— Когда насъ всѣхъ вырѣжутъ, тогда мы рѣшительно ничего не увидимъ и не скажемъ! О чемъ-же вы безпокоитесь? Примите какихъ-нибудь успокоительныхъ капель, чтоли!

Французскій докторъ, добродушный и не унывающій Уйонъ, сообразилъ разговоръ и ободрялъ своего коллегу порусски:

— Nichevo! Nichevo!

Въ палату быстро вошолъ молодой полковой адъютантъ Карповъ, признанный полковыми дамами внѣ конкурса за красоту, элегантность и остроуміе. Несмотря на осаду, онъ всегда былъ безукоризненно одѣтъ, носилъ китель и фуражку снѣжной бѣлизны и даже на позиціи, какъ говорили, выѣзжалъ щоголемъ. Его друзья говорили, что онъ былъ очень храбръ, но его преслѣдовали китайскія гранаты и каждая лошадь, на которую онъ садился, была подъ нимъ убита. Поэтому его просили ходить пѣшкомъ, чтобы не губить полковыхъ лошадей.

На этотъ разъ его безупречный китель, эксельбанты и лакированные сапоги были измяты и въ пыли.

Онъ былъ очень блѣденъ и взволнованъ.

— А! Карповъ! Ну, скорѣе! какія новости? опять лошадь убита? Ну садись къ намъ и разсказывай! Хочешь краснаго монастырскаго вина? Что новаго? Что ты такъ блѣденъ? Что дѣлаетъ Анисимовъ?

Докторъ Уйэмъ.

Вопросы посыпались съ разныхъ сторонъ.

— Oh! Mr. Karpoff! Bonjour! Comment ça va? Quelles nouvelles nous apportez vous?

— О! г. Карповъ! Какъ дѣла? Какія у васъ новости?—заговорили французы и стали крѣпко пожимать руки Карпову.

— Très mal! Très mal!—отвѣтилъ Карповъ, сѣлъ среди товарищей, выпилъ стаканъ вина и сталъ разсказывать. Каждое его слово переводилось французамъ.

— Господа, поздравьте меня,—говорилъ Карповъ,—едва не былъ убитъ и спасся самымъ непонятнымъ образомъ!

— Опять чудесное спасеніе на лошади?

— Нѣтъ! Я сидѣлъ у вокзала, на какомъ-то деревянномъ ящикѣ...

— Пули, гранаты и шрапнели носились вихремъ... — перебивъ кто-то.

— Господа, не перебивайте! дайте ему говорить!

Карповъ продолжалъ.

— Сижу я на ящикѣ. Вдругъ надъ моей головой раздается ударъ шрапнели и я лечу съ ящика на землю. Хорошій зарядъ шрапнели попалъ въ ящикъ, разбилъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ и ранилъ стрѣлковъ, которые были вблизи. Я поднялся съ земли ошеломленный, осмотрѣлся и увидѣлъ, что у меня все въ порядкѣ. Нигдѣ не ранены.

— Ты неуязвимъ, какъ боксеръ. Ну а что Анисимовъ?

— Господа, наши дѣла очень плохи! Китайцы открыли такую ожесточенную канонаду по вокзалу, что, вѣроятно, они хотятъ повторить свою атаку ночью. Командиръ полка предугадываетъ общее нападеніе китайцевъ и намѣренъ увести съ вокзала всѣ роты. Я долженъ сказать вамъ по секрету, что наше положеніе очень тяжолое и мы должны быть готовы ко всему. Командиръ полка приказалъ, чтобы всѣ офицеры были на своихъ мѣстахъ и приготовились на случай отступленія. Приказано нашему артиллерійскому обозу снять всѣ лишнія тяжести. Полковникъ Вогакъ уже предупредилъ иностранцевъ о возможности отступленія. Если китайцы возьмутъ у насъ вокзалъ, то 7-ая рота Полторацкаго должна будетъ отбиваться и прикрывать мостъ до тѣхъ поръ, пока весь отрядъ не уйдетъ изъ Тяньцзина. Затѣмъ приказано сломать мостъ, отступать и промышлять, какъ Богъ укажетъ Англичане пойдутъ въ авангардѣ отряда. За ними русскіе, жители, раненые, иностранцы и обозъ. Раненые, женщины и дѣти будутъ посажены на двуколки. Въ аръергардѣ останутся нѣмцы, которые должны будутъ удерживаться въ медицинской школѣ и на кладбищѣ до послѣдней возможности. Какъ видите, положеніе весьма неутѣшительное! Городъ пылаетъ отъ пожаровъ и русское консульство сгорѣло до тла.

Всѣ молча переглянулись.

Каждому живо представилась печальная картина поспѣшнаго отступленія. Отчаянное бѣгство съ городскими жителями, женщинами, дѣтьми и ранеными. Безконечный растянутый обозъ! Безпрерывное нападеніе китайцевъ

Перестрѣлка, крики, слезы и общая паника!

— Вотъ видите! я вамъ говорилъ, но вы мнѣ не вѣрили. Всѣ пропали!—заговорилъ разстроенный докторъ и снова безнадежно замахалъ руками.

— Нѣтъ! — сказалъ болѣе бодрый офицеръ, — я убѣжденъ, что Анисимовъ никогда не отдастъ вокзала китайцамъ и не уйдетъ изъ Тяньцзина! На то онъ Анисимовъ! Конечно, онъ сдѣлаетъ всѣ приготовленія къ отступленію, но онъ не уйдетъ. Да развѣ бывало когда-нибудь, чтобы русскіе отдавали свой городъ непріятелю и бѣжали?

— Но ты забываешь, что концессіи наполнены мирными жителями, которыхъ мы должны спасать. Мы поневолѣ должны будемъ отступить, чтобы вывести всѣхъ жителей изъ города. Иначе насъ

— [illegible] нѣсколько дней на [illegible] раненыхъ. Сегодня весь [illegible] вашимъ врачамъ и [illegible] Я не хочу и не могу больше [illegible] раньше. Я же[illegible] сестрою милосердія при [illegible] отрядѣ. Я просила у монастыр[illegible] разрѣшенія поселиться [illegible] чтобы быть ближе къ раненымъ. Но мнѣ отказали. Тогда я просила позволить мнѣ по крайней мѣрѣ проводить здѣсь ночи. Но монахини не разрѣшили мнѣ и этого говоря, что по правиламъ святого монастыря это совершенно невозможно для такой легкомысленной женщины, какъ я. Теперь я безъ крова и пріюта.

Старшій врачъ Зароастровъ.

Мы были поражены, недоумѣвали и рѣшили позвать старшаго полкового врача Зароастрова и старшую сестру монахиню — для переговоровъ.

— Успокойтесь, сударыня, — говорили мы, — будьте увѣрены, что все это недоразумѣніе, которое сейчасъ же будетъ улажено. Русскіе слишкомъ высоко цѣнятъ ваши услуги въ такіе тяжолые дни. Мы слишкомъ дорожимъ вашимъ самопожертвованіемъ и участіемъ къ вашимъ раненымъ.

Когда пришли докторъ Зароастровъ и старшая сестра-монахиня, мы разсказали имъ, въ чемъ дѣло, и докторъ Зароастровъ поручилъ мнѣ передать монахинѣ и Люсси Пюи-Мутрейль слѣдующее:

— Старшій врачъ русскаго 12-го полка, докторъ Зароастровъ отъ имени русскаго отряда приноситъ глубокую благодарность г-жѣ Пюи-Мутрейль за ея самоотверженную дѣятельность съ первыхъ же дней бомбардировки. То, что сдѣлано ею за эти [illegible]ни, выше всякихъ похвалъ. Старшій врачъ весьма радъ, что она [illegible]елаетъ и [illegible]огать раненымъ, и офиціально назначаетъ [illegible] сес[illegible] при русскомъ отрядѣ. Такъ какъ теперь въ [illegible] госпиталѣ, по случаю военнаго времени, [illegible] франко-русскій госпиталь, то докторъ

Зароастровъ, какъ старшій врачъ, проситъ старшую сестру оказывать всякое покровительство и содѣйствіе новой сестрѣ милосердія, отвести ей комнату, гдѣ она могла бы жить, а прежде всего дать ей поужинать.

Старшая сестра-монахиня прослезилась, отвѣтила, что она очень рада оказать пріютъ такой самоотверженной женщинѣ и поспѣшила исполнить всѣ требованія доктора Зароастрова.

Сестра Люси была очень счастлива и до конца Печилійской экспедиціи не разставалась съ русскимъ отрядомъ. Сотни раненыхъ были ею перевязаны, ободрены и приласканы.

8 Іюня. Ночь

Беззвѣздная и безлунная тревожная ночь быстро спустилась надъ измученными концессіями Тяньцзина. Чѣмъ она кончится? Какое утро ждетъ насъ? Или быть можетъ „заутра казнь“?

Въ госпиталѣ было тихо. Офицеры и солдаты чуть слышно переговаривались другъ съ другомъ, либо спали. Но трудно было спать въ эту ночь.... Съ вокзала доносилась ожесточенная убійственная перестрѣлка. Видно китайцы напрягали всѣ усилія, чтобы выбить русскихъ, которые засѣли въ окопахъ, бились, бились и не умирали. Слышно было, какъ среди китайской ружейной безпорядочной и безпрестанной трескотни срывался рѣзкій и гулкій залпъ нашихъ, эхомъ отдававшійся въ стѣнахъ концессій и ободрявшій стрѣлковъ, лежавшихъ въ госпиталѣ... Встрепенутся стрѣлки и начнутъ шептаться.... „Слышь? нашъ залпъ! Здорово закатили!“

Пули залетали въ нашъ садъ, но отъ нихъ, слава Богу, еще можно было уберечься въ стѣнахъ госпиталя. Къ намъ въ открытыя окна онѣ еще не попадали. Но жутко было, когда надъ городомъ жужжа рѣяли гранаты и съ такой силой и трескомъ вонзались въ сосѣднія каменныя зданія, что весь госпиталь грохоталъ.

Когда минутами затихало, слышно было, какъ страдали раненые.... Вздохи!... Стоны!... „Охъ, Господи!“ доносилось изъ темныхъ палатъ, едва освѣщонныхъ керосиновыми лампами и фонарями.... Было замѣчено, что китайцы, жившіе вмѣстѣ съ нами на концессіяхъ, стрѣляли въ освѣщонныя окна европейцевъ. Поэтому въ госпиталѣ было воспрещено держать ночью большой свѣтъ въ палатахъ.

Было слышно, какъ въ сосѣдней палатѣ стоналъ Поповъ и тя-

— Vous pouvez aimer la vie, mais il faut être toujours préparé à la mort.

— Вы можете любить жизнь, но вы должны быть всегда готовы къ смерти.

— А вы развѣ не хотите жить, сестра?

— Нѣтъ! умереть лучше. Я буду покоиться на небесахъ, на лонѣ у Бога. Тамъ такъ хорошо, такъ сладко, такъ свѣтло и безмятежно! Извините меня. Мнѣ нужно идти. Вы слышите?—стучатъ—принесли раненыхъ? Спокойной ночи! Спите спокойно! Bonne nuit, monsieur! Dormez bien, monsieur! Bonne nuit!

Сестра Габріела съ прозрачными глазами кивнула головой и также неслышно вышла.

Въ госпитальныя ворота стучались. Это принесли новыхъ раненыхъ. Вѣроятно, съ вокзала.

Мнѣ вспомнились слова сестры Габріелы:

— Il faut être toujours préparé à la mort... Нужно быть всегда готовымъ къ смерти. Какое спокойствіе у такой молодой женщины! И какая вѣра! Не отъ міра сего. Но я отъ міра сего! Я вовсе не хочу умирать! Я хочу жизни, Боже! Я хочу жить и наслаждаться Твоею жизнью и Твоимъ міромъ! Я еще такъ молодъ и такъ полонъ потребности жизни! счастливой кипучей жизни! Боже мой! да къ чему же я созданъ Тобой какъ не для жизни и счастья? Къ чему же отнимать у меня жизнь на ея расцвѣтѣ, не давъ мнѣ даже насладиться всѣми ея радостями? Я столько готовился къ жизни, учился, работалъ, чтобы пройти жизненный путь какъ можно осмысленнѣе и счастливѣе... Вѣдь это нелогично! А въ жизни все должно быть разумно и послѣдовательно. Какой смыслъ въ моей жизни, если она оборвана преждевременно и такимъ дикимъ образомъ въ этой западнѣ? на чужбинѣ, вдали отъ всѣхъ близкихъ... И какой смыслъ въ смерти, если она врывается въ самый разгаръ жизни?.. Я такъ вѣрилъ въ китайцевъ и въ ихъ традиціонную вѣковую дружбу съ Россіей... Пріѣхалъ, наконецъ, въ Китай, за 16 тысячъ верстъ и встрѣтился съ этими умными китайцами, которыхъ такъ уважалъ за ихъ Конфуція... Но, Боже мой, чтоже они теперь дѣлаютъ? Гдѣ-же эта дружба, ихъ мудрость и испытанное миролюбіе? Это какая-то насмѣшка надъ исторіей... надъ здравымъ смысломъ...

Въ узкій просвѣтъ окна я увидѣлъ близкое зарево, огонь и клубы дыма. Гдѣ-то рядомъ загорѣлся домъ, зажженный китайскимъ снарядомъ.

— Что же это? Скоро и нашъ госпиталь загорится? Тотъ домъ навѣрно никто не тушитъ... Я здѣсь лежу, а вѣдь тамъ въ окопахъ наши офицеры и стрѣлки все бьются, бьются, изъ послѣднихъ силъ бьются и одинъ за другимъ падаютъ... Потомъ начнется несчастное отступленіе... Меня съ другими ранеными взвалятъ на солдатскую двуколку... Потащатъ, въ темнотѣ, по оврагамъ... Нападутъ китайцы... Выстрѣлы... крики... стоны... Что же это? Варфоломеевская ночь начинается? Боже, да будетъ воля Твоя! Будь, что будетъ! Постараюсь заснуть... Это самое лучшее... Надѣюсь—я засну не въ послѣдній разъ...

Я закрылъ глаза, завернулся въ одѣяло, какъ Цезарь въ тогу, и, обезсиленный и измученный, скоро заснулъ подъ трескотню китайскихъ ружей.

Домъ, зажженный китайской гранатой.

Освобождены

9 Іюня

Въ $3^1/_2$ часа утра китайцы всѣми силами обрушились на оврагъ, въ которомъ засѣли наши роты, охранявшія вокзалъ. Но наши выбивавшіеся изъ силъ стрѣлки и офицеры рѣшили не пропустить китайцевъ. Собрались съ духомъ...

— Вонъ по гребню насыпи!.. Видишь?.. По постоянному прицѣлу!.. 400 шаговъ!.. Курокъ!. Пальба ротою!.. Пли!..—кричали въ утреннемъ полусумракѣ ротные командиры, промокшіе отъ свѣжей росы, пота, обрызганные кровью, осыпанные пескомъ, грязью, задымленные, волнуясь и не сводя глазъ съ длинной цѣпи китайскихъ войскъ, которыя все въ большемъ числѣ высыпали изъ-за насыпи желѣзной дороги.

Грянулъ залпъ! другой! третій!.. удачно!.. Роты, собравшіяся вокругъ вокзала, дружно поддерживали другъ друга. Китайцы не устояли и начали отступать.

Перестрѣлка стала ослабѣвать и къ полудню совершенно стихла. Бой, повидимому, кончился. Изъ нашихъ окоповъ унесли 12 убитыхъ стрѣлковъ и 28 раненыхъ.

Но китайцы не успокоились и спустили по рѣкѣ два брандера—двѣ горящія барки, наполненныя хворостомъ, чтобы сжечь нашъ мостъ. Въ то же время, они открыли по мосту огонь шрапнелью.

Подполковникъ Илинскій, подпоручикъ Виноградовъ съ саперами и матросами бросились выручать мостъ. Развели мостъ. Перехватили горящія барки и пропустили плавучій огонь, а также китайскіе трупы, которые кучами сбились у моста и такъ заражали воздухъ, что по мосту было трудно проходить. Мостъ былъ спасенъ.

Китайцы все не отчаивались. Передъ вокзаломъ неожиданно выросла новая китайская батарея, которая сейчасъ же открыла . 5-ая рота Черскаго и 7-ая Полторацкаго бросились не я на батарею, выбили китайскихъ артиллеристовъ и взяли

... Подполковникъ со своей р...
... былъ остановленъ.
... убѣжище отъ ...

... затихъ. Ни по ...
... ...

... Тяньцзинцы въ пер-
... неожиданно-

... что ...
... между войсками

12 Іюня

... и укрѣпляютъ
... Безмолвіе на
... Что они замы-

... чтобы помѣ-
... къ нему
... лошади, ка-
... которые 6 іюня
... ...іями.
... заставъ
... отъ гене-
... со своимъ
... Анисимову со-
... восточнаго
... —восточной

...

... Шир... и 2 де-
... черезъ городской валъ, окружающій Тяньцзинъ и занятый китайцами. Ан... хотѣлъ представить своему бригадному начальнику генера... 12-й полкъ въ блестящемъ видѣ, какъ будто корот... осады и не ..., и приказалъ ... чистыя рубахи.

Забывъ труды осады, стрѣлки дѣйствовали какъ на парадѣ. Взобрались на городской валъ, полѣзли прямо на большую 6-дюймовую пушку, стоявшую у городскихъ воротъ и причинившую намъ столько бѣдствій, переколотили прислугу, забрали пушку и такъ напугали китайцевъ, что тѣ въ смятеніи бѣжали со всего городского вала. 12 нашихъ стрѣлковъ были ранены

Роты 12-го полка перебрались черезъ валъ и въ 3 часа дня вдали показался 9-ый полкъ, который шолъ на встрѣчу, подъ выстрѣлами китайскихъ импаней.

Радостное ура двухъ сошедшихся братскихъ полковъ одной Квантунской бригады прокатилось по равнинѣ.

Китайское орудіе.

Фортъ Таку, занятый русскими.

Штурмъ фортовъ Таку

3 Іюня

Къ 3-му іюня адмираламъ, командовавшимъ международной эскадрой въ Таку, были извѣстны слѣдующія данныя о положеніи дѣлъ.

Адмиралъ Сеймуръ со своей экспедиціей находился неизвѣстно гдѣ между Тяньцзиномъ и Пекиномъ, отрѣзанный отъ Тяньцзина китайскими войсками, боксерами и разрушенной желѣзной дорогой.

Около 2000 китайскихъ правительственныхъ войскъ прибыло въ форты Таку. По слухамъ китайское правительство рѣшило стянуть къ фортамъ Таку значительное количество своихъ войскъ. Не было сомнѣнія, что эти мѣры принимались съ цѣлью воспрепятствовать дальнѣйшимъ высадкамъ иностранныхъ войскъ въ Таку.

Изъ Пекина было получено извѣстіе объ убійствѣ китайскими солдатами чиновника японскаго посольства. Князь Дуань, верховный предводитель боксеровъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ въ Китаѣ. Его бл[illegible]ми совѣтниками и главными членами Цзунлиямыня были назна[illegible]стники иностранцевъ— маньчжуры Юй Сянь и Ганъ [illegible] юстиціи—китаецъ Чжао Шу Цяо.

Поэтому 2 и 3 іюня на крейсерѣ „Россія“ у старѣйшаго въ чинѣ, начальника русской Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Гильтебрандта состоялись засѣданія адмираловъ международной эскадры.

На этихъ засѣданіяхъ было выяснено, что образъ дѣйствій китайцевъ въ отношеніи союзниковъ носитъ безусловно враждебный характеръ. Они уже пытаются разрушить желѣзную дорогу между Таку и Тяньцзиномъ и даже закладываютъ мины въ устьѣ Пэйхо. Поэтому рѣшено принять немедленно мѣры къ тому, чтобы сохранить сообщеніе съ Тяньцзиномъ и держать входъ въ рѣку Пэйхо свободнымъ.

Такъ какъ на фортахъ китайцы стали обнаруживать какую-то лихорадочную дѣятельность, то на послѣднемъ утреннемъ засѣданіи 3 іюня адмиралы постановили вручить ультиматумы Чжилійскому вице-королю Юй Лу и коменданту крѣпости Таку генералу Ло Юнъ Гуань съ требованіемъ передать имъ форты къ 2 часамъ ночи. Въ случаѣ къ этому сроку форты не будутъ очищены китайскими войсками, то союзники будутъ вынуждены взять форты силою. При этомъ адмиралы постановили ожидать отвѣта отъ китайскаго генерала до 4 часовъ утра.

Ультиматумъ былъ подписанъ: отъ имени Россіи—вице-адмираломъ Гильтебрандтомъ, Франціи—контръ-адмираломъ Курржоль, Англіи—контръ-адм. Брюссъ, Германіи—капитаномъ I р. Гулихъ, Японіи—капитаномъ I р. Нагаминэ, Италіи — капитаномъ I р. Казелла, Австріи—капитаномъ Монтальмаръ.

Ультиматумъ былъ переданъ китайскому коменданту Ло лейтенантомъ Бахметьевымъ, командиромъ одного изъ нашихъ миноносцевъ. Его сопровождалъ въ качествѣ переводчика англійскій лоцманъ Джонсонъ.

Генералъ Ло принялъ нашего офицера любезно и сказалъ, что онъ согласенъ сдать форты, но желалъ бы знать, намѣрены ли союзники занять всѣ форты или одинъ по ихъ выбору. Свой отвѣтъ комендантъ обѣщалъ дать до назначеннаго срока.

Въ то же время въ Тяньцзинъ былъ посланъ съ однимъ матросомъ мичманъ Шрамченко, которому было поручено доставить ультиматумъ вице-королю Чжилійской провинціи.

Предстояло взять миромъ или силою четыре форта: 2 на лѣвомъ берегу Пэйхо—Сѣверо-западный и Сѣверный и 2 на правомъ—Южный и Новый. Позади Сѣверо-западнаго форта находилась брошенная импань. Форты, тянувшіеся на протяженіи трехъ верстъ на сѣверъ вдоль морского берега, были вооружены силь-

ной артиллеріей въ 240 орудій разныхъ системъ и калибровъ изъ которыхъ 54 орудія было новѣйшей системы Армстронга. Орудія были прочно установлены, имѣли круговой обстрѣлъ и могли обстрѣливать какъ устье рѣки, такъ и рѣку, которая благодаря своимъ постояннымъ извивамъ, на протяженіи 12 верстъ отъ устья вверхъ, четыре раза идетъ почти паралельно фортамъ. Разстояніе между фортами, запирающими устье, не болѣе 100 саженъ.

Такъ какъ большія суда могутъ подойти къ морскому берегу не ближе 20 верстъ, то форты Таку могутъ быть взяты только канонерскими лодками, при условіи если онѣ будутъ пропущены въ рѣку и обречены на уничтоженіе.

Такими лодками, которыя были назначены бомбардировать форты въ случаѣ необходимости, были: русскія—пришедшій наканунѣ изъ Россіи „Гилякъ“, „Кореецъ“, „Бобръ“; французскій—„Ліонъ“; англійскія—„Альджеринъ“ и контръ-миноносецъ „Вайтинъ“ и германскій—„Ильтисъ“.

Жители въ Таку и Тонку получили приказаніе въ теченіи часа оставить дома и перейти для безопасности на американское военное судно „Монокаси“, которое было поставлено далеко въ рѣкѣ, по возможности внѣ поля выстрѣловъ.

Въ устьѣ рѣки появились китайскія шаланды, которыя, не стѣсняясь присутствія иностранныхъ военныхъ судовъ, смѣло закладывали мины вдоль бара. Англійскій „Вайтинъ“, проходя черезъ баръ, задѣлъ одну изъ минъ, которая почему-то не взорвала.

Въ 5 час. веч. у командира „Бобра“ Добровольскаго былъ собранъ военный совѣтъ изъ русскихъ и иностранныхъ командировъ лодокъ и миноносцевъ, которые выработали порядокъ боя и расположеніе судовъ. Сигналъ къ бою долженъ былъ подать „Бобръ“.

Десантный отрядъ, составленный на случай боя подъ общимъ начальствомъ германскаго капитана Поль, имѣлъ: 350 англійскихъ матросовъ подъ командою капитана Крадокъ; 230 японскихъ подъ начальствомъ капитана Хаттори; 130 германскихъ; 50 австрійскихъ, 25 итальянскихъ съ лейтенантомъ Танка.

Въ тотъ же день въ Таку пришелъ крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ“, доставившій сводную роту 12-го полка изъ 168 человѣкъ подъ командою поручика Станкевича. Рота была сейчасъ же перевезена на баржахъ въ Тонку и получ азаніе присоединиться къ международному десанту, котор ся бивакомъ около станціи желѣзной дороги.

Въ 8 час. 30 мин

сталъ ниже „Корейца“. „Альджеринъ“ и „Вайтинъ“, стоявшіе въ устьѣ между фортами, также перешли и стали ниже „Бобра“ у поворота рѣки. Такимъ образомъ къ ночи по линіи почти паралельной фортамъ растянулись суда: „Вайтинъ“, „Альджеринъ“, „Бобръ“, „Кореецъ“ и „Гилякъ. За слѣдующимъ поворотомъ рѣки вверхъ по теченію также паралельно фортамъ стали: „Ліонъ“, „Ильтисъ“, „Атаго“ и „Монокаси“.

Оставалось два часа до рѣшительнаго срока. На фортахъ вспыхнули два электрическихъ прожектора, навели свѣтъ на лодки, стоявшія въ тылу и снова потухли. Комендантъ крѣпости генералъ Ло получилъ по телеграфу, соединявшему крѣпость съ Тяньцзиномъ, приказаніе ни въ какомъ случаѣ не отдавать фортовъ Таку иностранцамъ.

Провѣривъ прожекторомъ, что почти всѣ канонерскія лодки стоятъ на прежнихъ мѣстахъ, по которымъ уже давно наведены фортовыя орудія, и зная, что иностранцы приведутъ свою угрозу въ исполненіе, а исходъ боя могъ быть для китайцевъ скорѣе удаченъ, чѣмъ наоборотъ, и не особенно довѣряя всемогуществу иностранныхъ войскъ, особенно послѣ неудачи Сеймура, генералъ Ло, повинуясь повелѣнію изъ Пекина, приказалъ открыть огонь по лодкамъ, не дожидаясь, когда иностранцы сами начнутъ штурмовать.

Ночь была темная. Черная длинная линія фортовъ, грозная и безмолвная, едва была замѣтна при тускломъ сіяніи луны, прятавшейся за облаками. До рѣшительнаго срока оставался часъ и десять минутъ. Томительное ожиданіе...

— Сдадутъ или будутъ стрѣлять?

— Конечно, сдадутъ! развѣ китайцы рѣшатся отстаивать свою крѣпость? Ну, выпустятъ нѣсколько снарядовъ, попугаютъ, а потомъ непремѣнно сдадутся...—такъ думали наши офицеры и не особенно безпокоились о наступающемъ боѣ.

На всѣхъ судахъ разведены пары и орудія заряжены...

На новомъ форту сверкнулъ огонь. Грянулъ выстрѣлъ и граната жужжа пронеслась надъ „Гилякомъ“. Форты засвѣтились. Снаряды за снарядами проносились надъ лодками. На нашихъ судахъ пробили боевую тревогу. Сперва „Бобръ“ подалъ сигналъ, затѣмъ „Гилякъ“, „Кореецъ“ и „Альджеринъ“ стали отвѣчать своимъ огнемъ.

Разстояніе отъ „Гиляка“ до ближайшаго Сѣверо-западнаго было 700 саженъ, а до самаго отдаленнаго Новаго форта 1200.

снарядами очень точно пролетали надъ лодками, но

Офицеры „Гиляка".

еще ни одна не была задѣта. Возможно предполагать, что китайскія орудія были наведены на лодки въ полную воду. Такъ какъ при началѣ боя былъ отливъ, то суда опустились, что и вызвало перелетъ снарядовъ.

Французскій „Ліонъ" и германскій „Ильтисъ" спустились внизъ по рѣкѣ и, открывъ огонь на ходу, присоединились къ союзникамъ. Англійскіе контръ-миноносцы „Вайтингъ" и „Фэмъ" атаковали 4 китайскихъ истребителя миноносцевъ. Китайцы пробовали защищаться ружейными и пистолетными выстрѣлами, но нѣсколько англійскихъ выстрѣловъ изъ орудій заставили китайцевъ бѣжать. Англичане отвели взятые въ плѣнъ истребители въ Тонку. По пути китайскимъ 5 дюймовымъ снарядомъ былъ разбитъ одинъ изъ котловъ на „Вайтингѣ".

Семнадцать гранатъ и одна шрапнель попали въ германскую лодку „Ильтисъ" и совершенно разбили ея верхнюю палубу. Ея командиръ Ланцъ былъ тяжело раненъ 25 осколками стали и дерева и потерялъ ногу. Притомъ ланцы впервые лично по-

знакомились съ прекраснымъ дѣйствіемъ германскихъ гранатъ изъ крупповскихъ орудій, которыми были вооружены форты Таку. Одинъ германскій офицеръ и шесть нижнихъ чиновъ были убиты, 17 ранены. Одна граната произвела взрывъ и пожаръ на французскомъ „Ліонѣ“. Изъ его команды 1 былъ убитъ и 46 ранено. Японецъ „Атаго“ не принималъ участія въ бою, такъ какъ у него была попорчена машина. Другой японецъ „Кагеро“ находился по ту сторону бара и вмѣстѣ съ русскими миноносцами зорко наблюдалъ за китайскимъ крейсеромъ „Хай Тѣнъ“, который, однако, не высказывалъ ни малѣйшаго намѣренія вмѣшаться въ бой. На крейсерѣ былъ флагъ китайскаго адмирала.

Лейтенантъ Сарычевъ.

Форты и канонерскія лодки продолжали громить другъ друга. Боевымъ электрическимъ фонаремъ „Гиляк“ сталъ кидать ослѣпительные лучи свѣта на форты, которые отвѣтили дождемъ снарядовъ по „Гиляку“ и сосѣднимъ лодкамъ.

Разорвавшаяся граната ранила осколками сигнальщика, комендора и миннаго офицера лейтенанта Богданова, бывшаго на марсѣ.

Лейтенантъ Буриновъ.

быстро заряжали орудія и производили выстрѣлъ за выстрѣломъ. Одни матросы стояли у элеватора, принимали снаряды, другіе подавали ихъ на телѣжкѣ къ орудію.

Было около 3 часовъ утра, когда комендоръ доложилъ артиллерійскому офицеру лейтенанту Титову, что у 75-миллиметроваго орудія потухли электрическія лампочки, освѣщавшія прицѣлъ и мушку. Титовъ осматрѣлъ провода, исправилъ ихъ и, когда лампочки засвѣтились, снова вернулся къ орудію.

Взрывъ, оглушительный грохотъ и сильный ударъ въ спину сбили съ ногъ Титова. Онъ упалъ ницъ и, почувствовавъ жестокій ожогъ спины, однако имѣлъ силу вскочить и броситься въ сторону отъ взрыва.

Ничего не понимая и ничего не чувствуя, Титовъ оглянулся. Передъ нимъ лежали матросы. Другіе стояли въ столбнякѣ и съ нѣмымъ ужасомъ глядѣли на Титова, у котораго волною пламени, вырвавшейся изъ элеватора, обожгло лицо, голову, грудь, спину

и руки. Огнемъ былъ сожженъ до тла его китель. Отъ совершенно испепелившейся фуражки остался одинъ околышекъ. Почувствовавъ нестерпимую боль по всему тѣлу, Титовъ понялъ, что съ нимъ случилось. Докторъ Свѣчниковъ перевязалъ всего израненнаго и обожженнаго Титова.

Это былъ взрывъ патроннаго погреба для орудійныхъ снарядовъ, произведенный китайской гранатой. Взрывомъ 136 патроновъ была сорвана и выпучена палуба надъ погребомъ, произведенъ пожаръ въ жилой и на верхней палубѣ около орудій. Огонь охватилъ стоявшіе на палубѣ снаряды и людей, но по счастью снаряды не дали взрыва. Этимъ огнемъ былъ жестоко израненъ лейтенантъ Титовъ, убито 5 и ранено 38 нижнихъ чиновъ.

„Кореецъ“.

Однако ни командиръ „Гиляка“ Сарычевъ, который продолжалъ наводить 120 мил. орудіе, ни его офицеры Бахиревъ, Веселаго, Фуксъ и Беренсъ не потерялись и не прекращали огня изъ другихъ орудій. Пожаръ былъ залитъ брандспойтами и ведрами въ 15 минутъ. Инженеръ-механики Буссе и Лавровъ немедленно пошли и съ матросами задѣлали пробоину и исправили машину, такъ что черезъ $2^1/_2$ часа корабль могъ снова двигаться. Но и матросы „Гиляка“ не дрогнули и вмѣстѣ съ офицерами упорно и неустрашимо продолжали одновременно спасать свой корабль и громить форты. Кочегаръ Плужниковъ пробрался въ самое опасное мѣсто пожара и зная, что рядомъ съ нимъ находится 120

миим. патронный погребъ, шлангомъ потушилъ пожаръ. Онъ былъ сильно обожженъ и, сдѣлавъ свое дѣло, потерялъ сознаніе. Въ то же время въ этотъ погребъ, грозившій ежеминутно взрывомъ, спустился рулевой Улановскій и стоя по поясъ въ водѣ подавалъ патроны, чтобы пушка могла дѣйствовать безостановочно.

Уже послѣ боя, когда на „Гилякѣ" стали считать раны и недостающихъ товарищей, въ обломкахъ нашли сожженное тѣло съ обнаженными мускулами и жилами, съ металической пѣпочкой и фельдфебельской цукой на груди. Это было тѣло храбраго фельдфебеля Осодора Гурьева. Отъ водолаза Злобина остался одинъ уголь. А отъ марсового Янченко, бывшаго въ погребѣ при взрывѣ, не осталось и слѣда. Даже офицерскій поваръ французъ Жанъ Баптистъ былъ обожженъ, тушя пожаръ. Всего на „Гилякѣ" было убито 3 человѣкъ, ранено 18.

Въ 3 часа утра въ корпусъ „Корейца" угодилъ первый китайскій снарядъ. Надъ бомбовымъ погребомъ загорѣлась каютъ-компанія.

Пробить малый пожаръ! Затопить кормовые, бомбовый погребъ, крюйтъ-камору и патронное отдѣленіе!—раздалась команда командира Сильмана.

Живо матросы стали накачивать ручныя и паровыя пумпы, разнести шланги и быстро потушили пожаръ.

Обрадовались китайцы своему успѣху и стали выпускать снаряды по „Корейцу" все въ одну точку. Одинъ ихъ снарядъ пробилъ палубу и разрушилъ всѣ офицерскія каюты праваго борта и водонепроницаемую переборку въ машинное отдѣленіе.

Лейтенантъ Бураковъ спускался по трапу внизъ, чтобы по приказанію командира наблюдать за тушеніемъ пожара и упалъ безъ сознанный, пробитый осколкомъ гранаты въ шею. Съ нимъ были убиты 3 матроса.

Несмотря на пожаръ, люди продолжали свое дѣло по росписанію и командиръ „Корейца" Сильманъ приказалъ производить стрѣльбу изъ 8 дюйм. праваго орудія пироксилиновыми бомбами. Послѣ второго выстрѣла на одномъ изъ фортовъ взвился клубъ дыма и огня и раздался взрывъ порохового погреба. Ура!—закричала радостно команда.

Но китайцы сейчасъ же отомсти[illegible]ъ граната пробила пра-
вый бортъ надъ верхней палубой и [illegible]пись разбила вдре-
безги кочегарные вентиляторы. Оскол[illegible]ъ былъ смертельно
раненъ въ обѣ ноги лейтенантъ Д[illegible]

Взошло солнце, которое бѣдный Деденевъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Его положили въ уцѣлѣвшую каюту. Истекая кровью и геройски перенося непереносимыя страданія, онъ все время разспрашивалъ о ходѣ боя и съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о побѣдѣ. Въ 3 часа 15 минутъ дня, когда на всѣхъ фортахъ

Лейтенантъ Деденевъ.

уже давно развѣвались союзные флаги, лейтенанта Деденева не стало.

Кромѣ этихъ роковыхъ снарядовъ еще нѣсколько гранатъ влетѣло въ корпусъ „Корейца“ и пробило и поломало переборки, вентиляторную машинку. Къ концу боя, кромѣ двухъ офицеровъ на „Корейцѣ“ было убито 9 матросовъ и ранено 20.

Потерявъ двухъ своихъ лучшихъ товарищей, всѣ офицеры „Корейца“ не потеряли самообладанія и увѣренности въ побѣдѣ. Всѣ офицеры отъ старшаго лейтенанта Тундермана, старшаго механика Зражевскаго и до младшаго мичмана Рененкампфа, смѣнившаго Буракова, отстаивали ввѣренный имъ корабль и не давали молчать своей артиллеріи.

тливѣе всѣхъ другихъ лодокъ оказался „Бобръ“. Раз-
ды, опасности и тревоги своихъ сотоварищей, под-
мъ огнемъ и безостановочно поражая ядрами
Бобръ“ взорвалъ пороховой погребъ Новаго

форта, но самъ никакихъ серьезныхъ поврежденій не получилъ и по рѣдкой счастливой случайности всѣ офицеры и матросы „Бобра“ изъ адскаго огня, которымъ они были окружены, вышли цѣлыми. Судовой врачъ „Бобра“ Русановъ перевязывалъ раненыхъ на „Корейцѣ“, такъ какъ врачъ послѣдняго Кальминъ былъ ослушенъ снарядомъ и нѣсколько часовъ лежалъ въ обморокѣ. Какъ это ни странно, но на одной изъ рей „Бобра“, нетронутаго снарядами, все время боя держались два голубя.

Капитанъ 1 р. Сильвинъ.

Въ 1 часъ ночи, когда раздались первые выстрѣлы съ китайскихъ фортовъ по лодкамъ, русскій десантъ Станкевича, высаженный на лѣвый берегъ Пэйхо, соединился съ японцами, германцами и англичанами у заброшенной батареи и двинулся впередъ походнымъ порядкомъ. Въ авангардѣ шли германцы подъ прикрытіемъ дозоровъ.

Въ 800 шагахъ отъ форта международный отрядъ остановился и сталъ ожидать, когда ослабѣетъ огонь китайскихъ орудій. Въ $3^1/_2$ часа ночи, когда уже свѣтало и опасно было оставаться въ виду фортовъ, капитанъ Поль собралъ на совѣщаніе всѣхъ командировъ. Ввиду того, что канонерскія лодки не нанесли никакого вреда фортамъ и не предвидѣлось возможности взять Сѣверо-западный фортъ, избранный для штурма, командиры рѣшили отступить.

Тогда Станкевичъ предложилъ выждать часъ времени и увѣрялъ, что къ этому времени дѣйствіе артиллеріи на форту будетъ ослаблено. Однако командиры не были согласны съ Станкевичемъ и настаивали на необходимости отступить.

— Я тоже не согласенъ съ вами и категорически заявляю, что не отступлю и въ крайнемъ слу[illegible]ойду брать фортъ одинъ,— сказалъ Станкевичъ и пошелъ с[illegible]ротой впередъ.

Станкевичъ рѣшилъ распо[illegible] за валомъ рва, чтобъ атаковать одному фортъ, когда [illegible]. Въ [illegible]змож-

пости, онъ хотѣлъ держаться за валомъ, надѣясь, что китайцы не посмѣютъ сдѣлать вылазку изъ форта.

Разсвѣтъ быстро наступалъ. Японцы и германцы отошли шаговъ 200, но потомъ разсыпались цѣпью, чтобы не быть замѣтными и остановились. Англичане и итальянцы растянулись вправо отъ русскихъ. Германцы и австрійцы снова подвинулись назадъ къ русскимъ и стали за ними во второй линіи. Японцы разсыпались въ третьей линіи.

Китайцы замѣтили подходившіе къ форту десанты и сейчасъ же открыли по нимъ огонь изъ орудій и ружей.

Русскіе и иностранцы стали немедленно обстрѣливать прислугу у китайскихъ орудій и китайцевъ, стрѣлявшихъ изъ-за гребня вала на форту.

Англичане и русскіе, перебѣгая и снова залегая, быстро подвигались къ воротамъ. Было 5 часовъ утра. Цѣпи добѣжали до широкаго рва, наполненнаго водою и остановились.

Поручикъ Станкевичъ съ подпоручикомъ Янчисомъ, тремя унтеръ-офицерами и двумя стрѣлками бросились къ воротамъ, ворота взломали прикладами, влетѣли въ фортъ, наполненный китайцами, и изнутри первыми взобрались на стѣну.

Японцы, бывшіе позади соединеннаго отряда, стремительно побѣжали впередъ, обогнали весь отрядъ и вслѣдъ за русскими бросились на фортъ. Весь соединенный отрядъ кричалъ ура и бѣжалъ. Всѣ стремились первыми проникнуть въ ворота.

Ошеломленные китайцы собрались съ духомъ и встрѣтили японцевъ — своихъ давнишнихъ непримиримыхъ враговъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ. Японскій командиръ капитанъ Хаттори всего нѣсколько шаговъ не добѣжалъ до воротъ и упалъ убитый. Юный лейтенантъ Ширанши сейчасъ же занялъ мѣсто своего погибшаго храбраго товарища и ворвался съ японцами внутрь

Лейтенантъ Тундерманъ.

Убѣгая китайцы успѣли навести одно орудіе. Японскій матросъ сумѣлъ на китайскомъ флагштокѣ японскій флагъ лица и упалъ убитый. Подбѣжали англичане и

такъ какъ у нихъ въ запасѣ всегда было много своихъ флаговъ, то англійскій флагъ взвился первымъ надъ китайскимъ фортомъ.

У русскихъ въ нужную минуту обыкновенно ничего не оказывалось, кромѣ храбрости. И поэтому Станкевичъ прибилъ къ флагштоку погонъ унтеръ-офицера своей роты.

Въ 5 час. 30 мин. утра, когда союзники увидали на Сѣверозападномъ форту англійскій флагъ, радостное ура прогремѣло со всѣхъ лодокъ.

Въ 6 час. утра всѣ лодки снялись съ якоря и пошли внизъ по рѣкѣ, чтобы бомбардировать Южный и Новый форты.

Капитанъ 2 р. Добровольскій.

Занявъ Сѣверозападный фортъ, союзный десантъ бросился атаковать слѣдующій Сѣверный фортъ, изъ котораго китайцы уже бѣжали въ смятеніи. Фортъ былъ живо занятъ союзниками. Снова взвился англійскій флагъ. Одинъ австрійскій артиллеристъ такъ искусно повернулъ китайское орудіе на Южный фортъ, что послѣ перваго же выстрѣла, на форту раздался оглушительный взрывъ и пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ. Уцѣлѣвшіе отъ взрыва китайцы бросились въ бѣгство, но попадали подъ пули пулеметовъ Максима, которые безостановочно стучали на марсахъ „Гиляка“.

Десанты въ лодкахъ переправились черезъ Пэйхо. Въ 6 час. 30 мин. утра были заняты оба южные форты. Русскій флагъ былъ водруженъ на Южномъ форту; германскій и австрійскій на Новомъ; японскій на Сѣверномъ; британскій и итальянскій на Сѣверно-западномъ.

Наши миноносцы не бездѣйствовали. Лейтенантъ Славинскій съ командою матросовъ съ одного изъ [illegible]евъ занялъ китайское адмиралтейство и поднялъ н[illegible]ф ь. Л[illegible]нанты Эшапаръ и Бахм[illegible]

Послѣ взятія фортовъ Таку.

„Гилякъ", французская лодка „Ліонъ", „Кореецъ" и „Бобръ".

Разбитые китайскіе форты.

[illegible] „[illegible] Тѣнъ“, а затѣмъ пере-
[illegible] южныхъ фортовъ.

[illegible] взятые въ плѣнъ, были [illegible] Франціей и Германіей.

Поручикъ Станкевичъ.

[illegible] нами миноносецъ былъ окрещенъ именемъ [illegible] „Лейтенантъ Бураковъ“.

[illegible] до послѣднихъ силъ [illegible] фортахъ [illegible] съ [illegible] [illegible]

[illegible]

Лейтенантъ Веселаго.

ему, по павшей крѣпости, генералъ Ло, по долгу китайскаго военачальника, принялъ золото и скончался въ мученіяхъ.

Завѣдываніе занятыми нами мастерскими въ китайскомъ адмиралтействѣ было поручено энергичному моряку, знающему китайскій языкъ, мичману Рѣдкину.

Китайскій миноносецъ.

Упорный огонь китайцы открыли по союзникамъ возлѣ станціи Цзюньлянчэнъ. Германцы, которые шли рядомъ съ русскими подъ командою браваго маіора Криста, дрались какъ львы и выказали себя истинными боевыми товарищами. Русскихъ было убито 7 и ранено 36. У германцевъ убитъ лейтенантъ Фридрихъ, убито 7, ранено 25.

Здѣсь же въ Цзюньлянчэнѣ къ отряду присоединились капитанъ Гембицкій и поручикъ Воздвиженскій, которые съ 3-ей ротой 12-го полка и однимъ французскимъ орудіемъ, окруженные китайцами, цѣлую недѣлю продержались на этой станціи, отрѣзанные и отъ Тяньцзина и отъ Тонку.

10 іюня въ 3 часа дня соединенный отрядъ генерала Стесселя соединился съ отрядомъ полковника Анисимова. Европейцы, осажденные въ Тяньцзинѣ, были такимъ образомъ освобождены и получили возможность выѣхать изъ Тяньцзинскихъ концессій.

Всего въ международномъ отрядѣ генерала Стесселя, при движеніи на Тяньцзинъ, союзники потеряли 224 человѣка ранеными и убитыми. Генералъ Стессель со всѣмъ отрядомъ, къ которому былъ присоединенъ и отрядъ полковника Анисимова, расположился лагеремъ внѣ города, на лѣвомъ берегу рѣки Пэйхо, за городскимъ валомъ, на ровномъ открытомъ сухомъ и здоровомъ мѣстѣ. Когда въ лагерь стали долетать гранаты съ китайскихъ позицій, лагерь былъ нѣсколько передвинутъ. Но отъ китайскихъ пуль, которыя летали отовсюду изъ предмѣстій Тяньцзина и сосѣднихъ деревень, трудно было уберечься. Отъ Пэйхо и сетльмента лагерь былъ въ одной верстѣ, а отъ ближайшихъ китайскихъ позицій въ 2—3 верстахъ.

10 іюня въ Тонку прибылъ 10-ый Вост. Сиб. стрѣлк. полкъ, 3-я батарея Вост. Сиб. стрѣлк. артил. дивизіона и роты англійскихъ полковъ: Вэйхайвэйскаго, Гонконгскаго и Валлійскіе стрѣлки.

Когда людей 10-го полка на баржахъ перевозили по рѣкѣ Пэйхо въ Тонку, не обошлось безъ крушенія. На крутомъ поворотѣ рѣки буксируемая баржа сильнымъ теченіемъ рѣки была от-
онону и ударилась о „Корейца“. Получивъ про-
быстро тонуть. Люди и лошади спаслись вплавь,
хъ ящиковъ и околъ полутораста винтовокъ
полка оказалась, благодаря этому про-
ыла оставлена въ Тонку до тѣхъ
отъ убитыхъ и выбывшихъ изъ

Царскій привѣтъ

Когда вице-адмиралъ Алексѣевъ донесъ по телеграфу Его Императорскому Величеству Государю Императору о взятіи крѣпости Таку и о понесенныхъ нами потеряхъ, Государь осчастливилъ Свою Тихоокеанскую эскадру слѣдующимъ всемилостивѣйшимъ отвѣтомъ:

„Поздравляю съ успѣшнымъ дѣломъ. Скорблю о потеряхъ. Надѣюсь, за раненными уходъ хорошій. Передайте Мою горячую благодарность капитану Добровольскому, командирамъ и офицерамъ „Корейца“, „Гиляка“ и „Бобра“ и сердечное спасибо молодцамъ, нижнимъ чинамъ этихъ лодокъ“.

Николай.

По прочтеніи рапортовъ командировъ канонерскихъ лодокъ „Бобръ“, „Гилякъ“, „Кореецъ“ и поручика 12-го Восточн. Сибир. Стрѣлковаго полка Станкевича о взятіи фортовъ Таку, Государю Императору благоугодно было собственноручно начертать слѣдующія высокомилостивыя слова:

„Прочелъ рапорты съ искреннимъ чувствомъ гордости“.

Милостивое участіе Государя Императора къ Его морякамъ и стрѣлкамъ на Дальнемъ Востокѣ въ тяжолые дни ихъ службы ободрило ихъ къ новымъ трудамъ и подвигамъ.

Генералъ Стессель.

Отрядъ генерала Стесселя

Когда въ Портъ-Артурѣ 4 іюня было получено извѣстіе о взятіи фортовъ Таку, адмиралъ Алексѣевъ въ тотъ же день отправилъ изъ Портъ-Артура на театръ военныхъ дѣйствій второй отрядъ подъ начальствомъ начальника 3-ей Вост. Сиб. стрѣлковой бригады. На судахъ Тихоокеанской эскадры и на зафрахтованныхъ пароходахъ были перевезены въ Таку 4 и 5 іюня: 9-ый Вост. Сиб. стрѣлковый полкъ, полубатарея 2-ой батареи Вост. Сиб. стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона, полубатарея пулеметовъ и 3-я сотня 1-го Верхнеудинскаго полка.

Всего подъ начальствомъ генерала Стесселя было: 1596 штыковъ, 4 орудія, 4 пулемета и 47 казаковъ. Отрядъ прибылъ въ Таку 6 іюня. Въ тотъ же день въ Таку были высажены 2 германскихъ роты 3-го морского батальона изъ Кіачау: 550 нижнихъ

чиновъ англійской морской пѣхоты изъ Вэйхайвэя; 200 американцевъ и 100 японцевъ.

7 іюня около 7 часовъ утра въ Тонку благополучно прискакали казаки съ донесеніями отъ полковника Анисимова изъ Тяньцзина.

Въ тотъ же день генералъ Стессель отправилъ въ Тяньцзинъ подъ командою полковника Савицкаго, временно командовавшаго 9-мъ полкомъ, соединенный отрядъ, состоявшій изъ 4-ой, 5-ой роты и части 8-ой роты 9-го полка, изъ 130 американцевъ съ 2 орудіями, всего 589 штыковъ. Около половины пути отрядъ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Далѣе путь былъ разрушенъ и союзники пошли вдоль полотна въ походномъ порядкѣ, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тяньцзина попались въ засаду. Они были неожиданно окружены съ трехъ сторонъ китайцами, которые засѣли въ рощѣ и стали обстрѣливать ихъ жестокимъ огнемъ. Восточный арсеналъ около Тяньцзина также направилъ по нимъ свои орудія. Союзники принуждены были отступить. Американцы бросили 1 орудіе и 2 убитыхъ солдатъ, тѣла которыхъ были схвачены и изуродованы китайцами. У русскихъ былъ убитъ 1 [illegible] локъ и 6 ранено.

Эта схватка союзниковъ съ китайцами была замѣчена англичанами съ ихъ муниципальной башни въ Тяньцзинѣ. Объ этомъ они сейчасъ же донесли Анисимову, который выслалъ на развѣдку казаковъ. Какъ уже извѣстно казаки не могли пробиться къ Савицкому и вернулись въ Тяньцзинъ съ ранеными и убитыми.

9 іюня генералъ Стессель рѣшилъ самъ двинуться со всѣмъ отрядомъ на освобожденіе Анисимова и Тяньцзина. Къ русскимъ присоединились англичане, германцы, американцы, японцы и итальянцы въ количествѣ 900 чел. Полъ-пути было сдѣлано по желѣзной дорогѣ, затѣмъ русскіе и германцы двинулись походомъ, занимая правый флангъ, остальные союзники шли на лѣвомъ.

Однако китайскія войска, бѣжавшія изъ Таку и прибывшія изъ Бэйтана, Лутая и Тяньцзина, рѣшили оказать самое упорное сопротивленіе, чтобы не допустить союзниковъ до соединенія съ международнымъ отрядомъ, осажденнымъ въ Тяньцзинѣ. Пули и гранаты встрѣчали союзниковъ изъ каждой китайской деревни, которая имъ попадалась по пути и которую имъ приходилось брать съ боя. Всѣ деревни, бывшія по пути отъ Тонку до Тяньцзина были союзниками выжжены и уничтожены. Весь лѣвый берегъ Пэйхо, изобиловавшій до сихъ поръ деревнями, полями и огородами, былъ обращенъ въ пустыню.

Упорный огонь китайцы открыли по союзникамъ возлѣ станціи Цзюньлянчэнъ. Германцы, которые шли рядомъ съ русскими подъ командою браваго маіора Криста, дрались какъ львы и выказали себя истинными боевыми товарищами. Русскихъ было убито 7 и ранено 36. У германцевъ убитъ лейтенантъ Фридрихъ, убито 7, ранено 25.

Здѣсь же въ Цзюньлянчэнѣ къ отряду присоединились капитанъ Гембицкій и поручикъ Воздвиженскій, которые съ 3-ей ротой 12-го полка и однимъ французскимъ орудіемъ, окруженные китайцами, цѣлую недѣлю продержались на этой станціи, отрѣзанные и отъ Тяньцзина и отъ Тонку.

10 іюня въ 3 часа дня соединенный отрядъ генерала Стесселя соединился съ отрядомъ полковника Анисимова. Европейцы, осажденные въ Тяньцзинѣ, были такимъ образомъ освобождены и получили возможность выѣхать изъ Тяньцзинскихъ концессій.

Всего въ международномъ отрядѣ генерала Стесселя, при движеніи на Тяньцзинъ, союзники потеряли 224 человѣка ранеными и убитыми. Генералъ Стессель со всѣмъ отрядомъ, къ которому былъ присоединенъ и отрядъ полковника Анисимова, расположился лагеремъ внѣ города, на лѣвомъ берегу рѣки Пэйхо, за городскимъ валомъ, на ровномъ открытомъ сухомъ и здоровомъ мѣстѣ. Когда въ лагерь стали долетать гранаты съ китайскихъ позицій, лагерь былъ нѣсколько передвинутъ. Но отъ китайскихъ пуль, которыя летали отовсюду изъ предмѣстій Тяньцзина и сосѣднихъ деревень, трудно было уберечься. Отъ Пэйхо и сетльмента лагерь былъ въ одной верстѣ, а отъ ближайшихъ китайскихъ позицій въ 2—3 верстахъ.

10 іюня въ Тонку прибылъ 10-ый Вост. Сиб. стрѣлк. полкъ, 3-я батарея Вост. Сиб. стрѣлк. артил. дивизіона и роты англійскихъ полковъ: Вэйхайвэйскаго, Гонконгскаго и Валлійскіе стрѣлки.

Когда людей 10-го полка на баржахъ перевозили по рѣкѣ Пэйхо въ Тонку, не обошлось безъ крушенія. На крутомъ поворотѣ рѣки буксируемая баржа сильнымъ теченіемъ рѣки была отброшена въ сторону и ударилась о „Корейца“. Получивъ пробоину, баржа стала быстро тонуть. Люди и лошади спаслись вплавь, но нѣсколько патронныхъ ящиковъ и околъ полутораста винтовокъ затонуло. Одна рота 10-го полка оказалась, благодаря этому происшествію, обезоруженной и была оставлена въ Тонку до тѣхъ поръ, пока не получила оружіе отъ убитыхъ и выбывшихъ изъ строя стрѣлковъ.

Къ 11 іюня въ Тяньцзинѣ собралось всѣхъ союзныхъ силъ: 5300 чел. пѣхоты, изъ нихъ 2819 чел. русскихъ, 157 челов. конницы и 33 орудія: одно осадное, 10 полевыхъ и 22 пулемета и мелкаго калибра.

Всего же въ Тонку къ этому времени было высажено: русскихъ—сухопутныхъ 3500, матросовъ 235; японцевъ—сухопутныхъ 1050, матросовъ 600; германцевъ 1340, англичанъ 570, французовъ 420, американцевъ 335, итальянцевъ 138 и австрійцевъ 26.

Перевозка десанта.

Включая гарнизонъ Тяньцзина въ 1800 чел.—всего въ распоряженіи союзниковъ было отъ устья Пэйхо до Тяньцзина 9100 чел.

11 іюня въ Тяньцзинѣ было получено письмо отъ адмирала Сеймура, сообщавшаго, что онъ осажденъ китайцами въ арсеналѣ Сику, въ трехъ верстахъ отъ Тяньцзина. Письмо было принесено китайцемъ христіаниномъ. Въ тотъ же день генералъ Стессель отправилъ на выручку Сеймура и его экспедиціи соединенный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ширинскаго. Отрядъ состоялъ изъ 880 русскихъ (2-ой и 8-ой роты 9-го полка, 1-ой и 7-ой роты 12-го полка), 800 англичанъ, 120 американцевъ, 100 германцевъ, 50 французовъ и 50 японцевъ, при 3 пулеметахъ капитана Муравскаго.

Отрядъ выступилъ ночью. Велъ отрядъ китаецъ, доставившій письмо Сеймура. Китайскія войска, послѣ недавнихъ неудачъ, не [illegible] боя и допустили безпрепятственное соединеніе [illegible], которые встрѣтились на другой день въ 9 час. утра, съ [illegible] бурныхъ и радостныхъ кликахъ ура.

[illegible] день перевозили раненыхъ на другую сторону [illegible] орудія, ружья и огнестрѣльные и всякіе за[illegible] дились въ арсеналѣ Сику.

13 іюня, въ 3 часа ночи, соединенный отрядъ Сеймура и Ширинскаго вернулся благополучно въ Тяньцзинъ. Русскія войска выстроились передъ своимъ лагеремъ и криками ура встрѣчали храбрую экспедицію Сеймура и его печальное шествіе изъ 238 носилокъ съ ранеными.

„Наваринъ".

Экспедиція адмирала Сеймура

13 Іюня

Опять раны и муки... Опять вереницы носилокъ съ измученными ранеными, которыхъ только что подъ палящимъ солнцемъ, въ клубахъ пыли, принесли и частью привезли на двуколкахъ въ Тяньцзинъ.

Это возвращался храбрый отрядъ адмирала Сеймура, которому удалось пробиться почти до половины пути между Тяньцзиномъ и Пекиномъ, но пришлось отступить подъ напоромъ несмѣтныхъ полчищъ боксеровъ и китайскихъ регулярныхъ войскъ. Отрядъ Сеймура, состоявшій изъ 2300 ч. соединенныхъ международныхъ силъ, предполагалъ исправить желѣзнодорожный путь и сдѣлать военную прогулку до Пекина. Силамъ боксеровъ не придавали значенія, а возможности столкновенія съ регулярными войсками никто въ отрядѣ не вѣрилъ.

Въ субботу 27-го мая отправилась на присоединеніе къ отряду Сеймура первая русская партія — рота въ 100 человѣкъ съ крейсера 1-го ранга „Россія", подъ командою лейтенанта Заботкина.

29 мая отправился второй отрядъ въ 212 человѣкъ матросовъ съ судовъ „Наварринъ", „Адмиралъ Корниловъ", „Петропавловскъ" и „Дмитрій Донской", при 2 орудіяхъ съ „Россіи". Изъ офицеровъ при отрядѣ были мичмана: Зельгеймъ, Кехли, Кнорринъ, Пелль и докторъ Островскій. Командиромъ русскаго отряда былъ назначенъ старшій офицеръ кр. „Россія" кап. 2-го ранга Чагинъ. Лейтенантъ Бурхановскій отъ станціи Янцунь вернулся обратно въ Тяньцзинъ.

Во французскій госпиталь принесли 23 матроса и 4 офицеровъ. Мичмана: Кехли—тяжолая рана пулею въ голову и въ глазъ.

Зельгеймъ—въ обѣ ноги, Заботкинъ—въ лѣвую ногу и Пелль—въ правую руку. У всѣхъ, кромѣ мичмана Кехли, раны неопасныя.

Нашимъ морякамъ пришлось двѣ недѣли провести въ самыхъ тяжолыхъ условіяхъ боевого похода, проживая часы, дни и ночи подъ градомъ пуль и гранатъ, валяясь въ пыли и грязи, оставаясь иногда безъ воды и горячей пищи цѣлые дни. Иногда койкой для раненыхъ служилъ ровъ или канава, а покрываломъ облако пыли.

Русскій морской десантъ, вышедшій изъ Тяньцзина 29 мая, нагналъ весь отрядъ Сеймура у станціи Лофа. Для того, чтобы поддерживать сообщеніе съ Тяньцзиномъ и охранять линію отъ разрушенія, на станціи Лофа былъ оставленъ англійскій гарнизонъ въ 30 человѣкъ. Такъ какъ станція была сожжена боксерами, то англичане укрѣпили станціонный сарай и сдѣлали на немъ грозную надпись „Фортъ Эндиміонъ“, по имени англійскаго корабля.

Исправляя путь и понемногу подвигаясь дальше, отрядъ дошелъ до станціи Ланфанъ. Здѣсь нѣмцы поставили свой „Фортъ Гефіонъ“, также по имени своего корабля.

1 іюня отрядъ былъ въ $3^1/_2$ миляхъ отъ Ланфана. Желѣзнодорожный путь далѣе былъ совершенно испорченъ. Не было видно и слѣда рельсъ и шпалъ, которыя были выворочены, сожжены или разбросаны. Насколько хватало зрѣнія, полотно желѣзной дороги представляло одну проѣзжую дорогу.

Въ этотъ день произошолъ печальный случай съ итальянцами. Во время исправленія пути поѣздъ охранялся 4 итальянскими пикетами, выставленными въ полѣ. Ихэтуанцы все время преслѣдовали поѣздъ, но держались на приличномъ отдаленіи. Когда поѣздъ двинулся обратно, то по непростительной оплошности англичанъ, управлявшихъ поѣздомъ, этотъ итальянскій пикетъ былъ забытъ. Толпища боксеровъ набросились на пикетъ и въ нѣсколько мгновеній на глазахъ всѣхъ одинъ офицеръ и четверо итальянскихъ матросовъ были зарѣзаны, прежде чѣмъ успѣли ихъ выручить. Ихъ тѣла были боксерами обезображены. Такой успѣхъ придалъ дерзости китайцамъ. Разсказывали такой случай.

Всѣхъ поѣздовъ въ распоряженіи соединеннаго отряда было 4. Одинъ занимали англичане. Другой русскіе и нѣмцы, которые во время похода вообще держались вмѣстѣ. Третій поѣздъ—французы и японцы. Четвертый остальные: американцы, итальянцы и австрійцы. Локомотивы (всѣхъ ихъ было 4) ходили съ платформами по обоимъ направленіямъ и поддерживали сообщеніе между

различными пунктами желѣзной дороги. Одинъ поѣздъ остался на станціи, другіе отошли. Мятежники, предположивъ вѣроятно, что поѣздъ брошенъ европейцами, сейчасъ же бросились на вагоны. Ихъ встрѣтилъ дождь пуль и около 150 китайцевъ полегло на мѣстѣ, другіе бѣжали. Оставшіеся флаги, пики, ружья и сабли были подобраны европейцами, преимущественно англичанами — большими любителями этихъ рѣдкостей.

1 іюня неожиданно пришла изъ Лофа дрезина съ англичанами, которые донесли своему адмиралу, что фортъ Эндиміонъ окруженъ 2000 боксеровъ. Гарнизонъ, имѣя только 2 митральезы, не можетъ справиться съ непріятелемъ и проситъ подкрѣпленія

Городъ Янцунь.

Адмиралъ Сеймуръ остался очень недоволенъ малодушіемъ этого гарнизона, тѣмъ не менѣе отправился съ отрядомъ своихъ войскъ, съ русскими и французами. Произошла стычка съ китайцами, которые очень скоро разсѣялись. Было ранено только 2 англичанина.

2-го іюня главныя силы находились у Ланфана и исправляли путь. Нѣмцы очень хорошо укрѣпили свой фортъ Гефіонъ. Они исправили каменную станцію и на вышку поставили пушку. Съ вышки всѣ окрестности были видны на далекое разстояніе. Въ этотъ день весь англійскій гарнизонъ станціи Лофа поспѣшно пріѣхалъ на Ланфанъ и донесъ, что Лофа снова окружена нѣсколькими тысячами боксеровъ и находится въ крайней опасности Адмиралъ

Участники Сеймуровской экспедиціи:
Капитанъ 2 р. Чагинъ, мичмана: Зельгеймъ, Кехли, Пелль и Заботкинъ.

Сеймуръ приказалъ ему немедленно возвращаться обратно и охранять станцію. Англійскій гарнизонъ вернулся обратно.

3-го іюня адмиралъ Сеймуръ съ англійскимъ десантомъ отступилъ къ Лофа. Русскіе и другіе союзники остались въ Ланфанѣ. Положеніе десантовъ опасное.

4-го іюня. Въ этотъ день со стороны Пекина первый разъ показались китайскія регулярныя войска, со знаменами и значками. Въ послѣдній разъ китайскія войска были встрѣчены возлѣ станціи Янцунь. Это были войска генерала Нѣ Ши Чэна. Теперь, по

всей вѣроятности, возлѣ станціи Ланфана показался авангардъ китайскихъ войскъ, находящихся подъ командованіемъ генерала Дунъ Фу Сяна, славящагося своею жестокостью и ненавистью къ европейцамъ. Его войска состоятъ большею частью изъ китайцевъ—магометанъ, настроенныхъ крайне фанатично и враждебно къ иностранцамъ. Русскіе и нѣмцы произвели развѣдку. Численность войскъ нельзя было установить. Приблизившись на разстояніе выстрѣла къ европейскимъ отрядамъ, посланнымъ на развѣдку, китайская кавалерія начала стрѣлять по европейцамъ, но нѣсколькихъ залповъ со стороны русскихъ и нѣмцевъ было достаточно, чтобы китайская кавалерія повернулась вспять и бѣжала.

Встрѣча съ китайскимъ авангардомъ, который сразу открылъ враждебныя дѣйствія, не предвѣщала ничего успокоительнаго въ будущемъ. Можно было предполагать, что китайцы рѣшили не пропускать европейскаго десанта далѣе и желаютъ оказать возможное сопротивленіе.

Десантъ принялъ мѣры къ тому, чтобы усилить посты, что между прочимъ привело къ печальному случаю. Ночью, въ темнотѣ, русскій часовой замѣтилъ подозрительнаго субъекта. На окликъ часового подозрительный чорный субъектъ ничего не отвѣтилъ, но сталъ приближаться еще ближе къ поѣзду. Полагая, что это китайскій боксеръ, за которымъ могутъ показаться полчища боксеровъ, часовой поднялъ тревогу. Изъ вагоновъ выскочили русскіе и нѣмцы и стали во мракѣ стрѣлять другъ въ друга. Англичане начали стрѣлять изъ оконъ. Въ результатѣ оказалось нѣсколько русскихъ и нѣмцевъ, раненыхъ англичанами, а подозрительный чорный субъектъ оказался китайской собакой. Никакихъ боксеровъ не было.

Когда союзный отрядъ пришолъ въ Ланфанъ, къ нему явился китаецъ-христіанинъ, отправленный посланниками изъ Пекина, которые сообщали, что пекинское населеніе и императорскія войска, во главѣ съ генераломъ Дунъ Фу Сяномъ, дѣлаютъ враждебныя приготовленія и рѣшили не допустить въ столицу иностранныхъ войскъ. Чиновникъ японскаго посольства Сугіяма звѣрски убитъ солдатами Дунъ Фу Сяна, во время своей поѣздки за городъ, за то что не хотѣлъ исполнить требованія солдатъ не выѣзжать изъ городскихъ воротъ. Студенты миссій подверглись нападенію толпы и едва спаслись съ помощью револьверовъ. Хотя китайское правительство согласилось допустить въ стѣны Пекина 1500 человѣкъ иностранныхъ войскъ, однако, въ дѣйствительности, оно поступаетъ совершенно наоборотъ. Среди китайцевъ носятся слухи, будто старая

богдыханша издала приказы боксерамъ разрушить посольства и уничтожить всѣхъ иностранцевъ. Миссіонерскія школы, трибуна скачекъ, нѣкоторыя зданія иностранцевъ уже разграблены и сожжены, а китайцы, прислуживавшіе иностранцамъ и крещонные были жестоко замучены и убиты. Днемъ для общаго разрушенія всѣхъ посольствъ было назначено 3 іюня.

Получивъ такія отчаянныя извѣстія о положеніи иностранцевъ въ Пекинѣ, адмиралъ Сеймуръ рѣшилъ сдѣлать нечеловѣческія усилія, чтобы возстановить желѣзнодорожное сообщеніе съ китайской осажденной столицей. Однако, онъ не зналъ, что въ тылу его отряда происходятъ событія, не менѣе опасныя. Тяньцзинъ уже былъ окружонъ двадцатью тысячами боксеровъ и регулярныхъ богдыханскихъ войскъ, благодаря чему для Сеймура и его отважнаго отряда безпрепятственный путь отступленія и сообщенія съ международной эскадрой уже давно былъ отрѣзанъ. Вмѣсто того, чтобы подумать о необходимости возвращенія, Сеймуровскій отрядъ рѣшительно, но безумно стремился впередъ вдоль полотна желѣзной дороги, которая спереди и позади отряда упорно разрушалась и сожигалась боксерами.

Работы по возстановленію пути шли крайне медленно и почти не подвигались. Въ день исправляли не болѣе 1—2 верстъ. Огнестрѣльные запасы ежедневно истощались. Сперва ѣли консервы и пили кипячоную воду. Потомъ стали пить сырую воду, какую только могли найти, и ѣсть куръ и свиней, которыхъ подбирали въ окрестныхъ деревняхъ. Но такъ какъ боксеры начали выжигать всѣ деревни вдоль желѣзной дороги, то скоро участники похода стали недоѣдать и голодать, мучась отъ зноя, пыли и вѣтра и находясь въ постоянной тревогѣ изъ-за непрекращающихся нападеній боксеровъ.

Случайно-ли или по волѣ судьбы, 5-е іюня оказалось очень труднымъ днемъ какъ для отряда Сеймура, такъ и для 12-го полка въ Тяньцзинѣ. Въ понедѣльникъ 5-го іюня 12-й полкъ понесъ самыя большія потери, и въ этотъ же день экспедиція Сеймура имѣла первое серьезное дѣло съ китайскими регулярными войсками. Съ утра русскіе и нѣмцы отправились въ окружныя деревни за фуражомъ. Всѣ китайскія хатки были покинуты. Мирное трудолюбивое населеніе разбѣжалось въ болѣе спокойныя мѣста, страшась неистовства ихэтуанцевъ и нашествія иноземцевъ. Въ этотъ день прибылъ поѣздъ, на которомъ было получено донесеніе, что обратный путь къ Тяньцзину, исправленный англичанами, снова разру-

серовъ, а регулярная война съ регулярными инструктированными китайскими войсками, которыя не уступали союзнымъ войскамъ по качеству вооруженія и богатству огнестрѣльныхъ припасовъ.

Докторъ Островскій.

Вовторыхъ, этотъ походъ доказалъ, что при умѣломъ управленіи и тактѣ такого начальника, какимъ былъ англійскій адмиралъ Сеймуръ, при взаимномъ довѣріи и взаимной поддержкѣ, пестрый отрядъ изъ 8 націй — англичанъ, русскихъ, германцевъ, французовъ, американцевъ, японцевъ, итальянцевъ и австрійцевъ— можетъ прекрасно выполнить общее дѣло. Сперва искали лавровъ спасителей иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ. Но скоро убѣдились, что не только эта цѣль не достижима, но приходится заботиться о своихъ собственныхъ жизняхъ. Тогда у всѣхъ была только одна цѣль—не бросать раненыхъ, спасать ихъ и благополучно добраться до Тяньцзина. Подъ пулями и осколками гранатъ, въ носилкахъ, на баржахъ или на двуколкахъ, 238 раненыхъ были привезены и принесены въ Тяньцзинъ.

Когда союзники взяли арсеналъ Сику и заперлись въ немъ съ 200 раненыхъ, безъ провіанта и перевязочныхъ средствъ, не имѣя никакого сообщенія съ Тяньцзиномъ и оставаясь въ полной неизвѣстности относительно окружающей обстановки и будущаго, всѣ почувствовали упадокъ силъ и духа. Ночное нападеніе китайцевъ, пытавшихся отбить свой арсеналъ, еще болѣе заставило союзниковъ сознать свое безвыходное положеніе. Общею радостью была находка перевязочныхъ средствъ и инструментовъ и огромныхъ запасовъ риса, который давалъ возможность не умереть по крайней мѣрѣ съ голоду. Несмотря на эти тяжолыя условія, между всѣми союзниками царило полное единодушіе, взаимная коректность и услужливость. Долгъ въ отношеніи раненыхъ былъ всѣми выполненъ свято.

Наконецъ, эта экспедиція еще разъ доказала, что русскіе моряки могутъ быть такими-же молодцами на сушѣ, какими они

Восточный арсеналъ

14 Іюня

Въ двухъ верстахъ отъ русскаго лагеря на сѣверовостокъ былъ былъ расположенъ Тяньцзинскій восточный арсеналъ. Это цѣлый вооружонный городъ, имѣвшій въ окружности около пяти верстъ, окружонный земляным валомъ трехсаженной высоты съ валгангомъ и брустверомъ. Вдоль южнаго фаса идетъ вязкій ровъ, наполненный водою, шириною до 30 саженъ, глубиною въ 5 футовъ. Въ сѣверномъ Китаѣ это былъ главный арсеналъ, снабжонный различными мастерскими и заводами для изготовленія всевозможнаго оружія, огнестрѣльныхъ припасовъ, а также для чеканки китайской мѣдной и серебряной монеты.

Такъ какъ арсеналъ продолжалъ тревожить Тяньцзинъ и союзниковъ своими орудіями и снабжалъ боевыми припасами китайскія войска, то генералъ Стессель призналъ необходимымъ немедленно же приступить къ штурму арсенала. Всѣ союзники обѣщали принять участіе въ общемъ штурмѣ. Диспозиція боя была составлена генераломъ Стесселемъ и начальникомъ его штаба, подполковникомъ Илинскимъ. Всей операціей руководилъ генералъ Стессель.

Въ пять часовъ утра 6-ая сотня Ловцова отправилась на рекогносцировку арсенала, но была встрѣчена такимъ огнемъ, что отступила. Полковникъ Бемъ съ 1-ой, 2-ой и 5-ой ротой 9-го полка и пулеметамц продолжалъ развѣдку вокругъ арсенала.

Въ 9 часовъ утра генералъ Стессель рѣшилъ штурмовать арсеналъ всѣми союзными силами, которыя были раздѣлены на 3 колонны.

Противъ труднѣйшаго южнаго фаса, отрѣзаннаго рвомъ, была
ая колонна Анисимова, состоявшая изъ 1-ой, 8-ой и
го полка; 5-ой, 7-ой и 8-ой роты 10-го полка; 6-ой
400 американцевъ, германцевъ и японцевъ.

[illegible] орудіями. [illegible] состоявшая изъ [illegible] двухъ герман- [illegible]

[illegible] колонна, состо- [illegible] Бейхайвэйскаго [illegible]

[illegible] 12-го полка. [illegible] Чагина. [illegible]

[illegible] прикрытіемъ насыпи [illegible] огонь и завязали бой. [illegible] очень нерѣши- [illegible] стягивались къ [illegible]

[illegible] свой арсеналъ, и на- [illegible] страшнымъ взрывомъ и ве- [illegible] надъ арсеналомъ. [illegible] взорвалъ большой [illegible]

[illegible] и впечатлѣніемъ. Стес- [illegible] временно перейти [illegible] 2000 китайцевъ по- [illegible] Тяньцзина и, чтобы [illegible] произвести контръ-атаку [illegible]

[illegible] на нашъ крайній правый флангъ [illegible] стараясь приблизиться къ про- [illegible] Анисимовъ Полторацкому.

Полторацкій, какъ онъ потомъ разсказывалъ—пошолъ со своей ротой, прикрываясь насыпью желѣзной дороги.

Замолкали пули, поднимая пыль. Рванула граната. Капитанъ Полторацкій все держитъ свое направленіе и идетъ. Значокъ роты онъ напѣнилъ на длинную трость изъ гаоляна, чтобы Анисимовъ видѣлъ, гдѣ его 7-ая рота.

Открыли огонь и по орудійной прислугѣ и по защитникамъ вала. Жарко и отъ солнца и отъ пуль.

Подбѣгаетъ наша полурота, подбѣгаютъ нѣмцы, англичане и французы. Скачетъ казакъ съ запиской: „Безъ приказанія не подвигаться дальше. Анисимовъ".

Скачетъ самъ Анисимовъ и кричитъ Полторацкому:

— Съ Богомъ! Горнистъ, атаку!

Полторацкій поднялъ свои взводы, которые лежали въ цѣпи, по копаннымъ ими ямкамъ. Скорымъ мелкимъ шагомъ 7-ая рота побѣжала по ровному открытому полю, къ арсенальному валу. Свистъ адскій. Стали падать люди... Полторацкій выхватилъ шашку.

Капитанъ Полторацкій.

„Ура!“... добѣжали до вала, повалились, чтобы закрыться отъ пуль... Глядь! а впереди еще ровъ съ водой, а настоящій валъ дальше. Передохнули. Полторацкій хлебнулъ чаю изъ походной бутылки, вскочилъ, обѣжалъ людей. Видитъ: его люди ничего, могутъ. Крикнулъ: „Цѣпь впередъ!“ и самъ прыгнулъ въ воду...

Всѣ стрѣлки какъ одинъ захлопали по водѣ за своимъ командиромъ, кто по поясъ, кто меньше. Вязко. Пули брызгаютъ по водѣ. Двухъ свалило.

Слава Богу, вылѣзли на валъ! но у командира и у его стрѣлковъ сапоги завязли въ тинѣ. Не выдержали китайцы и бросились бѣжать. Полторацкій безъ сапогъ со стрѣлками вдоль вала за ними! Китайцы наводятъ пушку на нашихъ. Наши залпъ!... Китайцы повалились, другіе бѣгутъ. Слава Богу! пушка не успѣла выстрѣлить. Наши, мимо пушки, добѣжали до во-

Докладъ губернаторовъ Южнаго Китая

ъ то время, какъ Сѣверъ Китая былъ потрясенъ возстаніемъ боксеровъ и нашествіемъ иностранныхъ войскъ, вицекороли ернаторы Южнаго Китая и долины рѣки Янцзыцзяна при- необходимымъ успокоить ввѣренныя имъ области изданіемъ лѣдующаго доклада, который былъ ими по телеграфу по- ъть на ступени богдыханскаго трона 9-го іюня.

окладъ подписали: главный императорскій комиссаръ Янцзы- — Ли Бинъ Хэнъ; вицекороль обоихъ Цзяновъ (провинцій у и Цзянси) — Ліу Кунъ И; вицекороль обоихъ Ху (Ху- Хунань Чжанъ Чжи Дунъ; губернаторъ въ Цзянсу—Лу ь Линъ; губернаторъ въ Аньху—Ванъ Чжи Чунь; губер- ь въ Цзянси—Сунъ Шоу; губернаторъ въ Хубэй—Юй Инъ губернаторъ въ Хунань—Юй Лѣнъ Сань.

окладъ гласилъ: „Телеграммы изъ разныхъ странъ показы- , что жестокія убійства, совершаемыя ихэтуанцами, безъ нія призовутъ мщеніе на Китай. Если ихэтуанцы не будутъ же уничтожены, то, конечно, державы будутъ озлоблены. ы, которые даетъ Японія, доказываютъ, что если это будетъ ено скоро, то еще есть время.

Мы глубоко огорчены извѣстіями, что столица въ опасности. ываясь своими чудесами, ихэтуанцы подстрекаютъ народъ единиться къ нимъ и возстать противъ правительства. Въ вительности всѣ ихъ домогательства безсмысленны, такъ какъ ожно сопротивляться огнестрѣльному оружію. Общества по- го рода были воспрещены еще въ 13-мъ году правленія им- ора Цзя Цинъ (1796—1809). Если бы, дѣйствительно, они патріотическимъ народомъ Чжилійской провинціи, то почему- хъ предводитель Ли Лай Чунь происходитъ изъ провинціи дока[illegible], что они только мятежники, которые

б

раторскіе указы и вмѣсто того, чтобы

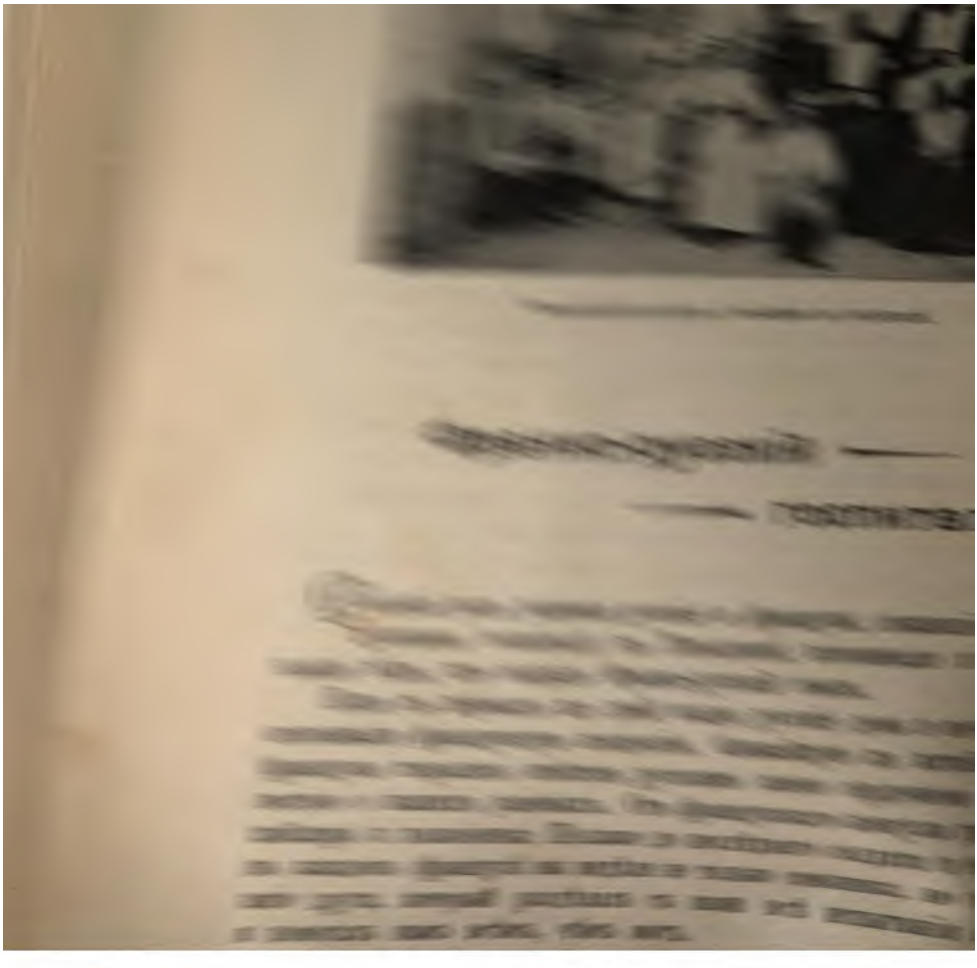
сетльмента. Многіе изъ нихъ были убиты. Конечно, они никогда не могли противостоять огнестрѣльному оружію и гранатамъ. Эта безоружная необученная и безпорядочная толпа не можетъ ни одного мгновенія держаться передъ иностранными войсками.

„Поэтому мы всепокорно молимъ Ваши Величества, вдовствующую императрицу и императора, принять къ сердцу интересы Имперіи и великодушно рѣшиться на то, что справедливо, не взирая на безсмысленныя рѣчи недостойныхъ людей. Необходимо немедленно издать указы, налагающіе строжайшія наказанія, повелѣвающіе преслѣдовать ихэтуанцевъ и воспрещающіе императорскимъ войскамъ производить дальнѣйшія смуты. Необходимо освободить отъ безпокойствъ живущихъ въ посольствахъ и извѣстить ихъ, что правительство не имѣетъ мысли поддерживать эти смуты. Необходимо увѣдомить ихъ, что Ли Хунъ Чжану поручено уладить это дѣло съ соотвѣтствующими правительствами и потребовать отъ нихъ, чтобъ враждебныя дѣйствія были остановлены. Тогда будетъ возможно обратить силы на ихэтуанцевъ и уничтожить ихъ.

„Мы также молимъ, чтобы императорскіе указы были по телеграфу сообщены китайскимъ посланникамъ въ разныя государства съ извиненіями по поводу происшедшихъ смутъ. Пусть будетъ извѣстно, что будетъ дано самое большое удовлетвореніе за убійство японскаго чиновника. Затѣмъ необходимо издать указы, извѣщающіе народъ, что правительство беретъ на себя всю отвѣтственность за безопасность жизни и собственности иностранцевъ. Необходимо повелѣть властямъ по всей Имперіи принять строжайшія мѣры къ охранѣ иностранныхъ купцовъ и миссіонеровъ. Это можетъ успокоить гнѣвъ иностранныхъ державъ. Тогда только мы будемъ въ состояніи снова направить дѣла государства по хорошему пути. Въ настоящее время государство находится на краю величайшей гибели, и промедленіе въ нѣсколько дней можетъ произвести крушеніе всей Имперіи. Тогда будетъ слишкомъ поздно. Вслѣдствіе этого всѣ мы крайне потрясены и устрашены.

„Докладъ представленъ соединенными докладчиками, которые всѣ держатся одного мнѣнія и съ величайшимъ благоговѣніемъ и всепокорностью молятъ, чтобы ихъ докладъ удостоился получить Ваше Высочайшее утвержденіе безъ замедленія“.

Докладъ былъ посланъ въ Пекинъ командующему войсками Чжилійской провинціи генералу Юнъ Лу съ просьбою, чтобы онъ [illegible] въ докладъ богдыхану, а отвѣтъ сообщилъ докладчикамъ.



Улица передъ Франко-русскимъ госпиталемъ.
(Слѣва ворота госпиталя. Русскій фельдшеръ и французъ—часовой).

русскими солдатами, всегда старались угодить малѣйшей ихъ прихоти, и чтобы лучше понимать солдатъ братья и сестры стали учить употребительнѣйшія русскія слова.

Монахи разыскивали по опустошонному городу для раненыхъ всевозможные консервы, сласти, папиросы, посуду, бѣлье, одѣяла, матрацы и цыновки.

Такъ какъ по уставу монастыря ни братья, ни сестры не могутъ присутствовать при операціяхъ, то незамѣнимымъ помощникомъ нашихъ врачей при ихъ операціяхъ была добровольная сестра милосердія Люси Пюи-Мутрэйль. Пяти полковыхъ фельдшеровъ, которые всѣ были ранены и поправлялись, было конечно недостаточно для 200—300 раненыхъ и больныхъ, одновременно

Католическіе миссіонеры.

лежавшихъ въ госпиталѣ, хотя эти фельдшера были самыми усердными и исполнительными работниками. Остальные фельдшера были оставлены на бивакѣ для подачи первоначальной медицинской помощи.

По прибытіи въ Тяньцзинъ отряда генерала Стесселя, въ нашъ госпиталь поступила также сестра милосердія Анастасія Янченко, ившаяся своимъ трудолюбіемъ. Затѣмъ къ врачебному перъединилась добровольная сестра г-жа Воронова, супруга ронова, съ замѣчательною заботливостью ухаживавшая

... второй этажъ
... и монастыр-
... въ мона-
... предъ
... рядомъ и об-
... монастырь Ма-
... непосред-
... которое выхо-

... и просты-
... прищоной при-
... и безукориз-

... учились у
... ними и, чтобы
... болѣзней, ранъ
... достать въ

... озабоченный и

... ему — онъ все
... папиросъ, но онъ
...

... то ковыляя

... солдатикъ, у кото-
... отнята по плечо.

... кашу съ мя-
... И папиросы
... сардиночку — очень

... лицо солдатика, на
... мнѣ жалко
... ужасовъ войны, подъ
... только одного,
... минуту счастливымъ — сардиночки.
Монахъ принесъ ему цѣлую коробку сардинокъ.

Докторъ Куковѣровъ.

Русскій докторъ

Докторъ Куковѣровъ, про котораго друзья говорили, что хотя онъ „малъ ростомъ, но великъ способностями“, былъ во Франко-русскомъ госпиталѣ „нашимъ маленькимъ Пироговымъ“ и его равно цѣнили какъ русскіе, такъ и французы.

Окончивъ въ 1894 году Военно-Медицинскую Академію, Куковѣровъ служилъ въ Одесскомъ военномъ округѣ и работалъ въ Одессѣ подъ руководствомъ извѣстнаго дѣятеля Турецкой кампаніи консультанта доктора Духновскаго. Въ 1899 году онъ былъ командированъ въ Квантунскую область на чуму. Когда начались военныя дѣйствія, онъ былъ назначенъ полевымъ хирургомъ въ отрядѣ генерала Стесселя и по прибытіи отряда въ Тяньцзинъ оперировалъ во Франко-русскомъ госпиталѣ.

И французскіе и русскіе врачи работали въ госпиталѣ съ одинаковымъ усердіемъ и самопожертвованіемъ, но Куковѣровъ поражалъ всѣхъ удивительной быстротой своей работы, неутомимостью
іемъ приспособляться ко всякой обстановкѣ, при которой
производить операціи и дѣлать перевязки. Своимъ
ъ ножомъ онъ работалъ также быстро, мѣтко и увѣ-

...операцій.

...шей был... сестра Анастасія ...рядъ генерала Стес-...

...в... ...альными зданіями. ...межд... ...ченко было про-...что платье у... ...двору.

...она...

Шальныя китайскія пули носились всюду, залетали въ улицы, сады, дворы, окна и двери. Китайцы-христіане, которые въ числѣ около 2000 человѣкъ толпились загнанные и запуганные въ монастырскихъ флигеляхъ и подвалахъ, нерѣдко попадали подъ эти случайныя пули и осколки шрапнели. Ихъ тоже приходилось перевязывать, хотя врачи госпиталя едва поспѣвали перевязывать всѣхъ раненыхъ солдатъ.

Въ госпиталь приносили раненыхъ всякихъ національностей— русскихъ, французовъ, германцевъ, американцевъ, японцевъ и аннамитовъ.

Послѣ одной жестокой перестрѣлки на вокзалѣ въ нашъ госпиталь сразу принесли нѣсколько раненыхъ японцевъ. Между ними былъ тяжело раненый офицеръ, который сейчасъ же скончался.

Раненый китайскій ребенокъ (оторвана нога).

Для японцевъ отвели отдѣльное чистое зданіе. Выложили полъ цыновками, одѣялами, матрацами. Наши доктора сейчасъ же перевязали раненыхъ. Нѣкоторые изъ японцевъ казались совер- ми мальчиками. Лица у нихъ отъ боли кривились въ мучи- гримасу. Они корчились, но геройски переносили боли и ихъ не проронилъ ни вопля, ни стона. Только ихъ ые ихъ принесли, сморщивъ брови и закусивъ смотрѣли на своихъ раненыхъ земляковъ имъ, чѣмъ могли.

[illegible] раненыхъ въ нашемъ госпи-
ренн[illegible] [illegible] еще не готовъ. Они очень
все[illegible] [illegible] раненые японцы [illegible]
[illegible] на другой или на третій день [illegible]
со[illegible] [illegible] отряда очень благодарятъ за ра-
[illegible] [illegible] ихъ въ японскій госпиталь.
[illegible] [illegible] прислугой при французскихъ [illegible]
[illegible] [illegible], прибывшихъ въ Тимыцзянъ. Они
[illegible] [illegible] въ родѣ абажуровъ, съ какой
[illegible] [illegible] на затылкѣ. Это были старательные [illegible]

[illegible] [illegible] раненаго товарища.

[illegible] [illegible] они больше походили на женщинъ, чѣмъ на мущинъ, [illegible] своимъ женственнымъ лицамъ, лишеннымъ всякой ра-[illegible] [illegible] всѣхъ возрастовъ. Чорные волосы, закрученные въ [illegible] [illegible] выраженіе узкихъ глазъ, мелкая и мягкая походка [illegible] [illegible] еще болѣе женственными. Они съ трудомъ переносили [illegible] [illegible] больше всѣхъ и имъ трудно было помочь, такъ [illegible] [illegible] въ госпиталѣ не зналъ ихъ языка.

Французы тоже плохо переносили раны и не умѣли скрывать [illegible] [illegible] во время перевязокъ и операцій. Самыми крѣп-[illegible] [illegible] были русскіе солдат[illegible] [illegible]торые переносили [illegible] [illegible] хлороформа и толь[illegible] [illegible] и кряхтѣли.

[illegible], американцы и германцы [illegible] особый гос-

италь, устроенный въ Гордонъ-Голлѣ. У насъ въ госпиталѣ ле-алъ только одинъ бѣдный, никому невѣдомый американецъ сред-ихъ лѣтъ, который былъ раненъ осколкомъ гранаты въ голову, ъ то время какъ шолъ по улицѣ. Большею частью онъ былъ въ олусознаніи, туго поправлялся и отъ него мы могли только узнать, то онъ по своимъ комерческимъ дѣламъ недавно пріѣхалъ въ Тяньцзинъ, потерялъ своихъ товарищей, былъ раненъ на улицѣ его соотечественники почему-то забыли о немъ и даже не приняли ъ свой госпиталь, вѣроятно, за недостаткомъ мѣста.

Нѣсколько удачныхъ перевязокъ Куковѣрова поправили его.

Раненые американцы и японцы

Среди друзей

Н[illegible] [illegible] «[illegible]». Все время, пока существова[illegible] Франко-русскій [illegible] лазаретъ, что продолжалось ро[illegible] [illegible], отношенія между русскими и французскими врачами, меж[illegible] сестрами, [illegible] и ранеными разныхъ національностей бы[illegible] неизмѣнно дружественными, сердечными и доброжелательными. Н[illegible] одно облачко не омрачило этихъ отношеній и Франко-русскій го[illegible] спиталь въ [illegible] [illegible] полное право быть названъ одним[illegible] изъ самыхъ свѣтлыхъ и отрадныхъ воспоминаній минувше[illegible] кампаніи.

Врачи обѣихъ націй, сестры и нижніе чины наперерывъ старалис[illegible] услужить другъ другу и раненымъ и я не помню ни одной просьбы, которая не была бы исполнена, и ни одной услуги, которая не была бы оказана.

Къ 6 часамъ вечера, когда надъ [illegible] затихала канонада, врачи, выздоравливающіе офицеры, сестра [illegible] и сестра [illegible] по окончаніи работы въ операціонной, [illegible] дружной компаніей обѣдать на верхней верандѣ госпита[illegible] [illegible] стеклянными стѣнами

веранды были подбиты пулями, но это было наиболѣе удобное мѣсто въ госпиталѣ, въ которомъ можно было передохнуть отъ грохота бомбардировки и криковъ и стоновъ раненыхъ.

Какъ весело было на нашей верандѣ, въ которую бились сочныя зеленыя вѣтви акацій, тополей и плюща, когда китайцы уставали стрѣлять и ихъ гранаты не пугали города! Шампанское, любезно доставленное французомъ Филиппо, шумѣло въ стаканахъ и давало поводъ компаніи лишній разъ провозгласить тостъ за франко-русскую дружбу и за защитниковъ Тяньцзина.

Когда французскій офицеръ въ тропическомъ шлемѣ, обтянутомъ синимъ чехломъ, въ легкомъ синемъ костюмѣ съ золотыми пуговицами и золотыми нашивками на плечахъ и рукавахъ, или русскій офицеръ съ загорѣлымъ запыленнымъ лицомъ, въ перепачканномъ кителѣ и большихъ измятыхъ сапогахъ, приходили къ намъ въ госпиталь съ позицій, прямо съ перестрѣлки, принося послѣднія боевыя новости,—мы сейчасъ же звали ихъ на веранду, усаживали за столъ и прежде всего требовали выпить за „alliance franco-russe". Раздавались радостныя восклицанія „vive la France", слѣдовали крѣпкія рукопожатія и пили „брудершафтъ".

Сестра Люси учила русскія слова и однажды спросила нашихъ офицеровъ, какой самый любимый русскій романсъ, на что тѣ отвѣтили:

— Захочу полюблю—
Захочу разлюблю.

Узнавъ значеніе этихъ словъ, сестра Люси замѣтила:

— Это очень дурно, что русскіе такъ непостоянны въ своихъ чувствахъ.

Офицеры отвѣтили:

— Зато мы всегда искренни, а въ симпатіяхъ къ французамъ неизмѣнны.

Входитъ китаецъ-слуга, крещоный и выросшій при госпиталѣ, и на правильномъ французскомъ языкѣ докладываетъ:

— Г. докторъ, къ намъ принесли раненыхъ.

Доктора и сестры бросаютъ обѣдъ и идутъ въ операціонную.

Иногда заразъ приносили человѣкъ по десяти раненыхъ, въ самомъ ужасномъ видѣ. Тогда сразу на трехъ столахъ въ опера- комнатѣ, служившихъ въ церкви козлами для гробовъ, дружная работа врачей.

къ намъ принесли пять французовъ, раненыхъ осколпнели. Они разсказывали, что кучкой человѣкъ въ

десять шли въ городѣ по набережной за провизіей. Надъ ними разорвалась шрапнель. Ея осколками одинъ былъ смертельно раненъ въ горло, другой въ руку, третій въ ногу, четвертый убитъ въ грудь, у пятаго были накрестъ раздроблены рука и нога.

Этому пятому предстояла ампутація одновременно руки и ноги. Онъ то кричалъ, то весело разсказывалъ о своемъ несчастіи. Повидимому онъ былъ сильный алкоголикъ, такъ какъ продолжалъ подъ хлороформомъ что-то говорить и пѣть французскія пѣсенки. Куковѣровъ ампутировалъ ему обѣ конечности. Французъ долго болѣлъ, такъ какъ былъ малокровенъ. Потомъ онъ сталъ поправляться и благодаря тому, что былъ раненъ накрестъ, началъ даже ходить съ костылемъ.

Въ другой разъ къ намъ принесли совсѣмъ молодого мертваго французскаго солдата безъ затылка. Полъ—черепа и мозги были сорваны осколкомъ гранаты. Черепная чашка была точно вымыта, кости бѣлѣли, но красивое лицо француза было удивительно спокойно.

Въ госпиталѣ не было своихъ инструментовъ и поэтому врачи пользовались полковыми инструментами старой системы. Хирургическіе ножи скоро притупились отъ множества произведенныхъ ими операцій, но наточить ихъ было негдѣ и врачи даже не знали, гдѣ можно было бы найти мастера, во время бомбардировки. Куковѣровъ былъ въ отчаяньи. Китайцы усилили канонаду, гранаты ежеминутно гудѣли надъ городомъ и каждую минуту мы ожидали новыхъ раненыхъ. Узнавъ о затрудненіи нашихъ врачей, сестра Люси забрала ящикъ съ инструментами и объявила, что она не вернется до тѣхъ поръ, пока инструменты не будутъ отточены. Мы стали уговаривать ее не рисковать жизнью и переждать, когда выстрѣлы успокоятся, тѣмъ болѣе что едва ли можно было найти охотника точить инструменты въ такіе тяжолые часы.

— Наши раненые не могутъ ждать! — отвѣтила она и, не обращая никакого вниманія на наши увѣщанія, скрылась въ улицѣ, грохотавшей отъ гранатъ, разбивавшихъ стѣны и крыши.

Черезъ часъ томительнаго ожиданія сестра Люси вернулась въ госпиталь, цѣлая и невредимая, въ сопровожденіи храбраго итальянца парикмахера, который имѣлъ свою мастерскую на берегу Пэйхо, пробитую гранатами. Эта удивительная женщина не только разыскала итальянца въ опустѣвшемъ городѣ, но даже сумѣла уговорить его прибыть въ госпиталь подъ гремѣвшими выстрѣлами, чтобы наточить всѣ инструменты, во имя помощи раненымъ.

Франко-русскіе врачи, монахи, сестры, фельдшера и раненые солдаты.
Внизу: врачи Бенедиктовъ и Падлевскій.

Ночь. Въ госпиталѣ тишина. Огни всѣ потушены. Измученные раненые и утомленные врачи—всѣ спятъ. Только чорныя тѣни съ огоньками скользятъ между палатами—это монахи обходятъ раненыхъ и подаютъ кому воды, кому поправляютъ койку.

Подъ сводами храма темно, какъ въ пещерѣ. Керосиновая лампа прикручена и освѣщаетъ только столъ, лежащіе на немъ бинты, марлю, вату и воду. Весь каменный полъ храма застланъ цыновками и одѣялами. Всюду лежатъ раненые русскіе, французы, аннамиты и японцы. Нѣтъ больше мѣста для другихъ раненыхъ. Кто можетъ—спитъ. Изъ ослабѣвшей страдальческой груди срывается стонъ и теряется во мракѣ и вышинѣ храма.

Въ саду тихо. Только слышенъ трепетъ листьевъ акаціи или плюща. Иногда шелеститъ и звенитъ залетѣвшая шальная пуля китайца. По временамъ доносится монотонное жужжаніе, точно похоронное пѣніе. Такъ молятся китайцы-христіане, которые сотнями собраны въ сосѣднихъ подвалахъ и флигеляхъ, мущины отдѣльно отъ женщинъ. Стоя на колѣняхъ или лежа плашмя на жосткомъ холодномъ полу въ грубой и бѣдной одеждѣ старики, старухи и дѣти, покорные волѣ Небеснаго Владыки, молятся только о томъ, чтобы Онъ далъ имъ умереть вмѣстѣ съ ихъ учителями христіанами и всѣхъ ихъ переселилъ въ Свое блаженное небо.

Неистовый крикъ заставилъ всѣхъ спавшихъ въ госпиталѣ встрепенуться. Кто-то кричалъ отчаянно, упорно, изо всѣхъ силъ.

Докторъ Куковѣровъ, спавшій какъ и всѣ врачи полуодѣтый, вскочилъ съ постели, захватилъ пузырекъ съ морфіемъ и побѣжалъ на крикъ.

Кричалъ одинъ несчастный солдатъ, которому недавно ампутировали всю ногу. Въ тотъ день его перевязывали и дали выпить стакана два шампанскаго, такъ какъ онъ былъ очень малокровенъ и худосоченъ. Вѣроятно страданія и вино подѣйствовали на его разсудокъ и онъ сталъ орать какъ помѣшаный, выпяливъ глаза и довольный, что его крикъ привелъ къ нему его мучителя—доктора, сестру Люси и монаховъ и произвелъ такой переполохъ. Чѣмъ больше его успокаивали, тѣмъ сильнѣе онъ кричалъ и разбудилъ всѣхъ раненыхъ.

Куковѣровъ вспрыснулъ ему въ бокъ морфія, но солдатъ не успокаивался. Докторъ разсердился

— Да пусть себѣ кричитъ.

Всѣ ушли. Тяжелораненые

вочный крикъ. Въ комнатѣ у солдата осталась только сестра Люси. Она сѣла на кровать, обняла голову безногаго солдата и начала успокаивать его пофранцузски. Затѣмъ она стала повторять тѣ немногія русскія слова, которыя знала:

— Да? Нѣтъ? Хорошо! хорошо! Папа! Мама!

Дикій солдатъ, можетъ быть никогда еще не знавшій ни одного женскаго привѣта, заслушался этихъ волшебныхъ словъ, которыя вѣяли на него чѣмъ то роднымъ и знакомымъ, глядѣлъ въ упоръ своими сумашедшими глазами на добрыя глаза сестры, успокоился, замолкъ и уснулъ.

Женская ласка оказалась сильнѣе морфія. Дикость русскаго солдата сдалась передъ нѣжностью изысканной парижанки, которая была быть можетъ первой и послѣдней женщиной, приласкавшей безногаго.

Тяньцзинъ.
(Видъ съ Китайскаго форта).

Мѣткія гранаты

Когда пули стали слишкомъ часто попадать въ стѣны и окна госпиталя и на стеклянной верандѣ, гдѣ мы обѣдали, было побито нѣсколько стеколъ, такъ что опасно было оставаться во второмъ этажѣ.—мы перебрались въ первый этажъ, гдѣ спали и обѣдали. Наверху продолжали жить обѣ безстрашныя сестры Люси и Яниченко, признававшія судьбу и не признававшія ни китайскихъ пуль, ни китайцевъ.

Въ воскресенье 25 іюня, около 11 час. утра, когда врачи сидѣли въ одной изъ нижнихъ комнатъ за завтракомъ, я поднялся наверхъ на веранду, чтобы найти свой тропическій шлемъ.

Въ этотъ день китайцы усилили канонаду по французской концессіи и нѣсколько гранатъ прожужжали надъ госпиталемъ. Наверху непріятно было оставаться. На стѣнахъ и на полу видны были зазубрины отъ пуль, пробившихъ окна и залетѣвшихъ въ комнаты.

Не найдя шлема, я поспѣшилъ спуститься внизъ на крыльцо, выходившее на дворъ, но услышалъ взрывъ и почувствовалъ сотрясеніе воздуха. Что-то на меня сверху посыпалось и попадало. Я естественно схватился за голову.

Прислуга, монахини и врачи повыскакали изъ госпиталя. Всѣ были въ переполохѣ:

— Что случилось? Куда попало? — воскликнули на разныхъ языкахъ.

Китайскій снарядъ попалъ въ одну изъ комнатъ второго этажа. Изъ пробоины выбивались клубы дыма.

Мичманъ Глазенапъ, бывшій случайно въ госпиталѣ, и другіе
болѣе храбрые му[illegible] узнать, что го-
рить. Желая бы[illegible] другими.
Граната пробил[illegible] гра-

ната разорвалась. Осколки стали и кирпича поломали и разрушили все что было по пути: желѣзныя постели, умывальники, шкапы, зеркала, двери, пробили полъ третьей комнаты, проникли въ нижній этажъ и на веранду. Всѣ комнаты были наполнены удушливыми сѣрнистыми газами. Къ счастью ничто не горѣло. Все было покрыто сѣрою пылью. Подъ обломками я, наконецъ, нашолъ мой пробковый шлемъ, который прекрасно выдержалъ дѣйствіе китайской гранаты.

Мы знали, что китайцы любили стрѣлять по одному направленію и со страхомъ ждали второй гранаты. Она не замедлила и ударила во второй этажъ дома монахинь, въ ихъ спальню.

Мы бросились къ монахиннямъ. Третій ударъ былъ еще ниже и ближе. Граната залетѣла въ кладовую съ припасами и разорвалась въ монастырской столовой. Изъ открытыхъ оконъ валилъ дымъ.

Монахи и монахини въ ужасѣ и отчаяніи столпились на крыльцѣ, не зная что дѣлать, и ждали каждую секунду новаго удара. Кто застылъ какъ былъ, кто крестился, кто крѣпко уцѣпился обѣими руками за сосѣда. Старшая монахиня плакала и кричала:

— Боже мой! Боже мой! Въ нашей столовой стоятъ Святые Дары! Спасите ихъ кто-нибудь! Мы не можемъ допустить, чтобы они были разрушены...

Но у кого хватитъ мужества идти навстрѣчу четвертой гранатѣ?.. Да имѣетъ ли право простой смертный прикоснуться къ этой святынѣ?..

Пока эти мысли мелькали въ моей головѣ, Глазенапъ, недолго думая, бросился въ облака дыма и газовъ, наполнившихъ столовую, и вынесъ дарохранительницу, которая была сейчасъ же принята монахами и унесена въ ихъ монастырь.

Четвертая граната ударилась о крышу операціонной комнаты и разорвавшись разбила уголъ комнаты, въ которой Куковѣровъ и другіе врачи дѣлали перевязки солдатамъ. Всѣ вздрогнули, но никто не бросилъ своей работы. Всѣ остались на своихъ мѣстахъ и продолжали перевязки.

Осколки снарядовъ пробили два госпитальныхъ флигеля. Раненые были осыпаны пылью и обломками кирпича и только чудомъ спаслись отъ смерти или увѣчья.

Ни одна изъ монахинь не находилась въ своей спальнѣ въ то время, когда тамъ рвались гранаты. Только сестра Іоанна, утомленная ночного дежурства, прилегла заснуть. Лишь только спустилась по лѣстницѣ, осколокъ разорвавшейся ея постель.

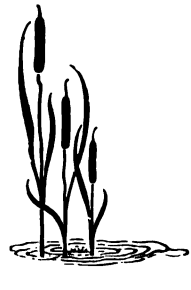
Еще одна граната прогудѣла надъ нами, но она только скользнула по куполу храма. Слѣдующій снарядъ пролетѣлъ еще дальше. Слава Богу! китайцы перемѣнили направленіе.

Мы, наконецъ, могли перевести духъ. Спальня, кладовая и столовая монахинь были завалены обломками, осколками, пылью и охвачены дымомъ, но огня, къ счастью, нигдѣ не было. Никто не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

Всѣ врачи были настолько удручены этимъ событіемъ, что рѣшили немедленно перенести госпиталь въ другое зданіе, въ мѣсто. болѣе удаленное отъ китайскихъ выстрѣловъ. Узнавъ о намѣреніи врачей, М. Д. Батуевъ самъ явился къ нимъ на помощь и немедленно предложилъ свой домъ и всѣ свои флигеля подъ госпиталь. Его дома были расположены на англійской концессіи въ одной верстѣ отъ Франко-русскаго госпиталя.

Всѣ поблагодарили Батуева, и на другой же день вечеромъ раненые были перенесены на новое мѣсто. Врачи поселились вмѣстѣ съ ранеными, а монахи и монахини ежедневно приходили къ нимъ, ухаживали за ними и приносили пищу, которая попрежнему готовилась въ монастырской кухнѣ.

Въ госпиталѣ осталось только нѣсколько тяжелораненыхъ, на выздоровленіе которыхъ не было никакой надежды.



Перерывъ

Послѣ взятія союзными силами Восточнаго арсенала, въ военныхъ дѣйствіяхъ вокругъ Тяньцзина наступилъ нѣкоторый перерывъ.

Китайцы продолжали обстрѣливать нашъ бивакъ, вокзалъ и онцессіи. Союзники отвѣчали отдѣльными вылазками, развѣдками нападеніями, но это были случайныя дѣйствія безъ общаго опре-ѣленнаго плана и связи. Еже-невно въ Тяньцзинъ прибывали овые международные отряды, но-ые запасы оружія и продоволь-твія и въ Тяньцзинѣ уже были со-раны значительныя союзныя силы.

Врачъ Віолинъ.

Всѣ наши войска расположи-ись лагеремъ внѣ города, частью ли на заставахъ, а часть ихъ раняла Восточный арсеналъ. На-олько опасно было сообщеніе жду отдѣльными нашими ча-ми показываетъ случай съ вра-ъ 9-го полка Віолинымъ, ко-й 19-го іюня съ фельдшеромъ умя стрѣлками шолъ изъ ла-въ городъ. Изъ китайскихъ овъ, бывшихъ по пути, въ было сдѣлано нѣсколько вы-въ. Одной пулей докторъ раненъ въ ногу на вылетъ. была прострѣлена.

-го іюня 6 орудій нашей 2-й батареи открыли огонь по батареѣ, вновь выстроенной китайцами у Лутайскаго ы отвѣчали изъ 6 дальнобойныхъ 97 мил. орудій.

Чтобы очистить китайскую деревню Гаочэнъ, расположенную передъ вокзаломъ и своими выстрѣлами тревожившую наши заставы и патрули, капитанъ 10-го полка Ярославъ Горскій съ 7-й ротой сдѣлалъ свой поискъ. Китайскіе солдаты, скрывавшіеся въ деревнѣ, встрѣтили ихъ пулями, но деревню бросили. Въ 7-ой ротѣ 10 стрѣлковъ было ранено, 2 убито. На нашей батареѣ было ранено 6 артиллеристовъ. 1 наше орудіе подбито.

Чтобы поддержать насъ, японцы поставили на вокзалѣ 4 орудія. Возлѣ нихъ стало 1 англійское 12-ти фунтовое орудіе и 1 французское. Всѣ орудія стали обстрѣливать китайскую батарею. У

Перевозка раненыхъ по Пэйхо.

японцевъ убитъ одинъ офицеръ, убито и ранено 25 солдатъ. У англичанъ подбито орудіе и ранено 2. У французовъ ранено 3.

21 іюня изъ Франко-русскаго госпиталя былъ отправленъ подъ надзоромъ врачей первый транспортъ русскихъ и французскихъ раненыхъ солдатъ, которыхъ повезли въ баржахъ по рѣкѣ Пэйхо до Тонку. Оттуда русскіе раненые доставлялись на пароходахъ въ Портъ-Артуръ.

Сколько радости было у тѣхъ солдатъ, которыхъ, наконецъ, увозили изъ Тяньцзина отъ этихъ пуль, гранатъ, операціонныхъ столовъ и страданій, и сколько зависти у остающихся!

Чтобы обезопасить западный фасъ концессій, наши союзники поставили на городскомъ валу 6 англійскихъ 12-фунтовыхъ, 6 французскихъ полевыхъ мелинитовыхъ и 6 японскихъ орудій.

Между всѣми русскими, союзными и китайскими батареями ежедневно происходило артиллерійское состязаніе. Въ союзные госпиталя каждый день приносили раненыхъ.

22 іюня командиръ 10-го полка полковникъ Антюковъ произвелъ усиленную рекогносцировку китайской позиціи на Лутайскомъ каналѣ. Подъ его командою было 373 штыка (6-ая рота 9-го полка и 5-ая рота 10-го полка), капитанъ Санниковъ съ саперами, 8 орудій 2-ой батареи и 40 казаковъ Ловцова. 8 орудій капитана Громова имѣли дѣло съ 16 китайскими орудіями, разставленными вдоль канала, и вызвавъ ихъ на бой, открыли ихъ расположеніе. Потеряли 2 стрѣлковъ.

23-го іюня произошло славное дѣло смѣлаго мичмана Глазенапа, 6 матросовъ и 17 хлѣбопековъ. Въ этотъ день на крайней заставѣ, охранявшей французскую концессію со стороны китайскаго города, находилась одна наша морская пушка, при ней 6 нашихъ матросовъ и около 30 французовъ. Подъ прикрытіемъ барикады изъ тюковъ хлопка, французы и русскіе наблюдали за противоположнымъ берегомъ Пэйхо, гдѣ, прячась за бунтами соли, китайцы выслѣживали нашихъ часовыхъ и то и дѣло стрѣляли по нимъ. Кромѣ того застава наблюдала за полуобгорѣвшимъ, полуразрушеннымъ китайскимъ городомъ, который далеко тянулся по обоимъ берегамъ рѣки. Какъ истинные союзники, русскіе матросы и французскіе солдаты пріятельски бесѣдовали, показывали и объясняли свои ружья и угощали другъ друга хлѣбомъ, сухарями и водой. Во время бесѣды неожиданно упалъ одинъ французъ, раненый выстрѣломъ. Въ китайскомъ городѣ показались густые ряды китайскихъ солдатъ, конныхъ и пѣшихъ, которые смѣло шли по берегу и, повидимому, хотѣли ворваться на французскую концессію. Всѣ французы бросились въ свои казармы, чтобы дать знать объ опасности. При нашемъ орудіи остался только комендоръ Зубаревъ и 6 матросовъ.

Наши матросы не струхнули. Сейчасъ же навели пушку по китайцамъ и встрѣтили ихъ ядрами. Китайцы продолжали надвигаться и отвѣчали ружейнымъ огнемъ. Начальникъ заставы мичманъ Глазенапъ, который находился въ сосѣднемъ домѣ, услышавъ выстрѣлы и узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ выдвинуть противъ китайцевъ еще одно морское десантное орудіе и послать за полковыми хлѣбопеками, которые пекли хлѣбъ для русскаго отряда и были единственной русской подмогой въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Завѣдующій хлѣбопекарней поручикъ тотчасъ поскакалъ въ нашъ

Мичманъ Глазенапъ.

лагерь съ донесеніемъ о томъ, что его хлѣбопекарня и весь Тяньцзинъ въ величайшей опасности.

17 хлѣбопековъ, бросивъ тѣсто и муку, схватили винтовки и побѣжали на заставу. Здѣсь уже геройствовалъ Глазенапъ. Одно орудіе онъ направилъ вдоль рѣки, другое повернулъ въ улицу. Граната за гранатой вылетали изъ нашихъ пушекъ. Выѣхало на берегъ одно китайское орудіе, но прежде чѣмъ оно успѣло произвести выстрѣлъ, Глазенапъ встрѣтилъ китайскую прислугу при орудіи такой шрапнелью, что орудіе поспѣшно удалилось. Прибѣжали 10 японцевъ и вмѣстѣ съ нашими хлѣбопеками стали усердно стрѣлять изъ ружей. Вернулись французы съ офицеромъ и тоже начали стрѣлять. Китайцы все высыпали впередъ, но попали подъ такой дружный и мѣткій огонь русскихъ, японцевъ и французовъ, которыхъ поддержалъ американскій пулеметъ, что раздумали, повернули и ушли въ китайскій городъ. Скоро изъ лагеря пришла на помощь одна рота 12-го полка, но китайцы уже отступили. Въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ у насъ было ранено 3 матроса и 1 хлѣбопекъ.

Но китайцы на этомъ не успокоились. Одинъ китайскій офицеръ поражалъ своей безумной смѣлостью. Верхомъ на лошади, съ нѣсколькими китайскими солдатами онъ незамѣтно прокрался между соляными бунтами и наскочилъ на русскихъ стрѣлковъ, стоявшихъ часовыми у моста. Наши матросы, бывшіе по сю сторону рѣки, увидавъ китайцевъ, сейчасъ же бросились выручать товарищей. Китайскій офицеръ, имѣвшій парадную кофту и шляпу съ павлиньимъ перомъ, и всѣ его вѣрные солдаты были убиты пулями. Хотѣлъ ли этотъ отважный офицеръ поджечь мостъ, соединявшій вокзалъ съ концессіями; хотѣлъ ли онъ уничтожить заставу или узнать численность и расположеніе нашихъ заставъ—неизвѣстно.

Въ самое тяжелое время осады, съ 4-го по 12 іюня, нашъ отрядъ понесъ слѣдующія потери:

12-ый полкъ—убито 4 офицера, ранено 7, убито 33 солдата, ранено 117.

9-ый полкъ—убито 17 солдатъ, ранено 43.

2-ая батарея—ранено 19 солдатъ, убито 5 лошадей, ранено 19.

6-ая сотня—ранено 2 офицера, убито 6 казаковъ, ранено 9, убито 5 лошадей, ранено 7.

Ранено 2 сапера.

Съ 12 по 24 іюня потери русскаго отряда были слѣдующія.

Въ разныхъ частяхъ убито 9 нижнихъ чиновъ, ранено 98: Ранено 2 врача. Убитъ 1 офицеръ: подпоручикъ Гусевъ 5-го Вост. Сиб. стрѣлк. полка, прикомандированный къ Читинскому казачьему полку и смертельно раненый 21 іюня при рекогносцировкѣ китайскихъ укрѣпленій на правомъ берегу Пэйхо, въ 25 верстахъ отъ Таку, въ перестрѣлкѣ съ китайцами.

Подпоручикъ Поповъ 12-го полка, который былъ тяжело раненъ въ горло на вылетъ, долгое время былъ между жизнью и смертью, но къ счастью поправился.

Домой—на родину.

Пріѣздъ адмирала Алексѣева

Прибывъ изъ Портъ-Артура на броненосцѣ „Петропавловскъ“, 24-го іюня, въ 6 ч. утра, вице-адмиралъ Алексѣевъ покинулъ яхтѣ со своимъ штабомъ Тонку и выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Тяньцзинъ. Машинистами были тогда американцы. Общее завѣдываніе дорогой принадлежало подполковнику Самойлову, подъ чьимъ наблюденіемъ рота желѣзнодорожнаго батальона исправила 30 верстъ пути въ 12 дней. Работать приходилось подъ огнемъ непріятельскихъ орудій. Къ 1-му іюля Тяньцзинская дорога была исправлена на всемъ протяженіи и перешла въ распоряженіе русскихъ.

Американцы первые начали исправленіе линіи, разрушенной боксерами, и распоряжались также подвижнымъ составомъ. Такъ какъ возстановленіе пути продолжали русскіе, то завѣдываніе дорогой постепенно перешло къ намъ.

Такое положеніе вещей было закрѣплено адмираломъ Алексѣевымъ. По его приказанію, полковникъ Вогакъ вошолъ въ соглашеніе объ окончательной передачѣ линіи съ командиромъ американскаго судна „Монокаси“, завѣдывавшимъ линіей. Впослѣдствіе это соглашеніе о передачѣ желѣзной дороги въ вѣдѣніе Россіи было подтверждено всѣми адмиралами союзной эскадры.

Когда прибыли къ станціи Цзюньлянчэнъ, находящейся на полпути между Тонку и Тяньцзиномъ, адмиралъ вышелъ изъ поѣзда, чтобы осмотрѣть франко-русскую заставу, которая охраняла мостъ. При заставѣ находился французскій офицеръ съ 10 матросами и 2 скорострѣльными орудіями.

Такъ какъ начиная отъ Цзюньлянчэна далѣе путь еще не былъ въ исправности, то адмиралъ Алексѣевъ и свита пересѣли на коней. Впередъ были высланы дозоры. Восемь верстъ было сдѣлано верхомъ. Въ этой части пути легко было подвергнуться нападенію китайскихъ регулярныхъ войскъ. Поэтому отрядъ охранялся

конвоемъ казаковъ и вдоль всей желѣзной дороги поставлены были посты отъ 10-го В.-С. Стрѣлковаго полка. По пути встрѣтились французскія и японскія войска, шедшія въ Тяньцзинъ. Наконецъ, послѣ 8 верстъ пути, желѣзная дорога оказалась снова въ порядкѣ. Былъ поданъ поѣздъ съ платформами. Адмиралъ и свита сѣли въ поѣздъ. Казаки на лошадяхъ поскакали рядомъ съ поѣздомъ, который шолъ малымъ ходомъ. Несмотря на походъ, казацкія лошади были точно выхолены и прекрасно держались поѣзда. Наконецъ, около 12 ч. дня поѣздъ подошолъ къ русскому лагерю, расположившемуся между Тяньцзиномъ и Восточнымъ, нынѣ Русскимъ арсеналомъ.

Адмиралъ былъ встрѣченъ начальникомъ Печилійскаго отряда генераломъ Стесселемъ со штабомъ и сейчасъ-же объѣхалъ весь лагерь. Войска выстроились у своихъ стоянокъ. Адмиралъ здоровался отдѣльно съ каждою частью, благодарилъ офицеровъ и солдатъ за вѣрную службу и передалъ содержаніе Высочайшей телеграммы: Государь Императоръ, соболѣзнуя о потеряхъ, радуется успѣхамъ русскихъ войскъ, которыя остались вѣрны своимъ преданіямъ и своей храбрости. Адмиралъ особенно благодарилъ 12-й Вост.-Сиб. Стрѣлковый полкъ, которому первому пришлось вынести на себѣ осаду Тяньцзина.

Затѣмъ генералъ Стессель предложилъ гостямъ спартанскій завтракъ, состоявшій изъ чая, огурцовъ и чорнаго хлѣба. Послѣ завтрака адмиралъ перешолъ въ свою палатку, уютно, насколько было возможно, обставленную заботливостью офицеровъ. Палатка была убрана трофеями изъ взятаго нами Восточнаго арсенала. Въ тотъ-же день 24-го іюня вечеромъ, адмиралъ, въ сопровожденіи штаба и конвоя, сдѣлалъ визитъ вице-адмиралу Сеймуру, который отвѣтилъ визитомъ на другой день.

Кромѣ того адмиралъ сдѣлалъ визитъ французскому консулу графу Дюшэйляру, который оказался истиннымъ другомъ русскихъ и съ первыхъ же дней прибытія русскаго отряда оказалъ ему цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ услугъ.

Адмиралу не замедлилъ сдѣлать визитъ начальникъ японскаго экспедиціоннаго отряда генералъ-маіоръ Фукушима, которому адмиралъ отвѣтилъ визитомъ на другой день. Остальные начальники отрядовъ также являлись въ разное время.

Адмиралъ Алексѣевъ установилъ самыя дружественныя отношенія съ японскими командирами, которые встрѣчали полное содѣйствіе со стороны русскихъ и неоднократно являлись къ рус-

скому адмиралу для военныхъ совѣщаній. Весьма характерно то, что вскорѣ послѣ пріѣзда адмирала Алексѣева англійскій адмиралъ Сеймуръ пожелалъ вернуться на свою эскадру, и общее руководство военными дѣйствіями союзниковъ естественно и окончательно перешло къ русскому адмиралу.

До прибытія адмирала Алексѣева, Тяньцзинъ уже три недѣли, съ перерывами въ нѣсколько дней, бомбардировался китайцами. Всѣ европейскіе отряды несли большія потери. Болѣе всего пострадали русскія войска. Около 200 раненыхъ русскихъ лежало уже во Франко-русскомъ госпиталѣ. А между тѣмъ по полученнымъ свѣдѣніямъ, китайскія войска прибывали. Изъ Шанхайгуаня пришолъ отрядъ китайскихъ войскъ генерала Сунъ Цина, въ которомъ насчитывалось, какъ говорили, около 5,000 человѣкъ. Съ войсками генерала Нѣ это составляло 10,000.

Между тѣмъ, у европейскихъ отрядовъ не было ни общаго руководителя, ни общаго плана дѣйствій. Всѣ начальники были согласны въ томъ, что нужно какъ можно скорѣе освободить Тяньцзинъ и выручить посланниковъ въ Пекинѣ, но какъ повести это дѣло, что предпринять прежде всего, какъ атаковать китайскіе форты и полевыя батареи и какъ прогнать китайскія войска и боксеровъ—подобные вопросы висѣли въ раскаленномъ тяньцзинскомъ воздухѣ безъ разрѣшенія.

Всѣ иностранцы были одного мнѣнія, что возможно скорѣе всѣ европейскія и японскія войска должны быть объединены подъ однимъ общимъ руководствомъ для согласныхъ дѣйствій, такъ какъ продолжающееся разногласіе можетъ имѣть весьма печальный исходъ. Отдѣльныя европейскія военныя части выходили въ честной бой, ради отваги, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ иностранцами и показать свою храбрость. Такимъ полемъ, на которомъ испытывались союзныя силы, была главнымъ образомъ равнина передъ вокзаломъ, все время находившаяся подъ жестокимъ огнемъ пуль и гранатъ.

Насколько было неудобно отсутствіе единой руководящей власти—видно изъ слѣдующаго случая. Со времени прибытія европейскихъ отрядовъ въ Тяньцзинъ, начальники ихъ дѣйствовали вначалѣ сообща съ консулами. Англійскій консулъ, вмѣшиваясь во всѣ дѣйствія военныхъ, воспротивился тому, чтобы европейцы бомбардировали китайскій городъ, въ то время какъ китайцы изъ своего города открыли правильную и упорную канонаду по европейскимъ концессіямъ. Такъ продолжалось съ 4 по 9 іюня. Китайцы бом-

Адмиралъ Алексѣевъ и его полевой штабъ въ 1900 г

полковника Ширинскаго, выручаютъ отрядъ адмирала Сеймура, осажденный въ арсеналѣ Сику.

Съ прибытіемъ адмирала Алексѣева въ Тяньцзинъ, согласно старшинству и особенной авторитетности личности русскаго адмирала, къ нему перешло общее руководство союзными войсками, которыхъ къ тому времени въ Тяньцзинѣ насчитывалось около 13,000. Къ русскимъ тѣмъ самымъ перешла честь быть во главѣ союзнаго дѣла восьми державъ, которое къ тому времени уже начало было идти въ разбродъ.

Послѣ того какъ адмиралъ Алексѣевъ переговорилъ лично съ командирами главнѣйшихъ отрядовъ, дальнѣйшіе переговоры, по указаніямъ адмирала, велъ съ разными союзными военноначальниками состоящій при немъ дипломатическій чиновникъ И. Я. Коростовецъ, который для этой цѣли видѣлся какъ съ начальниками международныхъ отрядовъ, такъ и съ другими лицами, бесѣда съ коими могла содѣйствовать успѣху общаго дѣла.

Большую пользу общимъ дѣйствіямъ союзниковъ принесло искусное участіе нашего военнаго агента полковника Вогака. Знаніе имъ мѣстныхъ условій и популярность среди иностранцевъ чрезвычайно облегчили ему роль посредника въ сношеніяхъ нашихъ съ союзниками.

На первыхъ же порахъ выяснилось, что наши союзники-французы и нѣмцы солидарны съ русскими и желаютъ дѣйствовать съ нами сообща во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Англичане, американцы и японцы, настраиваемые англичанами, относятся съ недовѣріемъ къ русскимъ, не хотятъ и боятся русскаго главенства и держатся въ сторонѣ отъ принимаемыхъ русскими военныхъ дѣйствій.

Предстояла трудная дипломатическая задача: разсѣять недовѣріе къ русскимъ, доказать, что русскій адмиралъ не ищетъ главенства и командованія союзными войсками, но—въ интересахъ самихъ-же союзниковъ, желаетъ примирить и согласовать несоюзныя и недружныя дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ, безъ чего будутъ только тратиться общія силы и время, а осада въ Тяньцзинѣ никогда не будетъ снята, безъ чего въ свою очередь не будетъ возможности начать походъ на Пекинъ.

Японцы (генералъ Фукушима, полковникъ Аоки) вполнѣ соглашались, что союзники должны дѣйствовать сообща и по одному общему выработанному плану. Но ихъ затруднялъ вопросъ объ общемъ командованіи. Посланникъ Като также находилъ, что сохраненіе согласія между союзниками является непремѣннымъ усло-

віемъ успѣшности ихъ дѣйствій, но что касается похода на Пекинъ, то онъ полагалъ, что для этой цѣли необходимо имѣть армію не менѣе какъ въ 25 тысячъ человѣкъ. Вообще онъ склонялся на сторону русскаго предложенія. Като долженъ былъ замѣнить японскаго посланника въ Пекинѣ, котораго считали погибшимъ.

Благоразумные японцы скоро согласились съ доводами русскихъ: они только настаивали на необходимости сохранить самостоятельное командованіе въ каждомъ отдѣльномъ международномъ отрядѣ, на что русскіе и не претендовали.

Потребовалось не мало усилій, чтобы убѣдить недовѣрчивыхъ англичанъ въ томъ, что отъ направленія дѣйствій всѣхъ союзныхъ отрядовъ къ одной общей цѣли, по иниціативѣ русскаго адмирала, престижъ другихъ союзныхъ командировъ нисколько не пострадаетъ и за ними сохранится полная независимость командованія въ предѣлахъ предоставленнаго имъ раіона. Интересы же всѣхъ союзниковъ (а особенно торговые интересы самихъ-же англичанъ и американцевъ) настоятельно требуютъ, чтобы безотлагательно была сдѣлана рѣшительная атака на китайскія войска, которыя стали уже получать подкрѣпленія съ сѣвера. Кромѣ того приближался періодъ дождей, что также могло задержать и даже пріостановить военныя дѣйствія. Нерѣшительность же союзниковъ дѣйствовала только ободряюще на китайскихъ солдатъ и боксеровъ, возстаніе которыхъ разгорѣлось уже по всему Сѣверному Китаю и могло перейти въ Южный. Но англичане всетаки не сдавались на русскія увѣщанія.

Благоразуміе, тактъ и авторитетъ русскаго адмирала, въ связи съ любезнымъ вниманіемъ, постоянно оказываемымъ имъ всѣмъ союзникамъ, несомнѣнно содѣйствовали успѣху переговоровъ.

Дѣлу помогли также японцы. Удача переговоровъ между русскими и японцами повліяла на неуступчивость англичанъ, которые, наконецъ, согласились принять участіе въ международной атакѣ на китайскія войска, назначенной въ ночь съ 27 на 28 іюня.

Тактическія подробности этого сраженія были разсмотрѣны союзными командирами и начальниками ихъ штабовъ въ полевомъ штабѣ адмирала Алексѣева, совмѣстно съ начальникомъ штаба полковникомъ Флугомъ.

За каждымъ отрядомъ сохранялось самостоятельное командованіе.

Разгромъ Тяньцзина.

Разгромъ

Пробывъ подъ ласковымъ кровомъ Франко-русскаго госпиталя три недѣли, я совершенно поправился отъ моего неожиданнаго столкновенія съ китайской, вѣрнѣе съ германской шрапнелью, отъ которой я отдѣлался такъ счастливо. Напутствуемый благословеніями и пожеланіями добрыхъ монахинь, весьма сожалѣвшихъ, что онѣ не успѣли обратить меня въ лоно своей спасительной вѣры, я перебрался въ гостиницу Astor-House.

Я не узналъ краснваго и щегольского Тяньцзина. Ни одно зданіе, ни одна вилла европейцевъ не была пощажена гранатою или огнемъ. Стѣны, крыши, окна, ограды — все было пробито или изсѣчено осколками снарядовъ, которые — какъ видно — пускались по всѣмъ направленіямъ и безъ счота. Богатые особняки комерсантовъ были брошены на произволъ. Въ однихъ домахъ были разрушены комнаты. Отъ другихъ домовъ остались одиѣ развалины. Кварталъ, непосредственно примыкавшій къ нашему госпиталю и заселенный китайцами, былъ сожженъ до тла по приказанію французскаго консула, который опасался поджога или нападенія боксеровъ съ этой стороны.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Стѣны [illegible] кучи мусора и [illegible] благородный Международный клубъ [illegible] прямо на улицу текли ручьи грязи [illegible] возмутительнаго вида. Въ этомъ саду расположился [illegible] индійскихъ сипаевъ, которые разводили здѣсь свои [illegible] готовили пищу, мыли бѣлье, играли на своихъ дудкахъ [illegible] натирались такимъ благовоннымъ масломъ, кото- [illegible] даже китайскія мухи и комары. А всю [illegible] наполнить такимъ вопіющимъ зловоніемъ, что [illegible] самый грязный китайскій кварталъ

Китаецъ, спасающій свою мать.

Нѣкоторые европейскіе магазины, подбитые гранатами, были заколочены, но въ другихъ хозяева не унывали и бойко торговали. Настойчивые торговцы, поселившись въ подвалахъ, воспользовались случаемъ и продавали союзнымъ солдатамъ консервы, табакъ и пиво. Въ виду исключительности положенія цѣны за продукты были также исключительныя.

Гостиница Astor-House была полна унынія. Большая часть ея жильцовъ поселилась въ нижнемъ этажѣ. Прислуги было всего два-три боя, такъ что джентльменамъ нужно было заботиться о себѣ самимъ. Всѣ правила этикета и тона были отброшены. Джентльмены сами подавали на столъ кушанья, которыя готовила жена управляющаго гостиницей. Порціи кушаній были прискорбно малыя, ввиду недостатка въ продовольствіи. Чтобы доставить гостямъ болѣе разнообразія въ яствахъ и удовольствія, приправа къ кушаньямъ считалась за блюдо и подавалась особо. Слишкомъ много давали овсяной каши и консервированныхъ ананасовъ.

Нѣсколько номеровъ въ гостиницѣ были повреждены гранатами. Въ моемъ номерѣ было разбито осколками окно, за которымъ я любилъ сидѣть и писать кореспонденціи. Башня надъ отелемъ была пробита ядрами.

По улицамъ мало кто ходилъ, такъ какъ гранаты и шрапнели продолжали сыпаться съ разныхъ сторонъ. Можно было встрѣтить только солдатъ или офицеровъ, командированныхъ съ какимъ-либо приказаніемъ. Всюду стояли часовые съ ружьями, охранявшіе ворота зданій, въ которыхъ размѣстились международные отряды. Всюду были выставлены свои флаги. Почти всѣ жители концессій, перенесшіе недѣльную осаду, выѣхали. Остались только наиболѣе храбрые и дѣловые.

Непріятнѣе всего было ходить по главной улицѣ Викторіи. Она тянулась вдоль рѣки Пэйхо и имѣла направленіе на китайскіе форты. Поэтому гранаты носились акуратно вдоль всей улицы.

Выйдя изъ госпиталя и проходя по этой непріятной улицѣ, я неожиданно встрѣтилъ И. Я. Коростовца, нашего дипломатическаго чиновника, который только что пріѣхалъ въ Тяньцзинъ изъ Портъ-Артура въ свитѣ адмирала Алексѣева и теперь шолъ по дѣлу, стараясь попасть подъ тѣнь тополей и въ то же время не наткнуться на свистящую гранату. Я былъ весьма обрадованъ встрѣчей съ моимъ добрымъ знакомы[illegible]оторый пріѣхалъ изъ города, въ которомъ не свистятъ гр[illegible] выразивъ ему свою радость, я хотѣлъ разсп[illegible]

— Но, послушайте, вы избрали самое неподходящее мѣсто и время для нашего разговора, — отвѣтилъ весьма недовольнымъ тономъ Коростовецъ,—посмотрите, граната только что ударила въ сосѣдній домъ.

Раздался взрывъ, трескъ и посыпались обломки и осколки.

— Пустяки,—отвѣтилъ я,—въ этомъ мѣстѣ гранаты даютъ перелетъ и мы можемъ спокойно разговаривать. Вы еще не привыкли.

И. Я. Коростовецъ.

Коростовецъ не согласился съ моими доводами и мы разстались. Однако онъ очень скоро привыкъ къ гранатамъ и подъ ихъ грохотъ неоднократно велъ различные переговоры съ иностранными командирами и консулами по порученію адмирала Алексѣева.

И. Я. Коростовецъ, авторъ извѣстной популярной книги „Китайцы и ихъ цивилизація“, принадлежитъ къ тѣмъ талантливымъ и энергичнымъ русскимъ дипломатамъ Игнатьевской школы, которые упорно добиваются намѣченной цѣли и взявшись за дѣло, стараются довести его до конца несмотря ни на какія препятствія.

П. Г. Тидеманъ.

Въ Русскомъ лагерѣ

Въ двухъ солдатскихъ двуколкахъ, трясясь по невозможнымъ китайскимъ проселочнымъ колеямъ, по которымъ только и могутъ ѣхать русскія двуколки и китайскія арбы, докторъ Падлевскій, извѣстный своею энергичною дѣятельностью во время чумы въ Инкоу, сестра Люси Пюи-Мутрейль и я поѣхали въ русскій лагерь.

Чтобы быть поближе къ раненымъ во время предстоящаго боя, сестра Люси просила разрѣшенія быть на перевязочномъ пунктѣ, мѣстомъ для котораго былъ избранъ Восточный арсеналъ. Разрѣшеніе ей было дано. Полевой госпиталь съ русскими сестрами еще не прибылъ и ожидался въ Тяньцзинѣ каждый день.

Мы переѣхали русскій понтонный мостъ, построенный подъ гранатами капитаномъ Санниковымъ и нашими саперами. Проѣхали мимо Военной китайской школы, полуразрушенной, китайскаго воздухоплавательнаго парка и сожженныхъ деревень. Пересѣкли высокій городской земляной валъ, идущій кругомъ всего Тяньцзина, попали въ тѣнь красивой рощи, въ которой желтѣли обмазанныя глиною древнія могилы, и сбивая клубы густой пыли стали подъѣзжать къ русскому лагерю, растянувшемуся на версту.

Тамъ — на сѣверъ отъ лагеря, черезъ пустынное, зловѣще молчавшее высохшее поле, въ тѣхъ рощахъ таились наши враги, которые то и дѣло напоминали о себѣ раскатами орудій. Но здѣсь, въ этомъ широкомъ открытомъ лагерѣ, съ бѣлыми палатками, разсыпанными правильными рядами, съ пушками, выстроенными точно по линейкѣ, съ лошадьми, которыя длинной цѣпью стояли у коновязи, было весело, шумно и привольно. Здѣсь были свои, милые наши.

Тамъ, въ рощахъ сверкалъ огонь орудій, гремѣли выстрѣлы. Здѣсь офицеры беззаботно бесѣдовали въ своемъ собраніи — робинзонскомъ шалашѣ, наскоро сколоченномъ изъ цыновокъ, со сто-

по китайскому обычаю слѣдовали одно позади другого, симетрично и паралельно. Въ первыхъ зданіяхъ помѣщались иностранные профессора, аудиторіи, лабораторіи и ученые кабинеты, въ слѣдующихъ директора-китайцы, инспектора, профессора-китайцы и общежитіе для китайскихъ студентовъ, которые жили по два въ комнаткѣ. Позади службы и кухня.

Во всѣхъ жилыхъ комнатахъ царилъ полный безпорядокъ. Видно всѣ жившіе здѣсь бѣжали въ послѣднюю минуту, когда арсеналъ уже былъ захваченъ боксерами. Въ комнатахъ и во дворикахъ валялись кучи форменнаго платья студентовъ, китайскія, англійскія и нѣмецкія книги, студенческія тетради, старательно исписанныя чертежами и различными упражненіями и записками на англійскомъ языкѣ. Попадались книги по иностраннымъ наукамъ, составленныя для студентовъ на китайскомъ языкѣ. На столахъ брошены чайники, недопитыя чашки, перья, чернила, кисти для туши, фотографическія карточки, бездѣлушки изъ яшмы и пр. Въ кухнѣ застылъ недоваренный обѣдъ. Валяются студенческія сабли, шапки, китайскія картины, изреченія на длинныхъ листахъ, разрытые сундуки и ларчики, въ которыхъ студенты бережно хранили подаренныя родителями платье и бѣлье. Все брошено, порвано, побито и истоптано.

Посреди перваго двора выстроена деревянная наблюдательная вышка. Вооружившись подзорной трубой я взобрался на самый верхній ярусъ, откуда открывался бы восхитительный видъ, еслибы не гранаты, которыя носились надъ арсеналомъ и вмѣстѣ съ москитами доводили меня до отчаянія. Отъ москитовъ еще была нѣкоторая защита подъ газомъ, но отъ гранатъ не было кажется никакого спасенія, кромѣ одного сна, который помогалъ забыть не только эти гранаты, но и всю боксерскую эпопею и полевыя прогонныя и ордена съ мечами.

Прямо на сѣверъ отъ арсенала былъ виденъ Лутайскій каналъ, по обоимъ берегамъ котораго китайцы выстроили батареи. На западѣ былъ расположенъ китайскій Тяньцзинъ и европейскія концессіи. Возлѣ ямыня вице-короля стояла высокая 4-хъ ярусная каменная башня, съ которой китайцы наблюдали за паденіемъ снарядовъ. Уже много дней „Дядя Томъ“ и другія орудія союзниковъ въ свою очередь наблюдали за этой башней и имѣли искреннее желаніе поджечь ее своимъ снарядомъ. Ее долго обстрѣливали.

Всѣ союзники заликовали, когда, наконецъ, послѣ одного удач-

наго выстрѣла, сдѣланнаго „Дядей Томомъ“, на башнѣ загорѣлась крыша и два верхнихъ яруса рухнуло. Это былъ добрый знакъ для союзниковъ и дурной для китайцевъ.

На югозападъ отъ арсенала лежалъ нашъ лагерь. На юговостокъ уходила въ Тонку желѣзная дорога. На востокъ тянулась необозримая жолтая равнина, то степная унылая, то поросшая гаоляномъ и чернѣвшая китайскими деревеньками и рощами. Гдѣ то далеко на сѣверѣ и востокѣ было видно движеніе китайскихъ войскъ, повидимому, подходившихъ изъ Лутая и Шанхайгуаня къ Тяньцзину.

На три версты кругомъ все было безлюдно и пустынно. Ни бѣлолицый, ни желтолицый не рѣшался ходить по этому мертвому

Китайскій арсеналъ.

полю между двумя противниками. Даже птицы здѣсь не рѣяли и звѣрь не бѣгалъ.

Я бродилъ по арсеналу и поражался его богатствами. Тутъ были всевозможныя мастерскія, фабрики, заводы, склады, лабораторіи. Здѣсь еще недавно вертѣлись и двигались разнообразныя машины для изготовленія оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, а также для чеканки китайской мѣдной и серебряной монеты. Здѣсь были заводы для изготовленія пороха, ружейныхъ патроновъ для винтовокъ Маузера и Манлихера и унитарныхъ патроновъ для орудій послѣдней системы 1899 года. Въ складахъ были неистощимые запасы гранатъ разнаго сорта, обыкновенныхъ сегментныхъ гранатъ для разбиванія построекъ, фугасныхъ гранатъ для зажиганія зданій, шрапнели и картечи.

Надъ этими заводами были выставлены китайскія надписи, изъ которыхъ некоторыя были очень интересны. Такъ, напримѣръ, „Сѣверъ поддерживаетъ тронъ" [illegible], „Сѣверъ [illegible]", а „Сѣверъ водяного дракона" [illegible] „Для военныхъ инструментовъ".

Въ этихъ мастерскихъ были также [illegible] горной работы. Всюду висѣли [illegible] и были [illegible]. Видно, что рабочіе были застигнуты внезапно. Машины и приборы были заряжены для дѣйствія и остановлены въ послѣднюю минуту. Возлѣ горновъ, станковъ и большихъ котловъ и машинъ благочестивые рабочіе китайцы ставили изображенія божествъ, покровительствующихъ труду, и зажигали возлѣ нихъ курительныя свѣчки. На машинахъ и котлахъ были наклеены красныя бумажныя надписи съ пожеланіемъ счастья, либо одинъ іероглифъ „Фу" („Счастье"), либо изреченія въ родѣ: „Заведи машину—больше счастья", „Открыть котелъ—видна благополучіе".

Въ западной части арсенала въ отдѣльномъ полѣ были выстроены пороховые погреба. Жутко было проходить возлѣ этихъ укрѣпленныхъ [illegible] и чувствовать, что въ случаѣ удачнаго китайскаго выстрѣла можно взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ съ погребомъ.

Всѣ части арсенала были между собой соединены телефономъ, телеграфомъ и Декавильской желѣзной дорогой.

„Бахъ! бахъ!"—грянулъ отрывистый рѣзкій выстрѣлъ съ китайской батареи и, подхваченный эхомъ, нѣсколько разъ откликнулся въ застывшемъ тяньцзинскомъ воздухѣ.

„Бомъ! бомъ!"—отвѣтилъ долговязый англичанинъ „Дядя Томъ"—огромное орудіе, только что пріѣхавшее изъ Трансвааля, гдѣ оно стрѣляло въ буровъ. Ядро съ воемъ вылетѣло изъ длиннаго узкаго жерла, искусно скрытаго въ насыпи дороги, и тяжкій гулъ прокатился по желтой выжженной равнинѣ, лежавшей между врагами. На этомъ орудіи была надпись „Отъ Лэдисмита до Пекина". Впрочемъ до Пекина оно не доѣхало.

Китайскіе артиллеристы разставили свои батареи всюду, гдѣ имъ благопріятствовала мѣстность. На берегу Лутайскаго канала они поставили двѣ батареи, [illegible]дой по 4 дальнобойныхъ орудія, скорострѣльныхъ, съ уни[illegible] патронами, въ 57 и 87

, немилосердно сжигая ихъ нивы—послѣдніе плоды ихъ по-
ъ усилій. Быть можетъ это солнце своимъ немилосерднымъ
ымъ огнемъ зажгло пожаръ жестокой безсмысленной войны.
гра для войскъ еще будетъ отдыхъ и миръ, но послѣ завтра—
й бой.

28 Іюня

айцы точно предчувствовали, что иностранцы готовятся къ
и рано утромъ 28 іюня они открыли у себя по всей
дскій огонь раньше, чѣмъ они это дѣлали каждый день.
и сперва молчали, а затѣмъ и они открыли огонь залпами.
ответили огнемъ со всѣхъ своихъ батарей и даже бро-
на русскіе аванпосты у деревни Гаоченъ. У насъ раненъ
ъ 10-го полка Соколовъ, убито 4 ниж. чина, ранено 17.
и потеряли около 100 человѣкъ. Китайцы были отбиты и
весь этотъ день и слѣдующій.

„Дядя Томъ".

Китайскіе солдаты.

Въ китайскомъ лагерѣ

Серебряный полумѣсяцъ тихо пробирался между рѣявшими куда то облаками, трепетавшими отблескомъ тяньцзинскихъ пожаровъ, и остановился высоко надъ китайскимъ лагеремъ. Робкіе лучи заходящаго полумѣсяца пронизывали дрожавшую и тревожно шептавшую о чемъ то прозрачную листву ракитъ и тополей, подъ которыми укрылся лагерь, и яркими пятнами освѣщали бѣлыя палатки солдатъ и темно-синія офицеровъ.

По всему лагерю горѣли костры. Дымили и трещали походныя печки, наскоро сдѣланныя изъ глины и песку. Въ котлахъ кипятили чай и варили рисовую кашу для поздняго ужина.

Ночь была горячая, душная и поэтому солдаты, скинувъ съ себя всю одежду, сидѣли въ однихъ шароварахъ, на цыновкахъ, вокругъ костровъ, покуривали длинныя трубки, пили чай или разбавленное теплое ячменное вино изъ маленькихъ чашекъ, кричали, шумѣли, бранились, пѣли гнусавымъ голосомъ заунывныя пѣсни, издѣвались надъ ихэтуанцами, изъ которыхъ до сихъ поръ ни одинъ еще не воскресъ и проклинали щееся въ Тяньцзинѣ, иностранное войско, которое не было возможности оттуда выбить.

Другіе солдаты молча слушали, поддакивали и чистили свои ружья. Третьи солдаты полураздѣтые, подложивъ подъ себя цыновки, вповалку спали подъ открытымъ небомъ между палатками и разбитые отъ усталости послѣ дневной пальбы и наѣвшись вволю рису потрясали застывшій воздухъ своимъ могучимъ храпомъ.

Болѣе азартные солдаты сидѣли кружкомъ въ своихъ палаткахъ, на цыновкахъ и на одѣялахъ и, при свѣтѣ бумажнаго фонаря или масляной коптѣвшей свѣтильни, пытали свое счастье въ кости или карты. Играли шумно, съ крикомъ, съ остервенѣніемъ; крѣпко ругались при проигрышѣ, ободрительно хлопали другъ друга по голымъ, бронзовымъ, лоснящимся спинамъ, а при выигрышѣ, хохоча во все горло, жадно хватали чашку, наполненную мѣдными чохами, и съ удовольствіемъ звенѣли монетами.

Они были такъ увлечены игрой, что не обращали никакого вниманія на стоны и подавленные крики, которые доносились изъ сосѣднихъ палатокъ, въ которыхъ китайскіе доктора лѣчили раненыхъ солдатъ. Къ свѣжей ранѣ они прикладывали раскаленное желѣзо, чтобы остановить кровь, протыкали рану раскаленными иголками, вправляли вывихнутыя ноги и руки и раздробленныя кости, накладывали пластырь и перевязывали. Промучивъ своего паціента, который былъ ни живъ ни мертвъ отъ такой хирургической операціи, и стиснувъ зубы, обливаясь холоднымъ потомъ, удерживаясь отъ крика, съ китайскимъ мужествомъ выносилъ эти терзанія, врачи ободряли раненаго и давали ему выпить ведро какой то темной и пахучей жидкости. Однимъ для очищенія крови давали отваръ изъ полевыхъ кузнечиковъ, а другихъ для пріобрѣтенія храбрости поили прекрасно дѣйствующимъ средствомъ—жолчью тигра. Черезъ нѣсколько дней раненый либо умиралъ, либо поправлялся и тогда всѣ солдаты дивились искусству врачей.

Посреди лагеря большіе бумажные промасленные фонари, повѣшенные на треногѣ, и пестрыя треугольныя знамена, украшенныя лентами и бахромой, съ нашитымъ іероглифомъ „Нѣ“, указывали, что здѣсь находится палатка начальника китайскихъ войскъ генерала Нѣ Ши Чэна.

Эта палатка ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ офицерскихъ палатокъ. Повѣшенный внутри бумажный фонарикъ тускло освѣщалъ разложенныя на землѣ гаоляновыя цыновки, стеганныя одѣяла, маленькую, очень жосткую, обшитую узорами подушку для головы, ый ларецъ съ бумагами, шашку и револьверы генерала, бро- цыновки.

главный, такъ какъ онъ посланъ небомъ. Поэтому онъ подстрекаетъ ихэтуанцевъ и солдатъ, чтобы они повиновались ему, а не тебѣ. Онъ потребовалъ, чтобы все добро, награбленное у христіанъ и иностранцевъ, солдаты несли прежде всего къ нему.

Лицо Нѣ Ши Чэна налилось кровью. Его маленькіе глаза нетерпѣливо забѣгали.

— Прикажи трубачамъ играть выступленіе. Пусть всѣ ины батальоны строятся. Пѣхоту выслать вдоль насыпи желѣзной дороги. Открыть огонь сразу изъ всѣхъ окоповъ и затѣмъ наступать на вокзалъ. Ихэтуанцевъ выслать въ первый рядъ. Пусть они примутъ первыя пули и снаряды. Начать атаку по моему приказанію. Позвать мнѣ Чжаня! Гдѣ же Чжань?

Офицеръ ускакалъ исполнять приказаніе.

Одинъ изъ адъютантовъ прибѣжалъ впопыхахъ и доложилъ:

— Да жень! Великій господинъ! Ихэтуанцы дерутся съ солдатами. Чжань подговариваетъ ихэтуанцевъ не слушаться офицеровъ и ругаетъ великаго господина. Когда я доложилъ ему приказаніе великаго господина немедленно явиться къ великому господину, Чжань отвѣтилъ, что здѣсь онъ самъ великій господинъ и, если великому господину нужно видѣть великаго господина ихэтуанцевъ, то пусть великій господинъ самъ пожалуетъ къ нему. Притомъ Чжань обругалъ маленькаго офицера великаго господина и отправилъ меня назадъ къ великому господину.

— Возвращайся назадъ къ этому разбойнику и скажи ему, что если онъ сейчасъ же не явится ко мнѣ, то ко мнѣ принесутъ его дурацкую голову!—закричалъ Нѣ и ушолъ въ палатку, гдѣ онъ одѣлъ на себя саблю и положилъ въ карманы два револьвера.

Чжань явился съ большимъ кривымъ мечомъ за поясомъ.

— А! Чжань! Ты пришолъ?—заговорилъ Нѣ свирѣпо, выйдя изъ палатки.

Нѣ и Чжань впились другъ въ друга глазами и оба, дрожа отъ ярости, стали другъ передъ другомъ.

До боли сжимая рукоятку сабли, генералъ Нѣ продолжалъ:

— Ну, что же Чжань? Что твой кулакъ? Ты хочешь быть здѣсь первымъ? Будь первымъ! Тебѣ вѣдь такъ хорошо помогаетъ твой кулакъ правды и согласія... Ваши духи, чудеса, заговоры, упражненія и ладонки васъ такъ хорошо спасаютъ! Еще ни одинъ ихэтуанецъ не погибъ отъ дьявольской пули. Но почему же твои люди, которые не боятся — не хотятъ идти сражаться впереди

всѣхъ? Мы люди маленькіе, бѣдные и простые. Мы боимся пуль. А вы хвастаетесь вашими чудесами и боитесь выйти въ поле. Вы храбры, когда вамъ нужно бить своихъ же. Трусливыя собаки! Но когда вы должны драться съ иностранными солдатами, тогда ваша заячья храбрость тонетъ въ грязной лужѣ вашей трусости и глупости. Вы говорили, что не можете драться, потому что у васъ нѣтъ ружей. Я далъ вамъ ружья, но вы стали изъ нихъ стрѣлять въ моихъ же солдатъ и только раздражали небес-

Китайскіе солдаты на стрѣльбѣ.

ныхъ духовъ зашитыми глупыми выстрѣлами. Теперь ты подстрекаешь противъ меня твоихъ дураковъ и моихъ же солдатъ. Чего жъ ты хочешь еще? Вы уже разорили всю страну, огорчили императора, сожгли полъ—Тяньцзина, довели до того, что иностранныя войска взяли Таку и скоро возьмутъ Тяньцзинъ и Пекинъ. Ваши чудеса принесли намъ только одни несчастія! Чего же тебѣ еще нужно?—кричалъ Нѣ и замѣтилъ, что Чжань хватается за свой мечъ.

— А! Разбойникъ и бездѣльникъ! Ты хочешь убить меня?!

Въ одно мгновеніе Нѣ выхватилъ саблю изъ ноженъ и съ размаху со всей силой ударилъ по загорѣлой шеѣ Чжаня.

Чжань упалъ, захрипѣвъ и тяжело стукнувшись о землю. Алая, горячая кровь забила струей.

— Уберите эту падаль! и дайте мнѣ воды умыться!—сказалъ Нѣ, довольный мѣткостью и силой своего удара. Его лицо, руки и платье были обрызганы свѣжей кровью.

Подбѣжали солдаты и унесли трупъ и едва державшуюся голову Чжаня.

Офицеръ снова прискакалъ на конѣ и доложилъ:

— Да жень! Всѣ войска выступили изъ лагеря и теперь обстрѣливаютъ вокзалъ. Имшани бомбардируютъ Цзычжулинъ—французское поселеніе. Въ передніе ряды нашихъ окоповъ мы погнали ихэтуанцевъ. Сперва они не хотѣли идти, но я приказалъ по нимъ стрѣлять и тогда они пошли. Только отъ нихъ мало пользы. Они совсѣмъ не умѣютъ стрѣлять, только напрасно выпускаютъ пули въ небо. У нихъ очень много убитыхъ и раненыхъ.

— Тѣмъ лучше!—отвѣтилъ Нѣ—чѣмъ больше ихъ перебьютъ иностранцы, тѣмъ лучше. Лошадь!

Солдаты подвели красивую, бѣлую лошадку подъ иностраннымъ сѣдломъ и узорчатымъ китайскимъ чепракомъ.

Нѣ одѣлъ бѣлую шапку съ краснымъ шарикомъ и красной бахромой, сѣлъ на коня и поскакалъ къ окопамъ, чтобъ повести китайцевъ въ атаку на русскихъ.

Когда боксеры, бывшіе въ переднихъ цѣпяхъ, одинъ за другимъ стали падать отъ дружныхъ и убійственныхъ залповъ, гремѣвшихъ съ вокзала, и когда о[illegible]ли, что ихъ огонь нисколько не останавливаетъ неустрашимыхъ русскихъ, побѣжали въ смятеніи обратно изъ [illegible] генералъ Нѣ приказалъ, чтобы его солдаты [illegible] спасавшихся къ

Попавъ подъ перекрестный огонь русскихъ и своихъ, боксеры въ ужасѣ разбѣжались.

Генералъ Нѣ приказалъ остановить общую атаку на вокзалъ, а къ полудню приказалъ стрѣлкамъ и всѣмъ батареямъ прекратить огонь, пока не кончится междоусобіе и предводители боксеровъ не будутъ изгнаны изъ лагеря и Тяньцзина.

Боксеры бѣжали въ Пекинъ. Защищать Тяньцзинъ остались только правительственныя войска и добровольныя дружины, которымъ было роздано огнестрѣльное оружіе.

Убитый китайскій солдатъ.

Международное сраженіе 30 Іюня

Въ исторію русскихъ войнъ занесена еще одна блестящая страница... У стѣнъ недвижнаго Китая 30-го іюня 1900 г. русскія войска, вѣрныя боевымъ завѣтамъ своей родины, одержали славную побѣду надъ непріятелемъ, который превосходилъ ихъ численностью не менѣе, какъ въ пять разъ. Въ теченіе 6 часовъ русскія войска послѣдовательно выбили китайцевъ изъ ихъ позицій, заняли 2 непріятельскихъ батареи и 2 лагеря и обратили въ бѣгство находившіяся передъ ними непріятельскія войска. Смѣлое и побѣдоносное движеніе русскихъ, вѣрными и цѣнными союзниками которыхъ оказались японцы, нѣмцы и французскія горныя батареи, рѣшило участь Тяньцзина: осада была снята и китайскія регулярныя войска бѣжали.

Общая атака союзныхъ силъ должна была быть начата съ разсвѣта 30-го іюня, но въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ каждый иностранный отрядъ былъ самостоятеленъ.

Русскіе выбрали самую трудную задачу: наступать на китай- [illegible]

Офицеры 9-го В.-С. С. полка. (Въ Пекинѣ).

Диспозиція атаки была составлена начальникомъ Печилійскаго отряда генералъ-маіоромъ Стесселемъ и блестяще приведена въ исполненіе войсками, находившимися подъ его командованіемъ. Кромѣ русскихъ войскъ въ его распоряженіи были двѣ нѣмецкія морскія роты, французская горная батарея и 2 англійскихъ осадныхъ орудія. Переправа части нашихъ войскъ черезъ Лутайскій каналъ также былъ произведена по плану генерала Стесселя.

Предварительно рекогносцировками капитановъ Ген. Шт. Войля, Болховитинова, инженеръ-капитана Санникова и сотника Григорьева было обнаружено, что ближайшія китайскія войска находятся въ 4 верстахъ, возлѣ порохового склада у Лутайскаго канала. Сотникъ Григорьевъ обнаружилъ присутствіе китайской кавалеріи въ 6 верстахъ отъ нашего лагеря, за арсеналомъ.

Кромѣ того было установлено, что наши войска, пройдя обнажонную равнину, лежащую между лагеремъ, арсеналомъ и китайскимъ городомъ, должны будутъ послѣдовательно взять съ бою два весьма трудныхъ препятствія, за которыми укрѣпились китайскіе стрѣлки: городской валъ и насыпь желѣзной дороги. Затѣмъ предстоитъ взять три китайскія батареи, причемъ нужно было считаться съ артиллерійскимъ огнемъ изъ импаней-фортовъ.

Согласно диспозиціи русскія войска были раздѣлены на слѣдующія боевыя колонны:

Авангардъ полк. Ширинскаго. 1 р. 9-го полка; 7 р. 10-го полка; 3 р. 12 полка, взводъ казаковъ, команда саперъ капитана Санникова и 60 матросовъ десанта мичмана Вырубова.

Выступленіе въ 9 часовъ вечера.

Правая наступающая колонна полковника Анисимова. 4, 5, 8 р. 9 полка; 4, 6 р. 10 полка; 2, 6, 8 р. 12 полка. 2 роты германцевъ; 4 пулемета; 1 французская горная батарея и 2 взвода казаковъ. Всего 10 ротъ, 6 орудій, 4 пулемета, полусотня. Задача авангарда и правой колонны: быстро и скрытно подойти къ Лутайскому каналу, устроить переправу, перевести сколько удастся войскъ до разсвѣта, двинуться по обоимъ берегамъ, взять китайскія позиціи до желѣзной дороги и—въ случаѣ возможности — ворваться въ предмѣстія Тяньцзина и атаковать форты.

Выступленіе въ 11 часовъ вечера.

Лѣвая демонстративная колонна полк. Антюкова. 2, 3, 8 роты 10 полка; 2-я и 3-я легкія батареи В. С. С. Арт. дивизіона; взводъ Читинцевъ. Всего 3 роты, 16 орудій,

1 взводъ. Задача: на разсвѣтѣ демонстрировать съ фронта; вести артиллерійское состязаніе. Когда правая колонна начнетъ наступленіе, лѣвой колоннѣ также двинуться въ атаку.

Выступленіе въ 2 часа ночи.

Резервъ полк. Савицкаго. 2, 6, 7 роты 9 полка. 5 р. 10 полка. 4 и 5 р. 12 полка. Всѣ нестроевыя роты. 1 взводъ Читинцевъ, 2 десантныхъ морскихъ орудія (120 миллиметровыхъ) были сняты съ крейсера „Владиміръ Мономахъ“ и доставлены по рѣкѣ Пэйхо съ большимъ трудомъ въ Тяньцзинъ. Орудія были поставлены, подъ руководствомъ лейтенанта Клюпфеля, при дружной и трудной работѣ моряковъ и саперъ, на лѣвомъ берегу Пэйхо, въ 1 верстѣ ниже русскаго понтоннаго моста.

Задача этихъ двухъ орудій и 2 англійскихъ осадныхъ орудій (одно изъ нихъ „Дядя Томъ“), поставленныхъ по насыпной дорогѣ въ арсеналъ: открыть съ разсвѣтомъ огонь по форту и отвлечь его осадныя орудія отъ нашихъ колоннъ.

Охрана арсенала—главнаго опорнаго пункта русскаго отряда. 3 р. 9 полка; 1 р. 10 полка; 7 р. 12 полка; 2 пулемета; 6 китайскихъ орудій.

Адмиралъ Алексѣевъ долженъ былъ, со своимъ штабомъ, находиться въ сѣверо-западномъ углу арсенала, гдѣ была поставлена батарея изъ китайскихъ орудій. Наши офицеры сами снаряжали для этихъ орудій снаряды изъ оставленныхъ китайцами матеріаловъ.

Въ распоряженіи генерала Стесселя, бывшаго при колоннѣ полковника Анисимова, находились: 4-ая сотня Читинцевъ; взводъ 3-й сотни Читинцевъ и взводъ 6-й сотни Верхнеудинцевъ, для производства преслѣдованій, нападеній, развѣдокъ и установленія связи и летучей почты между колоннами и арсеналомъ, въ которомъ присутствовалъ адмиралъ Алексѣевъ. Связью между частями завѣдывалъ подполк. Илинскій, принимавшій ближайшее участіе въ составленіи диспозиціи боя.

Ночная переправа

Тяньцзинъ покоился въ гробовомъ молчаніи.

Горячая задыхающаяся ночь дремала надъ арсеналомъ и грѣла своимъ теплымъ дыханіемъ и безъ того сожженную солнцемъ спавшую равнину. Воздухъ не дрогнулъ. Ни одинъ выстрѣлъ или крикъ не дерзалъ нарушить послѣднихъ часовъ величавой тишины и спокойствія. И только невидимые кузнечики, спрятавшись между листьями тополей, храбро и неутомимо пиликали своими крылышками одну и ту же трескотню и точно смѣялись надъ страхами и тревогами однихъ людей и жестокостью другихъ.

Страшное шипѣніе и скрипѣніе послышалось въ полѣ вокругъ арсенала. Гулъ голосовъ, трескъ колесъ и звонъ копытъ и топотъ солдатскихъ ногъ. Я вскочилъ на казацкаго коня и выѣхалъ изъ арсенала въ поле. Что то чорное, неуклюжее, длинное и непонятное шипя и пыхтя ползло по дорогѣ между посѣвами кукурузы и гаоляна. Спереди и сзади правильными рядами шли солдаты. Казалось, что въ полѣ плыли и извивались какія-то чудовища.

Если бы китайцы прислушались и послали сюда разъѣздъ, то благодаря яркому сіянію луны они могли бы разглядѣть непонятные обозы и русскихъ солдатъ, которые шли на нихъ.

Эти обозы странной формы везли нашу переправу, а русскіе солдаты составляли авангардъ Ширинскаго.

Для самой быстрой и легкой переправы нашихъ войскъ черезъ каналъ, генералъ Стессель составилъ необыкновенно простой и остроумный способъ: было взято 7 шаландъ—баржъ и въ каждую запряжено по 6 лошадей, которыя и тащили шаланды волокомъ по землѣ отъ лагеря до канала. Фашины—вязки гаоляна перевозились на двуколкахъ, а 2 шлюпки и настилка переносились на рукахъ.

Отъ лагеря до канала нужно было идти 10 верстъ. До арсенала шли внѣ опасности, но за арсеналомъ до канала ($6^1/_2$ верстъ) предстояла очень трудная часть пути. Китайцы могли замѣтить движеніе русскихъ ротъ и открыть по нимъ артиллерійскій огонь. Уничтожить всю нашу переправу гранатами было бы очень легко и вся наша экспедиція была бы проиграна.

Бѣлыя рубашки и фуражки нашихъ стрѣлковъ далеко блестѣли освѣщаемыя луною. Направо и налѣво ясно виднѣлись китайскія деревни, которыя могли бы дать знать китайскимъ аванпостамъ о движеніи враждебныхъ войскъ.

Наши стрѣлки въ гаолянѣ.

Къ счастью, и китайскія деревни и китайскія передовыя батареи, окончивъ свой чифань-ужинъ и напившись вдоволь чаю, настоянаго на водѣ, которая вѣками омываетъ могилы ихъ предковъ, должно быть сладко спали, если только можно было сладко спать въ то горькое время.

Судьба хранила нашъ авангардъ, и даже луна скрылась за облака, чтобы не выдать своимъ свѣтомъ смѣлыхъ воиновъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и кителяхъ.

Рота за ротой шли въ глубокомъ молчаніи. Слышенъ былъ только странный шумъ волочившихся шаландъ, но этотъ шумъ терялся въ неподвижномъ воздухѣ ночи. Наши стрѣлки, саперы и моряки то шли по оголенной выжженной равнинѣ, то погружались въ гаолянъ и кукурузу, которая мѣстами чудомъ уцѣлѣла.

Наши солдаты шли тихо, въ полномъ порядкѣ, не разговаривая.

Меня поражало то серьезное, почти благоговѣйное чувство, съ которымъ наши солдаты шли въ бой, отлично сознавая, что ихъ ожидаетъ впереди. Для этого имъ достаточно было оглянуться на тѣ восемь, которыя несли позади.

Убѣдившись собственными глазами въ стойкости и непоколебимой твердости русскихъ солдатъ, иностранцы говорили, что съ такими солдатами они бы дѣлали чудеса. Но, конечно, наши командиры дѣлали и будутъ дѣлать чудеса со своими воинами и безъ помощи иностранцевъ. Но съ нѣкоторыми иностранными войсками едва-ли и наши командиры что нибудь сдѣлаютъ.

Капитанъ Санниковъ.

Въ 11 часовъ ночи нашъ авангардъ благополучно подошолъ къ каналу, 2 шлюпки были спущены въ воду и сейчасъ же началась переправа ротъ въ шлюпкахъ по каналу. Шлюпки быстро скользили отъ одного берега къ другому, и чрезъ 2 часа $2^1/_2$ роты уже были на той сторонѣ канала, гдѣ онѣ сейчасъ же залегли и окопались.

Въ 2 часа ночи подошли главныя силы правой колонны, со своимъ начальникомъ Анисимовымъ. Пріѣхалъ начальникъ отряда Стессель. Подошли 2 роты храбрыхъ германцевъ, въ синихъ курткахъ, которые темной массой расположились въ отдаленіи. Подошла французская батарея.

Приволокли, наконецъ, и шаланды, которыя были немедленно спущены на воду. Къ сожалѣнію, благодаря Ганнибаловскому способу ихъ перевозки, 3 шаланды оказались подбиты и затонули. Въ остальныхъ шаландахъ начали перевозить людей, и кромѣ того былъ перекинутъ фашинный мостъ. Переправой завѣдывалъ Санниковъ. Несмотря на спѣшность и хрупкость способовъ передвиженія, всѣ стрѣлки благополучно перебрались, съ помощью матросовъ и саперъ, на другую сторону, и не было ни одного несчастнаго случая.

Луна выплыла изъ за тучъ и освѣтила низкіе пустынные берега Лутайскаго канала. Позади насъ, за полями кукурузы спали двѣ деревни. Китайскія батареи тоже спали.

Выше по каналу раздался выстрѣлъ. Нашъ дозоръ привелъ двухъ китайцевъ, которые были захвачены возлѣ деревни.

Генералъ Стессель приказалъ мнѣ ихъ допросить.

Генералъ Стессель.

Я отвелъ ихъ въ сторону. Оба китайца дрожали отъ страха, кланялись въ ноги и увѣряли, что они ни въ чемъ не виноваты. Я сказалъ имъ, чтобы они ничего не боялись и говорили только правду. Китайцы нѣсколько успокоились и сообщили, что они поселяне, живутъ въ сосѣдней деревнѣ, пашутъ землю и вышли изъ фанзы ради одного любопытства, за которое они такъ тяжко наказаны. Они вовсе не солдаты, и никакихъ китайскихъ войскъ нѣтъ по сю сторону канала. Въ разстояніи около 10 ли—5 верстъ отсюда, по ту сторону канала расположились китайскія войска въ количествѣ около 10,000 человѣкъ. У нихъ есть и пушки. Все это я доложилъ генералу.

Въ то же время Анисимовъ представилъ генералу старую карту, на которой значилось, что кромѣ Лутайскаго канала имѣется еще другой каналъ, который преграждаетъ намъ путь къ китайскимъ позиціямъ. Разсвѣтъ былъ уже близокъ. Войска не имѣли ни времени ни средствъ переправиться черезъ второй каналъ, такъ какъ средства переправы были испорчены. Генералъ Стес-

сель былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе. Если переправить черезъ каналъ незначительный отрядъ, онъ можетъ не выдержать контръ-атаки китайцевъ. Если тамъ есть еще каналъ, то отрядъ можетъ быть отрѣзанъ и разбитъ. Но большой отрядъ также можетъ тамъ попасть въ ловушку между каналами.

Переправлять ли весь наступающій отрядъ на другую сторону канала или нѣтъ? Если тамъ, дѣйствительно, есть другой каналъ—время упущено и все дѣло потеряно.

— Теперь я попался!—проговорилъ генералъ, сѣлъ на камень и закрылъ лицо руками.—Послать казаковъ узнать!

Эсаулъ Ловцовъ съ нѣсколькими казаками поскакалъ въ карьеръ вдоль канала. 15 минутъ тянулось мучительное ожиданіе. А между тѣмъ востокъ быстро свѣтлѣлъ и нужно было открывать атаку. Далеко былъ слышенъ топотъ казачьихъ лошадей, который сперва затихалъ, а потомъ сталъ снова усиливаться. Казаки прискакали обратно.

— Никакого другого канала нигдѣ не видно, ваше пр-ство!—крикнулъ запыхавшійся Ловцовъ, съ другой стороны канала.

— Допросить еще китайцевъ!—приказалъ Стессель.

По каналу плыли шаланды съ рисомъ. Лодочники были схвачены, а ихъ баржи употреблены для переправы. Я допросилъ этихъ китайцевъ. Они говорили то-же самое, что китайскихъ войскъ и пушекъ ближе 10 ли не имѣется. Другого канала, кромѣ этого, также нѣтъ. Захваченные китайцы были оставлены подъ стражей, чтобы не дали знать китайскимъ войскамъ о приближеніи русскихъ.

Медлить нельзя было.

Тогда генералъ Стессель рѣшилъ раздѣлить силы, усилить авангардъ Ширинскаго и переправить на другую сторону еще 5 ротъ. Въ $3^3/_4$ ч. у. всѣ назначенныя силы безъ затрудненій перебрались на другую сторону и переправа кончилась. Остальная часть наступательной колонны пошла по сю сторону канала.

По фашинному мосту я также добрался до другого берега, провалившись въ воду только одинъ разъ. Услужливые саперы сейчасъ же вытащили меня изъ воды съ помощью веревокъ и досокъ. Лутайскій каналъ имѣетъ около 60 шаговъ ширины и 7 футовъ глубины; каналъ выкопанъ весьма основательно, но вода отдаетъ предками Китая, въ чемъ я могъ лично убѣдиться.

Стало свѣтать. Кругомъ необозримыя поля гаоляна. Китайцы наконецъ начали просыпаться. [illegible] китайскій кавалерійскій офи-

церъ поѣхалъ узнать, что за движеніе происходитъ у канала. Онъ налетѣлъ на нашъ секретъ — на нѣсколько стрѣлковъ, залегшихъ впереди авангарда, въ травѣ. Китайскій драгунъ, увидя русскихъ стрѣлковъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, очень испугался и мгновенно полетѣлъ обратно, но не успѣлъ... три нашихъ мѣткихъ пули настигли его, и онъ упалъ замертво съ лошади. Его конь былъ также убитъ.

Было 4 часа утра. Сумракъ разсѣялся и солнце своими косыми лучами ярко освѣщало двигающіяся русскія колонны по сю и по ту сторону Лутайскаго канала.

По ту сторону развернутымъ строемъ, примыкая къ каналу лѣвымъ флангомъ, быстро и плавно, какъ волна прилива, шли роты стрѣлковъ и взводъ казаковъ 3 Читинской сотни. За ними плыла вторая волна—резервъ, состоявшій изъ 3 ротъ. Это былъ авангардъ подполк. Ширинскаго.

По сю сторону, примыкая правымъ флангомъ къ каналу, шли: рота 12 полка, французская батарея изъ 6 орудій и германская рота. Въ резервѣ были: одна рота, 4 пулемета и другая германская рота. Это была колонна Анисимова.

Генералъ Стессель шолъ со своимъ штабомъ по сю сторону канала, управляя движеніемъ всѣхъ колоннъ. При немъ находился начальникъ штаба Илинскій и Вэйль. При Анисимовѣ Болховитиновъ. Въ разныхъ направленіяхъ носились казаки съ донесеніями.

Одна наша рота, моряки и саперы оставлены у переправы для ея охраны. Здѣсь же доктору Падлевскому поручено устроить перевязочный пунктъ, который, вмѣстѣ съ переправой, былъ перенесенъ затѣмъ ближе къ мѣсту боя.

Переправа на китайскихъ баржахъ.

Въ демонстративной колоннѣ

Далеко отъ насъ, со стороны лагеря, двигалась демонстративная колонна полковника Антюкова: 2, 3 и 8 роты 10 полка, которымъ въ 4 ч. утра было приказано открыть огонь, чтобы отвлечь въ ихъ сторону вниманіе противника. Грянулъ залпъ.

Въ отвѣтъ на залпъ этихъ храбрыхъ ротъ китайцы направили цѣлую тучу пуль со стороны зарослей и городского вала, а двѣ батареи у Шанхайгуаньскихъ воротъ и у желѣзнодорожнаго моста направили всѣ свои дула на отрядъ Антюкова. Ему пришлось принять на себя страшный орудійный и ружейный огонь, но онъ сдѣлалъ свое славное дѣло. Его демонстративная колонна въ дѣйствительности и неожиданно стала авангардной и на ней сосредоточился главный огонь боя.

Двѣ нашихъ полевыхъ батареи, подъ командою подполковниковъ Мейстера и Горошкова, наша новая батарея въ арсеналѣ, составленная изъ китайскихъ пушекъ, и „Дядя Томъ“ англійской батареи—всего 20 орудій—открыли убійственный огонь по китайскимъ батареямъ. Завязывается жестокая взаимная канонада. „Грохочутъ пушки“, лопаются шрапнели, убивая и калѣча людей своими осколками. „Грохочутъ пушки“... но теперь нельзя сказать словами поэта: „Дымъ багровый клубами всходитъ къ небесамъ.“ Только легкое облачко взвивается надъ орудіемъ, изъ котораго сдѣланъ выстрѣлъ. Теперь и мы и китайцы стрѣляемъ бездымнымъ порохомъ.

Около этого времени командующій войсками вице-адмиралъ Алексѣевъ, подъ огнемъ гранатъ и ш[illegible]й, проѣхалъ со своимъ штабомъ въ арсеналъ и съ вала ст[illegible]цать за ходомъ сраженія, давая оттуда необходимыя у[illegible]

Стрѣляя изъ своихъ

али снарядами китайскую батарею изъ 6 орудій, которая стояла Шанхайгуаньскихъ воротъ, что китайцы подобрали свои пушки благоразумно ушли за валъ. Но китайская батарея у желѣзнодожнаго моста и фортъ продолжали стрѣлять очень сильнымъ огнемъ.

Въ $5^3/_4$ ч. утра Антюковъ переходитъ въ наступленіе. Обѣ аши лихія батареи рысью слѣдуютъ впередъ и открываютъ огонь о китайской пѣхотѣ, которая засѣла въ зарослях, и по отдаеннымъ батареямъ. Подъ жестокимъ огнемъ неріятеля роты 10-го полка упорно идутъ впередъ, соблюдая полный порядокъ и не дѣлая ни дного выстрѣла. Наша артиллерія также молитъ, чтобы не попасть въ нашихъ.

Шт.-Кап. Комендантовъ.

Въ 7 часовъ утра лѣсныя заросли взяты. Китайцы въ безпорядкѣ бѣгутъ за городской алъ и снова начинаютъ стрѣлять изъ за вала. Ихъ пулями убиты лошади подъ командиромъ олка Антюковымъ, его адъютантомъ поручикомъ арѣевымъ и штабъ-горнистомъ.

Во 2-ой ротѣ 10-го полка раненыхъ еще е было, но какъ только рота двинулась впередъ, пули опять засвистали. Не успѣли стрѣлки ройти 50 шаговъ, какъ раздался первый стонъ аненаго. Сейчасъ же подбѣгаетъ стрѣлокъ къ отному командиру штабсъ-капитану Комендантову съ докладомъ:

— Ваше благородіе, раненый есть!

— Не твое дѣло, пошолъ на свое мѣсто!—отвѣтилъ коротко Комендантовъ.

Только этотъ убѣжалъ на свое мѣсто, какъ съ другой стороны одбѣгаетъ другой съ тѣмъ же докладомъ.

Этотъ получилъ тотъ-же отвѣтъ и послѣ этого больше уже икто съ докладомъ не являлся. Но чѣмъ дальше подвигалась ота впередъ, тѣмъ чаще стали падать раненые и наповалъ убиые, но это роту не смущало. Она смѣло продолжала свое наступленіе, видя передъ собою такого неустрашимаго командира.

Увы! когда онъ, чтобы наблюдать за ротою, перешолъ отъ ѣваго фланга на правый, то здѣсь, передъ первымъ взводомъ, я пуля сразила его. Смертельно раненый въ лѣвый бокъ, а землю. Пуля попала въ футляръ бинокля, который стороны, и прошла на вылетъ въ правый бокъ.

[illegible] поручикъ Мачуговскій [illegible] помощи уже не нужно [illegible] шли въ тылу наступающей [illegible] въ состояніи. по- [illegible] остаться при ра- [illegible] роту, кото- [illegible] несмотря на то, [illegible] своего командира. Ма- [illegible]

[illegible] рѣшительны эти [illegible]

[illegible] японская пѣхота [illegible] во время нашего наступленія, двинулись со стороны вокзала и ударили въ правый флангъ китайцевъ, засѣвшихъ за насыпью. Ихъ помощь была очень въ пору.

[illegible]

[illegible] вокзаломъ. Лѣсные [illegible] желѣзной дороги, весь этотъ [illegible] нашимъ полкамъ [illegible] въ нашихъ рукахъ.

[illegible] намъ товарищески помогла японская пѣхота. Японцы во время нашего наступленія, двинулись со стороны вокзала и ударили въ правый флангъ китайцевъ, засѣвшихъ за насыпью. Ихъ помощь была очень въ пору.

Но не дешево досталась [illegible] побѣда. 3 славныя роты

10-го полка за 4 часа боя потеряли 99 раненыхъ и 19 убитыхъ нижнихъ чиновъ. Жестоко пострадала 2-я рота: ротный командиръ Комендантовъ смертельно раненъ въ животъ, фельдфебель и 3 взводныхъ были ранены, такъ что рота осталась безъ начальства. Всего же въ этой ротѣ 41 чел. нижн. чиновъ раненыхъ и убитыхъ. Ранены: подполковникъ Голубицкій-Корсакъ, поручикъ Щербининъ, тяжело раненъ въ ногу подпоручикъ Яблонскій. 2-я батарея потеряла: 7 раненыхъ и убитыхъ нижн. чиновъ и 4 ран. лошади. 3-я батарея потеряла: 3 ран. нижн. чина и 1 лошадь убитой.

Поручикъ Мачуговскій.

Въ правой колоннѣ

Колонна Анисимова и авангардъ Ширинскаго оказались счастливѣе.

Въ то время какъ колонна Антюкова продолжала свое блестящее движеніе, послѣдовательно занимая всѣ китайскія позиціи, бывшія на пути,—колонна Анисимова шла къ той же цѣли вдоль канала, по сю сторону, а авангардъ Ширинскаго, далеко виднѣвшійся въ полѣ въ видѣ двухъ бѣлыхъ цѣпей—передней и резервной, быстро наступалъ на китайскія позиціи съ сѣверо-восточной стороны города.

Впереди показалось около сотни китайскихъ кавалеристовъ. Нашъ залпъ заставилъ кавалеристовъ бѣжать въ ближайшую импань, откуда они стали стрѣлять по нашимъ. Было видно, какъ одного стрѣлка уже положили на носилки. Стали долетать съ воемъ и свистомъ гранаты и шрапнели—но пока, слава Богу, еще благополучно. На горизонтѣ китайскаго города взвился столбъ дыма, сопровождавшійся отдаленнымъ гуломъ: русская граната взорвала пороховой погребъ въ китайской импани. Это было хорошее предзнаменованіе.

Со стороны канала было отчотливо видно, какъ либо спереди либо позади нашихъ ротъ вдругъ что-то взрываетъ песокъ и подымаетъ облако пыли: это упала граната. То облачко вдругъ забѣлѣетъ въ воздухѣ и послышится взрывъ: это разорвалась въ воздухѣ шрапнель и осыпала осколками стали и чугуна.

На берегу канала одиноко стояло странное каменное строеніе. Генералъ Стессель приказалъ осмотрѣть это зданіе. Капитанъ Болховитиновъ и поручикъ 12-го полка Корниловичъ съ отдѣленіемъ солдатъ вошли въ продоманныя ворота и нашли тамъ

3 дома, которые были доверху набиты ящиками съ порохомъ и взрывчатыми веществами. Четвертый домъ былъ полонъ снарядовъ.

Генералъ Стессель предложилъ французскому капитану Жозэфу, командиру французской горной батареи, которая шла въ колоннѣ полковника Анисимова, взорвать этотъ пороховой складъ, пока этого не сдѣлали китайцы—при приближеніи русскихъ войскъ. Бравый капитанъ Жозэфъ, недавно пріѣхавшій изъ Кохинхины со своей батарей, взялся исполнить это дѣло.

Войскамъ авангарда было приказано поспѣшно продвинуться впередъ, другимъ частямъ остановиться позади.

Французскіе артиллеристы.

Переправившись черезъ каналъ и оставивъ лошадь на той сторонѣ, я отправился пѣшкомъ вдоль берега, по самому обрыву, съ котораго хорошо были видны и авангардъ Ширинскаго и по ту сторону канала Стессель, Анисимовъ и ихъ колонна. Солнце стояло уже высоко и горячими лучами жгло и стрѣлковъ, шедшихъ длинными бѣлыми нитями по обнажонной равнинѣ, и китайцевъ, которые въ смятеніи скакали на лошадяхъ въ разныя стороны. Далеко были видны ихъ цѣлыя отряды въ синихъ курткахъ, которые куда то бѣжали.

Видъ былъ живописный. Но идти вдоль канала было очень непріятно. Хотя гранаты и завывали, но давали значительный перелетъ. Пули же посвистывали безпрестанно, вонзались въ обрывъ и мнѣ все казалось, что вотъ я сдѣлаю шагъ — и наступлю на пулю.

На берегу встрѣчались хижины, огороды, кумиренки, обжигательныя печи. Все было, какъ видно, только что брошено. Все бѣжало.

Большое каменное зданіе, причудливаго вида, снаружи безъ оконъ и дверей, увѣнчанное остроконечными крышами и обнесенное высокой каменной и совершенно глухой оградой, преграждало путь.

Изъ любопытства, вполнѣ извинительнаго въ кореспондентѣ, я пробрался въ это зданіе черезъ единственную отворенную дверь и наткнулся на нашихъ офицеровъ Болховитинова и Корниловича.

— Что вы здѣсь шатаетесь? Убирайтесь отсюда, пока есть время! иначе взлетите на воздухъ!—закричали они и ускакали.

Взрывъ порохового склада 30 іюня 1900 г.

Я оглянулся. Повсюду видны одни ящики. Я вышелъ изъ этого таинственнаго зданія и съ китайской быстротой побѣжалъ дальше вдоль канала, среди какого-то сада. Позади меня пробирались казаки и вели подъ уздцы лошадей.

Неизвѣстная сила заставила меня сдѣлать сальтомортале въ воздухѣ и бросила съ казаками и лошадьми на землю. Я увидѣлъ передъ собой величественнѣйшее зрѣлище, которое я не въ силахъ передать, и которое я вѣроятно видѣлъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Океанъ пламени всѣхъ цвѣтовъ радуги, черные и золотые, алые и бирюзовые лучи—вся эта волшебная фантасмагорія огня и искръ на одно мгновеніе застыла высоко въ воз-

Офицеры 10-го В.-С. С. полка.
(Въ Мукденѣ у древняго китайскаго памятника).

духѣ и также мгновенно исчезла, смѣшавшись съ туманомъ золы, сажи и дыма, который, какъ исполинскій грибъ, медленно поднимался кверху.

Этотъ сѣрый грибъ-великанъ клубился и извивался вокругъ самого себя, поднимался все выше и выше къ небу и вытянулся на версту высоты, освѣщаемый боковыми лучами солнца.

Двѣсти тысячъ пудовъ пороха взлетѣли на воздухъ. Взрывъ былъ слышенъ, какъ говорили, въ Тонку, на протяженіи 40 верстъ. Кругомъ, въ разстояніи 3—4 верстъ, всѣ люди и лошади попадали. Благодаря сильнѣйшему сотрясенію почвы, вода въ каналѣ вышла изъ своихъ береговъ.

Въ городѣ, т. е. за 5 верстъ былъ слышенъ оглушительный ударъ, всѣ зданія дрогнули и во многихъ окнахъ стекла были разбиты.

Генералъ Стессель и бывшія возлѣ него лица: Илинскій, Вэйль, поручикъ Пипко, лейтенантъ Пекарскій и сотникъ Григорьевъ были ближе всѣхъ къ мѣсту взрыва и всѣ были раскиданы въ разныя стороны, причемъ Стессель былъ раненъ въ руку.

Сейчасъ же послѣ взрыва съ неба посыпался дождь золы, сажи и осколковъ, и всѣ мы были окружены непроницаемымъ удушливымъ дымомъ, въ которомъ можно было бы задохнуться, если бы вѣтеръ не понесъ весь этотъ туманъ на китайцевъ.

На нашъ авангардъ этотъ взрывъ подѣйствовалъ какъ сигналъ къ рѣшительной и отчаянной атакѣ. Оправившись отъ паденія и естественнаго испуга, роты Ширинскаго, въ порывѣ какого то восторга и пыла, закричали ура и бросились впередъ. Окутанные клубами дыма, съ криками ура, 8 ротъ бѣжало полторы версты неудержимо впередъ. Наши стрѣлки забрали 2 китайскихъ лагеря, выбили китайцевъ изъ попутныхъ деревень, забрали 1 большое осадное орудіе, которое стояло у канала, взобрались на городской валъ, выбили китайцевъ съ вала, ринулись далѣе впередъ и взобрались на желѣзнодорожную насыпь, за которою они увидѣли китайскую батарею въ 8 орудій и большой китайскій лагерь. Слѣва у желѣзнодорожнаго моста стояло 4 орудія.

Напуганные взрывомъ, не видя русскихъ войскъ въ дымномъ туманѣ, который несся со стороны непріятеля, китайцы совершенно растерялись. Они не знали, куда стрѣлять. Ничего не видя передъ собой, кромѣ дыма, они стали стрѣлять безпорядочно, куда попало, совершенно не ожидая нападенія русскихъ со стороны насыпи желѣзной дороги.

12-го полка подпоручикъ Краузе со взводомъ 3-й роты того-же полка бросился сзади на китайскую батарею и взялъ 4 орудія. Часть прислуги была заколота, другая часть погибла въ каналѣ.

Китайцы въ смятеніи забѣгали по лагерю и не знали, что дѣлать. Пытались увезти остальныя 4 орудія, но наши мѣткіе стрѣлки подстрѣлили лошадей и 3 орудія попались въ наши руки. Четвертое китайцамъ удалось увезти. Атакуя непріятеля на протяженіи почти версты съ удивительной отвагой, всѣ роты, составлявшія авангардъ Ширинскаго, почти одновременно собрались у желѣзнодорожной насыпи, овладѣвъ 2 лагерями, городскимъ валомъ, насыпью желѣзной дороги и важнѣйшей позиціей—китайской батареей у желѣзнодорожнаго моста. 7 прекраснѣйшихъ орудій Круппа были взяты у китайцевъ. Между ними были дальнобойныя осадныя орудія и скорострѣлки. Шт. капитанъ артиллеріи Петровъ подготовилъ эти орудія къ дѣйствію и, не долго думая, направилъ ихъ дула противъ китайцевъ-же.

На полѣ битвы.

Китайская деревня.

Среди розъ и гранатъ

Оправившись отъ взрыва, я поднялся и увидѣлъ, что мои спутники казаки лежатъ на землѣ вмѣстѣ съ лошадьми и не понимаютъ, что съ ними случилось.

— Здо́рово!—сказали казаки.—Это кто же въ кого? Мы въ нихъ али они въ насъ?

Задыхаясь въ туманѣ дыма, сажи и пепла, мы побѣжали впередъ... Куда?.. Мы не знали. Но тамъ, за рощей, наши кричали ура. Мы устремились впередъ.

Я бѣжалъ по какимъ то обрывамъ, дорожкамъ и огороднымъ грядкамъ, тщательно воздѣланнымъ рукою трудолюбиваго китайца. Бѣжалъ мимо чистенькихъ домиковъ и цыновочныхъ шалашей и наконецъ попалъ въ китайскій лагерь, только что брошенный. Я потерялъ казаковъ и остался одинъ въ рощѣ, среди синихъ палатокъ, валявшихся ружей и куртокъ. Наши войска были гдѣ то впереди.

Испуганные взрывомъ кр[illegible]теряли голову и направивъ въ нашу сторону нѣсколь[illegible]и стрѣлять безъ остановки

и безъ разбора. Шрапнели и гранаты рвались надъ рощей и ломали сучья деревьевъ. Я не зналъ, куда бы укрыться, чтобы только передохнуть отъ этого адскаго треска и воя.

Какъ я заглядывался на золотистые персики и гранаты, не на тѣ гранаты, которыя пугали меня однимъ своимъ несноснымъ гуломъ, а на тѣ, что уже наливались въ садахъ.

Какъ я завидовалъ этимъ легкокрылымъ бабочкамъ и трещавшимъ кузнечикамъ, которые беззаботно порхали надъ цвѣтами и могли взлетать даже выше гранатъ. Для этихъ слабѣйшихъ и мимолетныхъ созданій были не страшны тѣ грозныя орудія, которыя заставляли дрожать войска.

Какъ я любовался на эти веселенькія розы, колокольчики и бархатки, которыя были взлелѣяны китайцемъ въ его крохотномъ огородикѣ. Какъ я старался отвлечь свое вниманіе отъ гранатъ, глядя на привѣтливые невинные цвѣты, въ ихъ красивомъ и нѣжномъ разноцвѣтномъ убранствѣ! Вѣдь красота—это улыбка и отраженіе вѣчности. А гдѣ есть спокойное величавое вѣчное, тамъ нѣтъ мѣста для жалкихъ и преходящихъ чувствъ страха.

Но какъ же тутъ не бояться, когда надъ головою воздухъ съ оглушительнымъ воемъ разсѣкаютъ гранаты?

Я прямо изнемогалъ отъ того непріятнаго чувства, которое называютъ страхомъ, хотя правильнѣе было бы его назвать страстной жаждой жизни. Я нашолъ какой-то могильный холмъ и сѣлъ позади него.

Наконецъ, у этой могилы я нашолъ себѣ жизнь. Этотъ холмъ могъ уберечь меня только отъ гранатъ, но не отъ шрапнели, но возлѣ него было всетаки какъ то спокойнѣе. Ко мнѣ подобрались наконецъ и казаки съ лошадьми. Съ живыми людьми мнѣ стало еще легче. Казаки поставили лошадей хвостомъ къ китайцамъ и сами усѣлись возлѣ меня. Ихъ удивительное спокойствіе придало мнѣ бодрости. Мы передохнули и поплелись дальше.

Я съ радостью увидѣлъ человѣкъ пять нашихъ стрѣлковъ, которые охраняли только что взятыя у китайцевъ два большихъ орудія на высокомъ обрывѣ канала, скрытыя ивами и тополями.

Стрѣлки весело болтали между собою, разсказывали, какъ они шли по той сторонѣ канала, увидали эту батарею, бросились въ каналъ съ винтовками, переплыли, взобрались на берегъ и такъ напугали китайцевъ, что тѣ бѣжали, оставивъ имъ двѣ пушки,

, палатки и мѣшокъ съ огурцами.

ы ѣли эти огурцы, похваливали ихъ и угостили меня.

Я съ удовольствіемъ сталъ закусывать сочнымъ желтымъ огурцомъ и радъ былъ поговорить съ этими неустрашимыми и неунывающими стрѣлками, которыхъ заботила не шрапнель, трещавшая въ лѣсу, а мысль о томъ, дадутъ ли имъ кресты за пушки.

— Митроха,—сказалъ одинъ красивый молодой стрѣлокъ съ острыми глазами, — подержи-ка огурецъ. Никакъ тамъ манзюкъ проклятый съ ружьемъ бродитъ. Дай-ка винтовку. Ага, испугался, далъ тяги! Вотъ тебѣ! Чтобъ не лазилъ!

Стрѣлокъ выстрѣлилъ.

— Готовъ! покатился. Больше не встанетъ! Весь паръ вышелъ. Ну, Митроха, давай огурецъ, доѣмъ.

Стрѣлокъ сѣлъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ доѣдать вкусный огурецъ.

Я оглянулся. Убитый китайскій солдатъ съ ружьемъ выбѣжалъ изъ того самаго лагеря, въ которомъ я только что былъ. Но почему онъ тамъ замѣшкался и не убилъ меня—не знаю.

Нужно было идти дальше. Черезъ лѣсъ я пробрался къ желѣзнодорожному мосту—цѣли сегодняшней атаки авангарда.

Радостно мнѣ было встрѣтить цѣлыми и невредимыми нашихъ офицеровъ, съ которыми я разстался ночью, не зная встрѣчу ли я ихъ живыми утромъ.

Весь авангардъ расположился подъ прикрытіемъ желѣзнодорожной насыпи въ китайскихъ палаткахъ. Но испытаніе еще не кончилось.

Зная, что русскіе овладѣли ихъ лагеремъ, китайцы стали упорно бомбардировать лагерь. Чтобы какъ-нибудь забыться и не слышать этого свиста и грохота, я подобно страусу, спасающемуся въ пескѣ, легъ въ палаткѣ и заснулъ. Мнѣ казалось, что въ палаткѣ безопаснѣе, и этотъ самообманъ успокаивалъ. Черезъ часъ я проснулся и почему-то вышелъ изъ палатки. На мое мѣсто прилегъ фельдфебель 10-го полка. Онъ не долго лежалъ. Раздался трескъ шрапнели и бѣдный фельдфебель закричалъ. Осколокъ шрапнели раздробилъ ему ногу. Тогда же былъ контуженъ въ голову подполковникъ 10-го полка Дювернуа. Ранены поручики Щербининъ и Вонсовичъ.

Въ 8 ч. 30 м. утра всѣ три русскія колонны: полк. Анисимова, Антюкова и Ширинскаго были на желѣзнодорожной насыпи. Еще французская батарея продолжала громить китайскій лагерь и китайскія орудія, поставленныя [illegible] водѣ; еще китайскіе форты и батареи продолжали отстрѣ[illegible] посылали намъ гранаты и

шрапнели; еще происходила одиночная ружейная перестрѣлка;—но побѣда съ этого момента была уже одержана русскими войсками. Главная часть дѣла была уже сдѣлана и участь Тяньцзина рѣшена.

Китайскія войска, видя отважное наступленіе русскихъ съ разныхъ сторонъ, видя, что ихъ не останавливаютъ ни гранаты, ни пули, видя, что само небо покровительствуетъ русскимъ, покрывая ихъ движеніе непроницаемымъ дымомъ, видя, что русскія гранаты залетаютъ въ ихъ крѣпости и ямыни,—пришли въ ужасъ и смятеніе и рѣшили бѣжать. Китайскій городъ, огромный лагерь и всѣ импани—форты съ орудіями, все было брошено на произволъ судьбы.

Днемъ китайскія пушки запѣли свою лебединую пѣснь: гранаты гремѣли, пули свистѣли и шрапнели трещали надъ новыми русскими позиціями. Но китайцы въ смятеніи стрѣляли куда попало и не могли опредѣлить наше расположеніе.

Китайскія пушки стали постепенно замолкать. Китайскія войска съ вечера начали повальное и безпорядочное бѣгство изъ лагеря и импаней.

Вечеромъ прикатили походныя кухни и нашимъ солдатамъ, промаявшимся цѣлую ночь и цѣлый день безъ пищи, въ жарѣ и трудѣ, приготовили горячій супъ.

Офицеры угощали другъ друга кто холоднымъ чаемъ въ бутылкѣ, кто сухаремъ, а кто даже виномъ. Спать легли либо въ китайскихъ палаткахъ, либо подъ открытымъ небомъ.

Ночь прошла спокойно. Уставшія войска были замѣнены новыми.

Англо-китайскій Вэйхайвэйскій полкъ.

Атака союзниковъ

Рано утромъ 30 іюня, когда русскіе шли брать Тяньцзинъ съ востока, союзники начали наступать съ юга, въ числѣ около 5000 человѣкъ. Тутъ было около 2400 японцевъ, подъ начальствомъ генерала Фукушима; 1100 американцевъ съ полковникомъ Лискэмъ; 800 англичанъ Валійскаго, Гонконгскаго и Вэйхайвэйскаго полковъ съ генераломъ Дорвардомъ; 800 французовъ съ полковникомъ Пеллако и 130 австрійцевъ.

Лишь только взошло солнце—сигналъ для общаго наступленія, 42 орудія союзниковъ, которыя были разставлены по западному фасу концессій, начали жестокую бомбардировку китайскаго города, занятаго войсками.

Союзники двинулись. Въ центрѣ шли японцы, позади нихъ французы. На правомъ флангѣ шли англичане и американцы. На лѣвомъ также а[illegible]не и американцы. Послѣдніе составляли крайнія крылья [illegible] войскъ. Китайцевъ-солдатъ Вэйхай-

вэйскаго полка англичане въ бой не взяли, а поручили имъ только уборку раненыхъ, вѣроятно, не очень довѣряя преданности и храбрости этого опереточнаго англо-китайскаго полка.[1]

Китайцы не испугались. Сидя за бойницами крѣпкихъ высокихъ стѣнъ, окружающихъ квадратомъ городъ и составляющихъ какъ бы кремль Тяньцзина, скрываясь въ каменныхъ домикахъ, разбросанныхъ тысячами вокругъ города, они направили на двигавшіяся колонны иностранцевъ градъ ядеръ и пуль изъ скорострѣльныхъ пушекъ, Маузеровъ, Винчестеровъ, Манлихеровъ и фальконетовъ. Китайцы знали, что если они отдадутъ свой городъ, то пощады не будетъ, и выбивались изъ послѣднихъ силъ, чтобы не допустить союзниковъ до стѣнъ и воротъ своего кремля. Они засыпали тучами свинцовыхъ раскаленныхъ пуль союзниковъ, которые все шли по открытой болотистой равнинѣ, не находя нигдѣ прикрытія.

Русскіе уже давно заняли всѣ полевыя укрѣпленія и стали у желѣзной дороги передъ городомъ, но союзники все еще не могли добраться до своей цѣли. Японцы все рвались впередъ, хотя уже имѣли около 300 раненыхъ и убитыхъ. Американцы наскочили на двѣ китайскихъ пушки, которыя были скрыты между развалинами въ 30 саженяхъ отъ нихъ и вырывали у нихъ людей десятками. Къ вечеру у нихъ было 120 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Американскіе солдаты залѣзли по горло въ илистый ровъ и объявили своимъ офицерамъ, что если ихъ командиры не умѣютъ вести какъ слѣдуетъ свой отрядъ, то они сами дальше не пойдутъ. Такъ потомъ разсказывали въ Тяньцзинѣ.

Начальникъ американскаго отряда полковникъ Лискэмъ, спасая падавшее знамя изъ рукъ убитаго знаменоносца, былъ тяжело раненъ пулей и скоро скончался. Изъ другихъ американскихъ офицеровъ капитанъ Дэвисъ былъ убитъ, капитаны Лонгъ и Лемли и лейтенантъ Бутлеръ ранены. Лейтенантъ Леонардъ потерялъ руку.

Когда стемнѣло, американцы отступили.

Наступила ночь и подъ ея прикрытіемъ китайцы рѣшили уйти изъ Тяньцзина, оставивъ отряды, которые должны были отстрѣливаться. Одинъ иностранный командиръ обратился къ генералу Фукушима съ предложеніемъ отступить, въ виду невозможности атаки.

— Если я дамъ какой-нибудь приказъ, то только о штурмѣ!— отвѣтилъ твердо отважный японскій генералъ.

Это былъ тотъ самый Фукушима, который нѣсколько лѣтъ назадъ,

въ чинѣ маіора, проѣхалъ всю Сибирь верхомъ и прибылъ въ Петербургъ. Онъ говоритъ порусски и на другихъ новыхъ языкахъ.

Ночью продолжали наступленіе. Китайцы все стрѣляли со стѣнъ кремля. Скоро свалилось 5 убитыхъ и 40 раненыхъ англичанъ.

Наконецъ японцы, которые безостановочно шли впереди всѣхъ союзниковъ, прикрываясь темнотою ночи, подкрались къ городскимъ воротамъ и въ 3 часа 20 мин. взорвали первыя дубовыя ворота, послѣ чего, не теряя времени, взорвали вторыя, такъ какъ городскія ворота были двойныя, какъ обыкновенно въ Китаѣ. Въ то же время нѣсколько японскихъ смѣльчаковъ взобралось по камнямъ на стѣну, проникли внутрь и растворили изломанныя и расщепленныя взрывами ворота. Японцы, а за ними англичане и французы ворвались въ городъ, и началась взаимная рѣзня между вторгшимися и тѣми, кто до послѣдней капли крови отбивался и защищалъ свои древнія стѣны. Большая часть китайскихъ войскъ уже успѣла уйти.

Генералъ Фукушима.

Тяньцзинъ былъ взятъ, но онъ достался не дешево. За эти кровавыя сутки союзники потеряли 714 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, въ томъ числѣ 31 офицера.

Потери японцевъ были: 18 офицеровъ раненыхъ и убитыхъ; нижнихъ чиновъ—105 убитыхъ и 279 раненыхъ. Потери французовъ: 7 офицеровъ и 134 солдата раненыхъ и убитыхъ. Потери американцевъ: 6 офицеровъ и 120 солдатъ раненыхъ и убитыхъ. У англичанъ 45 раненыхъ и убитыхъ.

Вмѣстѣ съ русскими потерями международные отряды всего потеряли 882 человѣка и въ этомъ числѣ 38 офицеровъ.

Силы союзниковъ, двинутыя противъ Тяньцзина, были раздѣлены приблизительно на два равныхъ отряда: восточный, состоявшій изъ русскихъ, французовъ и германцевъ, имѣлъ 4770 штыковъ, и южный изъ японцевъ, американцевъ, французовъ, англичанъ и австрійцевъ имѣлъ 5130 штыковъ. Всего 9900.

Трудности и препятствія были приблизительно равныя для обоихъ отрядовъ. Приходилось наступать какъ тѣмъ, такъ и другимъ по открытой равнинѣ, не имѣвшей прикрытій. Южному отряду предстояло брать вооружонныя стѣны города. Восточному отряду нужно было брать цѣлый рядъ укрѣпленныхъ полевыхъ позицій, но потерь въ южномъ отрядѣ было въ 4 раза больше, чѣмъ въ восточномъ—714 противъ 168.

Объяснить эту огромную разницу можно только тѣми тактическими преимуществами, тою осторожностью и умѣніемъ руководить боемъ, которыя были выказаны русскими, командовавшими восточнымъ отрядомъ. Ночное наступленіе, ночная переправа, обходное движеніе авангарда и высылка демонстративной колонны—всѣ тактическія задачи, совершенно ошеломившія противника, прекрасно задуманныя и точно выполненныя русскими командирами, были причиною быстраго и наибольшаго успѣха восточнаго отряда съ наименьшими потерями.

Южный отрядъ шолъ безъ опредѣленной диспозиціи, напроломъ, днемъ, предполагая, вѣроятно, что китайцы испугаются одного вида наступающихъ колоннъ и не выдержатъ штурма. Но китайцы неожиданно оказали очень серьезное сопротивленіе.

Послѣ того, какъ русскими силами были взяты всѣ полевыя позиціи китайцевъ, предстояло брать импани-форты и войти въ городъ.

Адмиралъ Алексѣевъ, не желая подвергать ввѣренныя ему войска новымъ жертвамъ и выжидая результатовъ дневного наступленія, приказалъ пріостановить дальнѣйшія военныя дѣйствія. Его осторожность и предусмотрительность удачно совпали съ рѣшеніемъ китайскихъ генераловъ бросить Тяньцзинъ и отступить къ Бэйцану.

Форты были взяты нами на другой день безъ всякаго сопротивленія китайцевъ и безъ ненужнаго кровопролитія.

Результаты сраженія 30 іюня были слѣдующіе: китайскія войска ушли изъ Тяньцзина; уничтожены всѣ китайскія позиціи, преграждавшія путь на Пекинъ; захвачена желѣзная дорога, ведущая къ Пекину, и занятъ Лутайскій каналъ, благодаря чему Тяньцзинъ отрѣзанъ отъ военнаго городка Лутай, откуда онъ могъ получать подкрѣпленія.

Паденіе Тяньцзина

[illegible] Дегл

[illegible] [illegible] Тяньцзинъ [illegible] 20-
[illegible] [illegible] упра-
[illegible] [illegible] большой за-
[illegible] [illegible] и 4 [illegible]-
[illegible] [illegible] 30. [illegible] полу-
[illegible] [illegible] китайскими войсками, которыя
[illegible] [illegible] огонь. Пол-
[illegible] [illegible] нѣсколько
[illegible] [illegible] свое бѣгство.

[illegible] 7 орудій, 2 ла-
[illegible] [illegible] 133 нижн. чина.
[illegible] [illegible] 9 ранено. Вы-
[illegible] [illegible] Пороховой
[illegible] [illegible] французской батареи на
[illegible] [illegible] незначительными
[illegible] [illegible] не произвели взрыва.
[illegible] [illegible] взорвали складъ. Ди-
[illegible] [illegible] Лакорбэръ. Французы
[illegible] [illegible] 27 ранеными. Тяжело раненный Комен-
[illegible]

[illegible] были заняты: главный лагерь, 4 им-
[illegible] ямынь вице-короля и дворецъ Импе-
ратрицы [illegible] русскіе флаги. Такъ называемый Чор-
ный фортъ, расположенный при выходѣ Лутайскаго канала изъ
рѣки Пэйхо, занять нами.

По извѣстіямъ, передаваемымъ китайцами, въ Тяньцзинѣ ки-
тайскихъ войскъ было около 15.000. Ихэтуанцевъ, изъ которыхъ
большинство было вооружено ружьями, было въ разное время отъ
20 до 30 тысячъ. [illegible]ми между китайскими войсками, ихэтуан-

Завоеванный Тяньцзинъ

(Посреди русскій флагъ. Слѣва импань-фортъ. Справа на горизонтѣ разрушенная башня и Католическій соборъ).

цами и жителями очень велики. Опредѣлить ихъ нѣтъ возможности. Европейскія гранаты произвели много разрушеній. Въ городѣ жители и войска нѣсколько разъ возмущались противъ ихэтуанцевъ, которыхъ считали виновниками всѣхъ нынѣшнихъ бѣдствій и ужасовъ, и вырѣзали и перестрѣляли ихъ нѣсколько тысячъ. Милліонное населеніе города опустѣло болѣе чѣмъ наполовину, такъ какъ сотни тысячъ жителей бѣжали. Китайскіе генералы Нѣ Ши Чэнъ, Ху Дѣнь Цзя и Ванъ Тунъ Линъ убиты. Помощникъ Сунъ Цина, командовавшаго войсками, знаменитый Ма Ю Куэнь раненъ.

Про Нѣ Ши Чэна китайцы передавали впослѣдствіи, что предвидя исходъ несчастнаго сраженія, гордый Нѣ не хотѣлъ пережить пораженіе китайскихъ войскъ и паденіе Тяньцзина и нарочно выѣхалъ близко къ непріятельскимъ позиціямъ, чтобы быть убитымъ. Иностранная пуля немедленно сразила его.

1 іюля осада Тяньцзина, продолжавшаяся ровно 4 недѣли, была снята.

На благородномъ мулѣ чистой китайской крови я поскакалъ вслѣдъ за Полторацкимъ. Мулъ шолъ не особенно быстро, но очень твердо и упорно заворачивалъ во всѣ китайскіе дворы, вѣроятно, отъ души желая, чтобы я разбилъ себѣ лобъ о ворота.

По ту сторону желѣзнодорожнаго полотна, занятаго нами, былъ разбитъ большой китайскій лагерь. Онъ былъ брошенъ со всѣмъ своимъ добромъ. Валялись тѣла убитыхъ китайскихъ солдатъ, которыхъ уже объѣдали мухи и собаки. Валялись форменныя куртки, сапоги, ружья, пояса, сабли, цѣлые ящики съ патронами, фонари, лампочки, одѣяла, миски съ недоѣденной кашей, чайники съ чаемъ и бутылки съ суліей—водкой. Всюду валялись разбросанныя колоды китайскихъ картъ, которыми солдаты видно часто забавлялись. Неужели они были такъ убѣждены въ своей непобѣдимости и ничтожествѣ международныхъ силъ, что находили время играть въ карты?

Изъ лагеря черезъ деревянный мостъ я проѣхалъ въ китайскій Тяньцзинъ, въ которомъ еще недавно неистовствовали боксеры, который громилъ насъ четыре недѣли и причинилъ намъ столько горя.

На мосту лежалъ трупъ старика-китайца. Возлѣ него сидѣли женщины, которыя голосили и плакали навзрыдъ. Повидимому, эти женщины оплакивали главу ихъ [illegible], случайно убитаго осколкомъ нашей гранаты. Пугливыя [illegible]ики не боялись ни проѣзжающаго иностранца, ни прох[illegible]аговъ-солдатъ. Съ потерей ихъ мужа и отца для нихъ

— Мы не хотимъ жить! Убейте насъ и похороните вмѣстѣ съ нимъ!—вопили онѣ.

Наши концессіи жестоко пострадали отъ китайскихъ гранатъ. Но и китайскій Тяньцзинъ былъ за это отомщонъ. Всюду были слѣды европейской бомбардировки. Дома мирныхъ китайцевъ были пробиты ядрами. Крыши, стѣны и ограды носили пробоины отъ разорвавшейся шрапнели. По улицамъ я встрѣчалъ тѣла бѣдняковъ-китайцевъ, убитыхъ осколкомъ или пулей. Некому было ихъ подобрать. Ихъ навѣщали только мухи, собаки и свиньи.

При моемъ проѣздѣ китайцы кланялись и показывали свои бѣлые флаги изъ холста или бумаги. Ихъ невозмутимыя лица были еще болѣе сдержанны и непроницаемы. Мнѣ казалось, что ихъ холодные глаза и притворныя улыбки покорности и униженія говорили:

— Да, мы покорены вами, побѣждены, поруганы, опозорены, мы ваши рабы, съ которыми вы можете и будете дѣлать все, что хотите. Но знайте, что нашей китайской гордости и нашей вѣры вы никогда не сломите и мы всегда будемъ васъ презирать, потому что на вашей сторонѣ только насиліе, обманъ и дерзость, а на нашей правда и четыре тысячелѣтія жизни, потому что мы—китайцы, а вы—варвары.

На всѣхъ домахъ были вывѣшены бѣлые флаги, на которыхъ были написаны кистью два іероглифа „шунь минъ“—„мирный народъ“. Страхъ передъ японцами, нагнанный еще съ послѣдней войны между Японіей и Китаемъ, былъ такъ великъ, что большею частью я встрѣчалъ флаги съ краснымъ пятномъ посрединѣ—изображающимъ Восходящее Солнце японскаго флага—и съ надписью „Да Жи Бэнь шунь минъ“—„мирный народъ великой Японіи“.

Вообще всюду, куда я ни оглядывался, я видѣлъ слишкомъ много японскихъ флаговъ. Говорили, что предусмотрительные японцы запаслись огромнымъ количествомъ готовыхъ флаговъ своей націи и, занявъ Тяньцзинскіе кварталы, сейчасъ же раздавали ихъ жителямъ.

Артиллерійская импань, захваченная Полторацкимъ, оказалась вооружена прекрасными новѣйшими орудіями, о существованіи которыхъ по странной случайности никто изъ европейцевъ въ Тяньцзинѣ не зналъ. Напротивъ, говорили, что китайскіе форты вооружены старинными деревянными пушками.

форт, выкрашенный въ чорный цвѣтъ, съ нарисованными и драконами, производившій такое сильное впе-

чатлѣніе на миссіонеровъ, былъ дѣйствительно грозенъ на видъ, но его вооруженіе состояло изъ старыхъ чугунныхъ пушекъ. На этомъ форту были подняты два флага—русскій и японскій.

Въ занятыхъ нами лавкахъ были поставлены наши караулы.

Черезъ китайскіе кварталы по узкимъ грязнымъ улицамъ я поѣхалъ къ вокзалу, котораго не видѣлъ четыре недѣли. Китайцы всюду почтительно кланялись и показывали бѣлые флаги. Чѣмъ ближе къ вокзалу, тѣмъ больше было разрушеній. Это было уже дѣло боксерскихъ рукъ. Цѣлые участки представляли одну груду камней, кирпича и угля, по которымъ бродили одѣ собаки. Изъ подъ золы и мусора выступали обожженныя кости скелета, обгорѣвшіе трупы, истлѣвшее платье, битая рухлядь. Тысячи и десятки тысячъ семей виновныхъ и невиновныхъ были разорены, перебиты, сожжены и разсѣяны.

Американскій лагерь въ Тяньцзинѣ.

Русская батарея въ импани.

Завоеванные и завоеватели

Тяньцзинъ оживаетъ. Въ подбитыя и обгорѣвшія зданія на концессіяхъ возвращаются бѣжавшіе европейцы. Уцѣлѣвшіе магазины снова открываютъ свои двери и окна. Точно мухоморы послѣ грозы, выросли наскоро сколоченныя изъ цыновокъ и досокъ или коекакъ устроенныя въ брошенныхъ домахъ — лавочки, кабачки, пивныя, въ которыхъ торговали сомнительныя личности и несомнѣнные проходимцы разныхъ національностей, говорящіе на какихъ угодно языкахъ, скупающіе и продающіе какія угодно вещи, неожиданно нахлынувшіе и также быстро и безслѣдно пропадавшіе. Преимущественно это были вездѣсущіе евреи, юркіе греки, неунывающіе итальянцы, благородные кавказцы, тонконогіе индусы, гордые мулаты и пестрые американцы. Надъ шалашами появились вывѣски: „Русскій ресторанъ“, „Русская бакалейная и корчма“, „International shop“, „Deutsche Bierhalle“ и т. д.

Тяньцзинъ пестрѣетъ флагами всѣхъ союзныхъ націй. Флаги всюду: надъ домами, гдѣ размѣстились войска, надъ консульствами,

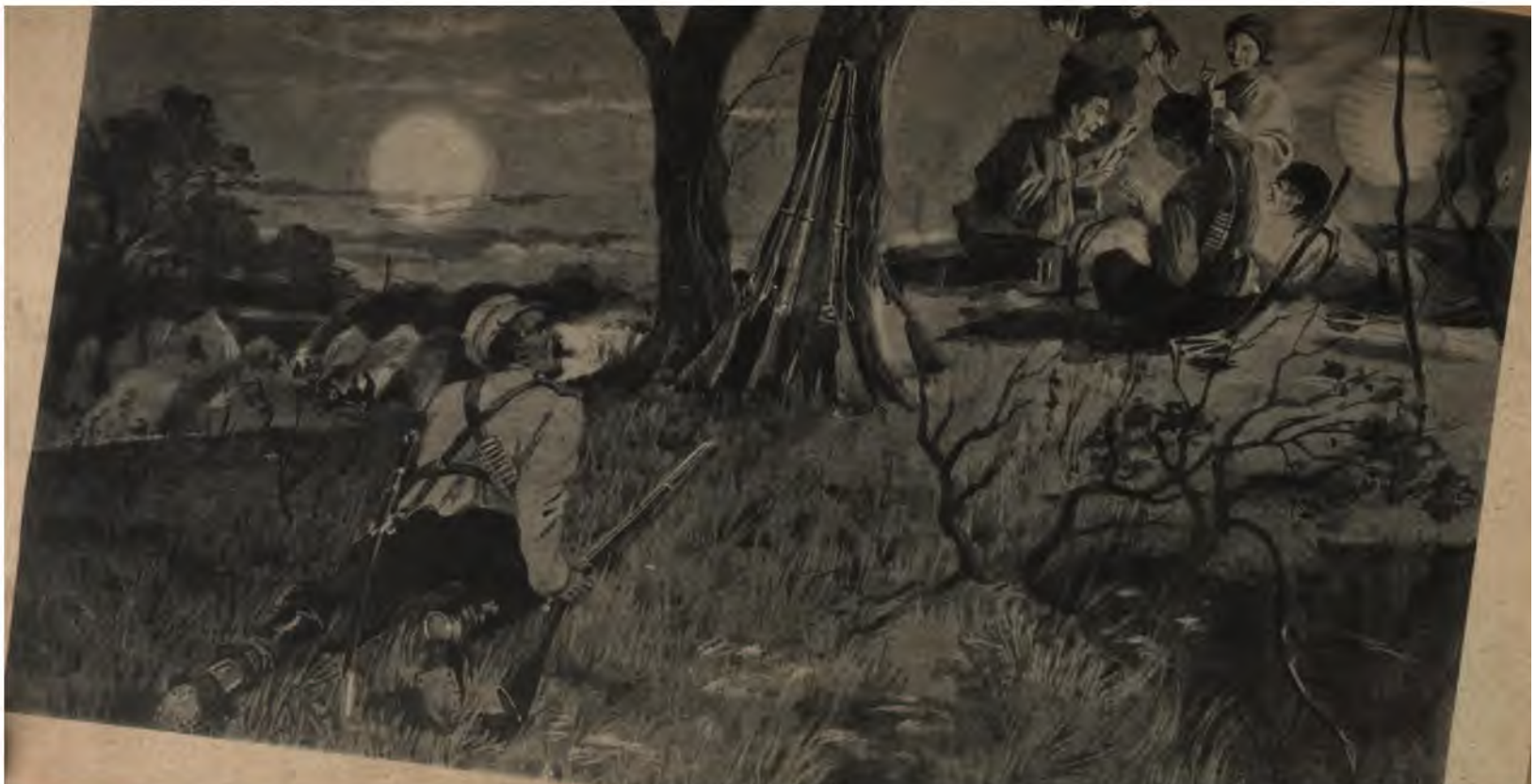
Такъ какъ по ихъ понятіямъ китайцы были не полноправные люди, а варвары и кули, т. е. чернорабочіе, то съ ними поступали какъ съ рабами. Для исполненія всякихъ чорныхъ и тяжолыхъ работъ союзники устраивали особаго рода охоту или ловлю китайцевъ. Отряжали команду солдатъ, которымъ было приказано наловить китайцевъ для работы. Солдаты отправлялись и забирали въ городѣ всякаго китайца, который имѣлъ несчастіе попасть имъ на встрѣчу.

Китаецъ, захваченный японцами.

Солдаты не спрашивали, желаетъ ли и можетъ ли китаецъ работать или нѣтъ, а забирали столько человѣкъ, сколько было приказано. За работу имъ только давали рисъ. За побѣгъ или малѣйшіе признаки неповиновенія или неудовольствія били палками. Такъ какъ лѣтомъ всѣ китайцы обыкновенно одѣваются болѣе или менѣе одинаково въ простые бумажные синіе костюмы, то солдаты, конечно, захватывали китайцевъ безъ всякаго разбора: въ одну кучу ловили и рабочихъ и торговцевъ, ремесленниковъ, учениковъ школъ, стариковъ, взрослыхъ и мальчиковъ, семьи которыхъ съ отчаяньемъ ждали возвращенія своихъ пропавшихъ безъ вѣсти сыновей, мужей и отцовъ. Союзники не спрашивали о томъ, что останется съ мирной и порядочной семьей, у которой вдругъ отрывали принадлежавшихъ ей мущинъ, они только требовали, чтобы было доставлено такое то число кули, и очень удивлялись, что русскіе платили не только рисомъ, но и деньгами работавшимъ у нихъ манзамъ.

Китайцы со слезами разсказывали мнѣ объ этой охотѣ за людьми, которою занимались международные отряды.

Только одно обстоятельство можно привести въ нѣкоторое извиненіе такого варварскаго отношенія союзниковъ къ мирнымъ китайцамъ. Когда былъ взятъ Тяньцзинъ, то въ очень многихъ до-



махъ были найдены стѣны съ просверленными отверстіями, черезъ которыя мирные и немирные китайцы стрѣляли изъ своихъ ружей по концессіямъ и вокзалу. Въ такихъ домахъ находили ружья и кучи патроновъ. Изъ окрестныхъ деревень также постоянно стрѣляли по иностраннымъ отрядамъ.

Кромѣ того бывали случаи, что команды солдатъ въ нѣсколько человѣкъ, отправленныя въ китайскіе кварталы или сосѣднія деревни за фуражомъ, навсегда пропадали. Вѣроятно они заходили въ какіе-нибудь очень глухіе переулки, попадали къ вооружоннымъ китайцамъ, безчинствовали у нихъ и были убиты изъ-за угла.

Но съ того часа какъ Тяньцзинъ палъ и всѣ китайцы вывѣсили бѣлые флаги въ знакъ покорности, подобная ловля людей, производимая цивилизованными войсками, напоминала дикія расправы давно угасшихъ временъ. Я всегда удивлялся, съ какимъ достоинствомъ и какъ безропотно пойманные китайцы, имѣвшіе иногда самый добропорядочный видъ, исполняли взваленную на нихъ непосильную работу.

Хотя союзники поступали такъ съ китайцами, потому что презирали ихъ и считали за варваровъ и рабовъ, но я не рѣшаюсь сказать откровенно, кто болѣе достоинъ названія варваровъ: тѣ ли китайцы, которые въ количествѣ болѣе 500,000 человѣкъ, не имѣя никакихъ властей, въ силу вошедшей въ плоть и кровь ихъ давнишней народной дисциплины, ниразу не нарушили порядка и не произвели ни одного возмущенія въ милліонномъ городѣ, который отстаивали всѣми силами,—или же тѣ цивилизованные иностранцы, которые взламывали двери и окна банковъ, магазиновъ и ямыней, грабили серебро, врывались въ дома, наполненные семьями, отымали у нихъ всякое добро, позорили женщинъ и въ случаѣ сопротивленія расправлялись съ китайцами при помощи револьверовъ и ружей.

Временное правительство, учрежденное въ Тяньцзинѣ по почину и стараніями адмирала Алексѣева, мало-по-малу прекратило эти безпорядки и внесло въ этотъ обездоленный городъ спокойствіе, личную безопасность и правосудіе.

Временное управленіе въ Тяньцзинѣ

Во время описываемыхъ событій русскіе не только были главными инициаторами въ военныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ защитѣ иностранныхъ концессій и окончившихся снятіемъ осады съ Тяньцзина и бѣгствомъ китайскихъ войскъ; русскіе не только возстановили изъ развалинъ съ рекордной скоростью желѣзную дорогу между Тонку и Тяньцзиномъ, благодаря чему всѣ союзные отряды получили возможность быстро, исправно и безопасно доставлять свои войска съ рейда въ Тяньцзинъ, а впослѣдствіи и до Янцуня, русскіе, въ лицѣ адмирала Алексѣева, сдѣлали почину въ установленіи временнаго управленія въ только что завоеванномъ Тяньцзинѣ.

Для этой цѣли адмиралъ пригласилъ на совѣщаніе командировъ всѣхъ союзныхъ отрядовъ.

Вопросу объ установленіи гражданскаго управленія въ Тяньцзинѣ были посвящены два засѣданія 3 и 5 іюля, на которыхъ присутствовали представители всѣхъ иностранныхъ отрядовъ, а именно: начальникъ Печилійскаго отряда генералъ Стессель; ан[illegible] Горвардъ; японецъ генералъ Фукушима; фран[illegible] американецъ полковникъ Мидъ; гер[illegible] лейтенантъ Индракъ и итал[illegible] присутствовалъ англійскій [illegible] вице-адмиралъ Алексѣевъ. [illegible] Коростовецъ.

[illegible] выяснилось, что англичане и [illegible] образа дѣйствій и привлечь [illegible] безусловно солидарны съ [illegible] англичанамъ, а австрійцы [illegible] числа присланныхъ [illegible] интересовъ на сѣверѣ

Англичане относятся весьма ревниво къ доминирующему положенію русскихъ въ Тяньцзинѣ.

Такъ, когда на указанныхъ засѣданіяхъ русскій адмиралъ предложилъ, чтобы въ интересахъ дѣла и единства дѣйствій во главѣ управленія китайскимъ Тяньцзиномъ было поставлено одно лицо, съ чѣмъ вполнѣ согласился и японскій генералъ Фукушима, англичане

Генералъ Вогакъ.

нашли такое управленіе весьма неудобнымъ, изъ боязни, вѣроятно, чтобы такимъ полновластнымъ лицомъ не былъ назначенъ русскій. Англичане не согласились ни съ проектомъ назначить 1 предсѣдателя съ совѣтомъ изъ выборныхъ представителей всѣхъ 8-ми націй, ни съ проектомъ назначить 1 предсѣдателя и 2 вице-предсѣдателей, такъ что вообще было довольно трудно узнать, чего собственно желаютъ англичане и могутъ ли они вообще съ чѣмъ нибудь согласиться.

Наконецъ, когда адмиралъ предложилъ назначить трехъ президентовъ: русскаго, англичанина и японца,—англичане, наконецъ, согласились.

Губернаторами временнаго управленія были избраны и утверждены всѣми командирами международныхъ отрядовъ слѣдующія лица: со стороны Россіи—полковникъ Вогакъ; со стороны Японіи—начальникъ японскаго штаба полковникъ Аоки; со стороны Англіи—командиръ 1-го Вэйхайвэйскаго полка подполковникъ Боуэръ.

По порученію адмирала Алексѣева, полковникъ Вогакъ и дипломатическій чиновникъ Коростовецъ немедленно выработали „Положеніе объ управленіи Тяньцзиномъ“—„Réglements Généraux d'Administration pour la ville de Tientsin“. Положеніе было объявлено отъ имени трехъ вновь избранныхъ губернаторовъ и утверждено адмираломъ Алексѣевымъ и остальными командирами.

Новому управленію было присвоено наименованіе: „Conseil du Gouvernement Provisoire de la Cité Chinoise de Tientsin“.

Главнымъ секретаремъ управленія былъ назначенъ американецъ Дэмби.

Юрисдикція управленія была распространена исключительно на китайскіе кварталы и окрестности Тяньцзина. Иностранныя концессіи и все, что было занято иностранными военными властями, вѣдѣнію трехъ губернаторовъ не подлежало.

Ближайшими задачами новаго правительства было: возстановленіе порядка и безопасности, принятіе санитарныхъ мѣръ, содѣйствіе военнымъ властямъ, охрана брошеннаго имущества китайскаго правительства и частныхъ лицъ, принятіе мѣръ къ предупрежденію голода среди туземцевъ.

Совѣтъ трехъ губернаторовъ имѣлъ право издавать необходимыя правила; налагать на туземцевъ подати и взимать всѣ тѣ сборы, которые взыскивало китайское правительство; взять въ свою собственность или подъ свой надзоръ все казенное или частное имущество, покинутое въ Тяньцзинѣ.

Совѣту трехъ, кромѣ полицейскихъ правъ, была предоставлена также власть судебная: право налагать на туземцевъ штрафы, конфисковать ихъ имущество и, въ случаѣ необходимости, подвергать виновныхъ ссылкѣ и даже смертной казни.

Въ августѣ мѣсяцѣ, по случаю серьезной болѣзни полковника Вогака, на мѣсто русскаго губернатора былъ назначенъ полковникъ Вороновъ, котораго впослѣдствіи замѣнилъ полковникъ Глинскій.

Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ на Печилійскомъ театрѣ войны

числа войскъ иностранныхъ отрядовъ, въ совѣтъ трехъ губернаторовъ постепенно вошли и губернаторы отъ другихъ націй, не имѣвшихъ до сихъ поръ своихъ представителей въ Тяньцзинскомъ правительствѣ, именно: отъ Германіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ и Италіи.

Временное правительство сейчасъ же и энергично принялось за работу: завело прекрасную полицію, ввело правильные налоги и пошлины; расчистило городъ; расширило улицы; осушило городскія болота; углубило и упорядочило рѣку Пэйхо, а главное— прекратило въ городѣ грабежи и разбои, благодаря чему собственность и жизнь китайцевъ-горожанъ получили защиту, а брошенное имущество китайскаго правительства было спасено на сотни тысячъ ланъ.

Это международное учрежденіе, съ самаго начала получившее закваску серьезной энергичной и быстрой работы, при условіяхъ взаимнаго довѣрія и взаимной поддержки, оказалось настолько живуче, что просуществовало ровно два года. Оно было упразднено лѣтомъ 1902 года, такъ какъ къ этому времени въ Чжилійской провинціи возстановился законный порядокъ.

Въ управленіе Тяньцзиномъ вступили китайскія власти, во главѣ съ новымъ генералъ-губернаторомъ Юань Ши Каемъ.

Желѣзный мостъ въ Тяньцзинѣ.

1-й Уссурійскій желѣзнодорожный батальонъ въ Тонку.

Русская желѣзная дорога

16 Іюля

Я проѣхалъ по новой русской военной желѣзной дорогѣ Тяньцзинъ-Тонку, возстановленной въ двѣ недѣли 1-мъ Уссурійскимъ желѣзнодорожнымъ батальономъ, прибывшимъ изъ Владивостока. Начальникъ дороги—командиръ батальона полковникъ Келлеръ. Тяньцзинскій вокзалъ, бывшій мишенью китайскихъ батарей въ теченіе мѣсяца, представляетъ живописную груду развалинъ, увѣнчанныхъ русскимъ флагомъ. Уцѣлѣли однѣ стѣны, которыя покрыты жестокими язвами гранатъ и огня. Между стѣнами кучи камней и мусора. Контора станціи помѣщается въ уцѣлѣвшемъ „залѣ I класса", который представляетъ отдѣльный домикъ справа и предназначался только для европейскихъ пассажировъ, куда китайцы не имѣли права входа. Дорога была выстроена англичанами для китайскаго правительства въ 1897 году.

Комендантомъ станціи назначенъ поручикъ 11 полка Филичкинъ. Его стараніями вокзалъ очищенъ отъ неимовѣрнаго количества мусора и грязи, которыми онъ былъ заваленъ. Дебаркадеръ безукоризненъ.

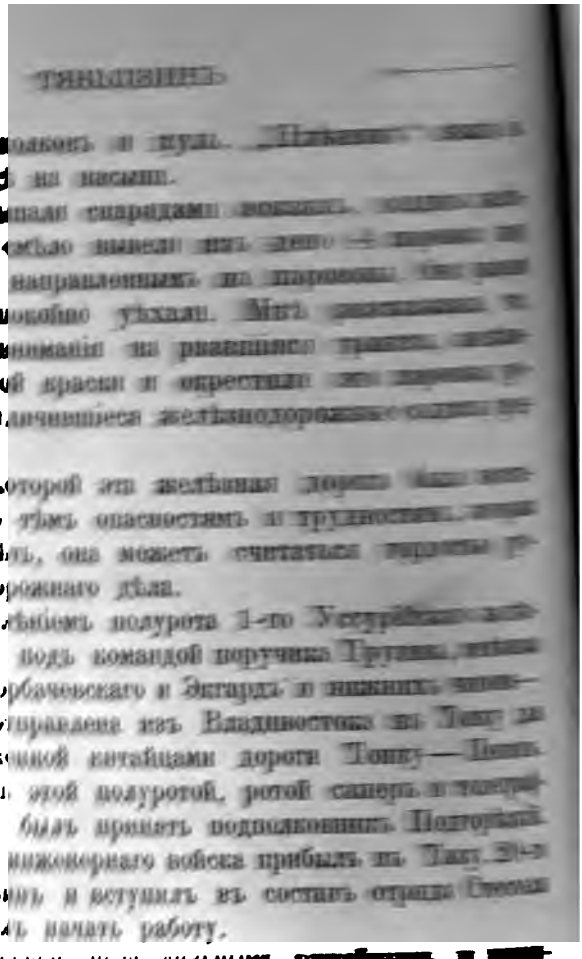
Въ распоряженіи коменданта находится армія косоглазыхъ оборванныхъ манзъ, числомъ около 150 человѣкъ, которые набраны для работъ въ сосѣднемъ китайскомъ городѣ и изъ которыхъ, навѣрное, добрая половина была боксерами. За работу они получаютъ

кровъ, рисъ и по 10 коп. въ день. Сперва они выводились на работы съ конвоемъ и часто бѣгали. Теперь же они работаютъ безъ конвоя и сами просятся на работы, видя, что ихъ не бьютъ и даже даютъ имъ деньги. Старшина получаетъ 60 коп. въ день. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ—это очень высокая плата.

Поѣзда отходятъ исправно въ Тонку три раза въ день: въ 8 час. утра, въ 12 ч. и въ 4 ч. дня. Въ тѣ-же часы поѣзда отходятъ изъ Тонку въ Тяньцзинъ и идутъ 3 часа.

Полковникъ Келлеръ.

Я былъ радостно удивленъ, когда къ дебаркадеру разрушенной китайской станціи подкатилъ паровозъ, подбитый пулями, съ надписью „Молодецъ“. Такихъ молодцовъ я увидѣлъ еще трехъ—„Русскій“, „Воинъ“ и „Плѣнникъ“. Послѣдняго я увидѣлъ въ довольно безнадежномъ состояніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тяньцзина. Его котелъ былъ разбитъ гранатами. Корпусъ и труба



совой работы паровозъ былъ готовъ. Къ ведущему паровозу прицѣпили холодный паровозъ и 4 вагона. Настало затишье.

Лишь только вышелъ паровозъ съ тендеромъ и вагонами впередъ, послышался оглушительный залпъ изъ орудій, гранаты посыпались въ холодный паровозъ и въ вагоны съ углемъ. Но такъ какъ въ переднемъ паровозѣ не было паровъ, то и опасности взрыва не могло быть. Китайцевъ надули. Выйдя изъ крѣпостныхъ воротъ, наши отважные машинисты дали свистокъ съ паровоза.

Китайская дорога, возстановленная русскими.

Русскіе полки привѣтствовали поѣздъ радостными криками „ура“. Передній паровозъ, какъ попорченный, былъ выкинутъ и работали однимъ паровозомъ.

Желѣзнодорожники и саперы приложили теперь всю энергію, чтобы при помощи завоеваннаго подвижнаго состава продвинуться поскорѣй къ Цзюньлянчену.

Разрушеніе дороги представляло отчаянную картину: шпалы были уничтожены на всемъ протяженіи отъ станціи Тяньцзинъ на 15 верстъ къ Цзюньлянчену. Достать ихъ было неоткуда, рельсы разболчены, исковерканы, часть уничтожена и разбросана по сторонамъ полотна. Костылей, болтовъ и подкладокъ нѣтъ нигдѣ. Деревянное строеніе многихъ мостовъ сожжено, а одинъ мостъ въ 24 саж. длины взорванъ, причемъ уцѣлѣло 6 каменныхъ устоевъ не на одинаковой высотѣ.

Организація работы состояла въ слѣдующемъ: начать работу съ обоихъ концовъ разрушенія. За неимѣніемъ шпалъ вытаскивать

[illegible]

[illegible]

Поѣздъ съ французами.

рійскимъ огнемъ. Съ увеличеніемъ подвижного состава увеличилась и скорость работъ и облегчилась доставка матеріальной части. Рѣшительный бой 30 іюня заставилъ непріятеля покинуть свои позиціи, откуда онъ поражалъ убійственнымъ огнемъ станцію. Станція была въ русскихъ рукахъ и желѣзнодорожники достали, наконецъ, весь нужный матеріалъ для пути и мостовъ, что дало возможность на 10-й день работъ закончить укладку на протяженіи 16 верстъ и 4 дня было употреблено на возстановленіе желѣзнодорожнаго моста въ 24 саж. длины; брусья на клѣтки были сплавлены изъ арсенала по каналу, прежнія фермы подняты и поставлены на [illegible]. Мостъ перекинутъ черезъ впадину, гдѣ скопляется мно[illegible] [illegible]. Безостановочная работа на мосту дала закончить эту р[illegible] [illegible] 4 дня.

Такимъ образомъ 6 іюля открыто сквозное движеніе Тяньцзинъ—Тонку, которымъ немедленно стали пользоваться всѣ союзники.

7 іюля прибылъ начальникъ дороги полковникъ Келлеръ и были даны правила эксплоатаціи готоваго участка, назначены служащіе по всѣмъ службамъ и представилась возможность въ ежедневномъ обращеніи 3 паръ поѣздовъ для перевозки войскъ союзниковъ.

Начальникъ движенія дороги былъ поручикъ Гросманъ. Начальникъ пути—поручикъ Азмидовъ. Начальникъ тяги—инженеръ путей сообщенія Корсаковъ. Начальникъ станціи Тяньцзинъ—подпоручикъ Экгардъ. Начальникъ станціи Тонку—поручикъ Горбачевскій. Комендантъ той же станціи—поручикъ 10-го полка Хелковскій.

Дорога охранялась батальономъ 2-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка, посредствомъ заставъ, выставленныхъ вдоль всего пути.

Полковникъ Келлеръ, впослѣдствіи произведенный въ генералы, былъ самъ неутомимый труженикъ и вдохновлялъ своихъ подчиненныхъ къ такой же энергичной и быстрой работѣ. Онъ благополучно перенесъ всѣ треволненія и опасности во время военныхъ дѣйствій въ Печили и трагически погибъ спустя полгода, во время пожара въ поѣздѣ Уссурійской желѣзной дороги, начальникомъ которой онъ былъ.

Въ Тонку.

Русскій госпиталь въ Тонку.

Русскій госпиталь въ Тонку

17 Іюля

Прибывъ въ Тонку, я направился въ Полевой запасной № 3 госпиталь, находившійся недалеко отъ станціи.

Въ этотъ госпиталь привозили на баржахъ изъ Тяньцзина раненыхъ русскихъ и французовъ. Отсюда русскихъ раненыхъ перевозили на пароходахъ въ Портъ-Артуръ, а французовъ—въ Тонкинъ. Самая лучшая организація госпиталей и транспортировка раненыхъ была у русскихъ и только русскіе имѣли промежуточный госпиталь въ Тонку.

Госпиталь былъ расположенъ частью въ каменныхъ китайскихъ домикахъ, брошенныхъ владѣльцами, частью въ 11-ти парусиновыхъ шатрахъ. Хотя приходилось приспособляться къ китайскимъ домикамъ, однако докторъ Куковѣровъ, назначенный старшимъ ординаторомъ госпиталя, привелъ китайскія фанзы-домики въ такой блестящій видъ, что ничего лучшаго нельзя было и желать. Комнаты для операцій, перевязокъ и храненія инструментовъ и перевязочныхъ припасовъ бы[illegible]чищены, вымыты оклеены бѣлой бумагой. Во всѣхъ пал[illegible]рочная и порядокъ. Раненые и больные лежали

свѣжемъ бѣльѣ. Хирургическіе инструменты содержались въ безукоризненномъ порядкѣ. Къ сожалѣнію, они немного устарѣли—всѣ были образца 1848 года, а пули и осколки гранатъ, которые приходилось извлекать изъ раненыхъ этими инструментами, доходили до образца 1898 года.

Когда мы съ Куковѣровымъ и Анатоліевымъ, главнымъ врачомъ госпиталя, осматривали всѣ помѣщенія, мы встрѣтили поручика Блонскаго съ забинтованной рукой. Судьба его преслѣдовала. Онъ былъ первый офицеръ международныхъ отрядовъ, израненный боксерскими копьями еще до осады Тяньцзина. Черезъ мѣсяцъ, когда онъ уже поправился и вышелъ изъ госпиталя, онъ снова пострадалъ отъ тѣхъ самыхъ китайцевъ, языкъ которыхъ онъ такъ старательно и успѣшно изучалъ въ Тяньцзинѣ.

Выйдя изъ воротъ одного дома по улицѣ Викторіи въ Тяньцзинѣ, онъ садился на велосипедъ, чтобы исполнить порученіе полковника Вогака, въ распоряженіи котораго онъ состоялъ. Возлѣ него китайская граната ударила въ каменную ограду. Осколки полетѣли во всѣ стороны, разбили велосипедъ и одинъ осколокъ тяжело ранилъ Блонскаго въ лѣвую руку. Международная тяньцзинская колонія, хорошо знавшая Блонскаго, была весьма огорчена этимъ извѣстіемъ.

На мой вопросъ докторъ Куковѣровъ сообщилъ слѣдующія свои наблюденія надъ тѣми ранеными разныхъ національностей, которыя сотнями прошли черезъ его руки:

— По выносливости,—говорилъ Куковѣровъ,—первое мѣсто занимаютъ китайцы, японцы и русскіе. За ними слѣдуютъ нѣмцы, французы и другія націи. Всѣ раны можно раздѣлить на раненія пулями, гранатами и обжогъ фугасами и взрывами. Пулевыя раны иногда показывали удивительные ходы пули. Такъ одна пуля попала въ ногу спавшаго и лежавшаго на землѣ стрѣлка. Пройдя черезъ толщу ноги, туловище и грудь, пуля вышла черезъ плечо. Иногда пуля застревала во рту, проникала въ грудную клѣтку, черепъ и мозгъ. Большинство солдатъ, получившихъ такія тяжкія раны, выздоравливали даже съ раненіями мозга. Лейтенантъ Кехли, бывшій въ отрядѣ Сеймура, былъ раненъ пулей черезъ правую глазницу въ мозгъ. Я ему сдѣлалъ три операціи, во время которыхъ долженъ былъ вскрыть его мозговое вещество. Однако,

совершенно выздоровѣлъ.

ватныя раны почти всегда были тяжкими и вызывали

агноеніе. Обожженные газами и покрытые ранами

отъ осколковъ дерева, песку и камней, часто съ переломами костей, невыносимо страдали, но многіе изъ нихъ выживали и выздоравливали. Изъ операцій преобладали: извлеченіе пуль и гранатныхъ осколковъ, отнятія конечностей, вылущеніе и резекція суставовъ и сѣченіе костей, перевязки сосудовъ, трепанація черепа, удаленіе разрушенныхъ глазъ. У многихъ русскихъ раненыхъ послѣ операціи быстро поднимался духъ и на лицахъ вновь разливалась бойкая русская безпечность. Не то бывало съ иностран-

Докторъ Куковѣровъ дѣлаетъ операцію китайцу.

цами, которые уныло и безнадежно смотрѣли на свои ампутированныя конечности. Теченіе пулевыхъ раненій въ общемъ было благопріятно. Раны мягкихъ частей заживали очень быстро, большею частью безъ нагноенія, причиною чего является малый размѣръ пуль, ихъ большая поступательная сила, безгнилостность и почти немедленное, безъ потери времени закрываніе ранъ повязками. Однако опыты на трупахъ съ новыми ружейными пулями заставляли ожидать гораздо болѣе тяжолыхъ послѣдствій.

— Не менѣе благопріятно шло теченіе раненій грудной клѣтки, плевры и легкихъ. Изъ случаевъ, которые я наблюдалъ, всѣ

раненые выздоровѣли безъ значительныхъ осложненій. Только двое имѣли воспаленіе легкихъ отъ кровоизліянія. Раны большихъ суставовъ, которыя я лѣчилъ антисептической тампонадой, почти всегда заканчивались полнымъ возстановленіемъ дѣятельности поврежденныхъ суставовъ. Мнѣ ниразу не пришлось дѣлать ампутаціи изъ-за подобныхъ раненій. Извлеченіе пуль, чугунныхъ осколковъ, обломковъ костей и операціи даже на важныхъ областяхъ тѣла подъ прикрытіемъ антисептики и современныхъ методовъ обыкновенно давали благопріятный исходъ. При самыхъ неудобныхъ условіяхъ, при какихъ мнѣ приходилось производить большинство операцій, крайне спѣшно, при походной обстановкѣ, часто безъ необходимыхъ инструментовъ и апаратовъ,—результаты получались очень хорошіе. Однажды мнѣ пришлось вскрыть легочный мѣшокъ для извлеченія пули, послѣ чего больной выздоровѣлъ совершенно. Я вскрывалъ ножомъ суставы для удаленія пуль и кусковъ платья и затѣмъ раненые ходили свободно. Раненый солдатъ Емельяновъ, потерявъ всю ногу до бедра, черезъ полторы недѣли всталъ съ постели и пошолъ съ костылемъ. Даже извлеченіе пули изъ живота съ раненіемъ кишечника въ одномъ случаѣ кончилось благополучно.

— Не то наблюдалось при раненіяхъ осколками гранатъ. Разрушенія мягкихъ частей, мышцъ и костей были настолько тяжкими, зараженіе всего организма продуктами омертвѣнія и гноенія шло при тропической жарѣ такъ быстро, что я очень часто былъ принужденъ отнимать конечности и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. То же наблюдалось и при раненіяхъ новыми пулями, попадавшими въ крѣпкія кости бедра и плеча, гдѣ онѣ почти всегда дробили кость въ мелкіе кусочки на подобіе разрывныхъ пуль думъ-думъ. Въ подобныхъ случаяхъ леченіе часто оканчивалось ампутаціей. Крупныя свинцовыя пули изъ старыхъ китайскихъ ружей давали на мѣстѣ раны всѣ тѣ неблагопріятныя осложненія, которыя описывались въ прежнія войны. Раны, произведенныя гранатами и взрывами фугасовъ, быстро принимали гангренозный видъ и нельзя было долго ждать съ операціей, чтобы спасти жизнь раненому. Былъ случай у французскихъ раненыхъ, отправленныхъ въ Тонку по рѣкѣ Пэйхо. За время пути въ ихъ ранахъ зароились личинки мухъ и бѣлые черви. Раны имѣли живой видъ. Частыя смѣны повязокъ не помогали. Мази тоже разлагались. Приходилось напряженно работать и тоже оперировать. Другой бичъ при ранахъ, хотя и значительно рѣже, былъ ране-

тельностью, добровольная сестра Юлія, родственница погибшаго смертью храбрыхъ въ Тяньцзинскомъ сраженіи 30-го іюня штабсъ-капитана Комендантова, и сестра милосердія Кр. Креста Иранда Образцова, бывшая старшею сестрою въ госпиталѣ.

Образцова принадлежитъ къ числу тѣхъ образцовыхъ русскихъ труженицъ, скромныхъ, но неутомимыхъ, которыхъ такъ пріятно встрѣчать во всѣхъ сферахъ русской общественной дѣятельности. Сестра Образцова внесла не малую долю своего личнаго труда въ

Сестра Образцова.

дѣло устройства первой русской колоніи въ Китаѣ—на Квантунѣ. Осенью 1899 года она была командирована въ Портъ-Артуръ въ числѣ десяти сестеръ для борьбы съ чумою. Затѣмъ была опредѣлена въ Портъ-Артурскій военный госпиталь, гдѣ ухаживала за дизентеричными больными, когда въ Артурѣ появилась эпидемія дизентеріи. Состояла весьма полезнымъ членомъ Квантунскаго комитета Кр. Креста. Во время военныхъ дѣйствій работала въ Тонку до сентября мѣсяца, когда она, размѣщая раненыхъ на пароходѣ, имѣла несчастіе упасть въ трюмъ и переломила себѣ ногу въ двухъ мѣстахъ. Едва оправившись и еще ходя на костыляхъ, она пріѣхала въ Портъ-Артуръ, гдѣ устраивала новую общину сестеръ милосердія и офицерскій госпиталь. Къ сожалѣнію, болѣзнь ноги заставила ее вернуться въ Россію для продолжитель-

наго леченія. Въ настоящее время она трудится въ одной общинѣ на Кавказѣ.

Осмотрѣвъ палаты, мы пошли въ фанзу, которую занимали врачи и сестры. Они размѣстились въ маленькихъ каморкахъ, единственнымъ убранствомъ которыхъ были складныя постели и чемоданы. Жили по походному. Большой обѣденный столъ стоялъ передъ фанзою во дворикѣ, защищонный отъ солнца цыновочнымъ навѣсомъ. На столѣ всегда кипѣлъ самоваръ. Часто бывали гости. Сестрицы разливали чай и угощали вареньемъ, бисквитами и консервами. Здѣсь было, такъ сказать, мѣсто собранія русскаго общества въ Тонку.

„Пэйхо".

Полковникъ Модль, адмиралъ Веселаго и лейтенантъ Балкашинъ.

Русскій уголокъ

Вечеромъ, когда солнце заходило за выжженныя имъ поля гаоляна и чумизы, тонкусцы собирались на пристани Тонку. Весь берегъ былъ заваленъ безчисленными грудами ящиковъ съ патронами, снарядами, консервами, виномъ, различными колоніальными товарами и бочками съ пивомъ и корзинами съ бутылками японской содовой воды. Иногда по вечерамъ игралъ оркестръ русской военной музыки. Раздавались звуки марсельезы или казачка и русскіе солдаты и матросы, обнявшись съ французами, начинали плясать, кто что умѣлъ. Иногда дѣло доходило даже до кадрили.

Хотя кругомъ были разбросаны бѣлые или желтые китайскіе домики съ черепичными или глиняными крышами и повсюду бродили иностранные солдаты и слышалась разноязычная рѣчь, однако, чувствовалось, что Тонку на это время—русскій уголокъ.

Русскій госпиталь былъ расположенъ возлѣ полотна желѣзной дороги, которая была возстановлена русскими. Поѣзда, биткомъ набитые союзными отрядами и ихъ обозомъ, уходили въ Тяньцзинъ съ русскими машинистами и кондукторами изъ нижнихъ чиновъ Уссурійскаго желѣзнодорожнаго батальона. Всѣ стрѣлочники по линіи и посты, охранявшіе линію, были русскіе. На всѣхъ станціяхъ уже работали русскіе офицеры, телеграфисты и почтовые

Комендантомъ пристани былъ русскій мичманъ Штеръ.

уже устроились русскіе ресторанчики и лавки съ

табакомъ и консервами. Владѣльцами ихъ хотя

были и не русскіе, но во всякомъ случаѣ это были русскіе подданные самаго юговосточнаго типа, примчавшіеся изъ Портъ-Артура и Владивостока, чтобы помочь интендантству своими разнообразными товарами. Однако крутыя мѣры военнаго начальства, не позволявшаго этимъ расторопнымъ и невиннымъ торговцамъ винныхъ товаровъ спаивать солдатъ, причиняли имъ много огорченій.

Вице-адмиралъ Гильтебрандтъ.

По рѣшенію адмираловъ союзной эскадры въ Таку, комендантомъ города Тонку былъ назначенъ младшій флагманъ нашей эскадры контръ-адмиралъ Веселаго, которому пришлось участвовать уже въ третьей войнѣ. Мичманомъ онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ и охранялъ наши берега отъ иностранной военной контрабанды во время усмиренія польскаго мятежа. Капитанъ-лейтенантомъ онъ

принималъ участіе въ устройствѣ переправы черезъ Дунай и закладывалъ мины противъ турокъ. Контръ-адмираломъ онъ плавалъ въ водахъ Жолтаго моря и сталъ участникомъ усмиренія боксерскаго возстанія. Изъ Тонку онъ отправилъ нѣсколько международныхъ отрядовъ для очищенія окружающей мѣстности отъ боксеровъ.

Его помощникомъ по сухопутной части былъ полковникъ Модль, командиръ 2 Вост.-Сиб. Стр. полка, охранявшій со своимъ полкомъ Тонку и линію желѣзной дороги. По морской части помощникомъ былъ германскій маіоръ Кирхгофъ.

Начальникомъ нашей Тихоокеанской эскадры былъ вице-адмиралъ Гильтебрандтъ, энергично отстаивавшій русскіе интересы въ международномъ совѣтѣ адмираловъ.

Въ 12 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Тонку, на берегу моря, точно нависшая грозовая туча, чернѣла первоклассная крѣпость Бэйтанъ. Мы не трогали китайцевъ и китайцы не трогали насъ. Адмиралъ Веселаго вошолъ въ сношенія съ комендантомъ крѣпости генераломъ Ли и предложилъ ему сдаться добровольно, такъ какъ рано или поздно крѣпость должна была быть взята союзными силами. Но Ли не соглашался и окружилъ свою крѣпость двойною сѣтью фугасовъ и пересѣченныхъ каналовъ, въ которые напустилъ воды изъ моря. Полковникъ Модль нѣсколько разъ выходилъ на рекогносцировку Бэйтана, но его стрѣлки каждый разъ попадали на фугасы.

По рѣкѣ Пэйхо взадъ и впередъ ходили пароходы, катера, миноносцы и джонки и ежедневно доставляли съ рейда въ Тонку новые отряды союзныхъ войскъ и цѣлыя горы боевыхъ припасовъ.

Редакторъ „Новаго Края" подполковникъ Артемьевъ, его книжный магазинъ и типографія въ Портъ-Артурѣ.

Кореспонденты въ Тяньцзинѣ

My Dear Sir,

Will you take dinner with me to night at 8. 30 p. m... I should much like to meet you and will endeavour to make you comfortable. Our profession dispenses with the necessity of formula, and consequently I shall not expect you to reply... If you are not particularly busy, trot in about 8 and we will exchange a friendly story...

Very Truly Yours
G. Scott Cranston.

Такъ гласила любезная записка, отпечатанная на ремингтонѣ и присланная мнѣ въ одинъ изъ іюльскихъ дней англійскимъ корреспондентомъ Лондонскаго телеграфнаго агентства „Central News" Г. Скоттомъ Крэнстономъ, приглашавшимъ меня на обѣдъ къ нему, какъ товарищу по профессіи, запросто, церемоній.

Въ Тяньцзинъ къ этому времени
понденговъ разныхъ націй

ниллы съ театра Филиппинской войны, англичанъ и нѣмцевъ, пріѣхавшихъ изъ Шанхая. Я былъ единственный русскій корреспондентъ. Благодаря тому, что я былъ немедленно командированъ изъ Портъ-Артура „Новымъ Краемъ“, по полученіи первыхъ тревожныхъ извѣстій, русскій корреспондентъ прибылъ на мѣсто событій раньше всѣхъ другихъ иностранныхъ журналистовъ. Можно очень пожалѣть, что ни изъ Владивостока, ни изъ Одессы не были сейчасъ же командированы спеціальные корреспонденты для описанія совершавшихся событій и особенно военныхъ дѣйствій русскихъ отрядовъ, которыми въ короткое время и въ разныхъ мѣстахъ Печили было сдѣлано такъ много, что одного повѣствователя для всей этой эпопеи было слишкомъ недостаточно.

Англійскій корреспондентъ Лэндоръ.

Изъ прибывшихъ корреспондентовъ съ наиболѣе крупнымъ именемъ былъ англичанинъ Генри Сэвэджъ Лэндоръ, авторъ извѣстной интересной книги о Тибетѣ, по которому онъ путешествовалъ и гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ плѣну у тибетцевъ. Былъ храбрый американецъ Кристъ, который спеціально посвятилъ себя описанію дѣйствій русскихъ войскъ и очень любилъ ходить на вылазки съ русскими отрядами. Былъ даже одинъ американскій корреспондентъ старикъ, чудакъ и поэтъ, одѣтый какъ мексиканскій ковбой, съ мохнатой бородой и такимъ

нгомъ.

ъ также подполковникъ Петръ Александр. Артемьевъ,

редакторъ портъартурской газеты „Новый Край“. Проплававъ много лѣтъ на судахъ нашей Тихоокеанской эскадры сначала какъ строевой офицеръ, а затѣмъ въ штабѣ, въ должности флагманскаго оберъ-аудитора, около двадцати лѣтъ наблюдая Китай, Корею и Японію и наши интересы у береговъ Тихаго океана, П. А. Артемьевъ явился самымъ подходящимъ лицомъ для учрежденія русской газеты на только что занятомъ нами Квантунѣ. Не успѣли русскіе устроиться въ своей новой колоніи, какъ здѣсь, благодаря широкой правительственной поддержкѣ и удивительной предпріимчивости и неутомимости П. А. Артемьева, уже черезъ годъ возникла газета, книжный магазинъ, типографія и переплетная. Умѣніе дать газетѣ надлежащій тонъ и привлечь полезныхъ сотрудниковъ было причиною того, что въ два года „Новый Край“ выросъ изъ бюллетеней въ шестистолбцовую газету, которая является достойной выразительницей русскихъ интересовъ въ многоязычномъ и воинственномъ хорѣ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, китайскихъ и японскихъ газетъ, во множествѣ издающихся на Дальнемъ Востокѣ.

Американскій кореспондентъ.

Пробывъ три недѣли въ госпиталѣ, я не видѣлъ никого изъ иностранныхъ корреспондентовъ и былъ радъ случаю завязать съ ними знакомство. Надѣвъ коректный смокингъ, приличествующій въ мужской компаніи, и надлежащаго тона галстукъ, я отправился къ мистеру Крэнстону, который оказался очень милымъ молодымъ, веселымъ и остроумнымъ англичаниномъ самаго здороваго краснощокаго вида. Общая профессія и бутылка дружескаго хереса насъ сейчасъ-же сблизили.

Прежде всего business—мы поговорили о дѣлахъ и сообщили другъ другу всѣ послѣднія свѣдѣнія, которыя мы имѣли о положеніи дѣлъ въ Тяньцзинѣ. Вооружившись записными книжками, мы обмѣнялись цыфрами и данными. Затѣмъ я обратился къ Крэнстону съ вопросомъ, почему англійскія газеты обыкновенно полны

нападокъ и всякихъ несправедливостей по адресу русскихъ. Когда же дѣло является безспорнымъ фактомъ, какъ напримѣръ, спасенія Тяньцзина русскимъ полкомъ, то англійская печать отдѣлывается замалчиваніемъ или фразами вродѣ: „Въ этомъ дѣлѣ между прочимъ принимали участіе и русскіе“, тогда какъ въ этомъ дѣлѣ русскіе сдѣлали все.

— Намъ, впрочемъ, все равно, что о насъ пишутъ въ Лондонѣ или Шанхаѣ,—замѣтилъ я—но это неизмѣнное искаженіе или замалчиваніе фактовъ въ отношеніи русскихъ совершенно непонятно и тѣмъ болѣе странно, что въ личныхъ отношеніяхъ къ русскимъ англійскіе журналисты и вообще англичане очень симпатичные люди.

— Не сердитесь на наши газеты, — отвѣтилъ Крэнстонъ, — у насъ на все мода. Теперь въ нашей прессѣ мода бранить русскихъ и какъ бы я лично ни сочувствовалъ русскимъ, я ничего не въ состояніи сдѣлать. Мы должны считаться съ духомъ и вкусомъ нашихъ читателей, которые требуютъ, чтобы всюду въ политикѣ и во всякихъ международныхъ дѣлахъ первенствовали англичане, и я не могу писать иначе, какъ въ этомъ направленіи. Бываютъ случаи, что мы посылаемъ одни кореспонденціи, но пройдя черезъ строгую цензуру редакціи, онѣ настолько линяютъ въ печати, что намъ остается только смириться и идти по курсу общественнаго мнѣнія. Всѣ мы европейцы единогласно признаемъ, что храбрость и заслуги русскихъ въ спасеніи Тяньцзинскихъ сетльментовъ удивительны, огромны и безспорны, и въ этомъ смыслѣ я послалъ всѣ телеграммы въ Лондонъ. Что касается вашего адмирала Алексѣева, то я полагаю, что въ настоящее время, при международно-анархическихъ отношеніяхъ, существующихъ здѣсь между отрядами разныхъ націй, при взаимномъ недовѣріи, соперничествѣ и даже нѣкоторой боязни другъ друга, это единственный человѣкъ, который можетъ согласовать интересы и претензіи различныхъ отрядовъ, разсѣять недовѣріе и направить всѣ союзныя силы къ общей цѣли — освобожденію Пекина, изъ котораго мы имѣемъ самыя печальныя извѣстія о положеніи нашихъ посольствъ, осажденныхъ, бомбардируемыхъ и голодающихъ.

Послѣ обѣда, во время котораго были провозглашены тосты за журналистовъ, прессу и за англо-русскую дружбу не только въ чыхъ отношеніяхъ, но и въ политикѣ, присутствовавшіе англи-ѣли свой гимнъ „God save the Queen.“ Я съ пріятнымъ узналъ, что одинъ изъ англичанъ, съ которыми я

познакомился, маіоръ англійской службы, былъ православный. Онъ разсказалъ мнѣ, что изучалъ многія христіанскія религіи, и считаетъ православную вѣру наиболѣе отвѣчающую запросамъ сердца и ума. Поэтому онъ и принялъ православіе въ Лондонѣ.

Спѣвъ свой гимнъ, англичане пожелали, чтобы я сыгралъ имъ на піанино, уцѣлѣвшемъ отъ гранатъ, русскій національный гимнъ. Не отличаясь музыкальными способностями и боясь перепутать клавиши, я всетаки сѣлъ за піанино, такъ какъ полагалъ, что ни одинъ русскій не можетъ отговариваться неумѣніемъ спѣть или сыграть свой народный гимнъ, и началъ играть „Боже Царя храни.“

Коректные англичане окружили меня и стали хоромъ подпѣвать русскому гимну.

Англійскій кореспондентъ
въ походѣ.

Во время затишья.

Генералъ Стессель, наши офицеры и дамы въ русскомъ лагерѣ въ Тяньцзинѣ.

Затишье

После паденія Тяньцзина въ военныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ наступило затишье, которое продолжалось ровно три недѣли. Только русскіе и иногда японцы производили развѣдки съ цѣлью опредѣлить расположеніе китайскихъ войскъ, которыя стали укрѣпленнымъ лагеремъ возлѣ городка Бэйцанъ, въ 12 верстахъ отъ Тяньцзина. Другіе союзники почему-то не считали нужнымъ дѣлать рекогносцировки, надѣясь, вѣроятно, на русскихъ и японцевъ. Казаки—Верхнеудинцы и Читинцы и стрѣлки разныхъ полковъ ходили подъ Бэйцанъ, дѣлали развѣдки и тревожили китайцевъ своимъ огнемъ. Происходили перестрѣлки, но потерь у насъ не было.

Разъ только едва не потеряли лихого казака Раменскаго Читинскаго полка. О его спасеніи казаки разсказывали слѣдующія подробности:

Дѣло было ночью. Дивизіонъ Читинцевъ и Верхнеудинцевъ былъ отправленъ на рекогносцировку Бэйцанскихъ позицій. Три казака этого дивизіона въ темнотѣ ночи отбились, заблудились и попали за линію непріятельскихъ аванпостовъ. Китайцы замѣтили всадниковъ, узнали и встрѣтили ихъ огнемъ. Казаки живо повернули второну и дали ходу. Однако подъ однимъ изъ казаковъ, котораго звали Раменскимъ, была убита лошадь. Онъ ее бросилъ и самъ спрятался въ канаву, а товарищи ускакали и прибывъ въ лагерь, донесли начальству все какъ было, а про Раменскаго доложили, что онъ должно быть убитъ, такъ какъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и больше не подымался.

Когда китайцы успокоились, Раменскій вылѣзъ изъ канавы и сталъ осторожно пробираться по тому направленію, куда ушли казаки, но снова наткнулся на китайскій пикетъ. Желтомазые солдаты мирно чифанили—ужинали и при свѣтѣ фонаря весело играли въ карты. Ружья были поставлены въ сторонкѣ у дерева, [illegible] Уйти онъ не могъ надъ оврагомъ. Что было дѣлать [illegible] ако освѣ-
отъ китайскихъ солдатъ, такъ ка

щалъ поле и они бы сейчасъ замѣтили казака.—А ну-ка пугну я ихъ!—подумалъ Раменскій, какъ кошка подползъ къ косатымъ, подобрался къ ихъ ружьямъ, потихоньку стащилъ ихъ одно за другимъ въ оврагъ, завопилъ ура что было мочи въ казацкой глоткѣ и выскочилъ на китайцевъ съ китайскимъ же ружьемъ. Китайцы до смерти перепугались и кинулись бѣжать безъ оглядки. Раменскій тоже бросился бѣжать и по дорогѣ встрѣтилъ взводъ нашихъ стрѣлковъ, которые были посланы изъ арсенала Сику на поиски пропавшаго Раменскаго.

15 іюля капитанъ 10 полка Ярославъ Горскій съ отрядомъ смѣлыхъ охотниковъ изъ стрѣлковъ и казаковъ ушелъ куда-то далеко на сѣверовостокъ, въ какія-то дебри, чтобы забраться китайскимъ войскамъ въ тылъ и когда нужно пугнуть ихъ. За послѣднее время въ русскомъ отрядѣ не имѣли о Горскомъ и его отрядѣ никакихъ извѣстій. Но Горскій былъ храбрецъ какихъ мало. Хотя всѣ и боялись за него, но были увѣрены, что онъ и своихъ не выдастъ и китайцамъ спуску не дастъ.

Грохотъ канонады навсегда затихъ надъ Тяньцзиномъ и боевой дымъ разсѣялся. Въ русскій отрядъ стали пріѣзжать изъ Портъ-Артура храбрыя офицерскія дамы, чтобы навѣстить своихъ мужей. Это были первыя европейскія женщины, которыя пріѣхали въ Тяньцзинъ черезъ нѣсколько дней послѣ его бомбардировки. Русскій лагерь повеселѣлъ. Загремѣли полковые оркестры и зазвенѣли удалыя солдатскія пѣсни. Недавнія печали, раны и труды были скоро забыты.

Учредивъ совмѣстно съ другими командирами въ китайскомъ Тяньцзинѣ временное правительство, адмиралъ Алексѣевъ со своимъ штабомъ уѣхалъ обратно въ Портъ-Артуръ.

„Владиміръ Мономахъ".

Вторая часть

Пекинъ

Дворецъ Богдыхана въ Пекинѣ.

7-го іюня въ Пекинѣ на улицѣ былъ убитъ китайскимъ солдатомъ германскій посланникъ фонъ-Кеттелеръ, отправившійся въ Цзунлиямынь для переговоровъ. Сопровождавшій его драгоманъ Кордесъ былъ раненъ.

8-го іюня, черезъ четыре дня послѣ паденія Таку, въ Пекинѣ былъ изданъ указъ богдыхана, въ которомъ между прочимъ объявлялось:

„Наши предки пришли помочь намъ и боги отвѣтили на наши моленія. Никогда еще не было такого выраженія преданности и любви къ отечеству. *Мы объявили войну со слезами на*

Мраморныя ворота въ храмѣ Неба.

глазахъ передъ гробницами предковъ. Лучше сдѣлаемъ все, что можемъ и вступимъ въ борьбу, нежели будемъ искать средствъ самосохраненія, которыя навлекутъ на насъ вѣчную немилость. Всѣ наши чиновники, высшіе и низшіе, имѣютъ одно мнѣніе. Безъ воззванія собралось нѣсколько тысячъ вѣрныхъ солдатъ. Даже дѣти взялись за копья въ защиту государства. Иностранцы полагаются на свои мудреные планы, мы надѣемся на небесное правосудіе. Нечего и говорить о правотѣ нашего дѣла, но вѣдь число нашихъ провинцій болѣе 20, а въ нихъ болѣе 400 милліоновъ жителей. Намъ не трудно будетъ защитить честь нашего государства“.

Въ заключеніе указъ богдыхана обѣщалъ различныя ш
награды всѣмъ отличившимся въ бою, а так
денежныя пожертвованія на веденіе войны.

Пекинъ.
Алый Запретный Городъ (Дворцы Богдыхана).

Снова повторились ужасы первыхъ временъ апостольской проповѣди. Миссіонеры, со своими жонами и дѣтьми, беззащитные и закинутые на разстояніи 200—300 верстъ отъ моря въ дебряхъ Шаньдуна, Шэньси и Шаньси, гдѣ они имѣли свои школы, лѣчили, учили и приносили много добра китайцамъ, были замучены озвѣрѣлой толпой. Ихъ головы были выставлены въ китайскихъ кумирняхъ. Миссіонерки были изнасилованы, замучены и обезглавлены. Ихъ дѣтей мучили и убивали на ихъ глазахъ. Тѣла убитыхъ были выброшены за городскія ворота. Ихъ школы и госпиталя разрушены и сожжены.

Мраморный помостъ въ храмѣ Неба для жертвоприношеній Богдыхана.

Губернаторъ Юй Сянь приказалъ привести къ нему всѣхъ миссіонеровъ, жившихъ въ главномъ городѣ провинціи Тайюаньфу. Когда они были приведены, имъ было приказано пасть ницъ передъ губернаторомъ. Затѣмъ два католическихъ епископа и три миссіонера были разомъ обезглавлены. Вслѣдъ за ними были казнены остальные мущины, женщины и дѣти. Всего по приказанію Юй Сяня было казнено 37 миссіонеровъ и 30 обращонныхъ китайцевъ. Тѣла ихъ были выброшены и ночью тайкомъ погребены китайцами христіанами, за что было замучено 200 христіанъ.

Всего было замучено и казнено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ [illegible] твій 68 протестантскихъ миссіонеровъ, въ томъ числѣ [illegible] замужнихъ женщинъ, 20 дѣвицъ и 25 дѣтей. [illegible]ѣ всего пострадали американскіе миссіонеры. [illegible] говъ-китайцевъ—въ точности совершенно

неизвѣстно, ввиду гибели самихъ миссіонеровъ, которые вели списки крещоныхъ. Во всякомъ случаѣ ихъ нужно считать тысячами.

Удостовѣрено, что за это смутное время было убито 35 католическихъ миссіонеровъ, среди которыхъ было 5 епископовъ, 28 священниковъ и 2 сестры милосердія. Замученныхъ и казненныхъ католиковъ китайцевъ насчитываютъ отъ 15 до 20 тысячъ. Болѣе всего ихъ погибло въ Маньчжуріи.

Китайскія дѣти-христіане и англичанка-миссіонерка, погибшія въ Мукденѣ.

Черезъ нѣсколько дней указъ богдыхана, объявившій войну всѣмъ державамъ и истребленіе иностранцевъ, былъ отмѣненъ, и было повелѣно прекратить преслѣдованіе миссіонеровъ и ихъ крещоныхъ. Въ средѣ пекинскаго правительства произошолъ расколъ. Одни высшіе сановники, какъ, напримѣръ, бывшій посланникъ въ С.-Петербургѣ Сюй Цзинъ Чэнь, Юань Чанъ и Цюй Юнъ И, были на сторонѣ иностранцевъ и мира. Другіе, преимущественно маньчжуры, князь Дуань, Юй Сянь, членъ Верховнаго совѣта „Цзюньцзичу“ Ганъ И, членъ Цзунлиямыня и министерства юстиціи Чжао Шу Цяо, генералы Чжунъ Лу, Дунъ Фу Сянъ и Ли Хэнъ—были противъ иностранцевъ и настаивали на [illegible] продолжать войну всѣми силами, чтобы [illegible] странныя войска.

Сюй Цзинъ Чэнь, бывшій въ Россіи, хорошо знавшій иностранцевъ и силу европейскаго оружія, представилъ горячій докладъ богдыханшѣ, въ которомъ предостерегалъ отъ войны съ иностранцами, предсказывая, что эта война кончится для Китая великимъ несчастьемъ.

Однако партія князя Дуаня взяла верхъ. Онъ и его друзья были увѣрены въ непобѣдимости китайскихъ войскъ, вновь обученныхъ и вооруженныхъ новѣйшими германскими пушками и ружьями. Сюй Цзинъ Чэнь былъ оклеветанъ ими за произнесеніе недостойныхъ и дерзновенныхъ рѣчей и обезглавленъ. По ихъ приказанію, посольства въ Пекинѣ были осаждены, окружены баррикадами и траншеями, и всѣ кварталы вокругъ нихъ выжжены. Было приказано стрѣлять по посольствамъ ежедневно и еженочно изъ ружей и пушекъ. Генералы Чжунъ Лу, Дунъ Фу Сянъ и Ли Бинъ Хэнъ заключили между собою тріумвиратъ и поклялись уничтожить всѣхъ иностранцевъ въ Пекинѣ.

Одновременно съ бывшимъ посланникомъ Сюй были казнены: Юань Чань—за три представленные имъ доклада, Цюй Инъ И, Ли Шанъ и Ли Юань, совѣтникъ министерства финансовъ, доказывавшій, что Китай не въ состояніи выдержать войну.

Католическій соборъ въ Мукденѣ, сожженый боксерами въ 1900 г.

Однако болѣе благоразумные и осторожные члены высшаго правительства, при всей своей фанатичной ненависти къ иностранцамъ, понимали, какой отвѣтственности и какому возмездію они подвергаютъ Китай и его династію, если въ самомъ дѣлѣ было бы совершено возмутительное истребленіе членовъ иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ. Чтобы съ одной стороны не допустить этого, а съ другой — дать нѣкоторый исходъ ярости и изувѣрству боксеровъ и солдатъ, охваченныхъ однимъ чувствомъ мести и ненависти и требовавшихъ уничтоженія иностранцевъ,— было приказано не давать боксерамъ и солдатамъ новыхъ опасныхъ ружей и пушекъ, а вооружить ихъ старыми ружьями, фальконетами и чугунными орудіями и позволить имъ исподволь бомбардировать посольства изъ подобныхъ ружей и пушекъ, выстрѣлы которыхъ большею частью давали перелетъ. Кромѣ того солдатамъ не было разрѣшено производить общаго штурма и нападенія на посольства, чего, конечно, не выдержали бы охранявшіе ихъ ничтожные десанты.

Въ теченіе всего іюня мѣсяца боксерское движеніе принимало все большіе размѣры по всему Сѣверовостоку Китая, охватило Маньчжурію, и князь богдыханской крови Чжуанъ былъ назначенъ главою всѣхъ ихэтуанцевъ. Передъ своимъ домомъ въ Пекинѣ онъ соорудилъ жертвенникъ, вокругъ котораго производились казни осужденныхъ. Таинственныя общины ихэтуанцевъ, ввиду опаснаго положенія государства, уже теряютъ свой прежній чудесный обликъ и превращаются въ храбрыя дружины добровольцевъ, главная задача которыхъ не волшебныя заклинанія и упражненія, а бой съ иностранцами и спасеніе родины.

Въ концѣ іюня китайское правительство мобилизуетъ Маньчжурію и издаетъ рядъ распоряженій маньчжурскимъ цзянцзюнямъ о томъ, чтобы они были готовы начать военныя дѣйствія противъ Россіи.

Чтобы не допустить иностранныхъ войскъ до Пекина, китайскимъ генераламъ, находившимся въ Тяньцзинѣ, приказано удерживать иностранные отряды передъ этимъ городомъ во что бы то ни стало.

Однако съ паденіемъ Тяньцзина и отступленіемъ китайскихъ войскъ къ Бэйцану, пекинское правительство увидѣло, въ какой опасности находится ихъ [illegible] и поспѣшило заключить перемиріе съ осажденными пос[illegible] и настойчиво предлагало посланникамъ выѣхать изъ П[illegible] ими китайскихъ войскъ.

Не получивъ соотвѣтствующихъ инструкцій отъ своихъ правительствъ и не имѣя основаній довѣрять благонадежности китайскихъ войскъ и искренности предложеній китайскихъ министровъ, посланники отказались выѣхать изъ Пекина.

Не желая, чтобы событія Чжилійской провинціи разгорѣлись во всекитайскій пожаръ и вызвали войну 8 державъ со всѣмъ Китаемъ, вице-короли южныхъ провинцій начиная отъ Шань-

Полковникъ Ген. Шт. Дессино.

дуна приняли всѣ мѣры, чтобы порядокъ и спокойствіе въ ихъ областяхъ не были нарушены и чтобы иностранныя войска не имѣли никакихъ поводовъ войти въ ихъ предѣлы. Всѣмъ иностраннымъ консуламъ ими были присланы успокоительныя завѣренія. Въ самое тревожное время охрана европейцевъ въ Шанхаѣ была поручена русскому военному агенту полковнику Дессино, который сейчасъ же собралъ отрядъ изъ десантовъ и волонтеровъ и составилъ планъ обороны европейскихъ концессій въ Шанхаѣ.

Южные вице-короли сдержали свое обѣщаніе. Кромѣ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ убійства миссіонеровъ, все время пока лись смуты и военныя дѣйствія на Сѣверѣ Китая, Югъ алея совершенно спокоенъ и нейтраленъ и ни войсками,

ни оружіемъ, ни деньгами не помогъ ни Сѣверу, ни его плѣненной и разграбленной столицѣ.

Во время описываемыхъ событій китайцы неоднократно увѣряли иностранцевъ, что въ Пекинѣ воцарилось незаконное самозванное правительство, которое узурпаторски захватило власть, вызвало смуты и объявило войну державамъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что китайцы высказывали такое мнѣніе съ единственною цѣлью оправдать и обѣлить событія, разразившіяся въ Пекинѣ.

Вопросъ о законности указаннаго правительства можно разсматривать исключительно съ формальной юридической стороны, а съ этой стороны законность нисколько не была нарушена и никакой противозаконной узурпаціи высшей власти въ Пекинѣ не послѣдовало. Какъ и раньше, такъ и впослѣдствіи государственными дѣлами управляла вдовствующая богдыханша, а богдыханъ попрежнему оставался въ сторонѣ отъ дѣлъ по слабости своего здоровья и попрежнему всѣ государственныя дѣла вершились его именемъ. Партія, преданная богдыхану и его реформаторскимъ стремленіямъ, настолько малочисленна и слаба, что не имѣетъ никакого вліянія на дѣла имперіи, и дѣйствительной повелительницей Срединнаго государства была и остается попрежнему вдовствующая богдыханша Ситайхоу.

Лишь только въ Пекинѣ стало извѣстно, что Россія и другія державы предполагаютъ послать значительные отряды въ возмущонную Чжилійскую провинцію, то для объединенія государственныхъ дѣлъ въ однихъ рукахъ въ такое тревожное время, декретомъ богдыхана отъ 29 мая былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ и предсѣдателемъ Цзунлиямыня человѣкъ, который считался въ тѣ дни наиболѣе подходящимъ, рѣшительнымъ и испытаннымъ лицомъ, преданнымъ престолу—это былъ князь Дуань, дядя богдыхана и отецъ наслѣдника престола.

Черезъ 10 дней послѣдовалъ указъ богдыхана, объявившій войну державамъ и гоненіе на иностранцевъ. Когда правительство сообразило, чѣмъ можетъ грозить Китаю этотъ указъ, оно поспѣшило отмѣнить указъ тайными распоряженіями, но чтобы спасти государство отъ нашествія иностранныхъ войскъ, оно продолжало энергично вести военныя дѣйствія какъ въ Чжили, такъ и въ Маньчжуріи всѣми средствами и всѣми силами. До дня паденія Пекина всѣ распоряженія и повелѣнія относительно обороны государства и веденія войны исх изъ Верховнаго совѣта въ Пекинѣ „Цзюньцзичу“, предсѣ ъ котораго былъ князь Дуань.

Можно осуждать образъ дѣйствій пекинскаго правительства и признавать его ошибки и исключительность и незаконность принятыхъ имъ мѣръ, но нельзя отрицать, что за все время развитія боксерской эпопеи оно оставалось законнымъ центральнымъ китайскимъ правительствомъ, что доказываютъ факты, а съ этими фактами нужно считаться особенно на будущее время, ввиду возможности повторенія подобнаго кризиса въ Китаѣ.

Одинъ изъ дворцовъ Богдыхана въ Пекинѣ.

Цзунлиямынь.

Гонцы изъ Пекина

Заточенные въ Пекинѣ посланники и миссіонеры постоянно пытались посылать въ Тяньцзинъ китайскихъ гонцовъ, которые съ величайшей опасностью для жизни иногда доносили письма, но большая часть ихъ была перехвачена китайскими солдатами и казнена. Всѣ полученныя депеши сообщали объ отчаянномъ положеніи осажденныхъ посольствъ, о постоянныхъ нападеніяхъ и о необходимости скорѣйшаго освобожденія. Отъ русскаго посланника ни разу не было получено ни одной депеши и всѣ мы были крайне встревожены относительно судьбы русской колоніи въ Пекинѣ, о которой не имѣли никакихъ извѣстій.

Если посланцу удавалось ускользнуть отъ китайскихъ войскъ, кольцомъ окружившихъ посольства, то ему было также трудно пробраться въ лагерь союзниковъ въ Тяньцзинѣ. Передовые посты не пропускали ни одного китайца, шедшаго со стороны Пекина, такъ какъ среди такихъ китайцевъ попадались шпіоны изъ китайскаго войска. Такимъ по[illegible]щамъ приходилось для своей безопасности пробираться ночью [illegible]ться въ канавахъ и при встрѣчѣ

съ иностранными солдатами дѣлать знаки, показывать письма и креститься, чтобы ихъ приняли за христіанъ.

Самое тяжолое извѣстіе было получено 16 іюня, когда гонецъ доставилъ коротенькую записку отъ директора китайскихъ таможень Роберта Гарта:

„Командиру европейскаго отряда. Осаждены въ Британскомъ посольствѣ. Положеніе отчаянное. Торопитесь. Воскресенье 4 ч. дня. Р. Гартъ“.

Гонецъ объяснилъ, что это было воскресенье 11 іюня (24 новаго стиля). Но въ это время въ распоряженіи союзниковъ было всего 13 тысячъ человѣкъ, съ которыми они не рѣшались выступить въ походъ, тѣмъ болѣе что форты Тяньцзина еще не были взяты.

24 іюня было получено извѣстіе черезъ китайцевъ, что посольства еще цѣлы. Китайскія войска и боксеры въ смятеніи. Боксеры не рѣшаются приближаться къ посольствамъ, такъ какъ ихъ чудесная сила разрушена иностранцами. Если только у иностранцевъ достаточно пищи и оружія, то они могутъ еще долго держаться.

Въ русскій лагерь однажды былъ приведенъ китаецъ, посланный изъ Пекина, по его словамъ, англійскимъ посланникомъ съ письмомъ. Въ виду опасности положенія, его ночью по веревкѣ спустили съ городской стѣны, для того чтобы онъ не попался въ руки китайцамъ въ городѣ. Черезъ 5 дней онъ добрался до передовыхъ китайскихъ войскъ возлѣ Тяньцзина. Чтобы не быть ими замѣченнымъ, онъ цѣлый день провелъ въ каналѣ, по горло въ водѣ. Ночью онъ отправился по направленію къ городу, но снова наткнулся на китайскихъ солдатъ и долженъ былъ бросить свои сапоги, въ которыхъ онъ спряталъ письмо англійскаго посланника. Китайскіе солдаты его не тронули. Гонецъ былъ захваченъ казаками и приведенъ въ лагерь. Онъ показалъ, что всѣ европейцы собрались въ одномъ мѣстѣ, въ южной части Пекина. На городской стѣнѣ поставлены 2 пушки, 1 англійская и 1 германская, которыя охраняютъ европейцевъ. Хотя европейцы и въ огромной опасности, такъ какъ они окружены войсками князя Дуаня и генерала Дунъ Фу Сяна, но правительство Дуаня не рѣшается трогать европейцевъ. Продовольствія у европейцевъ есть на 2 мѣсяца. Гонецъ указывалъ, что съ южной стороны города существуютъ въ каналѣ старыя ворота, черезъ которыя европейскимъ войскамъ будетъ легче всего войти въ Пекинъ. Къ сожалѣнію, этому совѣту

е придали должнаго значенія.

16 іюля въ Тяньцзинъ было доставлено письмо отъ англійскаго посланника Клода Макдональда, который писалъ:

„Британское посольство. Пекинъ. 4 іюля (21 іюня) 1900.

„Мы окружены китайскими императорскими войсками, которыя стрѣляли въ насъ безпрерывно съ 20 (7) іюня. Мы отстаиваемъ слѣдующую линію: Американское посольство и 60 ярдовъ по Южной стѣнѣ Маньчжурскаго города, Русское посольство, Британское, часть противоположной стороны, охраняемая Японцами, Французское и Германское посольства. Всѣ остальныя посольства внѣ этой линіи и таможенныя зданія сожжены непріятелемъ и развалины находятся въ его рукахъ. Его барикады запираютъ насъ со всѣхъ сторонъ. Непріятель предпріимчивъ, но трусливъ. У него 4 или 5 пушекъ, одно 1-дюймовое скорострѣльное орудіе, два 3-дюймовыхъ и два 9 и 15-фунтовыхъ, которыми они пользуются большею частью для бомбардировки. Наши потери по сегодняшній день: 44 убитыхъ и почти вдвое больше раненыхъ. Мы имѣемъ продовольствія еще недѣли на двѣ, но уже ѣдимъ нашихъ лошадей. Если китайцы не усилятъ своихъ нападеній, то мы можемъ еще держаться нѣсколько дней—дней 10, но если они выкажутъ рѣшительность, то не болѣе 4 или 5 дней. Поэтому нельзя терять времени, если необходимо предотвратить страшное избіеніе.

„Китайское правительство, если только таковое существуетъ, ничего не сдѣлало, чтобы чѣмъ либо помочь намъ. Мы узнали, что всѣ ворота заняты противникомъ, но онъ не выдержитъ артиллерійскаго штурма. Легкій проходъ можетъ быть сдѣланъ черезъ шлюзъ-ворота канала, который мимо посольства проходитъ подъ Южной стѣной Маньчжурскаго города.

„Клодъ Макдональдъ".

Въ этомъ письмѣ англійскаго посланника есть чрезвычайно важное указаніе относительно самаго удобнаго подступа въ осажденныя посольства. Какъ это ни странно, но неизвѣстно почему—англичане не сообщили объ этой подробности письма начальнику русскаго отряда, желая вѣроятно воспользоваться даннымъ указаніемъ въ свое время и исключительно въ своихъ цѣляхъ, что они впослѣдствіи и сдѣлали.

Если бы русскіе были предупреждены о существованіи подобнаго подступа въ посольства, то штурмъ Пекина принялъ бы совершенно другой оборотъ и не вызвалъ
русскомъ отрядѣ.

18 іюля въ Тяньцзинъ пробрался гонецъ, посланный японскимъ
льствомъ изъ Пекина 10 іюля и пробывшій 4 дня въ плѣну
тайскихъ солдатъ. Когда онъ пробирался черезъ ворота вы-
казаннаго канала, онъ былъ схваченъ солдатами, но успѣлъ
лотить листокъ вручоннаго ему письма. Онъ разсказалъ слѣ-
цее. Черезъ нѣсколько дней послѣ перемирія между посольствами
ападавшими китайскими солдатами, генералъ Дунъ Фу Сянъ
лъ строгій приказъ, чтобы никакіе съѣстные припасы не до-
лялись посольствамъ. Перемиріе было начато китайцами съ цѣлью
рать время. Изъ Пекина ушли въ Бэйцанъ войска генерала
ъ Фу Сяна, назначеніе которыхъ препятствовать дальнѣйшему
женію иностранныхъ войскъ на Пекинъ. Ожидаются подкрѣ-
ія съ юга. По слухамъ, генералъ Сунъ и вице-король Юй
представили богдыхану докладъ, въ которомъ настаиваютъ на
ходимости отбить обратно форты съ помощью войскъ генерала
ъ Ши Кая, Ли Бинъ Хэна и южныхъ вице-королей. Въ этомъ
лѣ былъ изданъ соотвѣтствующій указъ богдыхана въ 29 день
уны (12 іюля).

Гонецъ изъ Пекина.

Пріѣздъ
генерала Линевича

21 Іюля

Генералъ-лейтенантъ Николай Петровичъ Линевичъ, командиръ 1-го Сибирскаго Армейскаго корпуса, Высочайше назначенный начальникомъ Печилійскаго отряда, пріѣхалъ въ Тяньцзинъ 18 іюля. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ его штабъ и начальникъ штаба генералъ-маіоръ Василевскій.

Старый боевой и славный кавказецъ, генералъ Линевичъ, уже давно занесъ свое имя въ русскую военную исторію. По окончаніи Черниговской губернской гимназіи, онъ поступилъ на военную службу въ 1855 году въ бывшій запасной батальонъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка. Въ 1859—1864 годахъ молодой Линевичъ участвовалъ въ Кавказской войнѣ, дрался въ Чечнѣ и Дагестанѣ и за отличіе въ дѣлахъ съ горцами былъ произведенъ въ офицеры и получилъ первые боевые ордена. Въ 1877—1878 онъ дрался съ турками, былъ въ составѣ войскъ Карскаго и Кабулетскаго отрядовъ, нападалъ на турецкую батарею подъ фортомъ Мухлисо, былъ на развѣдкѣ среди Андижанскихъ высотъ и въ кавалерійскомъ дѣлѣ у горы Большія Ягны, отражалъ турокъ на Муха-Эстатской позиціи и атакуя турокъ на Цихисъ-Дзирскихъ высотахъ былъ раненъ одной пулей въ руку, двумя пулями въ ногу и контуженъ въ бокъ. Въ эту войну онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени. Сперва онъ командовалъ 2-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ батальономъ, затѣмъ 84 пѣх. Ширванскимъ полкомъ, 2-ой Закаспійской стрѣлк. бригадой, въ 1891 произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1895 назначенъ командующимъ войсками Южно-Уссурійскаго отдѣла, а затѣмъ командиромъ Сибирскаго Армейскаго корпуса.

По прибытіи въ Тяньцзинъ [illegible] начальника русскаго отряда, ему сейчасъ-же представили [illegible] тыхъ довъ, которые относя къ авторитету и воен

Начальникъ Печилійскаго отряда
Генералъ-Лейтенантъ
Н. П. Линевичъ

день послѣ своего прибытія генералъ Линевичъ вмѣстѣ съ генералами Стесселемъ и Василевскимъ объѣзжалъ наши позиціи и производилъ рекогносцировку передовыхъ китайскихъ позицій возлѣ Бэйцана, въ 8 верстахъ отъ Тяньцзина. Съ пріѣздомъ генерала Линевича старшимъ въ чинѣ среди другихъ командировъ сталъ русскій генералъ, слѣдующимъ за нимъ по старшинству былъ начальникъ японскаго отряда генералъ-лейтенантъ Ямагучи, извѣстный дѣятель послѣдней японо-китайской войны.

Еще до пріѣзда генерала Линевича командирами неоднократно обсуждался вопросъ о необходимости безотлагательно приступить къ походу на Пекинъ, ввиду угрожающихъ извѣстій о положеніи посланниковъ. Однако, мнѣнія военноначальниковъ расходились относительно цифры войскъ, необходимыхъ для этой цѣли. Одни полагали, что достаточно 20—25 тысячъ солдатъ. Другіе находили, что не менѣе 40 тысячъ человѣкъ должны быть на лицо, для того чтобы китайскія войска были разсѣяны и связь между Таку, Тяньцзиномъ и Пекиномъ могла считаться обезпеченной. Третьи совѣтовали переждать періода дождей, который долженъ былъ наступить въ концѣ лѣта и могъ не только затруднить движеніе войскъ, но даже совершенно прервать всякое сообщеніе съ Пекиномъ на нѣсколько недѣль. Японцы были готовы немедленно отправить на театръ военныхъ дѣйствій 30 тысячъ своихъ войскъ, но не рѣшались на такую мѣру, опасаясь неудовольствія со стороны Россіи, Франціи и Германіи, которыя не могли, конечно, желать, чтобы международное дѣло освобожденія посланниковъ и прекращенія китайскаго пожара было сдѣлано одними японскими руками, хотя Англія и Америка поддерживали намѣреніе Японіи.

Русскіе совѣтовали только одно—не торопиться. Нѣсколько разъ англичане, американцы и японцы заявляли русскимъ, что они должны немедленно выступить въ походъ, и приглашали русскихъ присоединиться къ ихъ отрядамъ. Русскіе считали такое выступленіе преждевременнымъ и отказывались. Союзники повидимому не рѣшались двинуться впередъ безъ русскихъ—и походъ откладывался. Наконецъ, разъ англичане извѣстили генерала Стесселя, что они безотлагательно выступаютъ „завтра“. Генералъ Стессель отвѣтилъ, что желаетъ имъ „счастливаго пути и всякаго успѣха“, но присоединиться къ нимъ не можетъ, такъ какъ не имѣетъ приказаній отъ своего начальства. Союзники сердились, отложили экспедицію сперва на „по[illegible]
опредѣленное время.

21 іюля генералъ Линевичъ пригласилъ союзныхъ командировъ на военный совѣтъ. Присутствовали всѣ командиры и начальники ихъ штабовъ. Предсѣдательствовалъ Линевичъ. На этомъ совѣщаніи, которое продолжалось нѣсколько часовъ, было рѣшено, по особенному настоянію генерала Ямагучи, на другой день ночью атаковать соединенными силами Бэйцанъ, въ которомъ укрѣпились китайскія войска. Русскіе, французы, нѣмцы, итальянцы и австрійцы двинутся съ праваго фланга, а японцы, англичане и американцы съ лѣваго. Предположено окружить Бэйцанъ со всѣхъ сторонъ. Атакующія силы составятъ отрядъ въ 15 тысячъ человѣкъ. 6 тысячъ интернаціональныхъ войскъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Анисимова, остаются въ Тяньцзинѣ для охраны города, ввиду возможнаго нападенія со стороны вновь прибывающихъ китайскихъ войскъ, недавно высланныхъ по слухамъ изъ южныхъ провинцій.

Наши офицеры на развѣдкѣ.

Японцы въ походѣ.

Въ походъ на Пекинъ

22 Іюля

Въ день Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны 22 іюля русскій отрядъ, совмѣстно съ отрядами союзныхъ націй, двинулся противъ китайскаго лагеря Бэйцанъ, чѣмъ было положено начало похода на Пекинъ.

На улицахъ Тяньцзина шумъ и движеніе. Загремѣли огромныя неуклюжія американскія фуры, запряженныя четверкою рослыхъ жирныхъ муловъ и живо напомнившія американскія преріи, романы Майнъ-Рида и его героевъ. Замелькали маленькіе и чистенькіе остроглазые японскіе кавалеристы на маленькихъ веселыхъ вороныхъ жеребцахъ. Застучали легкія скорострѣльныя пушки франтовскихъ и воинственныхъ англичанъ въ жолтыхъ шлемахъ и жолтыхъ тропическихъ костюмахъ. Затопотали своими крѣпкими копытами тонкинскіе мулы, перевозившіе на своихъ хребтахъ легкую горную батарею красивыхъ и добродушныхъ французовъ, одѣтыхъ въ синіе шлемы и синіе костюмы. Замаршировали всегда парадные вымуштрованные и краснощокіе германцы въ круглыхъ сѣрыхъ шлемахъ и широкихъ блузахъ цвѣта китайскихъ песковъ. Ржали, кричали и ревѣли лошади, [illegible] ослы. Потащились гр

нымъ хлыстомъ, похищеннымъ мною изъ одной китайской кавалерійской имнани, я вскочилъ на лошадь, которую когда-то купилъ у китайца-христіанина и потерялъ ее во время своей болѣзни. Наши всевѣдущіе и вездѣсущіе казаки разыскали эту лошадь и объѣздили.

Меня постигла новая неудача. Лишь только я выѣхалъ изъ воротъ гостиницы, лошадь пробѣжала нѣсколько шаговъ и сейчасъ же основательно и съ чувствомъ такъ заиграла задними ногами, что я, не долго думая, очутился въ лужѣ.

Меня не столько испугала участь моего бѣлаго тропическаго костюма, который пріобрѣлъ весьма странный видъ, точно былъ разрисованъ смѣлой кистью импрессіониста или декадента. Меня больше встревожило будущее бутылки краснаго вина, находившейся въ сѣдлѣ. Въ походѣ вино незамѣнимое питье и съ нимъ можно пить даже воду изъ Пэйхо. Я снова поймалъ лошадь, снова влѣзъ на нее и снова полетѣлъ на землю. При каждой моей попыткѣ взобраться на сѣдло, лошадь начинала играть задними ногами и выказывать самыя враждебныя намѣренія. Къ моей величайшей досадѣ, лошадь не только не убѣжала совсѣмъ, чтобы оставить меня по крайней мѣрѣ въ покоѣ, но продолжала ходить возлѣ дороги. Была ли эта лошадь настроена боксерами и потому ненавидѣла всѣхъ иностранцевъ, или она слушалась только русскихъ казаковъ, которые на ней ѣздили, или быть можетъ она не терпѣла только однихъ журналистовъ и кореспондентовъ, но она рѣшительно отказалась меня возить, и я былъ принужденъ отвести ее обратно въ конюшню и взять другого коня. Я былъ въ отчаяньи и боялся, что благодаря капризу моего четвероногаго врага я не успѣю нагнать нашего отряда и не увижу самаго интереснаго момента боя.

Проѣхавъ черезъ мирно спавшій Тяньцзинъ и обогнувъ разрушенныя и сожженныя деревни передъ вокзаломъ, съ валявшимися прогнившими трупами китайцевъ, я пересѣкъ опустошенныя поля, на которыхъ два послѣднихъ мѣсяца бились международные отряды желтаго, краснаго и бѣлаго племени. Дрались здѣсь китайцы и японцы, маньчжуры, чжунгары и монголы, буряты, татары, англійскіе индусы, бенгалы, пенджабы, сикки, гуркасы, раджпуты, французскіе анамиты, малайцы, американцы, евреи, англичане, германцы, австрійцы, итальянцы, французы, австрійскіе чехи, словаки, поляки и русскіе.

На самыхъ мирныхъ землепашцевъ и торговцевъ, двѣсти лѣтъ ни на кого не нападавшихъ и ненавидѣвшихъ войну, ополчились племена Азіи, Европы и Америки. На ж[illegible]айцевъ пошли войною еди-

ноплеменные и единовѣрные имъ желтолицые японцы. Приплыли посланные англичанами индусы, раздѣленные отъ китайцевъ величайшими горами и равнинами и давно не враждовавшіе съ ними.

Перепутались не только племена, но и вѣры. Въ обоихъ воюющихъ лагеряхъ были конфуціанцы, буддисты, магометане и шаманы. Заодно съ христіанами шли брамины и язычники. На сторонѣ европейцевъ были китайцы-христіане и цѣлый китайскій полкъ, привезенный англичанами изъ Вэйхайвэя. Съ другой стороны, у китайцевъ было европейское оружіе и они дрались по правиламъ европейскаго военнаго искусства, которому ихъ обучили европейцы-инструктора.

Это было такое странное и роковое смѣшеніе людей и понятій, что спуталось даже представленіе о смыслѣ и цѣли всей этой войны.

Вэйхайвэйскій полкъ.

И китайцы и союзники дрались другъ съ другомъ ради одной и той же цѣли и одними и тѣми же средствами—„на пользу Китая“. Первые отстаивали честь и свободу Китая. Вторые шли устанавливать въ немъ порядокъ и освободить посланниковъ. Но было ли отъ этого Китаю легче?

Впервые въ исторіи человѣчества, на берегахъ Тихаго океана сошлись для кроваваго спора разныя племена Азіи, Европы и Америки. Если война разъединяетъ и ссоритъ народы, то она же собираетъ, связываетъ и даже сближаетъ враждующія племена. Духовная сила и ширина каждаго народа и отдѣльнаго человѣка полнѣе и глубже всего познаются въ пору испытаній. Пестрые разноязычные и разновѣрные отряды, собравшіеся на Печилійскихъ поляхъ, и подъ огнемъ и во время мира имѣли много случаевъ приглядѣться и привыкнуть другъ къ другу, замѣтить, кто чѣмъ силенъ и слабъ, и потомъ дома на родинѣ разсказать что они видѣли и слышали.

Въ 1860 году Китай имѣлъ столкновеніе съ двумя державами Англіей и Франціей. Черезъ 35 лѣтъ онъ воевалъ съ Японіей. Черезъ 40 лѣтъ ему пришлось вступить въ борьбу уже съ восемью державами.

Не есть ли китайская распря 1900 года предзнаменованіе грядущей великой борьбы, которая разразится въ неотдаленномъ будущемъ на Китайской равнинѣ между разными народами Европы, Азіи и Америки, для дѣлежа береговъ Тихаго океана?

Американцы везутъ раненаго японца.

Японцы въ Бэйцанѣ, на берегу Пэйхо.

Бэйцанъ

23 Іюля

Все утро съ сѣвера, со стороны Бэйцанскихъ позицій, доносились то протяжные и воющіе, то гулкіе и трещавшіе раскаты отдаленной пальбы. Слышно было, какъ звуки передвигались къ сѣверу и то застывали, то гремѣли еще ожесточоннѣе, и по нимъ можно было судить, что отважные японцы, бывшіе въ авангардѣ союзниковъ, завязали горячій бой, не щадили ни китайцевъ, ни своихъ снарядовъ, ни себя и разбивали врага наголову. Но и китайцы не щадили японцевъ и ихъ отвѣтные выстрѣлы не переставая грохотали во всѣхъ концахъ Бэйцанскаго лагеря.

Я зналъ, что Бэйцанъ былъ расположенъ въ 12 верстахъ отъ Тяньцзина по желѣзной дорогѣ и поѣхалъ вдоль полотна отыскивать наши войска. Дождь прекратился еще ночью, тучи разсѣялись, взошло солнце и засеребрило на свѣже-умытыхъ травахъ, цвѣтахъ и деревьяхъ еще не опавшія живительныя капли дождя.

По полученнымъ донесеніямъ, китайскій укрѣпленный лагерь былъ сооруженъ между городкомъ Бэйцанъ, лежащимъ на лѣвомъ у Пэйхо, и полотномъ желѣзной дороги, ведущей къ Пекину.

Согласно диспозиціи боя, 6500 японцевъ, 1800 англо-индійцевъ и 1000 американцевъ, со своими орудіями, должны были наступать на лагерь со стороны Пэйхо—съ запада. Русскіе полки: 9-й, 10-й, 1-й батальонъ 12-го полка и 2 сотни Верхнеудинцевъ и Читинцевъ, 2 роты германской морской пѣхоты, $1^1/_2$ батальона французскихъ колоніальныхъ войскъ, полроты австрійскихъ моряковъ и полроты итальянскихъ и 2 французскія горныя батареи, подъ общимъ начальствомъ генерала Стесселя, обходили съ востока и должны были атаковать со стороны желѣзной дороги. Въ центрѣ, вдоль полотна желѣзной дороги двигались для демонстраціи 2 рус-

Французы въ походѣ.

скія батареи, 1 французская полевая батарея и 2 роты 2-го полка, подъ общимъ командованіемъ полковника Келлера. Всего шло на Бэйцанъ около 15,000 человѣкъ.

По разрыхленнымъ дождемъ вязкимъ дорогамъ, среди полей гаоляна, среди мирныхъ огородовъ и красивыхъ рощицъ показались бѣлыя рубахи русскихъ, синія куртки французовъ, песочныя блузы нѣмцевъ и матросскія голландки австрійцевъ и итальянцевъ. Колыхаясь и сверкая двигались ружья—цѣлый стальной лѣсъ. Сверкали штыки, сабли, пушки и слышался многотысячный топотъ человѣческихъ и лошадиныхъ и мулиныхъ ногъ. Разноплеменное войско двигалось тихо, молча—точно по китайскимъ полямъ медленно пробирался великолѣпный исполинскій удавъ, извивавшійся и игравшій на солнцѣ своей блестящей чешуей. Это былъ отрядъ генерала Стесселя, который шолъ обратно съ поля сраженія въ полномъ порядкѣ, въ то время какъ канонада еще бушевала надъ Бэйцаномъ. Что случилось?

Офицеры разсказали, что весь отрядъ генерала Стесселя наканунѣ вечеромъ собрался за Лутайскимъ каналомъ и сталъ бивакомъ. Ночь провели подъ жестокимъ проливнымъ дождемъ, въ грязи и вымокли какъ рыбы. На разсвѣтѣ вся равнина, по которой долженъ былъ идти отрядъ, оказалась залита водою. Чтобы воспрепятствовать движенію иностраннаго войска, умные китайцы заблаговременно провели рвы, устроили шлюзы и сумѣли за одну ночь такъ наводнить всю мѣстность, что она обратилась въ озеро, которое не было никакой возможности пройти: воды было по грудь. Не разсчитывая на свою храбрость, изобрѣтательные китайцы придумали обороняться съ помощью природы. Генералъ Стессель рѣшилъ отступить и обходнымъ движеніемъ присоединиться со всѣмъ своимъ отрядомъ къ японцамъ, которые уже штурмовали Бэйцанъ.

Я поскакалъ дальше вдоль желѣзнодорожной насыпи въ погоню за демонстративной колонной полковника Келлера. Позади остался Лутайскій каналъ и 1-й желѣзнодорожный мостъ, который русскіе взяли съ такими усиліями 30 іюня, затѣмъ 2-й мостъ и 3-й, возлѣ котораго 4 іюня были освобождены наши саперы и гдѣ я впервые увидѣлъ бой и познакомился самъ съ китайской шрапнелью. Передъ этимъ мостомъ стоялъ паровозъ, нѣсколько вагоновъ со шпалами и рельсами и солдаты Уссурійскаго желѣзнодорожнаго батальона исправляли полотно.

— Что вы здѣсь дѣлаете въ виду непріятеля?—спросилъ я знакомаго офицера.

— Чинимъ путь.

— Да вѣдь китайцы могутъ видѣть васъ и вашъ поѣздъ изъ своего лагеря.

— Не наше дѣло—полковникъ Келлеръ, нашъ командиръ, приказалъ намъ чинить путь по пятамъ русскаго отряда—мы и чинимъ. Это намъ не впервые. Уже верстъ на 6 отъ Тяньцзина мы возстановили дорогу.

У 4-аго моста, въ полѣ, прикрытые высокой кукурузой и гаоляномъ, чернѣли зарядные ящики, лошади и люди. За ними передъ свѣже-насыпанными окопами стояло рядомъ 16 русскихъ пушекъ 2-ой и 3-ей батареи и 6 французскихъ. Подъ тропическимъ дождемъ, въ глубокой темнотѣ, русскіе и французскіе артилеристы подъ общимъ начальствомъ подполковника Мейстера, съ величайшимъ трудомъ протащили орудія по размытымъ дорогамъ, по рытвинамъ и болотамъ, окопались и съ утра начали бомбардировать лѣвый флангъ китайцевъ. При батареяхъ былъ десантъ нашихъ

моряковъ, подъ командою лейтенанта Родіонова. Не стѣсняясь тѣмъ, что въ его распоряженіи была только горсточка людей, лейтенантъ Родіоновъ храбро обстрѣливалъ китайцевъ. Я не знаю, какой уронъ отъ этого десанта понесъ китайскій лагерь, но радъ сообщить, что въ десантѣ Родіонова никакихъ потерь не было.

Французы и русскіе дѣйствовали дружно и ихъ ядра произвоцили смятеніе въ противолежащемъ лагерѣ, который тянулся длинной цѣпью желтыхъ песчаныхъ окоповъ. Мелинитовыя бомбы французовъ, разорвавшись въ лагерѣ, подымали черные столбы дыма и песку, разбивали окопы и разбрасывали палатки. Безъ бинокля было видно, какъ китайскіе солдаты въ отчаяньи бѣгали по лагерю и постепенно исчезали. Ихъ знамена пропадали. Уходя, китайцы пробовали отстрѣливаться и нѣсколько гранатъ упало возлѣ нашихъ зарядныхъ ящиковъ. Къ полудню по всѣмъ фронтамъ пальба замолкла. Китайскій лагерь опустѣлъ. Бэйцанъ былъ взятъ.

Главная заслуга во взятіи Бэйцана принадлежала японцамъ. Хотя общая атака союзниковъ, по соглашенію командировъ, должна была начаться съ разсвѣтомъ, однако, японцы начали штурмовать Бэйцанъ еще ночью и конечно приняли и перенесли первый огонь и всю тяжесть боя. Японцы съ такой стремительностью и отвагой орали одни китайскіе окопы за другими, что ворвались въ самый центръ лагеря и ввязались въ кровопролитный рукопашный бой. Сцѣпившись со своими недавними единокровными врагами, китайцы оказали геройское сопротивленіе и не легко отдали свой лагерь. Эта жестокая сѣча рѣшила дѣло, но дорого стоила японцамъ. Въ то время какъ у другихъ союзниковъ не было никакихъ потерь, у японцевъ были убиты: 1 офицеръ и 41 солдатъ, ранены: 12 офицеровъ и 234 солдата, 8 человѣкъ пропало безъ вѣсти.

И впослѣдствіи японцы не щадили своихъ солдатъ и первые рвались въ бой, не выжидая союзниковъ, не желая дѣйствовать по выработанному плану и не боясь тѣхъ потерь, которыя они несли. Трудно объяснить такой образъ дѣйствій. Искали-ли японцы военной славы, желая показать на международномъ состязаніи свою храбрость и силу и право на званіе великой державы, желали-ли они присвоить себѣ первенствующую честь уничтоженія китайской арміи и освобожденія Пекина и на основаніи этого выговорить себѣ извѣстныя выгоды при заключеніи мира, или же они просто хотѣли первыми захватить богатые китайскіе обозы, нагруженные семь, раньше, чѣмъ это успѣютъ сдѣлать союзники.—на эти могутъ отвѣтить златоки японцевъ.

Японцы штурмуютъ китайскій лагерь въ Бэйцанѣ.

За все время Печилійской кампаніи 1900 года, отъ осады Тяньцзина и до штурма Пекина, главными дѣйствующими силами, которыя вынесли на себѣ всю тяжесть международной экспедиціи, которымъ принадлежали починъ и направленіе военныхъ дѣйствій и отъ боевыхъ качествъ которыхъ зависѣлъ исходъ экспедиціи— были русскіе и японцы. Но способъ веденія наступленія и боя былъ весьма различенъ у обоихъ союзниковъ, хотя и русскіе и японцы видѣли въ войнѣ свое прирожденное національное искусство. Если судить по Печилійской экспедиціи, то изъ современныхъ націй нужно считать самыми воинственными, знающими и любящими военное дѣло—русскихъ, германцевъ и японцевъ.

Французскіе офицеры сами говорили, что ихъ колоніальныя войска принадлежатъ по своему составу къ числу ихъ слабѣйшихъ войскъ

Китайскій солдатъ, убитый гранатой.

и поэтому особенными боевыми качествами не могли отличаться. Зато ихъ артиллерія выше всякихъ похвалъ. Германцы, которыхъ было всего двѣ роты, и по улицамъ Тяньцзина и на полѣ сраженія ходили какъ на парадѣ, и русскіе офицеры единогласно отзывались о нихъ, какъ о прекрасныхъ боевыхъ товарищахъ, стойкихъ и неустрашимыхъ. Свободолюбивые американцы хотя безусловно и были храбры, но не признавали ни дисциплины, ни стратегіи, ни тактики и шли на штурмъ Тяньцзина такъ беззаботно, точно они отправлялись на охоту за китайцами, а не на серьезный бой. И въ этомъ же сраженіи [illegible] солдаты показали, что они могутъ драться хорошо только тогда, когда это имъ будетъ удобно и легко. Англичане очень красиво носили военную форму, [illegible] своими [illegible] и весьма важно и храбро выступали, но на военное

дѣло они смотрѣли какъ на спортъ, который изъ всѣхъ излюбленныхъ ими спортовъ былъ имъ повидимому менѣе всего извѣстенъ и интересенъ. Англійскіе стрѣлки и артилеристы мужественно держались подъ огнемъ, но тѣ несчастные отряды тощихъ тонконогихъ и худосочныхъ сипаевъ, не умѣвшихъ и боявшихся стрѣлять, которыхъ англичане навезли изъ Индіи, нельзя конечно считать за войска.

Когда при штурмѣ Бэйцана японскій генералъ Фукушима просилъ англичанъ выслать бенгальскихъ уланъ на подмогу японской конницѣ, эти уланы такъ и не явились на помощь, о чемъ свидѣтельствуетъ также англійскій кореспондентъ Лэндоръ. Онъ также подтверждаетъ, что при наступленіи на Бэйцанъ американцы совершенно непонятнымъ образомъ потеряли дорогу и никакъ не могли найти Бэйцана. Поэтому они не принимали никакого участія въ сраженіи и явились въ Бэйцанъ, когда дѣло было уже кончено.

Зато японцы рвались въ бой какъ тигры. Свои атаки они предпочитали дѣлать глубокой ночью и любили быстроту и натискъ, стремясь въ самую огненную сѣчу, на проломъ, врываясь въ самую середину непріятельской позиціи, гдѣ они устраивали кровавую рѣзню. Они были весьма отважны и стремительны, но имъ недоставало той выдержки, того спокойствія и обдуманности, которыми отличаются русскіе. Они шли цѣлымъ отрядомъ разбивать противника прямо въ лобъ, безъ обходныхъ и демонстративныхъ движеній—не ослабляя противника предварительно артиллерійскимъ огнемъ и не выжидая спокойно результатовъ боя, что всегда дѣлали болѣе хладнокровные русскіе. Зато у японцевъ былъ всегда максимумъ потерь, тогда какъ русскіе достигали тѣхъ же результатовъ при минимумѣ раненыхъ и убитыхъ.

Боевыя дѣйствія по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, изученнаго вѣками, вели только русскіе, достойные потомки великаго учителя всѣхъ армій—Суворова, провозгласившаго не только быстроту и натискъ, но также глазомѣръ, которымъ пренебрегали японцы.

Японцы въ китайскомъ лагерѣ.

Въ захваченномъ лагерѣ

Когда еще продолжалась пальба между нашей артиллеріей и лѣвымъ флангомъ китайцевъ, далеко впереди, возлѣ китайскаго лагеря, надъ 3-мъ желѣзнодорожнымъ мостомъ блеснулъ чей-то флагъ. Чей онъ? русскій, китайскій или союзниковъ? мы впились въ бинокли, которые показали на флагѣ три полоски: бѣлую, синюю и красную. Слава Богу—нашъ!

Немедленно было приказано прекратить пальбу по линіи желѣзной дороги, на которой взорвалось нѣсколько фугасныхъ взрывовъ и взлетѣли черные столбы дыма.

Поле кончилось и вся мѣстность была залита водою, напущенною китайцами изъ канала. По этой безграничной топи вела единственная сухая нить—насыпь желѣзной дороги. Собственно, это была насыпь одного камня и щебня. Шпалы были давно сожжены и расхищены боксерами, а рельсы кое гдѣ валялись вдоль пути. Конь съ трудомъ ступалъ по острымъ камнямъ. Вдоль насыпи тянулись электрическіе провода фугасовъ, которыми китайцы минировали дорогу.

У 3-яго моста оказался полковникъ Модль, командиръ 2-го Вост. Сиб. Стр. полка, съ двумя ротами своего полка. Модль со своими стрѣлками пробрался вдоль минированнаго полотна желѣзной дороги и обрѣзалъ провода заложенныхъ фугасовъ. Китайцы успѣли взорвать нѣсколько фугасовъ, но не разсчитали разстоянія, благодаря

чему отрядъ стрѣлковъ не пострадалъ, Модль захватилъ двѣ гальваническія батареи, поставленныя у 5-аго моста, и водрузилъ надъ мостомъ русскій флагъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ китайцевъ, которые бѣжали еще дальше на сѣверъ, вдоль желѣзной дороги.

Китайскій лагерь представлялъ грандіозное саперное сооруженіе. Это былъ тройной рядъ траншей и окоповъ, тянувшихся на нѣсколько верстъ и расположенныхъ въ 500 шагахъ одинъ позади другого. Всюду были разбиты цыновочныя и холщовыя палатки, въ которыя мы сейчасъ-же забрались, чтобы спастись отъ жгучихъ лучей солнца и мучительнаго блеска этой безплодной песчаной пустыни. Возлѣ палатокъ валялись ружья и ящики съ патронами. Орудія были увезены. Китайцы сдѣлали все, что могли: возвели сильныя и сложныя траншеи, наводнили мѣстность, минировали желѣзную дорогу и геройски отбивались всю ночь и утро. Ихъ трупы всюду попадались въ лагерѣ. Но со времени паденія Тяньцзина счастье имъ измѣнило.

Начальникъ Печилійскаго отряда генералъ Линевичъ, осматривая взятый лагерь, пріѣхалъ на лѣвый флангъ со своимъ штабомъ. Вслѣдъ за нимъ дикимъ галопомъ прискакалъ эскадронъ чернозыхъ бенгальскихъ уланъ въ чалмахъ, съ пиками, ружьями и саблями, на красивыхъ австралійскихъ лошадяхъ. Когда сраженіе давно было окончено и китайцы были далеко, они спохватились и рѣшили преслѣдовать китайцевъ по пятамъ. Ихъ офицеры были крайне удивлены, когда узнали, что въ этомъ мѣстѣ китайцевъ нѣтъ, а есть начальникъ русскаго отряда со своимъ штабомъ, а эта мѣстность уже давно подъ русскимъ флагомъ. Бенгалы, однако, не смутились и съ неослабѣвающимъ геройствомъ и тѣмъ-же дикимъ галопомъ, точно гунны, полетѣли дальше искать китайцевъ.

Тутъ случилась маленькая непріятность. Съ той стороны, съ которой менѣе всего слѣдовало бы ожидать,—со стороны союзниковъ грянула одна граната и другая и прошумѣвъ надъ мѣстомъ, гдѣ собрался Линевичъ и наши офицеры, гранаты полетѣли вдогонку за бенгалами и упали въ воду, всплеснувъ столбы брызгъ. Храбрые бенгалы были весьма смущены и рѣшивъ, что это мѣсто не чисто, помчались еще дальше за китайцами.

Генералъ Линевичъ былъ крайне недоволенъ и приказалъ послать казаковъ сообщить союзникамъ, чтобы они больше не стрѣляли, такъ какъ бой конченъ и китайцевъ больше нигдѣ нѣтъ.

Отважные бенгалы прискакали къ 6-му мосту и услышали выстрѣлы по ту сторону желѣзнодорожнаго полотна, въ рощѣ.

Ура! наконецъ китайцы найдены! Бенгалы остановились. Англичанинъ офицеръ приказалъ стрѣлять по рощѣ. Изъ кустовъ выскочили солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ и начали размахивать бѣлыми шапками и что-то кричать. Умный англичанинъ приказалъ бенгаламъ стрѣлять еще разъ. Вдругъ изъ-за кустовъ раздался такой дружный залпъ, что нѣсколько раненыхъ бенгаловъ сейчасъ-

Русская походная кухня.

же свалилось съ лошадей. Нѣтъ! такъ китайцы не стрѣляютъ. Это свои. Англичанинъ приказалъ прекратить стрѣльбу и поѣхалъ навстрѣчу. Это были русскіе.

Изъ рощи вышелъ капитанъ Ярославъ Горскій съ ротою охотниковъ. Цѣлую недѣлю Горскій съ охотниками блуждалъ въ тылу Бэйцанскихъ позицій въ 20 верстахъ отъ Тяньцзина, питался чѣмъ Богъ послалъ, перестрѣливался съ китайскими боксерами, занялъ три деревни Исиньфу, Сяодянь и Магода, 6-ой мостъ и пробирался къ 7-му, обстрѣливая 6000 китайцевъ, бѣжавшихъ отъ Бэйцана. Китайцы были повидимому такъ испуганы появленіемъ противника въ тылу Бэйцана, что не рѣшились его атаковать.

Бенгалы обстрѣляли Горскаго гораздо серьезнѣе. Одинъ унтеръ-офицеръ былъ раненъ тяжело, 5 стрѣлковъ легко. Англичанинъ офицеръ былъ крайне сконфуженъ и поздоровавшись съ Горскимъ сталъ извиняться за несчастное недоразумѣніе. Горскій съ своей стороны извинялся, что былъ вынужденъ дать залпъ по бенгаламъ, такъ какъ несмотря на знаки и крики, которые подавали его стрѣлки, бенгалы продолжали стрѣлять. Англійскій офицеръ выразилъ желаніе увидѣть раненаго офицера. Англичанинъ пожалъ руку солдату [illegible] изъ своей

фляжки. Въ отвѣтъ унтеръ-офицеръ приложилъ свои кулаки къ глазамъ и просилъ Горскаго передать англійскому офицеру:

— Скажите ихъ благородію, чтобы они на будущее время лучше въ свой бинокль смотрѣли.

Горскій съ охотниками отправился дальше вдоль линіи желѣзной дороги, а воинственные бенгалы вернулись восвояси.

Что должны были думать индійскіе уланы, которые преслѣдовали китайцевъ и всюду вмѣсто китайцевъ находили русскихъ?

Осмотрѣвъ китайскій лагерь, генералъ Линевичъ къ вечеру вернулся на русскій бивакъ. Всѣ отряды стали бивакомъ другъ подлѣ друга, за Бэйцаномъ, по ту сторону Пэйхо.

Ночь быстро спустилась. Затрещали костры. Забѣлѣли палатки. Зазвучали трубные сигналы. Задымили русскія походныя кухни, которыхъ не было ни у кого изъ союзниковъ и на которыя союзные солдаты и офицеры смотрѣли съ завистью. Взошолъ полумѣсяцъ.

Я прошолся вдоль биваковъ союзниковъ. Сипаи разбивали палатки и шалаши, что-то варили, ходили полуголые и такъ кричали, бранились и гоготали на своемъ непонятномъ языкѣ, что ихъ лагерь больше походилъ на индійскій базаръ. Американцы,

Американскіе солдаты.

рослые и развязные, лѣниво развалившись въ палаткахъ, пили пиво, курили трубки, смѣялись, пѣли или спали. У французовъ, которые расположились рядомъ съ нами, не было обоза и съѣстныхъ припасовъ, по недосмотру начальства. Поэтому они не имѣли …е палатокъ. Устроивъ шалаши изъ гаоляна, они варили кофе …ли сигареты. Воткнувъ въ зубы папиросу, французскій сол… тѣсняясь подходилъ къ офицеру и говорилъ:

— Monsieur... permettez...—позвольте закурить.

Офицеръ не отказывалъ.

На японскомъ бивакѣ было тихо и молчаливо. Почтительно проходили солдаты мимо палатокъ своихъ любимыхъ генераловъ Ямагучи и Фукушима. Одни солдаты молча варили рисъ на дымившемъ и сверкавшемъ кострѣ, другіе, накинувъ на плечи чорные плащи съ капюшонами, такъ какъ ночь была прохладна, стояли и лежали вокругъ костровъ и молча и угрюмо смотрѣли на яркое пламя, освѣщавшее краснымъ свѣтомъ ихъ сосредото-

Японскій офицеръ и взятыя имъ китайскія орудія.

ченныя серьезныя лица. О чемъ думали эти беззавѣтно храбрые солдаты-мальчики съ нахмуренными глазками? О томъ, что у нихъ сегодня было 300 товарищей раненыхъ и убитыхъ? Что завтра опять будетъ бой? Опять будетъ побито много народу? О томъ, что они должны терпѣть всѣ эти страданія и приносить всѣ жертвы ради своей дорогой прекрасной родины, нынѣ возрождающейся къ славѣ и свѣту, подобно Восходящему Солнцу? Или быть можетъ многіе изъ нихъ думали о томъ, что на родинѣ дома осталась его милая Оинесанъ или Оматцусан которая ждетъ его не дождется въ своемъ крохотномъ вишн садикѣ съ апельсинами и хризантэмами и кото ины хорошаго китайскаго шолку и к

Въ русскомъ лагерѣ была торжественная и благоговѣйная тишина. Бѣлые стрѣлки, выстроившись рядами, среди колосьевъ кукурузы и гаоляна, стояли съ обнажонными головами и слушали молитву. Сегодня Богъ хранилъ всѣхъ, пусть же Онъ хранитъ ихъ и завтра и всегда! Послѣ молитвы, весь отрядъ какъ одинъ солдатъ запѣлъ „Боже, Царя храни!“...

Изъ четырехъ тысячъ русскихъ грудей эта волна звуковъ стройно и торжественно неслась какъ одно чувство и одна мысль, какъ привѣтъ и поклонъ дорогой далекой Россіи и ея Вождю отъ ихъ вѣрныхъ сыновъ, далеко заброшенныхъ на поляхъ Китая, измученныхъ походомъ и зноемъ, но никогда не забывающихъ своей родины и своего долга передъ нею.

Русскій офицеръ.

Русскіе въ Янцунѣ.

Янцунь

24 Іюля

Послѣ Бэйцанскаго сраженія командиры отрядовъ — японскаго—генералъ Ямагучи, англійскаго—генералъ Гэзли и американскаго—генералъ Чаффи пришли къ соглашенію, что для болѣе скораго и рѣшительнаго пораженія китайскихъ войскъ, необходимо начать немедленное преслѣдованіе ихъ, такъ какъ опытъ Японо-Китайской войны показалъ, что китайцы не выдерживаютъ быстраго и внезапнаго наступленія противника.

Въ тотъ же день вечеромъ англійскій и американскій отряды, пѣхота и артилерія поспѣшно отправились въ погоню за китайской арміей. Въ Бэйцанскомъ боѣ американцы не приняли участія, но зато удивительно храбро и охотно бросились преслѣдовать китайцевъ, благо ихъ армія была уже разбита.

Генералъ Линевичъ рѣшилъ дѣйствовать согласно съ союзниками, и въ 4 часа утра 24 іюля наши войска снялись съ бивака и двинулись дальше на Янцунь, бывшій отъ Бэйцана въ 25 верстахъ.

Наши казаки Читинцы и Верхнеудинцы, подъ командою войскового старшины Маковкина, выступили въ 3 часа утра.
гнали всѣхъ союзниковъ, первые подошли къ Я
цировали мѣстность.

Впереди союзнаго отряда шли русскіе. За нами французы со своей батареей, которые примкнули къ русскимъ и дѣйствовали съ нами сообща, затѣмъ главныя силы англійскихъ войскъ, англійская артилерія, японскія войска и обозы.

Утро было очень жаркое, вѣтренное и безоблачное. Мы проходили однообразныя, но живописныя китайскія деревни съ рощами ивъ, тополей и ракитъ, любовались на кумирни причудливой древнекитайской постройки, видѣли чистенькія, акуратно выстроенныя кирпичныя фанзы съ черепичными крышами зажиточныхъ помѣщиковъ, жалкія жолтыя глиняныя мазанки подъ глиняной или соломенной кровлей бѣдняковъ, закопчоныя лавки, ямыни и старые мраморные памятники, испещренные іероглифами. Эти надписи то прославляли заслуги знатныхъ, давно умершихъ чиновниковъ, купцовъ и воителей, то превозносили добродѣтели благочестивыхъ вдовъ, которыя не измѣняли своимъ мужьямъ даже послѣ ихъ смерти.

Всѣ деревни были безмолвны и нелюдимы, покинутыя жителями, бѣжавшими отъ ужасовъ войны. Вдоль деревень тянулись тщательно воздѣланные огороды съ огурцами, арбузами, тыквами, молочными дынями и вьющимся горохомъ. Далѣе раскинулись необозримыя поля кукурузы, гаоляна и табаку. Какъ всѣ эти маленькія мазанки, ярко бѣлѣвшія подъ солнечными лучами и точно прилипшія одна къ другой, эти садики съ персиками, абрикосами и сливами, эти пригорки, рощи, ручьи и заросшіе овраги, эти волнующіяся нивы напоминали красивыя картины далекой Украйны.

У выхода изъ одной деревни возлѣ пыльной глинистой грунтовой дороги мы встрѣтили американскаго солдата, который лежалъ безъ движенія. Подлѣ валялось ружье и пустая бутылка отъ воды. Я и одинъ офицеръ подошли, пошевелили его и спросили по англійски:

— Что съ вами?

Американецъ съ трудомъ открылъ туманные глаза и слабо проговорилъ:

— Я не могу больше идти. Они меня бросили.

Вѣроятно, съ нимъ случился въ дорогѣ солнечный ударъ, онъ упалъ и былъ брошенъ товарищами. Обезсиленный и полу-
[illegible] себя на произволъ судьбы, онъ былъ, повидимому,
нодушенъ къ тому, кто его подберетъ — союзники
іе фельдшера подняли его, дали ему какихъ-
американца въ лазаретную фуру.

Издали доносились звуки пушечной пальбы и ружейной трескотни. Вышедшіе наканунѣ американцы и англичане уже завязали перестрѣлку съ китайцами. Навстрѣчу намъ попались обозы англичанъ, американцевъ и японцевъ.

Орудійная пальба стала слышаться ближе. Вытянулась длинная линія желѣзной дороги, направляющейся къ Янцуню. За деревушкой затрещала горячая ружейная перепалка: неустрашимый и неудержимый полковникъ Модль еще наканунѣ ушолъ отъ 6-го моста, пробрался съ двумя ротами своего полка далеко впередъ, соединился съ нашими казаками, выбилъ китайцевъ изъ двухъ попутныхъ большихъ деревень, занялъ большой желѣзнодорожный мостъ черезъ Пэйхо передъ Янцунемъ и засѣлъ въ камышѣ и гаолянѣ на берегу рѣки, обстрѣливая окраины Янцуня.

Модль около 9 часовъ утра занялъ эту позицію и такъ далеко ушолъ отъ остальныхъ союзниковъ, что тѣ приняли его отрядъ за китайскій, никакъ не предполагая, чтобы русскіе могли туда забраться. Вслѣдъ за русскими на ту-же позицію позже пришли двѣ роты индійскихъ сипаевъ.

Мѣстность была холмистая, покрытая деревьями и рощами. Союзники далеко разбросались, не видѣли другъ друга и связи между ними никакой не было. Русскихъ стрѣлковъ и индійскихъ сипаевъ англійскіе артилеристы приняли за китайцевъ и начали ихъ обстрѣливать шрапнелью. Отъ китайской ли или англійской шрапнели—но нѣсколько человѣкъ было сейчасъ же ранено у русскихъ и сипаевъ.

Сипаи въ походѣ.

Такимъ же образомъ выстрѣлами сзади, т. е. со стороны союзниковъ были убиты 8 и ранены 9 человѣкъ 14-го Сѣв. Амер. пѣх. полка. Французы также приняли американцевъ за китайцевъ и начали обстрѣливать ихъ изъ своихъ горныхъ батарей, къ счастью—никого не ранивъ. Въ свою очередь американцы, увидавъ китайцевъ, бывшихъ какъ всегда въ синихъ курткахъ и на близкомъ разст

ніи бѣжавшихъ въ городъ, приняли ихъ за французовъ и не стали преслѣдовать, и только съ помощью разныхъ знаковъ союзники узнали другъ друга и прекратили взаимную перестрѣлку.

Къ 11 часамъ утра всѣ прибывшія союзныя силы стали противъ Янцуня въ боевомъ порядкѣ. Слѣва, у желѣзнодорожнаго

Желѣзная дорога, водокачка и мостъ въ Янцунѣ.

моста, въ углу, образуемомъ полотномъ дороги и рѣкою Пэйхо, стянулись русскія войска. Впереди союзниковъ засѣли застрѣльщики 2-го полка, обстрѣливавшіе китайцевъ, которые держались въ ближайшихъ деревняхъ, разбросанныхъ кругомъ Янцуня. Далѣе, рядомъ съ нами, вдоль насыпи желѣзной дороги легли сипаи. Еще далѣе англо-индійская полевая артилерія. На крайнемъ правомъ флангѣ—полевая артилерія американцевъ.

Китайскіе генералы разставили свои орудія по всей равнинѣ на обоихъ берегахъ Пэйхо и упорнымъ огнемъ прикрывали свое поспѣшное отступленіе. Китайскія войска были въ смятеніи. Однѣ части еще рыли траншеи, чтобы за ними отбиваться до послѣдней возможности. Но другія уже бѣжали по наскоро сложенному мосту изъ шаландъ съ восточнаго берега Пэйхо на западный и безпорядочной толпой спасались изъ Янцуня далѣе на западъ къ Пекину. Жители Янцуня также бѣжали, спасаясь отъ грабежа и насилія иностранныхъ войскъ и своихъ собственныхъ.

Генералъ-лейтенантъ Линевичъ выѣхалъ на нашу передовую позицію—на насыпь желѣзной дороги у моста и сожженной водо-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— [illegible] —отвѣчалъ генералъ.

[illegible]

Сначала китайцы продолжали [illegible]. Такъ какъ наши стрѣлки были далеко, подали артиллерія и еще не успѣли подойти къ насыпи дороги, генералъ Линевичъ просилъ англійскихъ офицеровъ, чтобы [illegible] сипаевъ, которые лежали за насыпью и бездѣйствовали, поддержали нашу артиллерію своимъ огнемъ. Но сипаи продолжали лежать. На вторичный запросъ генерала Линевича, къ нему явился англійскій офицеръ и доложилъ на русскомъ языкѣ:

— У насъ была сегодня очень несчастливая стрѣльба. Наша артиллерія по ошибкѣ обстрѣляла нашихъ сипаевъ и ранила такъ много своихъ же солдатъ, что сипаи сегодня не могутъ стрѣлять.

Генералъ былъ очень недоволенъ, но медлить нельзя было. Нужно было показать нашъ огонь. Поэтому онъ приказалъ своему конвою обстрѣлять китайцевъ. На глазахъ 300 или 400 сипаевъ, ничего не дѣлавшихъ и только галдѣвшихъ и глазѣвшихъ на русскихъ, человѣкъ 20 казаковъ по командѣ сотника Григорьева, залегли на насыпи и стали щолкать по китайской деревнѣ, изъ которой стрѣляли особенно упрямо.

По командѣ полковника Соболевскаго наши орудія открыли огонь гранатами и шрапнелью вдоль моста и полотна и по всѣмъ доро[illegible], откуда дом[illegible] Къ 2 часамъ китайцы прекратили [illegible]

Русская и французская артилерія поспѣшно двинулись впередъ для преслѣдованія бѣгущихъ китайскихъ войскъ. Нѣсколько снарядовъ было пущено въ тылъ китайцамъ, а деревни, по которымъ они могли слѣдовать, осыпаны шрапнелью. За артилеріей двинулись наши и французскія войска. Къ 3 часамъ все затихло и военныя дѣйствія прекратились. Янцунь былъ взятъ.

Наши войска прошли весь городъ, заняли деревни, расположенныя за городомъ, и стали бивакомъ. Рядомъ съ нами стали бивакомъ французы. Американцы и англичане стали въ полѣ, позади города, въ сторонѣ отъ насъ. Японцы пришли только къ вечеру: главныя ихъ силы шли по западному берегу Пэйхо и были задержаны топями и разливами рѣкъ.

Русскіе первые заняли самый городъ Янцунь, кавалерійскую импань, желѣзнодорожный мостъ и двѣ китайскія переправы на шаландахъ черезъ Пэйхо.

Въ этотъ день наши потери были: убитъ поручикъ Пироговъ 2-го полка, пулей въ голову на вылетъ. Онъ только что былъ возвращонъ изъ отпуска и оставилъ послѣ себя мать и сестру. Тяжело раненъ въ животъ подполковникъ того-же полка Высоцкій. При занятіи деревень, лежащихъ передъ Янцунемъ, ранено 17 нижнихъ чиновъ, 2 убиты.

Потери американцевъ: 21 убитъ и 54 тяжело раненыхъ. Потери англичанъ: 7 убитыхъ и 39 раненыхъ.

Въ то время, какъ наши орудія стояли на желѣзнодорожной насыпи и обстрѣливали Янцунь, наши казаки вытащили китайскаго солдата, который ухитрился спрятаться между камнями и бревнами, наваленными внизу насыпи, и лежалъ подъ выстрѣлами нашихъ пушекъ. Онъ былъ тяжело раненъ въ бедро пулей, которая, повидимому, раздробила кость и причиняла бѣдному солдату жестокія мученія. Подлѣ него лежала китайская форменная куртка и ружье. Генералъ Линевичъ поручилъ мнѣ допросить его. Корчась отъ боли и страха, солдатъ сталъ прежде всего божиться, что онъ вовсе не солдатъ.

— Отпустите меня. Не убивайте меня. Я не солдатъ. Я только продаю табакъ солдатамъ. Не убивайте меня. Эта куртка не моя. Мой хорошій другъ—солдатъ и онъ послалъ меня отнести эту куртку и ружье въ городъ. Не убивайте меня. Я не солдатъ.

— Сколько у китайцевъ войскъ и сколько пушекъ?

— Очень много, очень много! 10,000 войскъ и 50 пушекъ.

— Кто главные командиры?

— Генералы Ма и Сунъ.

— Куда ушли китайскія войска?

— Я—маленькій человѣкъ. Я раненъ. Я лежу здѣсь и даже не могу встать. Какъ же я могу знать?

— Въ какомъ состояніи китайскія войска?

— Я бѣдный человѣкъ. Я не могу знать. Не убивайте меня.

Генералъ Линевичъ приказалъ оставить его въ покоѣ. Очевидно, всѣ сообщонныя имъ цифры были намѣренно преувеличены. Сипаи отъ нечего дѣлать занялись раненымъ китайцемъ и дали ему воды. Не знаю, что сдѣлали съ этимъ плѣнникомъ. Не думаю, чтобы союзные солдаты оставили его въ живыхъ. Убить его ничего не стоило.

Вечеромъ, въ полѣ, возлѣ русскаго бивака были погребены поручикъ Пироговъ и два стрѣлка. Присутствовалъ начальникъ русскаго отряда и всѣ офицеры, которые составили прекрасный хоръ и спѣли „Вѣчную память“ своему товарищу, безвременно павшему и похороненному на Китайской землѣ, на берегу Пэйхо. Передъ могилой были выстроены 2 роты 2-го полка съ [illegible] стромъ музыки. Церемонія была глубоко трогательная. Три вянныхъ креста, сколоченныхъ изъ палокъ, были опущены [illegible] гилы, вмѣстѣ съ тѣлами. Ямы засыпаны и сравнены с[illegible] для того, чтобы китайцы не могли найти русскихъ могил[illegible] ругаться надъ ними.

Весь вечеръ я осматривалъ красивый городокъ Ян[illegible] ночи оказался верстахъ въ 5 отъ русскаго лагеря, [illegible] усталый, безъ пищи и крова. Я вспомнилъ объ одно[illegible] который имѣлъ свою лавку на берегу Пэйхо и у ко[illegible] дорогѣ остановился, чтобы выпить холодной воды. Я [illegible] китайцу искать гостепріимства и ночлега.

Почтенный китаецъ Лэй Яо Пинъ былъ прямо [illegible] моимъ пріѣздомъ, такъ какъ присутствіе европейца [illegible] его домъ отъ разграбленія иностранными солдатами.

Лэй Яо Пинъ заварилъ свѣжаго пахучаго чаю, [illegible] ручно сварилъ жирную курицу, зажарилъ блиновъ, [illegible] приправы соленой моченой брюквы, налилъ сои[illegible] столѣ чашки и, положивъ вымытыя палочки для [illegible] меня ужинать.

Вооружившись палочками, я ѣлъ съ неменьш[illegible] чѣмъ въ первоклассной тяньцзинской гостиницѣ. [illegible] ная бумага, которую любезный хозяинъ положилъ

пальцевъ, послужила мнѣ также и для писанія кореспонденцій, такъ какъ другой бумаги ни у меня, ни у него не было. Для сна хозяинъ постлалъ на скамейкѣ чистую цыновку и положилъ узорную подушечку, набитую чаемъ, что очень полезно для глазъ, съ дырочкой для уха.

Подъ кровомъ радушнаго китайца Лэй Яо Пина я провелъ двѣ ночи.

Французы.

Улица въ Янцунѣ.

Въ „Тополевой Деревнѣ“

24, 25, 26 Іюля

Лэй Яо Пинъ былъ магометанинъ и поэтому носилъ остроконечную холщовую синюю шапочку, вродѣ скуфьи, вмѣсто обыкновенной круглой. Ему было около сорока лѣтъ. Свою семью онъ заблаговременно отправилъ въ болѣе отдаленную и спокойную деревню.

Лэй имѣлъ свою лавку на берегу Пэйхо. Торговалъ мукою, зерномъ, хлѣбомъ и поставлялъ свои товары въ Тяньцзинъ. Онъ велъ дѣло съ европейскими купцами, зналъ лично такихъ солидныхъ предпринимателей, какъ Сабаши (такъ китайцы называли Старцева) и поэтому уважалъ иностранцевъ. Кромѣ того онъ былъ магометанинъ и поэтому считалъ своимъ особеннымъ долгомъ оказывать гостепріимство пришельцу. Какъ и въ нашихъ лавкахъ, въ его лабазѣ стоялъ прилавокъ съ вѣсами, счотами, тушью и приходо-расходными книгами и были разставлены ящики и кадки съ различными сортами зерна и муки. По сторонамъ лавки были расположены жилыя комнаты съ канами-лежанками для спанья, столиками, стуликами, комодами и фамильными кованными сундуками, наполненными дорогимъ платьемъ и серебромъ, которое переходило отъ отца къ сыну. Позади лабаза былъ дворъ, конюшни и службы. Дома остались только хозяинъ и его работникъ.

Лэй былъ крайне удручонъ событіями этого лѣта. Торговля прекратилась и всѣ купцы разорялись. Грабили не только боксеры, которые не различали праваго отъ виноватаго, но и китайскіе солдаты, отымавшіе у жителей всякое добро: хлѣбъ, муку, рисъ, платье и деньги. Солдаты говорили, что ничего не нужно оставлять, такъ какъ все равно придутъ иностранцы и все разграбятъ. Поэтому Лэй просилъ дать ему такой флагъ, которой бы охранялъ его отъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Я приготовилъ нѣсколько флаговъ, на которыхъ было написано порусски, пофранцузски, поанглійски и понѣмецки: „Россія“. Это было слабое, но единственное средство, чтобы иностранцы не входили въ этотъ домъ, который тѣмъ самымъ считался состоящимъ подъ покровительствомъ русскихъ.

Янцунь, что значитъ покитайски „Тополевая деревня“, расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Пэйхо. Его жители, которые теперь всѣ бѣжали, спасаясь и отъ своихъ и отъ иностранныхъ войскъ, были народъ зажиточный, судя по множеству прочно и затѣйливо построенныхъ кирпичныхъ домовъ.

Лэй разсказывалъ, что въ Янцунѣ проживало около 3000 семействъ. Изъ нихъ до 300 семействъ исповѣдуютъ магометанство и имѣютъ свою особую кумирню, построенную въ китайскомъ стилѣ, съ пестрымъ фронтономъ, раскрашенными деревянными столбами, поддерживающими извивающуюся кверху сѣрую черепичную крышу, съ разноцвѣтными окнами. Снаружи кумирня ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной китайской кумирни. Крыша увѣнчана большимъ глазурнымъ камнемъ алаго цвѣта, выдѣланнымъ въ видѣ груши.

Внутри эта кумирня вполнѣ напоминаетъ магометанскую мечеть. Въ ней не было ни одного идола или изображенія. Подъ потолкомъ развѣшано множество лампадъ и фонарей. У входа божница съ изреченіями изъ Корана, написанными поарабски. Въ глубинѣ ниша также съ арабскими надписями. Японцы заняли эту красивую мечеть. Во дворѣ поставили лошадей, а въ храмѣ разставили ружья и расположились на ночлегъ.

Остальные жители Янцуня буддисты. У нихъ прекрасная древняя кумирня, подъ развѣсистыми столѣтними тополями, на правомъ берегу Пэйхо. Японцы, которые большею частью также буддисты, не посмѣли тронуть эту кумирню и приставили къ ней часового. Въ алтарѣ кумирни воздвигнута великолѣпная статуя Будды, погружоннаго въ созерцаніе. Надъ алтаремъ большая золочоная надпись покитайски „Будда — справедливость и любовь“. По сто-

ронамъ изображенія буддистовъ и статуи двухъ древнихъ храбрыхъ небожителей Юй и Чжанъ, которые прежде всегда помогали китайцамъ въ ихъ военныхъ подвигахъ, но теперь почему-то уже давно перестали. По обычаю, въ томъ же дворѣ, противъ кумирни построенъ театръ, въ которомъ представлялись историческія и героическія піесы. По словамъ единственнаго старика-китайца, оставшагося вѣрнымъ Буддѣ и охранявшаго его алтарь, этой кумирнѣ болѣе 200 лѣтъ.

Жители Янцуня торгуютъ главнымъ образомъ хлѣбомъ, мукой, холстомъ и разными матеріями. Есть три большіе склада суконъ и холстовъ.

Въ Янцунѣ жилъ богатый генералъ Хао. Въ его безчисленныхъ богатыхъ и причудливыхъ палатахъ, украшенныхъ балконами, садиками, двориками, галереями, цвѣтами, акваріумами и надписями, размѣстились японскіе генералы Ямагучи и Фукушима съ походнымъ штабомъ. Ихъ войска расположились также въ покинутыхъ зданіяхъ города.

Въ то время какъ генералъ Линевичъ всегда располагалъ свой лагерь внѣ города, на открытомъ видномъ, приподнятомъ и сухомъ мѣстѣ, избѣгая грязныхъ китайскихъ улицъ и дворовъ, японскіе генералы предпочитали становиться на ночлегъ въ китайскихъ домахъ и дворахъ, унося и вывозя все то, что еще не успѣли разграбить бѣжавшіе китайскіе солдаты.

Ужасъ бѣжавшихъ жителей былъ такъ великъ, что нѣкоторые престарѣлые китайцы не хотѣли пережить этого разгрома. Сейчасъ же послѣ занятія Янцуня, когда иностранцы еще не начали хозяйничать въ городѣ, въ одной фанзѣ, черезъ окно, я увидѣлъ сѣдокосаго старика, который повѣсился въ своемъ домѣ. Его лицо было совершенно спокойно. Видно безпомощный старикъ, узнавъ о нашествіи иноплеменниковъ и бѣгствѣ китайскихъ войскъ и жителей, рѣшилъ покончить съ собою, чтобы не быть свидѣтелемъ, какъ заморскіе дьяволы будутъ грабить его старый отцовскій домъ.

Войска союзниковъ отдыхали вечеръ 24-го іюля, весь день 25-го и утро 26 іюля. 25 іюля у генерала Линевича, въ тѣни маленькой бѣдной китайской фанзы, состоялся военный совѣтъ, на которомъ присутствовали командиры иностранныхъ отрядовъ и начальники ихъ штабовъ. Рѣшено преслѣдовать китайцевъ по пятамъ, не дать имъ возможности собраться съ силами и на другой день выступить въ дальнѣйшій походъ. Союзные генералы согласились, что японцы будутъ идти во главѣ международнаго отряда,

такъ какъ у нихъ имѣются лучшія карты пути на Пекинъ. Вторыми будутъ идти русскія войска. За ними англичане и американцы. Генералъ Линевичъ, принимая это соглашеніе, оставилъ за собою право повести русскій отрядъ въ авангардѣ всѣхъ войскъ тогда, когда онъ это сочтетъ нужнымъ. Французскій отрядъ не могъ двинуться впередъ вмѣстѣ со всѣми союзниками, такъ какъ не имѣлъ обоза, и былъ поэтому оставленъ гарнизономъ въ Янцунѣ, для этапной службы и охраны города на случай нападенія китайцевъ.

Капитанъ Горскій и рота охотниковъ благополучно пробрались отъ 6-го моста желѣзной дороги къ Янцуню и присоединились къ русскому отряду.

Со взятіемъ Янцуня въ рукахъ союзниковъ находился узелъ пересѣченія водныхъ, грунтовыхъ и желѣзнодорожныхъ путей между Тяньцзиномъ, Туичжоу и Пекиномъ.

Китайская кумирня.

Наши стрѣлки на привалѣ.

Наньцайцунь

26 Іюля

Международный отрядъ, состоявшій почти изъ тѣхъ же частей, которыя наступали на Бэйцанъ и Янцунь, кромѣ французовъ, съ утра 26 іюля двинулся далѣе на Пекинъ. Отрядъ включалъ приблизительно 6,500 японцевъ, 4,500 русскихъ, 1,500 англо-индійцевъ и 1,000 американцевъ. Итого въ освободительномъ отрядѣ было около 13,500 человѣкъ.

Въ составъ русскаго отряда, который выступилъ въ походъ въ 3 часа дня, входили: 9-й полкъ подъ командою подполк. Савицкаго, 10-й полкъ полковн. Антюкова, 1-й батальонъ 12-го полка подполк. Ширинскаго, 2-го полка $2^1/_2$ роты полк. Модля, 2-я батарея—подполк. Горошкова, 3-я батарея—подполк. Мейстера. 6-я сотня Верхнеудинцевъ и 3-я сотня Читинцевъ подъ общею командою войскового старшины Маковкина и пулеметы.

Казаки шли вмѣстѣ съ японской кавалеріей и вмѣстѣ дѣлали рекогносцировки и атаки. Въ авангардѣ русскаго отряда были поставлены $2^1/_2$ роты полковника Модль. Остальныя части чередовались во время похода.

Въ Янцунь пришолъ первый транспортъ
и съ боевыми припасами для русскаго отр

ства военныхъ рѣчныхъ и сухопутныхъ сообщеній было ввѣрено подполковнику Генеральнаго Штаба Самойлову и его помощникамъ лейтенантамъ Шванку и Родіонову. Интендантской частью завѣдывали полковникъ Васильевъ и подполковникъ Ашехмановъ.

При прохожденіи черезъ Янцунь нашей артилеріи пришлось проскочить черезъ переулокъ, объятый пламенемъ: въ этомъ мѣстѣ японцы нашли домъ, наполненный китайскими патронами и подожгли.

Войсковой старшина Маковкинъ.

Мы проходили цѣлый рядъ деревень, покинутыхъ жителями и опустошенныхъ японцами. По дорогѣ встрѣчались отряды японскихъ войскъ, японскіе обозы и множество японскихъ кули. Организація военнаго дѣла у японцевъ превосходна. Тысячи вьюковъ съ продовольствіемъ слѣдовали немедленно за войскомъ. Сотни санитаровъ, [illegible] обозовъ, быстрота движенія, все дѣлало честь японской арміи. [illegible]дъ, тысячи колонистовъ—кули японцевъ и тысячи китайскихъ японцы заставляли носить или возить ихъ та-

гутъ поддержать и выручить японцевъ. Поэтому каждый день генералъ Фукушима или начальникъ штаба 5-й японской дивизіи, дѣйствующей нынѣ на театрѣ военныхъ дѣйствій, является для совѣщаній къ начальнику Русскаго отряда генералъ-лейтенанту Линевичу.

28-го іюля, въ 5 часовъ вечера наши войска, сдѣлавъ около 20-ти верстъ, пришли на отдыхъ въ деревню Матоу, расположенную въ 75-ти верстахъ отъ Тяньцзина. Войска наши переночевали здѣсь и въ 6 час. утра двинулись дальше на Чжанцзявань.

Русскіе артилеристы и китайскіе пулеметы.

Японская кавалерія въ Чжанцзяванѣ.

Чжанцзявань

29 Іюля

29-го іюля, въ 3 часа дня, пройдя около 12 ли—наши войска ришли въ опустошенный китайскій городъ Чжанцзявань. Въ 6 часовъ утра наша и японская кавалерія производили рекогносцировку. Наши казаки неожиданно наткнулись на китайцевъ, которые засѣли ь гаолянѣ и стрѣляли по нашимъ. Сотня стала отстрѣливаться лпами, затѣмъ подошли главныя японскія силы: пѣхота и 2 ихъ рныя батареи, которыя прогнали китайцевъ нѣсколькими орудійыми выстрѣлами. Китайцами зарѣзанъ 1 казакъ, другой раненъ.

Сегодня въ авангардѣ были: 3 батальона японцевъ и ихъ 2 рныя батареи (12 орудій), за которыми шла наша 2-я легкая атарея, а за ней $2^1/_2$ роты 2-го полка. Всего 4 батальона, 20 рудій. Лазутчики передали, что еще минувшей ночью въ этомъ ольшомъ городѣ, укрѣпленномъ стѣнами, Чжанцзяванѣ ночевалъ итайскій генералъ Сунъ Цинъ съ немногими оставшимися у него ойсками. Утромъ онъ бѣжалъ, оставивъ городъ безъ боя.

Изъ Пекина вѣсти весьма благопріятны: всѣ посланники и иностранцы здравствуютъ и имѣютъ продовольствіе еще на нѣсколько ней. Китайскія войска бѣгутъ изъ Пекина: тамъ остались теперь

только маньчжурскіе солдаты. Войска, бѣгущія передъ нами, отступаютъ на Тунчжоу и на Пекинъ. Общая численность ихъ не болѣе 5000, изъ которыхъ часть въ Тунчжоу, часть въ пути.

Послѣ завтра мы надѣемся достигнуть Пекина, который отъ насъ въ разстояніи 40 верстъ.

Очень трудно писать кореспонденціи въ походѣ. Благодаря тому, что выступленіе на Пекинъ изъ Бэйцана было назначено совершенно неожиданно, я не могъ ничѣмъ запастись и весь мой багажъ состоялъ только изъ записной книжки, карандаша и хлыста. Мнѣ не на чемъ было даже писать. Бумагу благосклонно давали штабные писаря. Писалъ я гдѣ придется: то въ гаолянѣ или кукурузѣ, то въ фанзѣ, на двуколкѣ, на пнѣ, подъ тѣнью ивы. Пріятнѣе всего было писать въ кумирнѣ, среди идоловъ, жертвенныхъ сосудовъ и курильныхъ палочекъ. Присутствіе божества учоныхъ и литераторовъ Вэнь Чанъ Ди Цзюнь, съ глубокомысленнымъ лицомъ, длинной чорной бородой и книгой въ рукѣ, дѣйствовало на меня успокоительно и ободряюще.

Однажды я писалъ на огородѣ, окружонный сѣтью гороха и бобовъ, въ тѣни оранжевыхъ подсолнуховъ. Въ фанзѣ и на дворѣ валялись брошенныя впопыхахъ домашнія вещи, ѣда, зерно и платье. Бродили забытыя куры и поросята. Избушка была такъ бѣдна, что въ ней не нашлось ни одного стола, кромѣ одного, занятаго семейными кумирами и дощечками съ именами предковъ, которыхъ я не рѣшился тревожить. Входная дверь была сломана и лежала. Пришлось ею воспользоваться и писать кореспонденцію на двери. Изъ фанзы послышались жалобные стоны. Я вошолъ въ избушку и неожиданно разыскалъ среди наваленнаго стараго скарба маленькую жалкую сморщенную и полуодѣтую старушонку, которая съ ужасомъ отвернулась отъ неожиданнаго пришельца и дрожа ожидала, когда онъ ее убьетъ. Вѣроятно ея родственники забыли о ней въ переполохѣ или бросили ее, полагая, что ей все равно не жить. Она была такъ дряхла и слаба, что едва могла двигаться. Я поставилъ возлѣ нея чашку съ водой, но старушка отвернулась и только стонала.

Въ Чжанцзяванѣ нашъ отрядъ сталъ бивакомъ въ полѣ, внѣ древнихъ полуразвалившихся стѣнъ города, въ которомъ уже хозяйничали японцы. Подъ вечеръ, когда весь отрядъ отдыхалъ, недалеко отъ ставки генерала Линевича изъ гаоляна вышелъ высокій старикъ съ рѣшительнымъ лицом[illegible] чинными сѣдыми усами. Наши стрѣлки приняли его за кит[illegible] схватили ста-

рика и привели въ штабъ. Генералъ Линевичъ поручилъ мнѣ опросить его.

Старикъ отвѣтилъ, что онъ не солдатъ, а землепашецъ и скрылся въ гаолянѣ, спасаясь отъ выстрѣловъ китайскихъ солдатъ. Онъ вышелъ изъ гаоляна, такъ какъ ему нужно идти въ городъ домой, и онъ надѣется, что ему ничего дурного иностранцы не сдѣлаютъ. Онъ не солдатъ и поэтому относительно китайскихъ солдатъ ничего не знаетъ.

Генералъ Линевичъ приказалъ сказать старику, что если онъ будетъ отпираться и не скажетъ всего, что онъ знаетъ о количествѣ, состояніи и направленіи китайскихъ войскъ, то онъ будетъ разстрѣленъ. При этомъ одному стрѣлку было приказано взять ружье.

Старикъ выпрямился, гордо поднялъ голову и смѣло взглянулъ въ чорное зіяющее смертоносное дуло, направленное противъ него. Онъ ничего не отвѣтилъ и былъ готовъ принять смерть.

— Отпустите его!—приказалъ генералъ.

Не знаю, что сдѣлали наши стрѣлки со старикомъ, но они были уже озлоблены противъ китайскихъ солдатъ, которые скрывались въ кукурузѣ и гаолянѣ, стрѣляли изъ хлѣбовъ, а въ случаѣ опасности сбрасывали свои форменныя куртки, бросали ружья, вылѣзали, кланялись и выдавали себя за мирныхъ поселянъ.

Трудно сказать, кто былъ этотъ старикъ, но судя по его рослой фигурѣ и неустрашимости, въ немъ можно было заподозрить стараго китайскаго солдата.

Въ китайской деревнѣ.

Тунчжоу

30 Іюля

Хотя японскіе генералы условились съ генераломъ Линевичемъ одновременно и совмѣстно штурмовать большой городъ Тунчжоу и для этой цѣли выступить изъ Чжанцзяпая въ $3^1/_2$ часа утра, однако японцы почему-то раздумали и снялись съ бивака въ $1^1/_2$ ночи, о чемъ извѣстили начальника русскаго отряда. Не желая утомлять своихъ солдатъ, генералъ Линевичъ остался при прежнемъ рѣшеніи и приказалъ поднять отрядъ въ назначенное время.

Японскіе обозы въ Тунчжоу.

Японцы рвались впередъ.

Въ 4 часа утра японскій авангард [illegible] полъ къ Тунчжоу и, не дожидаясь прибытія остальныхъ [illegible] вѣковыя ворота города, кото[illegible] былъ

въ ворота и сейчасъ-же распространились по всему городу, нигдѣ не встрѣтя никакого сопротивленія. Китайскія войска еще за день и наканунѣ бѣжали изъ города. Японскіе флаги были поставлены на всѣхъ воротахъ. Только у южныхъ воротъ я увидалъ китайскую стражу, вооруженную старинными ружьями и состоявшую изъ 10 человѣкъ; всѣ они были переколоты японцами. Даотай и чиновники бѣжали. Большая часть жителей, которыхъ, вѣроятно, было не менѣе 100,000, осталась жить въ городѣ, запершись въ своихъ домахъ и лавкахъ.

Въ 8 часовъ утра подошли передовыя русскія войска и остановились бивакомъ за городомъ, между южными и западными воротами, среди рощъ, кукурузы и гаоляна.

Войти въ городъ наши войска никакъ не могли бы, если бы было нужно, такъ какъ всѣ городскія ворота и дороги къ нимъ были загромождены японскими орудіями и обозами.

Вообще Тунчжоу производитъ очень красивое впечатлѣніе, благодаря своимъ садамъ и рощамъ, въ которыхъ онъ утопаетъ, благодаря древнимъ 20-футовымъ стѣнамъ съ башнями и бойницами, которыми онъ окруженъ, благодаря каналамъ и прудамъ, которые пересѣкаютъ городъ подъ каменными и деревянными причудливыми мостами. Живописна главная улица, наполненная двухъэтажными магазинами съ яркими цвѣтными и золочонными вывѣсками, пестрыми прилавками, пузатыми фонарями и высокими столбами съ объявленіями и рекламами.

Въ день занятія Тунчжоу, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Василевскій самъ сдѣлалъ рекогносцировку пути, по которому наши войска должны были пройти въ Пекинъ. Въ 4 часа дня генералъ выѣхалъ въ сопровожденіи военнаго топографа подпоручика Сычугова, меня въ качествѣ корреспондента и юнкера флота Гирса. Для охраны были взяты казаки.

Рекогносцировочный отрядъ прошолъ знаменитый мостъ Палицяо (Паликао), возлѣ котораго 600 чел. французскихъ войскъ и англійская артилерія разбили и обратили въ бѣгство 40 тысячную китайскую армію лѣтомъ 1860 года. „Мостъ въ восьми ли“ (отъ Тунчжоу), какъ онъ называется покитайски, пересѣкаетъ каналъ, связывающій Тунчжоу съ Пекиномъ. Такъ какъ возлѣ Тунчжоу рѣка Пэйхо дѣлаетъ рѣзкій поворотъ къ сѣверозападу отъ этимъ самымъ была вызвана необходимость соединить иномъ каналомъ, идущимъ по прямой линіи отъ

До сихъ поръ весь нашъ походъ былъ сдѣ-

[illegible]

Послѣдняя развѣдка

31 іюля. Утро

Накануне, 31 іюля, на совѣщаніи у генерала Линевича собравшихся начальниковъ соединенныхъ отрядовъ было рѣшено, что всѣ союзныя войска будутъ выступать къ Пекину по тремъ параллельнымъ дорогамъ, идущимъ отъ Тунчжоу, съ востока на западъ, къ столицѣ Срединной Имперіи. По средней дорогѣ, проселочной, между каналомъ и Мандаринской дорогой, должны были идти русскія войска и пробить ворота „Дунбяньмынь", расположенныя въ углу между Маньчжурскимъ и Китайскимъ городомъ Пекина. Японцы должны были идти справа отъ насъ по каменной Мандаринской дорогѣ и пробиться въ верхнія Восточныя ворота „Цихуамынь". Англичане и американцы должны были идти слѣва отъ насъ, по проселочной дорогѣ, которая была наканунѣ обслѣдована генераломъ Василевскимъ. Эта дорога также упиралась въ нижнія Восточныя ворота „Шавумынь".

Штурмъ Пекина былъ назна[illegible] въ ночь съ 1-го на 2-е августа. Два дня были даны вой[illegible]ѣдя отдыха. 30 іюля въ Тунчжоу подтянулись от[illegible]риканцовъ.

ПОСЛѢДНЯЯ РАЗВѢДКА

31-го іюля, рано утромъ, наши казаки, въ составѣ двухъ сотенъ 6-й Верхнеудинской и 3-й Читинской, вмѣстѣ съ японскими кавалеристами произвели послѣднюю развѣдку пути между Тунчжоу и Пекиномъ.

Случай, происшедшій наканунѣ ночью, когда японцы стали раньше срока бомбардировать Тунчжоускія ворота и забарикадировали вольно или невольно своими обозами и батареями всѣ ворота въ Тунчжоу,—преждевременный штурмъ японцами Бэйцанскаго лагеря, ихъ постоянная горячность и стремленіе впередъ—всѣ эти причины заставляли начальника русскаго отряда зорко наблюдать за всѣми дѣйствіями японцевъ. Русскій генералъ не могъ,

Японская батарея въ походѣ.

конечно, допустить, чтобы японцы подобнымъ же образомъ заставили своими обозами ворота и дороги въ Пекинѣ, благодаря чему русскія войска, уже спасшія Тяньцзинъ, явились бы въ Пекинъ въ хвостѣ японцевъ.

Съ другой стороны мы не могли обойтись безъ японцевъ, такъ какъ у насъ не было картъ. Какъ это ни странно, но въ Тяньцзинѣ мы никакъ не могли достать ни одной удовлетворительной карты мѣстности отъ Тяньцзина къ Пекину и намъ приходилось удовольствоваться любезностью генерала Фукушима, который показы- русскимъ свои карты. Японцы имѣли собственныя подробныя китайскими іероглифами, изготовленныя въ Японіи. Въ ядѣ почти каждый офицеръ имѣлъ по такой картѣ айской столицѣ они знали наизусть.

Проѣхавъ около 10 верстъ по Маньчжурской дорогѣ къ Пекину, русско-японскій отрядъ не встрѣтилъ никакихъ признаковъ китайскихъ войскъ. По пути попадалось только ихъ платье и сапоги, сброшенные вѣроятно для удобства. Всюду валялись тысячи головъ и были видны слѣды кровавыхъ пятенъ. Страшное зрѣлище. Къ счастью, это были арбузы, объѣденные бѣжавшими солдатами. Всѣ попутныя деревни были ими разграблены и покинуты жителями.

По дорогѣ встрѣчались отряды японскихъ солдатъ и японскія батареи, уже спѣшившія къ Пекину, хотя штурмъ былъ назначенъ только на другой день. Движеніе японцевъ было весьма подозрительно.

Когда нашъ кавалерійскій отрядъ остановился на привалѣ, я попросилъ одного японскаго офицера показать карту мѣстности. Онъ свободно говорилъ на нѣмецкомъ языкѣ, охотно развернулъ бывшую при немъ карту и указалъ нашъ путь.

— Когда вы думаете штурмовать Пекинъ?—спросилъ я офицера, указывая на проходившія колонны японскихъ стрѣлковъ.

— Сегодня ночью.

— Это окончательно рѣшено?

— Да, мы хотимъ попробовать.

— Но вѣдь союзники назначили общій штурмъ на завтра?

— Это намъ не препятствуетъ штурмовать наши ворота сегодня же.

Я сейчасъ же послалъ къ генералу Васнлевскому казака съ запиской приблизительно слѣдующаго содержанія: „Повидимому, японцы хотятъ штурмовать Пекинъ сегодня ночью. Ихъ пѣхота и горныя батареи поспѣшно идутъ впередъ по Мандаринской дорогѣ. Офицеръ японскаго генеральнаго штаба сказалъ мнѣ, что они намѣрены попробовать штурмовать сегодня“.

Такъ какъ путь, предназначенный для движенія русскихъ войскъ, пролегалъ между Мандаринской дорогой и каналомъ, параллельно имъ ббоимъ, то я предложилъ капитану Генеральнаго Штаба Карликову осмотрѣть этотъ путь. Капитанъ взялъ десятокъ казаковъ. Мы свернули съ Мандаринской дороги на югъ и поѣхали по проселочной дорогѣ, оставивъ русско-японскій отрядъ, который продолжалъ развѣдку.

Дорога была проселочная, извилистая. Окружающая мѣстность обыкновенная: деревеньки, кукуруза, гаолянъ, могилы, окруженныя хвойными рощами, и кумирни. Завидя насъ, жители всюду разбѣгались и прятались въ кукурузу. Только подъ самымъ Пекиномъ

Капитанъ Ген. Шт. Карликовъ.

жители одной деревни вышли къ намъ навстрѣчу, дали воды и сообщили, что всѣ ворота Пекина, расположенныя на восточной сторонѣ, заперты; открыты только сѣверныя ворота; войска, бѣжавшія отъ Тунчжоу, расположились не въ Пекинѣ, а въ 15 верстахъ къ югу у Наньхайцза; въ Пекинѣ же находятся только маньчжурскія войска.

Въ 11 часовъ утра мы подъѣхали за $1^1/_2$ версты къ Пекину и взобрались на высокій загородный валъ.

Сильно забилось мое сердце, когда передъ нами открылись величественныя тысячелѣтнія стѣны священной столицы богдыхановъ. Между нами и стѣнами растянулся пригородъ, утопавшій въ зелени туй, акацій и ивъ. На стѣнѣ виднѣлись флаги и дыновочныя палатки. Съ опасностью для жизни мы съ казаками продвинулись еще съ версту впередъ и остановились въ оврагѣ, подъ прикрытіемъ кукурузы, чтобы лучше высмотрѣть мѣстность. Вдоль стѣны были ясно видны палатки китайскихъ солдатъ и множество красныхъ и бѣлыхъ флаговъ. Солдатъ не было видно.

Лошадь вывезла меня на вершину холма. Тамъ, точно окаменѣвшая тайна или вѣковѣчная загадка, точно въ непробудномъ снѣ, точно замурованная въ своихъ вѣковыхъ стѣнахъ, покоилась и молчала великая столица великаго государства — Пекинъ, которому втрое больше лѣтъ, чѣмъ Россіи, хотя онъ самъ вдвое моложе Китая, создавшаго эту трехтысячелѣтнюю твердыню. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, въ лонѣ которыхъ погребены сотни народовъ и царствъ, Пекинъ стоялъ незыблемо и то имъ царили, то онъ царилъ. Одиннадцать вѣковъ онъ переходилъ отъ однихъ народовъ къ другимъ. Онъ былъ столицей и китайцевъ и киданей, монголовъ и маньчжуръ. Передъ его несокрушимыми стѣнами воевалъ бурный Чингисханъ. Въ немъ царствовалъ всесильный Хубилай, правившій всей Азіей. Въ немъ жилъ и дѣйствовалъ мудрѣйшій Цянъ Лунъ. Правившіе имъ цари и народы уже давно исчезли въ вѣчности, а „Сѣверная столица“ все стоитъ.

Стѣны Пекина.

Я спустился съ холма и одинъ поѣхалъ впередъ, желая осмотрѣть дорогу до самыхъ воротъ. Проселочный путь скоро свернулъ на каменную дорогу. Направо и налѣво шли фанзы и какіе-то склады. Китайцы, вышедшіе изъ своихъ домовъ, съ изумленіемъ смотрѣли на появленіе иностранца. Одни разбѣгались, а другіе стояли и разглядывали.

Въ сторонѣ отъ меня, въ полѣ, верхомъ на лошади проѣзжалъ китайскій офицеръ. Онъ былъ чѣмъ-то вооруженъ. Позади на ослѣ ѣхалъ слуга. Я встревожился, такъ какъ повидимому мы ѣхали другъ другу на встрѣчу. Увидя меня, офицеръ погналъ коня и поспѣшилъ уѣхать подальше отъ нежданнаго „заморскаго чорта". Къ счастью, мы были другъ другу не опасны: я былъ вооруженъ хлыстомъ, а онъ вѣеромъ.

Дорога и гранитный мостъ были въ исправности. Я подъѣхалъ къ послѣднему гранитному мосту, за которымъ увидалъ огромныя чорныя ворота, саженъ 5 высоты — цѣль нашего похода. У воротъ бродили китайцы. Ворота были заперты. Мостъ передъ ними въ исправности. Такимъ образомъ, наши войска могли подойти вплотную къ воротамъ Пекина.

Я хотѣлъ подъѣхать къ самымъ воротамъ, чтобы осмотрѣть ихъ— и слава Богу, что этого не сдѣлалъ, такъ какъ возлѣ воротъ стояло пять китайскихъ карауловъ, которыхъ я не разглядѣлъ издали.

Опасно было оставаться въ этой глухой улицѣ, выходившей къ воротамъ. Я повернулъ лошадь и поспѣшилъ къ капитану Карликову, который наскоро чертилъ планъ мѣстности. Китайскіе

солдаты, наконецъ, кончили свой полдневный чифань и высыпали на стѣну, чтобы разсмотрѣть появившагося заморскаго всадника. Я былъ въ такомъ несчастномъ, растрепанномъ и грязномъ видѣ благодаря походу, что солдаты долго разглядывали, не зная, къ какой націи меня причислить. Толпа китайцевъ выбѣжала изъ домовъ и стала посреди дороги.

— Ни мынь доу хао! Бу яо хайпа! — Здравствуйте!.. Не нужно бояться!—крикнулъ я китайцамъ и пока они размышляли, я былъ уже далеко отъ нихъ.

Когда я подъѣхалъ къ нашимъ, съ городской стѣны было пущено въ догонку нѣсколько выстрѣловъ. Не успѣли мы напоить лошадей и отъѣхать за городской валъ, какъ изъ одной деревни насъ встрѣтили такимъ дружнымъ ружейнымъ огнемъ, что испуганныя лошади полетѣли карьеромъ. Точно бѣшеные мы мчались по какимъ-то колеямъ, кустамъ и канавамъ.

Выстрѣлы прекратились. Мы остановились и стали переводить духъ. И лошади и казаки оробѣли и жались другъ къ другу.

Капитанъ Карликовъ со своими казаками повернулъ обратно на Мандаринскую дорогу для присоединенія къ рекогносцировочному отряду, а я съ двумя казаками поѣхалъ вдоль Тунчжоускаго канала Дадунхо, по направленію къ лагерю, по будущей дорогѣ русскихъ войскъ.

Отъ волненія, усталости, голода и жажды я такъ обезсилѣлъ, что едва держался на сѣдлѣ. Послѣ того какъ насъ обстрѣляли изъ одной деревни, я больше не рѣшался заходить въ деревни, тѣмъ болѣе, что насъ было всего три человѣка. Жажда мучила, но вдоль дороги мы не встрѣчали ни колодцевъ, ни арбузовъ. Зной обжигалъ насъ. Все тѣло мое было разбито. Я чувствовалъ, что изнемогаю и боялся упасть съ лошади.

Какой подарокъ! возлѣ дороги мы нашли виноградникъ съ большими зелеными гроздьями. Мы слѣзли съ лошадей, легли какъ ягнята на траву и стали поѣдать ягоду за ягодой. Я былъ такъ голоденъ, съ утра не ѣвши, что даже не замѣтилъ, что виноградъ не созрѣлъ и былъ киселъ, какъ китайская соя. Скоро я почувствовалъ во рту такой пожаръ, что не зналъ куда дѣваться и не могъ забыть этотъ виноградъ даже послѣ штурма Пекина.

До Тунчжоу оставалось еще верстъ 10, но я былъ безъ силъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать. На мое счастье въ рощѣ показались ряды бѣлыхъ русскихъ рубахъ и впереди на лошади генералъ Василевскій.

Отрядъ генерала Василевскаго

31 Іюля. Вечеръ и ночь

Шт.-Кап. Петровъ.

Когда на нашемъ бивакѣ въ Тунчжоу были получены тревожныя извѣстія о томъ, что японцы поспѣшно двигаются къ Пекину; что положеніе европейцевъ въ Пекинѣ становится тяжелѣе съ каждымъ днемъ; что каждый день замедленія можетъ еще болѣе затруднить взятіе Пекина, такъ какъ китайцы хотятъ минировать подступы къ столицѣ— то начальникъ отряда генералъ Линевичъ рѣшилъ отправить сильный рекогносцировочный отрядъ русскихъ войскъ на цѣлыя сутки раньше дня, назначеннаго для штурма Пекина—въ тотъ же день 31-го іюля.

Начальникомъ этого отвѣтственнаго отряда былъ назначенъ начальникъ штаба генералъ Ник. Алекс. Василевскій. Отрядъ началъ выступать съ 12 час. дня и въ 2 часа собрался на скрещеніи Мандаринской и грунтовой дорогъ, откуда всѣ части двинулись вмѣстѣ, въ составѣ 7 роты 10-го полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Яр. Горскаго, 4-й, 5-й и 7-й ротъ 2-го полка, подъ начальствомъ полковника Модля, 4 орудій 3-й батареи, подъ начальствомъ шт.-капитана Петрова, и 2 пулеметовъ. Кромѣ того, по пути присоединилась 3-я сотня Читинскаго полка и полъ 6-й сотни Верхнеудинскаго полка, подъ общей командою сотника Григорьева.

Генералу Василевскому было поручено произвести рекогносцировку пути и подступовъ къ Пекину и попытаться овладѣть восточными воротами нечаяннымъ нападеніемъ, если къ этому представится возможность.

Въ 2 часа, послѣ маленькаго привала, отрядъ двинулся по грунтовой дорогѣ къ Пекину. День былъ очень жаркій, безвѣтреный.

Жара доходила до 45° по Реомюру. Солдатамъ, утомленнымъ не успѣвшимъ еще отдохнуть отъ похода до Тунчжоу, было очень трудно идти. Стрѣлки одинъ за другимъ отставали и падали.

Часа черезъ два подошли къ каналу Дадунхо. Начальникъ отряда приказалъ воспользоваться найденной на каналѣ шаландой сложить на нее всю солдатскую амуницію, а также положить слабѣвшихъ стрѣлковъ. Эту шаланду бичевой тянули до того мѣста, гдѣ былъ предположенъ бивакъ главныхъ силъ, выступившихъ изъ Тунчжоу въ тотъ-же день, въ 3½ часа дня.

Когда я разсказалъ генералу Василевскому объ утренней развѣдкѣ восточныхъ воротъ, генералъ назначилъ меня проводникомъ своего отряда и предложилъ сейчасъ-же ѣхать вмѣстѣ съ нимъ обратно въ Пекину. Я отвѣтилъ, что готовъ исполнить желаніе генерала, но умираю отъ голода, жажды и усталости.

— Мы васъ сейчасъ-же поправимъ, — сказалъ полковникъ Модль, далъ мнѣ выпить рому изъ походной фляги и предложилъ подѣлиться половинкой курицы и кускомъ чорнаго хлѣба. Ромъ, курица и хлѣбъ подѣйствовали на меня магически. Я возродился, сѣлъ на коня и снова почувствовалъ въ себѣ приливъ силъ и бодрости. Впередъ, на Пекинъ!

Среди офицеровъ я встрѣтилъ моего [illegible] штабсъ-капитана Ярослава Горскаго, [illegible] полка. Онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ [illegible] Японіи и Китаѣ, много путешествовалъ [illegible] велъ маршрутную съемку пути отъ [illegible] китайскій языкъ. Годъ тому назадъ мы [illegible] гражданскомъ управленіи Квантунскій [illegible] гдѣ онъ былъ помощникомъ начальника [illegible] Куколь-Ясенопольскаго, вѣдалъ туземных [illegible] отстаивалъ права китайцевъ, [illegible] горскаго и называли его Го-лаѣ. [illegible] со своими друзьями китайцами и хит[illegible]

Это былъ послѣдній переходъ [illegible] нужно было приложить послѣднія [illegible]

что со стороны Пекина слышится сильный ружейный и орудійный огонь, который, вѣроятно, былъ открытъ китайскими войсками по европейскимъ миссіямъ, что и подтвердилось впослѣдствіи, генералъ Василевскій приказалъ всему своему отряду двинуться впередъ.

Въ 1 часъ ночи отрядъ выступилъ. Впереди шла 7-я рота 10-го полка капитана Горскаго, съ 2 пулеметами. Затѣмъ двигались 3 роты 2 полка, 4 орудія и казаки. Я снова поѣхалъ впередъ, но по другой дорогѣ, позади стрѣлявшей въ насъ заставы.

Тѣмъ временемъ Пекинскіе выстрѣлы смолкли. Луна стала выглядывать изъ облаковъ. Китайская застава молчала.

Въ разстояніи 1/4 версты отъ Пекина отрядъ остановился. Капитанъ Горскій со своей ротой получилъ приказаніе пройти впередъ, осмотрѣть дорогу, мосты и, при возможности, открыть ворота. Мнѣ было поручено указать дорогу и провести роту къ воротамъ.

Мы шли въ полутьмѣ, по гранитной дорогѣ, проваливаясь въ лужи и ямы. Перешли послѣдній мостъ и наконецъ мы — передъ запертыми воротами. Направо и налѣво были палатки, которыхъ я не замѣтилъ утромъ. Часовые спали подъ открытымъ небомъ. Другіе спали въ сторожевыхъ домикахъ.

— Моя задача окончена, теперь начинается ваша!—сказалъ я Горскому.

— Ребята!—угрюмо шепнулъ Горскій своимъ унтеръ-офицерамъ — переколи всѣхъ часовыхъ, дѣйствуй только штыкомъ, но не смѣй стрѣлять!

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ всѣ часовые, спящіе и полусонные 60 человѣкъ — были переколоты стрѣлками. Такъ какъ мостъ не былъ минированъ, а ворота охранялись только карауломъ, который спалъ у моста и былъ переколотъ, то генералъ Василевскій приказалъ немедленно выкатить 2 орудія и поставить рядомъ передъ воротами, на разстояніи 15 шаговъ.

Штабсъ-капитанъ Петровъ и подпоручикъ Ивановъ со своими бравыми артилеристами живо установили оба орудія.

Наступилъ великій и славный часъ, когда снова проявилось русское геройство. Передъ нами вѣковыя ворота вѣковаго священнаго города. Мы не знали, что ожидаетъ насъ за воротами. Мы не знали, какая сила встрѣтитъ насъ на гигантскихъ стѣнахъ Пекина, который, наконецъ, былъ передъ нами.

Но мы знали, что за этими грозными воротами и стѣнами которыхъ не пробьетъ никакое орудіе, уже два мѣсяца то

Пекинъ въ день 1 Августа 1900 года

Ворота Пекина.

европейцы съ женами и дѣтьми, которыхъ нужно во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе освободить. Каждый день и часъ замедленія можетъ отозваться губительно для нихъ или для насъ.

Генералъ Василевскій приказалъ пробивать ворота.

Среди гробовой, зловѣщей тишины, опустившейся надъ спящимъ городомъ, прогремѣлъ выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Гранаты пронизывали насквозь двойныя дубовыя, кованныя желѣзомъ ворота, но ворота не растворялись. Орудія стрѣляли гранатами одно за другимъ.

Поручикъ Ивановъ.

Звонко раздавалась команда подпоручика Иванова:

— Первое!.. Второе!..

Минутъ 20 громъ стоялъ надъ воротами. Луна слабо освѣщала изъ-за тучъ оба орудія, артилеристовъ и стрѣлковъ, которые стали по сторонамъ и обстрѣливали стѣны. Проснувшіеся китайскіе солдаты стали стрѣлять со стѣнъ, но съ перепугу не могли попасть и ихъ пули далеко улетали.

Громъ и молнія орудій, рѣзкіе залпы нашихъ стрѣлковъ, безпорядочная стрѣльба китайцевъ и грозный рокотъ русскихъ пулеметовъ, въ лунномъ полусвѣтѣ почернѣвшія отъ вѣковъ ворота и величественныя стѣны тысячелѣтней столицы... Это былъ первый штурмъ Пекина русскими.

Ровно въ 2 часа ночи раздалось восторженное русское ура стрѣлковъ и артилеристовъ—запоръ сбитъ гранатой и ворота растворены. Генералъ Василевскій смѣло вошолъ первымъ въ ворота, за которыми оказался мощоный дворъ и вторыя полузатворенныя ворота, которыя вели на улицу.

Ворота Пекина пали подъ русскими орудіями. Башня надъ воротами была покинута китайскими часовыми и на ней воздвигнутъ русскій флагъ, который, какъ символъ побѣды и освобожденія, первый взвился надъ стѣнами столицы богдыхановъ.

2 роты 2-го полка были сейчасъ-же посланы занять стѣну, прилегающую къ воротамъ. 1-я рота того-же полка была оставлена для охраненія воротъ. Подпоручикъ артилеріи Ивановъ былъ отправленъ къ начальнику Печилійскаго отряда генералу Линевичу съ донесеніемъ о взятіи воротъ и о п[illegible] дѣлъ. Иван[illegible] смѣ

Георгіевскіе кавалеры 7-сй роты капитана Горскаго 1С-го В. С. С полка.

поскакалъ съ однимъ трубачомъ сквозь ночную тьму и счастливо пробрался къ русскому отряду, который стоялъ бивакомъ на полпути между Тунчжоу и Пекиномъ

Было около 3 часовъ утра.

Ворота Китайскаго города были взяты. Оставалось пробить еще одни внутреннія ворота, чтобы войти въ Маньчжурскій городъ, въ которомъ помѣщались европейскія миссіи. Генералъ Василевскій приказалъ двинуть на Маньчжурскій городъ 7-ую роту 10-го полка и 2 орудія. Пришлось идти вдоль Маньчжурской стѣны на разстояніи 30—50 шаговъ отъ нея. Храбрыя Дунфусянскія войска разсыпались по всей стѣнѣ и, скрывшись за бойницами, начали обстрѣливать смѣлую роту Горскаго и артилерію изъ своихъ большихъ старинныхъ крѣпостныхъ ружей. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ у одного орудія были перебиты всѣ 6 лошадей, у другого 4 лошади и ранено 14 артилеристовъ. Отважный капитанъ Горскій былъ раненъ одной пулей въ руку, другая ранила его въ лѣвую сторону груди. Подпоручикъ Піуновскій раненъ въ руку. Нѣсколько раненыхъ стрѣлковъ лежало уже за валомъ. Такъ какъ подъ такимъ огнемъ было невозможно двигаться впередъ, то генералъ Василевскій приказалъ вернуть роту и орудія обратно. Но это было не такъ легко.

Съ высоты стѣны въ 60 футовъ китайскіе солдаты стрѣляли въ упоръ по проходящимъ внизу стрѣлкамъ. 1 орудіе было благополучно увезено лошадьми, посланными на подмогу шт.-капитаномъ Петровымъ. Но другое не было возможности увезти, такъ какъ лошади и прислуга были перебиты. Послать же еще лошадей было опасно, такъ какъ свѣтало и такія крупныя цѣли, какъ лошади, были прекрасно видны. Китайцы стрѣляли изъ каждой бойницы. Съ одной башни раздавались странные глухіе выстрѣлы — это стрѣляли изъ старинныхъ китайскихъ пушекъ. Картина была грозная, великолѣпная. Древнія стѣны и башни Пекина были илюминованы огнями ружей и пушекъ. Но это была послѣдняя илюминація вѣкового города, которая дорого стоила и русскимъ, которые съ русской смѣлостью брали неприступныя стѣны, и китайцамъ, упорно отстаивавшимъ свои твердыни. Но Пекинъ падалъ съ каждымъ часомъ.

Услышавъ первые выстрѣлы русскихъ и узнавъ, что ворота пробиты и стѣна занята русскими, К[illegible] ратрица, богдыханъ и наслѣдникъ престола [illegible]
западъ въ Шаньсійскую про[illegible]

Такъ какъ въ 7-ой ротѣ оба офицера были ранены, то фельдфебель Якименко сталъ командовать ротою. Подъ жестокимъ огнемъ крѣпостныхъ пуль стрѣлки-герои роты Горскаго на своихъ рукахъ протащили оставшееся орудіе обратно. Орудіе было спасено, но фельдфебель Якименко и нѣсколько стрѣлковъ были ранены.

Потерявъ столько своихъ людей и лошадей, шт. капитанъ Петровъ сталъ спасать ввѣренныя ему орудія и снарядныя двуколки подъ прикрытіемъ воротъ и зданій. Вслѣдствіе отъѣзда подпоручика Иванова его взводомъ началъ командовать фейерверкеръ Цымбалистъ, но былъ скоро тяжело раненъ. Его заступилъ уже раненый въ горло и руку взводный фейерверкеръ Колесниковъ.

Фельдфебель 7 роты 10 В. С. С. полка Якименко.

Было 4 часа утра—разсвѣтало. Когда въ осажденныхъ миссіяхъ, которыя китайцы ночью обстрѣливали особенно ожесточонно, услышали русскую пальбу, то сейчасъ же догадались, что это стрѣляли освободители.

По стѣнамъ Пекина распространилась тревога. Всѣ пекинскіе солдаты Дунфусяна и Жунъ Лу бросились къ юго-восточному углу Маньчжурскаго города, куда ворвались русскіе, и открыли по смѣлому отряду генерала Василевскаго убійственный огонь изъ-за каждой бойницы стѣны и изъ бывшей тутъ-же огромной 4 хъ-ярусной башни, которая саженъ на 10 возвышалась надъ занятой нами стѣной. Китайскіе стрѣлки засѣли въ этой громадной неуклюжей башнѣ четырехъ-угольной формы и стрѣляли изъ всѣхъ ея оконъ. Наша стѣна была имъ видна какъ на ладони и они посылали кучу большихъ свинцовыхъ пуль по всякому, кто только ни показывался изъ-за прикрытія.

Башня и стѣны Маньчжурскаго города, бывшія на три саженн выше нашей стѣны, громили насъ съ западной стороны.

оло 5 часовъ утра, съ восточной стороны по стѣнѣ стали цѣлыя толпы китайскихъ солдатъ и начали прямо насту-

По приказанію генерала Василевскаго, на стѣну,

подъ огнемъ, былъ вытащенъ пулеметъ, который такъ мѣтко и безостановочно осыпалъ пулями надвигающіяся толпы, что онѣ скоро отступили. Пулеметъ охранялъ насъ съ восточной стороны. Но съ западной продолжался жестокій огонь изъ старинныхъ крѣпостныхъ ружей. Лѣстницъ для штурма у насъ не было и взобраться на Маньчжурскую стѣну мы никакъ не могли.

Такъ передовой отрядъ отбивался до $7^1/_2$ часовъ утра, терялъ раненыхъ и убитыхъ, когда раздались орудійные и ружейные выстрѣлы изъ пригорода, окружающаго Пекинъ съ восточной стороны. Это подходили наши главныя силы, подъ командованіемъ генерала Линевича.

Стѣна Пекина съ внутренней стороны.

Русскіе передъ Пекиномъ.

Штурмъ Пекина

1 Августа 1900 г.

Получивъ донесеніе генерала Василевскаго о томъ, что ворота взяты, генералъ Линевичъ приказалъ всѣмъ нашимъ главнымъ силамъ немедленно наступать впередъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ, которымъ въ послѣдній разъ въ жизни командовалъ полковникъ Антюковъ, шли 2-ая и 3-я роты 10-го полка, 4 орудія 3-ей батареи подполковника Мейстера, полурота 4-ой роты, 5-ая и 8-ая роты 10-го полка. Въ резервѣ была 2-ая батарея и 9-ый полкъ.

Когда авангардъ сталъ входить въ пригородъ Пекина, съ обсерваціонной башни грянулъ первый выстрѣлъ, пролетѣвшій надъ генераломъ Линевичемъ и его штабомъ. Тогда прибывшій отрядъ свернулъ съ дороги и развернулся въ боевомъ порядкѣ.

Наши войска разсыпались по узкимъ улицамъ и начали обстрѣ-
а и башни великаго города. Но такъ какъ наши вой-
ись во входящемъ углу, занятомъ передовымъ от-
ихъ оказалась очень трудна: китайцы обстрѣ-

ливали съ обѣихъ стѣнъ, образующихъ уголъ, и съ высокой башни, на разстояніи 400—600 шаговъ. Особенно много зла причиняла башня. Генералъ Линевичъ, который все время находился въ передовой линіи и наблюдалъ за ходомъ сраженія, приказалъ командиру 2-го полка полковнику Модлю съ полуротою развѣдать подступы къ башнѣ. 2 стрѣлка были убиты, но никакого входа на башню не было найдено: ее можно было взять только штурмовыми лѣстницами, съ большими потерями. Тогда подпоручикъ артиллеріи Ивановъ установилъ 2 орудія въ улицѣ, за занятой нами стѣной,

Полковникъ Антюковъ.

и изъ-за прикрытія громилъ гранатами грозную башню. Пока артиллерія стрѣляла, башня молчала и затѣмъ снова принималась за истребленіе русскихъ.

2 орудія 3-ей батареи были на рукахъ 4-ой роты вывезены по узкимъ улицамъ и поставлены на лѣвомъ флангѣ позицій. 3-я рота, пробѣжавъ мостъ, заняла переднія фанзы. Половина 4-й роты осталась въ прикрытіе орудій, а 2-я рота стала на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Всѣ эти силы стали обстрѣливать стѣны, 4 ярусную башню и обсерваторію.

Было 8 часовъ утра. Генералъ Линевичъ, полковникъ Антюковъ, капитанъ Ярошевичъ и корнетъ Пикокъ сидѣли вмѣстѣ, подъ прикрытіемъ вала. Не успѣлъ генералъ встать и пройти въ свою палатку, чтобы написать бумагу, какъ пролетѣла граната, разбила вдребезги солдата и осколкомъ убила наповалъ командира 10-го

Стѣна Пекина, захваченная русскими.

Слѣва ворота, пробитыя русскими гранатами и русскій флагъ. Справа 4-хъ ярусная башня и стѣна Маньчжурскаго города. Мостъ, ведущій къ воротамъ и охранявшійся китайскимъ карауломъ. Тунчжоускій каналъ Дадунхо.

полка Антюкова. Осколокъ гранаты попалъ въ голову навылетъ. Доблестный полковникъ, любимецъ не только своего полка, но и всего Портартурскаго общества, безмолвно упалъ на колѣни сидѣвшаго рядомъ съ нимъ капитана Ярошевича. Смерть была мгновенная. Полковникъ былъ убитъ на своемъ посту, передъ лицомъ своего полка. Вѣчная ему память.

Стѣны и башни продолжали громить наши силы. Раненые и и убитые выносились все время. Генералъ Линевичъ приказалъ выкатить еще 2 орудія 3-ей батареи, что и было исполнено на рукахъ стрѣлками 5-й и 8-ой ротъ. 2 и 3-я роты обстрѣливали непріятеля съ лѣваго фланга, орудія стрѣляли по срединѣ, 5 и 8-я рота выбивали штыками китайцевъ, стрѣлявшихъ изъ-за фанзъ.

Утро было знойное, горячее. Наши солдаты изнемогали отъ жажды и утомленія, но стойко и мужественно исполняли свой долгъ. Уже цѣлую недѣлю они не пили, не ѣли, не спали и не отдыхали какъ слѣдуетъ. Пройдя ускореннымъ маршемъ 120 верстъ, не имѣя въ теченіе шести дней ниодной дневки для отдыха, эти герои въ бѣлыхъ рубахахъ, ставшихъ въ дорогѣ бурыми, съ запыленными и обгорѣвшими отъ солнца и вѣтра лицами, обливаясь потомъ и кровью, лѣзли теперь брать неприступныя стѣны китайской столицы.

4 орудія 3-ей батареи, заслужившей свою славу еще при взятіи Тяньцзина, продолжали громить китайцевъ, расположившихся по стѣнамъ вправо и влѣво отъ воротъ, которыя были заняты нами. Наша шрапнель разрывалась надъ самыми головами китайцевъ и заставляла умолкать ихъ ружейный огонь.

Было около 10-ти часовъ утра. Положеніе отряда, занявшаго ворота и расположившагося на стѣнѣ, было не легкое. Большія свинцовыя пули китайскихъ ружей съ рѣзкимъ трескомъ вонзались въ стѣну по всѣмъ направленіямъ. 4-я и 5-я роты 2 полка и половина 7-ой роты 10-го полка расположились на стѣнѣ и у воротъ. Нѣсколько раненыхъ стрѣлковъ уже лежало на стѣнѣ. Китайцы сидѣли за своими бойницами и осыпали нашихъ стрѣлковъ пулями. Стрѣлки, укрывшись за китайскими бойницами, выслѣживали китайцевъ и понемногу выбивали ихъ.

Въ 10 часовъ утра начальникъ передового отряда генералъ Василевскій, проходя по стѣнѣ, откуда онъ командовалъ своими силами, упалъ, раненый въ правую часть груди навылетъ. 2 стрѣлка, бросившіеся поднимать [illegible] были сейчасъ же ранены. Бросились 2 другихъ и [illegible] пронести генерала и поло[illegible]ъ бой-

На стѣнѣ Пекина, захваченной русскими.

Китайскія палатки. Мѣсто, гдѣ былъ раненъ генералъ Василевскій. Четырехъярусная башня и стѣна Маньчжурскаго города, въ которую захваченная русскими стѣна упирается угломъ.

ницы. Китайцы, вѣроятно, хорошо видѣли все, что произошло, и открыли по мѣсту, гдѣ былъ раненъ генералъ, ожесточенный огонь. Пронести генерала со стѣны внизъ, въ фанзы, гдѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, не было никакой возможности. Нужно было только перебѣжать площадку на стѣнѣ въ 20 шаговъ длины, но она обстрѣливалась градомъ пуль. Уже около 10 человѣкъ были здѣсь ранены. Я всетаки рискнулъ и побѣжалъ со стѣны внизъ за докторомъ. Неустрашимый докторъ 2-го полка Петерсонъ, перевязавшій подъ огнемъ въ это тяжолое утро 50 человѣкъ, поднялся на стѣну, благополучно пробѣжалъ эту роковую площадку и перевязалъ раненаго генерала. Рана была къ счастью сдѣлана пулей малаго калибра. Пульсъ былъ совершенно нормаленъ. Мы надѣялись на благополучный исходъ. Испытывая жестокія мученія отъ свѣжей раны, обжигаемый знойнымъ солнцемъ и обстрѣливаемый пулями, генералъ лежалъ на камняхъ надъ тѣми самыми воротами, въ которыя онъ только что передъ тѣмъ пробился со своимъ отрядомъ и въ которыя вошолъ первымъ. Но мы не отчаивались.

Норвежецъ Мунте.

Штабной переводчикъ, норвежецъ г. Мунте, прекрасно владѣющій китайскимъ и новыми языками и бывшій переводчикомъ у адмирала Сеймура, два фельдшера и я все время оставались возлѣ раненаго генерала. Каменная бойница, въ ростъ человѣка вышины и аршина два ширины, была нашей единственной защитой. Стоило кому-нибудь высунуться, его встрѣчалъ градъ пуль. Два раза мы пытались пронести генерала: сперва былъ раненъ въ позвоночникъ фельдшеръ Кривоносовъ, скончавшійся черезъ полчаса, потомъ раненъ въ руку и ногу другой фельдшеръ. Только часа черезъ три намъ удалось пронести внизъ со стѣны раненаго генерала.

Было $9^1/_2$ часовъ утра, когда начальникъ отряда приказалъ батальону 9-го полка выйти изъ резерва на подкрѣпленіе отряду. Тѣмъ временемъ командиръ 1 бат. 10-го полка подполковникъ Колинъ осмотрѣлъ мостъ и, подъ непрерывнымъ о
проѣхавъ въ занятыя нами ворота, тѣмъ ж
неуязвимый для пуль. Было 11 час. ут

и на ихъ стѣнѣ показались бѣлые флаги. Начальникъ отряда со штабомъ и 2, 3, 5 и 8-я роты 10-го полка немедленно двинулись впередъ, къ воротамъ. Замѣтя это движеніе, китайскіе солдаты вѣроломно снова открыли огонь и, убравши бѣлые флаги, снова вывѣсили красные.

Генералъ Ямагучи.

Наши орудія не замедлили осыпать китайскую стѣну такимъ дождемъ шрапнелей и гранатъ, что китайскія ружья и пушки стали постепенно затихать. Въ разныхъ мѣстахъ стали опять показываться бѣлые флаги.

Въ 12 часовъ дня начальникъ отряда и его главныя силы вошли въ Пекинъ. Но проходъ по мосту, къ воротамъ, былъ все еще опасенъ. Наряду съ бѣлыми флагами, изъ различныхъ угловъ стѣны и изъ башенъ все еще стрѣляли.

Японцы узнавъ, что въ эту ночь мы пробили ворота Пекина и штурмуемъ его стѣны, поспѣшно двинули свои войска, которыя двигались почти паралельно съ нашими главными силами. Около 9 часовъ утра они подошли къ Цихуамыньскимъ воротамъ и начали штурмъ этой стороны города. Китайцы, ожидавшіе нападенія иностранныхъ войскъ со стороны этихъ воротъ, приготовились къ отчаянной оборонѣ и встрѣтили своихъ непримиримыхъ враговъ самымъ сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ, какой только они могли направить. Нѣсколько смѣльчаковъ японцевъ съ капитаномъ Генеральнаго Штаба Болховитиновымъ попытались подойти къ воротамъ, чтобы подложить мину, но всѣ, кромѣ капитана, были перебиты. Черезъ часъ генералъ Ямагучи просилъ генерала Стесселя, чтобы наша артилерія обстрѣляла Пекинскую стѣну между обсерваторіей и Цихуамыньскими воротами, такъ какъ онъ съ шестью батальонами атакуетъ ворота Пекина. Генералъ Стессель, начальникъ резервной колонны, сейчасъ же приказалъ двинуть 2-ю батарею. Батарея стала на позицію сперва въ разстояніи 700, а потомъ 100 саж. отъ стѣны. Командиръ батареи шт.-капитанъ Скрыдловъ установилъ весьма мѣткій прицѣлъ и съ 10 час. утра до 5 час.

цевъ. Если бы русскіе не отвлекли главныхъ

мъ воротамъ еще ночью и если бы наша

сильнымъ огнемъ лѣваго фланга япон-

цевъ, то имъ едва ли бы удалось взять ворота. Только поздно вечеромъ, когда наши войска уже вошли въ Пекинъ и часть японскихъ войскъ тоже прошла черезъ наши ворота, японцы, наконецъ, пробились черезъ такъ называемыя Мандаринскія (Цихуамыньскія) ворота, которыя они избрали для штурма. Весьма полезнымъ оказался для японцевъ во время штурма капитанъ Генеральнаго Штаба Болховитиновъ, который все время подъ огнемъ ѣздилъ съ порученіями отъ генерала Стесселя къ генералу Ямагучи.

Американцы прошли въ Пекинъ только съ нашей помощью. Они подошли къ стѣнамъ Пекина около 11 часовъ утра и вмѣсто того,

Японцы бомбардируютъ Пекинъ.

чтобы брать штурмомъ предназначенныя имъ ворота съ помощью своей артилеріи, они просили нашу 3-ю батарею сдѣлать для нихъ обвалъ въ стѣнѣ. Батарея подполковника Мейстера очень скоро пробила гранатами обвалъ, по которому американцы вскарабкались на стѣну, но непріятеля они нигдѣ не встрѣтили, такъ какъ онъ еще рано утромъ былъ отогнанъ нашими стрѣлками и пулеметами. Затѣмъ американцы хотѣли водрузить свой флагъ на стѣнѣ, но, увидя русскій флагъ на воротахъ, отп
ихъ сожалѣнію, вся эта стор
американцы вошли подъ при

Въ то время какъ русскіе и японцы бились съ китайцами не на животъ, а на смерть и лѣзли на стѣны, подъ жестокимъ огнемъ, чтобы овладѣть ими; въ то время, какъ американцы отважно лѣзли на стѣны, уже занятыя нами, и искали мѣста для водруженія своего флага;—англичане весьма благоразумно лѣзли подъ стѣны и по руслу высохшей рѣки прошли въ 1 часъ дня въ Китайскій городъ Пекина. Затѣмъ безъ боя они прошли пустой городъ, пролѣзли подъ стѣной Маньчжурскаго города и въ 2 часа дня явились подъ прикрытіе англійской миссіи. Англійскіе сипаи были первыми вѣстниками освобожденія.

Японцы обстрѣливаютъ ворота Пекина.

Около 2 часовъ дня вдоль всей восточной Маньчжурской стѣны, которую громили наши батареи, исчезли красные военные флаги китайцевъ и показались бѣлые: китайцы сдались и Пекинъ палъ. Только въ угловой башнѣ, которая похитила у насъ столько жертвъ, засѣли непримиримые Дунфусяновцы и продолжали стрѣлять до вечера, пока эта башня не была занята японцами.

Благополучно войдя въ Пекинъ, подъ огнемъ непріятеля, во главѣ своихъ войскъ, генералъ-лейтенантъ Линевичъ приказалъ оста-
ьшого отдыха. Объ ѣдѣ тогда никто и не ду-
ухарями и освѣжались водой.

остная вѣсть о свободѣ облетѣла всѣ мис-

сіи. Въ 3 часа мичманъ Денъ, бывшій въ составѣ русскаго десанта въ Пекинѣ съ броненосцевъ „Наваринъ“ и „Сисой Великій“, сдѣлалъ смѣлую вылазку по стѣнѣ, выбилъ китайцевъ изъ Цяньмыньскихъ воротъ и отворилъ ворота американскимъ войскамъ, которыя подошли съ этой стороны. Затѣмъ явился начальникъ десанта лейтенантъ баронъ Раденъ съ остальной командой и прогналъ китайцевъ еще далѣе, до слѣдующихъ воротъ. Трофеями вылазки русскаго десанта было 5 китайскихъ орудій и 10 флаговъ.

Русскіе на стѣнѣ Пекина.

Въ 4 часа генералъ Линевичъ со своимъ штабомъ вошолъ въ Императорскую Россійскую миссію, которая оказалась неразрушенной, а всѣ члены ея здоровыми. Всѣ остальные осажденные европейцы оказались также цѣлы и здоровы.

Громогласный и восторженный крикъ „ура“ освобожденныхъ и освободителей разносился долго по всѣмъ миссіямъ.

Около 4 часовъ дня резервная колонна генерала Стесселя получила приказаніе идти [illegible] Во[illegible] двинулись въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й ба[illegible] и батальонъ 12-го п[illegible] рой засѣли китай[illegible]

Японцы

Генералы Ямагучи, Фукушима и японскій полевой штабъ.
(По японской иллюстраціи).

ство бѣлыхъ флаговъ, навели нѣсколько фальконетовъ и черезъ полчаса 32 стрѣлка 9-го полка были ранены и убиты. 2-я батарея и пулеметы немедленно выѣхали на позицію и заставили замолчать китайцевъ, скрывавшихся въ этой башнѣ.

Резервъ двинулся дальше и присоединился къ главнымъ русскимъ войскамъ, которыя расположились бивакомъ возлѣ Маньчжурскихъ воротъ.

Штурмъ Пекина кончился. Столица взята. Миссіи освобождены. Китайское правительство и его войска бѣжали.

Въ этотъ трудный и славный для русскаго имени день взятія Пекина наши потери были: генералъ-маіоръ Василевскій, капитанъ Горскій, поручикъ Піуновскій и подпоручикъ Феоктистовъ и 102 нижнихъ чина—ранены. Полковникъ Антюковъ и 27 нижнихъ чиновъ убиты. Капитанъ Винтеръ умеръ дорогою отъ солнечнаго удара.

Японцы потеряли 120 раненыхъ и 30 убитыхъ. Англичане вошли въ городъ безъ боя и когда они уже были въ своей миссіи, то два сипая были ранены во дворѣ. Американцы вошли также безъ боя; на улицахъ было ранено около 20 человѣкъ. Другія націи при штурмѣ Пекина не присутствовали. 500 французовъ, при 3 горныхъ батареяхъ, были въ составѣ русскихъ войскъ, но пришли въ Пекинъ послѣ штурма.

Нашими дѣйствительными союзниками при штурмѣ Пекина оказались только японцы, потери которыхъ приблизительно равняются нашимъ.

Походъ отъ Тяньцзина до Пекина, на протяженіи 120 верстъ, былъ сдѣланъ въ 10 дней. По пути было выдержано 2 боя: подъ Бэйцаномъ и Янцунемъ.

На 11-й день былъ штурмъ Пекина.

Пекинъ былъ взятъ кровью и потомъ двухъ вѣрныхъ союзниковъ—русскихъ и японцевъ, съ которыми мы впервые, подъ огнемъ и ядрами, испытали братство по оружію.

Вечеромъ, когда все стихло и выстрѣлы давно умолкли, я снова поднялся на стѣну, чтобы взглянуть на городъ, надъ которымъ съ двухъ часовъ ночи и до двухъ часовъ дня раскаленныя свинцовыя пули и стальныя гранаты и даже чугунныя старинныя ядра китайцевъ носились убійственнымъ желѣзнымъ дождемъ. Двѣнадцать часовъ лились потоки человѣческ
молвныхъ стѣнахъ и подъ стѣнами

Безоблачное небо, точно потря

нымъ грохотомъ земныхъ орудій, омрачило свою ясную лазурь и обволоклось грозными свинцовыми тучами.

Величественное солнце, которое цѣлый день видѣло безпощадную рѣзню людей, точно негодуя закатывалось за зубцы и башни Пекина и уходя долго озаряло свинцовыя тучи багровыми кровавыми пятнами.

Пекинъ палъ.

Полковникъ Мейстеръ.

Даду, которому далъ нынѣшнее наименованіе Бэйцзинъ или Пекинъ, что значитъ „Сѣверная столица“. Въ 1419—21 гг. Юнъ Ло соорудилъ великія стѣны, окружающія Маньчжурскій или Внутренній городъ Пекина. Въ 1437—39 городскія стѣны облицованы кирпичомъ. Въ 1553—1564 вокругъ Китайскаго или Внѣшняго города воздвигнуты тѣ стѣны, которыя въ 1900 году приступомъ брали русскіе. Въ 1644 маньчжуры завоевали Китай, ниспровергли династію Минъ и въ Пекинѣ воцарилась чуждая Маньчжурская династія, правящая понынѣ подъ именемъ Цинъ „Свѣтлая“.

Ниодна вражеская граната никогда не посягала на Пекинскія твердыни. Когда 1 октября 1860 англо-французская армія стала передъ стѣнами Пекина и готовилась къ штурму, китайцы рѣшили отворить ворота и спасли столицу отъ бомбардировки. Несмотря на вѣковую дружбу Россіи съ Китаемъ, въ 1900 русскія гранаты первыя громили ворота Сѣверной столицы. Будемъ надѣяться, что эти гранаты были и послѣднія.

Когда ночью надъ Пекиномъ раздался первый грохотъ русскихъ орудій, смятеніе охватило жителей, не ожидавшихъ, что иностранныя войска такъ скоро подойдутъ къ столицѣ и даже осмѣлятся разбивать ея священныя стѣны. 40 лѣтъ назадъ, когда англо-французская армія разбила китайцевъ у моста Палицяо 4 сентября, союзники три недѣли медлили, прежде чѣмъ рѣшились вторично штурмовать Пекинъ. Благодаря вмѣшательству русскаго посланника графа Игнатьева назначенный штурмъ былъ отмѣненъ. Какъ и 40 лѣтъ назадъ, богдыханъ, вдовствующая императрица, дворъ, князь Дуань, члены верховнаго совѣта и всѣ высшіе сановники ночью поспѣшно бѣжали изъ Пекина. Вслѣдъ за ними бѣжали жители города.

Бѣгство правительства и народа изъ столицы было такое отчаянное, такое внезапное и безпорядочное, что думали только о спасеніи жизни, но не имущества. Дома богачей и бѣдняковъ, дворцы и ямыни, магазины и кумирни—все было брошено со всѣми своими богатствами: серебромъ, одеждами, шолкомъ и мѣхами, жемчугами и драгоцѣнными вазами. Дворъ бѣжалъ въ такомъ смятеніи, что въ дорогу не были взяты ни съѣстные припасы, ни носилки, ни одежды въ достаточномъ количествѣ. По слухамъ, дворъ бѣжалъ на западъ въ провинцію Шаньси и терпѣлъ въ дорогѣ отъ недостатка пищи и одежды, такъ какъ [illegible] деревень, услышавъ о бѣгствѣ дв

„Чжу жу—чэнь сы“.— [illegible]
умираютъ“ —гласит[illegible]

столу чиновники не могутъ перенести того позора, когда богдыханъ изъ-за нашествія варваровъ принужденъ покинуть столицу и удалиться „для осенней охоты“, какъ сообщилъ указъ богдыхана о неожиданномъ отъѣздѣ двора изъ Пекина. Несчастіе и позоръ, обрушившіеся на древнюю столицу, повергли въ такое отчаянье вѣрныхъ чиновниковъ и военныхъ, преимущественно маньчжуръ, что многіе изъ нихъ рѣшили покончить съ собою и своими семьями, чтобы не видѣть больше ни солнца, котораго они не достойны созерцать, ни лица богдыхана, котораго они огорчили своими дурными дѣлами и своимъ неразумѣемъ. Если государство постигаютъ бѣдствія, въ нихъ виновны всѣ служилые люди, которые своимъ дурнымъ управленіемъ страною не сумѣли предотвратить народныхъ несчастій и можетъ быть даже сами навлекли ихъ. Такіе чиновники не достойны жизни и не могутъ даже желать жить. Поэтому въ ночь штурма Пекина, многіе высшіе чиновники и военные приняли опіумъ или кусочки золота и умерли въ мученіяхъ. Они давали отраву своимъ жонамъ, сыновьямъ и дочерямъ и прислугѣ, чтобы никто не остался живымъ въ домѣ. Женщинъ и маленькихъ дѣтей бросали въ колодцы и, утопивъ ихъ, кончали съ собою.

Тысячи жителей бѣжали изъ Пекина еще въ маѣ и іюнѣ, когда боксеры подняли свое возстаніе, убивали и мучили правыхъ и неправыхъ и выжгли нѣсколько улицъ и кварталовъ. Въ ночь штурма бѣжали изъ столицы мандарины, купцы, бѣдные и богатые. Остались только тѣ, кто не успѣлъ спастись и обрекъ себя на волю завоевателей. День и ночь черезъ западныя ворота Пекина уходили китайскія войска, тщетно оборонявшія столицу.

Въ 1812 году русскіе покинули и сожгли Москву, но не пошли къ Наполеону съ повинной головой. Въ 1900 году китайцы сдѣлали тоже самое и отдали Пекинъ иностранцамъ на разграбленіе: они пожертвовали столицей, но спасли свою народную гордость.

2-го августа американцы начали бомбардировку дворцовъ Императорскаго города, но ввиду протеста генерала Линевича и посланниковъ бомбардировку вскорѣ прекратили. Потеряли около 20 чело-
аніи командировъ союзныхъ отрядовъ, бывшемъ
о съ посланниками, постановлено, чтобы ни-
отрядъ не входилъ въ богдыханскіе дворцы

Пекина. Ко всѣмъ наружнымъ воротамъ дворцовъ поставлены международные караулы.

По соглашенію командировъ, вслѣдствіе бѣгства китайскаго правительства, Пекинъ раздѣленъ на кварталы, которыми должны упра-

Защитники французскаго монастыря Бэйтанъ.

влять военные губернаторы, назначаемые командирами отрядовъ. Маньчжурскій городъ раздѣленъ на четыре квартала: сѣверный, данный въ управленіе японцамъ, западный, данный англичанамъ и американцамъ, и восточный, предоставленный Россіи. Первымъ русскимъ губернаторомъ въ Пекинѣ былъ назначенъ командиръ 2-го Вост.-Сиб. С. полка полковникъ Модль.

На обязанности военныхъ губернаторовъ лежало охраненіе порядка въ ихъ кварталѣ, прекращеніе мародерства и разбоевъ, принятіе санитарныхъ мѣръ и пр.

3 августа, въ 5 часовъ утра, начальникъ французскаго отряда генералъ Фрэй, съ 1 французскимъ батальономъ и горной батареей, отправился выручать католическій монастырь Бэйтанъ, въ которомъ были осаждены, одновременно съ посольствами, около 2700 китайцевъ-католиковъ, съ миссіонерами и епископомъ Фавье. Генералъ Фрэй просилъ генерала Линевича д[illegible]
русскихъ солдатъ. Просьба францу[illegible]
исполнена.

Во главѣ русскаго отряда, командированнаго въ подкрѣпленіе французамъ, былъ назначенъ подполковникъ 9-го полка Бэмъ. Подъ его командою были: 2-ой батальонъ 9-го полка, 3 пулемета и 50 казаковъ и саперъ. Русскіе пошли въ авангардѣ своихъ союзниковъ. Бэйтанъ, т. е. „Сѣверный Храмъ", находится въ Императорскомъ городѣ, защищенномъ крѣпкими стѣнами.

Оставшіеся въ Пекинѣ неустрашимые маньчжурскіе солдаты, скрывавшіеся за стѣнами дворцовъ и въ домахъ китайцевъ, въ узкихъ запутанныхъ переулкахъ, отчаянно отбивались, чтобы не допустить иностраннаго войска къ Бэйтану. Ворота Императорской стѣны были пробиты французскими гранатами и отворены. Въ улицахъ, ведущихъ къ католическому монастырю, во дворахъ и на крышахъ, завязалась кровопролитная перестрѣлка между иностранцами и маньчжурами, упорно дравшимися и не желавшими ни сдаваться, ни бѣжать. Десятки ихъ были перебиты. Дома и лавки

Епископъ Фавье.

вокругъ Бэйтана выжжены французами. Изъ подъ обломковъ, мусора и угля высовывались сгорѣвшія и обугливщіяся тѣла. По улицы кучи застрѣленныхъ и заколотыхъ китайцевъ. Убито китайскихъ солдатъ, но и всѣхъ тѣхъ, на кого йцы-христіане, какъ на виновниковъ ихъ плѣна. У

французовъ было 10 солдатъ убитыхъ и 15 раненыхъ. У русскихъ 3 легко раненыхъ. Этой франко-русской экспедиціей были освобождены отъ двухмѣсячной осады заточонные христіане и ихъ епископъ Фавье, знаменитый изслѣдователь Китая,—и военныя дѣйствія въ Пекинѣ закончились.

Тотъ русскій генералъ, который первый со своимъ небольшимъ отрядомъ подошолъ къ Пекину и захвативъ ворота и стѣну Китайскаго города, держался всю ночь и утро, до прибытія главныхъ силъ, и былъ раненъ на захваченной имъ стѣнѣ,—первую ночь въ завоеванномъ Пекинѣ провелъ возлѣ этой стѣны, въ грязномъ и пахучемъ крытомъ проулкѣ китайскаго двора, на которомъ выдѣлывали водку. Дворъ былъ уставленъ большими глиняными чанами съ какой то бурдой, отдававшей сивушнымъ запахомъ. Это небольшое хозяйство, устроенное подлѣ самой стѣны, было брошено въ смятеніи, въ послѣднюю минуту. Генералъ Василевскій провелъ ночь на носилкахъ, я подлѣ него на какой-то китайской шубѣ, которая валялась во дворѣ. Въ сосѣднихъ фанзахъ наши стрѣлки нашли куръ, муки и риса и угостили генерала хорошимъ куринымъ супомъ и блинами.

На слѣдующій день послѣ штурма, въ 10 часовъ утра, санитары понесли раненаго генерала Василевскаго на носилкахъ въ русскую миссію, подъ охраною казаковъ. Наше грустное шествіе направилось по тому самому пути, по которому наши артилеристы и стрѣлки, подъ начальствомъ того-же Василевскаго, тщетно рвинулись впередъ позапрошлой ночью и такъ трагически принуждены были отступить.

Неуклюжая ветхая громада—угловая четырехъярусная башня, которая вчера все утро и весь день громила храбрый русскій отрядъ, утвердившійся на стѣнѣ, съ опущенными ярко раскрашенными ставнями, со свѣжими слѣдами русскихъ гранатъ и шрапнелей—теперь молчала точно страшное, но безсильное многоглазое привидѣніе. Когда я потомъ взобрался на эту башню, я былъ глубоко взволнованъ: вся стѣна, на которой мы сидѣли весь день штурма, была съ этой башни видна какъ на ладони. Укрыться отъ всевидящихъ оконъ башни было невозможно. Китайцы могли стрѣлять въ каждаго, кто показывался на стѣнѣ, по выбору. Р
отъ 100 до 500 шаговъ. Если китайцы не перебили
ковъ и офицеровъ, укрывавшихся на стѣнѣ надъ ворот

благодаря тому, что солдаты Дунъ Фу Сяна стрѣляли старыми ружьями и фальконетами и были уже охвачены смятеніемъ. Хотя свинцовыя фальконетныя пули и не были мѣтки, но зато попавъ онѣ причиняли такія страшныя пораненія, такъ разбивали мясо и кости солдата, что залечить рану было нельзя. Солдатъ либо умиралъ либо терялъ руку или ногу. Генералъ Василевскій былъ ка-

Въ воротахъ Пекина.

кимъ-то чудомъ раненъ двухлинейной новѣйшей пулей, которая такъ тонко и чисто пробила грудь навылетъ, что можно было надѣяться на скорое выздоровленіе генерала.

Наше шествіе проходило между грязнымъ высохшимъ каналомъ и стѣною Маньчжурскаго города на дорогѣ, на которой наканунѣ безпомощно лежали два нашихъ орудія, такъ какъ люди и лошади были перебиты. Разстояніе между каналомъ и стѣною было такое узкое, (отъ 50 до 100 шаговъ), что только благодаря ночному сумраку и паникѣ китайцевъ уцѣлѣли орудія, изъ которыхъ одно было увезено на лошадяхъ, а другое на рукахъ стрѣлковъ и артилеристовъ. Когда капитанъ Горскій пошолъ подъ самой стѣной, чтобы китайцы не могли достать его пулей, китайцы стали сбрасывать сверху камни. Одинъ камень былъ скинутъ такъ удачно, что если бы фельдфебель Якименко вовремя не толкнулъ своего командира, Горскій [illegible]ъ.

Въ Русской миссіи въ Пекинѣ.

Въ Русской миссіи

Наконецъ мы были въ освобожденной русской миссіи. Въ Пекинѣ два мѣсяца были осаждены: посланникъ М. Н. Гирсъ съ семействомъ, первый драгоманъ Поповъ съ семействомъ, врачъ миссіи Корсаковъ съ семействомъ, напечатавшій интересныя и подробныя записки о „Пекинскомъ сидѣніи“, секретари миссіи Крупенскій и Евреиновъ, второй драгоманъ Колесовъ, студенты Бѣльченко и Вульфъ, директоръ Русско-китайскаго банка Д. Д. Покотиловъ съ супругою и другіе служащіе въ банкѣ: гг. Поздѣевъ съ семьей, Барбье съ семьей, Александровъ, Вильфартъ, Браунсъ, Брахманъ, Васильевъ, Келеръ, Ксавье, Мирный и Хитрово, убитый на барикадѣ китайской пулей. Кромѣ того, были въ осадѣ: члены Духовной православной миссіи—архимандритъ о. Иннокентій, іеромонахъ о. Авраамій, діаконъ о. Скрижалинъ, два студента Пискуновъ и Осиповъ и два православныхъ китайца, начальникъ русской почтовой конторы Гомбоевъ, профессоръ китайскаго университета

Бородавкинъ и практикантъ китайскаго языка Полуяновъ. Всего 46 человѣкъ.

Миссія охранялась офицерами—лейтенантомъ бароном Раденомъ—начальникомъ десанта, мичманомъ Дэномъ, штабсъ-капитаномъ Врублевскимъ и 79 матросами и казаками десанта. Всего въ освобожденной русской колоніи было 122 человѣка, въ томъ числѣ—10 женщинъ, 8 дѣвочекъ и 1 мальчикъ.

Лейтенантъ баронъ Раденъ.

Общее число освобожденныхъ европейцевъ въ Пекинѣ было 1009 чел.: въ томъ числѣ—437 солдатъ международнаго десанта, 24 офицера и 414 европейцевъ, спасавшихся въ британскомъ посольствѣ, а именно—191 мужчина, 147 женщинъ и 76 дѣтей. Въ остальныхъ посольствахъ укрывались 25 человѣкъ служащихъ и болѣе 100 миссіонеровъ. Въ посольствахъ спаслось около 2300 китайцевъ-христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Въ католическомъ монастырѣ Бэйтанъ спаслось около 1700 человѣкъ китайцевъ. Всего было спасено около 4000 крещоныхъ китайцевъ.

Въ международныхъ десантахъ, при защитѣ посольствъ, изъ офицеровъ и солдатъ было убито и умерло отъ ранъ 75 человѣкъ, ранено 169. Убито четыре офицера: два француза, одинъ англичанинъ и одинъ австріецъ. Болѣе всего пострадалъ французскій десантъ, въ которомъ изъ 75 чел. было ранено 43, убито 18. У японцевъ изъ 43 человѣкъ десанта убыло раненыхъ 29, убитыхъ 10.

Во время осады посольствъ на русскихъ и американцевъ была возложена оборона той части Маньчжурской стѣны, которая уцѣлѣла въ рукахъ европейскихъ десантовъ. Докторъ Корсаковъ описываетъ въ своей книгѣ, какъ русскіе и американцы, во главѣ съ капитаномъ Мейерсомъ, братски дѣлили всѣ труды и опасности, какъ они товарищески помогали другъ другу и какъ до конца осады они удержали въ своихъ рукахъ ввѣренную имъ позицію.

Всѣ союзные десанты мужественно отстаивали посольства, ввѣренныя ихъ охранѣ, несмотря на свою крайнюю малочисленность, совершенно несоразмѣренную съ той опасностью, которой они были обречены. Всѣ международные отряды съ честью выдержали 75 дней осады и теряя ежедневно, среднимъ числомъ, по 1 убитому и 2 ра-

нешимъ, потеряли изъ 437 чел.—244 чел., т. е. болѣе половины всѣхъ защитниковъ посольствъ.

Вмѣстѣ съ европейцами посольства охранялись и десантомъ японцевъ, которые какъ и въ Тяньцзинѣ оказались доблестными и весьма цѣнными товарищами союзниковъ, во главѣ съ ихъ храбрѣйшимъ начальникомъ, военнымъ агентомъ въ Пекинѣ полковникомъ Шиба. Въ этой войнѣ японцы выказали свою замѣчательную прозорливость и подготовленность. Вначалѣ японскій десантъ въ Пекинѣ состоялъ всего изъ 25 чел. Когда начались военныя дѣйствія, въ японское посольство немедленно явилось 18 проживавшихъ въ Пекинѣ японцевъ-парикмахеровъ и разныхъ ремесленниковъ, которые по удивительной случайности всѣ оказались принадлежащими къ японской арміи.

Полковникъ Шиба.

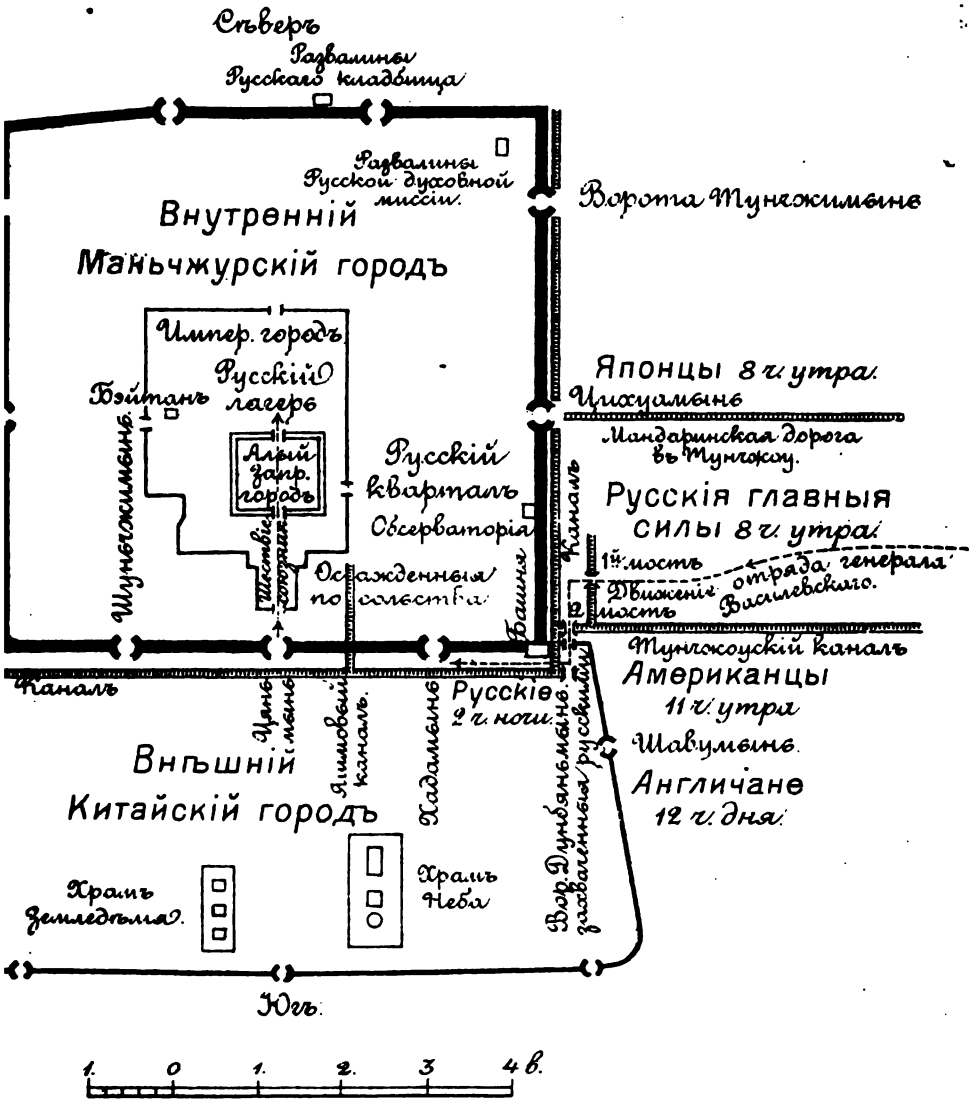
Генералъ Линевичъ, раненые генералъ Василевскій, Горскій и Піуновскій и штабъ отряда размѣстились въ стѣнахъ русской миссіи.

Въ миссіи насъ встрѣтили сюрпризы. Всѣ офицеры русскаго освободительнаго отряда полагали до сихъ поръ, что русскіе были первые освободители посольствъ, такъ какъ первые подошли къ Пекину. Въ миссіи мы узнали, что первыми освободителями посольствъ были англичане, такъ какъ они первые явились въ посольства. На всѣ наши доводы и объясненія дипломаты отвѣчали сомнительной улыбкой и ставили намъ въ примѣръ англичанъ, которые всегда и всюду оказываются первыми.

Кто-же въ самомъ дѣлѣ были первые освободители посольствъ? Полагаю—тѣ, кто первые дрались за ихъ освобожденіе. Передовой русскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Василевскаго, подошолъ къ Пекину въ ночь на 1-ое августа и уже въ 2 часа ночи завладѣлъ воротами, которыя послужили брешью для прохода всѣмъ остальнымъ союзникамъ. Въ [illegible]овъ утра къ Пекину подошли японцы. Въ 11 час. утра пр[illegible]ериканцы и совмѣстно съ русскими и японца[illegible]од [illegible]нскія стѣны.

Послѣ всѣ[illegible]ину подошли

ПЛАНЪ Г. ПЕКИНА.



Расположеніе и время прибытія союзныхъ войскъ въ день штурма Пекина **1 августа** 1900 г. и наканунѣ (отрядъ генерала Василевскаго, захватившій **ворота Дунбяньмынь** 31 іюля ночью).

Торжественное шествіе союзниковъ черезъ Алый Запретный Городъ 15 августа 1900 г.

…ота стѣны Маньчжурскаго города—60 фут. Ширина 40 ф.

…та стѣны Китайскаго города—30 фут. Ширина 15 ф.

…ота. Четырехъярусная башня въ юго-вост. углу Маньчжурскаго

…й китайцы поражали русскій передовой отрядъ. Яшмовый

…у англичане прошли безъ боя въ осажденныя посольства

Пекинъ въ 1900 г.

Кварталъ, сожженный вокругъ посольствъ.

[illegible]

[illegible]

Въ теченіе всего похода англичане нѣсколько разъ уклонялись отъ совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій съ союзниками и также уклонились отъ штурма Пекина. Такой образъ дѣйствій англичанъ союзники объясняли тѣмъ, что хотя — по словамъ англичанъ — война въ Южной Африкѣ была практически давно окончена, но упрямство и неподатливость буровъ заставляли англичанъ все еще нести въ этой войнѣ большія потери.

Другой сюрпризъ, который насъ встрѣтилъ въ русской миссіи, состоялъ въ томъ, что тамъ были вообще недовольны поведеніемъ русскаго освободительнаго отряда. Дипломаты находили, вопервыхъ, что мы должны были освободить ихъ гораздо раньше, вѣроятно для того, чтобы они имѣли время уѣхать на дачу. Теперь же, благодаря нашей медлительности, сезонъ прошолъ и сопровождался такими необыкновенными непріятностями, какъ осада. Затѣмъ наши соотечественники были возмущены тѣмъ, что штабъ прибывшаго отряда и нѣкоторые раненые офицеры позволили себѣ размѣститься въ неприкосновенныхъ и священныхъ зданіяхъ миссіи, въ которыхъ

и безъ того было тѣсно, да и съѣстные припасы во время осады всѣ давно вышли.

Очень интересенъ былъ первый обѣдъ въ освобожденной миссіи у секретарей. Столъ былъ накрытъ чистой скатертью и уставленъ серебромъ и прекрасной фарфоровой посудой. Хлѣба не было, такъ какъ его вообще давно не было. Въ хрустальныхъ графинахъ играла... чистая вода, такъ какъ все вино было давно выпито. На первое блюдо былъ поданъ рисъ съ чѣмъ-то, кажется съ кониной. На второе подали что-то съ рисомъ. На сладкое—былъ снова рисъ, но безъ ничего.

Наконецъ, талантливые дѣятели Дальняго Востока не могли видѣть, что какіе-то „освободители“, немытые и небритые, въ грязныхъ изношенныхъ кителяхъ и большихъ русскихъ сапогахъ явились въ аристократическое общество элегантныхъ людей, вѣдающихъ политику.

Офицеры-освободители въ свою очередь были недовольны тѣмъ страннымъ холоднымъ пріемомъ, который они встрѣтили въ русской миссіи, и говорили, что они чувствуютъ себя точно въ иностранномъ посольствѣ, въ которое они попали по ошибкѣ. Одинъ откровенный офицеръ признавался:

— Если бы не эти милыя посольскія дамы, то право не стоило бы проливать кровь и освобождать Пекинъ!

Чтобы не огорчать людей, и безтого разстроенныхъ осадой, штабъ начальника отряда и раненые офицеры перебрались черезъ нѣсколько дней въ Императорскій городъ.

Не знаю почему, но лично ко мнѣ нѣкоторые пекинскіе дипломаты относились удивительно враждебно и одинъ мой истрепанный видъ приводилъ въ благородное негодованіе ихъ изысканный вкусъ.

Я рѣшаюсь думать, что главной причиной такого строгаго отношенія ко мнѣ былъ мой китайскій шолковый галстукъ. Такъ какъ въ походъ на Пекинъ я отправился безъ всякаго багажа, то очень скоро принялъ такой изодранный дикій видъ, что даже наши солдаты не узнавали меня и принимали то за американца, то за индійца. А разъ солдаты заподозрили во мнѣ переодѣтаго китайца и арестовали меня. Китайцы же принимали меня за японца.

Чтобы нѣсколько прикрасить свою наружность, я похитилъ въ одномъ брошенномъ китайскомъ магазинѣ въ Тунчжоу нѣсколько пестрыхъ шолковыхъ платковъ, которые съ успѣхомъ служили мнѣ то носовыми платками, то галстуками, то полотенцами и т. д.

Одинъ коректный молодой дипломатъ до того возненавидѣлъ меня, вѣроятно, за мой непозволительный видъ, что выразился:

— Какой-то кореспондентъ позволяетъ себѣ сидѣть за нашимъ столомъ... Если онъ желаетъ обѣдать, то можетъ обѣдать на посольской кухнѣ.

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что я предпочолъ бы общество кухни вашему обществу, но такъ какъ я командированъ на театръ военныхъ дѣйствій лично командующимъ войсками, то при всемъ желаніи, къ сожалѣнію, не могу этого сдѣлать.

Наконецъ, мнѣ было официально объявлено, что по правиламъ дипломатическаго корпуса я, какъ кореспондентъ, не могу долѣе жить въ дипломатической миссіи.

Я былъ до того подавленъ этимъ неожиданнымъ остракизмомъ, что подумалъ въ отчаяньи:

— Тѣмъ лучше! если русскому кореспонденту нѣтъ мѣста въ русской миссіи, то можетъ быть я найду гостепріимство во дворцахъ богдыхана.

Занятіе Лѣтняго Императорскаго дворца Ихэ, построеннаго на горѣ Ваньшоушань, было назначено на другой день.

Улица въ Пекинѣ послѣ осады.

Ворота на берегу „Всесвѣтлаго озера".

„Гора десяти тысячъ вѣковъ"

6 Августа

Рано утромъ 6 августа изъ Пекина выступилъ небольшой отрядъ, состоявшій изъ двухъ ротъ (5-ой и 8-ой) 10-го полка, сотни Верхнеудинцевъ и сотни Читинцевъ, подъ начальствомъ подполковника Ген. Штаба Илинскаго, которому было приказано занять лѣтніе дворцы императрицы „Ихэ-юань"—„Садъ отрады и покоя", отстоящій въ 15 верстахъ отъ Пекина и называющійся также „Вань шоу шань"—„Гора десяти тысячъ вѣковъ".

Я поѣхалъ догонять нашъ отрядъ по безконечной Шуньчжимыньской улицѣ, пересѣкающей Маньчжурскій городъ съ сѣвера на югъ. Еще недавно это была одна изъ самыхъ людныхъ и бойкихъ торговыхъ улицъ столицы. Теперь она тянулась въ грязи, мусорѣ и поражала своимъ безлюдіемъ и запустѣніемъ. По обѣимъ сторонамъ тянулись пожарища, чернѣли обгорѣлыя зданія и магазины, подъ копыта лошади попадались трупы китайцевъ, обожженные или обглоданные свиньями и собаками.

Я проѣхалъ черезъ величественныя западныя ворота, охраняемыя японцами, и поскакалъ по пригороду, по дорогѣ, вымощенной старыми

Ваньшоушань.
Гора десяти тысячъ вѣковъ и Всесвѣтлое озеро.

Ваньшоушань.

Дворъ передъ Краснымъ дворцомъ.

разъѣхавшимися гранитными плитами, среди огородовъ, тополей, ивъ и гаоляна. На нѣсколько верстъ пригородъ и попутныя деревни были разграблены бѣжавшими китайскими солдатами. Всюду были свѣжіе слѣды бѣгства и разгрома. Часть жителей бѣжала вмѣстѣ съ войсками, другіе уходили теперь цѣлыми семьями, неся на палкахъ домашній скарбъ, третьи уже возвращались домой на разоренныя пепелища.

Вдали показалась „Гора десяти тысячъ вѣковъ“ и на ней башня и причудливыя зданія, горѣвшія на солнцѣ своей глазурью.

Въ то же время, по паралельной дорогѣ, до сихъ поръ скрытой отъ насъ рощами и деревнями, замелькали ряды японскихъ солдатъ. Повидимому они шли къ той же цѣли, что и мы.

Тревога охватила нашъ маленькій отрядъ. Если японцы придутъ раньше насъ, то мы потеряемъ передъ самымъ нашимъ носомъ роскошные сказочные дворцы со всѣми ихъ сокровищами. Нужно спѣшить. И такъ уже японцы захватили въ Пекинѣ много богатствъ и овладѣли казначействомъ, которое къ удивленію оказалось наполнено серебромъ на нѣсколько милліоновъ ланъ.

Казаки погнали лошадей и помчались искать ворота. Скорѣе нужно вывѣсить на башнѣ русскій флагъ! Къ счастью, на этотъ разъ у насъ есть въ рукахъ готовый Андреевскій флагъ.

Красный дворецъ.

Проскакали мимо какихъ то китайскихъ построекъ къ расписнымъ краснымъ дубовымъ воротамъ, запертымъ на засовъ. Раскачали ворота и выломали засовъ. Одинъ казачій офицеръ и я выходимъ на

Четырехъярусная башня на Горѣ десяти тысячъ вѣковъ.

красивый мощоный дворъ, обсаженный деревьями. Передъ нами чудный дворецъ на красныхъ дубовыхъ столбахъ, увѣнчанный золотой глазурью и таинственно завѣшанный цыновками. Нѣкогда разглядывать!

Мы ставимъ у воротъ казаковъ и наказываемъ имъ, чтобы они никакихъ иностранцевъ во дворецъ не пускали.

Какъ бы не опоздать!

Летимъ на лошадяхъ дальше, по дворцовымъ тѣнистымъ аллеямъ, бѣломраморнымъ галереямъ, проносимся мимо узорчатыхъ бесѣдокъ, гротовъ, балконовъ. Лошадь звонко бьетъ подковами по мрамору и граниту бѣлой набережной, вьющейся по берегу „Всесвѣтлаго озера“. Нѣтъ времени разсматривать этотъ чудный сказочный міръ, въ которомъ должна находить себѣ отраду и покой сказочная богдыханша.

Мы быстро проходимъ рядъ необыкновенныхъ разукрашенныхъ и разрисованныхъ залъ и дворцовъ, запертыхъ и завѣшанныхъ, и по мраморнымъ ступенямъ взбѣгаемъ на „Гору десяти тысячъ вѣ-

Ура! Андреевскій флагъ взвился на 4-ярусной башнѣ, увѣн-

Дворецъ „Отрады и покоя“ нашъ!

Японцы пришли одновременно съ нами, но, увидя всюду нашихъ часовыхъ, любезно раскланялись и ушли.

Дворцы—верхъ китайскаго искусства, вкуса и фантазіи. Китайская императрица бросила ихъ на произволъ судьбы. Я спустился внизъ съ горы и съ благоговѣніемъ сталъ осматривать невѣдомый міръ. Точно сказка за сказкой раскрывались безмолвные дворцы, утопавшіе въ китайской пышности и поэзіи. Я увидѣлъ дворъ, мо-

Наши офицеры у Краснаго дворца.

щеный, съ огромными чугунными курильницами, драконами и фениксами. Это былъ великолѣпный „Красный дворецъ", на красныхъ столбахъ, подъ сѣрой черепичной крышей.

Мы вошли во дворецъ—двери взломали. Палата во весь дворецъ. Посрединѣ тронъ изъ чорнаго дерева, съ жолтыми подушками. По бокамъ павлиньи опахала. Сзади зеркальная застава въ іероглифахъ, въ чудной золочоной рамѣ. Сверху золотая надпись о счастьи и добродѣтеляхъ. Передъ тономъ 6 курильницъ для фиміама, огромныя чаши для розъ, двѣ башни для воскуреній. Тронъ стерегутъ 8 журавлей, 2 чудовищныя морскія собаки, 2 прекрасныхъ феникса. Все—драгоцѣннѣйшее клуазоне. По сторонамъ—роскошныя трюмо, картины, вырѣзанныя на камнѣ, вазы, надписи и часы съ птицами, колокольчиками и разными фокусами.

Но самые главные фокусы—направо
одной стороны—д танцуетъ н
головой. Съ друг фоку

Ваньшоушань.

Тронъ Императрицы въ Красномъ дворцѣ.

[illegible]

Выйдя изъ этого удивительнаго дворца, я сѣлъ на лошадь и посѣтилъ много [illegible] дворцовъ, съ [illegible] свайками. Предо мной открылось „Восточное озеро“, окаймленное гранитной набережной, резной галереей, причудливыми мостами

Кумиры въ [illegible] башнѣ.

съ островомъ посрединѣ, гдѣ императрица любила [illegible]. Проскакавши по живописной галереѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, я подъѣхалъ къ главнымъ прекраснымъ дворцамъ, съ золотой крышей. Это были священные дворцы, въ которыхъ не было никогда ни одного европейца. Я и казачій офицеръ были первыми европейцами. Принцъ Генрихъ Прусскій былъ допущенъ два года назадъ только въ передніе дворцы.

Въ башнѣ на горѣ мы нашли три золоченыхъ кумира Будды и его учениковъ. За башней, на самомъ верху горы, древніе кумиры, крытые прекрасной глазурью, играющей на солнцѣ. Я спустился внизъ и сталъ бродить по дворцамъ. Вездѣ я видѣлъ посрединѣ дворца тронъ, по сторонамъ вазы, курильницы, чаши. Въ одномъ дворцѣ я нашелъ по сторонамъ тронной палаты двѣ императорскія

опочивальни: одна сиреневая, другая голубая. Обѣ для императрицы. Вездѣ я видѣлъ непомѣрное множество столовыхъ часовъ, лампъ, люстръ, хотя освѣщеніе электрическое. Но еще больше фарфоровыхъ вазъ и издѣлій изъ яшмы. Дворцы украшались цѣлыми тысячами яшмовыхъ вазочекъ, чашъ, фигуръ, картинъ, курильницъ, цвѣтовъ и т. д. Во всѣхъ дворцахъ мы находили музыкальные ящики, которые играли удивительные китайскіе романсы.

Я сталъ бродить по всему парку. Тутъ были прелестныя аллеи, лотосовые пруды, горы, рощи, дворцы, терема, бесѣдки, балконы. Всюду изогнутыя кровли, расписныя стѣны, потолки, рѣшотчатыя окна, цвѣты и древнія позеленѣвшія вазы. Увидя прекрасные розовые лотосы, я полѣзъ къ водѣ, чтобы сорвать на память, и былъ, безъ сомнѣнія, первый европеецъ, который провалился въ прудъ богдыхана.

Темная южная ночь быстро блѣднѣла и уже снимала свои легкіе непроницаемые покровы съ „Горы десяти тысячъ вѣковъ“. Сквозь открытыя рѣшотчатыя двери, изъ утренняго сумрака глядѣла и сіяла вѣчно-юная Утренняя звѣзда. Нѣжными, какъ пыль, лучами она чуть-чуть освѣщала бронзовыя потухшія курильницы и завядшія розы на фарфоровыхъ блюдахъ съ разрисованными цвѣтами. И нарисованные цвѣты были также хороши, какъ лежавшія на нихъ и еще благоухавшія розы, которыми такъ недавно любовалась богдыханша.

Разноцвѣтный феникъ, распустивъ пышный хвостъ, стоялъ величаво подлѣ трона и точно поджидалъ свою повелительницу-императрицу. Императорскій пятипалый драконъ, съ жемчужиной въ одной лапѣ, и сказочное чудовище Цилинь стерегли тронъ.

Подъ узорчатымъ потолкомъ и на стѣнахъ были развѣшаны сдѣланныя изъ дорогого дерева чорныя и красныя надписи съ благознаменательными іероглифами „Фу“ — „Счастье“ и „Шоу“ — „Долголѣтіе“. На одной надписи іероглифы говорили „Чанъ ло ву цзи“ — „Длится веселье безъ конца“. На другой надписи — „Дэ фынь ху лу“ — „Доблесть вѣетъ — милость орошаетъ“. На третьей — „Ху синь юань цзи“ — „Любящее сердце — первое счастье“.

Откуда-то доносившіеся нѣжные звуки давно знакомой мелодіи разбудили меня:

„Привѣтъ тебѣ, пріютъ счастливый!
„Здѣсь все о ней мнѣ говоритъ
„И все невинностію дышетъ....

Царское спасибо

12 Августа

Черезъ 10 дней послѣ штурма Пекина, въ субботу 12 августа, генералъ-лейтенантъ Линевичъ издалъ слѣдующій приказъ по Печилійскому отряду.

„Пекинъ. Русское посольство.
Августа 12 дня 1900 г. № 28.

„Пекинъ, столица Китая, взятъ штурмомъ 1-го сего августа всѣми русскими и союзными войсками. Русскія передовыя войска еще ночью на 1-ое августа разбили ворота Пекина, ворвались въ городъ и несмотря на отчаянное сопротивленіе и убійственный огонь китайцевъ, овладѣли прилегающими къ воротамъ стѣнами, и на стѣнахъ поднятъ русскій флагъ. Вслѣдъ за симъ взяты были союзными войсками другія ворота и къ 2 часамъ дня Пекинъ палъ.

„Государь Императоръ такіе подвиги Своихъ войскъ отличилъ высокимъ вниманіемъ въ слѣдующихъ милостивыхъ словахъ на мое имя:

„Искренно привѣтствуемъ васъ съ быстрымъ занятіемъ Пекина. За одержаніе вами побѣды жалуемъ вамъ орденъ Святого Георгія третьей степени. Молодецкимъ Сибирскимъ войскамъ тоже горячее спасибо. Представьте адмиралу Алексѣеву отличившихся“.

Николай.

„Честь и слава русскому солдату, заслужившему еще разъ Царское спасибо и внесшему въ лѣтопись родной страны еще одну славную страницу—взятіе Пекина.

„Съ истинной радостью приношу сердечную благодарность всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и героямъ-солдатамъ за доблестную службу на славу Царю и Отечеству“.

Начальникъ отряда
Генералъ-лейтенантъ Линевичъ.

Русскіе у воротъ Запретнаго города.

Во дворцахъ Богдыхана

15 Августа

Въ праздникъ 15-го августа, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ взятія Пекина, въ столицѣ Китая произошло событіе, имѣющее историческое значеніе и довершившее паденіе столицы богдыхановъ. Въ этотъ день состоялось торжественное шествіе союзныхъ войскъ черезъ императорскіе дворцы.

На предварительномъ совѣщаніи начальниковъ всѣхъ союзныхъ отрядовъ было рѣшено произвести парадъ войскамъ и совершить общее шествіе, во главѣ котораго пойдутъ русскія войска, какъ первыя вошедшія въ Пекинъ, за ними японскія, англійскія, американскія, французскія, германцы, итальянцы и австрійцы.

Численность войскъ была назначена слѣдующая: русскихъ—800 человѣкъ, японцевъ—800, англичанъ-индійцевъ—400, американцевъ—400, французовъ—200, германцевъ—200, итальянцевъ—60 и австрійцевъ 60.

15-го августа, къ $7^1/_2$ час. утра, при чудной погодѣ, всѣ войска собрались въ большомъ императорскомъ дворѣ, расположенномъ за первыми Дайцинскими воротами Императорскаго города. Направо стали русскіе и рядомъ съ ними французы. Налѣво: австрійцы,

Войска Бѣлаго Царя въ рощахъ Богдыхана

9-ый Вост.-Сиб. Стр. полкъ въ Пекинѣ

итальянцы и японцы. Вправо за русскими англо-индійцы съ артилеріей. Налѣво—американцы.

Къ 8 часамъ утра всѣ союзныя войска приготовились къ параду и ровно въ $7^3/_4$ на сборный пунктъ пріѣхалъ начальникъ Печилійскаго отряда генералъ-лейтенантъ Линевичъ, сопровождаемый Россійскимъ посланникомъ г. Гирсомъ, генеральнымъ консуломъ г. Поповымъ и многочисленной свитой, состоявшей изъ чиновъ штаба отряда, военныхъ кореспондентовъ, служащихъ при миссіи и конвоя, подъ бѣлымъ флагомъ начальника отряда.

Русскія войска взяли на караулъ. Наши оркестры заиграли встрѣчу. Какъ старшій въ чинѣ, генералъ Линевичъ принималъ парадъ.

Союзныя войска привѣтствуютъ генерала Линевича.

Поздоровавшись съ русскими войсками, которыя громко и весело прокричали обычное привѣтствіе, генералъ началъ объѣзжать всѣ союзныя войска. Получилась великолѣпная необычайная картина.

Среди заповѣдныхъ стѣнъ и башенъ Императорскаго города, недоступнаго не только для всѣхъ иностранцевъ, но и для китайцевъ, на старинномъ мощономъ дворѣ, куда не ступала нога ни одного простого смертнаго, выстроились чужеземныя войска 8 націй, съ ружьями, саблями, знаменами, трубачами и оркестрами, и привѣтствовали кликами и музыкой русскаго генерала. Это былъ торжественный привѣтъ всѣхъ націй тѣмъ войскамъ, которыя первыя про-

вступили въ сумракъ и тишину древняго дворца. Высокія мрачныя колонны, потемнѣвшій потолокъ и покрытый пылью тронъ по срединѣ дворца—все напоминало древнія времена Маньчжурской династіи.

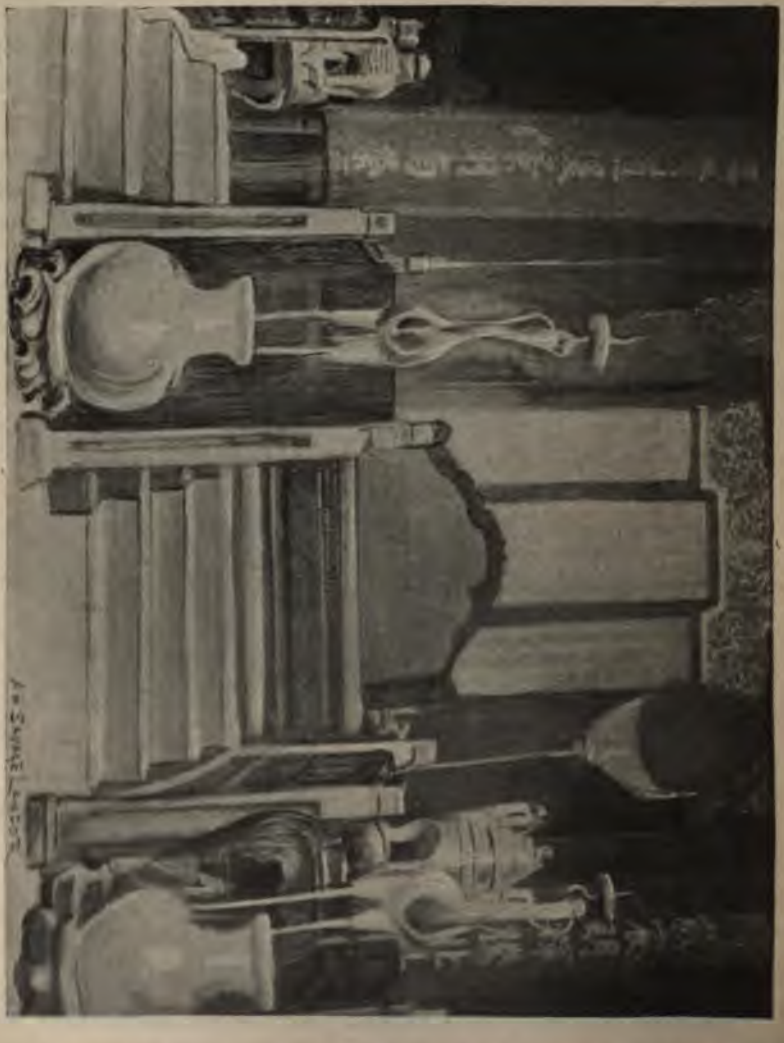
Мы снова выходимъ на каменный дворъ, съ мраморными площадками, лѣстницами и галереями, и снова находимся въ старинной высокой палатѣ съ тономъ, колоннами и курильницами передъ тронным возвышеніемъ. Тронъ, колонны и потолокъ подведены подъ мѣдный цвѣтъ и вся палата кажется мѣдной. Обстановки въ палатѣ очень мало: столы и скамейки съ древней причудливой рѣзьбой. Нѣтъ ни пышности, ни великолѣпія: это скорѣе мѣсто царственнаго уединенія.

Передъ воротами дворца появились китайскіе мандарины, изъ которыхъ одинъ съ краснымъ шарикомъ, какъ говорятъ, военный министръ. Мандарины съ самымъ любезнымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица, подъ которымъ довольно ясно сквозило сознаніе постигшаго ихъ національнаго горя и униженія, просили насъ пожаловать далѣе во дворцы.

Китайскіе придворные.

Мы опять выходимъ изъ полумрака и затхлаго воздуха на солнце и идемъ по двору съ потухшими курильницами и нелюдимыми галереями кругомъ. Мы входимъ во дворецъ, такой же мрачный и пустынный, какъ и прежніе. Передъ тономъ, на большомъ столѣ, по-

ставлены жертвенные приборы, чаши, курильницы и дощечка въ рамѣ съ надписью. Духъ усопшаго императора возсѣдаетъ на этомъ тронѣ. Царствующій императоръ здѣсь молится своему предку.



Тронъ Богдыхана.

Мы опять выходимъ на свѣтъ и свѣжій воздухъ. Любезный мандаринъ, съ высохшимъ лицомъ и умными глазами, проситъ русскаго генерала свернуть съ прямой дороги направо, так
дворцы нельзя пройти насквозь. Мы переходимъ
морному двору съ мраморными лѣстни

шими травой и бурьяномъ. Кругомъ сонъ и молчаніе. У всѣхъ воротъ и дверей стоятъ придворные слуги, такіе же сонные, молчаливые и ветхіе, какъ эти дворцы, и такіе же ненужные, какъ этотъ бурьянъ.

По просьбѣ важнаго сановника съ краснымъ шарикомъ, мы проходимъ по какимъ-то задворкамъ, мимо какихъ-то службъ и каморокъ, представляющихъ закулисную сторону дворцовъ, и вступаемъ въ прелестную рощу изъ кипарисовъ и можжевельника. Столбы подпираютъ священныя 2000-лѣтнія деревья, отъ которыхъ остались одни огромные стволы, пережившіе половину китайской исторіи. Мимо заглохшихъ гротовъ, молчаливыхъ теремовъ съ затѣйливой угловатой крышей императорскаго жолтаго цвѣта, мы входимъ въ великолѣпныя расписныя жолтыя ворота съ надписью „Вѣчное сіяніе“ и насъ встрѣчаютъ не высохшіе безмолвные придворные мандарины, а веселые русскіе солдаты, громогласное „ура“ которыхъ разбудило вѣковую тишину дворцовъ.

Императорскіе заповѣдные дворцы были пройдены русскимъ генераломъ и мы находимся у выходныхъ воротъ среди стрѣлковъ 10-го полка и японцевъ, которые выстроились другъ противъ друга. Англійскія пушки снова возвѣстили, что дворцы пройдены, и лежавшая на нихъ таинственная непроницаемая завѣса—спала. Среди войскъ, при крикахъ ура и звукахъ музыки, генералъ Линевичъ прошолъ со свитой впередъ и остановился у крайнихъ выходныхъ воротъ.

2000-лѣтнее дерево.

Черезъ нѣсколько минутъ, подъ воротами „Вѣчнаго сіянія“ показались матросы, выдержавшіе геройски 2-хъ мѣсячную осаду, стрѣлки съ ружьями и патронами, въ бѣлыхъ рубахахъ—это были войска Бѣлаго Царя, которыя во главѣ всѣхъ другихъ союзныхъ войскъ проходили дворцы Богдыхана. Ихъ встрѣтило восторженное ура и музыка.

проходили маленькіе, но храбрые японцы, въ бѣлыхъ бѣлыхъ фуражкахъ съ жолтыми околышками. Каждую криками ура и звуками марша. Генералы, бывшіе

во главѣ своихъ войскъ, присоединялись къ генералу Линевичу, со своими штабами.

За японцами шли въ чалмахъ и пестрыхъ рубахахъ англо-индійскія войска: сикки, раджипуты и бенгальскіе уланы, рослые и красивые, которые съ искренней радостью кричали свое „ура“ въ отвѣтъ на ура русскихъ, которыхъ они считаютъ своими давнишними друзьями. За ними шли англичане — стрѣлки и артилеристы, въ шлемахъ и куртках песочнаго цвѣта.

Такого же цвѣта и покроя обмундированіе у американцевъ, которые носятъ на головѣ мягкія шляпы съ широкими полями. Американцы выдѣляются среди союзныхъ солдатъ своимъ крупнымъ ростомъ и вольнымъ видомъ.

Затѣмъ показались наши друзья французы въ синихъ шлемахъ и костюмахъ; германцы въ новенькихъ формахъ и шлемахъ шоколаднаго цвѣта; моряки—итальянцы и австрійцы. Нашъ оркестръ сыгралъ французамъ „Марсельезу“, а германцамъ „Wacht am Rhein“.

Это великолѣпное шествіе международныхъ войскъ было живымъ олицетвореніемъ нынѣшняго политическаго положенія въ Азіи. Впереди идетъ Россія, великая и могущественная, за нею молодая Японія, такъ быстро рванувшаяся впередъ и обогнавшая на Востокѣ остальныя державы. За Японіей—третьей державой шла нѣкогда могучая Англія, уступившая свое первенство въ Азіи —Россіи и Японіи. Потомъ Америка, Франція и Германія, впервые выступившая со своей воинственной политикой въ Восточной Азіи. Позади шли остальныя державы. Въ 9 ч. утра парадъ кончился.

Генералъ Линевичъ со свитой и посланниками вернулся обратно, въ тѣ дворцы, которые еще не были осмотрѣны. Интересенъ былъ собственный дворецъ богдыхана, съ золоченнымъ тономъ, курильницами, вазами, столиками, уставленными яшмами и нефритами, павильонами, опахалами и колоннами, исписанными надписями. Китайскіе мандарины любезно угощали гостей чаемъ и сластями.

Осмотрѣвъ богдыханскую молельню и богдыханскую древнюю кухню, генералъ Линевичъ и его свита оставили дворцы, которые были снова закрыты, и у воротъ поставлены международные караулы.

Двухсотлѣтняя неприкосновенность и святость дворцовъ богдыхана были нарушены. Тайны раскрыты. Алый городъ пересталъ быть Запретнымъ.

Торжественное шествіе

войскъ и дипломатическаго корпуса черезъ дворцы Богдыхана 15 августа 1900 г.

Башня Будды въ Императорскихъ рощахъ.

Въ заповѣдныхъ рощахъ

25 Августа

24-го августа въ Пекинъ на тройкѣ прибылъ командующій войсками вице-адмиралъ Е. И. Алексѣевъ, встрѣченный передъ воротами Пекина начальникомъ военныхъ сообщеній полк. Кондратовичемъ. Это была первая русская тройка, которая въѣхала въ Пекинъ. Принявъ рапортъ, адмиралъ проѣхалъ въ Императорскую Россійскую миссію, гдѣ былъ встрѣченъ начальникомъ отряда генераломъ Линевичемъ, посланникомъ Гирсомъ, начальниками отдѣльныхъ частей и миссіей. Адмиралъ остановился въ домѣ посланника, штабъ размѣстился въ миссіи.

25-го августа въ Императорскомъ городѣ адмиралъ Алексѣевъ дѣлалъ смотръ русскимъ войскамъ въ заповѣдныхъ рощахъ богдыхана, на мѣстѣ русскаго бивака. Наши геройскія войска, взявшія штурмомъ Пекинъ, представились своему главнокомандующему въ блестящемъ видѣ, въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ веселыми загорѣлыми лицами.

Войска стояли въ слѣдующемъ порядкѣ: [illegible] 10-й полкъ [illegible]ты [illegible] батальонъ 12-го полка, саперы Квантунской [illegible] Сапернаго батальона, 2-я батарея, 3-я ба

Русскій лагерь въ Императорскомъ городѣ въ Пекинѣ.

заки 6-й сотни Верхнеудинскаго полка и 3-й сотни Читинскаго полка.

Командующій войсками обходилъ всѣ войска, здороваясь съ каждой частью. Затѣмъ, ставши посрединѣ всѣхъ войскъ, адмиралъ сказалъ громкимъ голосомъ патріотическую рѣчь, въ которой прославилъ мужество, храбрость и выносливость русскихъ войскъ, благодарилъ за проявленныя ими доблести во время похода и штурма Пекина и провозгласилъ ура въ честь Русскаго Царя и Августѣйшей Семьи. Восторженное ура четырехъ тысячъ русскихъ солдатъ и офицеровъ и звуки національнаго гимна долгое время разносились по священнымъ садамъ и дворцамъ богдыхана во славу Русскаго Царя, Чьи войска первыя заняли Пекинъ и освободили осажденныхъ.

Русскіе офицеры на дворцовой аллеѣ.

Генералъ Линевичъ провозгласилъ ура въ честь адмирала, которому были ввѣрены два театра военныхъ дѣйствій на огромномъ протяженіи отъ Пекина до Мукдена. Парадъ закончился церемоніальнымъ маршемъ.

Несмотря на недавно перенесенныя тягости похода и штурма, наши войска поражали своимъ молодцоватымъ и лихимъ видомъ, прекрасной выправкой и дисциплиной.

Этотъ блестящій смотръ останется памятнымъ днемъ для русскаго отряда въ Пекинѣ. Погода была прекр[illegible]. Послѣ [illegible] адмиралъ посѣтилъ раненыхъ и больныхъ.

26-го августа, въ Бородинскую годов[illegible]

памятное торжество русскихъ войскъ. Командующій войсками, осмотрѣвъ строющуюся русскимъ сапернымъ батальономъ желѣзную дорогу Пекинъ—Тяньцзинъ и посѣтивъ внутренніе богдыханскіе дворцы, проѣхалъ къ 12-му полку. Тамъ были собраны всѣ георгіевскіе кавалеры.

Командующій войсками обошолъ всѣхъ кавалеровъ, разспрашивалъ о ихъ подвигахъ, благодарилъ за доблести подъ Тяньцзиномъ, Бэйцаномъ, Янцунемъ и Пекиномъ и, поздравивъ всѣхъ съ знаками отличія Военнаго ордена, пожелалъ новыхъ успѣховъ. По Высочайше дарованному праву, адмиралъ наградилъ въ 9-мъ полку 64 нижнихъ чина, въ 10-мъ полку 91, въ 12-мъ полку 16, 18 саперъ, 34 артилериста, 24 казака и въ 5-мъ полку 14 стрѣлковъ. По Высочайшему повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламздорфъ передалъ по телеграфу Царскій привѣтъ всѣмъ русскимъ, освобожденнымъ въ Пекинѣ. По Высочайшему повелѣнію, Императорская миссія и всѣ русскіе выѣхали изъ Пекина.

28-го августа, командующій войсками вице-адмиралъ Алексѣевъ выѣхалъ изъ Пекина обратно въ Тяньцзинъ.

Занятый и управляемый русскими районъ Пекина занимаетъ четверть Маньчжурскаго города и имѣетъ около 2 верстъ съ юга на сѣверъ и около $1^1/_2$ версты съ востока на западъ. Нашъ участокъ, особенно вдоль главной Хадамыньской улицы, пострадалъ сравнительно менѣе другихъ и содержится значительно исправнѣе и чище другихъ участковъ.

Въ русскомъ раіонѣ находятся: Цзунлиямынь, вѣдавшій дѣла съ иностранными государствами, министерство финансовъ, изъ котораго японцы успѣли вывезти нѣсколько милліоновъ ланъ серебра, огромныя запасы риса въ нѣсколько милліоновъ пудовъ, китайская обсерваторія, дворецъ принца Чжоу, родственника богдыхана, дворецъ принца И и другихъ сановниковъ. Мирная жизнь понемногу возстановляется въ нашемъ районѣ. Жители возвращаются въ свои дома. Открываются лавки, мародерство и всякое насиліе строжайше преслѣдуется.

Войска размѣстились въ Императорскомъ городѣ, частью въ палаткахъ, вокругъ Угольной горы, частью въ дворцовыхъ помѣщеніяхъ. Роскошные лѣтніе загородные дворцы Ихэ охраняются нашими ротами. Комендантомъ назначенъ капитанъ 10-го полка Рацулъ.

[illegible]анія русской духовной миссіи въ Пекинѣ, такъ
[illegible]ъ, совершенно уничтожены боксерами. Около
[illegible]тайцевъ частью перебиты, частью успѣли

Озеро Лотосовъ возлѣ дворцовъ Богдыхана. Башня Будды.

Открытіе русскаго госпиталя въ Пекинѣ. Генералъ Линевичъ, посланникъ Гирсъ, русскіе офицеры, русская миссія, докторъ Терещенко и отрядъ Кр. Креста С. В. Александровскаго. Раненый поручикъ Маркозовъ.

бѣжать. О. Архимандритъ, члены миссіи и спасшіеся православные китайцы, въ числѣ около 100 человѣкъ, временно помѣстились въ дворцовыхъ зданіяхъ Юнхогунъ, находящихся по сосѣдству съ мѣстомъ бывшей духовной миссіи.

Вначалѣ сентября въ Пекинѣ открылъ свои дѣйствія первоклассный русскій госпиталь, устроенный отрядомъ Кр. Креста С. В. Александровскаго.

Въ 1900 году, въ теченіе одного мѣсяца, Пекинъ былъ такъ же разграбленъ цивилизованными союзниками, какъ нѣсколько столѣтій раньше его грабили и разоряли маньчжуры, монголы и другіе полудикіе кочевники Азіи. Несмотря на всѣ усилія отдѣльныхъ командировъ, благодаря разноплеменному составу войскъ, вкоренившемуся презрѣнію къ китайцамъ и отсутствію единой власти надъ международными отрядами, — не было никакой возможности прекратить грабежъ столицы и насилія надъ жителями.

Не были пощажены ни дома жителей, ни дворцы, ни древнія кумирни, въ которыхъ идолы художественной китайской работы были изломаны и осквернены. Солдаты международныхъ отрядовъ не столько глумились надъ языческой вѣрой, сколько искали въ кумирахъ скрытыхъ драгоцѣнностей. Солдаты говорили, что китайцы не люди, и поэтому позволяли себѣ всякія безчинства надъ жителями. Врывались въ покинутые и не покинутые дома, въ которыхъ еще жили люди, грабили и вымогали всякое добро. Зато много такихъ солдатъ, попавшихъ въ руки мстительнымъ китайцамъ, не вернулось обратно и пропало безъ вѣсти.

На ули

Бэйтанъ

Наши артилеристы.

7 Сентября

Пробывъ въ Пекинѣ ровно 5 недѣль, 4 сентября я выѣхалъ верхомъ обратно, желая поспѣть къ штурму морской крѣпости Бэйтанъ, что значитъ покитайски „Сѣверное озеро". Обратный путь былъ совершенно безопасенъ. Всюду тянулись отряды союзныхъ войскъ и во всѣхъ попутныхъ городкахъ отъ Тунчжоу до Янцуня были устроены международные этапы, посты и оставлены гарнизоны. Отъ Янцуня до Тонку желѣзная дорога была возстановлена Уссурійскимъ желѣзнодорожнымъ батальономъ и на всемъ этомъ протяженіи исправно ходили поѣзда, управляемые чинами батальона. Дорога горячо работала. Поѣзда нѣсколько разъ въ день ходили въ обѣ стороны, въ Янцунь и въ Тонку, доставляя одни союзныя войска для Пекина, а другія для штурма Бэйтана, расположеннаго въ 12 верстахъ отъ Тонку.

Въ Янцунѣ, въ 6 часовъ утра 7 сентября, я сѣлъ на поѣздъ, переполненный разнообразными войсками, джентельменами, маркитантами, оружіемъ и лошадьми, проѣхалъ мимо памятныхъ мѣстъ Бэйцана и Тяньцзина и въ 10 часовъ утра былъ въ Цзюньлянчэнѣ.

Бросивъ поѣздъ, я сѣлъ на коня и поскакалъ на гулъ отдаленныхъ орудійныхъ выстрѣловъ. На горизонтѣ чернѣли форты Бэйтана и взлетали бѣлые и сѣрые клубы дыма. Ѣхалъ по высохшей пустынной степи, надъ которой со свистомъ носились тучи саранчи. Поля, еще не выжженныя солнцемъ, были доѣдены саранчой.

Я взялъ направленіе на крѣпость Бэйтанъ, которой командовалъ генералъ Ли, и погналъ коня.

Мнѣ разсказывали, что когда русскіе предложили этому храброму генералу Ли отдать Бэйтанъ безъ боя и жертвъ, онъ отвѣтилъ:

— Если я отдамъ Бэйтанъ безъ боя, китайское правительство
зову. Если-же я вступлю въ бой, то русскіе возь-
бою, и китайское правительство тоже отру-
я прошу русскихъ оставить меня въ

покоѣ. Я же обѣщаюсь не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій изъ Бэйтана.

Послѣ этого отвѣта прошло нѣсколько недѣль. Генералъ Ли все укрѣплялся въ своей крѣпости, минировалъ фугасами всѣ подступы и пути къ ней и преисполнился, наконецъ, такой храбрости и самоувѣренности, что на вторичное предложеніе русскихъ очистить Бэйтанъ, отвѣтилъ:

— Вмѣсто того, чтобы угрожать понапрасну, русскіе лучше-бы попробовали пойти и взять Бэйтанъ.

Русскіе пошли и взяли.

Наканунѣ наши желѣзнодорожники и саперы, подъ начальствомъ подполковника Григоренко, дѣлали развѣдку мѣстности передъ Бэйтаномъ, для того чтобы выбрать и приготовить позиціи для нашихъ полевыхъ и мортирной батарей. Приблизительно въ верстѣ отъ фортовъ дорога оказалась перекопанной въ 8 мѣстахъ и всюду минированной. Возлѣ станціи „Бэйтанъ", разрушенной ихэтуанцами, усмотрѣна сильная китайская застава и за ней лагерь. Пока не будетъ выбита эта застава, невозможно строить позиціи для артилеріи. Подполк. Григоренко далъ знать генералу Церпицкому о заставѣ и началъ исправлять дорогу. Стали закапывать ямы, вырытыя въ дорогѣ, и вынимались фугасы, которые представляютъ простые ящики, начиненные порохомъ, съ жестяными терками внутри. Ящики зарываются въ землю, слегка прикрываются крышками и присыпаются землей. При нажимѣ ногою на крышку, терки приходятъ въ дѣйствіе и вызываютъ взрывъ. Китайцы первые изобрѣли порохъ и нашли въ немъ прекрасное примѣненіе для фейерверковъ. Европейцы дали имъ лучшій бездымный порохъ для пушекъ и научили начинять порохомъ мины и фугасы.

Вечеромъ 6-го сентября, генералъ Церпицкій двинулся со своимъ отрядомъ выбивать китайскую заставу, имѣя подъ своимъ начальствомъ роты 6 и 7-го полка, а въ резервѣ батальонъ 12-го полка, подъ командою Полк. Анисимова. Въ $10^1/_2$ часовъ ночи, въ полной темнотѣ, идя по дорогѣ, отрядъ наткнулся на первые фугасы. 3 взрыва послѣднихъ одинъ за другимъ. Нѣсколько человѣкъ взлетѣло на воздухъ. Увидя взрывы, китайцы направили на дорогу орудія со всѣхъ своихъ фортовъ, изъ батареи передъ форт[illegible] заставы и изъ пулеметовъ. Въ нѣсколько [illegible] 25 челов[illegible] [illegible] новъ было ранено пулями и [illegible] русскій отрядъ. Солдаты крич[illegible] идти дальше на пули и фугасы, [illegible]

генералъ Церпицкій выѣхалъ впередъ, пріободрилъ солдатъ и командуя: „разъ, два“... самъ повелъ отрядъ. Чтобы не идти по фугасамъ, сошли съ дороги внизъ, въ солончакъ, и шли по грудь въ водѣ. Быстро добрались до заставы, выбили китайцевъ и взяли ихъ лагерь. Нѣсколько китайцевъ были приколоты штыками. Фугасы продолжали взрываться. Одна граната попала въ фугасъ, взорвала ящикъ, причемъ былъ легко контуженъ въ голову генералъ Церпицкій. Находившійся въ распоряженіи генерала капитанъ Нечволодовъ наткнулся на фугасъ, но спасся чудомъ. Капитанъ Кашкинъ и поручикъ Сомовъ попали на фугасъ и взлетѣли на воздухъ. У кап. Кашкина оказался переломъ ключицы, ушибы и ожоги. Поруч. Сомовъ отдѣлался одними ушибами. Капитанъ артилеріи въ запасѣ Еголштинъ получилъ сильные ожоги лица. Принцъ Хаимэ Бурбонскій, корнетъ Гродненскаго полка, состоявшій при генералѣ Церпицкомъ, попалъ между трехъ взорвавшихся фугасовъ, но остался невредимъ. Совершивъ это отчаянное шествіе по фугасамъ, взявъ китайскую заставу и оставивъ на ней русскую, генералъ Церпицкій вернулся со своимъ отрядомъ на бивакъ, возлѣ деревушки Сидаоцяо, гдѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ.

Подполковникъ Тохатэловъ.

Когда стало свѣтать, три русскія осадныя батареи, состоявшія изъ 6 русскихъ и 8 плѣненныхъ китайскихъ орудій, начали дружно и громоносно разбивать Бэйтанскіе форты. Эти батареи были нашими саперами и артилеристами незамѣтно привезены и поставлены въ [illegible]стахъ отъ Бэйтана, на голой песчаной равнинѣ. Орудія [illegible]ись искусно скрыты насыпью желѣзной дороги, что [illegible] дистанцію, никакъ не могли

[illegible]ъ подполковникъ Тохатэ-

крѣпости генералъ Ли, упорно отказывавшійся сдать крѣпость добровольно, также бѣжалъ. Гарнизонъ Бэйтана исчислялся въ 2000 челов.

Полковнику Генер. Штаба Флугу было поручено во главѣ коннаго отряда преслѣдовать бѣгущія китайскія войска. Но преслѣдованіе оказалось совершенно невозможнымъ.

Такъ же, какъ и подъ Бэйцаномъ, умные китайцы прекрасно воспользовались услугами природы. Всю мѣстность вокругъ Бэйтана,

Подполковн. Тохатэловъ и крѣпостная артилерія въ Портъ-Артурѣ.

на нѣсколько верстъ, они пересѣкли сѣтью каналовъ. Когда Бэйтанъ оказался въ опасности, китайскіе саперы соединили каналы съ моремъ и первый же морской приливъ наполнилъ каналы водой и затопилъ всю мѣстность, которая необозримо тянется почти въ уровень съ поверхностью моря. Перебираться черезъ всѣ каналы, топи и низины, подъ непріятельскими выстрѣлами, было крайне тяжело. Во время одной переправы потонулъ 1 казакъ и двое было ранено. Пришлось отъ преслѣдованія китайцевъ отказаться.

Къ 10 часамъ утра всѣ грозныя орудія Бэйтана замолкли. Крѣпость была покинута ея защитниками. Къ полудню на Бэйтанскихъ фортахъ были подняты флаги разныхъ союзныхъ націй, войска которыхъ были посланы на штурмъ Бэйтана.

Крѣпость была взята исключительно артилерійскимъ огнемъ
скихъ и германцевъ, дѣйствіе котораго было настолько значи-
. что пѣхотный бой и новыя жертвы оказались излишни. На
Бэйтана, который китайцы не въ состояніи были защищать,

подтвердилось благотворное значеніе артилеріи, рѣшившей исходъ боя на разстояніи и предотвратившей ненужное кровопролитіе.

Русскія войска, направленныя для штурма Бэйтана, состояли изъ слѣдующихъ частей: нѣсколькихъ ротъ 6-го, 7-го, 10-го и 12-го полковъ, 3-ей батареи Вост. Сиб. С. дивизіона, 3-ей батареи 1-ой бригады, портартурскихъ мортиръ, русскихъ и китайскихъ осадныхъ орудій (всего 30 орудій), 2 эскадроновъ Приморскаго драгунскаго полка, 6-ой сотни Верхнеудинцевъ, германской батареи, 1 батальона германцевъ и 1½ батальона французовъ. Остальные союзники какимъ то образомъ не нашли Бэйтана и поэтому не поспѣли къ штурму.

Начальникомъ всѣхъ силъ, двинутыхъ противъ Бэйтана, былъ генералъ-лейтенантъ баронъ Штакельбергъ. Начальникомъ авангардной колонны назначенъ генералъ-маіоръ Церпицкій, а главной колонны—капитанъ 1 р. Доможировъ.

Въ авангардной колоннѣ, кромѣ генерала Церпицкаго, были обожжены фугасами: капитанъ Кашкинъ (тяжело), отставной капитанъ Еголштинъ, поручикъ Андреевъ, подпоручикъ Тупицынъ и подпрапорщикъ Ягнъ.

Обожжено и ранено: въ 6-омъ В. С. С. полку—72 нижнихъ чина, изъ нихъ 26 тяжело, убито 2. Въ 7-омъ В. С. С. полку обожжено и ранено—22, изъ нихъ 12 тяжело, убито 2.

Еще до штурма Бэйтана, во время развѣдокъ, нѣсколько стрѣлковъ было ранено и обожжено фугасами. Взрывомъ фугаса поручикъ Вост. Сиб. Сапернаго батальона Поповъ былъ подброшенъ на воздухъ и сильно обожженъ. Вся его кожа обуглилась и нога была переломлена.

Въ Бэйтанѣ захвачено 4 форта и 48 орудій большого калибра, новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ (Круппа и другихъ), кромѣ мелкихъ орудій. Занятъ 1 арсеналъ.

Наши стрѣлковыя роты, батареи и кавалерія расположились бивакомъ на берегу рѣки Бэйтанхэ, возлѣ одного изъ занятыхъ нами фортовъ.

Подлѣ форта находился бѣдный китайскій городокъ. Почти всѣ жители его бѣжали, испуганные непріятельскими ядрами, громившими Бэйтанъ и разрывавшимися въ городкѣ. Когда союзные солдаты вошли въ форты и не нашли въ нихъ ни одного китайца, съ которымъ они могли бы подраться, то чтобы выместить свою досаду, они бросились въ городокъ и начали стрѣлять въ несчастныхъ стариковъ и старухъ, которые еще не у[illegible]кать. Къ счастью, наши офицеры вовремя узнали и ост[illegible]

Жители этого городка были въ такомъ отчаяньи, что нѣсколько мужчинъ и женщинъ утопилось въ рѣкѣ. Ночью, во время отлива, жутко было идти по берегу и встрѣчать ихъ окоченѣвшія и завязшія въ тинѣ тѣла. Въ темнотѣ я наткнулся на какую-то полуживую кучу: нѣсколько женщинъ, дряхлыхъ и молодыхъ, живыхъ и мертвыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, которыя жались къ мертвой матери, сбились въ одну страшную груду ужаса и отчаянья и молча, даже безъ стоновъ, сидѣли и лежали въ грязи подлѣ самой воды. Что они чувствовали въ эти часы? Вода прибывала и эти женщины и дѣти должны были захлебнуться. Вода плескала и подбиралась къ нимъ все выше и выше. Вокругъ нихъ карабкались и копошились крабы. Тина и водоросли обволакивали имъ ноги. Повидимому, это было имъ все равно. Онѣ предпочитали погибнуть въ водѣ, нежели попасть въ руки иностранному разбойнику. Нѣкоторыя женщины лежали на половину въ водѣ и грязи и уже не двигались. Другія еще были живы. Неужели всемогущее Небо не видѣло этихъ несчастныхъ и не хотѣло вырвать ихъ изъ жестокости людей? Даже крабы были счастливѣе этихъ застывшихъ въ ужасѣ китаянокъ, такъ какъ они нашли для себя въ человѣческихъ тѣлахъ вкусную пищу. Но жестокость и милосердіе давно перепутаны у людей.

Докторъ Зароастровъ, старшій врачъ 12-го полка, обошолъ городокъ и послалъ санитаровъ вытащить изъ воды тѣхъ женщинъ, которыя были живы, и перевязать раненыхъ китайцевъ и китаянокъ.

Нѣсколько женщинъ и дѣтей удалось спасти.

Поручикъ Поповъ.

Лутай

8 Сентября.

На другой день генералъ Церпицкій съ небольшимъ отрядомъ, составленнымъ изъ стрѣлковъ, Приморскихъ драгунъ и Верхнеудинцевъ, отправился далѣе преслѣдовать китайскія войска, бѣжавшія въ Лутай. Вмѣстѣ съ отрядомъ шли двѣ пушки 3-ей батареи, подъ командою подпоручика Иванова, который въ памятную ночь на 1-ое августа пробивалъ этими самыми орудіями ворота Пекина. Начальникомъ штаба отряда былъ назначенъ подполк. Генер. Шт. Агапѣевъ. Начальникомъ Боевого отряда былъ полковникъ Фаугъ.

Полковникъ Ген. Шт. Фаугъ.

Мы шли по отличной грунтовой дорогѣ, почти параллельно желѣзнодорожному полотну, ведущему въ Шанхайгуань.

Кругомъ насъ была песчаная пустыня, блиставшая на солнцѣ своими солончаками. Она покоилась прекрасная и величавая своей невозмутимой ровностью, своимъ незапятнаннымъ однообразнымъ желтымъ цвѣтомъ, своимъ строгимъ безмолвіемъ и какой-то всюду разлившейся грустью. Видно только небо, песокъ и вдали море.

Но эта печальная, обиженная Богомъ страна не напоминала о смерти, потому что и жизни здѣсь никогда не было. Какъ и дно океана эта пустыня молчала и хранила въ себѣ какую-то тайну. Раньше здѣсь иногда пробѣгалъ поѣздъ. Но теперь желѣзнодорожный путь былъ на половину разруше

На морскомъ берегу виднѣлись одни форты и импани, трудомъ и упорствомъ человѣка воздвигнутыя въ этой пустынѣ. Но и они были покинуты людьми и безмолвствовали.

Китайцы не пытались даже обороняться въ своихъ грозныхъ сооруженіяхъ. Они безостановочно, въ смятеніи, бѣжали на сѣверъ.

Ночью отрядъ генерала Церпицкаго подошолъ къ военному городку Лутай, изъ котораго китайцы поспѣшно бѣжали. Уходя, они пустили въ насъ нѣсколько гранатъ, которыя высоко прошумѣли надъ головою и дали перелетъ. Подпоручикъ Ивановъ живо снялъ орудіе съ передковъ и отвѣтилъ китайцамъ своими мѣткими гранатами. Всѣ китайскія войска ушли изъ города и импаней, которыя были немедленно заняты нашимъ отрядомъ.

На другой день я поспѣшилъ обратно въ Бэйтанъ и Тяньцзинъ, чтобы увидѣть великаго Ли Хунъ Чжана, который ожидался въ Тяньцзинѣ со дня на день.

По желанію Россіи, Ли Хунъ Чжанъ, бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ провинцій Гуанси и Гуандунъ, былъ вызванъ изъ Кантона для веденія мирныхъ переговоровъ и подъ покровительствомъ Россіи пріѣхалъ въ Таку, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ адмираломъ Алексѣевымъ.

Подполковникъ Ген. Шт. Агапѣевъ.

Ли Хунъ Чжанъ

За послѣднія 40 лѣтъ китайской жизни центральной личностью, которая имѣла на ходъ событій въ Китаѣ и съ которой иностранцамъ приходилось болѣе всего считаться и бороться и имя которой останется однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ мировой исторіи, оказался сынъ бѣднаго селянина Цао, проживавшаго въ одной изъ южныхъ провинцій Китая. Знатный мандаринъ Ли изъ города Хэфэй провинціи Аньху, усыновилъ этого Цао, который съ того времени сталъ носить фамилію своего воспріемника, поступилъ на службу и былъ уѣзднымъ начальникомъ чжисянь. Весной 1823 года у этого бѣднаго чиновника родился сынъ—будущій государственный канцлеръ имперіи. Молодой Ли Хунъ Чжанъ, вмѣстѣ со своими братьями, учился въ ямынѣ отца и выказалъ скоро такія способности и успѣхи въ знаніи китайской учености, что уже 24 лѣтъ былъ удостоенъ степени академика Ханьлинъ.

Во время возстанія тайпиновъ онъ былъ однимъ изъ секретарей у извѣстнаго мандарина Цзэнъ Го Фана, а затѣмъ въ своей провинціи Аньху собралъ отрядъ добровольцевъ, которыми сталъ командовать. Ли Хунъ Чжанъ оказался не только весьма ученымъ мандариномъ, но и храбрымъ воякой. Изъ его отряда была образована Хуайчуньская бригада, которою впослѣдствіи всегда пользовались при усмиреніи безпорядковъ въ Китаѣ.

Во время возстанія онъ былъ назначенъ даотаемъ въ Фуцзянь и затѣмъ провинціальнымъ судьею въ Цзянси. Но его самымъ серьезнымъ и отвѣтственнымъ постомъ въ то время было назначеніе губернаторомъ (футай) въ провинцію Цзянсу въ 1862 году.

Возстаніе тайпиновъ въ этомъ году принимало все большіе размѣры. Ever Victorious Army—„Всегда Побѣдоносная Армія“ англичанъ заняла Кадинъ, чтобы подавить бунтъ, и цзянсускій футай Сѣ сталъ устраивать экспедицію на Цайцанъ. Такъ какъ Сѣ не отличался быстротою и рѣшительностью дѣйствій, [illegible] мѣсто и былъ назначенъ Ли Хунъ Чжанъ футаемъ, и въ

лѣтъ онъ былъ извѣстенъ европейцамъ какъ Ли-футай. Человѣкъ, уже тогда привыкшій управлять и распоряжаться людьми, столкнулся съ такими дѣятелями, какъ Вордъ и Гордонъ. Вордъ, американецъ по происхожденію, искатель приключеній, но способный и честный малый, воодушевленный благородными побужденіями, былъ къ несчастью убитъ въ томъ бою, въ которомъ былъ снова отбитъ у бунтовщиковъ городъ Цзыки, возлѣ Нинпо. Военный инженеръ-капитанъ при англійскомъ экспедиціонномъ отрядѣ — впослѣдствіи знаменитый англійскій генералъ Гордонъ былъ назначенъ на мѣсто убитаго главнымъ командиромъ „Всегда Побѣдоносной Арміи", состоявшей изъ разныхъ любителей приключеній всякихъ національностей и содержавшейся на счотъ китайскаго правительства. Какъ военный — Гордонъ былъ храбрый офицеръ безъ страха и упрека, и ему пришлось испытать много затрудненій съ лукавымъ и ловкимъ Ли Хунъ Чжаномъ.

Первыя непріятности возникли изъ-за неакуратной уплаты жалованія иностранной арміи. Гордонъ долго терпѣлъ и, наконецъ, объявилъ Ли Хунъ Чжану, что если подобные порядки въ уплатѣ денегъ будутъ продолжаться, то онъ выведетъ изъ Китая ввѣренныя ему войска и сложитъ съ себя свои обязанности. Угроза Гордона подѣйствовала, но — какъ передаетъ разсказъ — Ли Хунъ Чжанъ сталъ съ того времени непримиримымъ врагомъ англійскаго командира.

Одинъ случай изъ этой войны рисуетъ Ли Хунъ Чжана какъ человѣка, способнаго не только на тонкую хитрость, но и на самое грубое коварство и вѣроломство. Когда Гордонъ былъ назначенъ командующимъ иностранными силами, тайпины рѣшили, что они будутъ имѣть дѣло только съ нимъ и его войсками, а не съ Ли Хунъ Чжаномъ. Осадивъ городъ Сучжоу, Гордонъ запросилъ осажденныхъ повстанцевъ, согласны ли они сдаться, выдать оружіе и вступить въ мирные переговоры, для того чтобы предотвратить ненужное кровопролитіе и прекратить возстаніе. Тѣ согласились, но подъ условіемъ, что всѣ жизни осажденныхъ будутъ пощажены. Гордонъ далъ свое честное слово. Едва только тайпины, на основаніи этого обѣщанія, сдались одному изъ китайскихъ офицеровъ, командированныхъ Ли Хунъ Чжаномъ, послѣдній приказалъ сейчасъ-же казнить всѣхъ сдавшихся. Возмущонный и оскорбленный тупкомъ, Гордонъ явился съ револьверомъ въ палатку кана, чтобы застрѣлить его, но тотъ успѣлъ скрыться. правительство посмотрѣло иначе на образъ дѣйствій

[illegible]

[illegible] хорошо освѣдом- [illegible] происходили въ китай- [illegible] время какъ китайское [illegible] номинально дѣлало огромныя военныя приготовленія, [illegible] по дешовой цѣнѣ то оружіе и боевые припасы, ко-

太子太傅文華殿大學士北洋通商大臣直隸總督一等肅毅伯李

Великій наставникъ Наслѣдника Престола, великій ученый дворца „Расцвѣтъ литературы", великій инспекторъ торговли Сѣвернаго океана, Чжилійскій вице-король, баронъ 1-ой степени

Ли Хунъ Чжанъ

торые заготовлялись заграницей для Китая и служили источникомъ для постоянныхъ и огромныхъ доходовъ китайскимъ мандаринамъ низшихъ и высшихъ ранговъ. Японцы прекрасно воспользовались обстоятельствами. Когда начались военныя дѣйствія, оказалось, что нѣкоторыя китайскія войска были вооружены деревянными ружьями, которыя не стрѣляли, а снаряды китайскихъ пушекъ были начинены не бездымнымъ порохомъ, а угольною пылью.

Въ рѣшительномъ сраженіи въ устьѣ рѣки Ялу китайскія военныя суда, снабженныя нестрѣлявшими орудіями и неразрывавшимися гранатами, совершенно не могли отвѣчать на огонь японскаго флота и были вынуждены либо сдаваться либо спасаться бѣгствомъ.

Несмотря на то, что китайская народная молва обвиняла во всѣхъ этихъ военныхъ неудачахъ и злоупотребленіяхъ Ли Хунъ Чжана, однако, онъ былъ командированъ въ Симоносеки для мирныхъ переговоровъ и подписанія тяжолаго и позорнаго договора, по которому японцы получили давно желанную колосальную контрибуцію, Формозу и нѣсколько новыхъ военныхъ судовъ китайскаго флота.

Въ Симоносеки на китайскаго мирнаго уполномоченнаго было сдѣлано японцемъ-фанатикомъ покушеніе. Ли Хунъ Чжанъ былъ легко раненъ въ щеку.

Въ маѣ 1896 года Ли Хунъ Чжанъ пріѣхалъ въ Москву и былъ представителемъ богдыхана Гуанъ Сюй на Св. Коронованіи Государя Императора. Въ Москвѣ и Петербургѣ Ли Хунъ Чжану и его свитѣ были оказаны величайшія почести и самое широкое русское гостепріимство. Тогда-же китайскимъ уполномоченнымъ и покойнымъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Лобановымъ-Ростовскимъ была подписана секретная оборонительная конвенція между Россіей и Китаемъ на случай повторенія нападенія Японіи на Китай.

Изъ Петербурга Ли Хунъ Чжанъ проѣхалъ въ Германію, былъ принятъ императоромъ и въ Карлсруэ навѣстилъ своего сотоварища по государственнымъ дѣламъ князя Бисмарка. Затѣмъ, китайскій путешественникъ объѣхалъ главныя государства Европы и Америки, всюду былъ встрѣченъ съ особымъ почотомъ, а особенно въ государствахъ, имѣющихъ торговые и промышленные интересы въ Китаѣ. Попутно онъ устраивалъ различныя торгово-политическія дѣла и сдѣлалъ заказъ германскому заводу Круппа на поставку огромнаго количества оружія для Китая.

Вернувшись обратно въ Пекинъ въ зенитѣ своей славы, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ покойнаго учрежденія „Цзунли-

ямынь", нынѣ преобразованнаго въ особое министерство иностранныхъ дѣлъ—„Вай бу". Благодаря зависти и интригамъ противъ него китайскихъ высшихъ мандариновъ, онъ нѣсколько разъ въ своей жизни терялъ свои должности, чины и высшіе знаки отличія. Послѣ дворцоваго переворота 1898 г. онъ снова впалъ въ немилость у двора и былъ назначенъ вице-королемъ провинцій Гуандунъ и Гуанси и имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Кантонѣ.

Когда въ 1900 году вспыхнуло возстаніе боксеровъ, союзныя войска взяли Пекинъ, китайское правительство, богдыханъ и дворъ бѣжали, то, по предложенію Россіи, Ли Хунъ Чжанъ былъ назначенъ главноуполномоченнымъ, вмѣстѣ съ принцемъ Циномъ, для веденія мирныхъ переговоровъ.

Однако, иски всѣхъ державъ, кромѣ Россіи, къ Китаю оказались непомѣрно велики и несогласны между собою. Ли Хунъ Чжанъ сумѣлъ обставить притязанія державъ такими затрудненіями, что переговоры затянулись на цѣлый годъ и завершились подписаніемъ мирнаго договора, тягостнаго и унизительнаго для Китая по формѣ, но въ сущности — являющагося шедэвромъ дипломатическаго искусства Ли Хунъ Чжана, ибо этотъ договоръ, налагая множество тяжкихъ обязательствъ на Китай, въ то же время не даетъ никакихъ средствъ или гарантій, что державы когда-нибудь увидятъ всѣ эти обязательства выполненными.

Черезъ два мѣсяца послѣ подписанія этого договора 25 октября 1901 г. и наканунѣ заключенія съ Россіей конвенціи по дѣламъ Маньчжуріи, Ли Хунъ Чжанъ скончался 78 лѣтъ отъ роду.

Въ лицѣ почившаго китайскаго государственнаго дѣятеля Россія потеряла своего вѣрнаго союзника, всегда полагавшаго, что въ силу историческихъ и географическихъ условій Россія является для Китая единственнымъ естественнымъ союзникомъ, съ которымъ онъ связанъ общей пограничной линіей въ 9000 верстъ и съ которымъ онъ не велъ ни одной правильной войны, если не считать грустнаго и случайнаго эпизода 1900 года. Въ случаѣ-же нарушенія мира и добрососѣдскихъ отношеній, благодаря той же необъятной пограничной цѣпи, сжимающей Китай отъ Тянь-Шаня до Амура и Артура, Россія можетъ оказаться для Китая самымъ опаснымъ и непреодолимымъ противникомъ.

Ли Хунъ Чжанъ былъ всегда сторонникомъ дружбы съ Россіей. Можно предполагать, что послѣ поѣздки въ Петербургъ и Москву, его довѣріе и расположеніе къ Россіи укрѣпились еще болѣе.

Несмотря на всѣ нападки, клеветы и подозрѣнія, которыми ино-

странцы и китайцы всегда покрывали имя „китайскаго Бисмарка“, онъ былъ до сихъ поръ единственнымъ дѣятелемъ, понимавшимъ пути, по которымъ должна была слѣдовать его родина въ нынѣшнюю эпоху своей исторіи.

Пути, намѣченные Ли Хунъ Чжаномъ, были слѣдующіе:— самое широкое развитіе торговыхъ и промышленныхъ связей съ Европой и Америкой, отъ чего Китай можетъ только выиграть;— преобразованіе и усиленіе военной силы Китая — и союзъ съ Россіей, дружба и покровительство которой должны быть покупаемы какой бы то ни было цѣной, какъ противовѣсъ притязаніямъ и посягательствамъ иностранныхъ народовъ на цѣлость и богатства Имперіи богдыхановъ.

Въ Пекинѣ. Угроза Англіи Китаю.

Дворецъ Хайфангунсо въ Тяньцзинѣ.

У канцлера Китайской Имперіи

9 Сентября

Прибывъ въ Тяньцзинъ и узнавъ о пріѣздѣ Ли Хунъ Чжана, я счолъ своимъ первымъ и священнымъ долгомъ просить у него аудіенціи.

Ли Хунъ Чжанъ жилъ во дворцѣ Хайфангунсо, построенномъ имъ на случай пріѣзда въ Тяньцзинъ императорскаго двора. При немъ состоялъ дипломатическій чиновникъ Коростовецъ, привезшій его изъ Таку. Для охраны были даны казаки Верхнеудинцы, бывшіе подъ командою сотниковъ Родкевича, Григорьева и Семенова.

Я снова поселился въ гостиницѣ „Astor-House“, которую покинулъ семь недѣль тому назадъ. Проблуждавъ между Тяньцзиномъ, Пекиномъ, Бэйтаномъ и Лутаемъ, я въ первый разъ послѣ похода привелъ себя, наконецъ, въ европейскій видъ.

Разгромленный Тяньцзинъ оживалъ изъ развалинъ. Улицы были полны китайцевъ и европейцевъ. Маршировали солдаты всякихъ

націй. Уличные торговцы кричали и джинрикши бѣгали взадъ и впередъ.

Въ Хайфангунсо я встрѣтилъ Леонида Ивановича Ліу, который въ маѣ бѣжалъ изъ Тяньцзина, послѣ сожженія боксерами Русско-Китайскаго училища, и теперь состоялъ переводчикомъ русскаго языка при Ли Хунъ Чжанѣ.

Я долженъ былъ представиться одновременно съ адъютантомъ генерала Церпицкаго поручикомъ Мельниковымъ, на котораго было

Охрана Ли Хунъ Чжана. Русскіе казаки и китайскіе солдаты.
Сотникъ Григорьевъ и дипл. чиновникъ Коростовецъ.

возложено порученіе передать привѣтствіе Ли Хунъ Чжану отъ начальника русскаго гарнизона въ Тяньцзинѣ генерала Церпицкаго, бывшаго въ Лутаѣ.

Леонидъ Ивановичъ проводилъ Мельникова и меня въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, уставленныхъ простой китайской мебелью.

Ожидая выхода великаго китайца, равнаго Бисмарку, я испытывалъ, вѣроятно, то же волненіе, что и Давидъ передъ встрѣчей съ Голіафомъ. Я придумывалъ самые умные вопросы, которые я задамъ канцлеру Китайской Имперіи, что
Ли Хунъ Чжана, какъ и Давидъ своей

Когда медленно, согнувшись и о

великій старецъ и съ трудомъ сѣлъ на диванъ, я почувствовалъ невольное благоговѣніе передъ тѣмъ, кто еще сорокъ лѣтъ назадъ усмирялъ тайпиновъ и прославился на весь міръ своимъ патріотизмомъ и мудростью. Я смутился и потерялъ все свое краснорѣчіе. Съ Конфуціемъ китайской политики нельзя говорить — его можно только слушать.

Ліу представилъ насъ обоихъ. Великій китаецъ развалился на диванѣ, курилъ длинную трубку, не обращая вниманія на слугу, который поправлялъ огонь въ трубкѣ, и глядѣлъ съ глубокимъ равнодушіемъ и даже можетъ быть съ презрѣніемъ на обоихъ юныхъ иностранцевъ, которые потревожили его покой и великія думы.

Ли Хунъ Чжанъ былъ очень старъ, дряхлъ, высокъ и грузенъ и все время кашлялъ. По лицу его можно было думать, что онъ тяжело страдалъ и отъ собственной болѣзни и отъ тѣхъ бѣдствій, которыя стряслись надъ его родиной. Подъ лѣвымъ глазомъ былъ виденъ шрамъ раны, нанесенной ему въ Японіи фанатикомъ японцемъ.

Поручикъ Мельниковъ передалъ привѣтствіе отъ генерала Церпицкаго, которое было переведено на китайскій языкъ Леонидомъ Ивановичемъ.

Ли Хунъ Чжанъ поблагодарилъ и поручилъ передать русскому генералу его отвѣтное привѣтствіе. Затѣмъ онъ повернулъ голову и направилъ на русскаго кореспондента проницательный, презрительно-скорбный взглядъ. Я окончательно смутился и чувствовалъ себя полнымъ ничтожествомъ.

О чемъ я могу говорить съ этимъ великимъ человѣкомъ, геніальности котораго было ввѣрено спасеніе Китая и примиреніе его со всѣми державами? Леонидъ Ивановичъ выручилъ меня.

Ліу доложилъ Ли Хунъ Чжану, что русскому журналисту было бы очень лестно и цѣнно узнать сужденіе Ли-чжунтана, т. е. канцлера Ли, о событіяхъ нынѣшняго года въ Китаѣ.

— Передайте ему,—сказалъ Ли Хунъ Чжанъ покитайски,— что нынѣшнія событія есть печальное недоразумѣніе какъ для насъ, такъ и для иностранцевъ. Особенно прискорбно то, что изъ-за этого недоразумѣнія, которое вполнѣ возможно было вовремя предотвратить, нарушились издавна дружественныя отношенія между Россіей и Китаемъ, которыя были вынуждены прибѣгнуть къ оружію другъ

й виновникъ всѣхъ этихъ событій?—спро-

— Князь Дуань и окружавшіе его министры. Вмѣсто того, чтобы пресѣчь вовремя всѣ волненія, они только еще болѣе раззадорили ихъ, покровительствуя ихэтуанцамъ. Они и должны быть отвѣтственны за происшедшія послѣдствія, но нельзя карать неповинный китайскій народъ, который былъ вовлеченъ въ бѣдствія своимъ собственнымъ невѣжествомъ.

— Дѣйствителенъ ли еще оборонительный договоръ, заключенный между Китаемъ и Россіей четыре года тому назадъ?

— Конечно, дѣйствителенъ. Я не слышалъ, чтобы договоръ былъ уничтоженъ. Россія не объявляла войны Китаю и она является единственной державой, съ которой мы можемъ о чемъ-либо договориться, которая относится благожелательно къ Китаю и не эксплоатируетъ насъ. Въ это трудное время я надѣюсь только на помощь и поддержку Русскаго Царя. Я увѣренъ, что только Русскій Императоръ поможетъ намъ выйти изъ настоящаго несчастія и примириться съ другими державами.

— Какое впечатлѣніе сохранилось у Ли-чжунтана о его поѣздкѣ въ Москву на Коронацію?

— Меня поразило величіе, богатства и сила Россіи. Москва прекрасный городъ. Я полагаю, что среди всѣхъ державъ Китай можетъ быть въ истинной дружбѣ и союзѣ только съ Россіей, и я бы желалъ, чтобы эта дружба и этотъ союзъ дѣйствительно и всегда существовали между обоими сосѣдними государствами.

— Что думаетъ Ли-чжунтанъ объ образѣ дѣйствій Германіи?

Лицо Ли Хунъ Чжана омрачилось и онъ отвѣтилъ:

— Я совершенно не понимаю, что германцамъ еще нужно. Посланники уже давно освобождены. Пекинъ взятъ и уже разграбленъ европейцами. Тяньцзинъ также. Никакихъ китайскихъ войскъ между Тяньцзиномъ и Пекиномъ нѣтъ и они никому не грозятъ. Императоръ и императрица уѣхали въ провинцію Шаньси. Что же германцы еще хотятъ. Ужъ не хочетъ ли графъ Вальдерзэ брать Пекинъ еще разъ?

— Я надѣюсь только на помощь Русскаго Царя, — сказалъ Ли Хунъ Чжанъ, подымаясь съ дивана и прощаясь.

Когда я возвращался изъ Хайфангунсо, всюду на улицахъ Тяньцзина встрѣчались германскіе патрули, караулы и часовые.

Гостиница „Astor House“ превратилась въ германскій штабъ. Въ общей столовой и во всѣхъ этажахъ гостиницы германскіе офицеры блистали своимъ великолѣпіемъ, всюду звучала германская рѣчь и гремѣли германскія шпоры.

Но съ кѣмъ пришли воевать воинственные и блистательные германцы, что хотѣли брать или кого хотѣли освобождать,— никому не было извѣстно.

Нѣсколько мѣсяцевъ германцы всетаки воевали, устраивали базы, отыскивали китайскія войска и запоздалыхъ боксеровъ, предпринимали жестокія карательныя экспедиціи, для наказанія ни въ чемъ неповинныхъ деревень, но къ чему они все это дѣлали—было неизвѣстно.

Неизвѣстнымъ осталось также, какимъ образомъ и для чего погибъ начальникъ ихъ штаба генералъ Шварцгофъ, сгорѣвшій въ Пекинѣ посреди дворцовъ, на глазахъ всѣхъ, въ несгораемомъ асбестовомъ домѣ.

Извѣстно только, что самъ фельдмаршалъ графъ Вальдерзэ былъ спасенъ изъ горѣвшаго дома—русскимъ офицеромъ Крикмейеромъ, подпоручикомъ Выборгскаго полка, состоявшимъ при фельдмаршалѣ.

Германцы въ Тяньцзинѣ.

Сорокъ лѣтъ назадъ

Сорокъ лѣтъ назадъ въ Китаѣ совершались событія, подобныя тѣмъ, что разразились въ 1900 году.

Англія и Франція были въ войнѣ съ Китаемъ и ихъ войска, подъ начальствомъ главнокомандующихъ—англійскаго генерала Гранта и французскаго Монтобана, подошли къ Пекину и готовились къ штурму столицы, такъ какъ китайцы не хотѣли принять ихъ ультиматума.

Россія оставалась нейтральной. Въ то время державы еще не имѣли своихъ постоянныхъ представителей въ Пекинѣ и Россія не пользовалась никакимъ вліяніемъ при Пекинскомъ правительствѣ.

При англо-французской арміи находился русскій посланникъ графъ Н. П. Игнатьевъ, командированный въ Пекинъ для разрѣшенія различныхъ русско-китайскихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на основаніи Тяньцзинскаго, Айгунскаго и прочихъ договоровъ. Прежде всего было необходимо добиться признанія Айгунскаго договора, который Китайское правительство отвергало какъ неправильно заключонный.

Еще въ 1859 году Китайское правительство смотрѣло на Россію и прочія великія державы какъ на неполноправныя вассальныя государства и поручало вѣдать дѣла съ ними той-же палатѣ Лифаньюань, которая вѣдала дѣла съ Монголіей и Маньчжуріей. Китайскіе министры оставляли безъ вниманія самыя энергичныя представленія русскаго посланника и съ такимъ пренебреженіемъ относились къ иностраннымъ представителямъ, что не позволили графу Игнатьеву выѣхать изъ Пекина и взяли подъ стражу американскаго посланника Уарда.

Съ такимъ правительствомъ и при соревно[illegible]ніи Франціи и Англіи графу Игнатьеву нужно было вести слож[illegible]
и добиться значительныхъ вы[illegible]

Въ распоряженіи русск[illegible]

войскъ, ни флота, чтобы произвести необходимое давленіе на пекинское правительство. Онъ могъ разсчитывать только на поворотъ событій и на свои собственныя дипломатическія способности.

Послѣ того какъ китайская армія была на голову разбита возлѣ моста Палицяо и богдыханъ съ высшими чинами правительства бѣжалъ изъ столицы, всѣ китайцы были въ смятеніи. Съ другой стороны, англичане и французы были также въ затрудненіи, не зная, съ кѣмъ и какъ начать мирные переговоры.

Гр. Игнатьевъ блестяще воспользовался всѣми преимуществами нейтральнаго положенія Россіи и сумѣлъ поставить себя въ такое выгодное положеніе между враждующими сторонами, съ которыми всѣми онъ сохранилъ самыя дружественныя отношенія, что и китайцы и союзники просили гр. Игнатьева быть ихъ посредникомъ для заключенія мира.

5 октября 1860 года, принимая китайскихъ сановниковъ, явившихся просить о посредничествѣ, графъ Игнатьевъ сказалъ имъ рѣчь, которая можетъ быть слово въ слово повторена черезъ сорокъ лѣтъ и основанія которой совершенно сходятся съ взглядами Ли Хунъ Чжана на русско-китайскія отношенія.

Доказавъ въ своей рѣчи справедливость требованій Россіи и описавъ могущество Русскаго Царя и то значеніе, которымъ онъ пользуется въ глазахъ европейцевъ, русскій посланникъ сказалъ:

— Россія всегда принимала въ васъ живѣйшее участіе. Она не разъ давала вамъ благіе совѣты и указывала, какъ избѣжать бѣдственнаго положенія, въ которомъ вы находитесь за послѣдніе годы. Но ваше правительство, вмѣсто того чтобы слѣдовать этимъ совѣтамъ, слушало совѣты всякихъ недостойныхъ людей. 11 мѣсяцевъ прожилъ я напрасно въ Пекинѣ, дѣлалъ многократныя предложенія, явно клонившіяся къ вашей же пользѣ, но вы не обратили на нихъ вниманія и, вѣроятно, скрывали ихъ даже отъ богдыхана. Что нужно думать послѣ вашего отказа принять предложенное Россіей и усовершенствованное оружіе и инструкторовъ? Россія можетъ жестоко наказать васъ за неисполненіе ея законныхъ требованій и отомстить за то невниманіе, съ которымъ вы отнеслись къ ея представителю. Ей ничего не стоитъ нанести вамъ неотразимый ударъ въ любое мѣсто вашего государства, соприкасающееся [illegible]чъ на протяженіи 10000 верстъ. Вамъ извѣстно, [illegible]ыхъ войскъ имѣетъ Россія,—извѣстно, что наша [illegible]чилійскомъ заливѣ, и всетаки Россія не только [illegible]ься вашимъ настоящимъ безвыходнымъ поло-

Первый русскій посланникъ въ Пекинѣ

Генералъ-Адъютантъ

гр. Н. П. Игнатьевъ

Третья часть

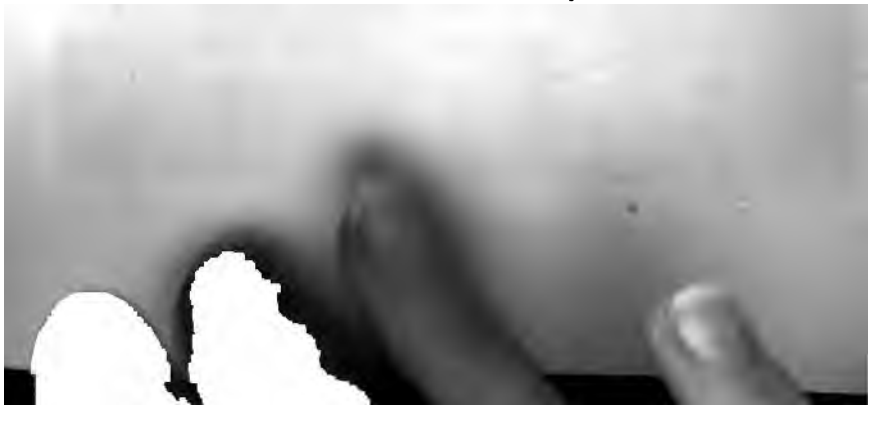
Мукденъ

Передъ стѣнами Мукдена.

И ли фу жень чжай
Фэй синь фу е
Ли бу шань е
И дэ фу жень чжай
Чжунъ синь юэ
Эръ чэнь фу е

Если покорять людей силою,
а не покорять сердцемъ —
сила ихъ не свяжетъ.
Если покорять людей добромъ,
они будутъ радоваться отъ сердца —
это будетъ искренняя покорность.

Мэнцзы.



Въ Южной Маньчжуріи

День Тезоименитства Царицы Маріи Ѳеодоровны—22-ое іюля—былъ днемъ замѣчательныхъ совпаденій въ исторіи русскихъ военныхъ дѣйствій 1900 года. Въ одинъ и тотъ-же день—въ Тяньцзинѣ русскія и союзныя войска начали рѣшительное наступленіе на Бэйцанъ и Пекинъ; въ Сѣверной Маньчжуріи русскіе заняли Айгунь, а въ Южной Маньчжуріи русскіе бомбардировали и взяли Инкоу.

Наша дорога въ Южной Маньчжуріи.

Говоря о портѣ Инкоу, называемомъ иностранцами обыкновенно Ньючжуаномъ, англо-китайскія и англо-японскія газеты очень часто замѣчаютъ, что Россія коварно и самовольно захватила договорный портъ и офиціально обѣщавшись возвратить его Китаю при утвержденіи въ немъ законнаго порядка вещей, повидимому, „забыла о своемъ обѣщаніи“.

Хотя со времени занятія Россіей Инкоу прошло 2 года, однако, едва-ли хоть одна иностранная газета станетъ утверждать, что всѣми ожидаемый и лелѣемый законный порядокъ вещей въ Китаѣ уже утвержденъ или можетъ быть такъ скоро достигнутъ. Пока-же въ городахъ внутренняго Китая находится хоть одинъ солдатъ иностранныхъ экспедиціонныхъ или окупаціонныхъ корпусовъ, для Россіи не представляется конечно никакихъ основаній выводить свои войска изъ Инкоу, который не только имѣетъ огромное военно-стратегическое значеніе для Маньчжуріи, но и является однимъ изъ конечныхъ пунктовъ выстроенной нами Китайской Восточной желѣзной дороги.

Кромѣ того иностранныя газеты вѣроятно недостаточно освѣдомлены относительно того, что благодаря быстрому занятію Инкоу Россіей, не только порядокъ не былъ нарушенъ въ этомъ порту, вслѣдствіе чего международная торговля могла безпрепятственно продолжаться, но и сами иностранцы, живущіе въ этомъ городѣ и напуганные дѣйствіями боксеровъ и китайскихъ властей, просили русскаго консула А. Н. Островерхова о скорѣйшемъ занятіи Инкоу Россіей.

Послѣ паденія Тяньцзина 30 іюня 1900 года, часть китайскихъ войскъ отступила по направленію къ Бэйцану, гдѣ и укрѣпилась, а другая часть вмѣстѣ съ боксерами ушла въ Лутай и Шанхайгуань, откуда стала угрожать Инкоу.

Боксеры, свирѣпствовавшіе по всей Маньчжуріи, въ большомъ количествѣ вошли въ китайскій кварталъ Инкоу и возбуждали китайское населеніе противъ иностранцевъ.

Къ половинѣ іюля положеніе дѣлъ въ порту стало весьма тревожнымъ. Иностранное населеніе охранялось русской охранной стражей полковника Мищенко, канонерской лодкой „Отважный“, которой командовалъ капитанъ 2 ранга Клапье-де-Колонгъ, и двумя японскими канонерками.

13-го іюля полковникъ Мищенко вышелъ на рекогносцировку пути въ Гайчжоу (Кайджоу), по которому должны были бѣжать китайскія войска, разбитыя нами въ Сюнъеченѣ (Синьюченъ). Встрѣ-

тивъ на пути китайскую импань, Мищенко потребовалъ выдачи оружія. Такъ какъ китайскій командиръ отказался выдать оружіе, то Мищенко приказалъ бомбардировать импань, изъ которой китайскіе солдаты бѣжали въ китайскую часть Инкоу.

Первое столкновеніе съ китайскими регулярными войсками возлѣ Инкоу вызвало панику среди населенія. Тысячи китайцевъ стали выселяться на джонкахъ. Китайскіе солдаты, бѣжавшіе въ городъ, начали его грабить и только благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ даотаемъ, грабежи были прекращены.

Китайскія военныя власти потребовали подкрѣпленій, которыя въ тотъ-же день пришли въ Инкоу изъ Тяньчжуантая и Эрдагоу. Нападенія со стороны китайскихъ солдатъ или со стороны боксеровъ на иностранный участокъ можно было ожидать ежеминутно. Желѣзная дорога, соединяющая Инкоу съ Дашицяо (Ташичао) и Портъ-Артуромъ, была испорчена китайцами. Наконецъ, былъ уничтоженъ и телеграфъ, и Ньючжуанъ оказался совершенно отрѣзанъ отъ сообщенія съ Артуромъ.

Положеніе иностранцевъ стало еще болѣе опасно, когда подполковникъ Карпенко, стоявшій въ русскомъ поселкѣ съ 2 ротами 7 Вост. Сиб. Стр. полка и 2 орудіями, былъ вызванъ въ Ташичао, гдѣ произошло вооружонное столкновеніе отряда полковника Домбровскаго, командира 11 Вост. Сиб. Стр. полка, съ китайскими войсками.

Встревоженные положеніемъ вещей иностранные консула явились къ русскому консулу Островерхову и выразили просьбу, чтобы русскіе немедленно приняли рѣшительныя мѣры и охранили городъ отъ нападенія китайцевъ. На вопросъ А. Островерхова, не будутъ-ли они имѣть что либо противъ, если русскія войска войдутъ въ Инкоу, всѣ консула отвѣтили, что не только ничего не имѣютъ противъ, но даже просятъ объ этомъ.

А. Н. Островерховъ и командиръ „Отважнаго“ Клапье-де-Колонгъ рѣшили немедленно отправить въ Портъ-Артуръ миноносецъ, на которомъ поѣхалъ секретарь русскаго консульства Х. П. Кристи съ донесеніями къ вице-адмиралу Е. И. Алексѣеву о необходимости принять экстренныя мѣры.

У береговъ Жолтаго моря русскія войска въ то время уже дрались на два фронта: въ Чжилійской провинціи, подъ начальствомъ генерала Линевича, и въ самой южной оконечности Южной Маньчжуріи — на Ляодунѣ, подъ начальствомъ генерала Флейшера и полковниковъ Домбровскаго и Мищенко. Портъ-Артуръ, какъ цен-

тральный и опорный стратегическій пунктъ, нуждался въ особой охранѣ.

Хотя для такого большого боевого фаса русскихъ войскъ было недостаточно, однако, адмиралъ Е. И. Алексѣевъ рѣшилъ помочь Ньючжуану и отправилъ туда еще канонерку и десантъ, которые прибыли въ назначенный пунктъ 17-го іюля.

Постройка желѣзнодорожнаго моста на нашей дорогѣ въ Южной Маньчжуріи.

Русскіе заняли Инкоу. Русскій таможенный флагъ.

Занятіе Инкоу Россіей

22 Іюля

Положеніе въ Инкоу стало еще тревожнѣе.

Китайскій даотай, управлявшій портомъ, не постѣснялся вывѣсить на улицахъ города подложную прокламацію Мукденскаго цзянцзюня, въ которой народъ призывался къ изгнанію и истребленію иностранцевъ. Даотай уже давно получилъ эту прокламацію противъ иностранцевъ, но не рѣшался показать ее народу. На улицахъ появились и другія прокламаціи, которыя возвѣщали объ избіеніи иностранцевъ, причемъ головы ихъ оцѣнивались въ 25 ланъ, но головы русскихъ были оцѣнены въ 50 ланъ, т. е. 70 рублей. Это для русскихъ могло быть даже лестно.

Для охраны иностранной части города была построена барикада, возлѣ которой поставлены русскіе часовые. Китайцы выстроили напротивъ свою барикаду и поставили въ разныхъ мѣстахъ своихъ [illegible] китайскихъ солдатъ въ городѣ было увеличено до

[illegible]ослалъ консуламъ письмо, для обсужденія [illegible]ѣданіе консуловъ. Даотай сообщилъ,

что согласно приказанію Мукденскаго цзянцзюня онъ долженъ войти въ соглашеніе съ консулами и потребовать, чтобы иностранцы не производили никакихъ военныхъ дѣйствій ближе 30 ли (15 верстъ) отъ города. Это обозначало, что русскіе должны были удалить изъ Ньючжуана свои войска и военныя суда. Къ счастью, въ тотъ же

Генералъ Флейшеръ.

день пришли на нашей канонерской лодкѣ „Гремящій“ войска и одна рота стрѣлковъ 7-го полка была поставлена для охраны иностраннаго участка.

Объ охранѣ и безопасности города болѣе всего хлопоталъ японскій консулъ Танабе. Изъ этого, а также изъ другихъ фактовъ можно вывести заключеніе, что, вслучаѣ если бы русскіе вовремя не подали военной помощи Инкоу, этимъ дѣломъ занялись бы японцы и прислали бы свои войска изъ Япо
съ которымъ они ведутъ большія ко

22-го іюля европейская часть Инкоу была неожиданно встревожена выстрѣлами боксеровъ и китайскихъ солдатъ, которые въ числѣ около 2 тысячъ человѣкъ рѣшились сдѣлать нападеніе на иностранцевъ.

Къ счастью, благодаря тому, что русскія войска вовремя прибыли изъ Дашицяо (Ташичао), атака китайцевъ была быстро отражена. Въ дѣлѣ принимали участіе: 4 роты, полубатарея, казаки, охранная стража и морской десантъ съ „Отважнаго“ и „Гремящаго“, подъ командою лейтенанта Плена, — всего около 1000 человѣкъ. Военными дѣйствіями командовалъ генералъ Флейшеръ.

Наши потери были ничтожны: 3 ранены и 1 контуженъ.

Городской валъ и форты, съ которыхъ китайцы пытались обстрѣливать европейцевъ, были бомбардированы нашими канонерками „Отважный“ и „Гремящій“. Обѣ японскія канонерки не принимали участія въ бомбардировкѣ, но выслали свой десантъ для охраны своего консульства и прилегающей части города.

Къ вечеру даотай, китайскія власти и всѣ солдаты и боксеры (изъ нихъ было перебито нѣсколько десятковъ человѣкъ) бѣжали. Наши войска заняли городъ, поставили свои караулы и подняли военный флагъ надъ китайской морской таможней.

23-го іюля, на разсвѣтѣ на крейсерѣ 2 р. „Забіяка“ въ Инкоу прибылъ главный начальникъ Квантунской области вице-адмиралъ Алексѣевъ.

Три недѣли передъ тѣмъ, когда былъ взятъ Тяньцзинъ, адмиралъ Алексѣевъ, совмѣстно съ другими союзными командирами, вводилъ гражданское управленіе, порядокъ и спокойствіе въ китайскихъ кварталахъ занятаго союзниками города.

Та-же задача предстояла адмиралу въ Инкоу, но только здѣсь вопросъ весьма усложнялся дипломатическими затрудненіями, ввиду того что Инкоу представляетъ открытый и договорный портъ, занимая который Россія должна была дѣйствовать на свой рискъ, имѣя дѣло съ международными трактатами, ревниво настроенными иностранными консулами и англо-китайской морской таможней.

Однако, всѣ затрудненія были искусно устранены.

Прежде всего адмиралъ Алексѣевъ издалъ къ китайскимъ жителямъ успокоительную прокламацію, въ которой приглашалъ ихъ вернуться къ мирнымъ занятіямъ и оказывать содѣйствіе русскимъ

[illegible]нсуламъ адмиралъ Алексѣевъ обратился съ [illegible] которомъ сообщалъ, что занятіе рус-

скими Инкоу имѣетъ исключительно временный характеръ, причемъ адмираломъ было дано увѣреніе, что права иностранцевъ ни въ чемъ не будутъ нарушены.

Это письмо произвело самое лучшее впечатлѣніе на всѣхъ консуловъ, которые успокоились относительно дальнѣйшихъ намѣреній Россіи въ Инкоу, сообщили, что доведутъ до свѣдѣнія своихъ правительствъ наши заявленія и обѣщали оказывать полное содѣйствіе временному русскому управленію въ Инкоу.

Лейтенантъ Пленъ и морской десантъ въ Инкоу.

Русская колонія въ Инкоу. На палубѣ „Бобра".

Русское градоначальство въ Инкоу

Когда по приказу генерала Флейшера надъ китайской таможней былъ спущенъ китайскій флагъ и поднятъ русскій, англійскій консулъ выразилъ свой протестъ заявляя, что таможенное зданіе есть частная собственность англійскаго подданнаго сэра Роберта Гарта, вслѣдствіе чего онъ находитъ, что русскій флагъ поднятъ незаконно.

Такъ какъ прекращеніе дѣятельности таможни совершенно не могло входить въ наши интересы, которые напротивъ требовали сохраненія самыхъ дружественныхъ отношеній съ иностранцами въ Инкоу, то адмиралъ Алексѣевъ обратился къ завѣдующему таможней комиссару Баура съ письмомъ, въ которомъ просилъ его попрежнему управлять таможней, такъ какъ русскія власти не намѣрены входить въ ея внутреннее устройство и распорядки и желаютъ, чтобы дѣла въ ней велись какъ и раньше. Ввиду бѣгства даотая, который имѣлъ право контроля надъ денежной отчотностью таможни, адмиралъ призналъ справедливымъ, чтобы было назначено спеціаль-

въ Пекинѣ вполнѣ одобрило г. Баура за то, что Ин-
таможня не прекратила своей дѣятельности, и признало
ражъ дѣйствій совершенно цѣлесообразнымъ и правильнымъ.
осъ о русскомъ флагѣ надъ англо-китайской таможней былъ
также удачно. Адмиралъ Алексѣевъ поручилъ разъяснить,
какъ русскіе временно замѣстили бѣжавшія китайскія
о они тѣмъ самымъ имѣютъ полное право спустить китай-
съ таможни, являющейся китайскимъ казеннымъ учре-
и поднять русскій флагъ и что этимъ нисколько не за-
частныя права собственности англійскаго подданнаго Сэра

йскій консулъ и таможенный комиссаръ нашли эти объ-
овершенно правильными—и русскій таможенный флагъ раз-
надъ таможней понынѣ.

въ 1895 году, въ войнѣ съ Китаемъ, японцы заняли
они первымъ долгомъ упразднили англо-китайскую импе-
морскую таможню, назначили своихъ чиновниковъ япон-
ами собирали пошлины съ китайцевъ и судовъ, посѣща-
Инкоускій портъ.

Россія и не объявляла войны Китаю, но силою обсто-
она была вынуждена занять Инкоу для охраны жизни
тва своихъ и иностранныхъ подданныхъ. Россія, по праву
огда поступить съ Инкоу также, какъ поступили японцы,
русскую таможню съ русскими чиновниками.

желая возбуждать конфликта съ иностранцами и прерывать
ость таможни съ одной стороны, а съ другой желая подтвер-
ципъ временнаго занятія порта, адмиралъ Алексѣевъ при-
обходимымъ сохранить китайскую императорскую таможню
мъ ея объемѣ и правахъ, причемъ онъ вошолъ въ согла-
г. Баура, что слѣдующія требованія Россіи будутъ соблю-
отчотность таможни будетъ контролироваться русскимъ чи-
; 2) комиссаръ и всѣ служащіе въ таможнѣ подчиняются
асти; 3) функціи бывшаго Хайгуаньскаго банка, имѣвшаго
таможней, будутъ возложены на отдѣленіе Русско-Китай-
ка въ Инкоу, въ которомъ въ качествѣ депозита будутъ
доходы таможни.

ставителемъ и для контроля со стороны Россіи—для ки-
мператорской таможни былъ назначенъ г. Шмидтъ, одинъ
вниковъ Русско-Китайскаго банка.

Инкоу существовала туземная таможня, управлявшаяся ки-

Инкоу и рѣка Ляохэ.

щенныхъ или поступающихъ на содержаніе управленія и благоустройства города и сноситься съ иностранными представителями.

Для поддержанія порядка на рѣкѣ Ляохэ и среди китайскихъ джонокъ назначена брандвахта, въ составѣ офицера и нижнихъ чиновъ, которымъ вмѣнено въ обязанность не допускать въ городъ джонокъ съ оружіемъ, китайскими солдатами и военными припасами.

Податной инспекторъ (онъ-же казначей) занимается сборомъ съ Китайскаго населенія какъ обычныхъ налоговъ и податей, такъ и тѣхъ, которые могутъ быть вновь установлены градоначальникомъ.

Судебная часть ввѣрена русскому городскому судьѣ и иностраннымъ консуламъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

Дѣла между русскими, китайцами и иностранцами, не имѣющими здѣсь своихъ консульскихъ представителей, а также дѣла, возникающія по обвиненію полиціей, разбираются—городскимъ судьей, который руководится кодексомъ смѣшанныхъ судовъ въ Китаѣ.

Дѣла между иностранцами, имѣющими въ Инкоу своихъ консуловъ, разбираются соотвѣтствующими консулами.

Дѣла по обвиненію иностранцевъ китайцами разбираются подлежащими консулами.

Дѣла по обвиненію китайцевъ иностранцами разбираются—городскимъ судьею.

Китайцы, обвиняемые въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, грабежахъ, военной контрабандѣ и пр., подлежатъ вѣдѣнію военнаго суда. Всѣ начальники отдѣльныхъ отраслей управленія назначаются и увольняются главнымъ начальникомъ Квантунской области.

Иностранцы и китайцы могутъ быть приглашаемы на службу градоначальникомъ. Средствами градоначальства являются доходы отъ сборовъ съ китайцевъ и доходы китайскаго отдѣленія морской таможни, вѣдающаго сборами съ китайскихъ джонокъ и товаровъ.

Адмиралъ Алексѣевъ назначилъ градоначальникомъ Инкоу русскаго консула, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго въ этотъ городъ—А. Н. Островерхова.

Выборъ оказался въ высшей степени удаченъ и оправдалъ не только надежды и довѣріе русскихъ, но и иностраннаго населенія, которое было чрезвычайно встревожено необыкновенными событіями, разразившимися надъ Инкоу. Знаніе новыхъ языковъ, знакомство съ мѣстными условіями и прекрасныя отношенія, ранѣе существовавшія между иностранцами и г. Островерховымъ, давали ему возможность справляться съ трудной задачей — перваго русскаго градоначальника въ международномъ договорномъ портѣ, имѣющемъ

„открытыя двери“. А. Островерховъ управлялъ городомъ 15 мѣсяцевъ. Его преемникомъ былъ назначенъ капитанъ II р. Эбергардъ.

Приказомъ адмирала Алексѣева командиръ канонерской лодки „Отважный“ капитанъ 2 р. Клапье-де-Колонгъ былъ назначенъ комендантомъ порта Инкоу. Благодаря его дипломатическому такту, стойкости и энергіи въ дѣйствіяхъ, русскіе интересы въ Инкоу нашли въ лицѣ кап. Колонга ревностнаго поборника. Онъ сумѣлъ поддерживать наилучшія отношенія не только съ иностранцами, но и съ китайцами, которые оказали разныя почести капитану Клапье, при его отъѣздѣ изъ Инкоу.

На почотномъ шолковомъ знамени китайцы вышили слѣдующую надпись въ честь отъѣзжавшаго коменданта:

„Великаго Русскаго Царя—начальнику силъ морскихъ, сухопутныхъ, пушечныхъ и лошадиныхъ: ваше строгое приказаніе облагодѣтельствовало много бѣднаго народа“.

Комендантъ порта Инкоу капитанъ II р. Клапье-де-Колонгъ.

Когда китайцы услышали и увидѣли, что русскіе вносятъ въ Инкоу, брошенный китайскими властями, опредѣленное управленіе и твердый порядокъ, они стали успокаиваться и снова возвращаться въ свои покинутыя фанзы. По Ляохэ и съ моря стали снова прибывать джонки съ товарами. Къ русской власти китайцы сразу стали относиться съ полнымъ довѣріемъ и даже начали просить, чтобы къ ихъ домамъ и магазинамъ ставились русскіе караулы, за что они хотѣли платить особое вознагражденіе.

Первымъ полиціймейстеромъ Инкоу былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Пересвѣтъ-Солтанъ, занявшій затѣмъ должность правителя канцеляріи градоначальника. Затѣмъ полиціймейстеромъ этого порта состоялъ поручикъ Стравинскій.

Для сохраненія порядка и безопасности въ городѣ была образована полиція изъ 75 стрѣлковъ, изъ которыхъ одинъ старшій. Кромѣ того назначены четыре околоточныхъ надзирателя.

Такъ какъ подобная охрана была бы недостаточна для города, занимающаго до 4 кв. верстъ и имѣющаго многочисленное населеніе

(до 100 тысячъ жителей лѣтомъ), то полиціймейстеръ Стравинскій образовалъ особую китайскую милицію, содержимую на счетъ мѣстныхъ купцовъ. Милиція теперь состоитъ изъ 200 пѣшихъ и 30 конныхъ охранниковъ, вооруженныхъ разнымъ старымъ китайскимъ оружіемъ, достаточнымъ противъ китайскихъ воровъ и грабителей.

Кромѣ того, въ интересахъ безопасности, китайцамъ было воспрещено гулять по улицамъ съ 9 часовъ вечера и до разсвѣта.

Еще въ первые дни пребыванія адмирала Алексѣева въ Инкоу, къ нему явилась депутація изъ китайскихъ богатыхъ купцовъ и знатныхъ горожанъ, которые принесли ему благодарность китайскаго населенія за водвореніе порядка въ брошенномъ властями городѣ и просили на будущее время покровительства и охраны.

Въ теченіе года китайцы имѣли много случаевъ убѣдиться, что русская власть умѣетъ не только быстро брать города, но и вносить въ нихъ порядокъ, судъ, расправу и давать надлежащую поддержку и защиту интересамъ трудового населенія.

По приказанію адмирала Алексѣева экспедиція подполковника Генке и лейтенанта Козлянинова спустилась внизъ по рѣкѣ Ляохэ, разсѣяла гнѣздо рѣчныхъ разбойниковъ-хунхузовъ и привела караванъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ китайскихъ джонокъ съ товарами. Борьба съ рѣчными хунхузами ведется до сихъ поръ. Можно считать, что главныя хунхузскія конторы, облагавшія своею данью джонки по рѣкѣ Ляохэ—нынѣ уже уничтожены.

Другимъ вниманіемъ русской власти къ нуждамъ туземцевъ—было пониженіе пошлинъ. Когда при морской таможнѣ было образовано русско-китайское отдѣленіе для сбора пошлинъ съ китайскихъ джонокъ, то пошлины взимались согласно тарифу морской таможни. Оказалось, что этотъ тарифъ по нѣкоторымъ статьямъ выше тарифа, установленнаго для джонокъ китайскими властями, хотя въ суммѣ пошлины, собиравшіяся даотаемъ, были гораздо выше, такъ какъ китайскіе чиновники вообще собирали налоги хищнически и нерѣдко увеличивали ихъ произвольными поборами. Весною 1900 года китайскіе купцы обратились съ ходатайствомъ къ русскимъ властямъ о пониженіи пошлинъ до уровня китайскаго „даотайскаго“ тарифа.

По представленію финансоваго комиссара Квантунской области И. Н. Протасьева, адмиралъ Алексѣевъ приказалъ, чтобы со всѣхъ ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ пошлины взимались по прежнему китайскому тарифу.

Неудивительно, что китайцы, живущіе въ Инкоу и получающіе большіе доходы отъ пребыванія русскихъ, цѣнятъ русское управле-

ніе городомъ и подносятъ русскимъ разные почотные зонтики, знамена и пр.,—и не слышно, чтобы они мечтали о скоромъ возвращеніи въ Инкоу бѣжавшихъ китайскихъ мандариновъ.

Говоря о культурной дѣятельности русскихъ въ Инкоу, необходимо отмѣтить плодотворные труды двухъ лицъ, послѣдовательно занимавшихъ должность городского судьи въ Инкоу—капитана А. Н. Разумовскаго и капитана А. Д. Дабовскаго, которые съ честью носили имя русскаго судьи и содѣйствовали поддержанію порядка, согласія и добрыхъ отношеній между русскими, иностранцами и китайцами въ этомъ порту.

Слѣдуетъ также упомянуть, что энергіей мѣстныхъ русскихъ военныхъ властей при управленіи 1 Вост. Сиб. Стр. бригады была воздвигнута первая православная церковь въ Инкоу—въ бывшей китайской кумирнѣ.

Городской судья капитанъ Дабовскій.

Одновременно съ военнымъ занятіемъ Южной Маньчжуріи шло и научное ознакомленіе съ краемъ. Нынѣ въ степяхъ, городахъ и дебряхъ Маньчжуріи работаютъ русскіе военные топографы и нерѣдко подъ выстрѣлами хунхузовъ составляютъ карту трехъ великихъ провинцій Маньчжуріи: Мукденской, Гиринской и Хэйлунцзянской.

Лейтенантъ Л. Л. Козлянивовъ, который, будучи командиромъ миноносца № 208, уже изучалъ рѣку Ляохэ въ 1900 г., весною слѣдующаго года проѣхалъ на джонкахъ эту рѣку отъ города Тунцзякоу, у границъ Монголіи, мимо Тѣлина, до ея устья и несмотря на тяжолыя условія путешествія, весенніе дожди, холода и вѣтры, не стѣсняясь присутствіемъ большихъ отрядовъ хунхузовъ, которые постоянно тревожили джоночные караваны, онъ сдѣлалъ гидрографическую съемку рѣки, опредѣлилъ астрономически 38 пунктовъ и производилъ попутно рѣчной промѣръ.

Въ іюнѣ 1901 г., приказаніемъ адмирала Алексѣева лейт. Козляниновъ былъ назначенъ командиромъ парохода „Самсонъ“ и получилъ приказаніе какъ можно выше подняться по рѣкѣ Ляохэ. 27

Русскій десантъ занимаетъ Шанхайгуань.

Тонку—Шанхайгуань

13 Сентября

Возвращаясь изъ Тяньцзина въ Портъ-Артуръ, я снова пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Тонку. Здѣсь, въ тылу дѣйствующей международной арміи русскіе и другіе союзники трудились не меньше, чѣмъ въ авангардѣ—въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ. Въ устьѣ Пэйхо ежедневно совершалась весьма важная и трудная работа по доставленію войскъ, боевыхъ припасовъ и продовольствія съ военныхъ и комерческихъ судовъ на рейдѣ—въ Тонку и далѣе на театръ военныхъ дѣйствій. Благодаря неизмѣнному волненію на рейдѣ Таку, благодаря бару въ устьѣ рѣки, постояннымъ отливамъ, приливамъ и сильнымъ вѣтрамъ, эта переправа съ моря на берегъ требовала очень много трудовъ, заботъ и бдительности. Хозяевами положенія въ Таку все врема были русскіе, благодаря тому что комендантомъ Таку былъ назначенъ по выбору адмираловъ союзной эскадры адмиралъ Веселаго, которому пришлось вынести на себѣ все это тяжолое и сложное дѣло организаціи десантовъ—въ самое горячее боевое время, въ теченіе іюня и іюля 1900 года, и въ такомъ важномъ стратегическомъ пунктѣ, каковымъ является устье Пэйхо—Таку.

Адмиралъ Веселаго былъ, кромѣ того, назначенъ начальникомъ отряда судовъ всѣхъ союзныхъ державъ въ рѣкѣ Пэйхо.

Вступивъ въ комендантство надъ Таку, адмиралъ Веселаго прежде всего озаботился приведеніемъ укрѣпленій Таку въ боевую готовность, что представляло большія затрудненія, вслѣдствіе того что большинство орудій на фортахъ было подбито. Для цѣлей перевозки десантовъ адмиралъ Веселаго воспользовался буксирными пароходами, а также найденными въ Тонку желѣзными баржами, выброшенными на берегъ вѣтромъ. По приказанію адмирала эти суда были исправлены, что дало возможность перевозить не только русскія войска, но и десанты союзниковъ, которые неоднократно обращались къ содѣйствію русскаго адмирала.

Китайское адмиралтейство въ Тонку, захваченное русскими, было спасено отъ разграбленія и приведено въ полный порядокъ. Русскія морскія власти возобновили въ адмиралтействѣ работы, которыя стали производиться нашими командами и бывшими китайскими мастеровыми. Китайцамъ за работу выдавался рисъ, захваченный нами въ Тонку. Какъ во время военныхъ дѣйствій, такъ и впослѣдствіи это адмиралтейство служило большимъ подспорьемъ для русскихъ и иностранныхъ военныхъ судовъ, выполняя для нихъ различныя работы.

По распоряженію русскаго коменданта, наши лодки „Бобръ“ и „Сивучъ“ и двѣ германскія лодки обстрѣляли китайскую импань, находившуюся въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Тонку и вооруженную 15 орудіями. Германскій десантъ подъ командою капитана 2 р. Поль взялъ импань, уничтожилъ орудія и захватилъ другую импань, въ которой китайцы хранили болѣе 10,000 ящиковъ пороха и около 1000 ящиковъ пироксилина и динамита. Такъ какъ сосѣдство такого огромнаго количества взрывчатыхъ матеріаловъ было чрезвычайно опасно для фортовъ и станціи Тонку, то командиру „Манджура“ капитану 2 р. Эбергардту было поручено уничтожить эти запасы. Это трудное дѣло было выполнено въ 10 дней.

Такимъ же образомъ, по распоряженію адмирала Веселаго англійскій контръ-миноносецъ „Fame“, имѣвшій наименьшую осадку среди другихъ судовъ соединеннаго отряда, уничтожилъ фортъ Коку, расположенный въ 12 верстахъ выше по Пэйхо и своими орудіями мѣшавшій безпрепятственному движенію по рѣкѣ между Тонку и Тяньцзиномъ.

Мѣстность вокругъ Тонку была долгое время неспокойна. Въ окрестныхъ деревняхъ бродили вооруженные отряды боксеровъ и

китайскихъ солдатъ. До начала іюля всѣ военныя суда, стоявшія въ устьѣ Пэйхо, днемъ и ночью были готовы къ бою, а люди по ночамъ спали у орудій не раздѣваясь, ожидая нечаяннаго нападенія.

27 іюля начальникъ нашей Тихоокеанской эскадры вице-адмиралъ Гильтебрандтъ, по случаю своей болѣзни, уѣхалъ въ Россію и замѣстителемъ его въ командованіи эскадрой былъ назначенъ адмиралъ Веселаго. Комендантомъ Таку былъ временно назначенъ капитанъ 1 ранга Доможировъ, который продолжалъ поддерживать съ иностранцами такія же дружественныя отношенія, какія были установлены его предшественникомъ. Комендантскимъ штабъ-офицеромъ при адмиралѣ Веселаго состоялъ лейтенантъ Балкашинъ.

Полное прекращеніе военныхъ дѣйствій въ устьѣ рѣки Пэйхо послѣдовало со времени взятія крѣпости Бэйтанъ.

Послѣ занятія Лутая, генералъ Церпицкій вмѣстѣ со своимъ отрядомъ вернулся обратно въ Бэйтанъ.

11 сентября генералъ Церпицкій снова двинулся въ походъ, по направленію къ Лутаю, съ цѣлью занять китайскую желѣзную дорогу Тонку-Шанхайгуань-Инкоу. Въ южной своей части, около Тонку, дорога была наполовину разрушена боксерами, но дальше на сѣверъ и путь и подвижной составъ были въ цѣлости. Кромѣ того представлялось чрезвычайно важнымъ заблаговременно захватить расположенныя вдоль дороги богатыя угольныя копи, для того чтобы китайцы не успѣли ихъ разрушить.

Отрядъ вовремя пришолъ въ Сіугочжань и находящіяся здѣсь копи каменнаго угля были спасены. На станціи желѣзной дороги оказался поѣздъ, на который были живо посажены три роты 6 Вост. Сиб. Стр. полка. Капитанъ 6 полка Коссовскій и поручикъ Васмундтъ повели поѣздъ. Съ этими ротами генералъ Церпицкій и командиръ 6-го полка полковникъ Манаевъ немедленно двинулись по желѣзной дорогѣ на станцію Таньшань, гдѣ находились огромныя желѣзнодорожныя мастерскія. Ночью въ пяти верстахъ отъ Таньшаня поѣздъ наскочилъ на пустыя платформы и потерпѣлъ кру-

шеніе. Наши стрѣлки отдѣлались ушибами, высадились изъ вагоновъ и пошли дальше походомъ. Въ Таньшанѣ была оставлена полурота для охраны поѣзда и воинскихъ вещей.

По дорогѣ стрѣлки имѣли перестрѣлку съ китайцами. Ночью отрядъ Церпицкаго подошолъ къ Таньшаню и сейчасъ-же овладѣлъ станціей, всѣми мастерскими и депо съ 26 локомотивами и 300 вагоновъ. Всѣ китайцы, служившіе на этой станціи, бѣжали. На слѣдующее утро генералъ Церпицкій приказалъ стрѣлкамъ исправить путь, испорченный наканунѣ крушеніемъ поѣзда.

14 сентября въ Таньшань прибылъ въ поѣздѣ весь отрядъ генерала Церпицкаго, состоявшій изъ 4 ротъ 6-го полка, 3 ротъ 7-го полка, 7 орудій и казаковъ—Верхнеудинцевъ и Читинцевъ.

Въ тотъ же день генералъ Церпицкій получилъ отъ коменданта крѣпости Шанхайгуань письмо, въ которомъ китайскій комендантъ выражалъ свою покорность и соглашался на всѣ условія сдачи крѣпости Шанхайгуань русскимъ.

Получивъ такое письмо о сдачѣ, начальникъ отряда рѣшилъ немедленно двинуться въ Шанхайгуань.

15 сентября русскій отрядъ былъ посаженъ на два поѣзда и снова тронулся въ путь. На станціяхъ Кайпинъ и Гуе русскіе захватили копи съ богатѣйшими залежами угля.

Всего русскіе захватили: 30 локомотивовъ, сотни вагоновъ и открытыхъ платформъ, великолѣпныя мастерскія, склады, депо, десятки тысячъ шпалъ и рельсъ, нѣсколько милліоновъ пудовъ каменнаго угля и всю желѣзную дорогу отъ Тонку до Шанхайгуаня.

19 Сентября

Въ то время какъ генералъ Церпицкій быстро и неутомимо подвигался вдоль желѣзной дороги къ Шанхайгуаню, на рейдѣ Таку совѣтъ адмираловъ международной эскадры обсуждалъ вопросъ о занятіи Шанхайгуаня морскими силами—со стороны моря.

Адмиралы постановили отправить 19 сентября къ Шанхайгуаню военныя суда разныхъ націй и ночью штурмовать Шанхайгуаньскіе форты, если китайцы отвергнутъ ультиматумъ и не сдадутъ фортовъ добровольно.

Защищонный со стороны моря минными загражденіями и прекрасными фортами съ новѣйшими орудіями, Шанхайгуань представлялся сильной крѣпостью и взять его было бы еще труднѣе, чѣмъ форты Таку, если бы китайцы пожелали оказать сопротивленіе. Поэтому противъ Шанхайгуаня была двинута сильная международная эскадра.

Желая всюду быть первыми, а главное—желая перехитрить

Вице-адмиралъ Скрыдловъ.

русскихъ, англичане завели особые переговоры съ комендантомъ Шанхайгуаня, отдѣльно отъ всѣхъ союзныхъ адмираловъ, предлагая ему сдать Шанхайгуань Англіи.

Хотя комендантъ еще 14 сентября сдалъ ввѣренную ему крѣпость генералу Церпицкому, однако, получивъ такое любезное предложеніе отъ англичанъ, онъ поспѣшилъ исполнить также ихъ желаніе, остроумно сдавая свою крѣпость во второй разъ.

19 сентября рано утромъ одно англійское военное вѣстовое судно подошло къ Шанхайгуаню. Англичане высадились на берегъ, подняли свой флагъ на одномъ изъ фортовъ и отправились занимать станцію желѣзной дороги—главную цѣль ихъ тайной высадки, но...

[illegible] [illegible] быстро [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] былъ [illegible] [illegible] Церпицкаго, который [illegible] [illegible].

Стрѣлки [illegible] изъ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] и всѣ [illegible] и водрузили надъ станціей русскій флагъ. Вся [illegible] отъ Пикоу до Шанхайгуана была въ рукахъ русскихъ.

Въ тотъ же день вечеромъ къ Шанхайгуану прибылъ изъ Портъ-Артура десантный отрядъ, предназначенный для занятія фортовъ и города. Десантъ состоялъ изъ 15-го и 16-го полковъ 4-ой Стрѣлковой Желѣзной бригады, только что прибывшей изъ Одессы, полуроты Квантунскихъ саперъ, 4 орудій, полусотни Верхнеудинцевъ и 3 командъ морскихъ минеровъ и сигнальщиковъ. Отрядомъ командовалъ начальникъ 4-ой Стрѣлковой бригады генералъ маіоръ Волковъ.

Войска были размѣщены на крейсерахъ Добровольнаго Флота „Москва“ и „Орелъ“ и на пароходахъ Китайской Восточной желѣзной дороги „Гиринъ“ и „Просперъ“. Отрядъ конвоировался крейсеромъ 1 р. „Россія“.

На рейдѣ передъ Шанхайгуанемъ уже стояло около 40 военныхъ судовъ Россіи и другихъ союзныхъ державъ. На фортахъ были подняты международные флаги. Въ 1 часъ ночи на шлюпкахъ нашей эскадры начали свозить русскій десантъ на берегъ. Черезъ четыре часа 3200 человѣкъ нашего десанта, въ полной боевой готовности, были уже доставлены на берегъ. На другой день была перевезена артиллерія, кавалерія и обозъ. Всѣми операціями высадки, произведенной въ блестящемъ порядкѣ и въ кратчайшее время, руководилъ новый начальникъ нашей Тихоокеанской эскадры вице адмиралъ Скрыдловъ.

Нашими войсками была безъ замедленія занята вся желѣзная дорога отъ Шанхайгуаня до Цзиньчжоуфу и далѣе до Инкоу. Чины 1-го Уссурійскаго Желѣзнодорожнаго батальона сейчасъ-же приступили къ исправленію желѣзнодорожнаго пути на всемъ протяженіи и къ устройству правильнаго движенія поѣздовъ.

Въ [illegible] 1900 года вся китайская желѣзнодорожная линія, [illegible] [illegible] залива, отъ Пикоу до Цзинь[illegible] [illegible] [illegible] далѣе внутрь страны—до Тянь[illegible] [illegible] [illegible] протяженіи около 600 верстъ принадлежала [illegible] [illegible] [illegible] въ завѣдываніи чиновъ Уссурійскаго [illegible].

Линія Янцунь—Тяньцзинъ—Шанхайгуань была Россіей вскорѣ безвозмездно передана германцамъ, которые передали ее англичанамъ.

Линія Шанхайгуань — Цзиньчжоуфу — Инкоу находилась въ вѣдѣніи и владѣніи Россіи два года. Чины Уссурійскаго батальона возстановили путь, мѣстами выстроили новое полотно, соорудили большой деревянный мостъ черезъ рѣку Далинхэ, завели акуратное движеніе поѣздовъ и привели дорогу въ такой блестящій видъ, что вскорѣ можно было ѣздить сплошнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ отъ Портъ-Артура до Пекина.

24 сентября 1902 года, на основаніи договора 26 марта того же года, Шанхайгуаньская линія была возвращена Россіей Китаю.

Нынѣ, съ окончаніемъ постройки Маньчжурской желѣзной дороги, эта линія вошла въ величайшую желѣзнодорожную цѣпь, связывающую Пекинъ съ Петербургомъ непрерывными звеньями рельсъ.

Вице-адмиралъ Алексѣевъ на форту въ Шанхайгуанѣ.

Начальникъ Южно-Маньчжурскаго отряда
Генералъ-Лейтенантъ
Д. И. Суботичъ

1 іюля китайцы неожиданно начали бомбардировку Благовѣщенска изъ города Сахалина, находящагося на противоположномъ берегу Амура. Бомбардировка продолжалась съ перерывами три недѣли и нанесла ничтожныя поврежденія Благовѣщенску, такъ какъ китайцы стрѣляли изъ старыхъ ружей и пушекъ. Жителей Благовѣщенска, раненыхъ и убитыхъ китайскими выстрѣлами, насчитывается не болѣе 10 человѣкъ. Но китайцамъ эта бомбардировка стоила дорого, такъ какъ окрестныя китайскія селенія и городъ Сахалинъ были сожжены въ наказаніе, а китайцы, жившіе въ Благовѣщенскѣ и сосѣднихъ деревняхъ, изгнаны и переправлены черезъ Амуръ. Во время этой переправы довольно много китайцевъ потонуло.

22 іюля нашими войсками былъ взятъ городъ Айгунь. Боевой колонной въ этомъ дѣлѣ командовалъ генералъ-лейтенантъ Суботичъ, бывшій начальникъ Квантунскаго полуострова.

Лѣтомъ и осенью въ Сѣверную Маньчжурію были двинуты различные русскіе военные отряды, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гродекова, для освобожденія Харбина, занятія главныхъ областныхъ городовъ Цицикара и Гирина и для успокоенія страны.

14 августа генералъ Суботичъ прибылъ въ Портъ-Артуръ и, по Высочайшему повелѣнію, назначенный начальникомъ Южно-Маньчжурскаго отряда, немедленно приступилъ къ организаціи похода на Мукденъ.

Пока столица Маньчжуріи оставалась въ рукахъ китайскихъ войскъ и боксеровъ, уже разсѣянныхъ въ Чжилійской провинціи, но еще не утратившихъ своей силы и вліянія въ Маньчжуріи,— на прочное возстановленіе мира, порядка и законности въ странѣ, граничащей съ Россіей на протяженіи около 9000 верстъ, было мало надежды.

Поэтому на отрядъ генерала Суботича была возложена задача— возможно скорѣе занять столицу Маньчжуріи, разсѣять китайскія войска и возстановить въ странѣ спокойствіе, законную власть и мирную дѣятельность.

Такъ какъ Маньчжурія и безъ того была потрясена мятежомъ и неистовствами боксеровъ, сожженіемъ и разореніемъ многихъ богатыхъ городовъ и деревень, особенно въ сѣверныхъ областяхъ, отъ-
ихъ во время военныхъ дѣйствій,—то согласно Высочай-
лѣнію, генералъ Суботичъ поставилъ своею цѣлью осво-

шить походъ на Мукденъ въ самое короткое время, предохраняя страну отъ разоренія.

Въ этомъ смыслѣ, передъ выступленіемъ въ походъ, имъ были изданы въ Портъ-Артурѣ слѣдующіе два приказа.

Приказъ отъ 5 сентября:

„Войска Южно-Маньчжурскаго отряда! На нашу долю выпала завидная честь нанести рѣшительный ударъ мятежнымъ китайскимъ ополченіямъ, сосредоточившимся въ городѣ Мукденѣ и въ возведенныхъ около него укрѣпленіяхъ.

„Опытъ недавнихъ боевъ подъ Айгунемъ, Хайларомъ, Цицикаромъ, Тяньцзиномъ и Пекиномъ указалъ, что китайскія войска, несмотря на свою многочисленность и современное отличнаго качества оружіе, не могутъ противостоять дружному натиску дисциплинированнаго и твердо руководимаго русскаго воинства, проникнутаго высокимъ понятіемъ о долгѣ передъ Царемъ и Отечествомъ и сознаніемъ воинской чести.

„Послушные волѣ нашего обожаемаго Государя Императора, мы съ твердой вѣрой въ Бога и успѣхъ русскаго оружія выступаемъ въ походъ.

„Цѣль нашихъ дѣйствій—самый рѣшительный разгромъ враждебныхъ, сопротивляющихся намъ, мятежныхъ китайскихъ войскъ и умиротвореніе края, мирное населеніе котораго само страдаетъ отъ своихъ-же мятежниковъ.

„Помните, что полную увѣренность въ успѣхъ при предстоящихъ намъ боевыхъ столкновеніяхъ надо строить не на недостаткахъ только непріятеля, а на строгомъ, неуклонномъ поддержаніи всѣми начальниками дисциплины и порядка въ своихъ частяхъ, разумномъ и точномъ выполненіи указанныхъ уставами и опытомъ всѣхъ мѣръ охраненія на мѣстѣ, въ походѣ и въ бою.

„Указанную старшимъ начальникомъ боевую задачу должно неуклонно и самоотверженно доводить до конца, памятуя, что китайцы, любящіе прибѣгать къ обманамъ, вѣроломству и засадамъ, рѣшительной атаки не выдерживаютъ, а при нападеніяхъ, встрѣтивъ спокойное, упорное сопротивленіе, очень быстро теряютъ весь свой пылъ и обращаются въ бѣгство.

„Глубоко вѣрю, что всѣ чины отряда напрягутъ всѣ силы для наилучшаго достиженія поставленной намъ свыше цѣли и оправдаютъ надежды, возлагаемыя на насъ Государемъ и Россіей.

„Громя и разсѣивая сопротивляющіяся намъ китайскія войска и мятежниковъ, ввѣренный мнѣ отрядъ долженъ быть въ то-же

Въ походъ на Мукденъ.
Военный обозъ въ Маньчжурской деревнѣ.

Отрядъ генерала Суботича

12 Сентября

Начальникъ Южно-Маньчжурскаго отряда генералъ-лейтенантъ Суботичъ 8-го сентября прибылъ моремъ въ Инкоу и въ тотъ же день направился по желѣзной дорогѣ въ Хайченъ, гдѣ были собраны слѣдующія войска его отряда:

1-й В.-С. Стрѣлковый полкъ. 2-й В.-С. Стр. полкъ. 11-й В.-С. Стр. полкъ. 1 батальонъ 15-го В.-С. Стр. полка. 14-й Стрѣлк. полкъ. 2 роты Охранной стражи. 1 мортирная батарея В.-С. Артилерійскаго дивизіона. 3-я батарея 2-й В.-С. Артилерійской бригады. 2 сотни Охранной стражи и полсотня 5-й сотни 1-го Верхнеудинскаго полка. 1-я Забайкальская Казачья батарея. Квантунская Саперная рота и половина 3-го Летучаго парка. Всего: 47 ротъ, 28 орудій, $2^1/_2$ сотни и $^1/_2$ парка.

Съ этими силами былъ предположенъ походъ на Мукденъ. Для охраны тыла и сообщеній были оставлены слѣдующія части: въ Инкоу—3 роты 3-го В.-С. Стр. полка; 4 орудія 2-й батареи 1-й В.-С. Арт. бригады; $^1/_2$ 5-й сотни 1-го Нерчинскаго полка.

Въ форту Ляохэ—4 легкихъ орудія и 2 пулемета.

Въ Кайчжоу—1 рота 3-го В.-С. Стр. полка и 4 орудія 1-й В.-С. Артил. бригады.

Въ Сеньюченѣ: полурота 3-го В.-С. Стрѣлковаго полка.

Въ Хайченѣ и по этапамъ оставленъ 2-й В.-С. Стрѣлковый полкъ, въ которомъ послѣ тяжолаго похода на Пекинъ около 500 нижнихъ чиновъ переболѣли дизентеріей. Храбрый командиръ полка полковникъ Модль, отличившійся со своими ротами при занятіи Бэйцана, Янцуня и Пекина, былъ назначенъ комендантомъ Хайчена и начальникомъ этапной линіи. 15-й Стрѣлковый полкъ и 2 роты 14-го Стрѣлковаго полка оставлены по этапамъ.

Хайченъ, какъ и всѣ китайскіе города, обнесенъ старыми кирпичными стѣнами, имѣетъ квадратную форму, около 2 верстъ въ длину и ширину. Этотъ городъ былъ важнымъ торговымъ пунктомъ между Инкоу и Ляояномъ. Въ 4 верстахъ отъ города находится уничтоженная лѣтомъ боксерами станція желѣзной дороги, отъ которой теперь видны однѣ стѣны и обломки. Въ то время станція Хайченъ являлась конечнымъ пунктомъ движенія поѣздовъ Маньчжурской жел. дороги отъ Портъ-Артура (около 300 верстъ). Далѣе дорога была разрушена.

По прибытіи въ Хайченъ начальникъ отряда генералъ Субботичъ приказалъ сейчасъ же своимъ войскамъ готовиться въ походъ. При этомъ была принята весьма цѣлесообразная мѣра, облегчившая солдатамъ трудности похода и содѣйствовавшая тому, что боевой переходъ въ 110 верстъ отъ Хайчена до Мукдена былъ сдѣланъ въ 7 дней. Именно, каждому солдату кромѣ ружья, патроновъ и ружейныхъ принадлежностей, было приказано взять съ собою только шинель, двѣ смѣны бѣлья, походную палатку и котелокъ для варки пищи. Остальныя же тяжолыя вещи: мундиръ, шаровары и сапоги—оставлены временно въ Хайченѣ, въ особомъ складѣ. Двуколки, которыя везли мундирную одежду, освободились благодаря этой мѣрѣ и были употреблены для болѣе быстрой подвозки продовольствія войскамъ.

Пока готовились къ походу, было получено извѣстіе отъ китайцевъ, что Мукденскій Цзянцзюнь передалъ командованіе надъ Маньчжурскими регулярными войсками, бывшими подъ его начальствомъ, генералу Шоу. 6,000 человѣкъ этихъ войскъ, обученныхъ германскими инструкторами, стояли въ такъ называемомъ Старомъ Ньючжуанѣ, въ составѣ пѣхоты, кавалеріи и артилеріи, въ разстояніи около 25 верстъ отъ Хайчена. Главныя силы, въ кон-

Рота 1-го Его Императорскаго Величества Вост.-Сиб. Стрѣлк. полка.

Въ Ньючжуанѣ.

чествѣ 14,000 чел., стояли въ Хайсяньцзюнѣ. 2,000 чел. стояли по рѣкѣ Ляохэ, въ Циньчжуаньтаѣ, откуда они скоро ушли.

Первымъ дѣломъ нашихъ войскъ было занятіе Ньючжуана. По приказанію начальника отряда генералъ-маіоръ Флейшеръ выступилъ для занятія этого города 10 сентября, съ слѣдующими силами: 1, 3 и 11 В.-С. Стр. полки, 1 батарея В.-С. С. дивизіона, 2 орудія 1 Казачьей батареи, 4 и 5 сотни 1 Верх. каз. полка и полроты Квант. саперн. роты. Всего 6 батальоновъ, 10 орудій, 2 сотни и полроты саперъ.

Отрядъ генерала Флейшера подошолъ къ Ньючжуану на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Замѣтивъ наступленіе русскихъ, китайцы открыли по нашимъ войскамъ ожесточонный огонь изъ-за стѣнъ города и сосѣднихъ деревень. Наши отвѣчали орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Перестрѣлка длилась все утро. Китайцевъ выбивали изъ каждой деревни. Когда вошли въ Ньючжуанъ, онъ былъ уже покинутъ войсками и жителями. Въ этомъ дѣлѣ были легко ранены: подпор. 1-го полка Элерцъ, поручикъ 3-го полка Малишевскій, 19 нижнихъ чиновъ; контужены: старшій врачъ 3-го полка Лисевичъ и 4 нижн. чина. Убитъ 1 стрѣлокъ. Когда ночью, еще до боя, отрядъ сталъ бивакомъ, онъ оказался въ 2 верстахъ отъ противника. Съ разсвѣтомъ китайцы стали стрѣлять по нашимъ изъ-за гаоляна, въ 50 шагахъ. Преслѣдовать ихъ въ морѣ гаоляна было невозможно.

Доктору Лисевичу приходилось перевязывать раненыхъ подъ пулями. Болѣе всего пострадалъ 3-й полкъ, который зато вошолъ первымъ въ Ньючжуанъ. Со взятіемъ Ньючжуана нашъ тылъ былъ внѣ опасности.

12 сентября генералъ Суботичъ со своими войсками началъ наступленіе на Мукденъ, для чего было необходимо послѣ взятія Ньючжуана занять Аньшаньчжаньскія горныя высоты, на которыхъ китайцы воздвигли свои оборонительныя позиціи.

Горы Аньшань.

Аньшаньчжань

13 Сентября

Въ дѣлѣ подъ Аньшаньчжанемъ противникъ былъ побѣжденъ искуснымъ маневромъ Южно-Маньчжурскаго отряда, благодаря чему наши войска избѣжали потерь, а китайцы въ смятеніи бѣжали, оставя намъ свои крѣпкія позиціи на горахъ Аньшань и открывъ дорогу на равнину при рѣкѣ Шахэ.

Мѣстность Аньшань представляетъ приподнятое плоскогорье, богато засѣянное гаоляномъ и просомъ и ограниченное съ сѣвера и востока цѣпью горъ, издали очень похожихъ на горбы верблюда или на сѣдла, почему русскіе офицеры называли эти горы „Верблюдами", а китайцы „Сѣдельными горами" — „Аньшань". Въ проходѣ между горами находилась прежде почтовая станція „Аньшаньчжань", которую русскіе желѣзнодорожники окрестили въ „Аньсяньцзянь", а теперь всѣ дали ей рыбье названіе „Айсазанъ".

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ китайцевъ, генералъ Шоу бѣжалъ со своими войсками, въ количествѣ около 6000, отъ Ньючжуана, гдѣ онъ былъ разбитъ генераломъ Флейшеромъ, на высоты Аньшань, гдѣ соединился съ 14,000 китайскихъ войскъ, бывшими подъ начальствомъ ненавистника русскихъ, мукденскаго фудутуна губернатора Цзинь Чана. На Аньшаньскихъ горахъ фу-

дутунъ поставилъ своихъ 32 орудія новѣйшихъ системъ: дальнобойныя орудія Круппа и скорострѣлки Максима. Въ резервѣ у фудутуна Цзинь Чана и генерала Шоу находилось еще 10,000 человѣкъ, всего-же подъ начальствомъ этихъ двухъ предводителей было 60 батальоновъ — лянцзъ, что составляетъ 30,000 китайскихъ солдатъ, обученныхъ германскими и китайскими инструкторами, вооруженныхъ лучшей артилеріей, чѣмъ наша, и предназначенныхъ для защиты Мукдена и Южной Маньчжуріи отъ нападенія русскихъ.

Генералъ Артамоновъ.

Планъ для очищенія Аньшаньскихъ горъ, преграждающихъ путь на Мукденъ, отъ китайскихъ войскъ, состоялъ въ слѣдующемъ: войска раздѣлены на три колонны, которыя должны произвести атаку на Аньшань съ трехъ сторонъ: запада, юга и востока. Генералъ Флейшеръ со своими силами долженъ двинуться изъ Ньючжуана прямо на Аньшань и 13 сентября утромъ ударить съ запада на правый флангъ китайцевъ. Это была лѣвая колонна. Правая колонна полковника Мищенко должна была одновременно ударить на лѣвый флангъ противника.

Въ то же время должны были наступать главныя силы, подъ начальствомъ полковника Артамонова.

12-го сентября главныя силы, во главѣ съ начальникомъ Южно-Маньчжурскаго отряда двинулись изъ Хайчена и сосредоточились въ 8 верстахъ отъ Хайчена, по пути въ Аньшаньчжань, до котораго оставалось около 22 верстъ.

На востокѣ тянутся синія зубчатыя горы. На сѣверѣ, выше другихъ горъ, подымаются двѣ горбатыя горы, раздѣленныя переваломъ. Это два верблюда „Аньшаньчжань"—цѣль нашего похода.

13 сентября къ 9 часамъ утра всѣ три колонны явились на предназначенные пункты.

Генералъ Шоу.

Главныя силы подошли къ селенію Фуцзоу, передъ холмомъ „Драконовъ Кряжъ". Позади возлѣ мѣстечка „Синетуя", уполномоченный Кр. Креста С. В. Александровскій устроилъ перевязочный пунктъ. Наша артилерія, произведя очень смѣлую артилерійскую развѣдку, подъ начальствомъ полковника Мищенко, стала на позицію и начала сейчасъ же громить китайскія укрѣпленія, возведенныя на противоположныхъ горахъ.

Китайцы, повидимому, соображали движенія противника и молчали. На своихъ высокихъ позиціяхъ съ Круппами, Максимами и Маузерами, они считали себя неприступными.

Правая колонна полк. Мищенко стала обходить китайцевъ съ востока, наступая на „Правый горбъ лѣваго верблюда".

Лѣвая колонна генерала Флейшера вовремя пришла изъ Ньючжуана и обходила съ запада, со стороны холма Цзиньцзятай. Преслѣдуя отступающаго генерала Шоу, генералъ Флейшеръ долженъ былъ выбивать китайскихъ солдатъ изъ каждой деревни, которыя были по пути. Вмѣстѣ съ отрядомъ шолъ все время летучій санитарный отрядъ, состоявшій изъ 1 врача и 2 братьевъ милосердія. Это былъ первый опытъ примѣненія подобныхъ летучихъ отрядовъ. Задача ихъ быть тамъ, гдѣ идетъ бой, и подавать немедленную помощь раненымъ. Находясь все время при авангардѣ, этотъ отрядъ оказывалъ весьма цѣнную услугу нашимъ войскамъ при взятіи Ньючжуана и затѣмъ сопровождалъ колонну генерала Флейшера до Аньшаньчжаня.

Укрѣпившись на высотахъ, построивъ траншеи и ложементы, китайцы имѣли своимъ лѣвымъ флангомъ кумирню, въ которой тоже укрѣпились и засѣли. Видя, что значительныя силы русскихъ начали обстрѣливать фронтъ, а правая колонна наступаетъ уже на кумирню, китайцы неожиданно замѣтили лѣвую колонну, которая наступаетъ на ихъ правый флангъ и грозитъ зайти имъ въ тылъ. Это непріятное открытіе произвело смятеніе среди китайцевъ. Они поняли, что если они промедлятъ, они будутъ окружены кольцомъ русскихъ. Сдѣлавъ нѣсколько безполезныхъ усилій обстрѣлять наши фланги, китайцы поспѣшно забрали своихъ „Крупповъ“ и „Максимовъ“ и, спустившись съ высоты, бѣжали по направленію къ сѣверовостоку, на Ляоянъ.

Къ сожалѣнію, въ распоряженіи начальника отряда было такъ мало кавалеріи, что о дѣйствительномъ преслѣдованіи китайцевъ не могло быть и рѣчи. Ихъ догоняли только наши пули и шрапнели. Несмотря на свое поспѣшное отступленіе, китайцы уходили въ такомъ порядкѣ, такъ стройно для китайцевъ, маневрируя отдѣльными отрядами, что можно было ожидать, что въ слѣдующемъ столкновеніи съ русскими они такъ легко не отдадутъ своихъ позицій. Бой не замедлилъ разыграться на слѣдующій день при деревнѣ Шахэ.

Къ 2 часамъ дня ниодного китайскаго солдата не было на высотахъ. Потери китайцевъ неизвѣстны. Мы потеряли только 4 нижнихъ чиновъ ранеными.

Вечеръ этого дня, когда были такъ легко взяты сильныя позиціи, омрачился прискорбнымъ событіемъ. Во время развѣдки былъ на смерть раненъ въ животъ командиръ [illegible]ной стр[illegible] штабсъ-капитанъ Страховъ.

Рѣка Шахэ.

Бой при Шахэ

14 Сентября

На слѣдующій день генералъ Суботичъ со всѣмъ своимъ отрядомъ продолжалъ наступленіе. 14-го сентября, въ 6 час. утра двинулся впередъ летучій отрядъ полковника Мищенко. За авангардомъ двинулись главныя силы Южно-Маньчжурскаго отряда, при которыхъ находился генералъ Суботичъ. Подвижные лазареты Кр. Креста, подъ руководствомъ С. В. Александровскаго, шли за войсками передъ обозомъ. Колонна генерала Флейшера, въ виду переутомленія солдатъ, совершившихъ за три дня передъ тѣмъ походъ на Ньючжуанъ, была оставлена на бивакѣ, на одинъ день для отдыха.

Мѣстность за Аньшаньскими высотами—холмиста, коегдѣ затоплена, мѣстами орошена рѣчонками, которыя теперь на половину высохли. Кругомъ непроходимый красный гаолянъ, въ которомъ тонетъ всадникъ съ лошадью, мѣстами желтая чумиза и наше просо. Коегдѣ на холмахъ шумятъ вѣчнозеленыя сосны.

раво отъ движенія войскъ, въ 2—3 верстахъ отъ насъ, съ
ка на югъ тянутся остроконечныя синія горы, съ мно-
инъ, которыя подымаются до 150—200 саженъ.

Горы заняты китайскими войсками, которыя виднѣются темными подвижными пятнами и сверкаютъ на солнцѣ оружіемъ.

Полковникъ Мищенко быстро двинулся впередъ со своимъ летучимъ отрядомъ и уже черезъ 2 часа, возлѣ деревни Шахэ у него завязалась перестрѣлка съ китайцами, которые засѣли на небольшой горкѣ. Полковникъ Мищенко обстрѣливаетъ гору, выбиваетъ китайцевъ и занимаетъ эту позицію, но попадаетъ подъ перекрестный огонь китайцевъ, которые изъ своихъ орудій стрѣляютъ по немъ съ сѣверныхъ и восточныхъ горъ. Положеніе отряда Мищенко оказывается весьма критическимъ и онъ посылаетъ тревожное донесеніе въ главныя силы, прося поддержки.

Генералъ Суботичъ немедленно отправляетъ впередъ колонну полковника Артамонова и снимаетъ съ бивака колонну генерала Флейшера, которому приказано слѣдовать за главными силами. Войска быстро наступаютъ.

Непосредственно за главными силами шолъ подвижной лазаретъ Кр. Креста, съ врачами, сестрами и братьями милосердія, готовый каждую минуту разбить палатки и открыть свою дѣятельность. Благодаря предусмотрительности С. В. Александровскаго и большимъ средствамъ, которыя были ассигнованы Обществомъ Краснаго Креста, ввѣренный ему санитарный отрядъ имѣлъ прекрасные лазареты, богато снабженные всѣмъ необходимымъ и сослужившіе большую службу въ Южно-Маньчжурскомъ отрядѣ. Если бы Печилійскій отрядъ вовремя воспользовался этими готовыми лазаретами, число больныхъ и умершихъ отъ ранъ было бы гораздо меньше на Печилійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ виду тревожнаго положенія отряда Мищенки, по приказанію генерала Суботича, 2-я батарея 1-й бригады отправляется впередъ спѣшно на рысяхъ и обгоняетъ всю пѣхоту. До полковника Мищенко нужно было пройти около 7—9 верстъ.

Утренняя свѣжесть смѣнилась знойнымъ днемъ. Шли по узкой дорогѣ, задыхаясь отъ жары, пыли и духоты. Эти узкія, извилистыя проселочныя дороги между стѣнами гаоляна представляютъ душные коридоры, въ которыхъ при безвѣтріи нечѣмъ дышать. Переднія части войскъ еще могутъ идти почти свободно, но заднія части прямо страдаютъ отъ пыли и отсутствія притока свѣжаго воздуха. Идя въ сплошномъ гаолянѣ отдѣльные отряды сбивались съ пути и не видѣли другъ
такихъ условіяхъ было очень тр
что въ морѣ гаоляна разъ

только черезъ нѣсколько часовъ нашолъ дорогу и присоединился къ главнымъ силамъ.

Когда полковникъ Артамоновъ подошолъ со своей колонной къ отряду полковника Мищенки, положеніе небольшого отряда, оборонявшагося на этомъ пунктѣ и далеко отбившагося отъ своихъ, было довольно тяжолое. Видя кучку русскихъ, забравшихся на горку далеко отъ главныхъ силъ, китайцы сосредоточили на этой кучкѣ весь свой огонь ружейный и орудійный. Они стрѣляли изъ сосѣд-

Генералъ Нищенковъ.

ней деревни и изъ-за насыпи желѣзной дороги слѣва, съ горныхъ высотъ спереди, справа, даже зашли въ тылъ и стрѣляли съ высотъ сзади. Чтобы не быть окончательно окружоннымъ китайцами, Мищенко отправляетъ горсть конныхъ и пѣшихъ стражниковъ, подъ начальствомъ поручика Щекина, охранять тылъ. Подполковникъ Янушевъ, командиръ казачьей батареи, перестрѣлялъ всѣ гранаты ...и: всего оставалось 16 снарядовъ. У стражниковъ оста-...—15 патроновъ на человѣка. На горкѣ уже лежало ...ихъ. Тремя китайскими снарядами было ранено 6

нижнихъ чиновъ изъ казачьей батареи; одному изъ нихъ оторвало ногу; зажжены клѣтки и у орудія подбитъ лафетъ и механизмъ.

Но командиры Мищенко и Янушевъ не унывали, приказали своимъ молодцамъ стражникамъ и казакамъ-артилеристамъ не стрѣлять, чтобы беречь патроны и снаряды на крайній случай и.... какъ ни въ чемъ не бывало завтракали со своими офицерами подъ музыку свистящихъ и шипящихъ пуль и гранатъ.

Полковникъ Артамоновъ явился въ это время на выручку. Батарея подполковника Голова становится на позицію. При втаскиваніи орудій на гору, 3 артилериста были сейчасъ-же ранены китайской гранатой. Во время стрѣльбы сломались оси у 2 лафетовъ, и одинъ изъ лафетовъ былъ подъ выстрѣлами перемѣненъ храбрымъ фельдфебелемъ Плужниковымъ. 1-й батальонъ 14-го полка подполковника Леща у горы, вмѣстѣ съ пулеметами подполковника Гаитенова, открываетъ огонь по ближайшимъ деревнямъ.

Англичанинъ д-ръ Вествотеръ.

Не долго думая, Мищенко береть 8-ую сотню, 2-ую и 6-ую роты Охранной стражи и 4-ю роту 14-го полка и съ этими болѣе чѣмъ скромными силами одинъ громитъ лѣвый флангъ китайцевъ. Артамоновъ беретъ $2^1/_2$ роты того же полка и идетъ разносить китайцевъ съ фронта. Въ то же время начальникъ артиллеріи полковникъ Нищенковъ выѣзжаетъ на линію стрѣлковой цѣпи и выбираетъ мѣсто для новой батареи, которую генералъ Суботичъ посылаетъ на подкрѣпленіе авангарда. Китайцы рѣшили дать отпоръ наступленію русскихъ. Китайская батарея изъ 4 орудій начала становиться на позицію, но лишь только она завидѣла, что передъ ней также становится на позицію русская 3-я батарея 2-й бригады подполковника Маллера, китайскіе артилеристы до крайности смутились и бѣжали, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, провожаемые шрапнелью русскихъ пушекъ. Русскія винтовки выбивали китайскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ деревняхъ и на горахъ съ нѣмецкими „маузерами и манлихерами“. Въ 1 ч. 25 минутъ дня китайцы, стрѣлявшіе съ [illegible]нта, совершенно молчали и бѣжали. Полковникъ Артамонов[illegible]ъ а стражники полковника Мищенки за

они забрали 1 пушку Максима, 15 фалконетовъ и нѣсколько флаговъ.

Потерпѣвъ полную неудачу съ фронта, китайцы пробуютъ обойти наши войска съ фланговъ.

Въ то время какъ Мищенко и Янушевъ стойко отсиживались на своей горѣ, дѣйствія главныхъ силъ отряда были слѣдующія. Около 11 час. утра китайцы стали очень тревожить нашу главную колонну залпами съ горныхъ высотъ. Генералъ Суботичъ поручилъ начальнику артилеріи „попугать китайцевъ", съ цѣлью прекратить ихъ ружейную пальбу. 3-я батарея Маллера быстро и безъ всякаго прикрытія выѣхала сперва на одну позицію, а потомъ на другую и открыла по китайцамъ съ 40 линій бѣглый огонь. 16 гранатъ и 16 шрапнелей было достаточно, чтобы китайцы въ полномъ смятеніи, безпорядочными кучами, бѣжали въ горы.

Китайцы на время притихли, можетъ быть затѣмъ, чтобы подобрать раненыхъ и убитыхъ, приготовить чифань, такъ какъ время было около полудня, и подкрѣпить свои силы.

Въ отрядѣ Мищенки между прочимъ геройствовалъ 70-лѣтній черногорецъ Пламенецъ. Въ Портъ-Артурѣ онъ занимался самымъ мирнымъ дѣломъ—подрядами и построилъ зданіе для Пушкинскаго Русско-Китайскаго училища. Когда началась война — славянская кровь вскипѣла у Пламенца, онъ пошолъ воевать и сталъ поистинѣ грозою манзъ и хунхузовъ. За свои подвиги онъ былъ награжденъ двумя знаками Военнаго ордена. Начальникъ отряда неоднократно благодарилъ его за прекрасный примѣръ храбрости, который онъ подавалъ солдатамъ. Старый черногорецъ презиралъ китайцевъ и и говорилъ, что въ каждомъ китайцѣ сидитъ заяцъ.

Несмотря на сильный огонь 20 орудій, 4 пулеметовъ и ружейныя пули, нѣсколько тысячъ китайцевъ упорно держатся въ скалахъ и траншеяхъ и не отдаютъ позицій. Прекрасно зная каждый уголъ своей мѣстности, они стрѣляли по площади, занятой русскими войсками, какъ по картѣ. И если китайцы причинили нашимъ войскамъ малыя потери, то это объясняется тѣмъ, что ихъ гранаты, падая въ мягкую пахотную землю и на излетѣ, по большей части не разрывались, а ихъ шрапнели разрывались въ воздухѣ преждевременно, такъ какъ китайцы не всегда умѣли спра-

ціонными трубками, дающими разрывъ шрапнели
и на желаемомъ разстояніи.

ударяя о каменистые склоны горъ, на кото-

рыхъ китайцы гнѣздились толпами, производили страшные разрывы, и осыпали китайцевъ осколками.

Китайцы, находясь на высотахъ, были въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ наша артилерія. Но видно скоро и наши снаряды стали настигать китайцевъ. Послѣ 4-хъ часовъ перестрѣлки, китайскія батареи замолчали, но не надолго — онѣ только перемѣнили позицію.

Насыпь желѣзной дороги слѣва и горныя высоты спереди и справа представляли видъ подковы, въ которую вступали русскія войска и въ которой китайцы думали насъ окружить и уловить какъ въ западнѣ.

Около часу дня полковникъ Артамоновъ доноситъ черезъ капитана Ген. Штаба Орлова, что китайцы обходятъ его авангардъ, и проситъ поддержать его. Вскорѣ на холмахъ вдоль полотна желѣзной дороги показываются вдали густыя толпы китайскихъ стрѣлковъ, и китайскіе всадники быстро скачутъ на югъ, имѣя очевидное намѣреніе обойти русскія войска съ тыла. Генералъ Суботичъ немедленно выслалъ впередъ мортирную батарею и батальонъ 13 п. подполк. Поповиченко. Капитанъ Орловъ выводитъ на позицію этотъ батальонъ, который сейчасъ же начинаетъ обстрѣливать китайцевъ залпами.

Громоносная мортирная батарея подполковника Де-Витта около часу времени поражаетъ китайскую пѣхоту, засѣвшую по деревнямъ и за холмами, и китайскую кавалерію. Начальникъ отряда туда же высылаетъ саперъ и 1-ю роту 13-го Стрѣлковаго полка. Встрѣтя съ этой стороны неожиданный и крѣпкій отрядъ, китайцы, не долго думая, повернули тылъ и побѣжали.

Чтобы прекратить ружейный огонь китайцевъ, которые густыми кучами кишѣли въ деревнѣ, мортирная батарея сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ. Ея дѣйствіе было ужасно. Послѣ того какъ одна бомба, начиненная порохомъ, разорвалась посреди улицы, набитой китайскими солдатами, все было побито, смято и разсѣяно.

Подвижной лазаретъ Кр. Креста шолъ тѣмъ временемъ за главными силами и, выбравъ мѣсто для перевязочнаго пункта въ деревушкѣ, сталъ разбивать палатки. Уполномоченный С. В. Александровскій находился съ летучимъ санитарнымъ отрядомъ въ боевой линіи. Врачъ Ануфровичъ и братья милосердія перевязывали раненыхъ на мѣстѣ боя и доставляли ихъ на перевязочный пунктъ.

На перевязочномъ пунктѣ Кр. Крест[illegible]
весь его составъ: Александ[illegible]

С. В. Александровскій, врачи, сестры и братья милосердія въ походѣ.

вичъ, Вествотеръ и сестры милосердія: графиня Игнатьева, Ахрютина, Лабутина, Еремина и Кузьмина. Кромѣ того были военные врачи съ отряднымъ врачомъ д-ромъ Франціусомъ во главѣ и братья милосердія.

Всѣ были заняты своимъ дѣломъ и помогали раненымъ. Но китайцы отдыхали недолго. Около 3 часовъ дня они неожиданно заходятъ въ тылъ нашему авангардному отряду и начинаютъ обстрѣливать перевязочный пунктъ: по авангарду открываютъ орудійный огонь, а по Кр. Кресту ружейный.

Ни врачи, ни сестры не потерялись и съ честью выдержали эти критическія минуты. Сестры милосердія прямо выказали себя героинями и проявили удивительное мужество. Подъ пулями онѣ продолжали перевязывать раненыхъ и ни одна не подумала спасаться за какимъ-либо прикрытіемъ. Уже два стрѣлка были ранены на перевязочномъ пунктѣ, который охранялся только 1 взводомъ 14-го Стр. полка. Но сестра Ахрютина храбро командовала солдатами и приказывала имъ ставить палатки.

» это время на пунктъ пріѣхалъ командиръ саперной роты
тальона капитанъ князь Массальскій, подъ которымъ

была сейчасъ-же ранена лошадь. Узнавъ, что стрѣлки стоятъ здѣсь безъ офицера и ничего не дѣлаютъ, капитанъ Массальскій принялъ надъ ними команду, вывелъ свой взводъ въ поле, приказалъ стрѣлять по непріятелю и эфектъ получился неожиданный — китайцы замолчали передъ капитаномъ Массальскимъ.

Такъ какъ китайцы продолжали спускаться съ горъ и обстрѣливать Кр. Крестъ и весь обозъ, то мортирная батарея подполковника Де-Витта круто повернула кругомъ и надъ головами отряда Кр. Креста пустила нѣсколько бомбъ въ китайцевъ.

Съ горы, прозванной горою „Мищенки", спускаются 4 орудія и подъ прикрытіемъ 5-й роты 14 Стр. полка становятся на позицію противъ тѣхъ горъ, на которыхъ стали показываться цѣпи китайскихъ стрѣлковъ. Мортиры подполковника Де-Витта и орудія подпоручика Ленбома, пѣхота и саперы открыли общій огонь. На позицію становится полубатарея 4 Стрѣлк. Артилерійскаго дивизіона подполковника князя Крапоткина и выгоняетъ послѣдніе остатки китайскихъ войскъ.

Китайцы были удивительно упорны въ этомъ сраженіи. Они наступали нѣсколько разъ на наши войска, стараясь окружить ихъ. Сперва они наступали на летучій отрядъ полковника Мищенко съ фронта, потомъ съ тыла, обстрѣливали сперва нашъ правый флангъ, потомъ лѣвый и снова—правый. Употребивъ въ теченіе 7 часового боя всѣ усилія, все умѣніе атаковать русскія войска, они не выдержали и бѣжали. Къ 4 часамъ дня всѣ ихъ позиціи были очищены и бой прекратился. Войска стали располагаться на бивакъ.

Въ этотъ день болѣе всего пришлось поработать артилеріи. Наши батареи были все время въ дѣлѣ и весь день поддерживали боевой огонь на разныхъ позиціяхъ, подъ ближайшимъ руководствомъ начальника артилеріи полковника Нищенкова, который самъ объѣзжалъ всѣ позиціи, руководилъ батареями и иногда самъ направлялъ орудія. Наши батареи всегда и всюду являлись вовремя и, главнымъ образомъ, благодаря мѣткой стрѣльбѣ нашихъ артилеристовъ, китайцы такъ скоро очистили всѣ свои позиціи.

Но и пѣхотѣ также было не легко въ этотъ день. Солдаты, которыхъ передвигали по разнымъ направленіямъ по необозримому гаоляну, изнемогали отъ жары, духоты, усталости и жажды, такъ какъ они не пили и не ѣли весь день. Стрѣлки падали въ изнеможеніи, но ихъ подбирали на повозки добрыя сестры Кр. Креста.

Щадя своихъ солдатъ и желая выполнить поставленную задачу съ наименьшими потерями, начальникъ отряда генер. (

руководилъ всѣми дѣйствіями крайне осторожно и предоставилъ главное дѣло артилеріи.

Наши войска въ этомъ сраженіи растянулись верстъ на 10. Китайцы окружили ихъ полукругомъ на протяженіи около 15 верстъ. Наши стрѣлки тонули, терялись и сбивались въ непроходимомъ гаолянѣ. Китайцы имѣли всѣ преимущества на своей сторонѣ: числен-

Отрядъ Краснаго Креста С. В. Александровскаго.

ный перевѣсъ, лучшія позиціи, лучшее вооруженіе, лучшія пушки и ружья. Но они все побросали и даже ихъ храбрый генералъ Шоу ничего не могъ подѣлать.

Сколько было китайскихъ войскъ и орудій — трудно сказать. Одинъ плѣнный китаецъ показывалъ, что всѣхъ войскъ генерала Шоу и фудутуна Цзинь Чана было 110 лянцзъ. По штату каждая лянцза должна имѣть 500 нижнихъ чиновъ. Но въ дѣйствительности ихъ бываетъ гораздо меньше. Если даже считать каждую лянцзу на половину меньше, то получится внушительная цифра въ 27,000 слишкомъ человѣкъ.

Наши потери при Шахэ были ничтожныя: убитыхъ нижнихъ чиновъ 8, тяжело раненыхъ 14, легко раненыхъ 10, контуженъ 1.

Высокой похвалой нужно отличить дѣятельность отряда Кр.

Креста С. Александровскаго въ этотъ тяжолый день. Всѣ раненые и пострадавшіе немедленно доставлялись на перевязочный пунктъ, гдѣ имъ подавалась самая тщательная помощь, благодаря обилію необходимыхъ врачебныхъ средствъ. Нечего говорить, конечно, о крайне энергичной и самоотверженной, безстрашной работѣ всѣхъ врачей, сестеръ и братьевъ Кр. Креста.

Черногорецъ Пламенецъ.

Ляоянъ

15 Сентября

На утро 15 сентября китайцы преградили путь отряду генерала Суботича къ Ляояну, занявъ сильную позицію по длинному, горному кряжу. Колонна генерала Флейшера, усиленная четырьмя орудіями и взводомъ казаковъ, выступила въ $6^1/_2$ ч. утра и двинулась въ тылъ непріятельской позиціи, направляясь на высокую Бѣлую башню укрѣпленнаго стѣнами города Ляоянъ. Средняя колонна полковника Артамонова наступала по большой дорогѣ на фронтъ позиціи, а летучій отрядъ полковника Мищенки былъ направленъ къ горнымъ высотамъ, занятымъ китайцами.

Бой начался въ отрядѣ Мищенки. Непріятельскіе снаряды ложились необычайно мѣтко, но не разрываясь въ рыхломъ грунтѣ пашни, не наносили вреда. Артилерійскій бой этотъ продолжался на мѣстѣ, пока не обнаружились результаты обходной колонны Флейшера. Артилерія авангарда, усиленная еще одной батареей, сильно обстрѣливала расположеніе противника. Подъ вліяніемъ обходной колонны, непріятельскія орудія замолчали и передовая колонна Артамонова перешла въ общее наступленіе.

Въ двѣнадцать часовъ дня противникъ поспѣшно отступилъ, бросивъ пищу, много патроновъ и оставивъ три орудія, изъ нихъ два Круппа, одно Максима, вполнѣ годныя, снаряды, оружіе и патроны. Съ занятой высоты, а также по всей боевой линіи, роты стрѣлковъ и пулеметы преслѣдовали быстро отступающаго непріятеля огнемъ.

Въ часъ дня наша передовая колонна въ боевомъ порядкѣ продолжала наступленіе на крѣпость Ляоянъ и заняла авангардомъ предмѣстье. Дальнѣйшія дѣйствія прекратились, ибо на крѣпости взвился русскій флагъ.

въ два съ половиною часа дня передо-
безъ сопротивленія, исключая лег-
китайскими всадниками. Летучій

отрядъ Мищенки ввязался въ дѣло уже въ девять часовъ утра и прибылъ къ Ляояну къ пяти часамъ.

Колонна генерала Флейшера выступила имѣя впереди летучій отрядъ, который нагналъ отступавшихъ китайцевъ. Китайская кавалерія дважды атаковала нашихъ казаковъ, но казаки отбросили ее, забравъ двадцать коней. Дойдя до берега рѣки Тайцзыхэ, летучій отрядъ обстрѣлялъ китайскую пѣхоту, отступавшую на ша-

Русскіе въ Ляоянѣ.

Генералъ Суботичъ и командиры Южно-Маньчжурскаго отряда у Бѣлой башни

ландахъ и захватилъ ихъ обозъ. Около двухъ часовъ пополудни колонна подошла къ Ляояну и были высланы двѣ роты для занятія переправы по Мукденской дорогѣ. Крѣпость не сопротивлялась, но всѣ ворота были заперты. Разломавъ ихъ, 3-ій и 11-ый полки вошли съ двухъ сторонъ. Стрѣлки захватили нѣсколько орудій. Всѣ орудія новѣйшихъ системъ.

Потери наши: ранено шестнадцать нижнихъ чиновъ.

Въ часъ дня всѣ силы непріятеля оказались отброшенными къ востоку. Жители Ляояна частью бѣжали, частью запрятались въ домахъ.

Для успокоенія жителей привлечонъ англичанинъ врачъ Вествотеръ, прожившій въ Ляоянѣ восемнадцать лѣтъ.

Уполномоченный Кр. Креста С. В. Александровскій.

Въ Ляоянѣ онъ устроилъ прекрасный госпиталь и безвозмездно лечилъ китайцевъ, которые весьма уважали и любили доктора. Боксеры уничтожили госпиталь. Самоотверженный англичанинъ едва спасся со своей семьей въ Инкоу и затѣмъ поступилъ въ отрядъ Кр. Креста Александровскаго, чтобы снова начать свою человѣколюбивую дѣятельность.

Наши войска отдыхали въ Ляоянѣ два дня.

17 Сентября

Отрядъ генерала Суботича 17-го сентября выступилъ снова въ походъ. Непріятель отступалъ въ полномъ безпорядкѣ. Пѣхота и [illegible]мѣшались вмѣстѣ. Китайскія войска грабили

и поджигали селенія. Всюду были видны слѣды бѣгства китайскихъ войскъ, грабежа и свѣжаго бивака китайцевъ.

По приходѣ всего отряда въ Янтай, бѣжавшіе жители стали возвращаться, выказывая довѣріе къ русскимъ. Въ окрестныхъ селеніяхъ пылали пожары. По полученнымъ свѣдѣніямъ непріятель отступилъ по тремъ направленіямъ, частью на западъ, частью на востокъ, а частью по дорогѣ къ Мукдену за деревню Байтапу, куда стали стягиваться всѣ разсѣянныя китайскія войска. По разсказамъ жителей, Мукденскій цзянцзюнь поссорился съ фудутуномъ, который захватилъ въ свои руки главную власть.

18-го сентября отрядъ продолжалъ наступленіе къ Мукдену по Мандаринской дорогѣ. Путь былъ свободенъ отъ китайскихъ войскъ. Жители понемногу возвращались, спасаясь отъ китайскихъ войскъ, которыя, по разсказамъ поселянъ, звѣрски грабили, угрожая оружіемъ. Къ вечеру авангардъ сталъ бивакомъ у селенія Байтапу, въ 10 верстахъ отъ Мукдена. На бивакѣ было получено отъ Мукденскихъ купцовъ и христіанъ письмо на англійскомъ языкѣ о скорѣйшемъ занятіи города, слѣдующаго содержанія:

„Губернатору.

„Дорогой Сэръ. Мы очень рады извѣстить васъ, что здѣшній монгольскій генералъ (Шоу) и всѣ власти бѣжали отсюда ночью третьяго дня, благодаря вашей славной храбрѣйшей арміи. Узнавъ объ этомъ, здѣшняя китайская чернь стала производить безпорядки, сожигая дома купцовъ и обывателей, вслѣдствіе чего мы находимся въ самомъ горячемъ ожиданіи, что вы прикажете немедленно вашимъ знаменитымъ войскамъ какъ можно скорѣе прибыть въ Шэньцзинъ (Мукденъ). Такъ какъ здѣсь нѣтъ ниодного китайскаго солдата, то городъ можетъ быть взятъ безъ всякихъ потерь.

„Любящіе васъ ваши купцы и христіане. Пожалуста, приходите сюда какъ можно скорѣе, чтобы спасти народъ и защитить насъ".

Русскіе заняли Мукденъ.

Мукденъ

18 Сентября

Въ 4 часа дня 18 сентября сотня Охранной стражи, подъ командою эсаула Денисова, влетѣла въ Мукденъ черезъ открытыя южныя ворота. Въ воротахъ казаки наскочили на подложенный китайскими солдатами ящикъ съ порохомъ, который взорвало. 4 казака были тяжело обожжены. Сотня Денисова промчалась черезъ пустынный и безлюдный пылавшій городъ и немедленно заняла Богдыханскій дворецъ и домъ цзянцзюня. Ни властей, ни китайскихъ солдатъ въ городѣ не оказалось. Цзянцзюнь, войска и большая часть жителей бѣжали. Во время своего бѣгства, также какъ и въ Пекинѣ, китайскіе солдаты разграбили лучшіе магазины и поджигали дома, чтобы „ничего не осталось для грабежа иностранцамъ“ — какъ они говорили.

Вечеромъ въ Мукденъ вошолъ передовой отрядъ полковника Артамонова, подкрѣпленный летучимъ отрядомъ полковника Мищенки.

По вступленіи въ городъ былъ занятъ Императорскій дворецъ

и всѣ восемь воротъ внутренняго города. Для подкрѣпленія полковника Артамонова былъ посланъ съ бивака у Байтапу сводный отрядъ, который налегкѣ ночью же перешолъ въ бродъ быструю рѣку Хунхэ и ночью же вошолъ въ Императорскій городъ.

Передовой отрядъ, занявъ городъ, нашолъ его пылавшимъ во многихъ мѣстахъ. Богатые дома и многіе магазины разграблены китайскими войсками. Дворецъ цзянцзюня, казначейство и другія правительственныя мѣста опустошены. Императорскій дворецъ разграбленъ. Всѣ европейскія постройки и дома христіанъ совершенно уничтожены. Жители и служащіе во дворцѣ вышли на встрѣчу и просили защиты отъ китайскихъ солдатъ. Полковникъ Артамоновъ, успокоивъ жителей, пригласилъ ихъ тушить пожары, которые удалось прекратить. Сильные патрули очистили городъ отъ китайскихъ солдатъ и разыскали склады боевыхъ припасовъ. Въ казенныхъ учрежденіяхъ, дворцѣ и у кладовыхъ поставлены часовые.

На разсвѣтѣ были высланы, по просьбѣ жителей, команды въ предмѣстья, съ цѣлью выгнать остатки китайскихъ мародеровъ.

Гарнизономъ въ Мукденѣ оставленъ 11-й полкъ, командиръ котораго полковникъ Домбровскій назначенъ комендантомъ и военнымъ губернаторомъ Мукдена. Найдено много орудій новѣйшихъ системъ и боевыхъ запасовъ. Всюду находятъ ружья и массу патроновъ. Захвачены пороховой и патронный заводы.

20 сентября генералъ-лейтенантъ Суботичъ торжественно вступилъ въ городъ. Авангардъ, пройдя весь городъ, сталъ бивакомъ на сѣверной сторонѣ города. Главныя силы подъ начальствомъ генерала Флейшера подтянулись и стали къ полудню на бивакъ на сѣверномъ берегу Хунхэ въ пяти верстахъ отъ Мукдена.

21 сентября на площади Императорскаго дворца полковымъ священникомъ Пивоваровымъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Обожаемому Верховному Державному Вождю Россіи и всему Царствующему Дому.

Русскіе въ Мукденѣ.

Генералъ Суботичъ, генер. Флейшеръ, полк. Нищенковъ, полк. Домбровскій, офицеры штаба Южно-Маньчжурскаго отряда.

Наши желѣзнодорожники въ Маньчжуріи.

По Маньчжурекой желѣзной дорогѣ

14 Сентября

Пароходъ „Гиринъ“ Китайской Восточной желѣзной дороги 14 сентября вечеромъ доставилъ меня изъ Тонку въ Портъ-Артуръ, послѣ непріятной скачки по безпокойнымъ волнамъ Желтаго моря.

Воинственный Артуръ, котораго я не видѣлъ 4 мѣсяца, принялъ еще болѣе боевой видъ. Въ гавани спѣшно производилась посадка войскъ на суда Добровольнаго флота. Пристань была завалена ящиками съ патронами и гранатами. Повсюду торчали штыки, ружья, лафеты, орудія. Бродили часовые. По улицамъ двигались роты стрѣлковъ, скакали казаки, драгуны. Рестораны и кондитерскія были переполнены военными, которые, собираясь въ походъ, кутили попрежнему. По пыльнымъ шоссированнымъ улицамъ попрежнему какъ летучія мыши носились китайскіе рикши, и съ гикомъ и грохотомъ раскатывали русскіе извощики, давившіе рикшей попрежнему. Китайскіе домики-фанзы, въ которыхъ г[illegible] р[illegible] нему были сѣры, грязны и запылены. Въ [illegible]
Я замѣтилъ только одно крупное нововвед[illegible]

Строители Южнаго Отдѣленія

Маньчжурской желѣзной дороги

Посрединѣ: инженеры Гиршманъ, Кипарисовъ и китайцы-подрядчики. Ниже инженеры Якобсонъ и Панфиловичъ.

[illegible] пору еще никто [illegible] самомъ верху настоящи [illegible] въ этотъ времени [illegible] настоящимъ русскимъ [illegible] случался пожаръ [illegible] вывешивали на каждомъ [illegible] какъ [illegible]

[illegible] Сентября

[illegible] Маньчжурской железной до[illegible] въ погоню за отрядомъ [illegible] столицу Маньчжуріи. [illegible] милосердія. железно[illegible]

[illegible] Маньчжурскаго театра воен[illegible] крайне скудныя. Никто [illegible] генерала Субботича и что съ ними.

[illegible] Машинистъ не торопи[illegible] будешь", и подолгу [illegible] сберегая свои силы въ бу[illegible] последовать его приме[illegible] поездъ совсемъ остано[illegible] къ паровозу, чтобы уни[illegible] ни кочегара не ока[illegible] Стали искать.

Черезъ минутъ 15 изъ гаоляна вылезли наконецъ машинистъ и кочегаръ. Не успели пассажиры излить все свое негодованіе, какъ машинистъ успокоилъ всехъ хладнокровнымъ ответомъ:

Я же не виноватъ, что мне ветромъ шапку снесло, потому и остановилъ поездъ. Сталъ искать шапку въ гаоляне и нашолъ. Не поеду же я ради васъ безъ шапки. Наконецъ, я сегодня име[н]инникъ и могу делать все, что мне вздумается, и кутить хоть на каждой станціи.

Однако пасажиры не согласи[illegible] ь нимъ и произвели це[illegible]лое возмущеніе противъ неукрот[illegible]иста. Къ счастью, [illegible]

поѣздѣ ѣхалъ одинъ изъ старшихъ агентовъ желѣзной дороги, который на ближайшей станціи смѣнилъ именинника.

Проѣхавъ пустынные однообразные холмы Квантуна, поросшіе чахлой травой и одинокими соснами и дубками, миновавъ станцію Швантайгоу, Инченцза и Наньсаньшилипу, отъ которой проведена вѣтка на Дальній, мы проѣхали Тафашинъ, отъ котораго вѣтка ведетъ въ Таліенванъ. На югѣ виднѣлся идущій дугой морской берегъ. Далеко блестѣли отъ солнца фанзы Таліенвана, который въ 1898 г. сдавалъ русскимъ грозный генералъ Ма, уже черезъ два года боровшійся съ русскими на поляхъ Тяньцзина.

Далѣе сверкалъ заливъ Дальній, въ западномъ углу котораго наши инженеры и техники во главѣ съ В. В. Сахаровымъ созидаютъ первоклассный портъ и городъ Дальній—конечный комерческій пунктъ Маньчжурской желѣзной дороги. Портъ-Артуръ является такимъ же конечнымъ пунктомъ—стратегическимъ.

Таліенванъ и заливъ Дальній.

Поѣздъ мчался по узкому перешейку, связывающему Квантунъ съ Ляодуномъ. Море сверкало то съ одной, то съ другой стороны полотна. Послѣ Тафашина, на западъ отъ дороги, показались темныя древнія стѣны города Цзиньчжоу. Согласно конвенціи 1898 г. объ уступкѣ Квантунскаго полуострова Россіи, Цзиньчжоу былъ единственнымъ городомъ на арендованной Россіею территоріи, въ которомъ было сохранено китайское управленіе. Неудобство подобнаго совмѣщенія русской и китайской власти стало проявляться очень скоро. жоускіе чиновники, недовольные уменьшеніемъ своихъ доселенія, стали мутить китайцевъ противъ русскихъ, селеніе противъ новыхъ владѣтелей и устраивать

чжурія является либо Сѣверомъ, либо Сѣверовостокомъ. Въ крайнемъ случаѣ естественнѣе было бы дать названіе „Сѣверовосточная“ или „Восточно-Китайская желѣзная дорога“, но наименованія Маньчжурская дорога или Маньчжурка уже вошли во всеобщее употребленіе, и эти опредѣленія гораздо понятнѣе офиціальнаго названія.

Маньчжурская дорога, имѣя своимъ центромъ Харбинъ на рѣкѣ Сунгари, расходится отъ него по Маньчжуріи въ три стороны: на югъ—въ Портъ-Артуръ и Дальній (909 верстъ); на востокъ—къ Владивостоку, до станціи Пограничной (511 верстъ); на западъ—къ Забайкалью, до станціи Маньчжурія (876 верстъ). Всего со всѣми вѣтками и подъѣздными путями Маньчжурская дорога составляетъ 2400 верстъ.

Сооруженіе дороги начато въ 1898 году. Первыя изысканія направленія дороги произведены въ концѣ 1897 года. Несмотря на событія 1900 года, во время которыхъ большая часть дороги погибла, къ концу 1901 года вся дорога была вчернѣ готова. Благодаря быстротѣ, съ которой эта дорога была построена въ суровой и полудикой странѣ, подъ ударами войны и мятежа, это сооруженіе имѣетъ полное право считаться чудомъ инженернаго искусства.

Изъ всѣхъ развѣтвленій Маньчжурской дороги первымъ было выстроено Южное отдѣленіе, простирающееся отъ Портъ-Артура и Дальняго до Кундулина на 600 верстъ. Начальникомъ Южнаго отдѣленія состоитъ инженеръ Гиршманъ. Его помощникъ инженеръ Кипарисовъ.

Въ связи съ Великимъ Сибирскимъ путемъ Маньчжурская дорога, являющаяся его нераздѣльнымъ продолженіемъ, представляетъ такое величественное сооруженіе, которое по громадности можно сравнить только съ египетскими пирамидами.

Однако польза древнихъ пирамидъ весьма сомнительна. Постройка же Сибирской и Маньчжурской желѣзной дороги является однимъ изъ самыхъ великихъ и плодотворныхъ мирныхъ завоеваній русской цивилизаціи въ Азіи—въ царствованіе Императора Николая II.

Охранники Маньчжурской жел. дороги.

Охранники

Въ военныхъ событіяхъ, разразившихся въ Южной Маньчжуріи лѣтомъ 1900 года, самое видное участіе пришлось принять чинамъ Охранной стражи, всѣми силами отстаивавшимъ вѣренную имъ желѣзную дорогу и ея строителей. Охранная стража была образована въ то же время, когда начались первыя работы по постройкѣ дороги. Въ первые годы охранникамъ приходилось защищать желѣзную дорогу отъ хунхузовъ и случайныхъ нападеній. Въ 1900 г. охрана перевесла на себѣ нѣсколько тяжолыхъ мѣсяцевъ борьбы съ боксерами и китайскими регулярными войсками. Въ мартѣ 1900 г. штабсъ-капитанъ Яппевичъ и два казака были предательски убиты китайскими солдатами, безъ всякаго вызова съ русской сто

Это была первая жертва среди чиновъ охраны.

везли 18 нижнихъ чиновъ, раненыхъ въ дѣлѣ при Ньючжуанѣ, 3 раненыхъ при Аньшаньчжанѣ, 49 больныхъ солдатъ, 1 больного офицера и поручика Малишевскаго, раненаго подъ Ньючжуаномъ.

Въ этомъ же поѣздѣ везли тѣло безвременно скончавшагося штабсъ-капитана Валеріана Страхова, командира Кубанской сотни Охранной стражи. Одинъ изъ самыхъ лихихъ охранниковъ, рѣдкій товарищъ и ревностный командиръ, котораго одинаково любили какъ товарищи, такъ и его казаки кубанцы, — онъ былъ тяжело раненъ въ дѣлѣ подъ Аньшаньчжанемъ, во время развѣдки. Разрывная пуля китайца ударила по рукѣ и рикошетомъ ранила Страхова въ животъ. Онъ скончался на другой день, 14 сентября, послѣ жестокихъ мученій. Охранники потеряли въ немъ одного изъ своихъ лучшихъ офицеровъ.

Я познакомился со Страховымъ годъ тому назадъ, въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней, въ Викторіи-бэй, на мѣстѣ постройки Дальняго. Здѣсь вспыхнули безпорядки. Китайцы, недовольные продажей ихъ земель подъ постройку порта и желѣзной дороги, напали на русскихъ, производившихъ отчужденіе земель. Въ этомъ дѣлѣ мутили также китайскіе чиновники изъ города Цзиньчжоу. 20 казаковъ-охранниковъ прискакали изъ ближайшаго казачьяго поста, выручили русскихъ техниковъ, разогнали китайскихъ буяновъ и арестовали толпу въ 200 человѣкъ. Изъ Портъ-Артура немедленно пріѣхалъ начальникъ округа подполковникъ Куколь-Яснопольскій, разобралъ дѣло и возстановилъ порядокъ.

Въ тотъ же день въ Викторію прибѣжалъ нѣкій китаецъ Ліу и заявилъ русскимъ, что на его домъ въ деревнѣ Инченцза напали хунхузы, ограбили и избили его семью. Подполковникъ Куколь-Яснопольскій приказалъ Страхову взять казаковъ и немедленно отправиться въ поиски за хунхузами.

Я присоединился къ отряду какъ переводчикъ, хотя большая часть нашихъ казаковъ въ Маньчжуріи быстро усваиваетъ китайскій языкъ и свободно объясняется съ населеніемъ. Цѣлый день носились мы по зеленымъ холмамъ и полямъ Квантуна, изъ одной деревни въ другую. Спустилась чудная лунная ночь. Китаецъ Ліу обѣщалъ указать намъ деревню, въ которой укрылись хунхузы, но куда мы ни заѣзжали, поселяне всюду кланялись отвѣчали, что хунхузы только что „паоле“—убѣжали. Мы входили во дворы, осматривали фанзы и, наконецъ, оцѣпили одну самую подозрительную фанзу по указанію Ліу. Казаки забрались на чердакъ и торжественно вытащили... несчастную столѣтнюю старуху, полуживую

отъ страха. Страховъ разсердился и сказалъ китайцу Ліу, что если онъ сейчасъ же не укажетъ, гдѣ запрятались хунхузы, то онъ—Ліу будетъ самъ арестованъ вмѣсто разбойниковъ.

Мы поскакали дальше. Снова напугали своимъ пріѣздомъ нѣсколько деревень. Наконецъ на лужайкѣ передъ одной деревней увидали хунхузовъ, которые въ яркомъ лунномъ свѣтѣ чернѣли точно крабы и, несомнѣнно, готовили намъ засаду. Мы съ крикомъ полетѣли на нихъ... опять неудача! Мирные поселяне воспользовались чарующей тихой прохладой ночи и усѣлись кружкомъ возлѣ деревушки, чтобы отдохнуть послѣ знойнаго дня и потолковать о своихъ деревенскихъ дѣлахъ. Такъ мы хунхузовъ и не нашли.

Но если бы даже они и были въ одной изъ осмотрѣнныхъ нами деревень, то поселяне всетаки ихъ бы не выдали изъ боязни мести. Поэтому борьба съ разбойниками—хунхузами въ Маньчжуріи такъ трудна и потребуетъ много лѣтъ, чтобы они были выведены.

Промаявшись нѣсколько часовъ, поздней ночью мы заѣхали ночевать въ какую-то деревню. Послѣ необозримыхъ полей гаоляна, скалъ, холмовъ, грязныхъ фанзъ, жалкихъ китайцевъ и страшныхъ хунхузовъ, на другое утро я былъ пріятно разбуженъ шумомъ русскаго самовара. Прекрасная веранда, тропическіе цвѣты, ослѣпительный самоваръ, бѣлоснѣжная скатерть, удивительныя закуски и привѣтливѣйшая хозяйка—встрѣтили насъ послѣ нашихъ ночныхъ трудовъ и похожденій. Страховъ и я оказались въ гостяхъ у одного изъ строителей Маньчжурской дороги, инженера Панфиловича, въ деревнѣ Швантайгоу.

Мостъ черезъ рѣку Хунхэ
построенный чинами
17 Сап. батал.

Въ тылу

Проведя одну ночь въ вагонѣ и просидѣвъ на разныхъ станціяхъ [illegible] часовъ въ [illegible] поѣзда, 18 сентября я прибылъ въ Ташичао, правильное названіе котораго Дашицяо — „Большой каменный мостъ". Наши желѣзнодорожники совершенно [illegible] для всѣхъ станцій названія [illegible], чѣмъ доставили [illegible] удобство китайскому населенію, которое будетъ пользоваться дорогою главнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, желѣзнодорожники такъ круто поступали съ нѣкоторыми китайскими названіями, что отъ нихъ ничего китайскаго не осталось, хотя изъ всѣхъ европейскихъ языковъ русскій языкъ точнѣе и проще всего передаетъ китайское произношеніе. Такъ, напримѣръ, городъ Цзиньчжоу былъ окрещенъ желѣзнодорожниками въ Кинчжоо, Гайчжоу—въ Кайджоо, Инкоу—въ Инкоо, Дашицяо — въ Ташичао, Аньшаньчжань — въ Айсанянь. Что касается названій на „ао", то такихъ окончаній совсѣмъ нѣтъ въ китайскомъ языкѣ, и подобныя названія могутъ только сбивать китайцевъ.

Простоявши часовъ шесть въ Ташичао, я поѣхалъ дальше на сѣверъ. Узловая станція Ташичао, отъ которой идетъ вѣтка на Инкоу, представляла рядъ готовыхъ и строившихся каменныхъ зданій, предназначенныхъ для вокзала, буфета, депо, квартиръ слу-

жащихъ, мастерскихъ и пр. Въ китайской фанзѣ временно помѣщалась столовая, въ которой служащіе и пасажиры могли выпить и пообѣдать. Вечеромъ нашъ поѣздъ пришолъ въ Хайченъ. Далѣе путь былъ всюду разрушенъ китайцами и теперь спѣшно возстановлялся русскими.

Въ Хайченѣ комендантомъ города былъ полковникъ Модль, бывшій также начальникомъ этапной линіи. Подобно всѣмъ китайскимъ городамъ, называемымъ „ченъ", Хайченъ былъ обнесенъ съ четырехъ сторонъ высокими старыми стѣнами. На станціи стоялъ санитарный поѣздъ, прекрасно оборудованный уполномоченнымъ Кр. Креста Александровскимъ. Въ поѣздѣ лежали не только русскіе солдаты, раненые въ дѣлѣ при Шахэ, но и раненые китайцы, подобранные русскими.

Впервые за всѣ четыре мѣсяца военныхъ дѣйствій, въ Хайченѣ, въ этомъ поѣздѣ я увидѣлъ, что съ ранеными китайскими солдатами не только обращаются почеловѣчески, но даже перевязываютъ и лечатъ ихъ. Особенность Печилійской экспедиціи 1900 года состояла въ томъ, что—вопреки давнишнимъ законамъ войны, выработаннымъ и принятымъ всѣми европейскими, такъ называемыми образованными государствами, вопреки основнымъ заповѣдямъ ученія Христа съ одной стороны и—ученія Конфуція съ другой, вопреки простому чувству человѣколюбія и здравому смыслу—ни китайцы, ни союзники не брали плѣнныхъ.

Китайцы истязали и убивали взятыхъ въ плѣнъ иностранцевъ изъ мести и ненависти, а также потому, что считали ихъ за варваровъ и негодныхъ людей. Союзники убивали всѣхъ плѣнныхъ китайскихъ солдатъ и боксеровъ, вопервыхъ—потому что не знали, куда дѣвать ихъ и что съ ними дѣлать; вовторыхъ—потому что не хотѣли обременять ими обозъ, ставить къ нимъ часовыхъ, кормить и пр.; втретьихъ—потому что считали китайцевъ за варваровъ и полуживотныхъ. Повидимому, не только солдаты, но даже многіе офицеры полагали, что у китайцевъ вмѣсто души паръ, который можно выпускать сколько угодно.

То—что китайцы, повидимому, такіе же люди какъ и мы;—что они принадлежатъ къ древнѣйшей цивилизаціи міра;—что у нихъ были величайшіе мудрецы, подобныхъ которымъ никогда не было у европейскихъ народовъ, и—наконецъ, то, что китайцы самый порохъ выдумали раньше, чѣмъ европейцы на свѣтъ появились,—это не принималось въ разсчотъ или же вовсе не было извѣстно многимъ просвѣщоннымъ воителямъ международныхъ отрядовъ. Поэтому ни

китайцы, ни союзники плѣнныхъ не брали, а захвативъ ихъ—прикалывали или подстрѣливали.

Когда въ Тонкускомъ госпиталѣ докторъ Куковѣровъ перевязывалъ раненыхъ китайцевъ, то это были не китайскіе солдаты, а обыкновенные мирные китайцы изъ окрестныхъ деревень. Они либо сами попадали на фугасы, которыми была минирована мѣстность возлѣ Тонку, либо же союзники высылали ихъ нарочно впередъ по фугасамъ, чтобы они очищали дорогу. Тамъ, гдѣ взрывали фугасы и на воздухъ взлетали китайцы, дорога была уже безопасна—фугасовъ больше не было. Затѣмъ китайцевъ перевязывали.

Глядя на измученное лицо чорнаго сморщеннаго загорѣлаго китайца, старательно вымытаго и забинтованнаго, окружоннаго самымъ заботливымъ уходомъ русскихъ врачей, сестеръ и братьевъ милосердія русскаго санитарнаго поѣзда, я радовался, что въ первый разъ увидѣлъ такое христіанское отношеніе къ нехристіанамъ—не у иностранцевъ, а у русскихъ.

Когда раненые китайскіе солдаты послѣ своего выздоровленія возвратились домой, они навѣрное разсказали много хорошаго о томъ, что они видѣли и встрѣтили у русскихъ, которые обласкали китайцевъ и поступили съ ними совсѣмъ, какъ училъ Конфуцій. Думаю, что разсказы подобныхъ плѣнныхъ гораздо благотворнѣе и успокоительнѣе дѣйствовали на населеніе, чѣмъ самыя мирныя и торжественныя прокламаціи завоевателей, подкрѣпленныя экзекуціями.

И союзники и китайцы одинаково презирали другъ друга и вполнѣ были достойны другъ друга. Хотя европейскіе народы и любятъ кичиться своимъ просвѣщеніемъ и христіанствомъ, однако, въ 1900 году въ городахъ и деревняхъ Китая они ничѣмъ не доказали своей особенной просвѣщенности и цивилизаціи и ихъ образъ дѣйствій ничѣмъ не отличался отъ образа дѣйствій ихъ враговъ—китайцевъ.

О дѣйствіяхъ отряда генерала Суботича въ Хайченѣ не было ничего извѣстно, кромѣ того что русскіе разбили китайцевъ при Аньшаньчжанѣ и Шахэ и взяли Ляоянъ.

19 Сентября

19 сентября утромъ изъ Хайчена выступила осадная артиллерія, которая предназначалась штурмовать Мукденъ, если понадобится. Я присоединился къ этому отряду. Это былъ удивитель-

Китайцы-рабочіе на постройкѣ Маньчжурской желѣзной дороги.

капитанъ Бржозовскій, который велъ эту артилерію, обѣщалъ арестовать меня, если я попытаюсь отдѣлиться отъ отряда, такъ какъ онъ боялся за мою безопасность, тѣмъ не менѣе я незамѣтно удралъ впередъ.

Взобравшись на одну изъ Аньшаньчжаньскихъ горъ, гдѣ погибъ Страховъ, я невольно остановился, слѣзъ съ коня и долго любовался той величественной и великолѣпной картиной, которая точно дорогая расшитая шелками ткань растянулась по горамъ и долямъ Маньчжуріи—богатѣйшей страны хлѣба, золота и угля.

Безконечныя пашни гаоляна, чумизы и проса тянулись по равнинамъ, взбѣгали на холмы и перевалы. Хлѣба давно созрѣли и дали богатый урожай.

На югъ и западъ, сливаясь съ горизонтомъ, уходили неисчислимыя красныя волны — это было море вызрѣвшаго гаоляна. По всѣмъ направленіямъ его прорѣзывали длинныя жолтыя волны — это просо. Китайцы зовутъ его чуцзы и сяомицза. Русскіе назвали чумизой. Мѣстами хлѣбъ уже снятъ и собранъ въ стога.

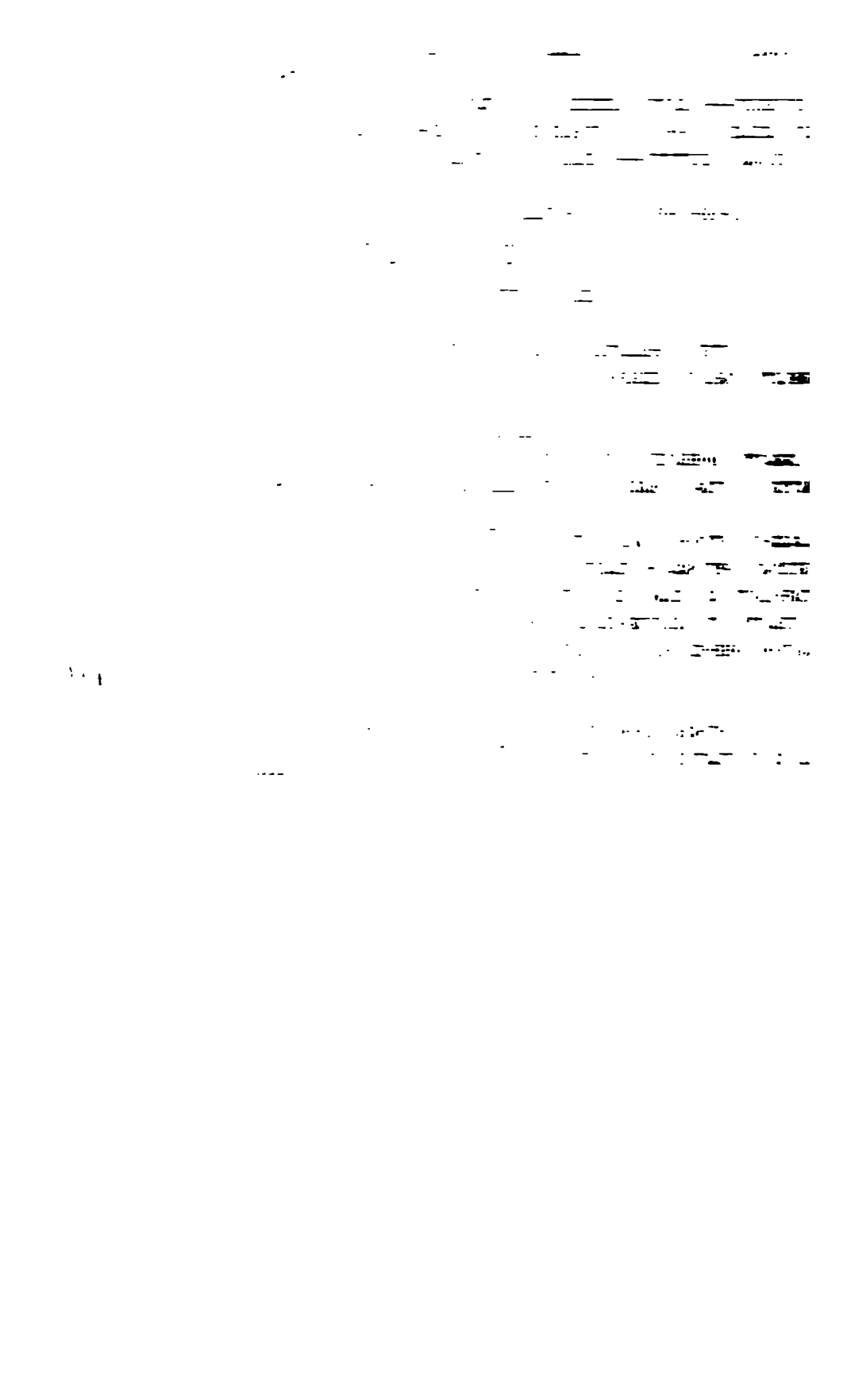
Но большая часть посѣвовъ еще ожидала жнеца, который бѣжалъ въ далекія безопасныя деревни и въ своихъ кумирняхъ и

Каменный мостъ черезъ рѣку Лунхэ.

часовенкахъ на высокихъ холмахъ молился богу войны Гуань-лаоѣ, прося его поразить врага и спасти родину отъ ужасовъ и бѣдствій войны.

Повсюду видны опустѣвшія деревни, окружонныя ивами и тополями, садики и огороды.

Благословенная Маньчжурія, житница Китая, теперь изнемогала отъ бѣдствій мятежа и войны, потрясенная и разоренная.



пуля пробила палатку, залетѣла въ открытый ротъ спавшаго мирнымъ сномъ солдата и застряла въ его деснѣ. Докторъ Куковѣровъ покопался ножомъ и вытащилъ новенькую Манлихеровскую пулю такъ быстро, что даже хлороформа не понадобилось. Артилериста перевязали и онъ вернулся на бивакъ.

— Ну что—выздоровѣлъ?

— Совсѣмъ здоровъ. Какъ будто и не бывало!

— Вкусны китайскія пули?

— Ну нѣтъ, наши орѣхи лучше.

По дорогѣ я встрѣтилъ еще нѣсколько воинскихъ командъ и одного храбраго русскаго маркитанта, единственной защитой кото-

Зданія для желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Цзиньчжоу.

раго была его собака и ружье. Съ помощью китайскихъ рабочихъ онъ везъ на мулахъ консервы, табакъ, смирновку и даже шампанское.

Путь шолъ вдоль желѣзной дороги, отъ которой остались только развороченныя рельсы, разрытая насыпь и угли отъ шпалъ. Всѣ станціонныя постройки, казармы для охраны, сторожевыя будки были сожжены.

Рѣка Шахэ, возлѣ которой генералъ Суботичъ со своимъ отрядомъ наголову разбилъ китайцевъ 14 сентября, настолько высохла, что ее можно было перейти въ бродъ. Желѣзнодорожный мостъ черезъ Шахэ сожженъ.

23 іюня 1900 года на станціи Шахэ отличились: машинистъ Чухрый, техникъ Диденко и охранный унтеръ-офицеръ Падалка.

На этой станціи 15 человѣкъ охраны и желѣзнодорожныхъ служащихъ были окружены скопищемъ въ 200 человѣкъ разъяренныхъ боксеровъ. Желѣзнодорожники и охранники, подъ командою Падалки, засѣли въ казармѣ и стали отстрѣливаться. Наконецъ, патроны у русскихъ начали истощаться. Смѣлые боксеры облили казарму соляной и зажгли. Въ послѣднюю минуту раздался свистокъ паровоза, быстро подкатившаго къ станціи. Это пришло подкрѣпленіе въ 7 человѣкъ: машинистъ Чухрай, техникъ Диденко и 5 охранниковъ, которые открыли такой отчаянный огонь и такъ закричали ура, что боксеры отхлынули. Унтеръ-офицеръ Падалка и всѣ осажденные выскочили изъ пылающей казармы, пробились черезъ толпу боксеровъ, сѣли на паровозъ и благополучно укатили. Боксеры бросились въ погоню, но не догнали. Въ этой схваткѣ храбрый машинистъ Чухрай былъ тяжело раненъ въ голову и плечо, но не оставилъ машины и увезъ всѣхъ людей. 3 охранника было ранено, 6 обожжено.

Проѣхавъ Шахэ, я увидѣлъ далеко среди синѣющихъ холмовъ 13-ярусную Бѣлую башню Ляояна. Какъ каждый порядочный уѣздный русскій городъ долженъ имѣть каланчу или колокольню, такъ и въ Китаѣ всякій городъ, желающій быть почтеннымъ, долженъ окружить себя кирпичными стѣнами съ четырехъ сторонъ и построить Бѣлую башню—„Байта", въ честь Будды.

22. 23 и 24 іюня, возлѣ этой башни, въ чумныхъ желѣзнодорожныхъ баракахъ былъ осажденъ китайскими войсками и боксерами отрядъ полковника Мищенко, состоявшій изъ 104 служащихъ съ семьями и 200 охранниковъ. Три дня отстрѣливались охранники отъ китайцевъ, которые бомбардировали желѣзнодорожные бараки пулями и гранатами. Желѣзнодорожные служащіе, ихъ жены и дѣти были посажены въ погреба и изъ нихъ двое были убиты. Изъ охранниковъ 9 человѣкъ убито, 5 ранено. Изъ 90 лошадей осталось 32 живыхъ. Похоронивъ убитыхъ, въ ночь на 25 іюня, полковникъ Мищенко вышелъ изъ бараковъ со всѣмъ отрядомъ, обманулъ бдительность китайскихъ войскъ обходнымъ движеніемъ и благополучно пробрался въ Аньшаньчжань. По пути онъ встрѣтилъ штабсъ-капитана Страхова, который съ кубанцами спѣшилъ къ нему на помощь изъ Инкоу. Въ Ляоянѣ были брошены: 11 паровозовъ въ 30,000 рублей каждый, 256 верстъ законченной желѣзной дороги, вагоны, платформы, дорогія мастерскія, склады, имущество служащихъ и на 20,000 рублей серебра. Въ Телинѣ было брошено серебра на 400,000.

Постройка моста черезъ рѣку Шахэ.

Фот. В. С. Мацкевича.

Работавшіе на сѣверныхъ участкахъ инженеры Шидловскій, Сердинскій, Казы-Гирей и остальные служащіе, подъ охраною штабсъ-капитана Ржевуцкаго и его охранниковъ, бѣжали на сѣверъ и послѣ разныхъ мытарствъ и похожденій пробрались въ Харбинъ.

Печальнѣе всѣхъ была судьба инженера Верховскаго и поручика Валевскаго, бывшаго офицера 2 Закаспійскаго Стрѣлк. батальона, которые спасались изъ Мукдена съ 84 охранниками, служащими и 2 женщинами. Это было трагическое, но геройское от-

Станція, сожженная боксерами.

ступленіе горсти русскихъ людей, брошенныхъ въ жертву самой жестокой китайской ярости и дикости, забытыхъ всѣми въ тѣ ужасные дни, но не забывшихъ своего долга другъ передъ другомъ.

23 іюня китайскія войска и боксеры одновременно произвели нападеніе на всѣ русскіе посты вдоль линіи желѣзной дороги. Такое-же нападеніе было сдѣлано на постъ Валевскаго. Китайцы стрѣляли весь день и къ вечеру поставили передъ русскимъ постомъ два конныхъ эскадрона и 8 орудій. Въ ночь на 24 іюня Валевскій и Верховскій бѣжали на югъ со всѣмъ отрядомъ. По пути они направились къ станціи Суетунь, чтобы выручить осажденныхъ здѣсь 12 охранниковъ и 5 мастеровыхъ. Валевскій разогналъ скопище китайцевъ и бросился на сожженную станцію, но русскихъ не нашолъ: всѣ были вырѣзаны китайцами, кромѣ 3 охранниковъ и 2 мастеровыхъ, которымъ удалось бѣжать.

Китайскія войска погнались изъ Мукдена за Валевскимъ, но этотъ юный герой, во главѣ своего ничтожнаго отр[illegible]тбился отъ

нихъ и ушолъ въ Янтай, потерявъ 15 раненыхъ и убитыхъ. Но въ Янтаѣ его встрѣтили китайскія войска, высланныя изъ Ляояна. Отрядъ Валевскаго два раза отбивался отъ нихъ и добрался до рѣки Тайцзы и ночью 26 іюня укрылся въ рощѣ передъ Ляояномъ.

Инженеръ Верховскій и четыре охранника прокрались незамѣтно мимо китайскихъ аванпостовъ къ желѣзнодорожнымъ зданіямъ, чтобы узнать, не находится ли здѣсь русскій отрядъ. Они увидали только уголь, обгорѣлые камни и обезглавленные и изуродованные трупы русскихъ. Отрядъ Мищенки наканунѣ ушолъ изъ Ляояна.

Несчастный отрядъ Валевскаго и Верховскаго оказался обреченъ на произволъ судьбы. Помощи ему было ждать неоткуда. Утромъ 27 іюня отрядъ пошолъ вдоль рѣки Тайцзы на востокъ. Валевскій настаивалъ, чтобы отрядъ никоимъ образомъ не раздѣлялся, уходилъ на востокъ, въ мѣста болѣе спокойныя и спасался въ Корею. Верховскій совѣтовалъ спасаться въ Инкоу, на западъ, укрываясь въ зарослях рѣки Ляохэ и разбиться всѣмъ на отдѣльныя кучки, чтобы быть менѣе замѣтными китайцамъ.

Подпоручикъ Валевскій.

Днемъ отрядъ наткнулся на китайскія войска и имѣлъ съ ними перестрѣлку. Вечеромъ, когда отрядъ расположился бивакомъ на отдыхъ, китайцы неожиданно снова открыли огонь и одна фальконетная пуля разбила Валевскому грудь. Умирая этотъ доблестный юноша далъ свой послѣдній наказъ отряду „спасаться въ Корею“ и просилъ передать его послѣдній привѣтъ матери.

По приказанію умиравшаго Валевскаго команду надъ отрядомъ принялъ унтеръ-офицеръ Пилипенко. Ночью инженеръ Верховскій, большинство служащихъ и 14 охранниковъ отдѣлились отъ Пилипенки. Утромъ 28 іюня Пилипенко и 50 охранниковъ двинулись на востокъ и пробились въ Корею. Корейцы приняли русскихъ радушно. Россійскій посланникъ въ Кореѣ Павловъ отправилъ ихъ на ходѣ въ Портъ-Артуръ.

[illegible] съ женою.

[illegible] также [illegible]

[illegible] торжественно [illegible] властей. [illegible] можно [illegible] [illegible] было [illegible] дорожниковъ [illegible] въ ужас- [illegible] въ Пекинъ. [illegible] остальные [illegible] и казни [illegible] [illegible] мук- [illegible] содержались [illegible] книгъ [illegible] [illegible] стражи: [illegible] подробно описаны [illegible] китайскія власти [illegible]

[illegible] образомъ замучены [illegible] полка [illegible] сотникъ Пет- [illegible]

[illegible] у русскихъ крѣ- [illegible] казаковъ, а осталь- [illegible] [illegible] уважало въ [illegible] перешло въ гвар- [illegible] оказывало вся- [illegible]

[illegible] династіи—Мук- [illegible] какъ съ ки- [illegible] и казнили на пло- [illegible] не только русскихъ [illegible] войсками, но также ни [illegible] дороги, не смотря на то, что дорога строилась по обоюдному соглашенію обоихъ правительствъ, какъ было прекрасно извѣстно всѣмъ китайскимъ чиновникамъ.

Въ роковой годъ дружелюбіе къ Россіи среди правителей и населенія сопредѣльной съ нами Маньчжуріи не только не возрасло, но даже привело къ казни русскаго

Я боюсь думать, что этотъ печальный годъ поколебалъ давнишнее довѣріе и расположеніе китайцевъ къ русскимъ и — имя „русскій“ уже не окружено въ Маньчжуріи тѣмъ ореоломъ почтенія и боязни, какъ было раньше, и не даетъ болѣе права на неприкосновенность.

Во всякомъ случаѣ, если китайцы не уважаютъ насъ болѣе такъ, какъ раньше, то въ этомъ вѣроятно прежде всего виноваты мы сами, по разнымъ причинамъ. И только отъ насъ самихъ— отъ каждаго русскаго, нынѣ живущаго и работающаго въ Маньчжуріи, зависитъ заставить китайцевъ относиться къ намъ съ тѣмъ уваженіемъ, котораго требуетъ достоинство Россіи.

Русскіе въ дебряхъ Маньчжуріи.

Трофей боксеровъ.

Послѣдній переходъ

21 Сентября

Богатый вольный городъ Ляоянъ, бывшій нѣкогда столицей Ляодуна и извѣстный своею торговлей хлѣбомъ и деревомъ, былъ уже подъ русскимъ управленіемъ. Еще лѣтомъ ляоянскія власти держали въ плѣну и истязали русскихъ желѣзнодорожниковъ и охранниковъ. Теперь комендантомъ и градоначальникомъ Ляояна состоялъ подполковникъ 11 Вост. Сиб. Стр. полка—Гамбурцевъ. Изъ стрѣлковъ была образована городская полиція.

Когда китайскія войска въ смятеніи бѣжали отъ Шахэ, разбитыя войсками генерала Суботича, ляоянцы заперли ворота и не пустили къ себѣ китайскихъ солдатъ.

Вполнѣ довѣряя миролюбію и честности русскихъ, ляоянцы не бѣжали изъ города, а сдались русскимъ, чѣмъ спасли свой городъ и торговлю отъ разграбленія.

На Печилійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій всѣ китайскіе города отъ Таку до Пекина были разграблены и на половину разрушены и сожжены.

Несмотря на всѣ старанія отдѣльныхъ союзныхъ командировъ возстановить порядокъ въ Чжили, въ концѣ концовъ походъ союзниковъ на Пекинъ довершилъ разореніе и разгромъ того, что не успѣли разгромить боксеры.

Ничего подобнаго я не видѣлъ въ Южной Маньчжуріи, въ которой дѣйствовали только русскія войска и господствовала одна русская власть. Миръ, порядокъ и международная торговля въ Инкоу были спасены русскими. Русскіе немедленно ввели русское военно-гражданское управленіе во всѣхъ главнѣшихъ городахъ Южной Маньчжуріи отъ Портъ-Артура до Мукдена: Цзиньчжоу, Сюнъеченъ, Гайчжоу, Хайченъ, Ляоянъ.

Инженеръ Гиршманъ.

Я пріѣхалъ въ Ляоянъ черезъ 5 дней послѣ его занятія русскими. Здѣсь уже торговали китайцы. На улицахъ, чисто выметенныхъ, царилъ полный порядокъ. Ходили русскіе и китайскіе полицейскіе. Для удовольствія русскихъ китайцы ночью зажигали передъ своими домами фонари и сами были довольны этой илюминаціей.

Въ Ляоянѣ я встрѣтилъ начальника Южной линіи Маньчжурской желѣзной дороги инженера Феол. Осип. Гиршмана, который 21 сентября выѣхалъ изъ Ляояна въ Мукденъ верхомъ, въ сопровожденіи своего неразлучнаго переводчика китайца Петра Ивановича, прекрасно говорящаго порусски и бывшаго для него такъ-сказать справочной книгой по всевозможнымъ китайскимъ и маньчжурскимъ дѣламъ. Я присоединился къ нимъ и мы поѣхали вмѣстѣ. До Мукдена оставалось 60 верстъ.

Инженеру Гиршману и ввѣреннымъ ему строителямъ удалось закончить Южную линію Маньчжурской дороги раньше всѣхъ

другихъ линій, строившихся въ Маньчжуріи. Лѣтомъ 1900 года боксеры разрушили всѣ ихъ двухлѣтніе упорные труды. Болѣе половины выстроенной ими дороги было уничтожено. Приходилось созидать сначала. Однако Гиршманъ и всѣ остальные инженеры и техники Южнаго отдѣленія напрягли всѣ усилія и уже черезъ годъ дорога была снова выстроена. Въ концѣ 1901 года Южная линія была настолько устроена и оборудована, что сейчасъ-же поступила въ правильную эксплоатацію и уже въ первые мѣсяцы стала приносить значительные доходы дорогѣ.

Инженеръ Гиршманъ такъ разсказывалъ мнѣ о своей дѣятельности и о своемъ дѣтищѣ—желѣзной дорогѣ:

— Я пріѣхалъ въ Портъ-Артуръ въ маѣ 1898 и 28 мая мы уже начали дѣлать первыя изысканія. Работы мы повели съ двухъ концовъ: отъ Артура на сѣверъ и отъ Телина на югъ. На сѣверѣ мы начали работы по постройкѣ въ сентябрѣ 1898, а на югѣ въ апрѣлѣ 1899. Въ октябрѣ 1899 нашъ желѣзнодорожный путь доходилъ до Ляояна, а въ ноябрѣ до Мукдена. Я горжусь тѣмъ, что мнѣ удалось побить желѣзнодорожный рекордъ на быстроту постройки: въ этой полудикой странѣ, въ которую всѣ матеріалы приходилось привозить извнѣ, мы выстроили 550 верстъ пути въ 13 мѣсяцевъ. За это время было произведено земляныхъ работъ свыше чѣмъ на 1 милліонъ кубическихъ саженъ. Вынуто около 100,000 кубовъ скалы. Построено свыше 500 мостовъ. Каменныхъ мостовъ поставлено свыше, чѣмъ на 15,000 кубовъ.

Петръ Ивановичъ.

— Во время постройки дороги я старался поддерживать наилучшія отношенія съ мукденскимъ цзянцзюнемъ, со всѣми китайскими чиновниками и населеніемъ. Китайскія власти всегда оказывали мнѣ и всѣмъ строителямъ дороги полное содѣйствіе. Простой народъ также относился къ намъ совершенно дружественно. Поэтому, когда вспыхнули безпорядки, я просилъ всѣхъ инженеровъ—начальниковъ участковъ по возможности оставаться
и не отдавать дороги. Я до послѣдней м

удержимъ за собой дорогу, и до послѣдняго дня уговаривалъ китайскихъ чиновниковъ поберечь дорогу. 22 іюня съ послѣднимъ поѣздомъ я уѣхалъ изъ Ляояна въ Портъ-Артуръ, а на другой день боксеры напали на дорогу и стали разрушать ее на всемъ протяженіи отъ Хайчена до Телина. Однако наши инженеры и всѣ желѣзнодорожные служащіе и чины Охранной стражи съ честью исполнили свою обязанность хранить дорогу. Они отдавали боксерамъ пядь за пядью, отстаивали дорогу до послѣдней возможности и только тогда бросали ее, когда уже нужно было спасать не дорогу, а свою жизнь. Потому на нашей линіи такъ много жертвъ среди служащихъ. Каждый выполнилъ свой долгъ до конца. Я все надѣялся, что гроза пройдетъ мимо и наша дорога останется въ цѣлости, но событія сложились иначе.

— На нашей линіи отъ Портъ-Артура до Телина, изъ 489 верстъ пути боксеры разрушили около 275 верстъ. Сперва была разрушена сѣверная часть: отъ Телина до Хайчена. Всѣ станціи и

Желѣзный мостъ черезъ рѣку Наньдахэ.

желѣзнодорожные дома для служащихъ разрушены. Мосты сожжены. Шпалы вырыты и унесены. Рельсы большей частью валяются на полотнѣ желѣзной дороги. Позже была разрушена линія между Хайченомъ и Ташичао и возлѣ Кайчжоу. Работы по возстановл[illegible] начаты мною еще 16 іюля и нынѣ исправлено около [illegible]годаря чему представилась возможность подавать

санитарные поѣзда Кр. Креста для пріема больныхъ и раненыхъ уже на 15 верстъ за Хайченомъ. Изъ 1600 вагоновъ разрушено, сожжено и попорчено около 700 вагоновъ, въ цѣлости сохранилось около 900. Изъ 60 паровозовъ въ руки боксеровъ попало

Труды боксеровъ.

17, изъ нихъ 11 находятся въ Ляоянѣ. Паровозы сильно попорчены, но есть надежда на ихъ исправленіе. Въ нашемъ распоряженіи находятся 43 паровоза, совершенно годныхъ къ дѣйствію. Паровозы и вагоны будутъ исправляться своими средствами, на нашихъ мастерскихъ. Мы немедленно приступаемъ къ возстановленію всего разрушеннаго пути. Работы будутъ вестись съ разныхъ пунктовъ. Работы у Хайчена и Ляояна уже начаты. Стоимость исправленія каждой версты обойдется отъ 4 до 5 тысячъ рублей. Вся работа, вѣроятно, будетъ стоить отъ 6 до 8 милліоновъ. Весь пострадавшій путь я надѣюсь исправить въ 6 мѣсяцевъ, а установленіе правильнаго движенія поѣздовъ по желѣзной дорогѣ, благодаря возстанію боксеровъ, отсрачивается приблизительно на 1 годъ. Сколько желѣзнодорожныхъ служащихъ погибло во время этихъ смутъ — еще не выяснено окончательно. Не досчитываютъ очень многихъ. Не считая многихъ раненыхъ, пока удостовѣрено 15 убитыхъ. Много пропавшихъ безъ вѣсти. Станція Суетунь вся вырѣзана. О бѣдномъ инженерѣ Верховскомъ я не имѣю никакихъ извѣстій.

Широкая Мандаринская грунтовая дорога, глубоко прорѣзанная колеями и ухабами, по которымъ мы ѣхали, нѣсколько разъ подходила къ полотну желѣзной дороги. Если бы не рельсы, которыя валялись иногда вдоль насыпи, то трудно было бы признать, что здѣсь пролегала желѣзная дорога. Шпалы были расхищены и

сожжены. Насыпь разрыта и обращена китайцами въ проселочную дорогу. Телеграфные столбы и всѣ мосты уничтожены. Вмѣсто желѣзнодорожныхъ зданій виднѣлись обгорѣлые остовы стѣнъ и трубъ.

Попутныя деревни, разграбленныя китайскими солдатами и боксерами при приближеніи русскихъ, были покинуты жителями. Встрѣчались дымившія пожарища и трупы китайцевъ. Въ одной деревнѣ я увидѣлъ туловище убитаго китайца, ноги котораго валялись въ другой деревнѣ. Какимъ образомъ ноги ушли отъ своего владѣльца въ сосѣднюю деревню — не знаю. Единственными живыми обитателями этихъ богатыхъ просторныхъ Маньчжурскихъ селъ и деревень были однѣ пугливыя собаки и молчаливыя степенныя свиньи.

Инженеръ Б. А. Верховскій.

Насколько въ Печилійской провинціи китайскія деревни были скучены, сжаты, тѣсны и бѣдны, настолько въ Маньчжуріи села китайцевъ и маньчжуръ раскинулись широко и привольно. Широкія улицы, просторныя усадьбы, большіе дворы, крѣпкіе помѣстительные дома, построенные изъ кирпича, а не мазанные изъ глины и соломы—какъ въ Чжили. Видно было по всему, что въ Фыньтѣнфу — Южной провинціи Маньчжуріи жило привольное и зажиточное торговое населеніе.

Всюду попадались постоялые дворы, бобовые и ханшинные заводы, лавки, амбары, склады. Переночевавъ на одномъ заводѣ въ Янтаѣ, утромъ 22 сентября мы пріѣхали въ Мукденъ, занятый русскими войсками.

Императорскій дворецъ въ Мукденѣ.

Въ Священной столицѣ

22 Сентября

Въ глубокой древности „Священный городъ“ Мукденъ, подъ именемъ Шэньянъ, принадлежалъ китайцамъ. Въ 1626 году Маньчжурскій ханъ Тайцзу завоевалъ Шэньянъ, далъ ему маньчжурское названіе Мукденъ, т. е. „Священный“ и избралъ этотъ городъ для своей столицы.

Въ окрестностяхъ Мукдена воздвигнуты двѣ великолѣпныя усыпальницы: Чжаолинъ, въ которой погребенъ основатель Маньчжурской династіи Тайцзу, и Фулинъ, въ которой покоится прахъ Тайцзупа, отца основателя династіи.

Со времени существованія Маньчжурской династіи Цинонъ никогда ниодно иностранное войско не подходило къ Мукдену и не тревожило своимъ появленіемъ вѣчнаго сна великаго Тайцзу и его отца. Японцы во время войны съ китайцами могли дойти только до Аньшаньчжаньскихъ высотъ, были здѣсь разбиты китайцами и не рѣшились болѣе углубляться въ дебри Маньчжуріи.

„Священная столица“ Маньчжуріи, до сихъ поръ еще называемая такъ китайцами—„Шэньцзинъ“, въ 1900 году впервые была завоевана русскими войсками и впервые лишилась своей [illegible] покоя за 275 лѣтъ.

Честь завоеванія Мукдена принадлежала генералу Суботичу и его Южно-Маньчжурскому отряду.

Генералъ-лейтенантъ Генер. Штаба Суботичъ хорошо извѣстенъ китайцамъ на Квантунѣ и въ Южной Маньчжуріи какъ Су-цзянцзюнь. Послѣ службы на Кавказѣ, ген. Суботичъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба Приамурскаго воен. округа и послѣдніе годы своей дѣятельности посвятилъ Дальнему Востоку. Въ 1895 году ему пришлось вынести на себѣ всю тяжесть экстренной мобилизаціи войскъ Приамурскаго края, послучаю осложненій съ Японіей. Въ началѣ 1898 года генералъ Суботичъ былъ назначенъ во Владивостокъ военнымъ губернаторомъ Приморской области, во главѣ которой пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ осенью 1898 года онъ былъ избранъ для совершенно новаго поста начальника только что занятаго Россіей Квантунскаго полуострова, первымъ начальникомъ котораго былъ адм. Дубасовъ, занимавшій Квантунъ. Новому начальнику и окружавшему его маленькому штату первыхъ піонеровъ русской администраціи выпало на долю совершенно новое и весьма трудное и сложное дѣло—создать въ Китаѣ первую русскую колонію

Главная улица въ Мукденѣ.

и ввести на китайскомъ Квантунѣ русскую гражда
основаніе своей политической дѣятельности генералъ
галъ установленіе самыхъ дружественныхъ, справ
манныхъ отношеній къ китайскому населенію, сбл
цами, охраненіе ихъ правъ, привлеченіе ихъ сим
Россіи и т. д. Извѣстно, что во всѣхъ остальны
колоніяхъ въ Китаѣ (Гонконгъ, Шанхай, Цзяоч
странцы живутъ совершенно отчужденно отъ китай
пользуются даже всѣми правами въ предѣлахъ ино
наравнѣ съ иностранцами. Ближайшими сотрудник
ботича въ этой дѣятельности были: начальникъ окр

Ворота „Гражданскихъ добродѣтелей" ведущія къ Императорск

полуострова подполковникъ Куколь-Яснопольскій
прекрасно владѣющій китайскимъ языкомъ и и
ралѣ обязанности дипломатическаго чиновника
тайцами. Супругѣ генерала Олимпіи Ив. Су
энергичные труды по устройству перваго русск
въ Портъ-Артурѣ, а также видная дѣятельнос
Креста.

STANFORD LIBRARIES

По занятіи Мукдена, генералъ Суботичъ немедленно принялъ самыя строгія мѣры къ тому, чтобы въ столицѣ былъ возстановленъ порядокъ, спокойствіе, личная и имущественная безопасность китайцевъ и не допускались никакіе грабежи и вымогательства у жителей. Къ населенію онъ обратился съ успокоительнымъ воззваніемъ, написаннымъ на китайскомъ языкѣ, дословный переводъ котораго на русскій языкъ слѣдующій:

„Великаго Россійскаго Государства, командующій сухопутными войсками Южно-Маньчжурскаго отряда, цзяньцзюнь Су объявляетъ:

„Боксеры и бунтующіе солдаты разрушили желѣзную дорогу и убили многихъ служащихъ, а послѣ этого стали грабить и убивать мирныхъ китайскихъ жителей. За это имъ уже досталось отъ русскихъ войскъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ [illegible] боксеры и солдаты были прогнаны, китайскіе жители возвратились въ свои города и села и теперь живутъ мирно и занимаются своимъ дѣломъ.

„Но не всѣ еще мирные жители могутъ жить спокойно отъ этихъ худыхъ людей, поэтому Русскій Царь приказалъ мнѣ наказать всѣхъ бунтовщиковъ и утвердить опять въ прежнемъ спокойствіе.

„Я [illegible]

[illegible]

многихъ другихъ мѣстахъ, которыя всѣ нами завоеваны—это вѣдь вамъ, конечно, извѣстно.

„Вотъ, что я вамъ хотѣлъ сказать, читайте и исполняйте, а не исполните, худо будетъ".

Я провелъ въ Пекинѣ мѣсяцъ и столько же пробылъ въ Мукденѣ. Въ Пекинѣ было слишкомъ много командировъ и начальниковъ, слишкомъ много иностранныхъ недисциплинированныхъ солдатъ — и поэтому тамъ было мало порядка и согласія. Согласно только грабили. Вначалѣ Пекинъ громили боксеры, потомъ онъ былъ разграбленъ и проданъ съ публичнаго торга союзниками.

Въ Мукденѣ бѣжавшія въ смятеніи китайскія войска только начали грабежи и сожженіе города, который былъ вовремя спасенъ отрядомъ генерала Суботича. Пострадала главная улица, на которой находились богатые магазины, конторы и мѣняльныя лавки китайцевъ. Большая часть города была сохранена въ цѣлости. Въ Мукденѣ была одна власть, одинъ начальникъ и притомъ весьма гуманный и относившійся къ китайцамъ съ сочувствіемъ и уваженіемъ—поэтому въ Мукденѣ былъ полный порядокъ.

Помощникъ уполномоченнаго Кр. Креста войск. старш. Дмитренко.

Все время, которое я провелъ въ Мукденѣ, сейчасъ-же послѣ его занятія, я не видѣлъ ничего подобнаго тому, чѣму былъ свидѣтелемъ въ Пекинѣ.

Послѣ мирнаго воззванія генерала Суботича, составленнаго совершенно въ китайскомъ духѣ, жители стали мало-по-малу возвращаться въ свою столицу и окрестныя деревни. Купцы понемногу открывали свои лавки и торговали тѣмъ, что удалось спасти. Поселяне принимались за уборку хлѣбовъ.

Для того чтобы привлечь самихъ китайцевъ къ успокоенію города, генералъ Суботичъ созвалъ китайскихъ купеческихъ старшинъ, успокоилъ ихъ и поручилъ имъ самимъ наблюдать за порядкомъ въ городѣ. Полиція была составлена изъ русскихъ стрѣлковъ и китайскихъ стражниковъ.

Для завѣдыванія городскими дѣлами было составлено временное городское управленіе: изъ губернатора—командира 11-го В. С. Стр. полка полковника Домбровскаго, вице - губернатора Генеральнаго Штаба подполковника Дессино и 5 полиціймейстеровъ, которые завѣдывали 4 частями города, юго-восточной и югозападной, сѣверо-восточной и сѣверозападной, а также центральной частью—Императорскимъ городомъ.

Сестра Азарьева, умершая въ Мукденѣ отъ тифа.

Въ великолѣпныхъ Богдыханскихъ гробницахъ Чжаолинъ и Фулинъ, сооружонныхъ въ окрестностяхъ Мукдена, были поставлены военные караулы для охраны гробницъ отъ разграбленія китайскими хунхузами.

Китайцы высоко цѣнятъ подобное гуманное отношеніе къ нимъ и стараются отблагодарить по своему. Вскорѣ послѣ отъѣзда генерала Суботича, Мукденскіе купеческіе старшины постановили, по китайскому обычаю, поднести генералу Суботичу, на память о его пребываніи въ Мукденѣ, традиціонные почотные знаки: зонтикъ, знамя и привѣтственный адресъ.

Въ адресѣ китайскіе купцы написали слѣдующее:

„Общество Китайскихъ Мукденскихъ купеческихъ старшинъ почтительнѣйше, подъ знаменами генералъ-лейтенанта Суботича, выражаютъ ему слѣдующее:

„Они въ знакъ благодарности за то, что генералъ Су (Суботичъ) и губернаторъ До (Домбровскій) дорогого государства (Россіи), во главѣ войскъ, прекратили въ Мукденѣ огонь и спасли народъ,—съ чувствами радости и любви желаютъ поднести отъ 10,000 людей знамя и зонтикъ, чѣмъ они хотѣли бы выразить преисполняющія ихъ мысли и чувства.

„Послѣ того какъ генералъ Су, одержавъ побѣды, вернулся въ дорогое государство, были приготовлены знамя и зонтикъ.

„Старшины сами привезли въ Лушунькоу (Портъ-Артуръ) знамя и зонтикъ и просятъ генерала принять ихъ.

„Они приложили всѣ старанія чтобы приготовить эти подношенія, и если генералъ Су приметъ ихъ, они будутъ глубоко обрадованы.

„Такія же подношенія были сдѣланы губернатору До раньше, за его такое же славное дѣяніе.

„Это вершковое прошеніе написано съ почтеніемъ и съ пожеланіемъ всякихъ благополучій.

Русскаго календаря 1901 годъ.
Китайскаго Государства
Гуанъ Сюй 27-й годъ.

Старшины: Цзу Куй Фынъ
Суй Чао Шэнъ
Ванъ Шу Кай
И Фынъ Чанъ

Сестра графиня Е. Н. Игнатьева.

Не малая заслуга въ смыслѣ сближенія съ китайскимъ населеніемъ принадлежитъ отряду Кр. Креста С. Александровскаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Мукдена—въ немъ уже былъ устроенъ Александровскимъ и всѣми дѣятелями и дѣятельницами его отряда первостепенный госпиталь, прекрасно оборудованный и снабженный всѣмъ необходимымъ. Не только русскіе, но даже китайцы

лечились въ этомъ госпиталѣ и встрѣчали самый заботливый уходъ и братское отношеніе.

Среди ревностныхъ труженицъ — сестеръ милосердія этого отряда находилась графиня Екатерина Николаевна Игнатьева, дочь бывшаго посланника въ Китаѣ генералъ-адъютанта графа Н. П. Игнатьева. Она проводила дни и ночи у изголовья раненыхъ и больныхъ солдатъ, подолгу бесѣдовала съ ними, читала имъ книжки. Солдаты любили ее какъ родную сестру и называли ее „Краснымъ солнышкомъ“.

Старшая сестра Ахрютина.

Корнетъ Базилевичъ, эсаулъ Мадритовъ и казаки Верхнеудинцы.

Походы

Одновременно съ успокоеніемъ столицы Маньчжуріи русскія военныя власти предприняли рядъ походовъ въ глубь Маньчжуріи для уничтоженія остатковъ китайской арміи и усмиренія всего края. Но эта задача оказалась гораздо труднѣе завоеванія.

Китайскія войска разбѣжались по горамъ и долинамъ необъятной Маньчжуріи, разбились на мелкіе отряды и повсюду разоряли свои же города. Тѣ города, которые оказывали русскимъ гостепріимство, они наказывали еще болѣе тяжолымъ разореніемъ и сожженіемъ. Такимъ образомъ китайское мирное населеніе оказывалось между двухъ огней и не знало, чью власть признавать въ краѣ. Къ бѣглымъ китайскимъ солдатамъ присоединились хунхузы.

Въ первое время были отправлены слѣдующія экспедиціи:

23 сентября изъ Мукдена былъ высланъ на сѣверъ въ Телинъ отрядъ полковника Мищенко, который въ Телинѣ встрѣтилъ сотню эсаула Кузнецова изъ отряда генерала Ренненкампфа и такимъ образомъ установилъ связь между русскими войсками, дѣйствовавшими въ Южной и Сѣверной Маньчжуріи.

23 сентября вышелъ изъ Мукдена летучій отрядъ, подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба генерала Кондратовича, завѣдывав-

шаго военными сообщеніями, въ составѣ пѣхоты и артилеріи (подполковникъ кн. Крапоткинъ), конницы (эсаулъ Мадритовъ) и саперъ. Назначеніе этого отряда было установить рѣчное сообщеніе по рѣкѣ Ляохэ и ея притоку Хунхэ, протекающему возлѣ Мукдена, для того чтобы доставлять транспорты водою отъ Инкоу до Мукдена.

Генералъ Кондратовичъ.

Генералъ Кондратовичъ прошолъ весь назначенный путь, имѣлъ во многихъ мѣстахъ перестрѣлку съ китайскими бѣглыми войсками и хунхузами и впервые установилъ связь по рѣкѣ Ляохэ между Мукденомъ и Инкоу. На генерала Кондратовича въ кампанію 1900 года было возложено весьма трудное, сложное и отвѣтственное дѣло: устройство военныхъ сообщеній и тыловой организаціи на огромной области — отъ Пекина до Мукдена. Благодаря его стараніямъ, вскорѣ послѣ взятія Пекина и Мукдена русскій военный телеграфъ, проведенный нашими саперами, уже работалъ между Портъ-Артуромъ и этими столицами. Также благодаря настойчивости генерала Кондратовича быстро былъ возстановленъ китайскій телеграфъ, разрушенный въ Маньчжуріи боксерами. Съ помощью этого телеграфа

было установлено прямое телеграфное сообщеніе между Порть-Артуромъ и Сибирью, благодаря чему Петербургъ получилъ возможность сообщаться непосредственно съ Маньчжуріею и Квантуномъ по русскому телеграфу, не прибѣгая къ иностраннымъ кабелямъ. Впослѣдствіи генералъ Кондратовичъ былъ начальникомъ отрядовъ, которые посылались вглубь Маньчжуріи для усмиренія страны.

Подполковникъ Ген.-Шт. Запольскій.

26 сентября генералъ-лейтенантъ Штакельбергъ, во главѣ отряда изъ трехъ родовъ оружія, переправился черезъ рѣку Ляохэ, занялъ Синьминтинъ, двинулся на сѣверозападъ и отбросилъ въ Монголію остатки китайскихъ войскъ. Начальникомъ штаба этого отряда былъ подполковникъ Генеральнаго Штаба Запольскій, уже отличившійся въ Сѣверной Маньчжуріи взятіемъ китайскихъ орудій.

На юговостокъ, въ долину рѣки Ялу, къ границамъ Кореи былъ отправленъ отрядъ полковника Артамонова, взявшій городъ Фынхуанченъ.

21 октября, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, въ Мукденѣ произошло торжественное братаніе русскихъ отрядовъ — Южно-Маньчжурскаго и Сѣверо-Маньчжурскаго, представителемъ котораго явился генералъ-лейтенантъ Каульбарсъ, пріѣхавшій изъ Сѣверной Маньчжуріи съ небольшимъ отрядомъ. На площади Богдыханскаго дворца, передъ собранными войсками, генералъ Каульбарсъ сказалъ горячую рѣчь, въ которой описалъ заслуги русскихъ доблестныхъ войскъ, въ два мѣсяца прошедшихъ всю Маньчжурію и занявшихъ главнѣйшіе города, и передалъ привѣтъ отъ Сѣверныхъ отрядовъ—Южно-Маньчжурскому.

Въ отрядѣ генерала Каульбарса переводчикомъ китайскаго языка состоялъ шт. кап. Россовъ, служившій ранѣе на Квантунѣ—одинъ изъ тѣхъ русскихъ самородковъ, которые сами родятся, сами учатся, сами трудятся и сами дѣлаютъ себѣ карьеру. По окончаніи Павловскаго училища онъ самъ просилъ назначить его въ одинъ изъ приамурскихъ батальоновъ, стоявшихъ въ Хабаровскѣ. Самъ хлопоталъ,

чтобы его командировали въ Пекинъ для изученія китайскаго языка, который онъ одолѣлъ въ два года. Послѣ занятія Портъ-Артура онъ оказался на Востокѣ единственнымъ русскимъ офицеромъ, знающимъ свободно китайскій языкъ, вслѣдствіе чего генералъ Суботичъ, бывшій въ то время начальникомъ Квантунскаго полуострова, из-

Штабсъ-капитанъ Россовъ.

начилъ его своимъ дипломатическимъ чиновникомъ. Двадцатипятилѣтній дипломатъ не только самъ прекрасно справлялся съ китайцами на Квантунѣ, но даже успѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ написать серьезную и дѣльную книгу „Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія“. Это было первое популярное сочиненіе о Квантунѣ, напечатанное въ 1900 г. въ „Новомъ Краѣ“ и затѣмъ изданное въ Портъ-Артурѣ отдѣльной книгой.

Въ стычкѣ съ хунхузами въ Дагушанѣ, осенью 1900 года, Россовъ былъ раненъ.

Одной изъ самыхъ трудныхъ была экспедиція ротмистра гвардіи Ельца, извѣстнаго военнаго писателя. 23 сент. съ небольшимъ отрядомъ онъ отбилъ у боксеровъ гор. Юнпинфу. 14 октября Елецъ былъ командированъ для освобожденія католической миссіи въ Суншуцицзы, въ которой были осаждены китайскими войсками и бо[illegible]писконъ Восточной Монголіи Абельсъ, 23 миссіонера и

000 китайцевъ-христіанъ. Явившись на выручку, Елецъ самъ шалъ въ осаду, которую геройски выдерживалъ со своимъ отря-мъ 6 дней. Во время перестрѣлки Елецъ былъ тяжело раненъ и раза, ранены — храбрый подпор. Бунинъ — тяжело въ ногу, одпор. Пельгорскій, д-ръ Шрейбе и 26 солдатъ. 2 солдата убиты. 2 октября явился генералъ Церпицкій и освободилъ осажденныхъ.

Послѣ того какъ были заняты главнѣйшіе города Маньчжуріи: ицикаръ, Гиринъ и Мукденъ и возстановленъ порядокъ въ окру-ающихъ мѣстностяхъ, былъ предпринятъ цѣлый рядъ походовъ въ оры и топи Маньчжуріи и въ степи Монголіи. Конецъ 1900 года, есь 1901 годъ и начало 1902 были посвящены этимъ труднымъ знурительнымъ походамъ то по скаламъ, то по болотамъ, то по ескамъ, то въ жгучій зной, то въ леденящій морозъ. Главною лью этихъ походовъ было—уничтожить остатки китайской арміи, родолжавшіе разорять страну, и разсѣять царство хунхузовъ, дав-ишній и злѣйшій бичъ Маньчжуріи. Эти хунхузы, состоявшіе изъ азбойниковъ и бездомныхъ бродягъ, гнѣздились въ восточныхъ го-ахъ Маньчжуріи, были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ, на-одили ужасъ на населеніе маньчжурскихъ городовъ и деревень, ко-орыя они облагали данью, и безъ откупа не пропускали ни одного оза на дорогѣ и ни одной джонки на рѣкѣ.

Трудныя и продолжительныя экспедиціи генераловъ Кондрато-ича, Церпицкаго и Каульбарса въ горы Маньчжуріи только разме-али гнѣзда хунхузовъ, но не уничтожили ихъ. Нѣсколько тысячъ унхузовъ и ихъ главный предводитель—60-лѣтній ханъ Ліуданьзыръ (порусски: шесть дробинокъ) сдались русскимъ. Эсаулу Мадри-ову, прославившемуся своими набѣгами на хунхузовъ, было пору-ено командовать этой ордой плѣненныхъ хунхузовъ, которыхъ онъ осылалъ на разныя работы, на постройку Маньчжурской желѣзной ороги, употреблялъ для летучей почты, для исправленія дорогъ и р. Сдавшіеся хунхузы оказались весьма старательными работни-ами на русской службѣ. Но тысячи ихъ еще скрываются въ лѣ-ахъ и скалахъ Маньчжуріи и предпочитаютъ болѣе легкій и вѣр-ый способъ добычи—грабежъ и насиліе.

Нѣтъ сомнѣнія, что когда русскія войска будутъ окончательно ыведены изъ тѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Маньчжуріи, въ которыхъ они находятся въ настоящее время, то хунхузы тѣмъ самымъ не удутъ выведены и все въ Маньчжуріи останется попрежнему: хун-хузы будутъ попрежнему грабить города и деревни и прежде всего естоко накажутъ тѣ города, которые оказывали гостепріимство рус-

скимъ; хунхузы попрежнему будутъ нападать на обозы русскихъ купцовъ, на станціи и посты нашей желѣзной дороги, а при большей смѣлости—будутъ нападать и на наши поѣзда.

Втеченіе событій 1900 года Россія немедленно мобилизовала 98,000 солдатъ, т. е. въ 10 разъ больше того числа войскъ, которыя были присланы всѣми иностранными державами вмѣстѣ для освобожденія Пекина. Россія потеряла 2002 солдата ранеными, убитыми и пропавшими безъ вѣсти.

Россія исключительно своими силами, быстро собранными и направленными, произвела усмиреніе Маньчжуріи отъ Айгуна до Инкоу, отъ Монголіи до Кореи. Россія покрыла Маньчжурію не только величайшей желѣзнодорожной сѣтью, стоющей пока 500 милліоновъ русскихъ денегъ, но усѣяла ее также костями своихъ солдатъ и строителей дороги, погибшихъ во время смутъ.

Пусть же—кости этихъ русскихъ людей, покоящихся вѣчнымъ сномъ въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ маньчжурскихъ углахъ, всегда напоминаютъ, кому принадлежитъ первое право и будущее въ Маньчжуріи.

Русскія могилы въ Китаѣ.

Дворецъ предковъ Богдыхана и русскія палатки въ Мукденѣ

Перемиріе

Еще до занятія Мукдена, правитель Мукденской провинціи цзянцзюнь Цзэнъ Ци, испытанный другъ Россіи и неизмѣнный сторонникъ мира, порядка и законности, написалъ слѣдующее письмо къ адмиралу Алексѣеву, надѣясь этимъ письмомъ предотвратить походъ русскихъ войскъ на Мукденъ:

„Китай и Россія въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій находились въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ и никогда не воевали другъ съ другомъ. Границы наши соприкасаются подобно тому, какъ соприкасаются губы съ зубами. Когда въ 1894 г. былъ нарушенъ нашъ миръ съ Японіей, то благодаря посредничеству почтеннаго государства (Россіи) состоялось примиреніе и до настоящаго времени все было спокойно. Нынѣшнимъ лѣтомъ появилось множество бунтовщиковъ-боксеровъ, которые убивали христіанъ, жгли и разрушали храмы и разоряли страну. Первоначально это не касалось почтеннаго государства. Въ то время было уже рѣшено между Инкоускимъ даотаемъ и русскимъ консуломъ въ Инкоу, что каждый самъ будетъ охранять своихъ согражданъ. Неожиданно бунтовщики-боксеры произвели безпорядки и невозможно было избѣжать столкновеній. Нынѣ уже изловлено и казнено нѣсколько десятковъ боксеровъ и въ настоящее время страна отъ нихъ очищена. Ввиду сего и принимая во вниманіе, что великая держава Россія издавна находилась въ мирѣ съ Китаемъ, я смѣю надѣяться, что согласно

съ завоѣданія небесной добродѣтели возможно будетъ прекратить военныя дѣйствія и остановить наши войска тамъ, гдѣ они находятся теперь, приказавъ имъ не идти далѣе, дабы охранять населеніе и избѣжать дальнѣйшихъ человѣческихъ жертвъ.

„Что касается желѣзной дороги, то вѣдь первоначальныя цѣли ея торговыя. Поэтому, если населеніе оставитъ свои земли, то отъ этого пострадаетъ благосостояніе края и будетъ причиненъ ущербъ торговлѣ. Гораздо лучше прекратить войну и возвратиться къ добру и миру.

„Теперь до меня дошли слухи, что въ Пекинѣ уже начались переговоры о мирѣ, и не сегодня—завтра онъ будетъ заключенъ. Поэтому надѣюсь, что вы, почтенный адмиралъ, прикажете войскамъ вашимъ прекратить военныя дѣйствія въ ожиданіи заключенія мира и возвращенія къ давнишнимъ добрымъ отношеніямъ. Съ пожеланіями всего лучшаго ожидаю отвѣта.

„Цзянцзюнь Цзянъ Ци“ (Переводъ письма на русскій языкъ сдѣланъ Ливачовымъ).

Адмиралъ Алексѣевъ написалъ цзянцзюню Цзянъ Ци слѣдующій отвѣтъ, посланный 4 сентября 1900 года:

„1 сентября я получилъ ваше сообщеніе, въ которомъ вы просили о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Я глубоко сожалѣю, что боксерское возстаніе привело къ нарушенію мира и искренно желаю возстановленія дружескихъ отношеній.

„Китайскіе солдаты не только не успокоили [illegible], но самовольно начали военныя дѣйствія противъ нашихъ войскъ и тѣмъ самымъ вызвали нарушеніе мира.

„Войска наши были посланы исключительно для охраны нашихъ подданныхъ, посему для прекращенія военныхъ дѣйствій необходимо, чтобы намъ былъ открытъ безпрепятственный доступъ въ Мукденъ и во всѣ крѣпости, форты, лишаи и другія укрѣпленныя мѣста провинціи, а равнымъ образомъ, чтобы выданы были всѣ имѣющіяся у вашихъ войскъ ружья и пушки и переданы всѣ арсеналы и военные склады. Кромѣ того вы должны помогать нашимъ войскамъ при найтѣ рабочихъ и подводъ, закупкѣ продовольствія и фуража и вообще содѣйствовать установленію добрыхъ къ намъ отношеній и довѣрія со стороны населенія подвѣдомственной вамъ провинціи. Въ такомъ случаѣ съ нашей стороны мы будемъ оказывать вашимъ властямъ полную поддержку въ защитѣ мирнаго населенія, умиротвореніи и управленіи краемъ для обоюдной пользы и блага.

„Адмиралъ Алексѣевъ“.

Черезъ десять дней адмиралъ Алексѣевъ обратился съ новымъ письмомъ, адресованнымъ цзянцзюню и китайскимъ министрамъ въ Мукденѣ:

„Въ отвѣтъ на сообщеніе ваше отъ 31 августа (20 числа 8 мѣсяца) считаю долгомъ увѣдомить, что условія, на коихъ Россійское Правительство согласно прекратить военныя дѣйствія, уже

Мукденскій цзянцзюнь Цзэнъ Ци.

изложены въ отвѣтномъ сообщеніи моемъ отъ 4-го сентября. Считаю долгомъ присовокупить, что Россійское Правительство не питаетъ никакой вражды къ Китаю и попрежнему проникнуто къ нему лучшими доброжелательными чувствами, а равно желаніемъ содѣйствовать правительству Его Величества Богдыхана въ скорѣйшемъ возстановленіи спокойствія. Тѣмъ не менѣе событія въ Маньчжуріи ознаменовались повсемѣстнымъ разрушеніемъ желѣзнодорожнаго пути и бомбардировкою нашихъ городовъ, что обязывало насъ для защиты русскихъ подданныхъ и охраны желѣзной дороги принимать

всѣ мѣры и отправить свои войска вдоль Маньчжурской желѣзной дороги, дабы не рисковать снова громадными капиталами, которые затрачиваются на ея постройку.

„Ожидаю отвѣта отъ вашего превосходительства, который прошу переслать мнѣ черезъ генерала Суботича.

„Адмиралъ Алексѣевъ".

Согласно послѣднему письму адмирала Алексѣева, цзянцзюнь Цзэнъ Ци написалъ слѣдующее письмо генералу Суботичу (переводъ Ливачана):

„Вчера я имѣлъ честь послать вамъ, почтенный цзянцзюнь, письмо, которое, надѣюсь, будетъ вамъ доставлено.

„Въ настоящее время, при пожеланіи вамъ добраго здоровья, имѣю честь сообщить вамъ, что ввиду безпорядковъ, учиненныхъ злонамѣренными ихэцюанями-боксерами, въ краѣ объявлено военное положеніе. Все это не отвѣчало намѣреніямъ и желаніямъ нашего Императора, начальствующихъ лицъ, жителей и купцовъ. Виною всему боксеры. Ради добрыхъ отношеній, существующихъ болѣе 200 лѣтъ между обоими нашими государствами, я никогда не допускалъ мысли, что такая вѣковая дружба можетъ быть нарушена или потеряна. Поэтому я неоднократно обращался къ вамъ съ просьбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій. До прихода русскихъ войскъ въ столицу—Мукденъ я поддерживалъ спокойствіе народа, и приказалъ, остановить всякія военныя дѣйствія. По общему обычаю, мы должны были выѣхать изъ столицы и ждать дальнѣйшихъ переговоровъ—съ горькимъ чувствомъ жалости о всемъ происшедшемъ. Навѣрное вы, почтенный цзянцзюнь, ваши чиновники и, наконецъ, всѣ жители Мукденской провинціи

Ротмистръ Елецъ.

знали о моемъ искреннемъ желаніи прекратить всякія враждебныя дѣйствія другъ противъ друга. Я слышалъ, что вы, почтенный цзянцзюнь, по пріѣздѣ въ Мукденъ, командировали солдатъ для охраны Императорскихъ могилъ и дворца, а также вы успокоили мѣстныхъ купцовъ и жителей, которые занимаются теперь своимъ дѣломъ тихо и спокойно. При этомъ вы не позволяли солдатамъ брать у жителей что бы то ни было, и даже никто изъ жителей не былъ убитъ или ограбленъ. Такія высоконравственныя распоряженія и заботливость не только въ нашъ вѣкъ, но очень рѣдко встрѣчаются даже въ старину, у знаменитыхъ полководцевъ. За это я глубоко тронутъ и признателенъ. Также я очень благодаренъ вамъ за то, что вы — хотя мнѣ это весьма совѣстно — нѣсколько разъ посылали ко мнѣ людей, чтобы я возвратился въ столицу. Ввиду этого я надняхъ

Капитанъ Массальскій и саперы 17-го Сапернаго батал. въ маньчжурской деревнѣ.

командировалъ чиновниковъ въ Мукденъ съ моими предложеніями относительно мирныхъ переговоровъ для представленія вашему превосходительству, но до сихъ поръ я не получилъ отъ нихъ никакого отвѣта.

„Вслѣдствіе разграбленія населенія бѣжавшими солдатами и хунхузами, необходимо принять теперь же мѣры къ преслѣдованію ихъ, чтобы дать возможность жителямъ мирно продолжать свою обыденную жизнь.

„14-го числа я прибылъ въ Синьминтинъ и получилъ письмо отъ адмирала Алексѣева, который сообщилъ мнѣ, что Мукденскую

провинціи предположено возвратить Китаю по примѣру Пекина и Чжилійской провинціи и настаивать, чтобы я, цзянцзюнь, и остальныя власти возвратились въ Мукденъ. 15-го числа я уже отвѣтилъ на это сообщеніе по телеграфу. Теперь я остаюсь жить на нѣсколько дней въ Синьминтинѣ и затѣмъ намѣренъ выѣхать въ Мукденъ для свиданія съ вами, такъ какъ надѣюсь получить отъ васъ добрые совѣты. Жду вашего почтеннаго отвѣта. Прилагаю при семъ мою визитную карточку.

„Командированный мною въ столицу Мукденъ для переговоровъ даотай Чжоу Мянь, какъ сообщаютъ, теперь выѣхалъ въ Портъ-Артуръ, но до сего времени я не имѣю о немъ никакихъ извѣстій, что меня крайне безпокоитъ. Въ настоящее время бѣжавшіе солдаты и разбойники бродятъ повсюду. Если ихъ теперь же не преслѣдовать, то жителямъ безусловно грозитъ смертельная опасность. Если даотай Чжоу Мянь не можетъ рѣшить вопросовъ о переговорахъ, то я, цзянцзюнь, прибуду въ Мукденъ для личныхъ переговоровъ съ вами. Покорнѣйше прошу объ этомъ сообщить адмиралу Алексѣеву. Если вы найдете возможнымъ, то благоволите сообщить по телеграфу въ Портъ-Артуръ

„Цзянцзюнь Цзэнъ Ци“.

21 октября въ Портъ-Артуръ прибыли чиновники, командированные цзянцзюномъ для веденія предварительныхъ переговоровъ: даотай Чжоу Мянь—директоръ китайской Хэйлунцзянской лѣсной компаніи, поставляющей лѣсъ на Маньчжурскую желѣзную дорогу, переводчикъ Жуй Ань, служившій ранѣе при китайской миссіи въ Петербургѣ, и уѣздный начальникъ Цзянь Вэнь Си.

Послѣ того какъ, по Высочайшему повелѣнію, русскія войска были выведены изъ Пекина, Пекинское центральное правительство относилось съ такимъ довѣріемъ къ Россіи, что переговоры со своимъ цзянцзюнемъ въ Мукденѣ оно вело черезъ посредство адмирала Алексѣева, предложивъ цзянцзюню самостоятельно вести переговоры съ русскими властями о сдачѣ городовъ Россіи и о совмѣстномъ русско-китайскомъ управленіи въ Южной Маньчжуріи путемъ заключенія отдѣльнаго соглашенія.

Прибывшіе въ Портъ-Артуръ китайскіе чиновники привезли письмо цзянцзюня, который выражалъ сожалѣніе о случившемся, предлагалъ оказать свое содѣйствіе въ умиротвореніи страны и соглашался на всѣ условія, которыя будутъ угодны русскимъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ китайскіе посланцы подписали предварительное военное соглашеніе, выработанное по порученію

Дѣятели временнаго военнаго соглашенія Жуй Ань, И. Я. Коростовецъ и Чжоу Мянь Сзади: П. Г. Тидеманъ, Цзянь Вэнь Си и поручикъ Вавиловъ.

вице-адмирала Алексѣева состоявшимъ при немъ дипломатическимъ чиновникомъ Коростовцомъ. Переговоры съ китайцами велись его секретаремъ Тидеманомъ. Соглашеніе заключалось въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Мукденскій цзянцзюнь является отвѣтственнымъ за сохраненіе мира и порядка въ странѣ, ему ввѣренной, и за правильный и безпрепятственный ходъ работъ по постройкѣ Маньчжурской желѣзной дороги.

2. Для охраненія порядка и спокойствія вдоль Маньчжурской желѣзной дороги будутъ расположены русскія войска, которымъ цзянцзюнь долженъ оказывать содѣйствіе.

3. Китайскія войска, виновныя въ разрушеніи желѣзной дороги и мятежѣ, должны быть распущены. Китайскіе арсеналы, орудія, оружіе, военные склады и запасы Мукденской провинціи передаются русскимъ военнымъ властямъ.

4. Всѣ крѣпости и военныя укрѣпленія должны быть срыты. Китайскіе военные склады, ненужные для потребностей русскихъ военныхъ властей, должны быть уничтожены.

5. Инкоу и другіе китайскіе города, въ которыхъ вводится русское гражданское управленіе, будутъ возвращены Китаю по мѣрѣ возстановленія въ краѣ порядка, по усмотрѣнію Русскаго Правительства.

6. Цзянцзюню предоставляется право образовать пѣшую и конную полицейскую стражу, безъ артилеріи, и ввести въ деревняхъ и селеніяхъ земскую вооружонную полицію.

7. При цзянцзюнѣ будетъ состоять русскій военный комиссаръ.

8. Вслучаѣ необходимости цзянцзюнь можетъ обращаться къ русскимъ военнымъ властямъ за содѣйствіемъ.

30 октября Чжоу Мянь и другіе уполномоченные китайскіе чиновники, въ сопровожденіи поручика 10-го Вост.-Сиб. С. полка Вавилова, уѣхали въ Синьминтинъ, для передачи и утвержденія цзянцзюнемъ означеннаго соглашенія. Въ Синьминтинѣ находился цзянцзюнь, его семья, мукденскіе министры и китайскія войска, бѣжавшіе туда передъ взятіемъ Мукдена.

13 ноября цзянцзюнь Цзэнъ Ци подписалъ конвенцію, которая явилась первымъ соглашеніемъ, заключоннымъ между русскими и китайскими властями въ Маньчжуріи послѣ нарушенія мира. Документъ этотъ, подписанный цзянцзюнемъ, былъ привезенъ въ Портъ-Артуръ поручикомъ Вавиловымъ.

Русско-Китайскія власти въ Ньючжуанѣ.
Штабсъ-капитанъ Грузинскій, Фанъ Шоу Юй, Гэнъ Инъ, русскіе и китайскіе офицеры.

Означенное соглашеніе, послужившее основаніемъ для дальнѣйшаго порядка вещей въ Южной Маньчжуріи въ теченіе первыхъ 18 мѣсяцевъ окупаціи, не было оглашено русскими властями. Китайскія власти однако опубликовали его въ Пекинѣ, послѣ чего оно было напечатано во всѣхъ заграничныхъ газетахъ.

Китайскій офицеръ Чэнь Си Чанъ и русскій кореспондентъ въ Мукденѣ.

Первымъ русскимъ военнымъ комиссаромъ при Мукденскомъ цзянцзюнѣ былъ назначенъ полковникъ Громбчевскій, гражданскій комиссаръ Квантунской области, извѣстный путешественникъ и изслѣдователь Центральной Азіи.

Цзянцзюнь Цзэнъ Ци вскорѣ вернулся въ Мукденъ и снова вступилъ въ управленіе ввѣренной ему провинціей. Съ этого времени началась совмѣстная энергичная работа русскихъ и китайскихъ властей, полная неизмѣннаго дружелюбія и взаимнаго довѣрія, по возстановленію порядка и мирной дѣятельности въ потрясенной Южной Маньчжуріи. Но насколько это дружелюбіе прочно и искренне—покажетъ будущее.

Несмотря на свой государственный умъ, вліяніе и искреннюю привязанность къ русскимъ — цзянцзюнь Цзэнъ Ци одинъ не въ состояніи держать въ своихъ рукахъ Южную Маньчжурію, и когда въ Мукденѣ вспыхнулъ мятежъ, цзянцзюнь былъ безсиленъ его подавить: онъ бѣжалъ и только русскіе снова вернули ему власть.

Пока въ Южной Маньчжуріи оставались русскія войска и населеніе знало надъ собой не безсильныхъ китайскихъ мандариновъ, а твердую русскую власть, оно оставалось спокойно, занималось мирнымъ трудомъ и вслучаѣ разбоевъ хунхузовъ обращалось къ покровительству русской силы, которой боялось и слушалось. Какъ

будетъ вести себя китайское населеніе, особенно бездомное, бродячее, уже искусившееся отъ грабежахъ и разбояхъ 1900 года и что останется отъ только что выстроенной Маньчжурской желѣзной дорогой, по уходѣ русскихъ войскъ,—покажетъ будущее.

Даже положеніе самого Мукденскаго цзянцзюня Цзэнъ Ци н[illegible] [illegible] не прочно. Несмотря на то, что онъ является одним[illegible] [illegible] и благоразумныхъ китайскихъ государ[illegible] [illegible] въ настоящее время, онъ однако не избѣжал[illegible] [illegible] и даже лишонъ былъ должности и чиновъ [illegible] настоянію Россіи, за нимъ былъ сохра[illegible] [illegible] Мукденской провинціи и впослѣдствіи возвра[illegible] [illegible]

[illegible] 1900 года, получивъ телеграмму о подписаніи воен[illegible] [illegible] адмиралъ Алексѣевъ телеграфировалъ цзянцзюн[illegible] [illegible]

[illegible] подписанію нами временнаго соглашенія. Сообщаю [illegible] телеграмму отъ русскаго посланника въ Пекинѣ слѣ[illegible] [illegible]:—Князь Цинъ и Ли Хунъ Чжанъ просят[illegible] [illegible], что ими полученъ указъ богдыхана о вре[illegible] [illegible] въ управленіе Мукденской провинціей.— [illegible] почтенный сановникъ, съ возвращеніемъ въ Мук[illegible] [illegible] убѣжденъ, что общими стараніями намъ удастся со[illegible] [illegible] добрыя отношенія, существовавшія между нам[illegible] [illegible] въ Маньчжуріи".

Казакъ на посту въ Маньчжуріи.

Русско-китайская дружба

Лейтенантъ Бурхановскій и его крестникъ-китаецъ на „Сисоѣ Великомъ".

будетъ вести себя китайское населеніе, особенно бездомное, дячее, уже искусившееся отъ грабежахъ и разбояхъ 1900 и что останется отъ только что выстроенной Маньчжурской ной дорогой, по уходѣ русскихъ войскъ, — покажетъ будуще

Даже положеніе самого Мукденскаго цзянцзюня Цзэнъ его посту не прочно. Несмотря на то, что онъ является о изъ самыхъ дальновидныхъ и благоразумныхъ китайскихъ го ственныхъ дѣятелей въ настоящее время, онъ однако не изб опалы пекинскаго двора и даже лишонъ былъ должности и ч Только благодаря энергичному настоянію Россіи, за нимъ былъ ненъ постъ правителя Мукденской провинціи и впослѣдствіи в щены всѣ чины и отличія.

14 ноября 1900 года, получивъ телеграмму о подписаніи наго соглашенія, адмиралъ Алексѣевъ телеграфировалъ цзян Цзэнъ Ци:

„Весьма радъ подписанію вами временнаго соглашенія. Со что получилъ телеграмму отъ русскаго посланника въ Пекин дующаго содержанія: — Князь Цинъ и Ли Хунъ Чжанъ п сообщить цзянцзюню, что ими полученъ указъ богдыхана менномъ вступленіи его въ управленіе Мукденской провинц Привѣтствую васъ, почтенный сановникъ, съ возвращеніемъ в денъ и твердо убѣжденъ, что общими стараніями намъ удас хранить взаимныя добрыя отношенія, существовавшія межд до начала безпорядковъ въ Маньчжуріи“.

Конецъ

Казакъ на посту въ Маньчжуріи.

Желѣзный Императорскій Драконъ

Рисунки и портреты

ВЪ ТЕКСТѢ

I. Тяньцзинъ

СТР.

1. Наши моряки 1
2. Домъ Главнаго Начальника въ Портъ-Артурѣ 2
3. Яшмовая гора и военная гавань въ Портъ-Артурѣ . . . 7
4. Международная эскадра въ Таку 9
5. Китайцы—шампунщики . . . 9
6. „Россія“ 11
7. „Адмиралъ Корниловъ“ . . . 12
8. „Дмитрій Донской“ 13
9. Контръ-адм. Веселаго 15
10. „Сисой Великій“ 19
11. Устье Пэйхо 23
12. Пристань въ Тонку 24
13. „Бобръ“ въ Тонку 26
14. Пэйхо 28
15. Ген. Вогакъ и его домъ въ Тяньцзинѣ 29
16. Кап. Нечволодовъ 30
17. Французскій муниципалит. . 31
18. Англійскій муниципалитетъ . 32
19. Домъ китайскаго сановника Чжанъ И Мао 33
20. Японское консульство . . . 38
21. Англійскіе офицеры 43
22. Городскія ворота въ Тяньцзинѣ 47
23. Носилки китайскаго генерала. 48
24. Китайское училище 51
25. Китайскій базаръ 52
26. В. Ф. Гроссе 55
27. Китайскіе магазины 56
28. Въ Пекинѣ 61
29. Французскій консулъ гр. Люшэйляръ 68
30. Сотн. Семеновъ 76
31. Англійскіе моряки 77
32. Ген. Анисимовъ 81
33. Китайскіе солдаты 84
34. Знаменосецъ Яковлевъ . . . 90
35. Пор. Блонскій 96
36. Духъ войны Гуаньлаоѣ . . . 97
37. Китайск. Католическ. соборъ. 103
38. Войск. ст. Ловцовъ 105
39. Наши казаки 113
40. Французскіе солдаты и рикши 114
41. Подполк. Ген. Шт. Самойловъ. 115
42. Пожарище 119
43. Пор. Виноградовъ 120
44. Подполк. Ген. Шт. Илинскій. 123
45. Наши матросы 125
46. Предмѣстье Тяньцзина . . . 127
47. Д-ръ Лэпассъ 131
48. Полк. Ширинскій 133
49. Инженеръ-мех. Щанкинъ . . 137
50. Тяньцзинскій вокзалъ . . . 139
51. Сестра Люси Пюи-Мутрэйль. 143
52. Сотн. Григорьевъ 146
53. Убитый боксеръ 148
54. Кладбище 152
55. Въ переулкѣ 154
56. Французскіе офицеры . . . 155
57. Д-ръ Уйонъ 158
58. Ст. врачъ Зароастровъ . . . 162
59. Домъ, зажженный китайской гранатой 166
60. Китайское орудіе 169
61. Фортъ Таку, взятый русскими. 170
62. Офицеры „Гиляка“ 174
63. Лейт. Сарычевъ 175
64. Лейт. Бураковъ 176
65. „Кореецъ“ 177
66. Лейт. Леденевъ 179
67. Кап. 1 р. Сильманъ 180
68. Лейт. Тундерманъ 181
69. Кап 2 р. Добровольскій . . 182
70. Пор. Станкевичъ 184
71. Лейт. Веселаго 185
72. Китайскій миноносецъ . . . 185
73. Ген. Стессель 187
74. Перевозка десанта 190
75. „Наваринъ“ 191
76. Городъ Янцунь 194
77. Кап. 2 р. Чагинъ, мичмана: Зельгеймъ, Кекли, Пелль и Заботкинъ 195

		стр.
78.	Желѣзнодор. мостъ черезъ Пэйхо	198
79.	Д-ръ Островскій	203
80.	Кап. Полторанкій	207
81.	Франко русскіе врачи и монахини	212
82.	Католическіе миссіонеры	215
83.	Д-ръ Куковѣровъ	217
84.	Сестра Ивченко	219
85.	Японцы несутъ раненаго товарища	220
86.	Раненые американцы и японцы	221
87.	Наши друзья французы	222
88.	Тиньцзинь	227
89.	Д-ръ Віолинъ	231
90.	Перевозка раненыхъ по Пэйхо	232
91.	Мичм. Главенаръ	234
92.	„Домой“ на родину	235
93.	Развалины Тиньцзина	243
94.	И. Я. Коростовецъ	247
95.	И. Г. Тидеманъ	248
96.	По пути въ арсеналъ	251
97.	Китайскій арсеналъ	253
98.	„Бэда Томъ“	257
99.	Китайскіе солдаты	258
100.	Китайскій генералъ и его свита	261
101.	Китайскіе солдаты на стрѣльбѣ	265
102.	Уэнтскій китайскій солдатъ	267
103.	Наши стрѣлки въ засадѣ	273
104.	Бат-Сайровъ	274
105.	Ген. Стессель	275
106.	Перестрѣлка на китайскихъ [illegible]	277
107.	[illegible]	279
108.	[illegible]	281
109.	[illegible]	282
110.	[illegible]	284
111.	[illegible]	287
112.	[illegible]	289
113.	[illegible]	291
114.	[illegible]	294
115.	[illegible]	301
116.	[illegible]	305
117.	[illegible]	307
118.	[illegible]	309
119.	[illegible]	312
120.	[illegible]	313
121.	[illegible]	314
122.	[illegible]	315
123.	[illegible]	316
124.	Поѣздъ съ французами	314
125.	Въ Тонку	315
126.	Русскій госпиталь въ Тонку	316
127.	Д-ръ Куковѣровъ дѣлаетъ операцію китайцу	318
128.	Сестра гр. Капнистъ	320
129.	Сестра Образцова	321
130.	Пэйхо	322
131.	Полк. Модль, адм. Веселаго, лейт. Балкашинъ	323
132.	Вице-адм. Гильтебрандтъ	324
133.	Редакторъ „Новаго Края“ подполк. Артемьевъ, его книжный магазинъ и типографія въ Портъ-Артурѣ	326
134.	Англійскій кореспонд. Лэндоръ	327
135.	Американскій кореспондентъ	328
136.	Англійскій корреспондентъ въ походѣ	330
137.	„Владиміръ Мономахъ“	334

II. Пекинъ

		стр.
138.	Дворецъ Богдыхана	335
139.	Ворота Алаго Запретнаго Города въ Пекинѣ	337
140	Мраморныя ворота въ храмѣ Неба	338
141	Мраморный помостъ въ храмѣ Неба	341
142	Китайскія дѣти-художники и [illegible]	342
143	[illegible]	343
144	[illegible]	345
145	[illegible]	347
146	[illegible]	349
147	[illegible]	351
148	[illegible]	355
[illegible]	[illegible]	357
[illegible]	[illegible]	359
[illegible]	[illegible]	360
[illegible]	[illegible]	361
[illegible]	[illegible]	362
[illegible]	[illegible]	366
[illegible]	[illegible]	367
[illegible]	[illegible]	369
[illegible]	[illegible]	371
[illegible]	[illegible]	372
[illegible]	[illegible]	373
[illegible]	[illegible]	374
[illegible]	[illegible]	375
[illegible]	[illegible]	377
[illegible]	[illegible]	381
[illegible]	[illegible]	382
[illegible]	[illegible]	385

	стр.
Наши стрѣлки на привалѣ.	386
Войск. ст. Маковкинъ.	387
Японцы переходятъ Пэйхо.	388
Русскіе и японцы въ походѣ.	390
Бенгальскіе уланы.	393
Русскіе и англичане у колодца	394
Японскій обозъ.	396
Японцы въ Матоу.	397
Русскіе артилеристы и китайскіе пулеметы.	398
Японская кавалерія въ Чжанцзяванѣ.	399
Въ китайской деревнѣ.	401
Японскіе обозы въ Тунчжоу.	402
Мандаринская дорога.	406
Японская батарея въ походѣ.	407
Кап. Ген. Шт. Карликовъ.	409
Стѣны Пекина.	410
Шт. кап. Петровъ	412
Полк. Модль.	413
Кап. Ярославъ Горскій.	414
Ген. Василевскій.	415
Пор. Ивановъ.	418
Фельдфебель Якименко.	421
Стѣна Пекина.	422
Русскіе передъ Пекиномъ.	423
Полк. Антюковъ.	424
Норвежецъ Мунте.	428
Ген. Ямагучи.	429
Японцы бомбардируютъ Пекинъ.	430
Японцы обстрѣливаютъ ворота Пекина.	431
Русскіе на стѣнѣ Пекина.	432
Полк. Мейстеръ.	435
Пекинъ. Видъ съ городской стѣны.	436
Защитники французскаго монастыря Бэйтанъ.	440
Епископъ Фавье.	441
Въ воротахъ Пекина.	443
Посольская улица.	444
Яшмовый каналъ и лазейка англичанъ.	445
Въ Русской миссіи въ Пекинѣ.	446
Лейт. баронъ Раденъ.	447
Полк. Шиба.	448
Ген. Линевичъ и посланникъ Гирсъ.	450
Улица въ Пекинѣ послѣ осады.	452
Ворота на берегу „Всесвѣтлаго озера“.	453
Красный дворецъ.	456
Четырехъярусная башня.	457
Наши офицеры у Краснаго дворца.	458
Кумирня въ башнѣ.	460
Бесѣдка на берегу Всесвѣтлаго озера.	462
214. Русскіе у воротъ Запретнаго города.	464
215. Союзныя войска привѣтствуютъ ген. Линевича.	465
216. Крыльцо, ведущее къ дворцамъ Богдыхана.	466
217. Китайскіе придворные	467
218. Тронъ Богдыхана.	468
219. 2000-лѣтнее дерево.	469
220. Башня Будды.	472
221. Русскіе офицеры на дворцовой аллеѣ.	474
222. На улицѣ Пекина.	478
223. Наши артилеристы.	479
224. Подполк. Тохаталовъ.	481
225. Ген. Церпицкій.	482
226. Подп. Тохаталовъ и крѣпостная артилерія.	483
227. Пор. Поповъ.	485
228. Подп. Ген. Шт. Флугъ.	486
229. Полк. Ген. Шт. Агапѣевъ.	487
230. Въ Пекинѣ. Угроза Англіи Китаю.	494
231. Дворецъ Хайфангунсо въ Тяньцзинѣ	495
232. Охрана Ли Хунъ Чжана.	496
233. Германцы въ Тяньцзинѣ.	499
234. Пекинскія ворота, пробитыя русскими гранатами.	504

III. Мукденъ

235. Передъ стѣнами Мукдена	505
236. Наша дорога въ Южн. Маньчжуріи	507
237. Постройка желѣзнод. моста	510
238. Русскіе заняли Инкоу	511
239. Генералъ Флейшеръ	512
240. Лейт. Пленъ и морской десантъ въ Инкоу	514
241. Русская колонія въ Инкоу. На палубѣ „Бобра“	515
242. Градоначальникъ гор. Инкоу А. Н. Островерховъ	516
243. Комендантъ порта Инкоу кап. II р. Клапье-де-Колонгъ	521
244. Городской судья кап. Дабовскій	523
245. Изслѣдователь р. Ляохэ лейт. Козляниновъ	524
246. Русскій десантъ занимаетъ Шанхайгуань	525
247. Вице-адм. Скрыдловъ	529
248. Вице-адм. Алексѣевъ на форту въ Шанхайгуанѣ	531
249. Окрестности Портъ-Артура	532
250. Желтое море у береговъ Квантуна	536
251. Въ походъ на Мукденъ	537
252. Горы Аньшань	541

. . . . 562 288. [illegible] 584
[illegible] Ial- 289. [illegible] 585
. . . 565 290. [illegible] 586
[illegible] 291. Русск[illegible] 588
. 569 292. Дворец[illegible]
в Мукден[illegible] 589
293. Мукден[illegible]
Ци . . . .
294. Ротмистр[illegible] 592
295 Кап. кн. [illegible]
перы . . . 593
296. Н. Я. [illegible]
Мянь, Жуй [illegible]
манъ, Цзян[illegible]
Вавиловъ . . .
297 Русско-кит[illegible]
чжуанѣ . . . . . .
298 Китайскій офицер[illegible]
корреспондентъ
299 Казакъ на пост[illegible]

[illegible] текста

[illegible] Шанхайгуанѣ

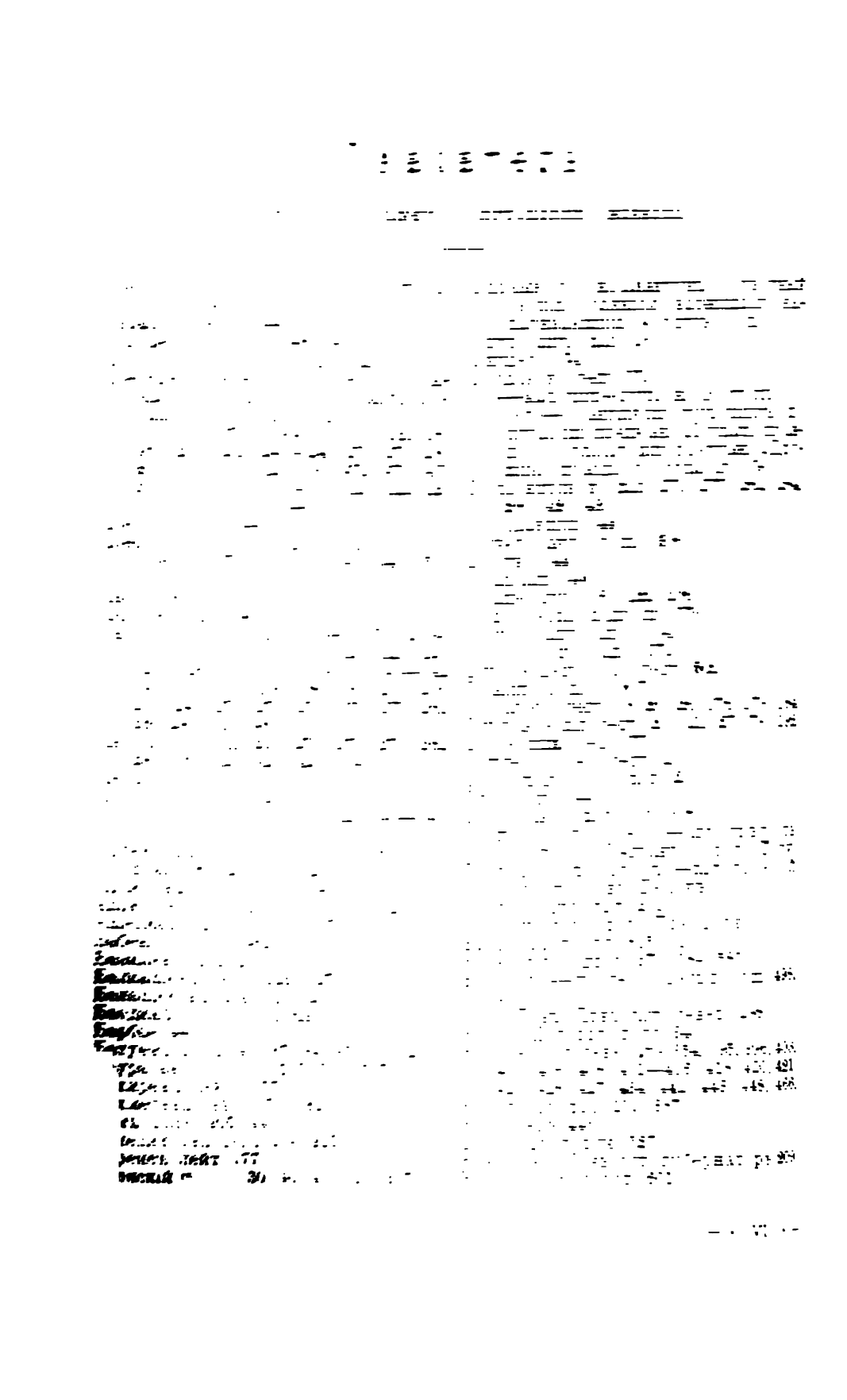
. . Штурмъ фортовъ Таку

[illegible] при Бэйцанѣ.

Рисунки во всю страницу

1. Войска Бѣлаго Царя въ столицѣ Богдыхана. Фот. д-ра Падлевскаго.
2. Главный Начальникъ Квант. области Генер.-Адъютантъ Вице-Адм. Е. И. Алексѣевъ. Фот. В. С. Мацкевича.
3. Портъ-Артуръ и Золотая гора. Фот. поруч. Люпова 8
4. Офицеры 12-го В. С. С. полка. Фот. В. С. Мацкевича . . . 161
5. Послѣ взятія фортовъ Таку: „Гилякъ", „Ліонъ", „Кореецъ" . 183
6. Улица передъ франко-рус. госпитал. Фот. д-ра Падлевскаго . 218
7. Франко-русскіе врачи, монахи, сестры, фельдшера и раненые солдаты. Фот. д-ра Падлевскаго 225
8. Адмиралъ Алексѣевъ и его штабъ. Фот. В. С. Мацкевича . . 239
9. Китаецъ, спасающій свою мать. Фот. С. Лэндора 245
10. Офицеры 9-го В. С. С. полка 269
11. Офицеры 10-го В. С. С. полка 285
12. Завоеванный Тяньцзинъ. Фот. д-ра Падлевскаго 297
13. Во время затишья. Фот. д-ра Падлевскаго 331
14. Пекинъ. Фот. С. Лэндора 339
15. Начальникъ Печилійскаго отряда Ген.-Лейт. Н. П. Линевичъ 353
16. Японцы штурмуютъ китайскій лагерь. Фот. С. Лэндора . . . 365
17. Русскіе стрѣлки въ походѣ на Пекинъ. Его же 389
18. Русская батарея въ походѣ на Пекинъ. Его же 391
19. Ворота Пекина. Его же 417
20 и 21. Георгіевскіе кавалеры 7-й роты 10-го В. С. С. полка . . 419
22. Стѣна Пекина, захваченная русскими. 425
23. На стѣнѣ Пекина, захваченной русскими. Фот. С. Лэндора . 427
24. Японцы. По японской илюстраціи 433
25. Русскіе подъ стѣнами Пекина. Фот. д-ра Падлевскаго 437
26. Пекинъ въ 1900 г. Фот. С. Лэндора 449
27. Ваньшоушань. „Гора десяти тысячъ вѣковъ". Его же 454
28. Ваньшоушань. Дворъ передъ Краснымъ дворцомъ. Его же . 455
29. Ваньшоушань. Тронъ Императрицы въ Красн. дворцѣ. Его же 459
30. Торжественное шествіе союзниковъ. Фот. д-ра Падлевскаго . 471
31. Русскій лагерь въ Пекинѣ. Фот. С. Лэндора 473
32. Озеро Лотосовъ Богдыхана. Фот. д-ра Падлевскаго 476
33. Открытіе русскаго госпиталя въ Пекинѣ. Его же 477
34. Ли Хунъ Чжанъ. По китайской фотографіи 491
35. Генералъ-Адъютантъ Графъ Н. П. Игнатьевъ 503
36. Инкоу и рѣка Ляохэ. По китайской фотографіи 519
37. Начальникъ Южно-Маньчжурскаго отряда Генералъ-Лейт. Д. И. Суботичъ. Фот. В. С. Мацкевича 532
38. Рота 1-го Его Императорскаго Величества Вост.-Сиб. Стрѣлк. полка. По китайской фотографіи 539
39. Русскіе въ Мукденѣ. Фот. поруч. Доржанскаго 561
40. Строители Южнаго Отдѣленія Маньчж. жел. дор. По китайской фотографіи 563
41. Въ Южной Маньчжуріи. Фот. В. С. Мацкевича 567
42. Ген. Мищенко, шт.-кап. Страховъ и Кубанская сотня Охранной стражи. По китайской фотографіи 571
43. Постройка моста черезъ рѣку Шахэ. Фот. В. С. Мацкевича 583
44. Ген. Суботичъ у трона Богдыхана. Фот. пор. Доржанскаго . 597

8 ФОТОТИПІЙ: 7 рисунковъ художника **І. І. Смукровича** и 1 фототипія по японской фотографіи **„Войска Бѣлаго Царя въ рощахъ Богдыхана".**



Вильфартъ 446.
Виноградовъ поруч. 95, 120, 167.
Винтеръ кап. 434.
Віолинъ д-ръ 231.
Вэйхайвэй англ. крѣпость въ Китаѣ.
Вейль кап. 270, 277, 286.
Верховскій инж 532, 584, 585, 586, 592, 593.
Веселаго конт.-адм. мл. флагм. 2, 7, 16, 25, 82, 177, 185, 323, 324, 325, 525, 526, 527.
Вествотеръ англ. д-ръ 548, 551, 556.
Вогакъ генер. 16, 29, 30, 31, 37, 41, 70, 72, 78, 82, 83, 87, 91, 92, 94, 115, 146, 151, 159, 236, 308, 317.
Вонсовичъ поруч. 290.
Вотсъ англ. 142.
Воздвиженскій поруч. 110, 117, 189.
Волковъ генер. 530.
Вороновъ полк. 35, 41, 82, 260, 261, 308.
Воронова Е. А. 215.
Вордъ амер. 489.
Врублевскій шт. кап. 442.
Вырубовъ мичм. 270.
Высоцкій подполк. 379.
Вэнь Чань Ди Цзюнь божество ученыхъ 400.
Габріела сестра милос. франц. 132, 164.
Гаитеновъ подполк. 548.
Гайчжоу гор. въ Южн. Маньчжуріи.
Гамбурцевъ подполк. 588.
Ганъ И кит. министръ 170, 342.
Гаолянъ кит. просо.
Ганьсускій корпусъ, расположенный въ провинціи Ганьсу.
Гаоченъ деревня около Тяньцзина.
Гембицкій кап. 117, 135, 189.
Гельтебрандтъ вице-адм. начальн. Тихоок. эск. 2, 171, 204, 324, 527.
Гирсъ юнкеръ флота 403, 414.
Гирсъ М. Н. посланникъ 446, 450, 465, 472, 477.
Гиршманъ инж. начальн. Южн. Отдѣл. Маньчж. дор. 567, 568, 589, 590.
Глазенапъ мичм. 26, 27, 83, 130, 228, 229, 233, 234.
Глинскій полк. 308.
Глобычевъ поруч. 140.
Горбачевскій поруч. 312, 315.
Говэньбао кит. газета 55.
Головъ подполк. 548.
Гомбоевъ 446.
Горскій Ярославъ кап. 232, 333, 370, 385, 412, 413, 414, 416, 420, 434, 443, 448.
Голубицкій-Корсакъ подполк. 280, 281.
Гордонъ англ. 489.
Горошковъ кап. 278, 386.
Грантъ англ. 395.
Григоренко подполк. 480.
Григорьевъ сотн. 109, 112, 113, 116, 122, 145, 146, 153, 270, 286, 378, 412, 495, 496.
Гродековъ генер. Приам. генер. губ. 534.
Громбчевскій полков. гражд. комис. Квант. обл. 617.
Громовъ кап. 233.
Гроссе консулъ 51, 53.
Гросманъ поруч. 315.
Грузинскій шт.-кап. 616.
Грузинъ поруч. 312.
Гу кит. генер. 46, 47, 50.
Гуань-лао-ѣ божество войны 98.
Гуанъ Сюй „Вѣчное Сіяніе“ названіе правленія нынѣ царствующаго императора въ Китаѣ 492.
Гусевъ подпор. 235.
Гурьевъ фельдф. 178.
Гулихъ герм. кап. 171.
Гэзли англ. ген. 445, 446.
Дабовскій кап. 523.
Дагушань горы въ Сѣв. и Южн. Маньчжуріи.
Да Жень „Великій господинъ“ кит. генеральскій титулъ.
Дальній новый портъ и городъ, строющійся на Квантунѣ.
Даосы монахи Даоской вѣры, послѣдователи Лаоцзы.
Даотай кит. генеральскій чинъ.
Дедоневъ лейт. 26, 178, 179.
Денчукъ артил. 206.
Дессино полк. 31, 345.
Дессино подполк. 600.
Де Виттъ подполк. 550, 552.
Денъ мичм. 7, 83, 432, 447.
Денисовъ эсаулъ 559, 570.
Депассъ франц. д-ръ 130, 131, 145, 214.
Диденко техн. 581, 582.
Джинрикша или рикша, перевозящій въ тележкѣ, на Востокѣ 32.
Джонсонъ англ 171.
Дмитренко войск. ст. 599.
Дмитріевъ казакъ 142, 168.
Домбровскій генер. 509, 560, 561, 600.
Дональдсонъ англ. мичм. 139.
Дорвардъ англ. генер. 292, 306.
Добровольскій кап. 1 р. 172, 186.
Доможировъ контръ-адм. 484, 527.
Дубасовъ вице-адм. 255, 595.
Духновскій д-ръ 217.
Дуань Ванъ-ѣ, князь Дуань, назыв. обыкновенно принцъ Туанъ, дядя кит. императора, 48, 49, 131, 170, 262, 263, 342, 346, 349, 498.
Дунъ Фу Сянъ кит. генералъ 65, 99, 146, 256, 263, 342, 343, 349, 351, 421, 448.
Дэкавильская жел. дор., переносная.
Дэмби амер. 308.

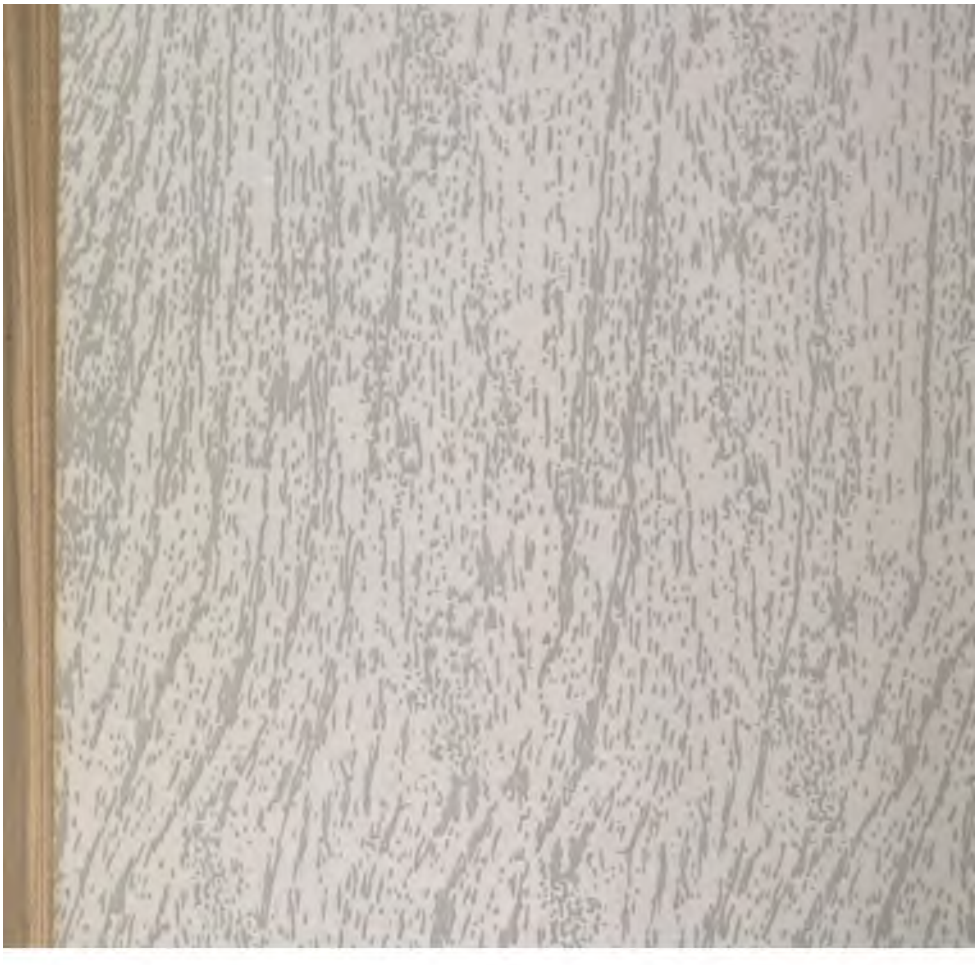
Давись амер. кап. 293.
Дюверну а подпоск. 290.
Дюшейляръ фран. консулъ въ Тяньцзинѣ 87. 70. 83. 87. 212. 237
Евреиновъ 446
Елецъ р[illegible]м. 606. 607. 612
Е[illegible]тинъ кап. 481. 484
Емельяновъ [illegible] 619.
Еремина сестра милос. 551
Жанъ Батистъ франц. 178
Жуй Ань кит. переводч. 614. 615.
Жунъ Лу, называемый также Чжунъ Лу или [illegible] кит. главнокомандующій въ Чжили 65.211.342.343.421.
Ж[illegible] франц. кап. 237. 246.
За[illegible] лейт. 79. 192. [illegible]
[illegible] 145. 162. 123. 214. 487
[illegible]
[illegible] 73. 192. 198.
[illegible] 141. 151.
[illegible] 178
Золотая [illegible] кит. Хуанцзиньшань въ Портъ-Артурѣ.
[illegible] 178
Зубаревъ [illegible] 253
[illegible]
[illegible] 418. 421. 424. 48[illegible] 487
[illegible]
[illegible]
Келлеръ генер. 310. 362. 363. 446.
Кетельсъ бельг. конс. 30.
Кеттелеръ герм. посланн. въ Пекинѣ 338.
Кехли мичм. 79. 192. 202. 317.
Кипарисовъ инж. 567. 568.
[illegible] герм. кап. 1 р. 325.
[illegible] де [illegible] кап. 2 р. 508. 509. 521.
[illegible] лейт. 271.
[illegible] мичм. 79. 192.
[illegible] 91
[illegible] лейт. 522. 523. 524.
[illegible] въ артил. 421
[illegible] драгом. въ Пекинѣ 446.
[illegible] 425.
[illegible] кап. 279. 280. 281. 2[illegible] 521.
[illegible] китаецъ-посредникъ между [illegible] и китайцами въ комер. [illegible]
[illegible] генер. 472. 603. 604. 605. 6[illegible]
[illegible]
[illegible] 339
[illegible] 282. 284
[illegible] 24[illegible]
[illegible]

Лаутерштейнъ 94.
Лебо франц. 320.
Левицкій 41.
Лемли амер. кап. 293.
Ленбомъ 552.
Леонардъ амер. лейт. 298.
Лещъ подполк. 548.
Ли Бинъ Хэнъ кит. генералъ 209, 342, 348, 351, 390.
Ли кит. генералъ, комендантъ крѣп. Бэйтанъ 256, 325, 479, 480, 483.
Ливачанъ кит. переводчикъ гражд. управл. въ Портъ-Артурѣ 610, 612.
Линевичъ генер. лейт. начальникъ Печилійскаго отр. 352—355, 369, 371, 374, 377—380, 384, 385, 392, 395, 398, 400—402, 406, 412, 418, 422—424, 426, 430, 432, 439, 448, 450, 463, 465, 466, 469, 470, 472, 474, 477, 509.
Лискэмъ амер. полк. 292, 293.
Лисевичъ 540.
Ли Лай Чунь кит. мятежникъ 209.
Ли Хунъ Чжанъ 211, 487, 489, 488, 490 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 618.
Ли Шанъ кит. министръ 343.
Ли Юань кит. министръ 343.
Ліу Ши Чженъ кит. 53.
Ліушунькоу „Гостепріимный портъ“— кит. названіе Портъ-Артура.
Ліуданьцзыръ (Лутайцзы) предводит. хунхузовъ въ Маньчжуріи 607.
Ліу Леонидъ Ивановичъ преподаватель рус. яз. въ Тяньцзинѣ 47, 52, 54, 57, 58, 496, 497.
Ліу Кунъ И—Нанкинскій вице-король 209.
Ловцовъ войск. старш. 105, 112, 113, 122, 145, 153, 233, 276.
Лонгъ амер. кап. 293.
Лосьевъ пор. 312.
Лотосовъ островъ въ Пекинѣ 263.
Лофа желѣзнодор. станція между Тяньцзиномъ и Пекиномъ.
Ло Юнъ Гуань кит. генер. комендантъ крѣп. Таку 171, 173, 184.
Лутай военный городокъ, на вост. отъ Тяньцзина.
Лу Цюань Линъ кит. губернаторъ 209.
Любомудровъ преподав. 41, 52, 53, 54.
Люповъ поруч. 482.
Люси Пюи-Мутрэйль франц. сестра милос. 143, 160, 162, 163, 215, 226, 228, 249, 250.
Лэй Яо Пинъ кит. 380, 381, 383.
Ляодунскій полуостровъ или Ляодунъ, въ Южной Маньчжуріи. Южная часть—Квантунъ—занята Россіей.
Ма Ю Куэнь или Ма, кит. генералъ 65, 255, 298, 380, 392.
Магода деревня около Бэйтана.
Мадэи герм. маіоръ 466.
Мадритовъ эсаулъ 603, 604. 607.
Макдональдъ англ. послан. въ Пекинѣ 62, 72, 350.
Макаровъ поруч. 110, 132, 135, 138. 153, 180.
Маллеръ подполк. 548, 549.
Малишевскій поруч. 540, 572.
Маковкинъ войск. ст. 374, 386, 387, 392.
Макъ Калла амер. кап. 201.
Мамоновъ сотн. 570.
Манза т. е. китаецъ: простонародное названіе китайцевъ, употребл. русскими рабочими въ Китаѣ.
Манаевъ полк. 527.
Маристы франц. монаш. орденъ 214.
Маркозовъ поруч. 477.
Массальскій кн. кап. 551, 552, 618.
Матоу городокъ возлѣ Пэйхо.
Мацзяпу деревня около Бэйцана.
Мачуговскій поруч. 280, 281.
Мейстеръ полк. 278, 280, 363, 386, 428, 430, 435.
Мейеръ амер. кап. 447.
Мельниковъ поруч. 496, 497.
Мешабенскій, кап. 125, 132. 135, 138.
Мидъ, амер. полк. 306.
Миклашевскій кап. 2 р. 21.
Минъ послѣдняя кит. династія. 1368—1644.
Мирный 446.
Михайловскій подпор. 91, 106, 108.
Мищенко генер. 508, 509, 542, 543, 545—549, 552, 555, 556, 559, 570, 571, 582, 585, 603.
Модль генер. 323, 325, 368, 376, 387, 412, 413, 424, 440, 538, 575.
Монье франц. мех. 120, 129, 141, 153.
Монтальмаръ, австр. кап. 171.
Монтобанъ франц. генер. 395.
Моріока япон. полк. 392.
Мунте норвеж. переводчикъ 428.
Муравскій, кап. 190, 206.
Нагаминэ, япон. кап. 1 р. 171.
Наньсаньшилипу желѣзнод. станція около Портъ-Артура.
Науменко, стрѣл. 150.
Нечволодовъ, кап. 29, 40, 41, 70, 481.
Нищенковъ, генер. 547, 548, 552, 561.
Норманъ, англ. мисс. 63.
Ньючжуанъ, назыв. обыкнов. „Старымъ“ гор. около Инкоу. Смотр. Инкоу.
Нѣ Ши Ченъ или Нѣ—кит. генералъ, начальн. кит. кавалеріи 35, 39, 67, 71, 141, 153, 195, 238, 255, 256, 259, 260, 263, 264, 266, 267, 298, 340.
Образцова, сестра милос. 321.
Озмидовъ, шт. кап. 315.
Оливье, франц. 74.

Орловъ, поруч. 132, 134.
Орловъ, кап. 550.
Орловскій, д-ръ 145, 214.
Осиповъ, 446.
Островскій, д-ръ 79, 192, 203, 201.
Островерховъ, градонач. въ Инкоу и консулъ 508, 509, 516, 518, 520.
Оссанъ, бельг. 36.
Отрикъ, фран. д-ръ 214.
Павловъ, посланникъ въ Сеулѣ 4, 589.
Падалка, унт. оф. 581, 582, 584, 585.
Падлевскій, д-ръ 214, 225, 249, 277.
Панфиловичъ, инжен. 567, 573.
Пекарскій, лейт. 286.
Пеллако, франц. полк. 212, 292, 306.
Пелль, мичм. 79, 192, 201.
Пельгорскій подпор. 607.
Пересвѣтъ-Солтанъ, шт. кап. 521.
Петръ Ивановичъ, кит. переводчикъ 589, 590.
Петропавловскій, сотн. 586.
Петерсонъ, д-ръ 428.
Петровъ, шт. кап. 280, 412, 416, 420, 421.
Пивоваровъ, свящ. 560.
Пилипенко, унт. оф. 585.
Пироговъ, поруч. 379.
Пиковъ, корн. 424.
Пишонъ, фран. послан. въ Пекинѣ 61.
Пискуновъ, 116.
Пишко, поруч. 286.
Пуновскій поруч. 420, 434, 448
Платуновъ 41.
Пламенецъ черног. 549, 554
Пл[illegible] 513, 515.
Плужниковъ [illegible] 177
Плужниковъ артил. 548
По[illegible] 312
Поздѣевъ 446
[illegible]
Разумовскій кап. 523.
Райти англ. лейт. 139.
Раменскій казакъ 332.
Рацулъ кап. 475.
Ренненкампфъ мичм. 179.
Ренненкампфъ генер. 603.
Ржевуцкій кап. 584.
Рикша см. джинрикша.
Робертъ Гартъ англ. директоръ кит. таможенъ 349, 515, 517.
Робинсонъ англ. мисс. 63.
Родіоновъ лейт. 364, 387.
Россовъ шт.-кап. 596, 605, 606.
Родкевичъ сотн. 495.
Русановъ д-ръ 180.
Рѣдкинъ лейт. 185.
Сабаши см. Старцевъ 382.
Сабуро франц. 91, 151.
Садовниковъ 41, 94, 123.
Самойловъ подпол. 83, 116, 123, 236, 387.
Сарычевъ лейт. 177.
Санниковъ кап. 233, 270, 274.
Савицкій полк. 188, 206, 271.
Сахаровъ главн. инженеръ Дальняго 565.
Свѣчниковъ д-ръ 177.
Сеймуръ англ. адм. 13, 77, 78, 79, 92, 95, 116, 154, 170, 172, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 199, 202, 204, 237, 238, 241, 428.
Семеновъ сотн. 40, 41, 70, 76, 109, 112, 113, 122, 145, 146, 147, 148, 153, 495.
Сенкъ-[illegible]скій пор. 132, 135
Сеттльментъ или концессія, земля, уступленная для иностр. колоніи
[illegible]

таркъ конт.-адм., нынѣ начальн. Тихоок. эск. 2.
тессель генер. начальн. 8 В. С. С. бриг. 2, 187, 188, 205, 208, 217, 237, 240, 270, 271, 272, 274, 275, 276, 282, 283, 286, 306, 312, 314, 381, 354, 362, 363, 388, 395, 429. 430, 432, 466.
травинскій поруч. 521, 522.
траховъ шт. кап. 544, 570, 571, 572, 573, 579, 582.
уботичъ Олимпія Ивановна 596.
уботичъ генер.-лейт. Пріамурскій генералъ-губернат., начальникъ Юж. Маньчж. отр. 8, 49, 533, 534, 537, 538, 540, 545, 546, 550, 552, 555, 557, 560, 561. 564, 576, 578, 588, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 606, 612.
уй Чао Шэнъ кит. 601.
унъ Цинъ кит. генер., сдавшій Портъ-Артуръ Россіи 65, 238, 255, 256, 298, 351, 380.
унъ Шоу кит. губерн. 209.
ушкевичъ поруч. 120, 138.
ычуговъ подпор. 403.
ычуанскій корпусъ располож. въ провинціи Сычуань 65.
эвэджъ Лэндоръ англ. кореспондентъ 327, 340, 367.
эрвель франц. д-ръ 145, 214.
ядянь деревня около Тяньцзина.
ой Цзинъ Чэнъ кит. послан. въ Петербургѣ 343.
эньеченъ (непр. назыв. Синъюченъ) гор. въ Южн. Маньчжуріи.
йпины поднявшіе возстаніе въ Китаѣ въ 1850 году для сверженія Маньчж. династіи.
айфунъ по кит. сильный вѣтеръ-ураганъ, свирѣпствующій у береговъ Китая и Японіи.
анабе япон. конс. 512.
анка итал. лейт. 172.
аліенванъ правильнѣе Даляньвань, кит. городокъ на Квантунѣ, нынѣ принадлеж. Россіи.
елинъ гор. и желѣзнодор. станція въ Южн. Маньчжуріи.
ерещенко д-ръ 477.
игровый хвостъ полуостровъ—коса въ Портъ-Артурѣ.
идеманъ консулъ въ Чифу 248, 614, 615.
итовъ лейт. 176, 177.
ифонтай кит. купецъ въ П.-Артурѣ 4.
онку—городокъ и желѣзнод. станція у устья Пэйхо.
охатэловъ подпол. 481, 482.
уань по кит. дружина, общество.
уанъ см. Дуань-ванъ-ѣ.
ундерманъ лейт. 179.
Тунчжоу гор. около Пекина.
Тупицынъ подпор. 484.
Туровъ кап. 256.
Тѣнъ—по кит. небо.
Уардъ амер. посл. 500.
Уэдомъ герм. кап. 306.
Уйонъ франц. д-ръ 145, 157, 214.
Улановскій матр. 178.
Ухтомскій кн. Э. Э. 51.
Фавье франц. еписк. 61, 440, 441, 442.
Фанза по кит. домъ.
Фанъ кит. купецъ 4.
Феоктистовъ подпор. 414, 415, 434.
Филичкинъ шт.-кап. 310.
Флейшеръ генер. 509, 512, 513, 540, 542, 544, 545, 555, 557, 560, 561.
Флугъ полк. 242, 483, 486.
Фонъ кит. купецъ и компрадоръ Рус. Кит. банка въ Портъ-Артурѣ 4.
Франціусъ д-ръ 551.
Францкевичъ шт.-кап. 105, 106, 107, 138, 152.
Фридрихъ герм. лейт. 189.
Фрэй франц. генер. 440, 466.
Фудутунъ кит. начальникъ округа воен. и гражд.
Фукушима япон. генер. 237, 241, 292, 293, 306, 307, 367, 372, 397, 407, 433. 466.
Фуксъ мичм. 177
Футай по кит. губернаторъ.
Фынтай желѣзнодор. станц. около Пекина.
Хаимэ принцъ Бурбонскій 481.
Хайфангунсо импер. дворецъ въ Тяньцзинѣ.
Ханъ кит. генералъ 256.
Хао кит. генер. 384.
Хаттори япон. кап. 172, 181.
Хелковскій поруч. 315.
Хитрово 446.
Хо кит. инж. мех. въ П-Артурѣ 4.
Хо Шень—духъ Огня.
Ху Дѣнь Цзя кит. генер. 298, 340.
Хуанъ Шанъ титулъ китайскаго императора 100, 263.
Хубилай кит. императоръ 409, 436.
Хэсиву, городокъ около Тунчжоу.
Церпицкій генер. 480, 481, 484, 486, 487, 496, 497, 527, 528, 529, 530, 607.
Цюй Юнь И кит. министръ 342, 343.
Цянь Лунъ кит. императоръ 1736—1796 г. 409.
Цзинъ Чанъ фудутунъ 541, 542, 553.
Цзюньлянченъ желѣзнодор. станція между Тонку и Тяньцзиномъ.
Цзунлиямынь—китайск. министерство иностр. дѣлъ, упразд. въ 1901 г.
Цзы Си—„Милостивая—счастливая"—наименованіе кит. императр. 490.

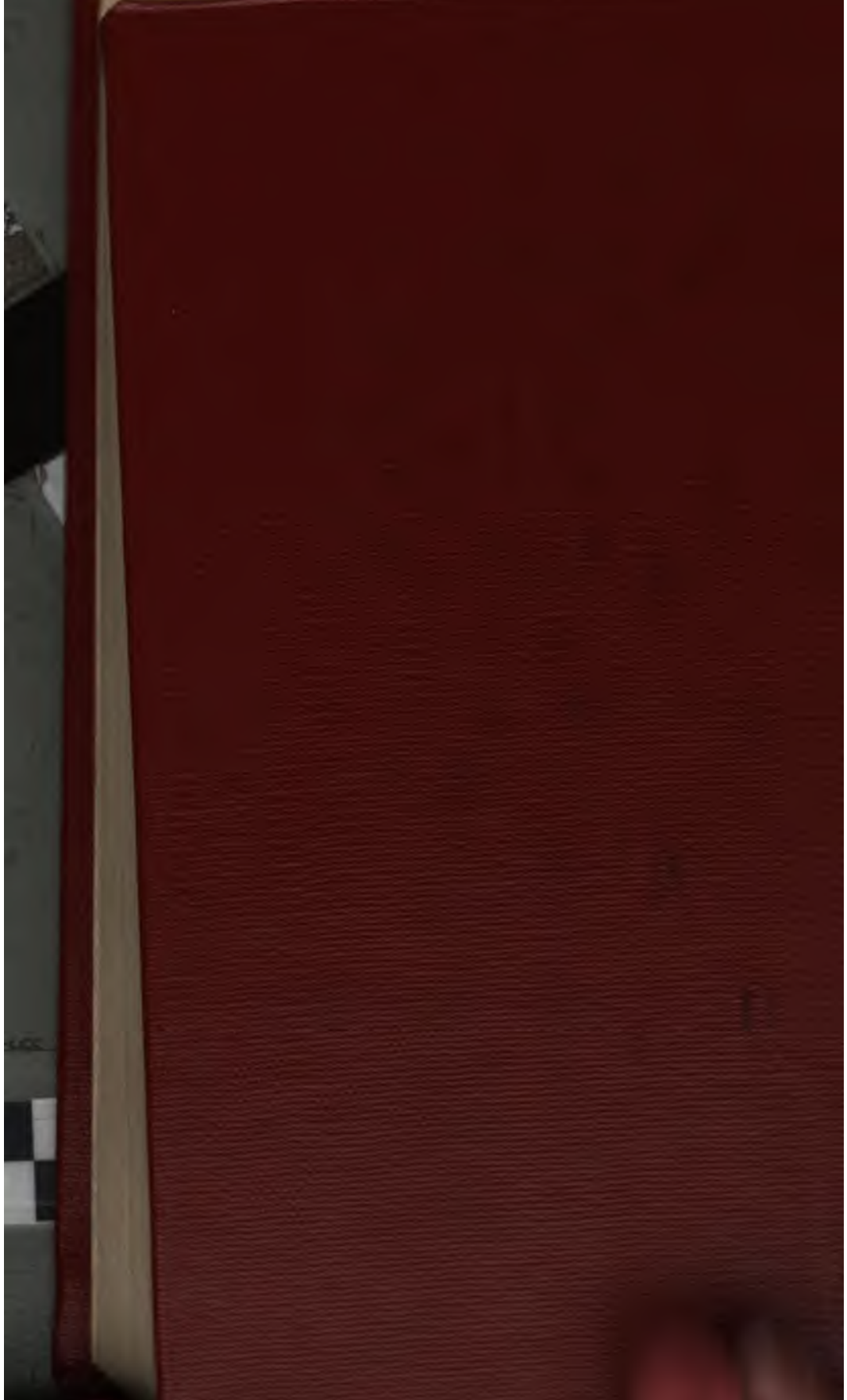
Синьминтинъ
Мукденъ
Ляохэ
Хунхэ
Ляоянъ
Хайченъ
Инкоу
Сюнъеченъ
Сюянь
Ляодунскій заливъ
Ляодунъ
Россіи
Граница
Дальній
Портъ-Артуръ
Лаотешань-мая
Пекинъ
Тяньцзинъ
Баодинфу
Чжили
Пейхо
Великая стѣна
Луанхэ
Далинхэ
Цзиньчжоуфу
Гоубаньцзы
Ванъшоушань
Мостъ
Тунчжоу
Чжанцзяванъ
Матоу
Хэсиву
Фынтай
Ланфанъ
Лофа
Нанцайцунъ
Янцунъ
Тяньшанъ
Кайпинъ
Гуе
Лутай
Бэйцанъ
Тонку
Пэйхо
Тангу
Ханькоусская ж.д. (строющ.)
Императ. кан.
Цзюньлянченъ
Чжилійскій заливъ
1900–1902 г.г.
1900 г.
Ханьчжоуфу
Шахэ
Аньшаньчжанъ
Ньючжуанъ
Ташичао
Гайчжоу
Фынхуанченъ
Ванъцзяпинъ
Вафангоу
Вафандянъ
Квантунъ
Дальній
Порть-Артуръ
Ходы русскихъ въ 1900–1902 г.
Влад. Россіи съ 1898 г.
Мѣста, занятыя Россіей съ 1900 г.
Города подчеркнутые красн. чертой заняты Россіей въ 1900 г.



DS 772 .I2 C.1
U sten nedvizhnago Kitaia
Stanford University Libraries
3 6105 036 067 739

DS
772
I2

DATE DUE

JUN 1985

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305